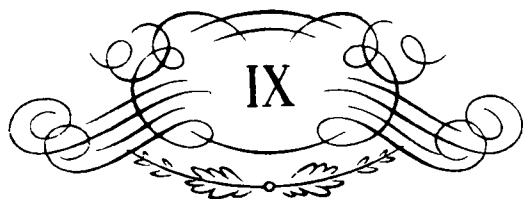

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

З В Е Н Ь Я

С Б О Р Н И К И
МАТЕРИАЛОВ *и* ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА
и
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
XIV - XX вв.

ПРОВЕРЕНО
1954 г.

З В Е Н Ъ Я

Г. Р. ДЕРЖАВИН

К. Ф. РЫДЕЕВ * А. С. ПУШКИН

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ * Е. А. БОРАТЫНСКИЙ

И. И. КОЗЛОВ * А. И. ГЕРЦЕН * Г. И. УСПЕНСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ * В. М. ГАРШИН

Библиотека
Педуниверситета
г. Новосибирск

БИБЛИОТЕКА
ПЕДИНСТИТУТА
г. Новосибирск

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ц/ф

МОСКВА

1 9 5 1

Составитель

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*А. Н. ДУБОВИКОВ, И. Т. КЛАБУНОВСКИЙ, А. П. КОВАЛЕВ,
Б. П. КОЗЬМИН, И. В. СЕРГИЕВСКИЙ, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ.*

Дневник Долгорукова

Публикация и примечания М. А. Цявловского.

Вступительная статья М. и Т. Цявловских¹.

Несколько лет назад во дворе техникума, помещавшегося в старом помещичьем доме около города Мичуринска, совершенно случайно была обнаружена старинная тетрадь, исписанная каллиграфическим почерком. На первом листе красовалось витиеватое заглавие: «35-ый год моей жизни, или два дни вёдра на 363 ненастья». Ниже шли две старательно выскобленные строчки, на которых когда-то были написаны имя, отчество и фамилия владельца тетради. Под ними стояла дата: «Кишинев 1822 года».

Рукопись оказалась дневником неизвестного. В тексте дневника неоднократно упоминался Пушкин.

Тетрадь была вручена учительнице русского языка. Спустя шесть лет, приехав в Москву на курсы усовершенствования учителей, она показала дневник пушкинисту М. А. Цявловскому, который удостоверил, что этот дневник не известен в печати и имеет первостепенное значение в деле изучения Пушкина. Дневник был приобретен Государственным Литературным музеем. (Ныне этот дневник хранится вместе с автографами Пушкина в архиве Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР в Ленинграде). М. А. Цявловскому удалось установить, что автором его является князь Павел Иванович Долгоруков, сослуживец

---

¹ Предисловие к дневнику Долгорукова было последней работой, которую обдумывал покойный Мстислав Александрович Цявловский.

Для настоящей статьи широко использована стенограмма доклада М. А. Цявловского 11 декабря 1936 г. в Пушкинской комиссии Академии наук в Москве. — Т. Ц.

Пушкина по Кишиневу¹. Он был старшим сыном довольно известного в свое время поэта конца XVIII — начала XIX в. кн. Ив. Мих. Долгорукова² и братом товарища Пушкина по вольному обществу «Зеленая лампа», небольшого поэта, автора двух сборников стихотворений, кн. Дм. Ив. Долгорукова.

В Кишиневе Павел Иванович провел год — с августа 1821 года по август 1822 года, часто встречаясь с Пушкиным и делая (с 1 января 1822 г.) почти ежедневные записи в дневнике.

Имеющиеся в печати сведения о кн. П. И. Долгорукове очень скудны. Павел Иванович родился 21 ноября 1787 г.³ Зачисленный при рождении в лейб-гвардии Конный полк, он, как полагалось в то время, ребенком получал чины⁴; восьми лет, в марте 1796 г., он был отправлен родителями, жившими тогда в Пензе, в Москву, к бабушке кн. А. Н. Долгоруковой, для обучения у «хорошего иноземца»⁵. Но, кажется, такого иноземца в это время не нашли, и отец, по приезде в феврале 1797 г. в Москву, «решил сам обучать детей своих», однако из этого ничего не вышло, так как, по признанию Ивана Михайловича, он, «будучи горячего сложения, не умел снисходить малейшим их ошибкам», и «школа» его «как им, так и мне самому обращалась больше во вред, нежели в пользу»⁶. К тому же у Павла «медленно развивались его способности» и «он казался прост»⁷. Успешнее пошли занятия старших детей музыкой у «клавикордного мастера» Пуло. «Они имели к ней способности, которые после успеха их совершенно обнаружили. Природа сама призывала их к сему нежному упражнению, в ко-

¹ Автора дневника удалось установить на основании следующих данных: из текста дневника выясняется, что его автор «сиятельный» (т. е. князь), что он именинник 29 июня (в этот день бывали именины Петра и Павла), что Пушкин просил у него сочинения его отца, т. е. что его отец — писатель, и, наконец, что он выехал из Кишинева 31 августа 1822 г.

Все эти слагаемые привели к кн. Павлу Ивановичу Долгорукову, о котором Пушкин писал 4 сентября 1822 г. брату в Петербург: «На прошедшей почте — виноват: с Долгоруким) — я писал к отцу».

² Ив. Мих. Долгоруков (1764—1823) был женат на Евг. Серг. Смирновой (1770—1804).

³ См. «Записки кн. И. М. Долгорукова» — «Русский Библиофил», 1913, VI, стр. 40—42.

⁴ Там же, 1913, VIII, стр. 59.

⁵ Там же, 1914, VII, стр. 74.

⁶ Там же, 1915, I, стр. 67.

⁷ Там же, 1916, VI, стр. 63.

А. С. ПУШКИН
Автопортрет. 1821.

Рукопись «Кавказского пленника», № 46, л. 6
Институт русской литературы Академии наук СССР. Ленинград.

тором несчастные такие утешительные встречают минуты», писал в своих «Записках» Иван Михайлович¹. Вскоре был нанят и гувернер, француз Тиери², которого сменил немец Венц, «человек строгих правил, хорошего поведения и с познаниями»³. Весной 1802 г. семья Долгоруковых переехала во Владимир, куда Иван Михайлович был назначен губернатором⁴, а осенью этого года Павел снова был отвезен в Москву и определен в университетский пансион⁵.

Рассказывая в своих «Записках» о событиях осени 1803 г., Иван Михайлович писал о сыне: «В то же время старший сын мой Павел, обучаясь изрядно разным предметам в университетском пансионе, произведен был студентом. Он был действительно прилежен к ученью, и хотя не имел от природы острого ума, но одарен был хорошим понятием, смыслом и памятью, — выучивая что-нибудь, не забывал, обещал нрав скромный и покорный, словом, был мальчик с добрыми моральными свойствами. Чин студента отворял ему двери в гражданскую службу, к которой я его и готовил. Он уже избегал необходимости быть в нижних солдатских степенях. Университеты пожалованы были разными преимуществами, из коих главное состояло в том, что студент вступал в службу с чином офицерским»⁶. В этом чине «студента», не поступив в университет, Павел вернулся весной 1804 г. во Владимир⁷, где он с 7 мая этого года числился на службе чиновником в канцелярии отца⁸, получив 4 января 1805 г. чин «коллегии юнкера»⁹. Служба эта, конечно номинальная, продолжалась недолго. Понимая недостаточность полученного Павлом образования, Иван Михайлович решил послать его и другого сына, Александра (1793—1868), учиться в Геттингенский университет, поручив попечение над ними гувернеру Венцу, с которым они и отправились из Владимира за границу 12 мая 1806 г.¹⁰.

В «Капище моего сердца» Долгоруков так характеризовал воспитателя своих детей: «Он был умерен в требованиях,

¹ Цит. соч., 1915, I, стр. 69.

² Там же, 1915, II, стр. 78.

³ Там же, 1915, III, стр. 104.

⁴ Там же, 1916, IV, стр. 44.

⁵ Там же, 1916, IV, стр. 65. См. еще там же, 1916, V, стр. 52—53, где дано описание пансиона.

⁶ Там же, 1916, V, стр. 62—63.

⁷ Там же, 1916, VI, стр. 39.

⁸ Там же, 1916, VI, стр. 40 и 47.

⁹ Там же, 1916, VII, стр. 38—39.

¹⁰ Там же, 1916, VIII, стр. 22, 23 и 24.

бережлив в издержках, и по возвращении своем в Россию представил мне сыновей моих в том состоянии, в каком я желал их увидеть... Наставник умел их предостеречь от общей заразы нравов, и я ни минуты не раскаивался в моем предприятии ни тогда, ни потом»¹.

В Геттингене братья Долгоруковы пробыли два с половиной года². По возвращении из-за границы в 1809 г. Павел Иванович служил в Петербурге, сначала в Военном министерстве, а затем в Министерстве финансов³. «Наскучив жить 12 лет в столице», как он пишет в предисловии к публикуемому дневнику, он получил назначение в Кишинев, куда и приехал 1 августа 1821 г. О жизни Долгорукова подробно рассказано в его дневнике. В сентябре 1822 г. Павел Иванович снова в Петербурге, где хлопотал о новом месте. На этот раз он получил место в таможне в Подольской губернии⁴. Брат его, Дмитрий Иванович, узнав об этом назначении, писал в декабре 1822 г. из Рима отцу: «Я не знаю, радоваться или жалеть об этом! Все-таки я предполагаю, что ему будет приятнее служить здесь, чем в Бессарабии — дай-то бог!»⁵.

В 1823 г. Павел Иванович женился в Москве на Елизавете Петровне Голицыной (1800—1863). Детей у него не было. По выражению Дмитрия Ивановича в письме к брату Михаилу от 30 марта 1826 г., «женитьба Павла похожа на сухое дерево, не дающее плодов»⁶.

С 1825 г. Долгоруков служил инспектором карантинной конторы в Феодосии⁷, где в июле 1827 г. с ним познакомился Ф. Ф. Вигель.

На основании всех привлеченных материалов и, главным образом, благодаря дневнику П. И. Долгорукова, можно в общих чертах представить себе его личность.

Вот образцы некоторых «изречений» П. И. Долгорукова:

¹ «Капище моего сердца», сочинение кн. И. М. Долгорукова. Изд. второе «Русского Архива», М. 1890, стр. 55—56.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 175. Последняя его должность перед Кишиневской службой была — секретарь департамента гос. имуществ М-ва финансов. *Мсц* на 1821 г., ч. 1, стр. 759.

⁴ См. дневник.

⁵ «Русский Архив», 1914, № 6—7, стр. 211.

⁶ «Русский Архив», 1915, № 3, стр. 388.

⁷ *Мсц* на 1826 г. (добавление): в той же должности был он еще и в 1829 г. (см. *Мсц* на 1829, май).

«Сильный готов на всё отважиться, а слабый страшится малейшей невоздержанности» (23 января).

«Худое свойство не исправишь замечаниями!» (3 февраля).

«Смелому везде дорога, скромному, застенчивому везде рогатка» (14 марта).

«В глуши надобно уметь пользоваться тем, что есть» (18 июня).

«Злодей часто торжествует в продолжение целой жизни своей, а добродетельному и минуты не достанет совершить свой подвиг» (4 августа).

Изредка у Долгорукова встречаются более острые размышления — по поводу «маленького диспута» с Инзовым о словах «вольнодумство» и «своеволие», где автор дневника обнаруживает даже что-то вроде независимости в вопросе о праве на свободу совести (12 января).

Мы встречаем иногда в его записях меткие наблюдения над психологией мелких чиновников, которые и в театр-то не пойдут «от скупости, от лени, от недоверчивости к удовольствиям, в коих главное лицо <Инзов> не принимает участия, и наконец, от уверенности, что такое с их стороны участие не будет замечено и не послужит им ни в какую пользу» (запись от 25 июля).

Отталкивающее впечатление производит высокомерное отношение Долгорукова к молдаванам. Здесь он показал себя типичным представителем колонизаторской политики царской России.

Записи Долгорукова о Пушкине важны не анализом, а фактами. Они сделаны человеком безусловно правдивым, непосредственным и, по свидетельству отца Долгорукова, человеком, одаренным памятью.

Долгоруков был глуховат, а следовательно, мало общителен, недоверчив и подозрителен; круг людей, в котором он вращался, был очень тесен.

Это, конечно, отразилось на дневнике, и мы с досадой видим, что Долгоруков очень мало написал о том, о чем он мог бы написать гораздо больше.

Кишиневское общество, военные круги, друзья Пушкина — будущие декабристы, молдавская аристократия, вечеринки — всё это было вне кругозора Павла Ивановича. Область его наблюдений замыкалась канцелярией Инзова и его домом. В этот чиновничий мирок вынужден был заглядывать и Пушкин.

«Во всех канцеляриях и департаментах держат людей лишних, бесполезных, часто шутов и дурачков из одной милости и забавы. Таков жребий и нашего Комитета. — Живанович получает пенсию и ничего не делает, подпоручик Герц числится для исправления, переводчик Герн получает 1000 рублей и содержит дом воспитания в Екатеринославле, приносящий ему может быть до 10 т. постоянного дохода, — экзекутор Гридякин не способен ни пансион содержать, ни денег считать, а получает свою тысячу рублей и ходит каждый день обедать к наместнику, где всякий в глазах самого хозяина его дурачит. Товарищ мой употреблял его как лакея. Он ходил за всякой безделицей в ряды и часто Ланов потчевал его словами, довольно черствыми. Теперь Гридякин ходит ко мне всякое утро рапортовать, что в Комитете всё находится благополучно. Ему никакой письменной работы нельзя поверить, ибо он и грамоту русскую плохо знает. Со всем тем и эти животные имеют свой гран честолюбия. С почты принесли повестку на получение присланных Комитету 18905 рублей. Мне не ловко было ехать принимать их, потому что я подписал о сем определение. Итак я поручил прием сих денег старшему по мне правителю канцелярии, который ездил на почту и привез деньги. Теперь надобно было отвезти сумму в здешнее казначейство, ибо у нас в Комитете не заведено хранить большое количество денег.

Гридякин из дворян Владимирской губернии. Начал служить при дворе лакеем, произведен в камер-лакеи. Вышел потом в капралы гвардии. Из военной перешел в соляные приставы в город Меленки, был почт-экспедитором, ревизором по колонистской части и наконец экзекутором. Женат на княжне Енгальчевой, и с нею 20 лет живет розно. — Какие перемены! — Русский дворянин лакеем при дворе. Лакей делается приставом, экзекутором, всё по одному слову при казали, повелели, и сверх того женится на княжне».

Представленные в этой характеристике чиновники канцелярии Инзова заставляют вспоминать персонажей произведений Гоголя. Это — мир, изображенный в комедии «Ревизор» и более того — в «Мертвых душах».

Легко можно себе представить, каково было Пушкину в этой среде!

Названный в приведенном отрывке Ланов проходит во многих записях Долгорукова, который называет его товарищем, подчеркивая этим равнозначное положение их в канцелярии.

Пушкина раздражал этот назойливо-болтливый, любящий поесть и выпить старик, с непомерным самомнением, поучающий его, как мальчишку. Долгоруков рассказывает о столкновении поэта с Лановым и записывает достаточно резкую эпиграмму Пушкина, которой он наградил Ланова: «Бранись, ворчи, болван болванов...»

Но и покинув Кишинев, поэт не забыл Ланова и через три года заклеил его выразительной лаконичной характеристикой в «Евгении Онегине»

И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут¹.

В дневнике Долгорукова любопытны подробные описания тех мест, которые видел в это же время Пушкин.

Так, Долгоруков описывает «митрополию» (архиерейское подворье)², и набросок Пушкина:

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят —

получает некую осязаемую видимость. Долгоруков говорит о соборе³, где в качестве чиновника вынужден был бывать атеистически мыслящий Пушкин; он рассказывает, как «какой-то дюжий протопоп с напряжением всех сил и душевных и телес-

¹ Догадку эту впервые высказал покойный литературовед Павел Сергеевич Шереметев. В своих «Выдержках из дневника об А. С. Пушкине» приятель поэта В. П. Горчаков, описывая мелкий и плоский разговор Ланова, заключил его следующей характеристикой: «Мой знакомец был из числа тех бахарей, которые почему-то в своем кругу получают исключительное право разговора, несмотря на то, что разговор их без всякой остроты и мысли, сам по себе ничего не значит, а состоит по большей части из пошлых анекдотов, сплетней и перестановок имен собственных». (См. М. А. Цявловский, «Книга воспоминаний о Пушкине», 1931, стр. 95—96). О том, какое значение придавал Ланов еде, говорят и Горчаков (там же, стр. 91) и Долгоруков (запись от 16 июня). О шутстве Ланова говорят рассказы Горчакова и вышеприведенные строки Долгорукова о том, как его «товарищ» дурачил экзекутора, «употребляя его как лакея», и «часто потчевал его словами, довольно черствыми». Нам не попадалось прямых указаний на взяточничество Ланова (что, впрочем, легко можно допустить, судя по характеру этого ничтожного и развязного чиновника), — все же остальные свойства из эпиграмматических строк Пушкина (сплетник, обжора, шут), как видим, ярко выражены у прототипа Флянова — Ланова.

² Запись 4 апреля.

³ Там же.

ных» читал по книге проповедь о блудном сыне, а «Пушкин смеялся»¹; он сообщает, что Пушкин «говеет вместе с нами»², и в нашем сознании возникают иронические стихи поэта из его послания декабристу В. Л. Давыдову:

Я стал умен, я лицемерю —
 Пошусь, молюсь и твердо верю,
 Что бог простит мои грехи,
 Как государь мои стихи.
 Говеет Инзов, и намерен
 Я променял парнасски бредни
 И лиру, грешный дар судьбы,
 На часослов и на обедни
 Да на сушеные грибы...

Долгоруков описывает городской сад³, с его редкой тенью и неизбежным в провинциальных общественных садах духовым оркестром — сад, в котором гулял и искал развлечений Пушкин, спасаясь от скучной жизни малокультурного городка.

Долгоруков рассказывает о неудачах, постигших случайных заезжих музыкантов и театральную труппу⁴, и мы вспоминаем, как томился от скуки и отсутствия театра в Кишиневе страстный театрал Пушкин. Долгоруков описывает базар в Кишиневе⁵, и его рассказ о выкриках торговцев заставляет вспомнить пушкинские стихи из «Чиновника и поэта»:

Люблю базарное волнение,

и далее:

И спор, и крик, и торга жар,
 Нарядов пестрое стеснение,
 Люблю толпу, лохмотья, шум...

Мы читаем у Долгорукова описание нечаянно им увиденного острога: «Самое лучшее здание в Кишиневе. Подлинно замок тюремный. Стены его выведены из толстого камня. На воротах надпись: «Не для пагубы, но ради исправления», — и мы воображаем негодование Пушкина при виде этой лицемерной надписи на царской тюрьме.

Нам известно о дружбе поэта с арестантами, которых он навещал. Напомним его запись в день рождения в Кишинев-

¹ Запись 29 января.

² Запись 28 марта.

³ Записи 2 июля и 27 августа.

⁴ Записи 2 апреля и 25 июля.

⁵ Запись 3 мая.

ском дневнике 1821 г.: «после обеда приехали ко мне Пушкин, Алексеев и Пестель — потом был я в здешнем остроге. NB Тарас Кирилов».

Пушкину довелось слушать откровенные признания одного из арестантов, готовившегося к бегству, а ночью слышал он стрельбу по беглецу. В 1822 г. поэт написал стихотворение «Узник», в котором отразились впечатления от кишиневского острога, от орлов на цепях во дворе у Инзова¹, впечатления, обострившиеся, вероятно, под влиянием собственного домашнего ареста поэта.

Об этих домашних арестах Пушкина, к которым прибегал Инзов, мы знали прежде всего от самого поэта из его «Воображаемого разговора с Александром I», из его стихотворения «Мой друг, уже три дня...» Долгоруков сообщает о двух таких случаях: первый произошел в марте, второй — в июле 1822 г.²

В марте Пушкин, как теперь выясняется, просидел в своей комнате под караулом целых три недели³. Во время этого «комнатного» заключения была написана Пушкиным его «Сказка о царе Никите»⁴.

Все эти картины быта, новые эпизоды мелких столкновений Пушкина с различными чиновниками, уточнения тех или иных случаев его жизни или датировок его произведений — это лишь новые подробности к давно сложившейся в нашем представлении картине жизни Пушкина в кишиневской ссылке.

Резко выделяется на этом фоне подробное описание экзекуции солдат. Она была произведена в отсутствие их командира, декабриста генерала Орлова, в виде реакции на замечательный его «приказ», в котором он предавал суду офицеров за битье солдат и выражал благодарность солдатам за прекратившиеся побегы из части.

Впечатление, вынесенное Пушкиным от официального, в торжественной обстановке проводимого, избияния людей, было, конечно, сильнейшим из всех впечатлений, вынесенных автором «Деревни» и «Кинжала» за все кишиневские годы.

¹ Об этом говорит и Долгоруков в своем дневнике (запись 13 февраля).

² Записи 8, 9, 12, 23 и 28 марта.

³ Записи 21 и 26 июля.

⁴ Сказка, написанная в тетради на листах, непосредственно примыкающих к стихотворению «Мой друг, уже три дня...», датируется предположительно 20-ми числами марта 1822 г. на том основании, что на одном из обрывков черновика сказки, под стихом 173, имеется дата: 26, которую можно расшифровать как 26 марта. Освобожден был Пушкин 28 марта.

Но все упомянутые нами места из дневника Долгорукова, прямо или косвенно связанные с Пушкиным, меркнут рядом с записями политических высказываний Пушкина.

Долгоруков, записывая каждый вечер впечатления дня, постоянно говорит о Пушкине. Некоторые из двадцати трех записей имеют первостепенное значение. Они дают подробный пересказ тех горячих революционных речей, которые Пушкин произносил за столом у Инзова. Ничего подобного этим записям мы до сих пор не знали.

Основными материалами для изучения Пушкина кишиневского периода до сих пор, кроме сочинений и писем Пушкина, были следующие документы: несколько опубликованных отрывков из переписки Орлова и его жены с семьей Раевских, донесения Инзова о Пушкине, переписка Тургенева с Вяземским, в которой сведения о Пушкине передавались с чужих слов, и воспоминания современников. Ни переписка, рассчитанная на перлюстрацию, ни официальные донесения, направлявшиеся в министерство иностранных дел, конечно, не могли содержать более или менее живых свидетельств о Пушкине, о котором надо было замалчивать, — о революционно настроенном Пушкине.

Только в дневниках можно найти подобного рода материал. Не так давно ставший известным дневник знакомого Пушкина по Кишиневу офицера Лугинина¹ дает очень любопытные, но мелкие штрихи по сравнению с записями Павла Ивановича Долгорукова.

Мы располагаем донесением полицейского секретного агента о Пушкине, который писал: «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство». К подобного рода документам мы привыкли относиться особенно осторожно ввиду того, что сплошь и рядом находим в них всяческие преувеличения, объясняемые и характером доноса и тем, что такого рода материал обычно шел не из первых рук. Но донесение полицейского агента о Пушкине подтверждается теперь следующей записью Долгорукова: «Он всегда готов у наместника, на улице, на площади, всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России».

Что касается до показаний современников Пушкина, очевидцев его жизни в Кишиневе, то, во-первых, они делались спустя много лет после происшедшего, во-вторых, если они

¹ «Литературное наследство» № 16—18, 1934, стр. 666—668.

и сообщались, то главный получатель этих сведений, редактор «Русского Архива» Петр Иванович Бартенев, мог не всё записать. Вернее же всего, революционный образ мыслей Пушкина в то время не освещался.

Статья Бартенева «Пушкин в южной России» 1866 г. (к сожалению, Бартенев не всегда сопровождал сведения о Пушкине указанием, от кого он их слышал) вызвала замечания знакомого Пушкина по Кишиневу И. П. Липранди¹. Конечно, материал Липранди, основанный на дневниках, которые он вел в Кишиневе, имел первостепенное значение, иначе говоря — материал Липранди столь же достоверен, как материал Долгорукова, — точные записи, сделанные тогда же. Но дневник Липранди не сохранился, по крайней мере, до сих пор не найден.

Были бы, конечно, очень ценны записи В. П. Горчакова, лица, несомненно, гораздо более близкого к Пушкину (как и Липранди), чем Долгоруков.

Но дневник Горчакова не сохранился, а его воспоминания в «Москвитянине» гораздо слабее, менее насыщены фактами, чем у Липранди.

Показания Вигеля, мемуариста, который писал тоже на основании ежедневных записей в Кишиневе, сравнительно небольшие, незначительные и тоже уступают Липранди.

Есть еще большое количество мемуаров, которые являются уже преданиями, все они апокрифичны, или на 90 процентов апокрифичны.

Итак, мы многого о жизни Пушкина в Кишиневе не знали, вернее, не знали того, что по цензурным условиям не могло быть обнаружено.

Вяземский, передавая Тургеневу историю столкновения Пушкина с Балшем, обронил такие слова о пребывании поэта в Кишиневе: «Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты». Вяземский намекнул на то, что скрывается за поступком, которого «защищать нельзя».

Слова Вяземского и вышеприведенные слова полицейского агента могут быть взяты как эпитафии к двум родам записей Долгорукова о Пушкине в Кишиневе.

---

¹ «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди» — «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1213—1284 и № 10, стб. 1393—1491.

Дневник Долгорукова содержит в себе совершенно исключительные по значимости записи высказываний Пушкина по самым жгучим политическим вопросам.

Глубокое убеждение в недопустимости рабства, обличение самодержавия, морального ничтожества и гнусности господствующих классов царской России и наряду с этим страстное ожидание революции и стремление лично участвовать в ней — вот чем горел Пушкин в первые годы ссылки.

Со всюю страстью кипучего темперамента молодой Пушкин сокрушал своих противников в спорах на политические темы. Его беззаветная вера в то, что положение России, придушенной рабством и самодержавием, нетерпимо, что правда восторжествует, рождала тот революционный оптимизм, которым пронизаны и произведения и высказывания Пушкина в этот период.

Появление в свет дневника Долгорукова подтверждает наше представление о революционных убеждениях Пушкина, о силе и смелости его высказываний, о чем мы знали на основании произведений великого поэта — его «Вольности», его Ноэля «Сказки», его послания к «Чаадаеву», «Деревни», его эпиграмм на Александра I, на Аракчеева, посланий к В. Л. Давыдову, «Кинжала», десятой главы «Евгения Онегина» и др.

О том, что Пушкин проявлял в эти годы исключительный интерес к освободительной борьбе народов, известно по письмам Пушкина, по его заметкам «о восстании Ипсиланта», о Пендадеке. Весьма глухие и неясные данные находятся и у Липранди. Так, он рассказывает о записях Пушкиным со слов гетеристов каких-то молдавских народных преданий XVII века, которые поэт переработал в повести. Липранди хранил копии этих рассказов, Бартенев читал их и удостоверил полное их соответствие исторической действительности¹. И повести эти, бывшие в руках Бартенева, страстного поклонника Пушкина, печатавшего каждую найденную им строчку поэта, остались неопубликованными. Это, конечно, не случайно. Их нельзя было печатать по цензурным условиям. Конечно, в этих повестях должно было говориться о борьбе молдавского народа с его господами, имена которых, очевидно, узнаются в заглавиях; одна называлась: «Дука, молдавское предание XVII века», другая: «Дафна и Дабижа, молдавское предание

¹ «От себя Пушкин ничего не прибавил тут», — писал Бартенев.

1663 года». Но повести Пушкина не сохранились, не разъяснена и их историческая основа (сделаны лишь некоторые шаги в этом направлении).

Дневник Долгорукова углубляет наше представление о Пушкине. Если для нас общепризнан факт непрерывного и плодотворного взаимодействия политической революционной мысли декабристов и страстно свободолобивой поэзии Пушкина, то теперь этот факт обогащается новыми данными. Пушкин не только поэт, в совершеннейшей форме доносящий до народа мечты о свободе и социальной справедливости на земле, он не только поэтический провозвестник и пропагандист великих идей лучших своих современников — декабристов; он — политический мыслитель, умеющий необычайно глубоко вскрывать сущность явлений и процессов политической действительности, опережающий в этом отношении лучшие умы своего времени. Чего стоит, например, такая глубокая мысль: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх».

Иначе говоря, Пушкин утверждал, что настала эпоха гражданских войн, в которых победа неизбежно будет на стороне народа, а не монархов.

Не имеет значения в данном случае, что Пушкин не предвидел ближайшего крушения западноевропейских народных восстаний того времени — в Испании, в Неаполе, в Пьемонте.

Несмотря на верноподданнический тон и отрывочный характер записей Долгорукова, Пушкин рисуется нам страстным трибуном. Стоило поэту только оказаться в обществе нескольких человек, как им овладевала жажда убедить людей, раскрыть перед ними преступность крепостничества и царизма, нравственное ничтожество всех его приспешников. «Пушкин начал с любимого своего текста о правительстве в России», — говорит Долгоруков. Описывая спор Пушкина с одним из чиновников, Долгоруков доносит до нас живую речь, гневную интонацию великого Пушкина, обличающего самодержавно-крепостнический строй: «Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частью, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петли».

Само собой разумеется, что эти слова о «повешении всех дворян», это «удовольствие», воображаемое Пушкиным при мысли о возможности принять личное участие в расправе над царским строем, не могут быть приняты за последовательную политическую программу, развиваемую поэтом. Это скорее крайнее выражение ненависти к крепостническому строю и царизму человека, спорящего с группой представителей этого строя, иных — равнодушных, а иных — и прямо убежденных в естественности существующего порядка вещей.

Пушкин и в поэзии не раз высказывал подобные суждения. Характерен выбор им для перевода отрывка из Дидро, кончающегося словами

Кншкой последнего попа
Последнего царя удавим (1817—1820 гг.)

или признание, что в момент расправы с тиранией, на которую его позовут единомышленники, организаторы расправы, он лично даст царю свой «первый кнут» (1825 г.), — всё это, высказанное в разное время, конечно, говорит о тех же настроениях поэта, какие отметил и Долгоруков.

Вот почему так важен для нас полностью, наконец, публикуемый дневник Долгорукова.

Нельзя переоценить значение нового документа о Пушкине.

Записи Долгорукова о Пушкине, дающие такое количество политических высказываний поэта, имеют большое значение для изучения мировоззрения нашего великого национального поэта.

Такого рода материал, как дневник, и такого качества записи, как записи революционных речей бесстрашного и в ссылке Пушкина, — материал, имеющий громадное значение в деле создания его биографии. Благодаря этим исключительным страницам публикуемый дневник Долгорукова явится отныне одним из важнейших приобретений советского пушкиноведения.

П. И. Долгоруков

35-ый год моей жизни

или

два дни вёдра на 363 ненастья

Кишинев 1822 года

С 11 июня 1821 года судьба моя получила совершенно новое направление. Наскучив жить 12 лет в столице, где по тщетным стараниям и усилиям получить должность, соответственную летам моим и службе, я вынужден был, чтоб не провести еще неизвестное, а может быть и долгое время в ничтожных канцелярских трудах, решиться принять первое, любое место. Таковое открылось тогда в Попечительном Комитете о колонистах южного края России¹, и моим покровителям не трудно было выпросить мне оное. Ехать надлежало в Бессарабию, покинуть родину, разлучиться с родными, которых я всегда любил искренно. Мне это в решительную минуту показалось тяжелым, несносным, и я готов был отказаться от принятого намерения, но определение высшего начальства было уже подписано, и оставалось ехать. Итак, возложив все мои надежды на будущее, которое, соображаясь с моим нравом, с свойствами людей, в обществе коих придется жить в новом, отдаленном краю, и наконец с самою службою, могло быть для меня и выгодно и приятно, я с сими мыслями оставлял столицу вкуса, удовольствий и рассеяний и занимался неизвестными предположениями на счет Бессарабии. В Сарском селе в последний раз обнял я меньшого своего брата², в Володимире простился с отцом³, который со слезами и нежностью благословил меня на дорогу, на пути заезжал к родной тетке Селецкой⁴, — и 1 августа прибыл в Кишинев к своему назна-

чению⁵. Вскоре по приезде моем получено известие, что посольство наше в Константинополе, в штате коего находился тогда родной брат мой Дмитрий⁶, возвратилось в Одессу⁷, я отпросился в отпуск, навестил брата, прожил с ним несколько дней в Одессе и потом воротился обратно в Кишинев, где остаток времени до 1 января 1822 года провел в занятиях по службе. Надлежало ознакомиться с новыми трудами, с новыми людьми. В начале всё еще казалось мне дико, и я как приезжий любовался новостью предметов. Промежуток этот прошел без особенных приключений, исключая ссоры моей с товарищем⁸, который, приноровясь к моему свойству, начал развертывать всю силу того деспотизма, в коем он любил держать подчиненных. Деспотизм свой думал он распространить и на меня, но ошибся, и с сей минуты начались беспрестанные неприятности, сплетни и раздоры. Вот как началось мое пребывание в той стране, которую я и заочно не почитал обетованною землею; не строил на счет ее гишпанские замки, не мечтал найти большого рассеяния, утонченного удовольствия, выгод на счет службы, совершенной перемены состояния, словом, каких-нибудь путей к счастью — нет, я знал, что еду в сторону дикую, необразованную; но это самое, думал я, сблизит меня с людьми честными, добрыми, гостеприимными. Весьма ошибся я в своем расчете!! — С 1 января положил я записывать важнейшие происшествия в виде повседневною Журнала, который за сим следует.

1822.

Генваря 1.

Ездил вместе с Манегою* в его коляске поздравлять первостатейных здешних чиновников и бояр молдавских с новым годом. После обедни, которую слушали мы в митрополии², нас всех, светских и духовных, повезли за город, где Орлов³ в большом манеже давал завтрак всему городу и отборнейшим солдатам его дивизии**. В шампанском и сивухе не было недостатка. У некоторых шумело в голове, однакож все разъехались благопристойно⁴. Обедал я у

* Грек, присланный в 1820 году в Кишинев для составления законов для Бессарабии. Он кончил свою работу в течение года, и я две первые тетради перевел по поручению Инзова на русский язык. Манега учился около четырех лет правам в Париже, и он соотечественник известному графу Каподистрию¹, по ходатайству коего прислан в Бессарабию.

** Дивизия Орлова состоит из шести пехотных полков: 1) Селенгинский, 2) Якутский, 3) Охотский, 4) Камчатский, 31 и 32 Егерские.

35^и годъ моей жизни.

или

два дни бедна на 363 несчастья.

Килинговъ 1822 года.

ОБЛОЖКА ДНЕВНИКА ДОЛГОРУКОВА.

Институт литературы Академии наук СССР. Ленинград.

Инзова⁵ с его домашними, а вечер провел у себя дома. Ко мне приходил Литке⁶ и мы с ним вместе занимались музыкою.

2.

Выпал снег, но опять растаял. Я простудил горло, вероятно на вчерашнем празднике.

3.

Если б я не имел в самом себе довольно средств, чтоб противиться скуке, то истинно не знал бы куда деваться в настоящих обстоятельствах. Вот уже более трех месяцев, как я живу здесь на зло всем. Никто меня знать не хочет. Адъютанты Инзова¹ стараются удалить его от меня. Товарищ мой вечно сидит за картами или ездит в ряды торговать безделки. Прочие наши подчиненные, как вообще вся масть подьячих, занимаются сплетнями и держат сторону того, кто более кричит или кому преимущественно везет у главного начальника. Город вообще не примечает моего существования. Жить тихо в провинции значит быть лишены средств и естественных и нравственных. Довольно заметить и привести в доказательство то, что мне ни один здешний житель не возвратил визита, тогда когда все эти молдаване, да и наши русские чиновники у генералов здешних толпились на рассвете. И здесь, как и везде, обожают двух идолов — власть и богатство.

4.

Продолжаю сидеть дома. Правитель канцелярии¹ принес ко мне сегодня изготовленную резолюцию по одному делу откупному, которое трактовано мимо ведома моего. Дело это поступило на рассмотрение Комитета по разногласию членов Одесской конторы, в коей брат моего товарища занимает место младшего члена². Мнение сего последнего принято за основание нашего заключения. — Я не подписал определения, а отдал секретарю³ с тем, чтоб он представил к подпису г. Ланова. Странное предположение! Они будут трактовать предметы, а я прислан к ним в сотрудники за тем, чтобы подписывать их резолюции!

5.

Вышел сегодня в Комитет и думал найти некоторые заготовленные бумаги, но ошибся в своем ожидании. Правитель канцелярии сидел на своем месте, а дела лежали. Он приводил в свое оправдание то, что участвовал в выборе брата

своего в заседатели и потому не мог отправлять должность в Комитете. О прочих за ним чиновниках и говорить нечего: — кто приходил на минуту, кто вовсе не был. Можно ли впрочем требовать порядка там, где первые лица его не сохраняют? Наместнику не до Комитета. Ему теперь и без него довольно хлопот. Товарищ мой уже третий месяц не кажет своего надутого туловища в присутствии, однакож он не отказывается всё знать, всем заведывать исключительно. К нему бегают секретари с делами, и он в халате с длинным чубуком хочет представить кишиневского сибарита.

6.

На днях были выборы молдаван в дворянские должности, при чем происходила, говорят, размолвка между наместником и некоторыми боярами на счет удаления последних от выборов. Инзов грозил исполнительною властью, и те замолчали¹. — Сегодня во весь день шел снег. Большой ветер и мятелица препятствовали мне выдти со двора.

7.

Именины наместника. Пили у него шампанское. — Он меня принял довольно ласково. Кроме вседневных лиц, обедал Курика, председатель здешней уголовной палаты, мужик умный, но с черным по общему признанию сердцем¹. За столом товарищ мой, желая, как обыкновенно за ним водится, показать, что он не просто член картофельного управления*, выпустил рассуждение, уже не новое, что преступников, наказанных телесно плетью, надлежало бы ссылать прямо на поселение, а не отдавать в солдаты и не умножать таким образом в войске людей зазорных и порочных. — Курика на сей раз не дал ему торжествовать свое мнение, и напротив одного доказывал очень основательно, что в государстве, где содержится около миллиона войска и где войско разбросано на таком огромном пространстве, мера сия не может казаться предосудительною ни для правительства ни для чести военного звания, что население Сибири людьми, понесшими публичное наказание за небольшие проступки, не может также отнесено быть к пользам самого населения, ибо сколько таковых легко наказанных не вынесут однако дальнего странствования за Уральские горы. Диспут кончен тем, что преступников, не подвергающихся политической смерти, но способных к отдаче в

* Так здесь называют часть колонистскую в насмешку.

военную службу, не надлежало бы уже предавать в руки палачевы.

Провел вечер у Орлова, где меня до трех часов мучали за фортепианами, ласкали, приняли хорошо; однакож удовольствие было не на моей стороне, ибо я принужден был около 2 верст ночью идти домой пешком через глубокий снег и в холодную погоду.

8.

Со вчерашнего дня начали ездить на санях. Желудок велел сидеть дома, и я ему повиновался.

9.

Холод здесь чувствительнее для меня нашего петербургского. Сегодня было не более 5 градусов морозу, но я нигде не нашел себе места и целый день провел на часах у печки. Редкий дом в Кишиневе может похвастаться теплом в большую стужу, каковая здесь доходит иногда до 20 градусов. Конструкция их слишком легка для суровостей зимы, да и чего требовать от стен, составленных большею частию из глины и разных других жидких слоев, толщиною редко в четверть аршина. У меня на дворе в людском флигеле хотели вколотить деревянный гвоздь в стену. По трем ударам он уже прошел насквозь, и часть самой стены начинала обрушиваться.

10.

Товарищ вышел сегодня в Комитет присутствовать, и правитель канцелярии, увидя наконец опять двух членов за судейским столом, вельми тому обрадовался. Вот теперь-то, думал он, все дела с плеч свалятся; и, действительно, некоторые бумаги, как блины, поспевали. Но есть ли что-нибудь совершенное в мире? Товарищ по старым привычкам нахмурил брови, разлилась желчь, лицо вздулось. Присутственный стол не ломберный, дела не карты, чернила не чай маюканский. — Надобно было ему подписать одно определение по делу следственному об одном колонисте, умершем после побоев. В деле не доказано и по следствию не открыто, чтобы он именно помер от драки, но в резолюции обстоятельство сие отнесено к уголовному преступлению. Товарищ разгорелся. Призван секретарь Антоньев, и полетели на него слова градом. И член и секретарь вышли из обоюдных своих обязанностей. Первый кричал и шумел, а последний, положив дело, сказал с досадою, ну так делайте сами как вам угодно. — Велено правителю канцелярии заготовить

журнал о сказанных члену в присутствии грубостях, а при уходе г. Ланов объяснил, что он по таким обстоятельствам присутствовать не намерен*.

11.

Сегодняшнее заседание прошло без большого шума. Обедал у Инзова. Во время стола слушали рассказы Пушкина, который не умолкал ни на минуту, пил беспрестанно вино и после стола дурачил нашего эзекутора¹. — Жаль молодого человека. Он с дарованиями; но рассудок кажется никогда не будет иметь приличного ему места в сей пылкой головошке, а нравственности и требовать нечего. Может ли человек, отвергающий правила веры и общественного порядка, быть истинно добродетелен? — не думаю. Пушкин прислан сюда, просто сказать, жить под присмотром. Он перестал писать стихи, — но этого мало. Ему надобно было переделать себя и в отношении к осторожности, внушаемой настоящим положением, а это усилие, встречая беспрестанный отпор со стороны его свойства, живого и пылкого, едва ли когда ему, разве токмо по прошествии молодости, удастся. Вместо того, чтобы придти в себя и восчувствовать, сколько мало правила, им принятые, терпимы быть могут в обществе, он всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России. Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивается в проницательную улыбку.

12.

Докладывал наместнику по некоторым комитетским бумагам. Он был ко мне довольно ласков и перед обедом читал мне слово, говоренное при выборах дворянства¹. Проповедь хороша и понравилась мне особенно потому, что не заключает в себе, как большая часть нынешних церковных поучений, беспрестанных ссылок на священное писание. — Довольно, кажется, привести два, три текста и на них основывать свои рассуждения, применяя оные к времени и обстоятельствам. На

---

* Журнал не состоялся. Это была лишняя горячность товарища, но сей поступок более служит ему в похвалу, нежели в укоризну, ибо Антоньев всем ему обязан. Будучи выгнат из прежней службы, шатаясь по Екатеринославу с худою об себе молвою, он принят в Комитет единственно по усильному настоянию и просьбам г. Ланова. Много ли людей способны помнить оказанные благодеяния?

всё однакож мода. Нынешние духовные витии таковым набором хотят повидимому более блеснуть своею ученостию, нежели тронуть сердце слушателей. За столом маленький диспут с Инзовым на счет слов вольнодумство и своевольство. Я полагаю, что свобода мыслить не может и не должна быть запрещена законом. Каждое государство состоит из разных сословий, отличающихся одно от другого воспитанием, просвещением и средствами. Впечатления крестьянина, основанные большею частию на суеверии, не могут быть равны понятиям образованного гражданина, а когда невозможно привести и тех и других к одной точке морального совершенства, то и гнать за неравенство понятий и суждений несправедливо. Вредны общества, секты, направляемые свободою мыслей, и мудрое правительство обязано искоренять таковые, не прикасаясь однако к частным лицам, коих мнения не сходятся с внушенными понятиями. Своевольство, напротив, как действие, не основанное на правилах разума, нравственности и любви к ближнему, противится пользам общества и, нарушая спокойствие оно, не может быть терпимо. — Снег весь почти растаял.

13.

Приходил ко мне землемер нашего Комитета де Потт и объявил о своем желании перейти в штаб к графу Витгенштейну¹. Он принят к нам из-за границы, вышед оттуда по каким-то неудовольствиям на австрийское начальство, имеет по своей части способности, но кажется мне нраву непостоянного. Дал ему совет вести себя основательнее и не прыгать с места на место. То не получит, это потеряет. Чтобы однакож несколько ободрить его, я просил наместника* о переводе его на другую квартиру поближе к Комитету. Бедняк привык жить прохладно, а здесь на первых порах отвели ему какую-то землянку на конце города. Наместник по обыкновению своему ни на что не решился, однакож не досадовал, шутил с де Поттом, а мне отозвался, что его пристроит при удобном случае.

14.

С сегодняшнею почтою получено несколько десятков крестов для раздачи областным чиновникам по представлению наместника. Хорошо везде, кому везет.

---

* Наместник — главный попечитель — генерал — Инзов. одна и та же особа.

15.

В 52 № Сенатских ведомостей нынешнего года напечатано, что государь император по представлению С.-П.-Бургского военного генерал-губернатора высочайше повелеть соизволил Шлиссельбургского городничего фон Радинга, который в 1818 году Сенатом произведен из майоров в надворные советники, согласно прошению его оставить в прежнем майорском чине. — Пусть об этом судит всякий как хочет, а мне кажется, что тут майор подшутил с высочайшего дозволения над герольдиею.

Обедал у наместника вместе с корпусным командиром Сабанеевым¹, о котором ничего не могу сказать особенного. До обеда он занимался с наместником в кабинете, а за столом ел, пил и уехал, забыв на уходе шпагу свою, которую вслед за ним к нему отправили. Пушкин с нами же обедал, но молчал.

16. 17.

Принимал лекарство и сидел дома, занимаясь письмами.

18.

Присутствовал в Комитете с Лановым, который сегодня не шумел и не бранился, — да и не на кого. Правитель канцелярии был вчера именинник и видно не выспался еще; секретарь один болен, а другой не приходил, и так мы с товарищем ни одной почти резолюции не подписали. Обедал у наместника. Пушкин, который за отъездом Орлова чаще стал ходить к Инзову, с нами же обедал и по обыкновению своему любезничал*.

19.

Наместник читал мне в своем кабинете недоконченную еще записку своего сочинения на счет продовольствия войск хлебом. Она не заключает в себе совершенств в отношении к слогу, нет в ней фигур риторических, но за то основательность в суждениях и познании по части хозяйственной дадут ей настоящую цену. После обеда пробежали мы несколько номеров

* Пушкин умен и остер, но нравственность его в самом жалком положении. Нет ни к кому ни уважения, ни почтения. Все основано на удалстве, насмешках и ругательствах. Рассказывают, что за столом у генерала Орлова он отпустил ему, разгорячась: *Vous raisonnez, Général, comme une vieille femme*¹. Орлов на это отвечал: *Pouchkine, vous me dites des injures; prenez garde a vous*². — Пушкин побледнел.

Гамбургских ведомостей¹. Инзову сказал кто-то, что в газетах сих напечатали об нем, будто он греческого происхождения, и ему хотелось в том удостовериться; но мы ничего такого не нашли в принесенных листках. Однакож любопытство наше было удовлетворено в другом отношении. Гамбургские газеты познакомили нас с последними политическими происшествиями в Турции и вообще в Европе, о которых русские уже давно ничего не пишут. — От Инзова ходил навестить товарища (в первый раз после происшедшей между нами ссоры) и застал его в халате с адъютантами Инзова. Один гадал в карты, а другой от безделья ворочал язык на все стороны. Вечеру у меня была музыка.

20.

Получено в Комитете предложение от Инзова, коем уведомляет, что он предписал попечителю задунайских болгар майору Малевинскому 1-му относиться к нему по всем внутренним распоряжениям, а Комитету доносил бы о благосостоянии колоний и по делам текущим представлял в свое время отчеты о штатных и казенных суммах. — Не трудно было догадаться, что эта бумага вышла в пику мне и правителю канцелярии. — Надобно знать, что два брата Малевинские по долговременному ли служению при Инзове, или по другим неизвестным мне причинам пользуются особенною его доверенностию. В доказательство такового расположения скупой на всякое благотворение Инзов ходатайствовал об определении старшего из них Сергея на выгодное место попечителя задунайских болгар. При утверждении его по высочайшему повелению в сем звании, министр¹ давал знать Инзову, что государь император, определяя Малевинского, согласен вместе с тем и на предположение его же Инзова, 1-е, чтобы управление болгар зависело бы от Попечительного Комитета без всякого влияния и посредства Бессарабской конторы, и 2-е, чтобы сам Малевинский состоял бы под непосредственною зависимоścią Комитета. Тогда еще Инзов не был наместником и занимался исключительно Комитетом, но впоследствии времени сей последний, оставаясь в Екатеринославле, предоставлял наместнику по сближении его с местом водворения задунайских переселенцев разрешать непосредственно все представления Малевинского. С приездом моим открылся Комитет в Кишиневе. — Я скоро увидел теснейшую связь товарища моего с адъютантами, а особенно с Малевинским. Они иногда запирались в каморку, трактовали секретно какие-то дела и

тогда же дали мне заметить, что взаимная их доверенность не требует моего соучастия. Я молчал, да и что же другого было делать? — Правитель канцелярии, напротив, стал говорить громко против Малевинского и из видов ли каких или прямо усердствуя о пользах службы, видя нерешимость мою, вошел с докладом, «что поелику министерство требует сведений по части хозяйственной и годовых ведомостей от подведомственных Комитету начальств, а Малевинский несмотря на учиненные ему предписании таковых не высылает, то не благоугодно ли будет от него оные потребовать?» — Товарищ молчал. — Принужден я был дать ход бумаге, и, доводя об оной до сведения генерала, испрашивал словесно разрешения его на счет повторения предписания о высылке ведомостей, дабы обеспечить Комитет в отношении ответственности перед высшим начальством. Инзов кисло принял мои замечания и отозвался, что таковое требование слишком преждевременно. — Итак доклад М а н д е л я остался лежать на столе его без всякой резолюции. Сегодняшняя бумага достаточно его разрешила, и теперь видно, что Малевинский мог и умел успеть в своем желании сделаться полным хозяином, удалить от себя аргусов и распоряжаться по своему собственному произволу. Как бы то ни было, в предложении Комитету данного сказано, что по высочайшей воле устройство и водворение бессарабских болгар предоставлено собственному усмотрению главного попечителя, каковой высочайшей воли однакож Комитет в виду не имеет!!

21. 22. 23.

От простуды ли, или от влияния здешнего климата на меня, я эти дни опять принужден был сидеть дома на диете. Лучшее средство предохранить себя от болезней, когда они грозят нам своим приближением, состоит кажется в соблюдении строгой воздержности. — Меня всегда упрекали в излишней заботливости на счет здоровья, но я думаю, что сама природа устроила таким образом нашу волю и желания к сохранению себя. — Сильный готов на всё отважиться, а слабый страшится малейшей невоздержности. Здесь очень кстати беречь свое здоровье, ибо Кишинев, и вся почти Бессарабия весьма недостаточны врачами, знающими свое дело. Один уездный лекарь Ф и ш е р, брат родной известного профессора в Москве¹, более прочих славится своим искусством и лечит большую часть города, поелику члены управы вовсе не занимаются врачеванием, а греческие медики, выехавшие из Ясс,

ездят к одним молдаванам, и за труды свои требуют большой платы.

Навещали меня правитель канцелярии и Литке. Первый приносил с собою дела, коими я занимался тем с большим прилежанием, что они несколько разбивали мою скуку, а Литке играл со мною на клавикортах и рассказывал дурачества здешних молдаван. У него память неистощимая на анекдоты, а молдаване по невежеству и глупости* дают повод часто смеяться над ними.

24. 25.

Если и лекарь иной с больным возится неделю — месяц, а чаще всего до самой могилы, — то весьма простиительно незнающему врачевания засадить себя на 5 или на 6 дней в комнату. — Увы! куда выдти? — Время прекрасное. Зимнее солнце Бессарабии живит, греет; но зато нет прохода. Вода течет с гор; последний снег тает; везде грязь, лужи, слякоть. Я вышел подышать свежим воздухом, — обошел часть моего предместия и на каждых десяти шагах принужден отдыхать, потому что тяжело вперед пробираться. Поневоле начнешь сравнивать. У товарища, у Ланова шесть лошадей, а у меня и кошка чужая. Он скачет во все стороны, а я ищу тропинку, чтобы не вымочить ног. Судьба! судьба! — Ко мне и к больному никто не жалуется. Был один секретарь Антоньев и более никого. Наместник и проведать не хватится. Посылал три раза к доктору Фишеру, и тот ко мне не едет. — Не везет!

26.

Вчера я посылал за письмами на почту — сегодня поутру — хватился их. Мне подаются два письма; — но одно с черною печатью. Боже мой; что скажет последующая минута! — Я распечатываю... Тетушка Селецкая скончалась!..¹ Сбылось черное предчувствие.

27.

Погода со вчерашнего дня ветреная и сырая, однакож я вышел со двора и обедал у наместника.

---

* Хорошо — если бы они были только глупы и необразованны, но весьма многие из них не имеют ни честности, ни благородства, ниже той добродетели, коею славятся дикие народы. Всякий молдаванин готов солгать, обмануть. — *Les Moldaves ont les vices de toutes les nations, sans avoir une seule de leurs vertus*².

28.

Сегодня у наместника обедали два полковника здешней дивизии и разговор был о шанцах, редутах, ранцах и пр. и пр. — Пушкин на днях выпустил стишки на моего товарища, и они уже пошли по рукам. Вот как он его ругает:

Бранись, ворчи, болван болванов*;
 Ты не дождешься, друг мой Ланов,
 Пощечин от руки моей.
 Твоя торжественная рожа
 На бабье гузно так похожа,
 Что только просит киселей?

29.

Принесли ко мне поутру печатную повестку от здешнего Библейского комитета с приглашением участвовать в сегодняшнем годовом собрании общества. Не трудно было догадаться, что зов сей относился не к лицу моему, а к карману, который по общему, часто ошибочному предположению, нарочито широк должен быть у князей. Мне ехать туда не хотелось, но желание посмотреть на церемонию, на людей, послушать какие-нибудь речи, потолкаться между здешнею знатью, зажгло, наконец, любопытство, и так как я притом рассчитывал, что 10 рублями на большой сходке легко можно будет отделаться, то и решился, послал за Манею и вместе с ним отправился в так называемую митрополию (архиерейское подворье, где прежде жил митрополит Гавриил¹). Застали еще обедню и на отходе ее слушали проповедь о блудном сыне, которую какой-то дюжий протопоп с напряжением всех сил и душевных и телесных по книге читал нам, между тем как Инзов внимал ей благоговейно, а Пушкин смеялся. Из церкви пошли мы в комнаты архиерея², и тут у него началось присутствие, составленное из знатнейшего здешнего духовенства и первостатейных чиновников города. Собрание открылось чтением отчета за 1821 год, который тут же был подписан г. г. присутствующими. Потом провозгласили товарища моего и Худо-

---

* У Ланова с Пушкиным произошла за столом в присутствии наместника ссора, и Пушкин вызвал Ланова на поединок, но товарищу было не до пистолетов. Он, хотя и принял предложение и звал Пушкина к себе на квартиру, но приготовил несколько солдат, чтоб его высечь розгами. Это проведаль Пушкин и написал свою эпиграмму. Наместник грозил запереть его: «Вы это можете сделать, отвечал Пушкин, но я и там себя заставлю уважать»¹.

б а ш е в а* директорами. — Певчие пели концерт, а старые директора, слоняясь по углам с лоскутками белой бумаги, вынуждали так называемые добровольные пожертвовании. Собрание уже оканчивалось, и я хотел пристойным образом удалиться, как вдруг Инзов, заметя меня, подзвал к себе и предложил в директоры. Выбрали и поздравили, а я проворчав несколько слов о чести, мне оказываемой, принужден был по примеру других подписаться в члены временные и ежегодные и внести 35 рублей. — Жаль было денег!⁴

30. 31.

Дни не стоящие замечания. Провел их у наместника и дома. В Комитете не было присутствия. Я ходил туда, но кроме Антоньева и писцов никого не застал и ни одной бумаги не нашел заготовленной. Товарищу лень заниматься делами, а еще более расставаться с своим халатом, а наш правитель канцелярии очень ведает, что за Лановым ему опасаться некого и нечего, ибо я ищущу привязать к себе подчиненных, а не отталкивать их суровостью обхождения. Да какая и прибыль кричать мне на них или жаловаться? Строгость лица, не имеющего полной, непосредственной власти, в таком случае произведет токмо ожесточение, и подчиненные, недовольные поступками младшего из начальнической братии, могут тотчас передаться на другую сторону. Где нет общего порядка и стремления к оному, там одно лицо ничего не сделает. Навестил меня здешний областной почтмейстер Алексеев¹, сидел с четверть часа, толковал о моей квартире, советовал заводить лошадей, и на уходе уверял, что он как военный не знает чинов, визитов делать не любит, а коль приедет, то в знак искренней дружбы и уважения. Не знаю, почему ему вздумалось меня потешить таким приветствием, тогда, когда с самого моего приезда мы с ним встречались в домах и на улице даже не кланяясь, как то везде водится. Я однакож ему обязан за то по край-

---

* Член Бессарабской конторы, получает оттуда жалованье и живет в Кишиневе, занимаясь одними сплетнями. Я еще не видел такого безобразнейшего человека. Ростом он не будет двух аршин, и притом худ как скелет, говорит носом, плюется, готов всякому давать советы, всё знает, что делается в больших домах, беспреестанно в гостях, и всякому, кто только имеет какой-нибудь вес, предлагает свои услуги. Он вскоре по приезде моем подал в отставку и получил ее в марте месяце. Ему хотелось бы теперь занять мое место для того только, чтобы числиться на службе в Кишиневе³.

ней мере, что он первый возвратил мне визит, который я сделал ему в первый день нового года. Алексеев слывет здесь безграмотным дураком; охотник до лошадей, вина, карт и табаку. Он служил в кавалерийских полках, детина видный, а теперь возится с почтовыми чемоданами. Жена его одна из красивейших дам города².

Февраля 1.

Присутствия в Комитете не было и я только занимался ввечеру почтою, которую отправил в подчиненные места.

2.

Какой-то проезжий по здешнему краю виртуоз давал концерт на скрипке, а жена его танцевала персидскую пляску. — В печатной афише поставлены имена Бальио¹, Ромберга² и Боальдьё³, но всё это меня не взманило. Можно ли ожидать чего нибудь порядочного в роде искусств среди молдаван, в Кишиневе? — всего было 8 человек в концерте, как я узнал после.

3.

Чуть чуть не вышло у меня явной ссоры с адъютантом наместника, капитаном Гильденшанцом*¹. Он со времени происшедших между мною и товарищем несогласий не умел дать настоящей цены моей к нему доверенности, развернул при сем случае нрав лукавый и низкий и видя, что я искренно презираю всякое коварство, стал изыскивать все способы, чтоб мне досадить хотя в малом. Может быть он и успел за глазами моими представить меня таким, каким ему хотелось, но у наместника принужден был себя удерживать. Зато уж рад всякому случаю уязвить, где только может. Например сегодня он, пришед в присутствие, стал требовать у меня тоном повелительным план очаковских земель, который дан был Комитету для скопировки и между тем понадобился обратно. — Я ему заметил, что у него грудь заболит от крику, и г. Гильденшанц тотчас съежился и просил извинения, приводя в оправдание, что он ради глухоты

---

* Не скоро найдешь такого подлого, лукавого человека. Он совершенно умел примениться к свойствам Инзова; знает, что ему нравится, чего он не любит. Из слов, из обращения г. Гильденшанца тотчас видно, в каких кто отношениях к наместнику. Стоит только взглянуть на лицо его, чтобы заранее от него предостеречься. Этого немца могу назвать первым моим недоброхотом.

моей принуждает себя говорить громко. Худое свойство не исправишь замечаниями!

4.

Занимался весь день своею и казенною почтою.

5.

Погода холодная и морозы; однакож снегу нет. — Обедал у наместника и потом ездил с Манегою к председателю Гражданской палаты Недобе¹, которого жена замучила меня разными вопросами о погоде, о жителях, о знакомых мне соотечественниках, словом, о всякой дряни, — и к греческому архиерею². У сего последнего Манега был моим драгоманом. Архиерей принял обоих нас ласково, потчевал дульчессою (так называют варенье, которое по здешнему обычаю подносят каждому гостю с водою) и беседовал с нами о настоящих делах Турции. Все ждут войны с нетерпением — всем хочется знать, чем и как кончатся переговоры нашего правительства с Портою³.

6.

Тяжелый день. Простудил горло. Поутру грудные припадки, к вечеру боль головная. Душа, приняв участие в физическом недуге, вместе с нею страдала.

8.

Сошла вчера в Комитет бумага от министра, которая многим не понравилась. Ее держали-держали и наконец принуждены были выпустить. — Вот в чем дело.

Инзов представлял в 1819 году об устройстве бессарабских болгар, вышедших из-за Дуная, с дарованием им прав колонистских, предполагая вместе с тем по обширности поселения учредить особую для них контору¹. — Сей проект был рассматриваем в Комитете министров, который, соглашаясь с водворением болгар на вышеозначенных правах, не признавал крайней надобности в учреждении особенного управления, поелику находящаяся уже в Бессарабии Контора иностранных поселенцев удобно могла бы ими заведывать. Мнение сие тогда же утверждено государем, управление подчинялось конторе Бессарабской, и по высочайшему повелению назначен был товарищ старшего члена Бессарабской конторы, и определялось ему жалованья по 2500 рублей. Место сие

следовало занять вышедшему с болгарами ротмистру Ватакноти, но как он вскоре помер, то и досталось Малевинскому, который находился с давних времен при Инзове. — Тогда еще правил Бессарабию Бахметьев², и Малевинский, желая по видимому зависеть от одного Инзова, или сам Инзов, стараясь подчинить ему и себе исключительно задунайских переселенцев, вскоре потом, и именно в начале 1820 года, вошел с новым представлением о подчинении их непосредственно Попечительному Комитету. На это состоялось также высочайшее соизволение, и министр вследствие одного требовал от Комитета сведений, 1-е, о разделении селений болгарских, 2-е, о приведении в известность земель, 3-е, о числе народа и пр. Дана инструкция Малевинскому, и предписано заняться сими предметами и доставить Комитету обо всем подробные ведомости. Около того времени Инзов заступил Бахметьева. Малевинский отправился управлять своим народом³, но вместо того, чтоб удовлетворить требованиям Комитета и высшего начальства, или по крайней мере заняться сим делом, он бросился укреплять сильнее власть свою. Приехав в Кишинев несколько недель после вступления моего в должность и проживая около месяца, он, Малевинский, стал жаловаться, что у него людей мало, средства недостаточны к управлению. Труда ему стоило не малого успеть в своих предположениях, ибо Инзов свойства недоверчивого, мнительного, нерешителен в большом деле; однакож несмотря на то любимец его умел овладеть его расположением и доверенностию. Генерал согласился на большую часть его требований, а Ланов представлял на то время весь Комитет, и они втроем составили новый проект штата, по которому вместо 5 тысяч, отпускаемых ежегодно на содержание чиновников при Малевинском, требовалось ныне 16 700 рублей, и сверх того представлялись к награждению чинами 14 класса колонисты, занимающие места окружных старшин. Ланов и Малевинский мимо меня толковали, — обсуживали, — марали бумагу, а мне прислали несколько тетрадей за час до отправления почты, с просьбою от Инзова поспешить подписом оных. Что мне оставалось делать??.

Пошло от нас огромное представление, и наши витязи надуваясь стали ждать обетованных плодов. Малевинский по скакал в свой Болград, и там, я чай, сулил всем золотые горы; — но что вышло?

Министр, описывая в предложении Комитету течение сего дела, опровергает все наши предположения, — поставяет очень кстати на вид Комитета разницу между управлением губерн-

ским или областным и опекунским, из коих первое решает дела на основании общих узаконений, а последнее есть, собственно, так сказать, домашнее, наблюдающее за порядком общественным и хозяйственным под надзором подчиненных ему сельских старшин (для коих, как разуместь можно, не требуется штат в 16 тысяч рублей), — далее гр. Кочубей не соглашается с испрашиваемым награждением чинами 14 класса колонистов, коим за отличное усердие в исправлении общественных должностей можно давать медали, и вместо всех наших затей предписывает: 1-е, учредить смотрителей в округах и написать для них инструкцию, которую представить ему на утверждение, и 2-е, поспешить доставлением требуемой камеральной ведомости.

Ланов со времени перехода Комитета в Бессарабию учредил такой порядок, что все казенные пакеты приносятся с почты прямо на его квартиру; он тут распечатывает некоторые из них и потом со всеми прочими отсылает ко мне или прямо в Комитет, как ему иногда рассудится. Таким образом и настоящая бумага к нему первому попала в руки. Она отправлена была из Петербурга 19-го декабря, а почта ходит сюда в 24 дни, следовательно около трех недель лежала у Ланова не помеченною, и товарищ его не знал о ее существовании! Теперь ее отдали правителю канцелярии с приказанием держать в секрете и не давать ей скорого хода. Да и что мы напишем министру? Он требует сведений от Комитета, а у нас есть предложение главного попечителя не вмешиваться в хозяйственные дела Малевинского и предоставить их собственному его разрешению.

9.

У наместника был сегодня разговор медицинский. Рассуждали о болезнях, о действии их и о пользовании. Лекарь Фишер нам описывал свои замечания над больными и славил употребление ядов противодействующих. По его мнению пена от угрызения бешеного животного, принятая внутрь, не произведет действия. От немощей телесных перешли к расстройству душевному, причем Инзов рассказывал мне о предместнике моем, кн. Багратионе¹, умершем от белой горячки.

10.

По случаю приезда Бендерского полицмейстера¹, который обедал у наместника, завели разговор о тамошнем городе и о расположении крепости². Гильденшанц делал свои замеча-

нии, а полицмейстер отвечал на оные; но притом так тихо изъяснялся, что я ни одного слова не мог расслышать. Зато вдвое чувствительнее был для слуха моего треск, происшедший за столом. Один из людей, разнося кушанье, только-что успел подать наместнику одно блюдо, как оно вдруг вывернулось из рук его и расшиблось вдребезги. Посуда недорогая, беда невеликая, однакож при всем том удивило меня хладнокровие Инзова. Почти ни одной не заметил я на лице его морщины, и вместо каких-нибудь укоризн он же стал извинять слугу, говоря, что блюдо через меру нагрело руки его, что может быть это знак хороший, от которого пройдет у него лихорадка. С этой стороны можно похвалить Инзова. Он добр, снисходителен, шуму, возни терпеть не может. Никто из прислуживающих ему не токмо побоев, очень редко и брань от него услышит, и кроме вольного человека, с которым случилось сие происшествие, все прочие люди его денщики и солдаты им благодетельствованные.

11.

Читал в принесенных ко мне сегодня с почты газетах о произведении меня за выслугу лет в коллежские советники. Указ с отдачею старшинства состоялся в 28 день минувшего декабря. Я как ребенок прыгал от радости, но чему дивиться? То, что приобретается продолжительным терпением, трудами, пожертвованиями (я здесь не разумею денежных), что сближает с лучшими надеждами, дает повод к сравнению себя в обществе людей с иными достойнейшими, подвинувшимися к такой степени в летах уже преклонных, не должно ли быть приятно? Провел весь день дома.

12.

Опять приглашение к месячному собранию здешнего Библейского отделения и новые вклады. — Петербургский Комитет, намереваясь печатать всю библию с русским переводом, дабы успеть в таком предприятии, требует новых на сей предмет пожертвований от всех подчиненных ему Комитетов. Архиепископ Димитрий читал нам собравшимся печатное о том объявление, при коем присланы были для продажи экземпляры нового завета и апостолов, на русский язык переложенные. Книги розданы, и каждый из нас взнес по 4 рубли, а когда дело дошло до новых пожертвований, то я уехал. Пусть судят обо мне, как хотят. Я готов всегда помочь бедному, дать всё, что могу, на совершение очевидно

полезной цели, не пожалею выручить из беды ближнего, если имею на то достаточные способы, но лишиться значущей части жалованья, всего моего дохода в стране чуждой, где меня в черный день никто из мнимых благотворителей не взыщет, — лишиться для того единственно, чтоб как можно скорее вышло в печать и из печати стереотипное издание новой библии на русском диалекте, — и наконец внести более другого имеющего 20 тысяч дохода потому только, что я сиятельный, — такое действие в моем положении скорее назваться может утонченным мотовством нежели прямо добровольным приношением*.

Меня звал вчера гражданский губернатор Катакази¹ к себе обедать сегодня вместе со всеми почетнейшими чинами города. После обедни он ко всем и даже к адъютантам Инзова подходил лично повторять зов свой, а меня обошел и не хотел приметить². — Почитая таковой поступок знаком некоторого пренебрежения я не почел пристойным навязываться в гости к маленькому во всех отношениях гражданскому губернатору и просил Инзова извинить меня по причине настоящего траура³. Остались и десять левов в кармане, которые я бы заплатил извозчику.

Вечеру против дома моего молдаване стреляли из ружьев, по здешнему обычаю провожая масленицу, которая вообще прошла здесь тихо и без всяких затей⁴. Литке играл со мною в это время на фортепианах и по уходе его я встретил великий пост один у себя.

13.

Присутствовал в Комитете с Лановым, который сегодня чрез меру кроток и не выпустил ни одного горячего слова. Правитель канцелярии с фарисейскою рожею вертел на все стороны. Инзов положил весь пост объедаться рыбою, несмотря на то, что прошедшим летом у него был сильный начаток водяной болезни. Он велел своему управителю давать скоромное одним орлам и собакам¹.

14.

Награждение денежное канцелярским чиновникам. Ланов советовался со мною, сколько и кому назначить, и при сем

---

* Рассуждение мое кажется основательно, но я поступил неосторожно, сообщив оное некоторым окружающим Инзова, и добрый Гильденшанц верно всё ему передал от слова до слова, что и можно было заметить, ибо Инзов не очень был ко мне ласков.

случае сыграл ролю щедрого. Ему хочется видно до отъезда в Екатеринославль привязать к себе чиновников Комитета.

15.

Приезжал из Одессы пробошь¹ и визитатор римско-католических церквей в колониях Линдль и отправляется завтра в Бендерский цынут* для осмотра земель, предполагаемых под заселение выписанных им колонистов. Он обедал у наместника, который особенно рекомендовал меня ему, говоря, что я хорошо знаю язык немецкий. Г. Линдль очень похож на немецкого шульмейстера. Он ростом маленький, говорит тихо, в обращении кажется довольно застенчив².

16.

Просьба еврея Медведева и личная его жалоба на оказываемую ему несправедливость в удалении его от продажи вина в колонии. — Еврей Берко Медведев заключил в 1819 году четырехгодичный контракт с откупщиками колонии Катаржиной, кои приняли его в виде шинкаря для продажи вина, ими в колонию поставляемого. На бывшей в прошедшем году ярмонке произошла у них ссора и даже драка. Откупщики жаловались на корчемство, еврей в притеснении и захвачении у него разных товаров. Члены Конторы Одесской при рассмотрении сего обстоятельства разделились на голоса. Старший¹ и один младший² взяли сторону еврея, а другой младший, брат родной моего товарища, подал мнение об уничтожении заключенного условия. В конце прошедшего года Контора представила всё дело Комитету, и вслед за тем приехали откупщики, просили Инзова, кланялись особенно моему товарищу, и по домогательству сего последнего утверждено мнение младшего члена Ланова. Мне только принесли подписывать определение, внизу коего отмечено было, что оно а п р о б о в а н о г о с п о д и н о м п р е с е д а т е л е м и с к а з а л и п р и т о м , ч т о т о в а р и щ у н е л о в к о п о д п и с ы в а т ь , п о е л и к у р е з о л ю ц и я о с н о в а н а н а м н е н и и б р а т а е г о . Я в з я л п о д л и н н о е д е л о , п р о б е ж а л е г о и н а ш е л , ч т о о б е с т о р о н ы н е п р а в ы . Ж и д н е д о п у с к а л с е б я с в и д е т е л ь с т в о в а т ь о т к у п щ и к а м , с и и х о т е л и р а з д е л а т ь с я с н и м с а м о у п р а в н о . — Н о и К о м и т е т п о с т у п и л г о р я ч о , о п р е д е л и в д о о к о н ч а н и я р а с ч е т о в у н и ч т о ж и т ь к о н т р а к т р е з о л ю ц и ю и в ы с л а т ь е в р е я и з к о л о н и и . П р о ч и т а в з а г о т o в л е н н у ю р е з о л ю ц и ю и в ы м а р а в в н е й т о к м о с к а з а н н о е в о о б щ е о е в р е я х , ч т о о н и , к а к н е б е з ы з в е с т н о , б е с п р е д е л ь н о

* или уезд по-нашему.

склонны к многим непозволенным корыстолюбиям и тяжбам, я всё прочее отправил обратно к товарищу с отзывом, что дело слушано и трактовано мимо меня, следовательно пусть он и подписывает бумаги. Мог бы я подать и голос, но так как 1-е, протеста в Комитет нет и не бывало, 2-е, в полученной недавно от министра бумаге сказано, что Попечительный Комитет состоит под начальством главного попечителя и 3-е, самое дело не заключает в себе законной несправедливости и относится единственно к произвольному действию начальства, то я и не почел себя в обязанности шуметь из пустых слов, да и уверен, впрочем, что не произвел бы своим упрямством ни малейшей пользы. Итак определение сошло к исполнению, и еврей Медведев, узнав об оном в колонии, приехал теперь возводить иски свои на откупщиках по предмету отобранных у него вещей и проч.

17.

Похороны и погребение — вот что чаще всего удается видеть здесь на улице. Сегодня пронесли мимо Комитета покойника, и так как присутствие было уже на отходе, то я пошел в церковь посмотреть на обряд здешнего отпевания. Обыкновенное время для сей церемонии назначается для простолюдинов около вечереи. Покойника принесут в церковь. У гроба ставят в головах ящичек на подобие нашей кутьи, с несколькими круглыми сайками. В них втыканы палочки с продетыми вверху яблоками, лимонами, а у одного из приближенных или родственников посох в руке с обвитыми плодами. Гроб более походит на ящик и в ногах нет вовсе доски. — Попы молдавские как во время вечерни так и на отпевание становятся не на обычном месте, но к стене в приделанных по обоим сторонам стойках. Эти места служат и для прочих посетителей. По окончании отпева усопшего везут или несут на кладбище открытого и в разных местах останавливаются; поют над ним литию и читают евангелие. Служба сама должна быть во всем схожа с нашею, но трудно разобрать, что именно читают или поют, ибо напев у молдаван и греков странный и оригинальный.

18.

Завтрак у Манеги. Потчевал он меня, Ланова и адъютантов каракатицей, приготовленной с сорочинским пшеном. Это блюдо почитают здесь лакомством, но я готов ут-

верждать противное, ибо не нашел в нем ничего приятного для вкуса. Ночевал у меня Пожарский¹, пришедший сюда с арестантом для доставления ему очной ставки с здешним жителем и уличения сего последнего в передержательстве.

19.

Ездил с Манегою в митрополию, и полагали увидеть церемонию проклятия¹, но ее не было. Служил однакож сам архиепископ Димитрий, и по окончании обедни была проповедь. Я во всё время стоял в алтаре и не сводил с него глаз. Какая благородная поступь и осанка, какая величественная и вместе с тем приятная наружность! Немного найдется ему подобных. Умных и ученых архиереев у нас везде довольно, но сколько таких, кои вместе с природными дарованиями соединяют чувствительность, скромность и некоторую любезность в обращении? Димитрия все хвалят, и он истинно заслуживает добрую о себе молву.

На днях открыли ужасное смертоубийство. Отец с 17-летней замужнею дочерью зарезали мужниного отца. Отрубленную голову бросили в колодезь, платье окровавленное в другой, а туловище зарыли в хате своей.

20.

У Аккерманского въезда против манежа, в котором Орлов давал нам завтрак в первый день нового года, сегодня происходила торговая казнь. Секли кнутом четырех солдат Камчатского полка*. Они жаловались Орлову на своего капитана, мучившего всю роту нещадно, и сами, наконец, уставши терпеть его тиранство, вырвали прутья, коими он собирался наказывать их товарищей. Вот, как говорят, вся их вина, названная возмущением и буйством¹, — Орлов, отъезжая в Киев, отдал в приказе по своей дивизии о предании к суду нескольких офицеров за жестокое с солдатами обращение². В отсутствие его Сабанеев, в пику ли ему или в намерении жестокими и сильными примерами удержать войско в должном повиновении, решил участь подсудимых солдат³. При собрании всего находящегося на лицо здесь войска, тысяча около двух, прочитали преступникам при звуке труб и литавр сентенцию военную, вследствие коей дали первому⁴ 81, а прочим трем⁵ по 71 удару. Стечение народа было боль-

* Должны быть Охотского, как видно из последствня приказа, отданного Орловым по дивизии.

шое; многие дамы не стыдились смотреть из своих колясок. — И меня привлекло любопытство, но едва имел я столько духу, чтобы несколько раз взглянуть издали на экзекуцию. Одно приготовление ужасно, и если подумаешь, что иной подвергается такой казни по оговору или ослеплению судей, то невольно содрогнешься о лютости человеков. Имеющие власть приговаривать к смерти и истязанию должны бы быть люди отличного ума и нравственности, а не всякая сволочь, какая у нас сидит в Уголовной палате, да и аудиторы что иное суть как секретари полковые, раболепствующие командирам и не имеющие ни души, ни голоса. — При мне сняли с плахи первого солдата, едва дышащего, и хотели накрыть военною шинелью*. Всякий понесший уже наказание преступник вселяет сожаление, но полковой командир Соловкин^б закричал: смерть военная, не надобно шинели, — пусть в одной везут рубахе. На другом конце солдат простой не мог быть равнодушным зрителем. Он упал, и его вынесли за фронт.

21.

Прогулка за Дубосарскою заставою на близлежащее кладбище. Вид с этой горы прекрасный. Весь Кишинев под ногами, а вдали синеются со всех сторон горы и холмы, его окружающие.

22.

На днях приехал сюда из своей деревни Петербургский мой знакомый, ст. сов. Стойкович¹. Он был один из лучших профессоров Харьковского университета, а теперь причислен к нашему Комитету для употребления по особым поручениям.

23.

Начальник Главного штаба 2 армии, генерал-майор Киселев¹, приехавший сюда из Тульчина по делам службы, обедал у наместника. Сверх обыкновенных лиц приглашены были губернатор и правитель канцелярии наместничьей Крилицкой²; — лишняя сволочь за теснотою ретировалась в свои норы. Нас избранных осталось 15 человек, и мы удостоились лицезрения г. Киселева, который как редкий метеор блистал в сонмище кишиневских тусклых планет. Сей напы-

* Этот и другой его товарищ через двое суток померли.

щенный своим званием, достоинствами и богатством (юноша, можно сказать, между именитыми витязями) с видом покровительства и снисхождения обращал речь свою к маленькому губернатору, который стоял перед ним как приказный и токмо хлопал глазами. Мне удалось поймать несколько слов, кинутых мимоходом, и той же чести удостоился Пушкин³. Прочие, в том числе и товарищ, не были вовсе замечены. Мы все молчали, кроме Стойковича, который занимал своими рассказами превосходительного, а сей, отпустив несколько слов за столом и переговорив с наместником в кабинете, отправился на свою квартиру. У Инзова с сегодняшнего дня начали готовить скоромное*.

24.

Новая разладица с товарищем. У нас в Комитете находится в числе канцелярских служителей мальчик молодой, по прозванию *М а л я р о в*. Заметья лично, что он более прочих трудится и всех недостаточнее, я старался о прибавке ему жалованья. Мне хотелось, с одной стороны, помочь бедняку, с другой, возбудить и в прочих его товарищах соревнование к службе. Ланов согласен был на это, но с тем, чтобы еще одного поместить в этот же счет. Я в то же время поручил правителю канцелярии войти с докладом о *Малярове*, но у *Мандела* было свое на уме. По его настояниям вышло другим, о коих Ланов ходатайствовал у *Инзова*, и потом мы уже начали рассуждать, станет ли еще денег на прибавку жалованья *Малярову* и двум его товарищам. Сперва предполагали назначить им сотню, потом 50 рублей, а наконец сегодня Ланов сам от себя вздумал пригласить меня общими силами ходатайствовать у *Инзова* о выдаче единовременно поименованным канцелярским служителям из остатков прошлогодней суммы по 100 рублей, говоря, что прибавка назначится им с нынешней же трети. Рассчитывал ли он, что им откажут, или действительно расположен был сделать добро, это известно одному испытующему сердца и утробы — довольно, что мы положили в числе прочих бумаг доложить сегодня и об этом. Кажется не трудно выпросить во всякую минуту три сотни рублей бедным и трудолюбивым писцам, но на это самое, видно, не было совершенно доброй воли. — Замечая, что Ланов вовсе не распо-

* Экзекутор Комитета *Гридякин* ни за что не хотел есть скоромное, и дни два выдержал свое намерение, но так как он уже привык обедаться за столом генеральским и притом боялся свои денежки нести на жертву душеполезной цели, то и стал опять ходить за стол к *Инзову*. — Скупость одержала над набожностью победу.

ложен докладывать, я не утерпел и первый начал просить. Инзов тотчас отозвался, что Маляров недавно служит, и мой товарищ, вместо того, чтоб поддержать меня, улыбнулся, а правитель канцелярии представлял рожу Митрофана Терентьевича¹. Не оправдываю и себя. Я несколько погорячился, ибо Инзов, упрямый и недоверчивый, едва успел произнести согласие на два представления или лучше сказать просьбы приехавшего сюда члена Бессарабской конторы Олофсона², 1-е, о выдаче колонистам заимообразно из общественной суммы 5650 левов и 2-е, о обращении одного магазейна при купленном для Конторы доме в жилые покои, как я сунулся с моею докукою. Надобно было выбрать лучшую минуту, но меня несмотря на то раздражил поступок товарища, и мы, вышед от Инзова, жарко друг с другом сразились.

25.

Подписал с Инзовым и Лановым представление к министру о менонисте¹ Шенвизской колонии Тиссене, сужденном Таврической Уголовною палатою в кровосмешении с дочерью и прижитии младенца. Палата приговаривала обоих к торговой казни и к ссылке в каторжную работу. Дело это, будучи прислано на рассмотрение Комитета, попало сперва ко мне в руки. Я его прочел и нашел, что определение Палаты слишком жестоко в отношении к дочери, которая, хотя и виновна, но менее отца, склонившего ее к сему преступлению. Со мною согласился и товарищ, и мы оба основывались на решении Уездного суда, коим определено отца наказать кнутом, а дочь плетьюми, с ссылкой первого в каторжную работу, а последнюю на поселение. Доложено нами Инзову, который и наш приговор нашел еще жестоким. В отправленной за общим нашим подписом бумаге мы представили министру мнение Комитета о наказании колониста Тиссена плетьюми, а дочь его розгами, с оставлением последней на месте жительства, и о сношении по сему предмету с духовным министром, поелику менонисты, как особенная секта, не подлежат вовсе правилам нашего вероисповедания.

26.

Разговор у наместника об ученых предметах. Стойкович утверждал между прочим, что по всеобщим наблюдениям примечено, что правый берег рек, взятый от течения их, всегда возвышеннее левого. Рассуждали, отчего бы это могло произойти. Покатость земли не может служить причиною, ибо реки

текут во все стороны. Инзов заметил, что и в моральном отношении правая сторона предпочитается, берет верх над левою. Сказано в священном писании: добрые станут одесную, злые ошую. — Любопытную географическую карту показывал он нам. Она составлена по какому-то древнему описанию морей, которые тогда наводняли Европу и впоследствии уже времени вступили в настоящие свои пределы. Италия, например, был остров; Бессарабия с южною Россиею составляли продолжение Черного моря и соединяли его с Балтийским. Китайцы ведут свою хронологию за 40 тысяч лет!

27.

Ели устрицы у наместника. Они малы и вкуса вовсе почти не имеют.

28.

Здесьшний командант *Алексеев**, большой почитатель Бахуса, вчера по утру умер скоростижно. Его сегодня отпевали в соборе и с военною почестью отвезли на кладбище. Батальон *Охотского* полка был при сем случае в параде. Я токмо посмотрел на начало церемонии, весьма обыкновенной, и когда повезли тело на кладбище, воротился в Комитет, ибо черные тучи стращали непогодою. И действительно, лишь только успел я воротиться, как поднялась буря с градом и дождем. Ненастье продолжалось до вечера.

Марта 1.

Здесь видно февраль лучше марта. В продолжение почти пяти недель погода стояла сухая и теплая, с третьего дни пошли дожди, снег, сильные ветры и холод — настоящая осень в северных краях. Товарищ опять перестал ходить в Комитет, и правитель канцелярии бегаёт к нему с бумагами. Просил сегодня наместника об отыскании и поимке беглых людей дяди *Селецкого*¹.

2.

Провел весь день дома и разбирал полученные от дяди бумаги. Вечеру приходили ко мне *Литке* и *эксекутор* наместничьей канцелярии *Архангельский*¹ — два знаменитейшие здешние виртуозы.

* В *Кишиневе* четыре *Алексеева*¹, и нет ни малейшего родства между ними.

3.

Диспут о бородах. Стойкович утверждал, что Сократ, Александр Македонский, Платон, Цицерон и многие другие брили себе бороду, мы с Манею сомневались. Генеральская энциклопедия решила обоюдные состязания. В ней нашли, что римляне со времен Сципиона начали бриться, и что тогда уже некоторые завидовали участи непросвещенной Европы, не причастной сему обычаю. — Всю неделю присутствовал в Комитете один.

4. 5.

Не замечательны.

6.

Докладывал наместнику по двум представлениям Контор и новую имел причину досадовать на него. От собственной ли его ко мне недоверчивости или склоняя слух свой на сплетни моих недоброжелателей, он обошелся со мною как с секретарем своим. Не основываясь на моих словах, сам стал читать дело, привязывался ко всему и спрашивал товарища, который, не читав порядочно дела, нашелся в комическом затруднении отвечать на все вопросы, а правитель канцелярии ловил только одни слова. Сцена была довольно забавная. Малярову и прочим вышла награда.

7.

Наместник опять перестал ласкать меня. Бьюсь об заклад, что прислушал на мой счет сплетни.

8.

Пушкину объявлен домовый арест за то, что прибил одного знатного молдавана, не хотевшего с ним выйти на поединок¹. Сцена, как сказывают, происходила в доме вице-губернатора², который вместе с бригадным командиром Пушчиным³ приглашены были к наместнику для объяснения по сему предмету. В городе носятся разные слухи. Будто бы Орлов не будет назад⁴, а прямо поедет в Петербург, что в приказе, данном им по дивизии, вовсе запрещено бить солдат⁵, что с некоторого времени строго стали примечать за иностранцами, которых здесь довольно много. За несколько недель тому назад отвезли в крепость молодого майора Раевского⁶. Ему поручена была здешняя военная школа по методе Ланкастера, и у него нашли

В. Ф. РАЕВСКИЙ.

Рис. Пушкина на полях послания Раевскому, 1822.

Тетрадь № 2365, л. 36.

Институт литературы Академии наук СССР. Ленинград.

какие то тетради. Отправил сегодня поверенного для открытия и поимки беглых людей.

9.

Товарищ отправился сегодня в Екатеринослав и оставил меня одного с кучею нерешенных дел в Комитете*. Он едет повидаться с своими знакомыми и провести там праздники, а чтоб не быть в отпуске взял на себя переследование дела по Огренской пристани, предписанное министром по случаю разноречивых показаний колонистского начальства и тамошнего местного управления водяными сообщениями. — На самом берегу пристани расположена немецкая колония, которая, пользуясь принадлежащею ей землею, отдавала оную на откуп за 8 тысяч рублей. Водяным чиновникам захотелось эту статью прибрать к рукам. Они, чтобы в том успеть, ссылаются на свои уставы, на неверность нашего плана, и наконец утверждают, что в весенний разлив вода потопляет всё пространство, определенное для бечевника. Товарищу поручено по вскрытии Днестра исследовать сие обстоятельство. Я ходил к нему проститься и застал его перед самым отъездом. Кроме Малевинского, правителя канцелярии и приехавшего на днях директора Скулянской таможни Яновского¹ никого не было. Мы все облобызали Ланова, пожелав ему счастливого пути и благополучного возвращения. Проводов не было никаких, и мне кажется, никто из подчиненных не жалел о его отъезде. К нему привязаны один Инзов и его адъютанты. Вчера за столом наместник приметно казался тронутым, а у Ланова наворачивались слезки. Старики друг друга любят, да и как иначе? Долговременная свычка, сходство лет, уступчивый нрав одного, слабости другого, взаимная доверенность в делах, всё это сближает людей, не занятых пылкими страстями.

Погода сегодня была прекрасная, и наместник до обеда занимался в своей маленькой оранжерее, которую он прошлую осенью выстроил у большого дома, оставленного им по случаю бывшего 5 ноября сильного землетрясения². Я между тем прогуливался с Стойковичем, Худобашевым и Манделем, и мы заходили к Пушкину, который скорыми шагами размеривал свою

---

* Счетную часть нашел я в беспорядке. С самого закрытия Комитета не было чинимо месячного свидетельства сумм. Ланов всё забирал в свои руки, особенно часть расходную. В течение нескольких месяцев не мог он привести в порядок несколько сот рублей, употребленных на перевозку Комитета в Кишинев, и токмо за несколько дней до отъезда своего в Екатеринослав подал отчет Комитету, а между тем бухгалтерия затруднялась составлением общего отчета.

комнатку, обрадовался, увидя нас, смеялся беспрестанно и спрашивал, надолго ли его засадили. У дверей поставлен часовой. Его однакож пускают в сад и на двор, и, исключая молдаван, всякий может с ним видеться.

Историю нашего молодого поэта рассказывают следующим образом. За несколько времени перед сим имел он поединок с шефом 31-го Егерского полка Ст а р о в ы м. Поссорились они за дрянь и оба выстрелили на воздух. Происшествие тогда же разнеслось по городу, и скоро об нем забыли, исключая двух или трех молдаван, у которых оно осталось в памяти³. В прошедшее воскресенье⁴ на маленькой вечеринке у молдаванки Богдан⁵ дочь ее г-жа Балш⁶, вмешавшись в разговоры и суждения на счет удовлетворения, каковое требовать должен брат ее мужа Я н к о Балш⁷ за причиненные ему побои, сказала Пушкину, вызвавшемуся отомстить честь обиженного: «*Vous vous défendez assez mal vous même*»⁸ и пр. Пушкин, любя страстно женский пол, а в особенности, как полагают, г-жу Балш, забыл на ту минуту всё, бросился к мужу ее Теодарашке Балш⁹, который играл в карты, и объявил, что ему надобно за жену драться. Сей не знал, на что ему решиться. Но когда сама жена стала жаловаться на Пушкина, то и его забрало в очередь. Полетели ругательства. Молдаван рассвирепел, называл Пушкина *Jean f...*¹⁰ — ссылочным и пр. Сцена, как рассказывали мне очевидцы, была ужаснейшая. Балш кричал, содомил, старуха Богдан упала в обморок, беременной вице-губернаторше приключилась истерика, гости разбрелись по углам, люди кинулись помогать лекарю, который тотчас явился со спиртами и каплями — оставалось ждать еще ужаснейшей развязки, но генерал Пуцин* успел всё привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою. Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирать ссорящихся. Вчера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: «Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место». При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас розняли, и Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете и после обеда отправил его с адъютантом под арест. Несмотря на зверский его поступок,

* Пуцин, молодой генерал, гротмейстер здешних масонов, говорит хорошо по-французски, знает *le bon ton*¹¹, умеет посмеяться на чужой счет, не верит христианскому закону, но впрочем человек не злобный¹².

многие винят Балша. По общему признанию в молдаванах нет ни доброты, ни честности, ни благородства¹³.

10.

Жена служащего в Комитете сербского чиновника Живановича¹, у которого я крестил в конце прошлого года девочку, приходила сегодня по утру ко мне в слезах просить о покровительстве и защиты против свирепостей мужа своего. Придерживаясь правила, что муж есть глава жены своей, он по временам во всем пространстве приводил его в исполнение, а вчера так ей внушал оное, что бедная вынуждена была бежать просить помощи. Из дому Живанович отправился беспокоить правителя канцелярии; но сей велел призвать полицейского и по докладу наместника он остался сидеть в полиции. Взбесило его приказание товарища отдавать жалованье не ему, а жене под сохранение.

11.

У наместника за столом разговор о сельском домоводстве, любимая часть его познаний. Я не расслышал ни одного слова и по обыкновению молчал.

12.

По случаю сегодняшнего торжественного дня¹ ездил поздравлять наместника и был в митрополии у обедни, которая продолжалась около двух часов. Остаток дня не замечателен. У наместника обедали домашние. После обеда я прогуливался в городе. Время прекрасное. Везде уже выступила трава, и деревья начали распускаться. Вечеру была иллюминация. В некоторых местах зажжены смоляные бочки, а в домиках стоят свечи на окошках. Зарево издали походит на несколько пожаров в городе. Пушкин присылал ко мне сегодня просить батюшкиных сочинений². Я сам ходил под вечер навестить его вместе с Литкою, но не имел никакого в беседе его удовольствия. Ум пылкий, не основанный на правилах разума и нравственности, пленять не может.

13.

Хозяйственные упражнения. Превращение палисадника в маленький огород.

14.

По отъезде Ланова, будучи в обязанности по всем бумагам, заключающим некоторую важность, докладывать наместнику и испрашивать его мнения, а некоторые другие доводить до его сведения по учрежденному до меня порядку, в силу коего член Комитета есть попросту секретарь или докладчик, я сегодня с кучею бумаг явился к нему в 8 часов вечера, время, в которое он свободнее, не будучи отвлекаем просителями и другими лицами, имеющими до него надобность. Взял я с собою правителя канцелярии не столько для пособия мне, сколько для самого генерала, который более имеет доверия к моим подчиненным, и сверх того объясняется так тихо, что иное нужное слово пройдет мимо ушей моих. Не ошибся я и на сей раз в своем предположении. Инзов поверял меня с делом. Первое в докладе было о подозреваемых в смертоубийстве колониста Вартера людях. Он сам читал его от первой до последней страницы, на всяком обстоятельстве останавливался. Вошел адъютант его Гильденшанц и начал рассуждать вместе с нами. Таковое небрежное обхождение со мною, видимая склонность убежать откровенного разговора и грубая военная замашка не посадить даже члена, пришедшего трактовать о деле и вынужденного три часа стоять перед ним как ефрейтор, всё это не отвратило меня от обязанности моей, и я несмотря на то, что у меня кипело на сердце, и что наконец старик уже несколько раз начал зевать, доложил ему почти до последней бумаги, и в 11 часов с ним простился, будучи доволен тем, что свалил с собственных плеч несколько бумаг, которые бы остались до будущего удобного случая.

Если судить хладнокровно, то всё пустое. Люди везде люди. Редкий имеет дар вникнуть в свойство другого, последовать внутреннее его чувство, взвесить каждое слово. Проницательность таковая принадлежит одним гениям. В вещественном мире все судится по одной наружности. Лекарь щупает пульс у больного, юристу надобны улики, лицемерная набожность часто принимается за настоящую — всякий судит людей по их разговорам, словам — и на них основывает свои поступки. Смелому везде дорога скромному, застенчивому везде рогатка. — Пожар за городом.

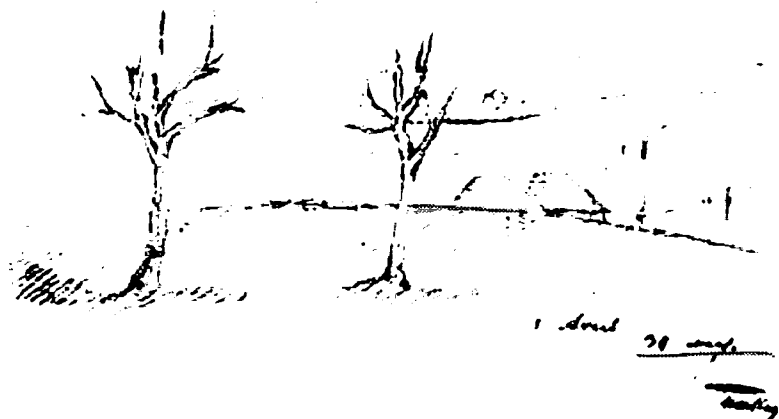
15.

Погода изменилась. Стало ветрено и холодновато.

ОКНО В КОМНАТЕ ПУШКИНА

в «доме Инзова» в Кишиневе. Рис. Пушкина, 1821 г. Тетрадь № 2365. л. 67 об.
Институт русской литературы. Ленинград.

ВИД ИЗ ОКНА

в «доме Инзова» в Кишиневе. Рис. Пушкина, 1821 г. Тетрадь № 2365, л. 51 об.
Институт русской литературы. Ленинград.

16. 17.

Занимался делами. Остаток свободного времени употребил на чтение книги под заглавием *Histoire de Catherine II par Castera*¹. Писатель почти большую часть позаимствовал из других источников, а в своих собственных примечаниях врет непощадно². — Пишет например, что генерал-прокурор кн. Вяземский *était un homme d'un esprit borné. Il est mort imbecile*³, что Потемкин и Орлов били государыню, и проч.⁴. Все это сочинение под эпитафием из Тацита: *Nihil compositum miraculi causa, verum audita scriptaque senioribus tradam*⁵.

18.

Сильный вихрь во всю ночь и в продолжение дня.

19.

Разговор с Стойковичем и Манегою о настоящем положении политических дел в Европе. В Испании беспрестанно более и более сжимается власть королевская. Эту землю можно почитать рассадником неблагонамеренных к нынешним правительствам умов. Нет уже против них твердого оплота: религия слабеет, сама мораль принаравливается к духу времени.

20.

Занимался рассмотрением довольно любопытного дела о уничтожении Радичевского менонистского братства, по коему изготовил донесение к министру. Это братство одно из старейших учреждений. Оно перешло в 1772 году из Валахии в Россию и по приглашению фельдмаршала Румянцева поселилось на землях его Черниговской губернии, а впоследствии времени им отведены казенные. Ныне это братство по происшедшим в обществе их несогласиям рушилось и теперь разделено на две колонии, с введением в них общего колонистского управления¹. — Радичевская братия следовала правилам Якова Гутера, тирольца, основавшего в 1530 году сии общества, с тем только различием, что предписывала сверх того последователям своим жить единосемейно, подобно христианам первых веков церкви и отрекаться по клятвенному обету от всякой частной собственности. Причина настоящего их раздвоения, как замечает г. Фадеев², старший член Конторы, должна была произойти оттого, что столь тесно соединявшая их во времена гонений за веру связь по пресечении нравственной причины их крепости уступила силе природы и побуждению наслаждаться плодами личной каж-

дого промышленности. Живучи в Государстве, в коем царствует полная свобода совести и вероисповедания, и видя других собратий своих менонистов в изобилии, они должны были завидовать их благосостоянию.

21.

Секретарь Антоньев отпущен на 28 дней в отпуск.

22.

Докладывал наместнику по делам Комитета. Он сам читал почти все бумаги, заслуживающие некоторого внимания, и обошелся со мною довольно ласково. Надобно отдать полную справедливость особенной деятельности нашего кишиневского воеводы. Он встает рано и почти непрерывно чем-нибудь занят. Совершенно праздное время проводится у него за столом. Если нет дел, то он в хорошую погоду ходит посмотреть на свой маленький огород, а в ненастную сидит дома и читает газеты или ученые записки. Без дела никто у него не бывает, и он сам для одного препровождения времени никуда не ездит. Просители во всякое время имеют к нему доступ. Сегодня поутру с 8 часов работал он с правителем канцелярии Криницким, от 11 до первого читал мои бумаги, а потом вышел к просителям.

23.

У наместника обедал Яновский, и разговор был о Грузии. От него я заходил к Пушкину и нашел его похудевшим. Он жалуется на болезнь, а я думаю, что его мучает одна скука. На столе много книг, но всё это не заменит милую, — неоцененную свободу. В 20 лет очень тяжело хоть два дни посидеть на одном месте и смотреть в окошко или пройтись несколько раз на голом холме. Несмотря на свое заточение, Пушкин мне не завидует. Он сказал мне на счет моих непрерывных занятий: «Je voudrais rester enfermé toute ma vie plutôt que de travailler pendant deux heures à une affaire pour laquelle il faudrait répondre».¹

24.

Докладывал наместнику по делу о славяносербах¹ и не могу и сегодня похвалиться его со мною обращением. Он в продолжение целого вечера до первого часа мучил правителя канцелярии вопросами, ежеминутно справлялся с делом и, только под конец доклада заметя, что я нахмурил брови, стал мне объяснять по-французски, какие и для чего

именно хочется ему сделать дополнения в общем нашем представлении к министру, а на отходе пенял, что я у него сегодня не обедал.

У жидов начались праздники Пасхи, кои продолжатся целую неделю.

25.

В моем приходе праздник¹. Служил архиерей, и обедню пели на русском и молдавском языке; по окончании литургии какой-то семинарист говорил молдавскую предику².

26.

Свитский генерал-майор Хоментовский¹ приехал сюда вчера из Тульчина. Ему поручено заняться проведением дорог в Бессарабской области и сокращением оных. Кажется, что мера эта предписывается или по случаю преднамереваемого посещения государя или для доставления войскам кратчайшего и прямого пути в случае войны с турками. Инзов в оба эти дни не снимал с себя мундира.

27.

По приглашению Инзова начал говеть с ним вместе. У него бывает заутреня, к обедне хожу в собор (или лучше сказать, в русскую церковь, ибо здесь все прочие молдаванские), а к вечерне в свой молдаванский приход.

28.

Пушкин говеет вместе с нами. По окончании заутрени наместник объявил ему свободу, и он как птичка из клетки порхнул из генеральского кабинета на улицу искать прежних рассеяний и удовольствия в кругу своих приятелей*. Со мною Инзов обошелся ласково, но принужденно. Я не могу ему нравиться, потому что не умею ни льстить, ни подкрадываться в милость, чуждаюсь площадного высокомерия, с адъютантами не панибратствую и наконец живу скромно, уединенно, так, как велит недостаток. Подчиненные мои, замечая такое отношение между нами, на нем основывают свои противу меня поступки. Какая впрочем тут подчиненность (как замечал мне однажды товарищ), когда и член и приказный за одним сто-

* Балш подавал просьбу наместнику, но сей, как говорят, помирил его с Пушкиным.

лом повседневно обедают у наместника и каждый пользуется своею долею доверенности? Таковое положение лиц не равных между собою ни средствами, ни воспитанием, ни властью, не может устроить согласия обоюдного, ни определить каждому точных границ подчиненности и повиновения. Я это теперь испытываю на самом опыте. Секретарь Комитета М а р ч е н к о¹ (стоит только взглянуть на лицо, на ухватки его, чтобы безошибочно узнать в нем лукавого и пронырливого подьячего), бывши удален от должности исправника прежним наместником Бахметьевым, умел прислониться к Комитету. Ни товарищ, ни правитель канцелярии, ни даже покойный предместник мой кн. Багратион не могли полюбить его. Он на всех готов был возводить сплетни. Дошла очередь и до меня. Во время ссоры моей с Лановым Марченко служил мне наиревностнейшим образом: я знал всё и обо всех; однакож при всех его услугах не мог я удержаться, чтоб не заметить ему однажды в присутствии его нескромность. Впоследствии времени Марченко заболел и, выздоровев, стал нежиться. Все знали, что он давно уже притворно хворает, но никто не хотел его тревожить. Правитель канцелярии тесно подружился с ним в Кишиневе. Несмотря на связь их и принимая в уважение единственно то, что сама служба терпит от такого послабления, а канцелярские чиновники видят перед собою худой пример и понаровку, я первый настаивал в том, чтоб он подал рапорт о болезни, по коему должность его была бы возложена на старшего по нем. Товарищ был на то согласен, но правитель канцелярии умел нас обоих отговаривать, и Марченко, узнав обо всем от него, скоро вышел с ненавистью ко мне. Я готов биться об заклад, что настоящее удаление от меня правителя канцелярии и других по нем чиновников есть последствие новых сплетней г. Марченки, ибо он, ясно презирая мое над ним начальство, всё теснее жметя к адыютантам и к самому Инзову, который ласкает его даже в моем присутствии!

29.

Исповедывался у соборного протоиерея Л о н ч к о в с к о г о. Несмотря на отдаленность Бессарабии от главного церковного управления, здешнее духовенство можно поставить в пример многим другим, в провинциях обретающимся. Трудно конечно определить достоинство людей по внешним их поступкам, но, говоря вообще о целом сословии, я, сколько мог заметить, нашел между священнослужителями людей образованных и усердствующих в отправлении своей обязанности.

30.

Причащался в соборе со всеми чиновниками Комитета. Инзов в митрополии, где была поздняя обедня.

31.

С соседнего холмика, на котором стоит дом бывшего исправника Е м а н д и¹, выстрелили поутру ко мне на двор из ружья. Пуля свистнула мимо задних моих окошек и пролетела через крышу низенького молдаванского домика. Люди прибежали сказать мне об этом, и я тотчас пошел к наместнику, полагая нужным довести до его сведения происшествие, которое требует исследования и принятия мер к отвращению своевольства, от которого могло бы произойти и нечаянное смертоубийство. Инзова застал я в саду. Он чрезвычайно удивился моему повествованию и соглашался со мною в том, что надобно унять таких дерзких шалунов, но на счет немедленного следствия на дворе исправника отозвался, что выстрел не мог произойти со двора, а верно какой-нибудь прохожий тут пошалил в соседстве, и его уж никак не сыщешь. Адъютант Гильденшанц заключил генеральское определение общим замечанием, что здесь народ азиатский. Согласен с ними, но зачем не удвоить бдительность полиции? Такая слабость не может и не должна быть терпима. Недавно было предписание от наместника о запрещении стрелять и холостым зарядом в городе. Двое выстрелившие 12 марта по случаю торжественного дня близ самой полиции взяты были под стражу; но несмотря на то в нашем диком околodge по близости реки Быка под предлогом гусей и уток будут еще раздаваться ружейные залпы.

Обедал у Инзова. Ходил с ним к вечерне в собор, а всенощную слушал в своем молдаванском приходе. Церква была полна народа; служба продолжалась около 3 часов. Попы едва могли пронести плащаницу кругом церкви, так и толпился народ пройти под нее.

Апреля 1.

Пушкин спорил за столом с наместником на счет нынешней нравственности и образа жизни. Он защищал новые правила, новые обычаи, Инзов, напротив, воздавал хвалу старым и доказывал их превосходство. Вчера отправился обратно в свои поместья отставной сенатор гр. Северин Осип. Потоц-

к и й*, приезжавший сюда на несколько дней по собственным делам своим.

2.

Заутреню светлого воскресения слушал в митрополии вместе с Инзовым и первейшими особами города. Сам архиерей Димитрий отправлял ее, и она с обеднею продолжалась до 6 часов утра. Евангелие читали на четырех языках. Архиерей на греческом, архимандриты, один на молдаванском, другой на латинском, а протодиакон на русском. Порядок в церемонии, тишина между предстоящими были примерные. Всё соответствовало высокой, торжественной цели. Сама природа праздновала день сей. Темная ночь удалялась на быстрых крыльях, искусственный свет разливал последние свои тени, и солнце во всем блеске ударило в окна отверзтого алтаря в то самое время, как с крылоса раздавался прекрасный гимн Бортнянского¹ Да воскреснет Бог. — Я не помню в жизни своей подобного светлого праздника. Всё вместе было величественно, торжественно.

По окончании обедни мы все разговелись у преосвященного, а потом ездили к наместнику, у которого также был завтрак. Мою пасху отведали чиновники Комитета, пришедшие под предводительством правителя канцелярии меня поздравить. Остаток раннего утра употреблен на взаимные посещения. В числе двух или трех домов** заехал я и к правителю канцелярии, — и к немалому удивлению нашел тут наместника, который несмотря на расстояние между мною и сим подчиненным моим во всех отношениях был у него прежде потому только, что он женат, а я нет. Такое пренебрежение под самым пустым предлогом было для меня чувствительно, и я не мог удержаться, чтоб не обнаружить отчасти оное за столом у Инзова. Нас обеды сегодня пять человек и именно я, два адъютанта, Яновский и экзекутор Гридякин. — Вечеру навестил меня духовник мой со всем причтом.

3.

Приезжал ко мне поутру Манега, и я вместе с ним ездил в собор, где служил архиепископ Димитрий. Отсюда отправи-

* Рассказывали мне, что между Потоцким и Пушкиным был спор за столом у Инзова, и первый уступил последнему. Заметили Пушкину, что он жарко оспаривал сенатора, и он на это отвечал: «Eh quoi, si Pototsky n'aurait pas cédé je lui aurais donné un soufflet»¹.

** К армянскому архиерею², к губернатору и к генерал-майору Пушкину. Последний сам был у меня с визитом.

лись к Инзову, у которого был завтрак для духовенства. Сборные приходили славить, а потом явились жида со скрипками и ради денег по своему обычаю приветствовали. Инзов обошелся со мною ласково. Увидев в руках адъютанта его записочку, по которой, отдавая сегодня визиты холостым ребятам всякого состояния, предполагал он захватить и ко мне, я всячески старался отвести его от сего намерения, представляя, что я у него домашний, живу на краю города и отнюдь не могу требовать, чтобы он при своих занятиях потерял бы несколько минут на исполнение обычая вовсе ненужного в отношении ко мне. При сем случае однако я дал ему заметить в откровенном разговоре, что не могу быть равнодушен к поступкам гражданского губернатора и прочих чиновных особ, которые с самого появления моего в Кишиневе не соблюли должной учтивости. Это подействовало. — Наместник выехал с визитами. Дорогою начали его бить лошади. Он принужден пересест в коляску к губернатору, обедал у него и после обеда вместе с ним заезжал ко мне, пояснив ему чайтельно, что член комитета и князь Долгорукий не есть приказный губернского правления, а вместе с тем и сам вероятно убедился в справедливости моих замечаний, что человек холостой, в совершенных летах и занимающий пост значительный, в отношении к правам общества отнюдь не ниже замужнего. Оба превосходительные не застали меня дома, но зато один оставил карточку, а другого со всею свитою жандармов и казаков видели мои соседи и следовательно могли судить о внешних моих достоинствах. Я между тем обедал у своего правителя канцелярии с его женою и секретарем Марченком, а ввечеру ходил прогуливаться на Булгарею. Так называют отдаленнейшее предместье Кишинева, населенное большею частию болгарскими выходцами. Тут поставлены в двух местах качели, а у Бендерского выезда происходила борьба. Двое нагих схватываются и пробуют свою силу. Не видал я кулачных боев, но уверен, что эта забава должна быть гораздо предпочтительнее нашей российской потехи. Там подбивают глаза, сворачивают шеи, потрясают внутренние суставы, здесь, напротив, одна ловкость, гибкость и проворство дают победу. Борцы употребляют особенную хитрость одолеть друг друга: то стараются опрокинуть посредством потеряния перевеса, то лягут один против другого и ищут решить превосходство сил руками и грудью. Победенный валяется в пыли, победителя подымают кверху. Народ приветствует его криком, господа кидают ему деньги*. Не за-

* Во время борьбы двое играют на волынке.

метил я ни во время борьбы, ни по окончании оной какого-нибудь ожесточения или драки. Правда, что у одного пошла кровь носом, но не от удара, а от чрезвычайного напряжения сил. Он отдохнул несколько минут и потом опять вступил в бой с другим болгаром. Зрителей трудно унять. Один полицейский служитель махал саблею, двое болгар беспрестанно отгоняют народ прутиками, стараясь расширить круг, который однакож всё становится теснее по мере умножения любопытства. Пушкин был также в числе зрителей. Ему драка очень понравилась, и он сказал мне, что намерен учиться этому искусству.

4.

Ходил смотреть церкви. Их числом 10, а именно 1., митрополия или архиерейское подворье. 2., собор, 3., Благовещенье (мой приход), 4., армянская, 5., Вознесенье в Булгарее, 6., Егория, сербская, у Бендерского выезда, 7., Рождество Богородицы, 8., Харлампия, 9., Ильи Пророка и 10., кладбищенская у Дубосарского выезда. Митрополия есть, так сказать, домашняя архиерейская. Она составляет часть его дома. Одна деревянная колокольня, несколько каменных флигелей, большие два двора, сад и каменная вокруг всего ограда дают сему подворью вид монастырский. Все эти строения расположены на просторном возвышении, с которого видны от Кишинева токмо кровли больших домов и некоторые церкви. С левой стороны прилегает большой каменный дом, в котором расположена семинария, и публичный сад, а с правой дорога идет к Аккерманской заставе. Собор или русская церковь находится в средоточии самого города, выстроена на манер немецкой с одною колокольнею и над престолом нет купола. — Благовещенье снаружи почти во всем схожа с соборною, внутри иконостас побогаче. Армянская маленькая, с четверугольною башнею. Вознесенская, Рождество Богородицы и Егорьевская внешнею архитектурю более походят на русские церкви. Первая имеет довольно высокую колокольню, с которой вид на все стороны Кишинева прекрасный; последняя красиво расположена внутри и еще не совсем отделана. Остальные маленькие молдавские строения. Ни в одной вообще нет приделов. Все они каменные и представляют продолговатый четверугольник с выдавшимися несколько боками. Алтарь сделан полукружием. Внутри по обеим сторонам приделаны стойки; полы в некоторых деревянные, а в других каменные плиты. Напротив алтаря находятся хоры. Место сие обыкновенно за-

нято в молдаванских церквах девицами, в соборе оно принадлежит всякому. На счет храмов здешних сказать особенного более нечего.

5.

Целый день провел дома за письмами.

6.

Духовник мой звал меня к себе на вечер. Ему хотелось угостить меня, и на сей конец он собирался позвать и других своей братии начальников, но я отказался от большой круговеньки, и провел у него вечер один с Литкою.

7.

Диспут у генерала между Стойковичем и Пушкиным на счет грамматических несогласий в русском языке. Пушкин утверждал, что висящий меч, спящий человек не означает полного, совершенного действия, Стойкович полагал, напротив, что глагол: висящий, спящий, подразумевает слова: который висит, который спит. Далее рассуждали они о несовершенствах нашего правописания. Например, двенадцать, седло и пр. тому подобные слова надлежало бы писать без буквы «ять», ибо говорят двоенадесять, осёдлость¹. — Давнопрошедшее писывал, хаживал должно производить от глаголов писывать, хаживать, а не писать и ходить, поелику слово писывал означает действие многократно совершенное, каковое не заключается в начальном наклонении глагола писать. Пушкин приводил свои доводы с жаром, Стойкович с умеренностию, и к счастью не дошло у них ни до каких колкостей.

8.

Писал письма.

9.

Гулянье за Дубосарскою заставою продолжалось во всю святую неделю. Я ходил туда сегодня, и кроме простого народа и нескольких чиновников мелкого разряда почти ни с кем из знати здешней не встретился. Вид отсюда прекрасный, особенно с кургана весь Кишинев и окрестности представляются в виде панорамы. На лугу раскиданы две, три палатки, в которых пьют чай и курят трубки. Девки играют в горелки, мужчины ходят взад и вперед. Рядом с гуляньем кладбищенская церковь и могилы, а с другой стороны ямы, оставшиеся

после землянок русской армии, стоявшей здесь лагерем во времена прежней войны с турками¹.

10.

Открыл присутствие в Комитете после праздников.

11.

Докладывал наместнику по некоторым делам, в особенности по бумагам пробоща Линдля. Священник этот, гонимый папою, нашел пристанище у нас в России. Ему поручены все католические церкви в южном крае, и он сверх того с высочайшего дозволения выписал несколько сот баденских и виртембергских подданных, коих водворение и управление поручено также ему под непосредственным надзором Попечительного комитета. Довольно было бы заниматься одною церковною паствою, — г. Линдль хочет еще управлять и колонистами. Выходцам его назначена избранная им самим долина Сарата, смежная с бессарабскими колониями. Еще не успели отправить туда землемеров для отмежевания земли и снятия ее на план, как уже сей духовный витязь явился с своим народом на места избранные и теперь никому не дает покою. Наместнику таковая поспешность не по нутру, а мне всё равно, лишь бы не быть праздным.

12.

Духовенство здешнее выходило сегодня на поле совершать молебствие о ниспослании дождя, которого со времени наступления весны совсем почти не было*. Погода с половины марта стоит теплая и по большей части ясная, а в полдень солнце печет уже порядочно. Не мудрено, что на поле засуха. Приезжал сегодня к наместнику новоопределенный в колонии францисканский монах ксендз М а ц и е в с к и й. Эдакой подлой и лукавой фигуры я еще не видывал¹.

13.

Поутру занимался в Комитете; обедал у наместника, ввечеру поправлял переводы бумаг, посылаемых к Линдлю.

---

* Молдаване по случаю этого обряда целый день не работали, почитая его праздничным.

14.

Показывал наместнику заготовленные бумаги. Он их читал, и некоторые сделал замечания, доказывающие его внимательность в соображении дел и местных обстоятельств. Не приметя на лице его угрюмости, я отважился просить о позволении прибавить Малярову и Дворницкому (двум беднейшим канцелярским служителям, из коих последний приходил поутру просить меня об увольнении от должности) по 50 рублей к получаемым ими 250 рублям. Опять не попал в добрый час. С улыбкою сказано: «Об этом рассудим в другое время, — утро вечера мудренее».

15.

Не пройдет день без досады. Екатеринославская контора донесла Комитету, что смотритель крымских колоний сошел с ума и место его поручено исправлять конторскому секретарю Семенову¹. Наш правитель канцелярии, обнюхавшись, вероятно, с праздноживущим здесь комиссаром Комитета Гейденрейхом², не дал долго лежать бумаге, вытащил ее из кучи многих других нерешенных и, показывая мне, замечал, что конторе не следовало таковыми поручениями отвлекать секретаря от своей обязанности. Замечание справедливо, конечно, но цель вероятно была та, чтобы услужиться приятелю, а через него себе. Я не приложил к последнему обстоятельству внимания и тотчас доложил наместнику. Правитель канцелярии был со мною и по обыкновению перешептывал. И что ж? Инзов без дальних прений тотчас согласился, и я сегодня подписал исполнение. Место смотрителя довольно выгодно получает Гейденрейх. Он вероятно кланялся и Манделю и Гильденшанцу, а член Комитета не мог выпросить вчера по 50 рублей двум бедным и трудолюбивым писцам.

Пушкин рассуждал за столом о нравственности нашего века, отчего русские своего языка гнушаются, отчизне цены не знают, порочил невежество духовенства; говорил с жаром, но ничего не выпустил нового. Мы все слушали со вниманием.

16.

Дождь во весь день. Стойкович уехал в Петербург, не прощаясь со мною.

17.

Наместник со вчерашнего дни захворал. Он жалуется на геморроидальные припадки, принимал лекарство, мало против

обыкновенного занимался делами, но несмотря на холодноватую погоду ходил в сад распорядить своими работами. Я ему докладывал поутру по двум представлениям Одесской конторы и, кажется, одна общая моя с ним резолюция не слишком понравилась правителю канцелярии, но он мастерски умел скрыть свою досаду. В Комитете у меня произошла возня с Мартыновым. Мальчик молодой, сын Екатеринославского протопопа и племянник Петербургского нашего ученого, просил об увольнении его из Комитета¹. Я был согласен, генерал также. Мартынову следовало только отдежурить два дни в наказание за несоблюдение сей обязанности на Святой неделе, но он упрямился, упорствовал, и сверх того прибил своих хозяев, которые приходили жаловаться. Призвав его в присутствии, я ему мыл голову и хотел посадить под арест на три дни; но он и со мною забылся: побледнел, посинел и сказал: «Воля ваша, я дежурить не стану, это всё делается по злобе на меня правителя канцелярии». Вынужден был довести до сведения наместника поступок канцеляриста Мартынова, и Инзов велел привести его к нему завтра.

18.

Идти к наместнику для получения выговора, а может быть и наказания, мера коего в совершенной его власти, не так-то легко. Мартынов пришел ко мне, заливался в слезах, чуть-чуть не кланялся в ноги, однакож всё это не помогло ему. Надобно было совершить тяжелый поход. Его отправили с экзекутором, который по слабости своей и дурачеству дошел до сеней наместничьих и воротился с отзывом, что он боялся тревожить большого и потому не представил Мартынова. Во всех канцеляриях и департаментах держат людей лишних, бесполезных, часто шутов и дурачков из одной милости и забавы. Таков жребий и нашего Комитета. — Живанович получает пенсию и ничего не делает, подпоручик Герц¹ числится для исправления, переводчик Герн² получает 1000 рублей и содержит дом воспитания в Екатеринославле, приносящий ему может быть до 10 тысяч постороннего дохода; — экзекутор Гридякин* неспособен ни пансион содержать, ни денег считать, а

* Гридякин из дворян Владимирской губернии. Начал служить при дворе лакеем, произведен в камер-лакеи. Вышел потом в капралы гвардии. Из военной перешел в соляные приставы в город Меленки, был почт-экспедитором, ревизором по колонистской части, а наконец экзекутором. Женат на княжне Енгальчевой, и с нею 20 лет живет розно. Какие перевероты! — Русский дворянин лакеем при дворе. Лакей делается приставом, экзекутором, всё по одному слову: приказали, повелели, и сверх того женится на княжне.

получает свою тысячу рублей и ходит каждый день обедать к наместнику, где всякий в глазах самого хозяина его дурачит. Товарищ мой употреблял его как лакея. Он ходил за всякой безделицею в ряды, и часто Ланов потчевал его словами, довольно черствыми. Теперь Гридякин ходит ко мне всякое утро рапортовать, что в Комитете всё находится благополучно. Ему никакой письменной работы нельзя поверить, ибо он и грамоту русскую плохо знает. Со всем тем и эти животные имеют свой гран честолюбия. С почты принесли повестку на получение присланных Комитету 18 905 рублей. Мне не ловко было ехать принимать их, потому что я подписал о сем определение. Итак, я поручил прием сих денег старшему по мне правителю канцелярии, который съездил на почту и привез деньги. Теперь надобно было отвезти сумму в здешнее казначейство, ибо у нас в Комитете не заведено хранить большое количество денег. Следовало отправиться правителю канцелярии обще с экзекутором Гридякиным в казначейство. Лишь только собрался Мандель ехать, как пришли сказать, что экзекутору сделалось дурно. Несмотря на мои убеждения и выговоры, он ходил по двору и доносил при каждом слове, что ему тошнит. Нечего было делать. Я поехал к Инзову и рассказал ему это обстоятельство. Инзов смеялся, полагая, что он от страха заболел, а через полчаса явился сам Гридякин, гулял с наместником в саду, обедал у него и разглашал, что я его обидел, поручив принять деньги правителю канцелярии, а не ему, который всегда пользовался отличною доверенностию своего начальства. На меня несколько минут смотрели очень косо, однакож не дошло до объяснения, которого я в свою очередь очень желал. — Досадил мне и правитель канцелярии. Он два раза вбегал в присутствие; жаловался на бухгалтера К и р ш н е р а³, говорил, что подаст в отставку, и, не заметя ревности во мне поддержать его пустую горячность, вышел дать ей простору в соседней комнате. — Легче управиться с целым полком, нежели с дюжиною подлых подьячих.

19.

Привели ко мне сегодня беглых людей дяди моего Селецкого — Лашкова и Кулинича, и я их взял к себе, от какого умножения людей и двор мой сделался пышнее. Но я не ради сей причины снял с них железы, в коих они приведены сюда из Аккермана. Дядя поручил мне по поимке сих двух беглецов снабдить их видами и отправить к нему как надежнейших, да

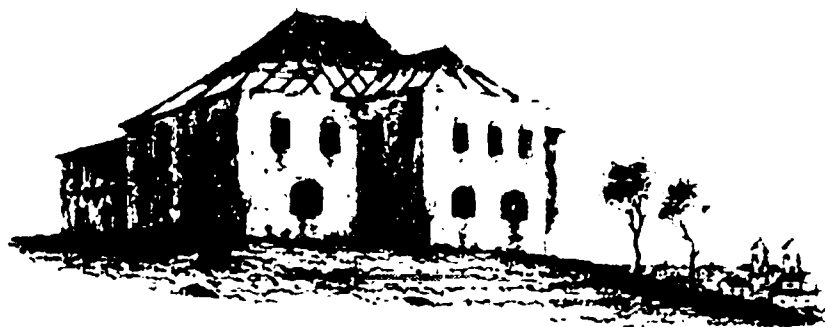

И. Н. ИНЗОВ.
Мастерская Д. Доу.
Масло, 1819—1828 г.

Эрмитаж. Военная галерея. Ленинград.

М. Ф. ОРЛОВ.
Худ. А. Ф. Лагрене.
Акварель-миниатюра, 1820—1824 г.
Местонахождение неизвестно.

«ДОМ ИНЗОВА» В КИШИНЕВЕ.
Рис. Н. В. Берга, 1854 г.
Гос. Литературный музей. Москва.

они же сами дали знать о себе помещику, и один из них возвращается к жене и четверым детям, а другой скитался, не приобретя никакого имущества, и потому я не рассудил оставить их в руках сыскного начальства и отягчать судьбу людей, удаленных уже около 120 верст от мест, в которых они укрывались.

20.

Выпросил прибавку жалованья Малярову и трем его товарищам по 50 рублей, или лучше сказать, попал в добрую минуту к Инзову, который без дальних справок и опровержений сам своею рукою в особой графе написал количество добавляемой суммы. Правителю канцелярии всё это не очень нравилось, но он как исполнитель моих приказаний не мог явно им противиться. Итак, бедные мои сотрудники получили заслуженное, и я тому очень был рад. — В городе разнеслась молва, что бригадный командир Пущин отставлен. Он просил отпуска и вместо того получил совершенное увольнение. Долой генеральские эполеты. Полагают, что всё это последствия Сабанеевского гнева на 16 дивизию, а отчасти и меры, предпринимаемые против либералистов¹.

21.

Инзов получил письмо от пробоща Линдля, в котором замечательно следующее место:

«Wird echtes und lebendiges Christentum, dem leider sogar manche Colonisten Beamte abgesandte Feinde sind*, nach den Grundsätzen der Bibel nicht mit allem Eifer in die Herzen der Kolonisten als Grundstein gelegt, darauf das ganze moralische Gebäude ruhet, so bleibt beides zurück; — das geistige und leibliche — die überirdische und irdische Kultur. — Die Erfahrung hat's von jeher bewiesen, und gerade vor unsern Augen am auffallendsten»¹.

22.

Вот тот приказ Орлова, который он подписал на отъезде своем в Киев, и о коем упомянул я 20-го прошедшего февраля. Это образчик собственного его сочинения и красноречия.

* Кажется, он тут задел члена Бессарабской конторы Олофсона, который судит весьма свободно насчет религии. Инзов намерен был при первом личном свидании с Линдлем заметить ему непристойность такового выражения в официальной бумаге, но исполнил ли оное, не знаю.

8 января.

«Думал я до сих пор, что ежели нужно нижним чинам делать строгие приказы, то достаточно для офицеров просто объяснить их обязанности, и что они почтут за счастье исполнять все желания и мысли своих начальников, но к удивлению моему вышло совсем противное. Солдаты внемлют одному слову начальника; сказал: собеги вас бесчестия, и побегии прекратились. Офицеров, напротив того, просил неотступно укротить их обращение с солдатами, заниматься своим делом, прекратить самоправные наказания, считать себя отцами своих подчиненных, но и по сих пор многие из них, несмотря ни на увещания мои, ни на угрозы, ни на самые строгие примеры, продолжают самоправное управление вверенными им частями; бьют солдат, а не наказывают, и не только пренебрегают исполнением моих приказов, но не уважают даже и голоса самого главнокомандующего.

В Хототском пехотном полку г. майор Вержевский¹, г. капитан Гимбут² и прапорщик Покаревский³ жестокостями своими вывели из терпения солдат. Общая жалоба нижних чинов побудила меня сделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трех офицеров принужден представить я к военному суду⁴. — Да испытают они в солдатских рядах, какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания. — И что ж? Лучше ли был баталион от их жестокости? Ни частной выправки, ни точности в маневрах, ни твердого шагу, ни виду солдатского, ни даже опрятности в одеянии, ничего не нашел. Дисциплина упала, а нет солдата в баталионе, которой бы не почувствовал бы своими плечами, что есть у него начальник. После сего примера, кто меня уверит, что есть польза в жестокости, и что русский солдат, сей достойный сын отечества, который в целой Европе почитаем, не может без побоев быть доведен до исправности? Мне стыдно распространяться более о сем предмете, но пора быть уверенным всем тем гг. офицерам, кои держатся правилам, примерам Вержевского и ему подобных, что я им не товарищ, и они заблаговременно могут оставить сию дивизию, где найдут во мне строгого мстителя за их незаконные поступки.

Обратимся к нашей военной истории. Суворов, Румянцев, Потемкин, всё люди, приобревшие себе и отечеству славу, были друзьями солдат и пеклись об их благосостоянии. Все же изверги, кои одними побоями доводили их полки до наружной их исправности*, все погибли или погибнут. Вот примеры, которые ясно говорят всем и каждому, что жестокое обращение с нижними чинами противно не только всем правилам, но и всем опытам. В заключение чего объявляю по дивизии 1-е, г. майору Вержевскому отказать от баталиона, а на место его назначаю 32-го Егерского полка г. майора Юмина⁶, 2-е, г. капитану Гимбуту отказываю от роты, 3-е, г. прапорщику Покаревскому отказываю от всякого рода команды, 4-е, всех сих офицеров представляю к военному суду и предписываю содержать на гоубвахте под арестом, впредь до разрешения начальства.

Кроме сего, по делу оказались менее виновными следующие офицеры, как то: поручику Васильеву⁷ во уважение того, что он молодых лет и бил тесаками нижних чинов прежде приказов г. главнокомандующего, г. корпусного командира и моего, майорам Корчевскому⁸ и Данилевичу⁹, капитану Парчевскому¹⁰, штабс-капитанам Станкевичу¹¹ и Гнилосирову¹², поручикам Косековскому¹³ и Тимченке¹⁴ и подпоручику Катицыну¹⁵ за

* Это напоминает семеновского Шварца⁵.

самоправные наказания, за битье из собственных своих рук делаю строгий выговор. Объявляю им две вещи: 1-е, что так как многие из них не впрошены комиссиею, то могут они, если чувствуют себя невинными, рапортом прямо на мое имя требовать суда; но тогда подвергнутся всем последствиям оного, и 2-е, что ежели еще за ними откроются таковые поступки, то подвергнутся участи Вержевского, Гимбута и Покаревского. Предписываю приказ сей прочитав по ротам и объявить совершенную мою благодарность нижним чинам за прекращение побегов в течение моего командования.

Орлов¹⁶».

Приехал из Петербурга новоопределенный член Бессарабской конторы капитан Петерсон¹⁷.

23.

Пушин и Пушкин обедали у наместника и оба за столом шутили. Инзов говорил мало, и как я мог заметить, принял их с притворною ласкою. После обеда ездил с духовником моим и Литкою в одну деревню за 3 версты от города. Здесь в маленьком саду потчевал нас Лончковский чаем и ужином. Четыре мальчика из архиерейского хора пели малороссийские песни, а потом, как водится, многая каждому и всем вообще лета. Тем началась и кончилась забава, но она была прервана с самого приезда нашего происшедшею с крестьянами ссорою. У молдаван сегодня первый сельский праздник, и они напившись пьяне не давали нам покою. В 11 часов воротился я домой пешком. Погода совсем уже летняя.

24.

Малевинский I приехал вчера в Кишинев и сегодня поутру явился ко мне по должности, объявив, что причина его нарочного приезда* единственно та, чтоб увериться в здоровьи Инзова, о коем будто писали к нему, что он опасно болен и разбит параличем. Какое глупое притворство! — Подумают, что от меня зависит участь чиновника, и что он уже опасается сделать шаг без моего ведома, тогда как Малевинский во всякое время давал мне чувствовать свою независимость, основанную на исключительном и совершенном расположении к нему наместника.

Гроза после обеда. Один довольно сильный удар грома.

---

* Малевинского, кажется, никто не вызывал в Кишинев. Брат его за две недели спрашивал меня, не найду ли я повода вытребовать его по делам Комитета. Я ему смеялся в глаза.

25.

Малевинский недавно произведен в подполковники по особому представлению главного попечителя к управляющему Министерством внутренних дел, которое отправлено в декабре месяце. Бумага эта где-то лежала под спудом, и правитель канцелярии, показывая мне ее сегодня, промолвил: «Вот еще бумага, о которой вы не знали». Спрошу теперь, так ли поступает начальник, которого называют добрым? Не вижу я в настоящем действии ни благородства, ни той наружной вежливости, каковую и самый даже лукавый начальник в отношении подчиненных сохранять обязан. Травить чиновников одного против другого и смеяться в кулачок надо всеми, не оказывать никому ни малейшей доверенности, уступать сильному и отрекаться принять в свое покровительство слабого, не иметь духа и твердости наказать и награждать по заслугам, выискивать в каждом лице, в каждом деле худую сторону и токмо по вынуждению случаев и обстоятельств обращать внимание на хорошее, площадными шуточками* и пустыми обещаниями томить людей, ищущих какого бы то ни было справедливого возмездия, беспрестанно противуречить себе в словах и поступках**, с охотою прислушивать всякие сплетни и окружать себя людьми подлыми, низкими, вот портрет Инзова живыми красками.

26.

Провел весь день дома.

27.

Наместник переехал сегодня на новое жилище, в дом белецкого исправника¹, который, быв выбран в сию должность, весь его очистил. Он не из самых лучших, но для холостого генерала довольно обширен, стоит на несколько возвышенном ме-

---

* Де Потту¹, просившему отвода квартиры и жаловавшемуся, что домишко, в котором он живет, окружен со всех сторон водою, сказано: «Ведь и Англия на острове». Олофсону, неоднократно приезжавшему просить о переводе Бессарабской конторы в другое место, объявляя, что по невыгодности настоящего никто служить не согласится, отвечали любимую пословицу: «Стоит только завести болото, черти сами будут». — В мое время однакож пословицу не повторяли, и контора переведена в Каушаны.

** Из предыдущего видно, какой мы слабый приговор постановили насчет колониста Тиссена по решительному произволу Инзова. Тот же Инзов, рассуждая однажды со мною о преступлениях, утверждал, что одна мысль, даже в горячую минуту, равняется совершенному бы по ней действию!!

сте, построен в два этажа, имеет большой двор и, что всего выгоднее для Инзова, граничит к саду прежнего наместничьего дома, куда Инзов часто ходит надсматривать за своими травами и цветами. И для нас нашлись тут выгоды, ибо как Комитет, так и прочие квартиры чиновников состоят в ближайшем к нему соседстве.

28.

Приводил к присяге Малевинского и с ним еще четырех чиновников с нарочитою церемониею. Правитель канцелярии читал журнал, состоявшийся по сему случаю, я подписал его в присутствии, и потом они присягали. Всё это происходило в 12 часу, и тут уже было не до работы. Малевинский позвал всех на завтрак и потчевал шампанским. Все, как водится, пили до последней капли, и новому подполковнику желали быть поскорее генералом. Вчера и сегодня после обеда была гроза.

Генерал Пуцин объявил себя несостоятельным к платежу долгов, и позитки его продавали сегодня с публичного торга за бесценок*.

29.

Фадеев, возвратившийся из Петербурга в Екатеринослав, прислал с сегодняшнею почтою к наместнику замечания свои о предметах, по коим рассуждаемо было при нем в нашем министерстве¹. Я принес пакет, и наместник, распечатав оный, читал вместе со мною новые предположения нашего начальства и письмо к нему Фадеева. В сем последнем он пишет, что департамент негодует на канцелярию Комитета за медленное доставление сведений, особенно камеральной ведомости, и заключает свое письмо просьбою не сообщать о том г.г. членам. Дошедши до сего места, Инзов сказал: ну так и быть. Замечания разделены на несколько статей и довольно любопытны. Министру хочется 1-е, чтобы на основании желания правительства начальство наше изыскивало средства к склонению вновь прибывших колонистов селиться на землях помещичьих, несмотря на множество к тому препятствий и затруд-

---

* Пуцин вскоре после продажи вещей своих отправился в Одессу, а оттуда полагает ехать в Париж¹. Хорошо, у кого деньги останутся. Можно еще поездить после худой отставки и потопить свое горе в различных рассеяниях. Пушкин в бытность Орлова и Пуцина почти вовсе не ходил к Инзову. Теперь редкий день у него не обедает. Старик его ласкает, и я уверен даже, что предпочитает его многим другим, несмотря на то, что Пушкин прежде так пренебрегал им.

нений. 2-е, несколько сот семейств прусских выходцев должны были занять два отведенных им участка земли, но, найдя их для себя неудобными, просили другого отвода и в противном случае грозили возвратиться в свое отечество. Министр согласился отвлечь от них приводимые ими неудобства в рытии колодезь, кои по состоявшемуся ныне высочайшему повелению будут выкопаны на счет казны, но при дальнейшем их и за сим упорстве полагает зачинщиков выслать за границу, а прочих водворить с оказанием им необходимого пособия. — Министерство (или короче сказать, С. С. Джунковский² с своей стороны) на счет всего колонистского управления рассуждало 1-е, что по желанию правительства нужно бы было распространить в колониях уравнительность в состояниях так, чтоб находилось более поселенцев, имеющих необходимое, нежели в двух крайностях, богатых и бедных. — Мысль великая, но где она приведена в исполнение? 2-е, изыскивать средства, вместо 60-десятичной пропорции на каждое семейство, наделять по причине уменьшающегося количества пустопорожних земель 30 десятинами. 3-е, Министерство не одобряет лесоводных заведений и общественных плантаций в большом виде, полагая, что таковые невозможно управить и довести до усовершенствования при недостатке в знающих и истинно благонамеренных местных надзирателях, а находит нужным понуждать колонистов к насаждению в известные времена года рощ и рассадников для распространения садоводства и лесоводства. 4-е, советует выполнять поспешнее требования патера Линдля, поелику он о всякой по его мнению медленности пишет к князю Голицыну³, который доводит каждое его письмо до сведения государя. 5-е, полагает, что для облегчения в течении дел по Конторам можно бы было занимать колонистских детей, для доставления из них впоследствии окружным приказам писарей. 6-е, не находит затруднения, если главный попечитель признает полезный, уничтожить в Комитете и Конторах обыкновенный канцелярский порядок присутственных мест и основать оный по образу почтамтов и удельного департамента. Смешно читать между прочим замечание, в сей статье помещенное, что если, например, откроется вакансия члена в Комитете, то, оставив в оном одного неперменного члена в виде помощника главному попечителю, занимать одного из старших членов Контор по очереди с тем, чтобы он, управляя вверенными ему колониями, прибывал в присутствие Комитета в делах важнейших, требующих зрелого совещания. — Подумаешь, что старший член живет на той же улице и может всякий раз, когда встретится на-

добность в зрелом совещании, приехать в Комитет, выслушать дело и тотчас потом ехать опять в свою Контору; но когда известно, что Екатеринославская контора в 600, Одесская в 150, а Бессарабская в 120 верстах от Комитета, то не очень выгодно ни для службы самой, ни для кармана, всякий раз, когда токмо потребуется какая-нибудь зрелость в понятиях, ездить управляющему за 600 верст. Заместить одному из них вакантное место до назначения нового члена, и во всё то время присутствовать в Комитете с другим оставшимся на лицо членом, это дело другое. Таким образом, по смерти предместника моего кн. Багратиона до определения меня в его должность Фадеев правил оною по назначению главного попечителя, и на то не требовалось особого рассуждения Министерства. 7-е, сказано на счет представления об удержании откупа за колониями еще на 4 года, для содержания пасторов, построения церквей и пр., что оное, если сделано будет, приведется Министерством в исполнение, и наконец 8-е, Министерство советует устраняться сколь возможно для собственной предосторожности от непосредственного принятия на себя дел судных и следственных, коренным законом о колонистах в Манифесте 1763 года июля 22 предоставленных общему Гражданскому судопроизводству. — Тут сказано, между прочим, что как Сенат, так и высшее правительство весьма часто не одобряют заключений, основанных на самых чистых понятиях справедливости и снисхождения, взыскивая за одно несоображение с каким-либо узакон или судебным правилом.

Приехал Ланов из Екатеринослава.

30.

Обедал у наместника полковник артиллерийский Эйс-монт¹ моих лет и обвешан орденами. Рассказывают, что, будучи при князе Яшвиле², он много выиграл по службе от чрезвычайного угождения сладострастию сего начальника, который, вместо наложниц, держал адъютантов. Теперь Эйсмонт смеется над молвою, имеет хороший чин, знаки отличия и, как слышно, готовится быть зятем князю Суццо. Пушкин и он спорили за столом на счет рабства наших крестьян. Первый утверждал с горячностью, что он никогда крепостных за собою людей иметь не будет, потому что не ручается составить их благополучие, и всякого владеющего крестьянами почитает бесчестным, исключая отца своего, который, хотя честен, но не имеет на этот счет одинаких с ним правил. Эйсмонт ловил Пушкина на словах, но не мог выдержать с ним равенства в

состязании. Что принадлежит до наместника, то он слушал и принимался также опровергать его, но слабо и более шутками, нежели доводами сильными и убедительными. — Я не оуждаю с своей стороны таковых диспутов, соглашусь даже и в том, что многие замечания Пушкина справедливы, да и большая часть благомыслящих и просвещенных людей молча сознаются, что деспотизм мелких наших помещиков делает стыд человечеству и законам, но не одобряю привычки трактовать о таких предметах на русском языке. — Пушкин ругает правительство, помещиков, говорит остро, убедительно, а за стульями слушают и внимают соблазнительным мыслям и суждениям³.

После обеда приходили ко мне очень некстати духовник мой с двумя архимандритами Синисеем⁴ и Иоанникием⁵. Им хотелось посидеть у меня, а я собирался смотреть спуск бумажного шара, о коем возведено было нарядными объявлениями. Приметя замешательство мое в приеме, духовные сами удалились, а я пошел к Ясской заставе. — Здесь на обширном месте, загороженном плетнями, при звуке полковой музыки, италиянец Доминичини⁶ с своею свитою надували большой шар. Цена за вход была произвольная, но не менее одного лева (71 копейка). Со всем тем малое число только вошло во внутренность огорода, а знати почти вовсе не было. Весь город ожидал увидеть зрелище с ближайшего холма, а народ толпился около плетневого забора, сквозь который всё можно было приметить. Сбор едва ли простирался до сотни рублей, и италиянец с умысла ли или ненарочно зажег нижний край шара в ту самую минуту, как ему надобно было подняться. Тут началась возня. Собранные бежали вон, внешний народ вломился в отверстие, и вся потеха кончилась прогулкою около шара и домой.

Ночью гроза и сильная молния.

Маия 1.

Надоел мне секретарь Марченко, и я отправил письмо к наместнику следующего содержания:

«Со всем желанием моим убежать, сколько можно, неприятностей, я не могу далее выносить поступков служащего в Попечительном комитете секретарем титулярного советника Марченки. Чиновник сей, несмотря на все мои убеждения, продолжает пренебрегать своею должностию. Я несколько раз уже замечал его отсутствие в такое время, когда все прочие чиновники и канцелярские служители Комитета исполняли об-

щую обязанность, на каждого из них возложенную, и когда я ему по долгу звания моего пояснял непристойность такового его поведения, как в отношении преступления границ должной подчиненности, так и в подании худого примера товарищам и подчиненным, то г. Марченко, вместо восчувствования справедливости моих упреков или принесения оправдания, которое я во всяком случае принял бы, если б оно было основано на правде, выходил из себя и осмеливался меня оспаривать.

Такое непристойное отношение ко мне подчиненного лица ставит меня в крайнюю и тяжелую по свойству моему обязанность донести о том Вашему Превосходительству и просить убедительнейше приказать внушить г. Марченке, чтобы он удерживался в границах должной ему благопристойности и переменил свои поступки. Я не требую личного к себе уважения. Пусть всякий судит обо мне, как ему вздумается. Человек в частном отношении может быть любим и нелюбим, смотря по свойству своему, правилам и обращению, но в службе дело иное. — Исполняя обязанность мою в виду Вашего Превосходительства и отвечая за всякое нарушение оной моими подчиненными, я в праве требовать и взыскивать порядка, без коего впрочем никакое общество в свете держаться не может.

С истинным почтением, и пр.»

2.

Общее присутствие в Комитете с Лановым. Правитель канцелярии и приятель его Марченко, бывши вчера на гулянье, в оба эти дни глаз не казали, и я с помощью помощников их показывал товарищу некоторые дела, в его отсутствие решенные.

3.

Дулче речи, дулче речи¹, так кричат продавцы напитков для простого народа. Их двое на так называемом базарном месте. Они стоят перед столиком и беспрестанно качают воду, которая приводит в движение маленькие фонтаны и жестяные игрушки. Народ, торгующий на базаре, проходит мимо, останавливается, смотрит на водяную комедию и за пару (1½ коп.) получает стаканчик медового кваса. В жаркое время можно выручить, я думаю, довольно денег, но зато достанется пропотеть порядочно самому продавцу. Рядом с ними торгуют и наши русские мужички. У них запросто поставлен чан, они не заманивают игрушками, не кричат во всё горло «дулче речи», не качают воду, но со всем тем не хуже молдаван умеют распродать свои запасы.

4.

Не знаю, был ли выговор Марченке от наместника; по всему догадываюсь, что он может быть его пожурил тихонько в кабинете. Марченко продолжает лениться в Комитете и попрежнему ходит к Инзову. Сей последний принял меня довольно ласково в своем кабинете, рассуждал со мною о делах политических и сообщил мне дошедшую до него новость, что Куракин¹ сменяет Кочубея, а Сперанский² будет начальником всего гражданского ведомства. — Линдль не дает нам покою. Мы отправили к нему землемера де Потта для размежевания отводимых ему участков, и у них вышли недоразумения. Оба жалуются. Наместник отправил адъютанта своего Гильценшанца, который взял на себя уговорить прихотливого священника.

Погода прохладная, однакож к ночи была гроза и сильный дождь.

5.

Прибыли от дяди Селецкого пять крестьян его деревни для забрания беглых людей, коих мне удалось посредством лихого поверенного переловить до 4 человек. Двое из них жили у меня на воле, а другие сидели в здешнем остроге. Сегодня всех их соединили на моем дворе, и я весь день занят был нужными к отправлению их приготовлениями.

6.

В числе моих арестантов находилась жена одного из них, также беглая другого помещика, лет 16 и притом беременная. Кто бы мог подумать, что женщина превзойдет в смелости и отваге мужчин, закосневших уже может быть в намерении стясти с себя иго неволи? Лашков и Кулинич ходили в город и за город в продолжение почти трех недель. С женщиною молодою и беременною, коей муж сидел у меня в тяжелых кандалах, нужно ли было принять таковые же предосторожности? Никто не подозревал ее намерения, и она при наступлении ночи в темноте скрылась от глаз и поисков всей дворни. Оставалось сберечь хорошенько других, и я их всех после полудня отправил.

Поутру пронесли мимо окошек моих покойную поругчицу. Муж ее служит в здешнем гарнизоне. За ней шли четыре барабанщика и били походный марш да несколько солдат внутренней стражи. Такие почести оказываются токмо в Бессарабии.

Погода вчера и сегодня была ветреная, так что можно надеть шубу.

7.

Приезжий генерал Нилус¹, сменивший бригадного Пущина, обедал сегодня у наместника. Погода холодная. Ее приписывают Карпатским горам, на коих может быть еще остался снег от прошлой зимы.

8.

Товарищ мой опять вывел меня из терпения. Третьего дни нам надобно было вместе подписать разные бумаги. Почту сперва принесли ко мне, а потом к нему. Он играл в то время в карты, был невесел, разорвал бумаги и кинул их в глаза канцелярскому чиновнику Горяйнову*. Происшествие это разнеслось тотчас по всему нашему Комитету, и Горяйнов приходил просить увольнения для определения в Наместническую канцелярию. — Я отправил письмо к Инзсву следующего содержания.

«Вашему пр—ву известно, что рапорты в Правительственный Сенат о получении указов и донесения к г. Управляющему министерством внутренних дел по предметам, не заключающим особенной важности, подписываются в Комитете двумя членами. Таковые бумаги были в прошедшей почтовой день изготовлены к общему подпису моему и г. колл. сов. Ланова. Я подписал оные и отослал к г. Ланову, но когда надобно было отправить их на почту, то носивший сии бумаги по спросу моему объявил, что г. Ланов всю почту сию истребил, единственно потому, что она принесена была к нему позже обыкновенного времени, а именно в 8 часов вечера**.

Я уверен, что ваше пр—во тотчас согласится со мною, что таковой поступок равного мне лица, не имеющего права истреблять по капризу своему представления к высшему начальству мною подписанные, означает явное и дерзкое самоуправие***, и если б я и мог (из одного единственно желания сохранить тишину и согласие, толико нужные в отправлении дел казенных) пройти в молчании таковое происшествие, что скажут подчиненные, коим оно делается известным? — Они увидят с одной стороны наглое действие одного лица при непристойной

* Сын Екатеринославского купца; малый воспитанный, учился в Харьковском университете, был потом учителем в уездном училище¹.

** Почта отправляется обыкновенно в 10 и 11 часов.

*** В подлинном у меня было написано пренебрежение.

уступчивости другого, и такой пример может и должен на них подействовать.

Всё сие понуждает меня паки обратиться к вашему пр—ву, как непосредственному моему начальнику и просить покорнейше оказать мне вашу защиту от подобных оскорблений по службе, тем более несносных, что я сам по себе никакого не подал к ним повода.

Я бы не взял пера в руки, если б не уверен был в строгой справедливости вашего пр—ва.

С совершенным и пр.»

Бумага отправлена к Инзову поутру, и через час времени пришел ко мне Ланов с двумя Малевинскими. Первого вероятно прислал Инзов просить у меня извинения, а последние как друзья помогать ему по обстоятельствам*. Ланов однакож с усилием сделал этот поход и, проворчав несколько слов о своей горячности, которая доводит его иногда до дурачеств, начал говорить о прошедшей ссоре нашей и старался выводить заключения, что я недоверчив, заносчив и часто прикладывал ухо к сплетням подчиненных. Малевинские слушали и молчали. Видя, сколь тяжело Ланову просить прощения и сознаться при своих 56 годах в глупой опрометчивости, я сам стал молчать, и мой дюжий мужик раскланялся.

9.

Вчера наместник по получении моего письма позвал к себе Ланова и верно выговаривал ему за его поступок, сегодня пришлось мне в мою очередь быть виноватым. Инзов заметил мне, что я слишком щекотлив, принимая к сердцу такие безделицы! Я не знал, что ему отвечать на это.

Горяйнову и другому его товарищу Гулову¹ отказано в просьбе об увольнении из Комитета. Инзову шепнули на ухо, что чиновники наши просятся вон по какому-то заговору. Новые сплетни! Бьюсь об заклад, что происходят от Ланова, Манделя, Марченки и Малевинского.

10.

Присутствовал в Комитете вместе с товарищем, который в продолжение двух часов перемарывал одну резолюцию, чтоб мне дать почувствовать, как он деятелен и внимателен к каждой бумаге. Одно мое определение велено переде-

* Несмотря на чрезвычайную дружбу Малевинских с Лановым, старший из них сказал ему между прочим: «Я князю Долгорукому не друг, но поступка вашего похвалить не могу».

лать, поелику оно не в пользу Одесской конторы, а там брат его родной членом. Я не противуречил.

11.

Возвратился адъютант Гильденшанц из своей командировки и сказывал, что ему удалось восстановить согласие в долине Сарате. Мы его поздравляли с майорскими эполетами, которые он получил еще до отъезда.

12.

Прошло 18 лет с того бедственного дня в моей жизни.

13.

Гроза, однакож не сильная. Гильденшанц опять отправился в Линдлевы колонии по поручениям Инзова. Правитель канцелярии, переставший посещать меня около двух недель, был у меня сегодня и жаловался на Ланова.

14.

Наместник ездил в одну деревню 15 верст отсюда по Дубо-сарской дороге. Тут находятся ключи серной воды. Вода сия, смешанная с здешним молдаванским вином, имеет вкус шампанского.

16.

Бессарабская контора прислала донесение с прописанием новых неудовольствий со стороны пробоща Линдля. Я предписал Конторе причислить колонистов сего священника к ее ведомству, а Олофсон из большой ревности взялся уже прямо приказывать и требовать донесений, рассуждая в партикулярном письме, что попу можно верить одни отчеты и хозяйство, а не управление, которое принадлежать должно светскому начальству. Линдль, видя, что Контора вмешивается в его дела, взбесился и отвечал ей, что она не имела права присылать колонистам его приказы, что он по воле государя императора состоит под отчетом и ответственностию одного Инзова и Комитета, а с Конторою сносятся токмо как с равным управлением, что если Контора основывала свое действие на каком-нибудь ему неизвестном документе высшего начальства, то просит доставить оный, объявляя наперед, что он, Линдль, ему воспротивится. Отношение подписано тако: Ignaz Lindl, probst et visitator at administrator¹. Горячему Олофсону тяжело было принять от попа такую неучтивую грамотку, да и сам

Комитет принужден уступать силе и власти высшего начальства, несмотря на то, что духовному лицу по всем соображениям не следовало бы поручать другой паствы, кроме церковной, и еще такому, который и без того принял на себя обширную обязанность заведывать всеми католическими приходами южного края России*. Линдль хочет заводить свою колонию — свою отдельную секту, и никто не смеет ему противуречить. Кажется, цель его состоит в том, чтобы сблизить католическое вероисповедание с реформатским и лютеранским. С подчиненными ему францисканскими и другими монахами он верно ни в чем не сладит, в Баварии видно были уже тому опыты и потому переселясь в Россию и притащив за собою кучу своих заграничных прихожан, ему может быть удастся сделать из них последователей. Судить о достоинстве и пользах таковой цели не мое дело. Время покажет, что хорошо, что худо, но попа сделать управляющим несколькими колониями и там, где учреждена в смежности их Контора, обязанная вести внутреннюю расправу на известных ей правилах и учреждениях и сноситься в нужных случаях с местным губернским начальством, охраняя собственность и права колонистов от всякого постороннего влияния, — таковое распоряжение мне казалось затруднительным. — Фридерик Великий на просьбе одного также попа, которому хотелось учреждать колонии, написал свою рукою: «Apostel Paulus machte Christen aber keine Colonisten»².

18.

Во время отсутствия товарища я поместил в число канцелярских служителей по представлению правителя канцелярии некоего Лоревича¹ и в то же время уволил Мартынова, о коем упомянуто выше. Правитель канцелярии подсовывал мне еще двух, но я несмотря на недостаток в писцах откладывал принятие оных до приезда Ланова, дабы утвердить такое действие обоюдным согласием и не дать между тем вида, что я ищу умножать числа моих прозелитов. Приехал Ланов и, узнав о судьбе Мартынова, стал об нем сетовать. Надобно знать, что отец этого негодного мальчишки, протопоп Екатеринбургский, по связи с моим товарищем просил его покровительствовать сыну, а сей между тем бил здесь своих хозяев, буянил и никого в Комитете не слушался, да не далее двух дней такую завел историю, что полиция принуждена была

---

* Немецкий поп Линдль получает 4000 рубл. жалованья и 2000 рубл. на разъезды, а наш русский чиновник и колл. советник 1500 да 400 на разъезды. — Россия обетованная земля для иностранцев.

схватить его на улице. Товарищ досядывал, но не смея обраться свои укоризны против меня, стал выговаривать правителю канцелярии и в пику ему отказался от принятия двух новых просителей в штат Комитета. Конечно, и я бы тут имел голос, но Ланов объявил, что он докладывал генералу и генерал с ним согласен, стало быть мне оставалось молчать*.

Правителя канцелярии забрало сильно, и он, чтоб отмстить в свою очередь нам обоим, начал лениться по Комитету, объявил, что отвлечен делами генеральскими, резолюциями нашими заниматься не будет, и берет на себя одно токмо исполнение по определениям членов. Виват анархия! Ланов молчит.

Сегодня была гроза.

20.

Кто бы подумал, что маленький часто предприимчивее, важнее большого; но опыт подает тому ежечасные примеры. Сверчок Худобашев, которого с одного взгляду кажется можно бы было превратить в пыль, во время стола у наместника придрался ко мне за сущую дрянь, а именно за непоподчивание его табаком, и пристал так горячо после стола, что мы, вышед оба из себя, заставляли друг друга молчать. Меня трудно привести в жар; но со всем тем я готов был попробовать на нем силу правой руки моей, и может быть подрался бы, еслиб не удерживало меня с одной стороны опасение быть предметом городских рассказов, с другой рассуждение, что схватка с шутком и так сказать мизинцем человеческого рода не принесет мне много чести.

21.

Троицын день. — Архиерей Димитрий служил в соборе и после обедни с прочими архиереями и архимандритами приезжал завтракать к наместнику. Увидев меня, спрашивал, имею ли я псалтырь новую на русском языке, и, услышав, что нет,

---

* Зажечь ли меня хотел Мандель или вправду сказал мне, что Инзов на жалобы Ланова об увольнении Мартынова отозвался ему сими словами: «Меня вперед уж не обманут». Кто же его обманывал? — Я это пропустил мимо ушей, как новую сплетню. При случае однакож упомянул о том в разговоре с Гильденшанцом, и каков покажется ответ его, что генерал не мог сказать этого, ибо если б, продолжал он, Инзов и почитал вас таким, как вы изволите говорить, то он это оставит про себя и никому не скажет.

велел протопопу Лончковскому снабдить меня оною. Новая контрибуция в Библейское общество!!

22.

У наместника обедала одна домашняя сволочь, и Гридякин удостоился чести занимать нас своими рассказами.

23.

Литке приходил ко мне проститься. Он едет на две недели к хозяевам своим в деревню. Теперь уже не с кем проводить и вечеров в скучном Кишиневе.

24. 25.

Два эти дни провел очень скучно. Никто у меня не был, и я, чтоб несколько сократить время, читал, занимался музыкою и надсматривал за своими растениями. Что ни говори в пользу уединения, без людей жить невозможно.

26.

Мы уже обедали у наместника, как приехал адъютант Гильденшанц, а с ним вошел пробощ Линдль, которого он привез с собою. Их посадили за стол. Наместник сперва надулся и во всё время обеда почти не обращал речь к Линдлю, но после стола привел его в гостиную, посадил подле себя и начал спрашивать о новом устройстве колоний и о прочих заведениях. Патер тотчас выехал с просьбами, и Инзов, как ни ворочался на стуле, но вынужден был его выслушать, не смел потчевать по примеру других подчиненных отказом и согласился отчасти на все его требования. Хотелось и мне вникнуть в их рассуждении, но они объяснялись так тихо, что я только ловил последние слова. По отъезде неугомонного пастора в сенях чиновник нашего Комитета Торговицкий* дождался разрешения. Он просился в отпуск на 10 дней по случаю смерти отца своего. Я доложил наместнику, и что ж? — высылали несколько раз адъютанта спрашивать просителя, где отец его жил, имеет ли он письменное о смерти его заверение? — Так как доложили, что вести дошли словесные от матери Торговицкого через посредство приезжего, то задумались, ходили взад и вперед по комнате, не знали на что решиться; рассуждали с адъютантом и правителем канцелярии и что наконец определили, не знаю. Такая недоверчивость меня не по-

* Помощник бухгалтера¹.

разила. Я уволил повесу Мартынова, не догадавшись справиться с мыслями и желаниями товарища; за Мартыновым вслед просились еще двое в отставку, а один писец между прочим, получив с дозволения общего отпуск в Екатеринослав до отправления туда прожил несколько дней в Кишиневе; Ланов шумел, представлял о заговорах, обманах и беспорядках; любимцы Инзова на его стороне, сам Инзов преклоняет к ним оба уха, канцелярия Комитета управляется двумя чиновниками, коих я ненавижу, презираю явно за лукавство, подлость и сплетни; — чему дивиться, что всё это более и более делает старика ко мне недоверчивым.

Генерал Пущин возвратился на днях из Одессы и живет в какой-то хате вместе с молодым Алексеевым², служащим в наместничьей канцелярии. Он собирался ехать в чужие края, но пашпорта, сказывают, не получает за границу.

27.

За столом у наместника Пушкин, составляя, так сказать, душу нашего собрания, рассказывал по обыкновению разные анекдоты, потом начал рассуждать о Наполеонове походе, о тогдашних политических переворотах в Европе, и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Глубокое молчание после этих слов. Оно продолжалось несколько минут, и Инзов перервал его, повернув разговор на другие предметы.

28.

Холодно и ветрено, более сказать нечего.

29.

Целый день провел дома и занимался пустяками.

30. 31.

В оба эти дни не произошло ничего замечательного. Служба идет своим порядком. Товарищ стал мягче обходиться с подчиненными, но надолго ли? — Первый случай, первая минута, *et on revient toujours à son premier penchant*¹. Он был у меня и жаловался на весь Комитет.

Июня 1.

Поселяне Бессарабской области с 1817 года обложены податью б и р а, состоящей в 15 левах в год с семейства, и земскою повинностию, как то на отопливание и освещение войск и на содержание почтовых станций. Сия повинность до 1819 года заключалась в 8 левах 35 парах с семейства, а с того времени возросла до 9 левов; — следовательно, всё количество податей и повинностей в Бессарабии простирается до 24 левов, что составляет на русские деньги около 17 рублей*.

4.

Жарко. — Было молебствие о дожде.

5.

Правитель канцелярии с прошедшей недели сделался больным: пьет декохт, прогуливается, а в Комитет не заходит. Товарищ несмотря на свои опыты и лета, коими он так любит похвастаться, сидел сегодня в присутствии, не разрешив ни одной бумаги.

8.

Приходили ко мне три виртембергца, следующие в бессарабские колонии для осмотра земель, назначаемых под поселение вновь водворяемых 80 семейств. Я около них несколько посутился, и они в знак благодарности предлагали мне за труды два четвертака!

9.

Всю неделю присутствовал с товарищем, и дел решили мало, а важной бумаги ни одной. Торжество для правителя канцелярии, который рад доказать, что без него ничего не делается.

12.

Счеты наши еще не приведены в порядок, и с открытия Комитета в Кишиневе не было чинимо свидетельства сумм. —

---

* Кроме того, собирается в Бессарабии подать с овец и коз, или так называемая гоштина. Всякий имеющий отару или стадо овец, плотит по 13 пар с штуки, да по 4 пары с каждой крючи, то есть со всякого лица, обложенного гоштиною по древнему обычаю. Сбор отдается на откуп и в нынешнем году взял на себя оный помещик Енакакий Руссо¹, обязавшийся внести 161 тысячу левов или 115 тысяч рублей. Духовенство, дворянство, чиновники и колонисты изъяты от сей подати.

Другое начальство давно бы заметило таковой беспорядок; наш департамент терпит. И что за мудрость, что за работа счесть несколько сот рублей, употребленных на переезд Комитета из Екатеринослава в Бессарабию! Комитет закрыт в апреле месяце; Ланов взял деньги, расходовал их и до марта месяца нынешнего года не имел времени представить отчета, без которого и бухгалтерия затруднялась в составлении общих ежемесячных ведомостей, отсылаемых в Министерство внутренних дел. — Я бы мог конечно в отсутствие товарища восстановить порядок по этой части, но так как со времени вступления моего в должность она находилась в исключительном его заведывании, то я велел токмо изготовить все бумаги и отчеты, отлагая общую подпись их ко времени возвращения Ланова. Догадка моя оправдалась отчасти. В отчетах найдены ошибки. Стали поверять эскутора и Скотинин так перепутал свои письменные показания, что надобно было и от него еще потребовать полный счет суммам, выданным под особые расписки*. Есть надежда, что в будущем месяце всё кончится.

14.

Посылали к правителю канцелярии от имени членов спросить, долго ли он будет хворать и если не надеется скоро выздороветь, то бы дал от себя бумагу, по которой можно бы было передать кому другому дела, на докладном его столе накопившиеся. Мандель отвечал, что могут доложить генералу и прислать его освидетельствовать.

Секретарь Антоньев около 2 месяцев уже просрочил свой 28-дневный отпуск. Товарищ написал определение о призвании Антоньева в Екатеринославскую контору и взятии от него подписки на явку к должности при объявлении, что если он не приедет, то подвергнется исключению из службы**. Заготовленное предписание в Контору носили к подпису правителя канцелярии, но он бумагу возвратил обратно с ответом, что она может пойти и без его рукоприкладства. Товарищу досадно.

15.

Струсил однакож правитель канцелярии и прибежал к това-

---

* Гридякин на днях поссорился с своею женщиною. Она напилась пьяна и била его в виду сторожей и курьеров, ему непосредственно подчиненных. Как же отместил г. эскутор и казначей? — Он грозил ей доложить об этом происшествии присутствию Комитета.

** Антоньев приехал 20 июля.

рищу и ко мне оправдываться. Не знаю, что он сказал Ланову, но мне объявил, что он не подписал бумаги об Антоньеве по неизвестности ему определения, которое будто бы велел принести к себе, но писец его не понял.

16.

Назначил присягать сегодня на чин коллежского советника и объявил о том товарищу, который, радуясь заранее пирогам и паштетам, надел свой праздничный кафтан и с 10 часов утра сидел уже в присутствии. По приходе моем призвали попа и собрали других чиновников, коим также следовало присягать — одним на определение, другим на новую должность. До открытия присутствия экзекутор приходил ко мне с объявлением, что Лорович жид некрещеный и к присяге допущен быть не может. На этот раз он думал восторжествовать, и дурацкое лицо его надулось от восхищения, что ему удалось сделать такое открытие. Лорович определен мною, и обстоятельство о его вероисповедании, не соглашаясь с правилами на принятие таковых людей в государственную службу, не оправдало бы мою осторожность, но его призвали в присутствие, и он предъявил свидетельство одесской градской полиции, в коем сказано, что Лорович австрийский уроженец и на верность подданства приведен к присяге супер-интендантом Беттигером¹. Этого было довольно для убеждения и самого товарища*. Началась церемония. Поп не знал русского языка, и я сам читал лист присяжный, который нами присягавшими подписан. Потом был у меня завтрак. Инзов во всей военной форме, адъютанты, прочие домашние и классные чиновники Комитета, всего 19 человек наполнили мои две комнатки. Люди генеральские натаскали ко мне его приборы, а кухня наместничья дымилась от съестных моих припасов, и я могу похвастаться своею пирухою. Следы оной приметны были на багровом лице товарища, который по обыкновению не пропу-

---

* Сверх аттестата графа Ланжерона², у коего Лорович служил в канцелярии, он мне представил при просьбе о принятии его в Комитет таковое же свидетельство Одесского коммерческого банка и тамошнего Ришельевского лицея. Во всех сих бумагах не назван он евреем. Кто бы стал догадываться, что он таковой? — Но правитель канцелярии, ходатайствующий об определении Лоровича, знал о его происхождении и не доложил ни мне, ни наместнику. Я спрашивал Манделя, нет ли каких особенных препятствий к определению Лоровича, и Мандель умолчал главнейшее обстоятельство, по коему оно подвержено бы было затруднениям.

стил ни одного блюда, ни одной капли вина. О прочих говорить нечего. Чиновники Комитета, прислонясь к передней, потихоньку опоражничали рюмки, адъютант Малевинский, принимая лекарство и не чувствуя себя воздержным, убежал от соблазнительной приманки, другой, Гильденшанц, горевал, напротив, что присутствие наместника препятствовало ему веселиться. Все вообще принуждены были себя удерживать, глядя на особу главного начальника, который сидел на моем диване до самого конца завтрака и ни к чему не прикасался, чтоб не испортить обед и не причинить себе нездоровье. Воля его исполнилась; но зато, пришедши домой, он за большим столом своим, который обыкновенно накрыт на 12 человек, сидел один и кушал диетические приправы. По уходе Инзова все гости мои разбрелись по домам.

17.

У наместника обедал статский советник Э л ь ф е л ь д¹, занимающийся здесь поручениями по горной части. Имея может быть достаточные сведения в собственной своей науке, он хотел отличить себя рассуждениями и о других предметах, как например о торговле нашей с англичанами, о философии нынешнего века, болтая много и всё утверждал решительно. Пушкин, не уступая также в способности обнять всё и судить обо всем, сразился с ним и довольно основательно опровергал некоторые его заключения.

18.

Был без обеда, ибо опоздал к наместнику, а у себя дома ничего не приготовил. Вечеру занимался музыкою. Архангельский на скрипке, а Г а у т а л ь¹ на виолончели драли мои уши. Несмотря на то, мне было веселее многих других часов. В глуши надобно уметь пользоваться тем, что есть.

19.

Товарищ кричал и шумел в Комитете на секретаря Марченку и хотел жаловаться наместнику. Марченко видя, что дело не на шутку, стал отводить горячность Ланова коварными своими уловками. Не нужно было и этого, ибо Ланов, уставши задориться, поехал обедать к армянскому архиерею, вечер, вероятно, провел за картами и в сих развлечениях потопил свою досаду.

20.

В полученных с сегодняшнею почтою листках Франкфуртского журнала¹ напечатано между прочим, что в самом Кишиневе и окрестностях свирепствует какая-то нервическая гнилая горячка и производит ужасные опустошения, вот как пишут газеты*. Что продолжающаяся засуха грозит неурожаем, это нам одним известно, а о нервической горячке, от которой может быть два, три молдавана померли, узнает вся Европа.

23.

По утру опять выстрелили на мой двор из ружья и двух пистолетов. Ружейный был с пулею, пистолетные холостыми рядами. Люди мои и соседи заметили какого-то (видно приезжего) грека, который забавляется стрельбою в городе.

Несмотря на лживость иностранных газет, которые возвещают о какой-то прилипчивой горячке, в Кишиневе довольно много умирает народу. Главнейшие болезни, коим подвержена здешняя сторона, суть удары, водяная и лихорадки. В моем приходе отпевали сегодня какого-то молдавского воина или капитана. Он в последнюю турецкую кампанию оказал войскам нашим некоторые услуги, будучи употреблен в качестве лазутчика и указателя дорог. В другое время, подружась с известным разбойником Боджура¹, он разделял с ним гнусную его славу, а наконец уставши видно ловить людей, стал заниматься лошадьми и снял некоторые почтовые станции. Третьего дни, отправясь в уездный город Бельцы, умер он на дороге. Молдаване долго не держат мертвых тел, и привезенного вчера капитана схоронили сегодня. Похороны были обыкновенные. За телом шла толпа крестьян и крестьянок, а шествие замыкала верховая его лошадь, покрытая красным чепраком.

24.

Являлся ко мне комиссар нашего Комитета Франк¹. Я его не видал еще с самого моего приезда в Кишинев, потому что он пользовался позволением наместника жить в молочанских колониях² под видом откомандировки для принятия колонистов и отвода им земель. Теперь ему хочется получить место тамошнего смотрителя над 30 колониями, но плоха видно надежда, чтоб ему их поверили. Он из немцев, пристал к нашим

---

* Лекарь Фишер сказывал мне, что в какой-то деревне померло несколько молдаван от нервической горячки, и об этом приезжие развезли молву, которая вскоре потом попала и в газету.

войскам во время бытности их во Франции, имеет семейство; с виду кажется добрый, честный солдат, снабжен хорошими свидетельствами, но кажется хвастает уже слишком много. По словам его, он был с Наполеоном в Москве и Египте, находился непрерывно при главном его штабе, с лучшими нашими генералами за свой, весь изранен, имел поместья на Рейне и назывался прежде барон фон Франкенталь. Язык его не отдохнет ни на минуту, если только приняться слушать, что он будет рассказывать. С такими людьми ужиться не трудно, и Франк мне понравился.

Заболел секретарь Марченко. Теперь вся канцелярия Комитета основывается на двух помощниках и нескольких писцах, исключая счетного отделения, в котором порядок службы и ревность чиновников не изменялись еще ни на одну минуту.

25.

Большая жара. Термометр у Инзова показывал 32 градуса*. После обеда начали находить со всех сторон тучи, и с нетерпением ожидали дождя; но сильный вихрь разогнал облака наполненные оным, и несколько капель только упало на землю, прогоревшую от зноя солнечного. К ночи опять стало ясно.

26.

В Кишиневе можно приучиться смотреть на смерть равнодушно. Не проходит почти дня, чтоб не встретился покойник или не умер бы кто в соседстве. В больших городах стараются удалить сколько можно с глаз таковые зрелища, здесь, напротив, нет ничего торжественнее похорон. Беднейшего крестьянина, малейшего младенца несут в сопровождении одного или двух священников. Впереди большой крест и хоругвь церковные. На колокольне звонят во всё время выноса, и несмотря на жары покойника несут в церковь и везут на кладбище открытого. — Вчера против квартиры моей померла молдаванская мешанка, лежавшая несколько месяцев в изнурительной болезни. В самую минуту ее кончины я стоял у своего окошка и услышал вдруг вопль и визг нескольких голосов, возвестивших о сем печальном событии. Тело вынесли тотчас на двор, где оно стояло до сегодняшнего полдня под навесом, сделанным в виде шалаша. Тут собранная семья и соседки плакали и стонали в продолжение 24 часов. Сегодня ее схоронили. Попы молдаванские, у которых я спрашивал, зачем они так

---

* а на дворе было 38°.

скоро отпевают мертвых, ибо везде почти определен на то третий день, отвечали мне, что это делается для избежания больших издержек по воле самих хозяев. Причина жаров была бы мне кажется основательнее, и то в отношении токмо к теперешнему времени.

Товарищ стал тих, вежлив и ласков со всеми. Он сегодня мало занимался и приводил причиною непомерные жары. Быть может, но я заметил, что он сам по себе немного мудрит в делах. Он неспособен без крику и шуму разрешить какое-нибудь важное обстоятельство. — Вечеру шел дождик.

27.

Товарищ поленился идти в присутствие, но зато принужден был после обеда разобрать в Комитете ссору, происшедшую между экзекутором и канцелярскими на счет не скорой выдачи жалованья. Рассказывают, что он ревел ужасно*.

29.

И в Бессарабии не удалось мне провести весело день моих имянин. Начался оный тем, что я сходил в собор к обедне, а потом, воротясь домой, сидел до вечера один. Исключая Ланова, который был у меня на несколько минут, и адъютантов, присылавших меня поздравить, никто из подчиненных не догадался сделать мне приветствие, а о городских жителях и говорить нечего. На праздник всякий готов, а сохранить взаимную вежливость никто не думает. Наместник сам, не желая наложить на себя малейшее принуждение, вместо того, чтобы оказать мне внимание, хотя присылкою кого-нибудь из своей свиты, поручил токмо товарищу привести меня обедать. Он думает, что накормить людей пищею выше всякого внимания, каковое начальник может токмо оказать подчиненному, и, если Инзов, зная уже отчасти мое свойство и правила, хочет равнять меня с площадными своими любимцами, то пусть и эта новая черта его обращения со мною отнесется к прозорливости его и тонкости, в коих он по уверению своих приверженцев так искусен. Я не пошел к нему обедать, а остался дома и благодаря музыке провел несколько часов приятных. Здешние виртуозы Архангельский, Гауталь, Вернер и Газе¹ составили у меня вечером квартет, который сыгран довольно удачно.

---

* После этого происшествия велено экзекутору ходить с рапортами к наместнику, и у дурака еще на вершок прибавилось росту.

Июля 1.

Мальчик мой Петрушка занемог третьего дни и так сильно, что я должен был послать за ближайшим лекарем. Прибежал сосед мой, дивизионный доктор Шулер¹, велел пустить ему кровь и объявил, что этим предупреждено воспаление в желудке. Сегодня больному легче. Шулер приходил навестить его и провел у меня несколько часов. Я с ним рассуждал о медицине, о философии Канта и Шелинга, нашел в нем человека сведущего по своей части, внимательного в исследовании причин, от которых проистекают различные болезни; но он не педант, как прочая его братия, не умеет бросить пыли в глаза, не имел случая приобрести общего доверия, а потому и не пользуется <им> наравне с другими медиками.

2.

У наместника в продолжение трех или четырех недель собиралась комиссия для рассмотрения наследственного дела здешнего помещика Гика¹, который умирая завещал всё свое имение жене, а по ней сыну, без соучастия других родственников. Сын помер, не достигши совершенных лет. Имение следовало жене, но брат покойного умел его присвоить себе. Это обстоятельство произвело спор, и спор надлежало разрешить комиссии. Составлена она была под председательством наместника из нескольких молдаванских бояр, вице-губернатора и архимандрита Иринея*. Сей последний приглашен Инзовым, который, по знанию им молдаванского языка, а может быть и по наружному его благочестию, полагал найти в нем ревностного сотрудника и блюстителя правдой стороны. — В Бессарабии нет еще законов. До 1812 года или присоединения области к российской державе она управлялась господарями и зависела от воли их. Что господарь определит в своем диване, то и получает силу закона. Со времени присоединения Бессарабии к России введена токмо наша уголовная расправа, учреждена полиция, и установлен порядок дворянских выборов; прочее, как то право гражданское и вообще народное основывается на обычаях и на соображении других законов. Грек Манега, как я писал выше, прислан был сюда для составления свода законов. Ему поручено при занятиях комиссии руководствовать ей в приискывании оных на каждое обстоятельство, и Манега рылся беспрестанно в толстых книгах Юстинианова права. Сам Инзов часто сиживал с членами до

* Умнейший из здешних монахов и любимец архиерея².

5 часов пополудни и разбирал бумаги и прочие документы. Кажется, можно и должно было ожидать после столь частых и продолжительных совещаний зрелых и совершенных для самого дела последствий, но мне сказывал сегодня Манега, что Гикова комиссия разошлась и отложена до другого времени, что члены оной, а в особенности архимандрит, старались запутать дело, и таковыми действиями повидимому надеялись услужиться противной стороне*.

Ездил с Манегою в так называемый дворцовый сад, место обыкновенного гулянья в воскресные дни и праздники. Сад имеет вид четверугольника, довольно обширен и расположен правильно, но нет еще в нем ни больших деревьев, ни украшений, свойственных подобного рода заведениям. Одна только беседка, сделанная из деревьев, доставляет прохладу, прочее всё на солнце, и потому собираются туда не прежде позднего вечера. Тут я нашел довольно много народа³.

3.

Наконец дождались мы дождя. Вчера еще скоплялись тучи, сегодня была гроза и один сильный удар грома. Мы в это время обедали у наместника.

6.

Приезжавший на днях младший член Бессарабской конторы Олофсон присягал сегодня в Комитете на новую должность старшего члена, давал нам завтрак и после оногo отправился обратно в Каушаны. После обеда гроза.

9.

Фадеев, старший член Екатеринославской конторы, приехал вчера оттуда¹. Он ездил недавно в Петербург и получил по представлению наместника, которое он возил с собою, 4-го Владимира, а двум товарищам Алексееву² и Бабиевскому³ доставил 3-ю Анну. Наш Комитет, а в особенности Мандель, да, я думаю, и Ланов с завистью смотрят на такие успехи подчиненных и с нетерпением ждут своей очереди. Фадеев⁴ выписан был Инзовым для некоторых общих сообра-

---

* Рассказывают, что он взял за Гиково дело 800 голландских червонцев.

жений по делам колонистским*. — Опыты его и сведения по сей части приобрели ему полную доверенность и расположение главного начальника, а потому и Комитет не очень перед ним похваляется. Со мною он обошелся ласково и провел у меня весь сегодняшний вечер. Затеял я было музыку, но гроза разрушила мои планы.

10.

Правитель канцелярии вышел к должности здоров и свежехонек. Приезд Фадеева видно помешал ему заниматься своею болезнью. После обеда опять гроза.

13.

Явился ко мне новый член Бессарабской конторы, майор Мердер¹, родной брат петербургского моего знакомого², по связям которого он получил это место. Гильденшанц привел его ко мне от наместника, и я увидел перед собою рослого детину, готового отважиться за колонистов в огонь и в воду. Товарищу Мердер понравился, несмотря на то, что мы все не весьма предупреждены были в его пользу, по рассмотрении аттестата, присланного к нам через почту, из коего значит, что он, майор Мердер, за неосновательный поступок выписан был в армию, и потом, участвуя в сбирце против полкового командира, высидел шесть месяцев в киевской крепости. С ним приехала молоденькая бабенка³, и это новое семейство отправляется на водворение в Каушаны. Они уверяют, что им будет хорошо. — Сомневаюсь.

14. 15.

Фадеев начал уже присрочивать день обратного выезда. — Кишинев и ему не очень понравился, но он об этом вслух не проговаривается. Окончив работу свою с наместником, Фадеев хотел приняться и за предполагаемое переобразование порядка дел в Комитете и Конторах, но попал на недосужную минуту и ничего не сделал. Несколько бумаг однакож пошло на почту от лица главного попечителя, и одна из них писана товарищем, о которой не рассудили сообщить мне. Фадеев всякого из нас ласкал по-своему, принаравливаясь к каждому. С Инзовым, например, ходил он по саду и вслушивался в каждое

* Министр между прочим поручил Фадееву разведать о крестьянах своих, бежавших в значительном числе в Бессарабию. Гр. Кочубей на этот счет отозвался следующими словами: «что генерал Инзов водворяет иностранцев, это похвально, но если он надеется заселить со временем Бессарабию беглыми, то правительство не останется ему за то обязанным».

слово, брошенное мимоходом; от товарища принимал приказание; у меня выведаль мысли мои на счет людей и службы, с правителем канцелярии обошелся на крючковатых приветствиях, а экзекутора и Франка дурачил во-время и осторожно. У всех он останется как и прежде в большом уважении. Отказать и я ему не могу в оном, но что принадлежит до искренности, то ее не было с обеих сторон. Скрытный человек никогда не будет владеть моим расположением.

16.

Давал музыкальную вечеринку для Фадеева.

17.

Не ходил обедать к наместнику, и Фадеев присылал узнать о моем здоровьи. Сам заходил ко мне под вечер, и всё в намерении присоединить еще что-нибудь к своим на счет мой заключениям.

18.

Вступил сюда 33 Егерский полк, идущий занять новые кварталы в городе Бельцах. Пожарский служит в нем прапорщиком. Мы с ним опять увиделись, и я ходил смотреть, как они выступили. Тяжела, действительно, служба военная. В самое знойное время пройтись верст 300, а иногда и более для одной токмо дислокации или произвольного перемещения с места на место без крайней надобности! Русский солдат всё на свете вынесет.

19.

Поутру ранехонько Фадеев заходил проститься с товарищем, со мною и тихонько выехал из Кишинева. Жары в продолжение пяти дней несносные.

20.

Наместник ездил сегодня на охоту с ружьем и собакою. В отсутствие его накрыт был стол для домашних, за которым и я обедал с Пушкиным. Сей последний, видя себя на просторе, начал с любимого своего текста¹ о правительстве в России. Охота взяла переводчика Смирнова² спорить с ним, и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники подлецы и воры, гене-

ралы скоты большею частию, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападали Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затыгивал бы петли.

21.

История Пушкина с отставным офицером Рутковским¹. Офицер этот служил некогда под начальством Инзова и по приглашению его приехал сюда для определения к месту. Сегодня за столом зашел между прочим разговор о граде, и Рутковский утверждал, что он помнит град весом в 3 фунта. Пушкин, злобясь на офицера со вчерашнего дни, стал смеяться его рассказам, и сей, вышед из терпения, сказал только: «если вам верят, почему же вы не хотите верить другим». Этого было довольно. Лишь только успели встать из-за стола, и наместник вышел в гостиную, началось объяснение чести. Пушкин назвал офицера подлецом, офицер его мальчишкой, и оба решились кончить размолвку выстрелами. Офицер пошел с Пушкиным к нему, и что у них происходило, это им известно. Рутковский рассказал, что на него бросились с ножом, а Смирнов, что он отвел удар Пушкина; но всего вернее то, что Рутковский хотел вырвать пистолеты и, вероятно, собирался с помощью прибежавшего Смирнова попотчевать молодого человека кулаками, а сей тогда уже принялся за нож. К счастью ни пуля, ни железо не действовали, и в ту же минуту дали знать наместнику, который велел Пушкина отвести домой и приставить к дверям его караул*. — Сильная гроза ночью.

22.

Сегодняшний праздник¹ едва можно было заметить. Наместник поутру занимался в саду своем, обедали у него одни домашние — время в продолжение дня было по большей части ненастное и с грозою, а ввечеру, вместо иллюминации, сгорела конюшня свитского полковника Корниловича².

23.

Скучно провел сегодняшний день. Ходил поутру в митрополию к обедне, обедал дома, ибо наместник опять ездил на охоту, а ввечеру прохаживался в городском саду и по улицам.

---

* Пушкин заслужил большее наказание, но и офицер не совсем прав, однакож ему, кажется, и выговора не сделали².

25.

Приезжая труппа актеров являлась сегодня к наместнику с рекомендательным письмом от графа Ланжерона. Французы эти, потешавшие его сиятельство в Одессе, на обратном пути думали остановиться в Кишиневе и выручить сколько-нибудь денег, не ведая того, что бывшая зимою ясская труппа немецких актеров с трудом расплатилась в долгах и кое-как убралась отсюда к австрийской границе¹. Молдаване, кроме барабана турецкого и жидовских цымбалов, ничего ценить не умеют в роде искусств, а денег и за то, что им нравится, дают весьма неохотно. Какой-то француз недавно давал потешные огни и вход к нему был весьма умеренный. Несмотря на то, бояре лучше согласились подъехать к месту зрелища в колясках и смотреть на него издали, нежели заплатить каких-нибудь 3 лева. Инзов конечно мог бы как начальник поддерживать хороших художников <ов> и тем дать пример всему городу, но он, не будучи охотник до собраний и сходок людских, надсмехаясь над музыкою и театром, всё блаженство будущих дней своих поставил в саду и кабинете. Посадить какой-нибудь цветочек, собрать с него семена в бумажку и застрелить по временам птичку, лучшая и драгоценнейшая его забава. Прочие за ним чиновники от скупости, от лени, от недоверчивости к удовольствиям, в коих главное лицо не принимает участия, и наконец от уверенности, что такое с их стороны участие не будет замечено и не послужит им ни в какую пользу, также сидят по домам и курят трубки или разъезжают по своим приятелям. Итак, приезжая труппа актеров продолжает путь свой далее, а Инзов, посмеясь над нею, сказал в присутствии своих домашних*: «Вот чем занимается гр. Ланжерон, прислал ко мне актеров, чтоб я их уморил с голоду».

26.

Пушкин опять выпущен из-под ареста, вероятно, по ходатайству возвратившегося из Москвы бригадного генерала Болховского¹. Теперь он верно долго не покажется у наместника.

27.

Ходил с казначеем Гридякиным в Областное правительство для вынуждения денег по надобностям Комитета и видел тут од-

* Кстати о домашних. Они состоят из следующих лиц: 1) Ланов, 2) адъютанты, 3) Худобашев, 4) экзекутор Гридякин, 5) правитель канцелярии и секретарь Комитета, 6) офицер Рутковский, 7) переводчик

ного русского крестьянина, принявшего жидовскую ересь. Мне сказывали, что в Бендерском цынуте, откуда он приехал, 20 человек уже успели перейти к жидам, и уверяли, что об этом нигде еще официально неизвестно. Такова-то бендерская земская полиция!

Августа 1.

Курьер, отправленный к наместнику из Скулян, пограничного местечка Бессарабии, привез сегодня известие, что выступившие из Ясс турецкие янычары, возвратясь обратно в город, превратили его в кучу пепла. — 13 греческих церквей разрушено, причем происходило и кровопролитие. Яссы отсюда в 115 верстах*.

3.

Лишь только собрались мы в Комитет, как товарищ опять за некоторые пустяки вспылал на экзекутора, ревел ужасно, ударил по столу присутственному, объявил, что он до тех пор не придет в Комитет, пока Гридякину не сделают выговора, просил меня приказать заготовить журнал о сказанных ему грубостях и вышел наконец из присутствия в намерении идти к Инзову жаловаться. Таким образом началось и кончилось сегодняшнее заседание. Остался я один, ибо и правитель канцелярии вздумал отлучиться на несколько дней за город, а секретари бегали ко мне с пустыми бумагами. За обедом у наместника сошелся я опять со всею этою дрянью. Ланов сидел спокойно на диване. Вместо того, чтоб пожаловаться, выкурил он до обеда трубку табаку у адъютанта, который верно его остановил, а сверх того в течение двух часов и пароксизм горячки прошел благополучно. Напротив, Гридякин сидел за столом с лицом торжественным, на котором ясно изображалась глупость, трусость и мысль «что, брат, взяли; это уж не в первый раз». Меня эта комедия сначала также взволновала, но увидя потом, чем она кончилась, я и сам посмеялся дурачеству двух стариков.

Смирнов, 8) чиновник по особым поручениям С а т о в с к и й², 9) лекарь Фишер, 10) комиссар Франк, 11) сын одесского протопопа К у н и ц к и й³, 12) дежурный квартальный. Тут же можно включить и дворецкого, денщика Дмитрия Ермолаева⁴, который, хотя не садится вместе с нами за стол, но, вслушиваясь иногда в экономические рассуждения, имеет право отпускать и свои доводы.

* Так считают по большому тракту, но есть ближайший на расстоянии 50 верст, и им не ездят по неимению в сем месте перевоза через реку Прут, которая служит границею.

К сим неприятностям присоединились и печальные зрелища, которые расстроили меня в продолжение целого дня. Поутру против Комитета отпевали какого-то молдаванского чиновника, во время стола ударил колокол, возвестивший минуту кончины приходского протопопа, а после обеда пронесли мимо меня младенца и под окнами моими пропели ему вечную память.

Вечеру я ходил прогуливаться по обыкновению к закату солнечному, ибо днем ходить по причине чрезмерной жары не-сносно, шатался по улицам, заглянул на базар и у жидов раз-менял свои деньги. — Курс с некоторого времени чрезвычайно выгоден. Мне дали за сто рублей ассигнациями 150 турецких левов, тогда как в продолжение целого года со времени моего сюда приезда промен наших рублей на махмуты не превышал ни в каком случае 144 левов.

4.

После обеда в моем приходе отпевали старичка, молдаван-ского протопопа. Церемония была большая. Сам архиерей со всем причтом отправлял службу большею частию на молдаван-ском и греческом языках, отчего она продолжалась около двух часов. В церкви было чрезвычайно душно и попам, а особенно архиерею досталось порядочно пропотеть. По окончании от-пева я вместо прогулки проводил всю эту процессию до за-ставы, и, воротясь домой, ходил еще смотреть подобного рода зрелище. В моем соседстве утонули поутру два человека, а к вечеру призван лекарь освидетельствовать и вскрыть их. Хотелось мне видеть это действие, но я опоздал, и, пришед на место, набрел впотьмах на мертвое тело, которое лежало у дверей избы. Одна голова была покрыта, а грудь уже изрезана медицинским ланцетом. Подали свечу, сняли платок с лица, и мне представилась отвратительнейшая картина. Такова-то жизнь человеческая! На которой минуте можно остановиться с уверением в последующей? Злодей часто торжествует в про-должение целой жизни своей, а добродетельному и минуты не достанет совершить свой подвиг. Рассказывают, что этот сол-дат, который лежал передо мною, хотел спасти утопающего молдавана, бросился в воду и утонул с ним вместе.

5.

Поутру опять отпевали в моем приходе какого-то грека, и жена его выла ужаснейшим образом. Не трогают меня эти слезы притворной печали.

6.

Ходил в собор к обедне¹. Там служил архиерей, и теснота была так велика в церкви, помещающей не более 400 человек, что я принужден воротиться домой. Ко мне приезжал здешний полицмейстер Тыский², посидел у меня несколько минут и рассказывал, что по наблюдениям полиции смертность в нынешнем году нарочито велика. С 1 января по 1-е июля померло до 900 человек, а население Кишинева к тому же времени простиралось до 23 тысяч, следовательно в течение шести месяцев помер из 25 один.

У Инзова обедал приезжий некто Лазарев, сын известного богача в Петербурге³. Он был недавно в Москве, а по какому поводу странствует в южных краях, не мог разведать.

7.

Гроза после обеда, которая продолжалась до вечера. Началась она с одного сильного удара, раздавшегося подобно пушечному выстрелу.

9.

Пришел к наместнику обедать и войдя в его гостиную я нашел толстого отставного офицера в сертуке, с усами и с владимирским крестом. Он чего-то просил безуспешно, и я только застал конец разговора дерзкого и решительного со стороны офицера: — «Итак, вы меня выгоняете?» — «Да, я вас прошу выдти». — «И вы можете это сделать? можете выгнать меня?» — «Извольте выдти», и при сих словах Инзов бросился с поспешностию отворять двери. Брюхатый офицер вышел, но, остановясь в дверях, кричал еще: «вы меня выгоняете, вы можете это сделать? Полковника старых лет? Стыдитесь!» — Наместник рад был отделаться от него; мы стояли свидетелями, люди в передней всё слышали, а сам офицер между тем покойно вышел со двора. Говорят, что он был хмелен, но я этого не приметил. Маленький Худобашев бледнел, кусал ногти и дрожал всеми членами от неизвестности, чем всё это кончится.

10.

Дождь во весь день. Приехал сюда старший член Бессарабской конторы¹ с личным и письменным представлением о позволении употребить около 32 тысяч левов на покупку хлеба и

семян для колонистов. В нынешнем году был неурожай, а сверх того и остатки побиты градом.

13.

Вчера получено известие, что гр. Ланжерон уволен для излечения болезни, а на место его велено управлять тремя Новороссийскими губерниями Инзову¹. Молдаване с вечера готовились приступить с поздравлениями, но наместник предупредил их, отправясь по обычаю своему на охоту.

15.

Проливной дождь к ночи и два сильные громовые удары.

17.

Звон во время стола¹. Наместник заметил, что яские доктора лечат не на диво. — На днях опять померло довольно число людей.

18.

Похороны в моем приходе. Хоронили яского купца. Отпевал его приезжий из Ясс архиепископ со всеми молдаванскими попами. Церемония была изрядная. Шествие замыкал отряд музыкантов Якутского полка¹, которые играли обыкновенный погребальный марш, а на гоубвахте молодой офицер прокомандовал «на караул, — на погребенье». — Что не делают деньги! — Купца с военною почестью! — Музыканты были наняты; это здесь водится, а главный караул вышел во фронт при множестве крестов и хоругвий церковных, которые также понесли за деньги. — После обеда ходил прогуливаться и встретил своего духовника, который выскочил ко мне из своей походной тележки и просил от имени преосвященного подписаться на новое издание бесед покойного митрополита Михаила². Для большего убеждения показывал он мне письмо духовного министра. И, подлинно, убедительно. — Князь Голицын поручает архиепископу продать сколько можно более экземпляров в пользу наследников покойного, и архиерей как исправный комиссионер своего духовного начальства посылает протопопа собирать деньги. — Вечеру ходил к наместнику. Он только-что воротился с охоты, привез с собою куропатку, трех перепелок и был довольно весел. Просился у него в отпуск. Приятель Гильденшанц подслушивал в спальне, а наместник ходил по комнате взад и вперед, нахмурился, сказывал мне, что он в про-

должение 33-летней службы только один раз был в отпуске, догадался, что мой отпуск есть вместе с тем и увольнение, и не объявил наконец ничего решительного.

19.

По субботам не положено присутствия, однакож мы с товарищем присутствовали, и Ланов нарочно приходил в Комитет покричать на правителя канцелярии и накричался досыта. Фарисей бледнел, дрожал от злости, однакож не смел положиться на свою горячность и дал отшуметь дюжему и звонкоголосому начальнику. — За столом у наместника все пили и ели как в семье родной.

20.

Адъютант Гильденшанц просил меня поправить письмо, которое он заготовил к Грузинскому губернатору¹. Я уверен, что всякий нашелся бы оказать ему эту услугу, но дело, кажется, состояло в том, чтобы положиться на чью-либо скромность, и вот почему. — Гильденшанц за два или три года препровождал партию колонистов в Грузию². Там нашел он покровительство у гражданского губернатора, который, открыв какие-то в нем особенные дарования, а всего вероятнее приняв подлость его за усердие, предложил ему место начальника Грузинской колонистской конторы и даже вошел с ним в переписку. Адъютанту при начале моего приезда в Кишинев не так еще везло у Инзова. Тогда два брата Малевинские не давали ему простора, и он, повеса нос, всё твердил о Грузии. Теперь Малевинских нет*. Гильденшанц получил чин майорский, приблизился к наместнику, овладел слабою его стороною и расчел, что вместо чинов и крестов у Ермолова, можно лучше в Кишиневе погреться около жидов и молдаван, — решился остаться и на несколько писем старика Ховена отвечает теперь одним. Смешно было читать этот отрывок, в коем ясно виден отпечаток души подлой, низкой и корыстной. — Он пишет к губернатору именно этими выражениями «не сочтите мое молчание за грубость и невежество, это противно моим правилам», далее: «я решился остаться у генерала Инзова, и это пусть покажет вам мой характер, ибо, если судьба приведет служить у вас, то равно-

---

* Малевинские оба в Одессе. Старший бросил колонии и лечится от каких-то вертижей головных, а меньшей попросту болен французскою, и, сверх того, обижается, что его не произвели в подполковники.

мерно найдете во мне человека, умеющего заслуживать доверенность своего начальника», наконец посылает некоторые наши бумаги и заключает письмо общими сведениями, которые выдает за мысли свои к улучшению колонистов, в Грузии поселенных! Я перекрестил эту бумагу со всех сторон и написал ему довольно складную грамотку. — И такой человек готовится теперь объездить весь Новороссийский край с новым генерал-губернатором.

21.

Ходил смотреть дорожные брички, и прошел мимо здешнего острога. Самое лучшее здание в Кишиневе. Подлинно, замок тюремный. Стены его выведены из толстого камня. На воротах надпись: «Не для пагубы, но ради исправления»¹. Тут Ясская застава, и от пригорка можно бы снять прекрасный вид с Кишинева.

22.

Мне было сегодня и смешно и досадно. — Наместник, который молчал со времени последнего нашего разговора об отпуске, но знал уже стороною, что я решительно хочу ехать, сегодня, говоря на счет одной новозаводимой в Петербурге фабрики, примолвил: «вот князь собирается туда, он ее увидит». И что ж? — Все его домашние за столом сели к стороне товарища, а с моей остались пустые приборы. — Кто поверит такому дурачеству?

25.

По случаю просимого мною отпуска завалили меня журналами. Они еще не были подписаны никем из нас с генваря месяца, а июнь и июль даже не заготовлены. Правитель канцелярии вовсе не думал заняться этим делом, и хотя хвастал, что читает все эти толстые тетради, но со всем тем я нашел одну резолюцию товарища, подписанную 10 марта, тогда как Ланов выехал в Екатеринослав 9-го числа. — Но кто станет заниматься такими безделицами!

26.

Я во всю мою жизнь не покупал вдруг столько листов гербовой бумаги, сколько пошло ее на днях для выдачи мне свидетельства о беспрепятственном пропуске через Дубосарскую таможенную купленного мною фортепиано.

27.

Командир 17 пехотной дивизии, генерал-майор Желтухин¹ обедал у наместника и удивил нас всех своею неловкостью в обращении. Он такую солдатскую мелочную дрянность попорол за столом о палатках, о высокорослых и малорослых солдатиках, о ранжирах, изъяснялся так забавно, что мы, поглядывая один на другого, не могли удерживаться от смеху. Наместник мастерски его дурачил, приноравливаясь в суждениях и разговорах к его ограниченным понятиям. — Вечеру ходил в последний раз в здешний публичный сад посмотреть на молдаванских красавиц. Резвая Варфоломей² с кучею своих приятельниц ежеминутно попадалась мне навстречу и с коварною улыбкою от меня отворачивалась. Если б она была добрая девушка, с хорошим сердцем, с нежными чувствами, если б отец ее не принадлежал к числу подлых, средних, невоспитанных молдаван, — если б — если б! — Я в задумчивости бегал один по саду, слушал приятную музыку Якутского полка, смотрел на последние лучи скрывающегося за горами солнца, дышал приятнейшим вечерним воздухом. Вокруг меня двигались разнообразные группы молдаван. Я вспомнил всё время пребывания моего в Кишиневе. Исчезли воспоминания часов грустных, неприятных. Несколько минут тихого, полезного уединения представились моему воображению. Я сравнивал их с сокрытою будущностию, и тяжелый вздох вырвался из стесненной груди моей. Он принадлежал Молдавии. — Отправил Андрея в Дубосары.

28.

За столом наместник разговаривал с одним адъютантом Гильденшанцом о войне 1812 года, о тогдашних маневрах. Гильденшанц рассказывал, где что происходило, где стояли наши батареи, и как из них в неприятеля палили. Я чай, много он и прихвастал на свой счет, но кто станет судить строго. Любимому секретарю или адъютанту провраться не беда. Всякий впрочем старается выказывать себя с самой выгодной стороны, и никто не захочет упомянуть о таком обстоятельстве в жизни, которое может умалить цену заслуг и достоинств. После обеда пришла моя очередь, — но не хвастать. Я просил у Инзова казенную подорожную. Он покачал головою, однакож согласился и примолвил: «Вы всё обращаетесь по-петербургски; — скажите, какая ваша цель, с каким намерением отправляетесь в Петербург?» — Не трудно было мне проникнуть

намерение лукавого старика выведать, что у меня от него спря-
тано при настоящем поступке, и я, чтобы не казаться вовсе
нечувствительным к его прежним ласкам, рассказал ему часть
прошедших моих видов, сулил возвратиться в Кишинев, и обе-
щал сделать его посредником в будущих моих предприятиях.
Инзов слушал с нарочитым вниманием, давал советы, хотел
казаться искренним, а в самом деле старался только удостове-
риться, в какой мере я могу быть ему вреден, если обстоя-
тельства доставят мне к тому возможность.

29.

В митрополии пели установленную панихиду по убиенным в
Отечественную войну. Архиерей служил обедню, и потом была
у него закуска, на которой я ему откланялся. При сем случае
узнал я его короче и убедился снова, что наружность людей
есть очень часто самая противоположная вывеска внутреннего
их достоинства.

30.

Последний день в Кишиневе провел я так, как и все прочие
моего пребывания. По случаю царского праздника¹ надел мун-
дир и ходил поздравлять наместника. У него обедал с домаш-
ними. Пили здоровье государя, а потом, как некуда было де-
вать остаток шампанского, и мое. Вечеру простился с Ин-
зовым.

31.

Выехал из Кишинева в десятом часу утра. Погода ясная, но
северный ветер дает и здесь чувствовать приближение осени.
У Комитета расстался я с добрым Киришнером*; молдаван
махнул бичем, и через полчаса Кишинев скрылся от глаз моих,
а в первом по полудни я уже был за Днестром — в России.
В карантине¹ готовились меня окуривать хорошенько; вещи
мои вытащили на улицу, но пришел инспектор, заговорил со
мною по-французски, и смотритель со всеми прислужниками
оставили меня в покое, а я в знак признательности за такой
великодушный их поступок дал им поддержать в щипцах пакет
к министру и сам просил очистить его по правилам, то есть,
прокурить и проколоть для соблюдения формы, при чем ин-

---

* Я не краснею принять в число друзей моих людей низкого состояния.
Киришнер был простой колонист, но чувства возвышают его в глазах моих
перед <дальше отрезано несколько строк>.

спектор Б е м² заглядывал из любопытства на надписи прочих писем. Написали, что я везу с собою тысячу рублей государственными ассигнациями, и тем всё кончилось в несколько минут. Но тут еще таможенная, где также собирались тормозить меня для обряда. К счастью случайное знакомство с членом оной Д а р и е н к о в ы м³ избавило меня не токмо от услужливой пошрины, но доставило, сверх того, довольно лакомый обед, какого бы я не нашел по Дубосарской дороге. Дубосары пользуются довольно приятным местоположением. Правильность некоторых улиц и верстовые столбы, которые белеются впереди, с первого взгляда напоминают уже Россию, но там за Днестром синеются горы и приятная разнообразность природы, а здесь начинается степь необозримая. На этой точке глаза невольно обращаются еще раз к Бессарабии.

Сентября 5-го. Ковали¹.

Я ехал из Дубосар всё степью. Станции, на коих меняли моих лошадей, состоят из полуразвалившихся хижин. Тут выглядывает нищета совершенная. Мужики русские записывают подорожные и только заботятся об отправлении проезжих. Не только не найдете ничего съестного у них, но даже нет и посредственной скамейки для отдыха. От Дубосар до Балты, уездного городка Подольской губернии, считается 90 верст. Я их проехал ночью и на рассвете очутился уже у рогатки города. Он лежит в овраге и окружен горами. Не советывал бы никому подъезжать к нему в ночное время с пьяным или неопытным проводником, ибо скат довольно опасен, и один только неосторожный поворот может сломить самые толстые шеи. О внутренности города сказать нечего; — выстроен посредственно, жидовских лавок довольно. Отсюда до Умани, уездного города Киевской губернии, считают по почтовому тракту через Тульчин, Ольгополь, Браслав и Гайсин 247 верст, но есть прямая проселочная дорога, сближающая сии два места на 90 верст, и я нанял вольных лошадей, которые поставили меня через сутки, а именно на 2-е число в Умань. Дорога хороша, — проложена по горам, виды приятные. Здесь начинаются леса, и население приметно умножается. Местечки Козацкое, Старожинка, Пещаны, Бундурово, Хошево, Мощено, Колодези и Рыжовка пользуются выгодными положениями. В Хошеве переправлялся я через Буг, а в Мощене вынужден был за наступившею темнотою ночи искать пристанище у сельского священника. Он шел из корчмы домой, и без труда согласился принять меня под свою крышу. — Лучше бы остаться ночевать в корчме! — Священник привел меня в свой домик на самой

конец местечка. Вошли в две низенькие комнаты с крошечными окнами. Стены, обвешанные старинными картинами, большой стол, на котором лежали фолианты церковные, несколько скамеек, вместо стульев, и маленькая восковая свечка, разливавшая слабый, мерцающий свет, вот что бросилось мне в глаза. Прибавьте к этому пол земляной, недавно вымазанный глиною, которая испускала самой тяжелый, сырой запах, и чтобы его прогнать накурили изобильно простым ладаном. Священник уверял, что он здесь состарелся. Привычка потушила его чувства. Он говорил о прошедшем, я мечтал о будущем. Предметы, окружавшие меня, напомнили кишиневские похороны, могилы. Воображению представлялись печальные мысли, предчувствия... Грудь моя более и более стеснялась, и мне нужен был чистый воздух. Ночевал в бричке.

Умань городок красивый. Разбит на холмах и возвышениях. — Земля его принадлежит графине Потоцкой, богатой помещице сих стран². В двух верстах отсюда находится знаменитый сад ее под названием Софиевки³. Хотелось мне посмотреть на этот роскошный уголок и сличить его с волшебным описанием отца моего⁴, но дождливая погода и жида, которые приготавливались ощупать тощий мой кошелек, — всё это заставило отказаться от сего предприятия.

От Умани до Богуслава 165 верст. В Богуслав прибыл 3-го числа вечером и наткнулся на похороны. Город имеет подобное Умани местоположение и, сверх того, лежит при реке, коей извивистое течение доставляет ему не малое украшение. Здесь также большая часть жителей евреи, однакож я заметил более малороссиян нежели в Умани. Земля, на которой выстроен Богуслав, принадлежит графине Браницкой⁵. — Ночевал на почте в прекрасном домике, но ничего не мог достать съестного. Мне отказали даже и в почтовых лошадях, на основании высочайшего повеления, коим запрещается давать лошадей в сторону от почтового тракта. Надобно было искать жидов-возчиков, но и те все, собравшись в свою синагогу по случаю каких-то праздников, кричали и шумели, а те, кои попадались мне на улице, бегали прочь от всякой работы. Сыскался малороссиянин, который свез меня за 15 верст от Богуслава, и здесь на половине почти дороги встретили меня высланные от дяди Селецкого лошади и доставили в Ковали.

Весь сегодняшний день обошел и объездил с дядею обширные его владения. Были на винокуренном заводе, в лесу, на полях, в молотильне, — словом везде, где только производилась какая-нибудь работа. В промежутках остального времени

читали газеты, беседовали о разных предметах, разбирали некоторые деловые бумаги, а при свечах занимались исключительно музыкою.

10 сентября в 17 верстах от Киева.

Вчера поутру в 8 часов простился я с дядею, и на лошадях его переезжаю всё расстояние 90 верст, которое считают от Ковалей до Киева. По такому малому пространству полагал я непременно быть сегодня на рассвете в Киеве, но весьма обманулся в своих расчетах. Лишь только отъехали мы несколько верст, пустился дождь и шел до сих мест непрерывно. — Я принужден был ночевать на половине дороги в местечке Триполье, коего местоположение на горе близ Днепра должно быть приятно. Я почти ничего не мог рассмотреть сквозь дождя и тумана. Здесь в корчме остановился на несколько минут, чтоб отдохнуть и защититься от приступов дорожного неприятеля.

Киев. 10 сентября вечером.

Соборная церковь св. Софии¹, церковь Андрея Первозванного², сооруженная на том самом месте, где сей знаменитый сподвижник христов в залог пребывания своего водрузил крест Спасителя, монастырь Михайловский³ и мощи Варвары мученицы, вот предметы достойные удивления каждого россиянина, приверженного к вере своих предков и отечеству. Все эти стены свидетельствуют славу и торжество веков прошедших; рука времени их не разрушила, и сама природа соединила свои прелести к увековечению памятников, воздвигнутых в прославление творца вселенной. Какое перо, какое воображение изобразит столь чудесное соединение истинно величественных ее кра<сот> <одно слово срезано внизу страницы> творениями руки человеческой? —

Козелец. 12 сентября.

Предполагал весь вчерашний день употребить на рассмотрение Печерской Лавры, но сделался нездоров, и вместо того, чтоб выдти со двора в 7 часов утра, время, в которое открываются пещеры, пришел туда и застал начало поздней обедни. Пещеры уже были заперты. Какой прекрасный, величествен-

ный храм, какой торжественный порядок в богослужении! Будничную литургию принять можно за праздничную. — Нигде я не видал столько непринужденной набожности, столько усердия и ревности к вере. Здесь в кафедральной церкви находятся драгоценнейшие памятники отечественной древности. Кто не подойдет с чувствами душевного умиления к остаткам бессмертного основателя сей древнейшей обители Феодосия, — кто не приложится с благоговением к главе св. Владимира, озарившего Россию светом христианского учения. Тут показывают перст архидиакона Стефана, приобретшего венец мученический, тут лежит и славный наш Румянцев-Задунайский!¹ — Мне хотелось видеть внешнее расположение пещер и собственными глазами удостовериться в произведениях столь смелого предприятия простыми и несведущими в зодчестве монахами, но к сожалению не нашел ни одного способного удовлетворить моему любопытству. Прогулка моя в сем лабиринте древностей ограничилась отысканием могилы родной тетки Селецкой, и на выходе из Лавры я еще раз поклонился праху незабвенных предков моих, Нектарии² и Димитрию³.

По приходе домой я начал рассчитываться с трактирщиком. Счет его был довольно умеренный, исключая 3 рублей за одну комнату в сутки, но со всем тем надлежало предупредить дальное истощение моего кошелька, и я в 5 часу выехал из Киева.

Дорога до Козельца изрядна, лошади хороши, почтовые дома отделаны с чистотою; погода благоприятствует моему путешествию. Козелец, маленький уездный городок Киевской губернии, лежит на плоской долине, выстроен скверно. В нем считают 300 домов и 7 церквей, из коих одна прекрасной архитектуры⁴. Здесь принужден был провести 6 часов за починкою оси.

Чернигов. 13 сентября.

Прибыл сюда в 10 часов вечера и ночевал у почтдиректора Мельникова¹. Был у него в почтамте и видел его деятельность в подписе исходящих, в новой обмундировке почталионов. Ему представили несколько таковых одетых по последнему образцу, полученному из Петербурга, и он, осматривая их, сказал: «Вот, братцы, как государь об вас печется; носите во славу начальства». Это произнесено с такою важностию, что мне трудно было удержаться от смеха. Далее Мельников водил меня по нескольким комнатам, в коих с крайнею теснотою расположены экспедиции почтамта, и представлял первейших по нем

начальников. Дом маленький деревянный и вовсе не соответствует своему назначению.

О Чернигове не скажу ничего особенного. Я едва успел приметить его хорошенько, проехав большую часть оною ночью. Расположен он довольно красиво и выстроен правильно. Все почти здания и дома новые, и следов древнего города нигде не видно.

Могилев. 15 сентября.

Выехал из Чернигова 13 числа в 2 часу по полудни, а сюда прибыл сегодня в 3 часа. Дорога еще хороша. За четвертою станцією начинается Могилевская губерния¹. Приметить можно разницу между Малороссиею и Белоруссиею тем уже, что на самой границе начинается длинная аллея, идущая вдоль Белорусского почтового тракта. Вид этих высоких лип и берез для глаз приятен после непрерывных полей, но продолжительность сего дорожного бульвара, скрывающего густотою деревьев окрестные предметы, делается наконец для глаз также утомител^ьна². — Уездный город Белицу и местечко Гомель, принадлежащее гр. Николаю Петровичу Румянцеву³, я проехал ночью. Последнее показалось мне довольно великолепным. Есть много больших зданий, раскинутых в разные стороны, но как всё это соединено вместе, нельзя было приметить за темнотою ночи. — На дороге познакомился с свитским полковником Шиллингом⁴, который возвращается из Карлсбада в Москву. Он с женою скачет по-курьерски; выехал из Вены 3-го числа и ни в одном даже городе не останавливался дорогою. Но зато у них карета модная, покойная, а я часто с трудом перевозжу дух в своей бричке, где меня трясет порядочно. До Могилева не встретил ничего примечательного. Почты очень хороши, лошади выставляются добротные, смотрители и писаря исправны, — одно только худо: нет трактиров по такой большой дороге. Исключая одного немца, содержащего таковой в Белице, нет ни одной порядочной гостиницы. В Чечерске⁵, местечке, принадлежащем гр. Анне Родионовне Чернышевой, повар ее в пакостном домишке угащивает протухлым мясом. Сама графиня содержит почтовую станцию и более 20 лет живет здесь безвыездно!

В Могилеве переменяю лошадей и еду далее. Город проехал только с боковой стороны и не могу судить ни о внутренней красоте, ни о правильности его. Положение Могилева на возвышении, внизу коего протекает Днепр, довольно приятно, но здешний Днепр перед киевским ручеек. Улицы чрезвычайно

грязны и почти не вымощены. Здесь находится теперь Главный штаб 1 Армии и по случаю пребывания его строится у выезда экерсицауз, огромное и великолепное здание.

Витебск. 16 сентября.

У нас в России еще не заведено путешествовать. Всякий по своей или казенной надобности скачет из одного места в другое, ни мало не заботясь рассматриванием достопамятностей и описанием оных. Время и деньги нужнейшая принадлежность путешественника. Без них одно странствование или движение с места на место без пользы и удовольствия в отношении к самому путешествию. — Витебск город прекрасный, выстроен правильно: есть хорошие дома, а особенно церкви. Дорога до сих мест была скверная, а погода сырая и дождливая.

Станция Выра¹. 22 сентября.

Погода от Витебска стала ясная, но осенняя. На станции Сеньковой написал жалобу на содержателя почты, который обошелся со мною грубо и принудил заплатить прогоны за четвертую лошадь. В Великих Луках зашел в собор, где отпевали какого-то купца с церемониею, а в Порхове видел зрелище совсем другого рода. На дворе трактира, где останавливаются проезжие, труппа скакунов представляла свои штуки, и трактирщик, надутый немец, отказал мне в обеде. Я ничего не потерял, ибо на почте меня также сыто накормили русскою похлебною как бы и у немца его соусами. Тощий желудок ничем не пренебрегает, но странно то только, что трактирщик не соглашался изготовить одно блюдо, а хотел, чтобы ему заплатили за весь обед 4 рубли. Меня уверяли, что он за эту цену кормит и городских жителей. Цена непомерная! — С 20-го пошел дождь и вымочил весь мой экипаж. — В Луге познакомился с городничим Саблиным² и исправником гр. де Люксамбург³ Провел весь день с ними за недостатком лошадей. Сюда прибыл поутру на рассвете и нанял вольных до Петербурга.

Сарское Село.

Вот то место, где я за год тому назад прощался с меньшим братом. Думал ли я так скоро воротиться? — Судьба, благоговяю тебя! — через несколько часов я опять его увижу.

Маршрут от Кишинева до Санктпетербурга¹.

Бокшан	19 ^{1/2}	Кутня	26 ^{1/4}
Криуляны	17 ^{1/2}	Могилев г. г.	30 ^{1/4}
Дубосары	7	Добрейка	20
Егорлик	20	Шклов м.	13
Вамская	22	Александрия	17
Липецкая	23	Орша у. г.	22 ^{3/4}
Балта у. г.	23	Орехи	20
Умань п. г.	90	Бабиновичи	17 ^{3/4}
Легезина	24 ^{1/2}	Половники	25
Тальновка	18 ^{1/2}	Витебск г. г.	22
Екатеринополь	20	Гапоновщина	19 ^{3/4}
Звенигородка п. г.	23	Сураж	20
Ольшанск	23	Шликовская	22
Корсунь	31	Усвят	21
Москаленская корчм.	17	Чурилово	20 ^{1/2}
Богуслав п. г.	16	Серуты	22 ^{1/2}
Ковали	35	Сенькова	16 ^{1/2}
Киев г. г.	90	Великие Луки у. г.	23
Бровары	18	Недомерки	22
Семиполки	29	Прискуха	20
Козелец п. г.	25	Михайловский погост	25
Чемеры	22	Бежаницы	23
Красное	27	Ашева	20
Чернигов г. г.	26	Сорокино	26
Роище	18	Голодуши	26
Буровка	20	Порхов у. г.	26
Боровая корчма	19	Боровичи	26
Добрянка	17	Залазы	27
Песочная буда	19 ^{1/2}	Феофилова пуст.	22
Белица п. г.	18 ^{1/4}	Крицы	20
Костюковка	19	Городец	21
Особина	12 ^{1/2}	Луга у. г.	22
Щепетовка	17	Долговка	23 ^{1/2}
Чечерок	16 ^{1/4}	Ящеры	25 ^{1/2}
Вороновщина	12	Выра	22
Литвиновичи	20 ^{1/4}	Гатчино	25
Пропойск	17 ^{3/4}	София	20
Глинка	12	Санктпетербург	22
Рабовичи	12 ^{1/2}		

Санктпетербург.

Сентября 22 приехал в С. Петербург — в 8 часов вечера.
26 представлялся министру¹ на общей аудиенции.
По выслушании просьбы моей сказано: «Je tâche-гаи»².

Октября 4 ходил с братом слушать придворных певчих в корпусе их, где бывает по средам и субботам репетиция¹.

7, 8 у кн. Шаховской¹ на даче.

9 воротился с братом в Петербург. Заезжали в

Сергиев монастырь! Гробницы Зубовых² и подземная Чичериной³.

17 подал гр. Кочубею просьбу об определении меня по карантинной части. Помещена в конце года.

20 первый снег в Петербурге.

Ноября 12 брат занемог простудюю.

21 минуло мне 35 лет. Провел весь день с больным братом, исключая обеда (у кн. Шаховской).

Декабря 4 брат совершенно выздоровел и вышел со двора. 8 начали ездить на санях, снегу мало. Нева оставилась.

12 Д. А. Мосальскому¹ вырезывали бельмо. Был свидетелем этой операции.

17 большой пожар у Калинкина моста. Горела суконная фабрика.

29 получил из Департамента государственного хозяйства остатки жалованья моего за сентябрьскую треть, на основании просьбы следующего содержания:

«В прошедшем сентябре месяце просил я Департамент государственного хозяйства и публичных зданий о продолжении данного мне из Попечительного комитета о колонистах южного края России отпуска по 23-е октября и удостоился тогда же получить оный. — Хотя за прошествием сего времени следовало мне отправиться обратно к месту, но как между тем его сиятельству г-ну управляющему Министерством внутренних дел угодно было представить в Комитет г.г. министров об определении меня по части карантинной, то до разрешения сего представления не от меня уже зависело следовать к прежней должности. При таковых обстоятельствах, проживая здесь не по собственным надобностям, а в ожидании дальнейшего на счет мой распоряжения и приказаний его сиятельства графа Виктора Павловича, я покорнейше прошу Департамент государственного хозяйства приходящего мне за сентябрьскую треть сего года жалованья, коего причтется за исключением полученных уже из Комитета вперед за сентябрь и октябрь месяцы 412 рубл. 50 коп., и подлежащих к удержанию в Комитете за повышение меня чином коллежского советника 240 рубл. 31 коп., остальные за тем 172 рубл. 19 коп., выдать мне по мою расписку. — 14-го декабря 1822 года».

Декабря 29-го. Отправил письмо к Инзову, в Кишинев следующего содержания:

«При отъезде моем из Бессарабии, Ваше превосходительство изволили дать мне позволение к Вам писать и известить Вас о будущих моих предположениях по службе.

Сей явный и драгоценный знак Вашего ко мне благорасположения и воспоминание о пребывании моем в Кишиневе, приятное единственно по нежному участию, коего я был постоянным и счастливым предметом, налагают на меня обязанность непременную и вместе сердечную повторить Вам мою совершенную благодарность.

Нужно ли мне присовокуплять уверение, что я никогда бы не решился отклониться от службы под Вашим начальством? — Вы заставили меня дорожить именем подчиненного. Но кто волен в исполнении своих желаний? — В намерении сблизиться, сколько можно более, с родными моими в Малороссии, я решился принять вакантное место по карантинной части в Подольской губернии.

Судьба переменчива; душевные чувства зависят от нас самих и должны быть неизменны. Быть может когда-нибудь я опять удостоюсь чести служить под вашим начальством, и тогда, равно как и теперь ваше превосходительство найдете во мне ту же преданность к особе Вашей и чувства глубочайшего почтения, с коими во всю жизнь пребуду».

Декабря '30. Копия с просьбы, поданной мною графу Кочубею 17 прошедшего октября.

«Вашему сиятельству известно уже, что по прибытию моем в столичный город С. Петербург вследствие данного мне от Попечительного комитета о колонистах южного края России отпуска на 28 дней я вынужден был просрочить оный по приключившейся мне болезни. Нынче, чувствуя себя в силах предпринять обратное путешествие и желая вместе с тем продолжать службу по части карантинной я осмеливаюсь покорнейше просить ваше сиятельство об определении меня на открывшуюся в городе Таганроге вакансию вице-инспектора тамошнего карантина или на другое место по благоусмотрению Вашему.

Внимание, которое угодно будет вашему сиятельству обратить на сию покорнейшую просьбу усугубит стремление и ревность мою к оправданию толико лестного для меня участия во мне вашего сиятельства.

С глубочайшим высокопочитанием честь имею быть».

Декабря 31. Обедал у молодого Масальского¹ — вечер провел у князя Андр. Никол.² и танцевал с его детьми, а новый год встретил с братом дома.

Курс денежный в Кишиневе.

Ассигнации		Турецкая монета	
100 рублей равны		142 левам	
50 „ „		71 леву	
25 „ „		35 левам	20 парам
10 „ „		14 левам	8 парам
5 „ „		7 левам	4 парам
Золото	{	Махмуд турецкий содержит	25 левов.
		Полумахмуд	„ 12 левов 20 пар
		Четверть-махмуда	„ 6 левов 10 пар
		Рубин	„ 2 лева 30 пар
Серебро	{	Бешлык	„ 5 левов 20 пар
		Лева	„ 40 пар

Мой расчет

Пара — $1\frac{3}{4}$ коп.

Лева — 70 коп. с долями

Рубин — 1 рубл. 92 коп. с долями

Бешлык — 3 рубл. 85 коп. с долями

Четверть-махмуда — 4 рубл. 37 коп. с долями

Полмахмуда — 8 рубл. 75 коп. с долями

Махмуд — 17 рубл. 50 коп. с долями

Примечания

Введение Долгорукова

¹ Попечительный Комитет о колонистах южного края России был учрежден 22 марта 1818 г. В его ведении находились три конторы: Ека-теринославская, Одесская и Бессарабская (в Каушанах). Комитет и его конторы управляли делами колонистов: немцев (меннонитов, pietистов, лютеран и католиков), выходцев преимущественно из Пруссии, болгар и евреев.

² Кн. Рафаил-Михаил Иванович Долгоруков (1802—1826). С мал 1825 г. он был старшим секретарем русской миссии во Флоренции.

³ Иван Михайлович Долгоруков жил летом в имении жены в Шуйском уезде Владимирской губернии, куда к нему и заезжал автор дневника, под «Володимиром» разумея Владимирскую губернию. (См. «Капище моего сердца», М. 1890, стр. 392 и РА 1914, № 4, стр. 479).

⁴ Младшая сестра отца П. И. Долгорукова, Елизавета Михайловна Селецкая, рожд. кнж. Долгорукова (1766—1822), жена помещика В. Л. Селецкого (1765—1831), владельца в 1811 г. 1100 душ, поэтесса. Селецкие жили в имении Ковали близ города Богуслава Киевской губернии, куда к ним и заезжал Павел Иванович.

⁵ П. И. Долгоруков был назначен «первым членом» Попечительного Комитета.

⁶ Кн. Дмитрий Иванович Долгоруков (1797—1867), назначенный 4 апреля 1820 г. помощником секретаря при Константинопольской миссии, выехал туда в середине апреля. (См. Г. А. Власьев «Потомство Юрика», т. I, часть 3, Спб. 1907, стр. 145—146; «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу», 1836, стр. 297 и РА 1914, № 4, стр. 481).

⁷ В это время Александр I еще предполагал (под влиянием Каподистрии) поддержать греческое восстание против Турции, с которой вступить в войну. Вызванное этим слухом демонстративно враждебное отношение Турции к членам нашей миссии вынудило последнюю покинуть Константинополь (29 июля 1821 г.). В Одессу наша миссия вернулась 1 августа.

⁸ Вторым член Попечительного Комитета о колонистах южного края России Иван Николаевич Ланов, о котором см. ниже.

Январь. I.

¹ Каподистрия — гр. Иоанн Антонович Каподистрия (1776—1831). Государственный деятель России, позднее Греции. Грек, вступивший на русскую службу в 1809 г. По присоединении Бессарабии по Бухарестскому миру в 1812 г. к России Каподистрии было поручено выработать проект ее устройства. С января 1816 г. он заведывал иностранными делами России, касающимися Востока и отношений России к славянам. С этого поста в 1822 г. он ушел в бессрочный отпуск. С 1828 г. Каподистрия был президентом Греческой республики. Был убит в 1831 г.

² «Митрополий» назывался выстроенный в 1813 г. бывшим киевским митрополитом Гавриилом Банулеско-Бадони (см. Январь. 29), по словам Вигеля, «большой каменный архиерейский дом» с церковью. (См. ЗВ VI, стр. 144 и Мсц, стр. 17). Обязанный в качестве чиновника канцелярии Инзова присутствовать на богослужениях, Пушкин бывал в этом соборе. Известны начальные стихи стихотворения Пушкина:

«Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят».

Прапорщик Ф. Н. Лугинин видел Пушкина у обедни в соборе 4 июня 1822 г. (См. ЛтНслд № 16—18, стр. 670).

³ Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 года, глава кишиневской ячейки «Союза благоденствия», знакомый Пушкина еще по Петербургу, где они оба состояли членами литературного общества «Арзамас».

⁴ Об устройстве манежа и о данном М. Ф. Орловым празднике так рассказывает Липранди: «Для занятий учебного баталиона 16-й дивизии в Кишиневе не было никакого здания, на воздухе не всегда можно было это делать, а потому Орлов озаботился устроить род манежа собственными средствами... Мне и Охотникову поручено было декорировать внутренность. В три дня всё было готово: стены украшены штыками, тесаками, ружьями и другими воинскими принадлежностями, фестонами из зеленого, красного и белого сукна и т. п. У стены, лежащей против входа, был сделан довольно удачно арматурный щит, для полноты которого ввезены были две пушки, сложены ядра и пр. и пр. В щите этом было два георгиевских знамени Охотского полка и два таких же Камчатского. Между георгиевскими знаменами, из пистолетов шифр императора Александра, в снятии из шомполов. Перед щитом, поперек манежа, для завтрака накрыт был на сорок человек стол, к которому должен был быть приглашен архиепископ Дмитрий, вызвавшийся сам освятить здание, генерал Инзов, губернатор и пр. Вдоль же манежа устроены были восемь столов, каждый на 80 человек для учебного баталиона». (Липранди, стб. 1434—1435). Характерно для декабриста Орлова совершенно несвойственный духу того времени приглашение на завтрак солдат вместе с офицерами. По свидетельству В. П. Горчакова, на торжестве присутствовал и Пушкин. (См. Баргенов, стб. 1131, 1165).

⁵ Инзов — Иван Никитич (1768(?)—1845), генерал от инфантерии, наместник Бессарабии. Участник второй турецкой войны, итальянского похода, войны 1805—1810 годов, Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии. Пушкин числился под его началом в Кишиневе (1820—1823 гг.), где Инзов был попечителем Комитета о колонистах. Отечески любивший Пушкина, Инзов всячески оберегал поэта.

⁶ Об этом Литке писал Липранди, рассказывая об «оригиналах» чиновничьего кишиневского общества: «Четвертый субъект был надворный советник К. П. Литке. < В печатном тексте фамилия скрыта под сокращением «Л—ка»; в наборной рукописи фамилия дана полностью. — М. Ц. > Это также был маленький человек, лет под сорок, с лицом часто нарумяненным, напомаженный, вялый в разговоре, но не лишенный остроумия и большой виртуоз на фортепиано. На этом основании он приглашен был на квартиру к бояру Рали, или более известному под названием — Земфираки. У него была дочь Мариола, красивейшая из всех своих кишиневских подруг, о которой скажу далее. Литке играл с ней на фортепиано и жил во флигеле с тремя ее братьями. Пушкин очень часто заходил к ним и умел обратиться Литке более нежели в шуту; он обличал

его в разных грехах; сцены бывали тут уморительные, ибо когда Александр Сергеевич развертывался, то не было уже пределов его шуткам...». Далее Липранди сообщает о том, что Пушкин рассказывал о противоположных наклонностях Литке. (Липранди, стб. 1230—1231).

Январь. 3.

¹ Об адъютантах Инзова писал Липранди: «Майор Малевинский и брат его (вскоре назначенный на место Ватекиоти для управления болгарскими колониями в возникавшем Болграде), оба были люди скромные, подобно своему генералу; их происхождение, как тогда думали, было таинственное, как и самого Ивана Никитича Инзова». (Липранди, стб. 1123). Сергей и Владимир Николаевичи Малевинские были внебрачными детьми А. П. Ермолова. (См. В. И. Ярославский. Записки. — «Киевская Старина» 1887, октябрь, стр. 322; Халиппа, стр. 111). Подполковник С. Н. Малевинский по состоянию чинов по 23 декабря 1822 г. значится «попечителем задунайских переселенцев». (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 343). Здесь, в Болграде, в декабре 1821 г. у него останавливались Пушкин с И. П. Липранди. (См. Липранди, стб. 1281). См. Запись 20 января. Упоминается в *ЗВ*, VII, стр. 64.

Январь. 4.

¹ Правителем канцелярии Попечительного Комитета был тит. сов. Антон Антонович Мандель. (См. *Мсц* на 1821 г., ч. I, стр. 418 и на 1823 г., ч. I, стр. 342).

² Одним из двух младших членов Одесской конторы Попечительного Комитета был тит. сов. Александр Николаевич Ланов. (См. *Мсц* на 1821 г., ч. I, стр. 48 и на 1823 г., ч. I, стр. 343).

³ Секретарями Попечительного Комитета были тит. сов. Василий Никонович Марченко и тит. сов. Федор Антонович Антоньев. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 342).

Январь. 6.

¹ О борьбе партий во время дворянских выборов в Кишиневе в 1818 г. подробно рассказывает Вигель. По его словам, прения перед выборами перешли в драку. «На вторых выборах, — писал Вигель, — в конце 1821 года <ошибка Вигеля — из дневника П. И. Долгорукова видно, что выборы были в январе 1822 г.> соблюдало было гораздо более тишины и благопристойности, чем на первых. Генерал Инзов рассудил за благо лично на оных присутствовать и для предупреждения беспорядков придумал, под предлогом какого-то производимого по делам их следствия, удалить из залы собрания трех мятежных предводителей Баланеско, Самфираки и Сандулаки. Они вздумали было сопротивляться, но до того их не допустили». (См. *ЗВ*, VII, стр. 13).

Январь. 7.

¹ Председателем Областного Уголовного Суда и членом Верховного Суда был ст. сов. Петр Васильевич Курико. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 438). О нем см. у Вигеля: *ЗВ*, VI, стр. 111 и прим., стр. 19.

Январь. 11.

¹ Экзекутором Попечительного Комитета был тит. сов. Василий Иванович Гридякин. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 342).

Январь. 12.

¹ «Слово», произнесенное архиереем Дмитрием Сулимой.

Январь. 13.

¹ Гр. П. Х. Витгенштейн (1768—1842) — в 1818—1828 гг. главнокомандующий 2-й армией, штаб которого находился в Тульчине (Подольской губ.).

Январь. 15.

¹ Иван Васильевич Сабанев (1770—1829), участник войны с Польшей, итальянского похода Суворова, кампаний 1805 и 1807 гг., финляндской войны 1808 г., войны с турками 1810—1812 гг., кампании 1812—1813 гг., с 1815 г. командир 6-го пехотного корпуса 2-й армии.

Приезд Сабанеева в Кишинев связан с историей в Камчатском полку, о которой так рассказывает Липранди: «Перед отъездом своим на короткий отпуск в Киев Михайло Федорович назначил инспекторский смотр 2-й бригаде, стоявшей в окрестностях Кишинева. Всё было благополучно, исключая одной роты капитана Брюхатова <в печатном тексте фамилия скрыта под инициалом: «Б»; в наборной рукописи фамилия дана полностью. — М. Ц.> Камчатского полка. Как обыкновенно, для сбора людей — всё ли они получают, не обращались ли с ними жестоко и т. п., рота обступает инспектора. Она всё получила, наказания за учение и т. п. поступки капитан прекратил, и теперь они довольны им. Казалось, всё кончилось; но кто-то в задних рядах, как по большей части это бывает, сказал, что «намеднесь капитан хотел было наказать артельщика за то, что он не отдал ему деньги за выреченный провиант; но мы не допустили до этого, а потом помирились». Михайло Федорович слишком хорошо умел различать человеколюбие от священных обязанностей дисциплины, чтобы оставить это без внимания: «Как не допустили? Рассказывайте!» И вот что он узнал. При сборе полка на инспекторский смотр рота капитана Брюхатова остановилась в десяти верстах от города. Подошло время получать провиант; артельщик, получив ассигновку, отправился из деревни в город, где продал провиант, как это водилось, когда людей кормили на квартирах. Возвратясь в деревню, артельщик не явился к капитану; этот узнал, что он пришел и послал за ним, и получил от него утвердительный ответ, что точно провиант продан за столько-то. Когда же Брюхатов потребовал от него деньги, то он объявил ему, что «рота не приказала отдавать ему, а распределили их по капральствам». Капитан велел приготовить палки и когда вестовые вывели артельщика на двор для наказания, собравшиеся солдаты, предвидя развязку, вошли во двор и требовали не наказывать; но видя, что капитан не соглашается, закричали ему, что не дадут наказывать, ибо артельщик исполнил их приказание, и затем вырвали у вестовых палки, переломали их и артельщика увели с собой*. Брюхатов скоро понял значение всего этого, и посредством ему преданного деньщика представил и роте, что может ожидать ее, когда всё это огласится. Последствием было примирение, и так прошло дней десять.

* Поводом к такому приказанию роты был приказ и Сабанеева и Орлова, чтобы экономические деньги за провиант раздавать часть в руки и часть причислять в артельную сумму. До сего времени половина всегда оставалась в пользу ротных командиров. <Прим. Липранди>.

Орлов, с горестью выслушав эти показания, сознал всю важность поступка и тотчас призвал в кружок Пушкина, как бригадного командира и остающегося (во время отлучки его, Орлова) командующим дивизиею, велел ему прослушать показание и поручил произвести строжайшее следствие. Орлов в тот же день уехал в Киев, а Пушкин отправился к Крупянскому. На другой день Павел Сергеевич не думал еще начинать следствия, как вечером прибыл корпусный командир* и потребовал его и полкового командира Адамова к себе. Началась тревога. Капитан Брюхатов до того времени не только что не был арестован, но даже и не отрешен от командования ротой. Поутру Сабанев сам спросил людей и под своим наблюдением открыл следствие. Фельдфебель, артельщик и несколько других, наиболее участвовавших в этом происшествии, были также посажены под караул». (Липранди, стб. 1438—1440). О событии в Камчатском полку, разыгравшемся 5 декабря 1821 г., см. также в книге: В. Г. Базанов. «Владимир Федосеевич Раевский». Л.-М. 1949, стр. 70—71. О наказании арестованных по этому делу солдат см. в Дневнике Долгорукова, запись 20 февраля.

Январь. 18.

¹ *Перевод:* «Вы рассуждаете, генерал, как старая баба».

² *Перевод:* «Пушкин, вы мне говорите дерзости, берегитесь».

Январь. 19.

¹ «Гамбургскими ведомостями» Долгоруков называет известную, основанную в 1714 г. газету «Hamburgische Correspondent». Газета эта упоминается Пушкиным в «Арапе Петра Великого» и в «Истории села Горюхина».

Январь. 20.

¹ Министр внутренних дел гр. Виктор Павлович Кочубей (1768—1834).

Январь. 21—23.

¹ В Бессарабской врачебной управе значится акушер медик Аврам Матвеевич Фишер. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 439). Долгоруков ошибся, этот Фишер не был родным братом профессора ботаники в Московском университете Александра Григорьевича Фишера фон Вальдгейма (1803—1884).

² *Перевод:* «Молдаване обладают пороками всех наций, не имел ни одной из их добродетелей».

Январь. 26.

¹ Е. М. Селецкая умерла 11 января. О ней см. запись в введении к Дневнику Долгорукова.

Январь. 28.

¹ О столкновении Пушкина с И. Н. Лановым рассказывает с чужих слов В. П. Горчаков в своих «Выдержках из дневника об А. С. Пушкине»

---

* Во время опроса Орловым людей был в Кишиневе адъютант Сабанеева, гвардии капитан Я. И. Радич (впоследствии полицмейстер г. Кишинева и генерал-майор). Он тотчас поскакал в Тирасполь, чтобы известить Ивана Васильевича, который сам поспешил приехать, как по обстоятельству весьма важному, по воинскому уставу. <Прим. Липранди>.

(«Москвитянин», 1850 г., № 2, 3 и 7; перепечатаны в книге М. А. Цявловского «Книга воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 30—95). На основании этого рассказа Бартевев в статье «Пушкин в южной России» кратко изложил рассказ Горчакова: «На одном обеде в Кишиневе какой-то солидный господин, охотник до крепких напитков, вздумал уверять, что водка лучшее лекарство на свете, и что ею можно вылечиться даже от горячки. «Позвольте усумниться», — заметил Пушкин. Господин обиделся и назвал его *молокососом*. — «Ну, уж если я молокосос, — сказал Пушкин, — то вы, конечно, *виносос*». (См. Бартевев, стб. 1186). Эти строки вызвали такое сообщение Липранди: «К числу столкновений Пушкина можно отнести и случай, рассказанный на стр. 1186-й и дополнить его: «Какой-то солидный господин», о котором идет речь и не названный, принадлежит к числу четырех оригиналов, встреченных Пушкиным по приезде в Кишинев. Это был старший член в управлении колониями, ... <титулярный> советник Иван Николаевич Ланов; он был в непрерывной вражде с Пушкиным, или правильней сказать, первый враждовал, а второй отделялся острыми эпиграммами и шутками без всякой жалчи и был счастлив, когда смеялись тому. Ланов, бывший адъютантом кн. Потемкина, человек не без образования, на старинную руку и с понятиями о разделении лет и чинов. Ему было за 65 лет, среднего роста, плотный, с большим брюхом, лысый, с широким красным лицом, на котором изображалось самодовольствие; вообще он представлял собой довольно смешной экземпляр. Он постоянно обедал у Инзова и потому должен был часто встречаться за тем же столом с Пушкиным. Ланову не нравилось свободное обращение Александра Сергеевича и ответы его Инзову, который всегда с улыбкой возражал. Ланов часто в общем разговоре не удостоивал внимания того, что говорил Пушкин, и происшествие, описанное на 1186-й странице, было именно за столом у Инзова. Ланов назвал Пушкина *молокососом*, а тот его *винососом*; это случилось перед самым окончанием стола. Инзов улыбнулся, встав из-за стола, пошел к себе, а Ланов вызывал Пушкина на поединок. Пушкин только хохотал, видя, что тот настаивает, рассказывая о своих поединках при князе Таврическом.

Ланов несколько успокоился только тогда, когда Пушкин принял его вызов. Инзов, услышав смех в столовой или уведомленный о происшедшем, возвратился в столовую и скоро помирил их. Ланов, из чиновничества к Инзову, согласился оставить все без последствий, а Пушкин был очень рад, чтобы не сделаться смешным. Инзов устроил так, что с тех пор Пушкин с Лановым не встречались уже за столом вместе». (Липранди, стб. 1425—1426).

О том же рассказывает в своих воспоминаниях (стр. 65—66) и А. М. Фадеев (о нем см. ниже). Он передает эту историю, вероятно, с чужих слов, хотя и утверждает, что был ее свидетелем; относит он ее неверно к 1820 г. (как и Горчаков).

² Эпиграмма на Ланова была опубликована в воспоминаниях Фадеева (РА, 1891, № 3, стр. 393); но воспоминания эти не пользуются репутацией достоверного документа, почему и эпиграмма не вошла в собрание сочинений Пушкина. Теперь, когда эпиграмма оказалась записанной и Долгоруковым в его дневнике и когда она оказалась вписанной В. П. Горчаковым в недавно найденной наборной рукописи «Из дневника и воспоминаний Липранди» (архив Гос. Исторического музея), сомнения в принадлежности ее Пушкину отпали, и она введена в Академическое издание собрания сочинений Пушкина.

Январь. 29.

¹ Учредитель Кишиневской епархии митрополит Гавриил Банулеско (1746—1821). О смерти его упоминает Пушкин в послании к В. Л. Давыдову. См. его биографию в Русском биографическом словаре, том «Гаак—Гербель».

² Дмитрий Сулима — архиерей Кишиневский и Хотинский (1772—1844). Хорошо его знавшая П. В. Дыдицкая отзывалась о нем как о добром, доступном и гостеприимном человеке (Яковлев, стр. 69—70). Липранди рассказывает, как попугай Инзова, наученный Пушкиным ругаться помолдавски, приветствовал этой руганью приехавшего с визитом на пасхе 1821 г. к Инзову этого архиерея. Последний догадался, что это проделка Пушкина. Но никаких последствий для Пушкина она не имела. (Липранди, стб. 1264—1265).

³ Младший член Бессарабской конторы иностранных поселенцев наив. сов. Артемий Макарович Худобашев. (См. *Мисс.* на 1821 г., ч. 1, стр. 419). Липранди писал о нем как об одном из четырех «оригиналов» кишиневских: «Третий субъект был армянин кол. сов. Артемий Макарович Худобашев, бывший одесский почтмейстер, но за битву свою с козлом между театром и балконом, где находилось всё семейство графа Ланжерона, оставил эту должность и перешел на службу в Кишинев. Это был человек лет за пятьдесят, чрезвычайно маленького роста, как-то переломленный на бок, с необыкновенно огромным носом, гнусивший и беспощадно ломавший любимый им французский язык, страстный охотник шутить и с большой претензией на остроуму и любезность. Не упускал кстати и нектати приговаривать: «что за важность, и мой брат Александр Макарыч тоже автор» и т. п. Пушкин с ним встречался во всех обществах и не иначе говорил с ним как по-французски. Худобашев был его коньком. Александр Сергеевич при каждой встрече обнимался с ним и говорил, что, когда бывает грустен, то ищет встретиться с Худобашевым, который всегда «отводит его душу». Худобашев в «Черной шали» Пушкина принял на свой счет «армянина». Шутники подтвердили это, и он давал понимать, что он действительно кого-то отбил у Пушкина. Этот, узнав, не давал ему покоя и, как только увидит Худобашева (что случалось очень часто), начинал читать «Черную шаль». Ссора и неудовольствие между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: «Не отбивай у меня гречанок!» Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником. Худобашев был вырезан на печати верхом на козле, с надписью кругом: «еду не свищу, а наеду — не спущу!» Я привез одну из трех печатей в Одесу Пушкину». (Липранди, стб. 1229—1230).

Вспоминает об этом же, но очень кратко и Горчаков, скрывший Худобашева под инициалами: «А. М.» (см. Цявловский, «Книга воспоминаний о Пушкине», стр. 67—68). См. еще «портрет» Худобашева в стихах, распространявшихся в Кишиневе (Яковлев, стр. 82—83).

Примечание Долгорукова написано позднее самой записи, не ранее апреля 1822 г.

⁴ Библейское общество, основанное в 1812 г., ставило своей задачей издание и распространение библии на языках народов, населявших Россию, для чего имело многочисленные отделения. Организатором, президентом и главным деятелем общества был главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий, а потом (с 1817 г.) министр духов-

ных дел и народного просвещения, известный реакционер и мракобес кн. А. Н. Голицын. По свидетельству Вигеля, «архиепископ Димитрий, человек умный и правдивый, по слабости человеческой, желая угодить Голицыну, господствовавшему до мая 1824 года, всеми мерами в Кишиневе поддерживал Библейское общество, которое в Петербурге начинало уже разрушаться <начало 1824 г.>. В этом деле не только содействовал ему, но и руководствовал им Иван Никитич Инзов». (См. *ЗВ*, VI, стр. 150).

Январь. 30—31.

¹ Почтмейстер в Бессарабской областной почтовой конторе полковник Алексей Петрович Алексеев. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 439). О нем писал В. П. Горчаков: «Алексей Петрович, родом серб, полковник нашей службы... Знаем и помним мы Алексея Петровича и его добрую семью, помним и то, что полковник Алексеев просил начальство не о том, как иные, чтоб его наградили чином, но о том, чтоб избавили его от подобной награды, ибо с повышением в гражданский чин, по тогдашнему положению, он лишался военного мундира, а георгиевский кавалер наш до того любил свой драгунский отставной мундир и золотую саблю, что везде и всюду являлся не иначе, как одетым в полную форму. Эта привязанность его к мундиру и крестам для иных казалась странною; но она понятна, как память о полке, с которым он делил опасности и славу, что же касается до крестов, то Алексеев не хуже денщика Суворова мог рассказать, не краснея, за что и когда именно каждый получен им. Пушкин, по преимуществу уважавший самоотвержение и неподдельную отвагу, с наслаждением выслушивал все рассказы Алексеева как участника в битвах при Бородине и на высотах Монмартра». (См. В. П. Горчаков. «Воспоминание о Пушкине». По поводу статьи «Еще о Пушкине», помещенной в № 11 «Общезанимательного Вестника» — «Московские Ведомости» 1858, № 19; перепечатано М. А. Цявловским в «Книге воспоминаний о Пушкине», стр. 184—185). С своей стороны, Липранди дополнил эту характеристику: «Он <А. П. Алексеев> начал службу в Мариупольском гусарском полку, и когда по общему распоряжению в 1814 и 1815 годах, младшие штаб и обер-офицеры легкой конницы переведены были в тяжелую, он тотчас вышел, с повышением в полковники, в отставку. Он был серб днепровский, из числа семейств, переселившихся при Петре I, храбр, добродушен, гостеприимен. Он очень верно описан А. Ф. Вельманом в одном из его романов». (См. Липранди, стб. 1266). В другом месте своих воспоминаний Липранди рассказал о столкновении Пушкина с Алексеевым, едва не кончившемся дуэлью. (См. Липранди, стб. 1413—1416).

² Жена А. П. Алексеева — Александра Ивановна, рожденная Павлицева; брат ее Николай Иванович Павлицев женился позднее на сестре Пушкина. (См. Бартевев, стб. 1135 и Липранди, стб. 1227).

Февраль. 2.

¹ Балио — Пьер Мари Франсуа де Саль Бальо (Baillot) (1771—1842), известный французский виртуоз скрипач и композитор.

² Ромберг — Яков Ромберг (1767—1821), композитор и виртуоз на кларнете и скрипке, автор многочисленных произведений.

³ Боальдые — Франсуа Буальдые (1775—1834), популярнейший французский композитор, автор многих опер.

Февраль. 3.

¹ Гильденшанц. О нем писал Липранди: «Капитан Гильдешанц, как говорится, непроходимый немец, педант, заведывал хозяйством генерала». (Липранди, стб. 1223).

Февраль. 5.

¹ Председатель в Бессарабском Гражданском Суде ст. сов. Федор Иванович Недоба. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 438). Рассказывая о своей жизни в Кишиневе, Липранди писал о Недобе: «Из оседлых же жителей я посещал одного д. с. с. Федора Ивановича Недобу, нашего дипломатического агента, вместе с Родофиникиным и архиереем Леонтием (из греков же) игравшего знаменательную роль в Сербии, во время побега из оной Георгия Черного в Австрию». К этим строкам Липранди сделал такое примечание: «С Недобой я познакомился прежде всех по рекомендации сослуживца и потом коменданта в Мобеже, подполковника Бароци, на сестре коего Недоба был женат. Я было ввел Пушкина к нему, но хозяин ему не нравился». (См. Липранди, стб. 1254—1255).

² В 1823 году, по свидетельству Вигеля, в Кишиневе жили бежавшие из Турции два греческих архиепископа, оба Григории—Гиерапольский и Иренопольский. (См. *ЗВ*, VI, стр. 149—150). Вспоминала их и старожилка Кишинева, знакомая Пушкина П. В. Дыдицкая. Судя по тому, что, по словам Дыдицкой, Гиерапольский хорошо понимал по-украински, а Долгоруков пишет, что у архиерея «Манега был моим драгоманом», он был у архиерея Иренопольского.

³ О толках о войне см. также запись в дневнике Лугинина 3 июня (*ЛтНсд*, № 16—18, стр. 670).

Февраль. 8.

¹ В докладе от 19 марта 1819 г. Инзов, рассказав о бедственном положении болгар-переселенцев из-за Дуная (в количестве 25 000 человек), испрашивал для них бывшие ногайские земли. По рассмотрении доклада в Комитете министров, был издан высочайший указ Сенату от 29 декабря 1819 г., определявший права болгар и отводивший им около полумиллиона десятин земли (по 50—60 десятин на семью).

² Алексей Николаевич Бахметев (1774—1841), участник войн 1805—1812 гг., в 1814 г. был назначен подольским военным губернатором, а в 1816 г., сохраняя эту должность, получил пост наместника Бессарабской области, который и занимал до июня 1820 г. Пушкин упоминает его в стихотворении «Мой друг, уже три дня»; говоря об Инзове, поэт называет его «Бахметьева наместник».

³ Управление задунайскими переселенцами находилось во вновь основанной на берегу озера Ялпуха колонии Болграде.

Февраль. 9.

¹ Кн. Алексей Кириллович Багратион, сын сенатора кн. Кирилла Александровича Багратиона (1750—1828), двоюродный брат знаменитого полководца, был женат на Зое N, дочери молдавского боярина, и имел сына Константина. (См. Эрмерин, II, с. 19). Он был членом Попечительного Комитета о колонистах. (См. *Мсц* на 1820 г., ч. I, стр. 408).

Февраль. 10.

¹ Полицмейстером в Бендерах был отставной капитан Франц Мартынович Беликович. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 441).

² Бендеры — крепость на правом берегу Днестра, в 80 верстах от впадения его в лиман, основанная еще генуэзцами, с конца XVI в. принадлежала Турции. В 1708 г. крепость была значительно расширена и укреплена. В 1709 г. Карл XII, после поражения под Полтавой, остановился лагерем близ Бендер, у с. Варницы. Русскими войсками крепость была взята трижды (в 1770, 1789 и 1806 гг.) и по Бухарестскому миру в 1812 г. отошла к России.

Февраль. 12.

¹ Характеристика бессарабского гражданского губернатора Константина Антоновича Катакази имеется у Вигеля: «Молоденьким греченком из Константинополя в Молдавию вывез его господарь Ипсиланти, потом женил на одной из дочерей своих и по незрелости тогда ума его (и с тех пор мало созревшего) дал ему только звание каминара, как бы сказать — титулярного советника. В награду за преданность Ипсиланти и за понесенные им потери, по его просьбе, два зятя его, Негри и Катакази, приняты в русскую службу с чином действительного статского советника, будто бы соответствующего их молдавскому званию. Когда в 1818 году утверждено было образование области и по штату положен был гражданский губернатор, то Бахметев, или, лучше сказать, правитель канцелярии его Криницкий, стал прискивать для сего места совершенное ничтожество и ничего не могли найти лучше, как случившегося тут Катакази; тем самым угодили они и земляку его Каподистрии... Всё в нем было в малом виде: и рост, и ум, и даже греческая хитрость и злость, всегда подавляемая бессилием и робостью. Обхождение с ним Бахметева, говорят, было столь же высокомерное и грубое, как и покорность его к нему безгранична. Инзов, более кроткий, старался быть учтив, но по службе остался с ним в тех же отношениях, как и Бахметев». (ЗВ, VI, стр. 111—112).

² Пушкин бывал у Катакази. В стихах, относящихся к апрелю—маю 1821 г., он писал:

«Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!»

³ Траур по случаю смерти тетки Долгорукова Е. М. Селецкой.

⁴ Масленица в 1822 году была 5—11 февраля.

Февраль. 13.

¹ За год до этого, великим постом, Пушкин писал в послании к В. Л. Давыдову:

«Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни
Да на сушеные грибы».

Февраль. 15.

¹ Пробоц — польское proboszcz — настоятель.

² Линдль, католический священник в Германии, принадлежал к числу «пиэтистов», особенно экзальтированной группы мистиков, называвшейся

«Пробуждение». В Баварии католические власти грозили ему тюрьмой, но, получив приглашение из Петербурга, он отправился туда в октябре 1819 г. Здесь он нашел радушный прием не только у министра народного просвещения и духовных дел кн. А. Н. Голицына, но и у Александра I. Линдль получил место проповедника в Мальтийской церкви (в Пажеском корпусе), куда собирались слушать его проповеди лютеране и православные, так как католики его бойкотировали. Линдль недолго оставался в Петербурге и весной 1820 г. переехал в Одессу, получив права католического епископа.

Февраль. 16.

¹ Старший член Одесской конторы иностранных поселенцев колл. асс. Карл Карлович фон Лау. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 343).

² Младший член — колл. секр. Алексей Алексеевич Евдокимов. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 343).

Февраль. 18.

¹ Пожарский — вероятно, свойственник П. И. Долгорукова. Вторая жена его отца, Аграфена Алексеевна, рожденная Безобразова, в первом браке была за Пожарским.

Февраль. 19.

¹ В воскресенье первой недели поста после обедни при архиерейском богослужении совершался так называвшийся «чин православия», заключающийся в проклятии («анафема») «еретиков» и лиц, восставших против самодержавия, как Степан Разин и Емельян Пугачев.

Февраль. 20.

¹ Подробный рассказ Липранди об истории в Камчатском полку приведен нами в примечании к записи 15 января. Рассказывавшие Долгорукову лица явно путали историю с ротным командиром Камчатского полка Брюхатовым и происшествиями в Охотском полку, о которых говорится в приказе Орлова. Об этой путанице свидетельствует и недоуменное примечание Долгорукова в комментируемой записи: В заключение вышеприведенного своего рассказа об этой истории Липранди писал: «Тотчас было донесено в главную квартиру, в Тульчин, и как случай, подходящий к тем, о которых доносится прямо высшему начальству, было и это. Излишне говорить здесь о скором и ужасном наказании фельдфебеля и других лиц». (См. Липранди, стб. 1440). То, о чем Липранди считал «излишним говорить», и описал Долгоруков.

² См. этот приказ в записи под 22 апреля.

³ Липранди характеризует И. В. Сабанеева как «отъявленного врага телесных наказаний», однако материалы следствия (1827 г.) над В. Ф. Раевским показывают, что Сабанеев собственноручно избивал солдат. (См. Базанов, стр. 23—25). Письмо Раевского к Непенину от 1 февраля 1822 г. недвусмысленно говорит о приказании Сабанеева возобновить жестокость и побои в полках, выведенные Орловым. (См. «Красный Архив», т. 6(13), 1927, стр. 302).

⁴ Дубровский.

⁵ Казурский, Куценко и Рябчинский. (См. Базанов, стр. 718, где приведено донесение Витгенштейна о «происшествии» в Камчатском полку).

⁶ Командир Охотского полка полковник Соловкин отличался жестокостью, допустив в своем полку истязания солдат офицерами, о чем ли-

сал в своем приказе Орлов и о чем вспоминал Липранди: (См. Липранди, стб. 1432—1433).

Февраль. 22.

¹ Стойкович Афанасий Иванович (1773—1832), серб по происхождению, получивший образование в Германии, профессор физики Харьковского университета (1804—1813) и ректор его (1807—1808 и 1811—1813). О нем писал Липранди: «На короткое время приезжал Стойкович, профессор Харьковского университета; он был серб, но виделся с Пушкиным раза два и очень ему не понравился». (Липранди, стб. 1267). Вельтман в своих воспоминаниях рассказывает, как Липранди и В. Ф. Раевский за обедом у кого-то мистифицировали Стойковича, выдавая себя знатоками физики. О Стойковиче см. в Русском биографическом словаре, где, вопреки свидетельству Липранди, утверждается, что Стойкович произвел на Пушкина «весьма благоприятное впечатление». (См. том «Смеловский—Суворов», стр. 434).

Февраль. 23.

¹ П. Д. Киселев приезжал в Кишинев по делу о «беспорядках» в Камчатском полку, послуживших поводом к отставке Орлова и Пушина и аресту В. Ф. Раевского, о чем читаем в письме Киселева из Кишинева от 27 февраля к А. А. Закревскому: «Из последнего сообщения кн. Петру Михайловичу <Волконскому> ты мог видеть, чем кончилось буйство четырех глупцов — зачинщик помещен из бродяг <т. е. из солдат, бежавших из полка> и был уже сечен. Зло сие в нашей армии весьма ощутительно; придумайте для людей сих службу, где вредить мало опытным рекрутам они бы не могли. Есть крепости, где климат убийственный, уничтожает гарнизоны, например, Сухум-Кале, Поты и много других мест подобных. Дайте к ним хороших офицеров с двойным, тройным жалованьем, дайте надежных старых унтер-офицеров тоже с определенным выгод и комплектуйте их бродягами, которые друг другу вреда делать не будут и перестанут заражать молодых рекрут. Мы добились до того, что побегу вчетверо противу прежнего уменьшились, но всё они существуют и существовать будут, доколе развратных людей будут ставить в ряды армии... Давно я имел под надзором некто Раевского, майора 32-го егерского полка, который известен мне был вольнодумством, совершенно необузданным. Нынче, по согласию с Сабаневым, производится явное и тайное исследование о всех его поступках, и кажется, суда и ссылки ему не миновать.

Я здесь живу для собрания надлежащих сведений. Грустно мне, что Орлов не только терпел его при себе, но не переставал защищать поведение его; по всему кажется, что нам с Орловым должно будет расстаться. Он без всякого намерения, но действовал как ребенок, и последние сие доказывают. Я уговариваю его проситься в отпуск; не знаю, согласится ли, но если будет упрямится, то наделает себе хлопот. Я всегда был мнения, что *панибратство* в службе не годится, непрерывно о том ему говорил и, к несчастью, не мог убедить его». («Сборник имп. Русского истор. об-ва», т. 78, 1891, стр. 92—93). Последний абзац написан под впечатлением бесед Киселева с Орловым в Тульчине, куда последний ездил в середине февраля 1822 г.

² Николай Андреевич Криницкий был назначен правителем канцелярии Бахметевым, когда последний сделался наместником Бессарабской области. Впоследствии Воронцов, увольняя со службы Криницкого, писал о

нем: «Криницкому, умному, хотя не совсем чистому, но бедному, выпросил я кусок хлеба, несколько тысяч десятин земли». (См. *ЗВ*, VI, стр. 96).

³ С П. Д. Киселевым Пушкин познакомился в Петербурге в 1818—1819 гг. и дал его характеристику в послании «Орлову» (1819 г.):

На генерала Киселева
 Не положу своих надежд,
 Он очень мил, о том ни слова,
 Он враг коварства и невежд;
 За шумным, медленным обедом
 Я рад сидеть его соседом,
 До ночи слушать рад его;
 Но он придворный: обещанья
 Ему не стоят ничего.

Обещал в 1819 г. Киселев Пушкину содействовать во вступлении в армию, о чем тогда мечтал молодой поэт.

Об отношении Пушкина к Киселеву в Кишиневе, после описанной Догоруковым встречи, писал Липранди: «Пушкин не переносил, как он говорил, оскорбительной любезности временщика, для которого нет ничего священного». (Липранди, стб. 1454).

Февраль. 24.

¹ Митрофан Терентьевич — лицо неизвестное.

² Старший член Бессарабской конторы колл. сов. Александр Антонович Олофсон. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 343; здесь он назван: Оловсон).

Февраль. 25.

¹ Менонист, правильное меннонит, — принадлежащий к протестантской секте, основанной Симонисом Менноном (1496—1561). Выходцы из Пруссии меннониты были поселены в 1789 г. в Хортицком округе Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии, откуда часть их была переселена в 1800 г. на Молочные воды Мелитопольского уезда Таврической губернии.

Февраль. 28.

¹ Под четырьмя кишиневскими Алексеевыми разумеются: приятель Пушкина Николай Степанович, почтмейстер Алексей Петрович, тит. сов., младший член Екатеринославской конторы Аркадий Николаевич и комендант.

Март. 1.

¹ Об этих беглых крепостных см. записи 8 марта, 19 апреля и 5 и 6 мая. «Насколько велик был поток беглецов, видно из того, что в 30-х годах XIX в. из Бессарабии их было выслано в русские губернии от 35 тыс. до 48 тыс. Тогда же в районе Аккермана было обнаружено свыше 6 тыс. украинцев из приднепровских и приднестровских губерний, спасавшихся от рекрутской повинности и помещичьей кабалы». (История СССР, том II. Россия в XIX веке. Под ред. проф. М. В. Нечкиной, изд. второе, испр. и доп., Госполитиздат, 1949, стр. 191).

Март. 2.

¹ Сведений об Архангельском не имеем.

Март. 8.

¹ О столкновении Пушкина с Балшем см. примечание к записи 9 марта.

² Вице-губернатор — Матвей Егорович Крупенский (Крупянский) (р. в 1781 г., ум. после 1823 г.), колл. сов., член Верховного Суда (Мц на 1823 г., ч. II, стр. 41). О нем писал Вигель: «Со времени присоединения области постоянно играл в ней важную роль Крупенский, принадлежащий к боярской фамилии. Он был тщеславен, как все молдаване, роскошен, но более их знаком с европейским житьем. У него в руках всегда находилась казна и, следуя обычаю, принятому в Яссах, он полагал, что он может брать из нее все для него потребное». (ЗВ, VI, стр. 110). По свидетельству Липранди, «Пушкину, кажется, по преимуществу нравились собрания и общество Крупянского и Варфоломея: у первого была на первом плане игра и неотменно с сим изрядный ужин». (См. Липранди, стб. 1238). Набросок плана повести Пушкина «Кирджали» начинается словами: «Крупянского зала». (См. Акад. изд. полн. собр. соч. Пушкина, т. 8, кн. 2, 1940, стр. 838).

³ Павел Сергеевич Пушин (1785—1865), по окончании Пажеского корпуса в качестве офицера Семеновского полка участвовал в кампаниях 1805 и 1812 гг.; в 1816—1818 гг. — командир Охотского пехотного полка, а в 1818—1822 г. — бригадный командир 16-й дивизии, которой командовал (с 1820 г.) М. Ф. Орлов. Член Союза Благоденствия, «не участвовавший в тайных обществах, возникших с 1821 года», по показанию Н. Комарова и кн. С. П. Трубецкого, был близок с М. Ф. Орловым. В. П. Горчаков пишет, что «обязательное обращение П. С. Пушина, его образованный ум и постоянная любезность в коротком обществе невольно сближали с ним многих... Пушкин, как знакомый, нередко навещал Павла Сергеевича». (Горчаков, стр. 169).

⁴ М. Ф. Орлов действительно в Кишинев не вернулся. В связи с делом В. Ф. Раевского 18 апреля 1823 г. он получил отставку и назначен состоять по армии.

⁵ См. этот приказ в записи 22 апреля.

⁶ Владимир Федосеевич Раевский (1795—1872), член Союза Благоденствия, а затем Южного общества, близкий приятель Пушкина, был арестован в Кишиневе, где он служил в качестве майора 32-го егерского полка с 5 августа 1821 г. Липранди, очень хорошо знавший всё следственное дело о Раевском, так писал об его аресте: «Из главной квартиры настоятельно требовали открытия мнимого «заговора». Начальник штаба 6-го корпуса ген.-майор Вахтен, при инспектировании полка, когда Раевский был еще ротным командиром, нашел, что он много говорит за столом при старших и тогда, когда его не спрашивают, что он на свой счет сшил для роты двухшесные сапоги; что он часто стреляет из пистолета в цель, и между прочим подполковник Нейман не упустил прибавить немцу же Вахтену, что у Раевского на серебряной табакерке портрет императора Александра, и он, при всех, когда открывает ее, то хлопает по крышке пальцами, даже во время ротного ученья и будто бы когда-то вечером прошедшего к нему с рапортом фельдфебеля попотчивал из своей табакерки табаком. <Напечатанное курсивом имеется в наборной рукописи воспоминаний Липранди. В печатный текст это место не вошло>. Ко всему этому донесли, что он в Ланкастерской школе задабривает солдат, давая им на водку и, наконец что прописи включают в себе имена известных республиканцев: Брута, Кассия и т. п.». (Липранди, стб. 1437). Об этих прописях, называемых Долгоруковым «тетрастями», подробнее говорит всеподданнейший доклад по делу Раевского: «для обучения солдат и юнкеров вместо данных от начальства печатных литографи-

ческих прописей и разных учебных книг Раевский приготовил свои рукописные прописи, поместив в оных слова: «свобода, равенство, конституция, Квируга, Вашингтон, Мирабо», и на уроках говорил юнкерам: «Квируга, будучи полковником, сделал в Мадриде революцию и когда въезжал в город, то самые значительные дамы и весь народ вышли к нему навстречу и бросали цветы к ногам его». (М. В. Нечкина «А. С. Грибоедов и декабристы». М. 1947, стр. 304). О Раевском см. в книге: В. Г. Базанов «Владимир Федосеевич Раевский». Л. — М. 1949.

Март. 9.

¹ Иван Алексеевич Яновский — колл. ассессор, управляющий Скулянской пограничной таможенной (Мсц на 1822 г., ч. II, стр. 423); надв. сов., окружной начальник Таможенного управления Бессарабской области. (См. Мсц на 1823 г., ч. II, стр. 443).

² Об этом землетрясении писал Вельтман: «Кажется, в 1822 году было сильное землетрясение в Кишиневе: стены домов треснули, раздалось в нескольких местах; генерал Инзов принужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже». (Вельтман, стр. 124). Барте-нев со слов В. П. Горчакова записал: «Пушкин и после землетрясения (за обедом у М. Ф. Орлова попадали бутылки со стола), повредившего дом Доница и заставившего Инзова перебраться в другое место, продолжал жить в том же нижнем этаже». (РА, 1900, № 3, стр. 403). Точная дата землетрясения до сих пор не была установлена.

³ История дуэли Пушкина с С. Н. Старовым рассказана В. П. Горчаковым в его «Воспоминаниях о Пушкине» (в «Московских Ведомостях» 1858 г., № 19). На основании этой статьи, а также изустных рассказов Горчакова, история эта так изложена Бартевым в статье «Пушкин в южной России»: «На святках Кишинев особенно оживился, и Пушкин не пропустил случая потанцевать и повеселиться. Но вскоре по возвращении <из поездки в Аккерман> ему опять пришлось драться. На этот раз противником его был человек достойный и всеми уважаемый. Это был полковник и командир егерского полка Семен Никитич Старов, известный в армии своею храбростью в Отечественную войну и в заграничных битвах. Старов вступился за своего офицера, которого, по его мнению, оскорбил Пушкин. Дело было так. На вечере в Кишиневском казино, которое служило местом общественных собраний, один молодой егерский офицер приказал музыкантам играть русскую кадрили; но Пушкин еще раньше условился с А. П. Полторацким начинать мазурку, захопал в ладоши и закричал, чтоб играли ее. Офицер-новичок повторил было свое приказание, но музыканты послушались Пушкина, которого они давно знали, даром что он был не военный, и мазурка началась. Полковник Старов всё это заметил и, подозревая офицера, советовал ему потребовать, чтоб Пушкин по крайней мере извинился перед ним. Застенчивый молодой человек начал мяться и отговариваться тем, что он вовсе не знаком с Пушкиным. «Ну так я за вас поговорю», возразил полковник и после танцев подошел к Пушкину с вопросами, вследствие которых на другой день положено быть поединку.

Они стрелялись верстах в двух за Кишиневом, утром в девять часов. Секундантом Пушкина был Н. С. Алексеев, а одним из советников и распорядителей И. П. Липранди, мнением которого поэт дорожил в подобных случаях (вспомним опять, что повесть «Выстрел» слышана от Лип-

ранди). Но погода помешала делу; противники два раза принимались стрелять, и стало быть вышло четыре промаха: метель с сильным ветром не давала возможности прицелиться как должно. Положили отсрочить поединок, и тут-то Пушкин, по дороге, захав к А. П. Полторацкому и не застав его дома, написал экспромт, сделавшийся известным по всей России и повторяемый с разными изменениями:

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

Не знавшие подробностей дела говорили, будто Пушкин не захотел воспользоваться своим выстрелом и, разрядив пистолет в воздух, воскликнул:

Полковник Старов,
Слава богу, здоров.

К счастью поединок не возобновлялся. Полторацкому с Алексеевым удалось свести противников в ресторации Николетти. «Я всегда вас уважал, полковник, и потому принял ваш вызов», — сказал Пушкин. «И хорошо сделали, Александр Сергеевич, — сказал в свою очередь Старов; — я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете».

Такой отзыв храброго человека, участника 1812 года, не только обезоружил Пушкина, но привел его в восторг. Он кинулся обнимать Старова и с этих пор считал долгом отзываться о нем с великим уважением. Так, например, через несколько дней, в той же ресторации, молодые молдаване, играя на биллиарде и толкуя о недавней дуэли, позволили себе обвинять Старова в трусости. Пушкин, игравший тут же, тотчас им заметил, что он не потерпит таких отзывов, и что вперед будет считать их для себя личною обидою. Но в городе не все знали о примирении Старова с Пушкиным; о каждом из противников разнеслись двусмысленные слухи, из которых для Пушкина выросла новая и крайне неприятная история». К стихам: «Я жив...» имеется такая сноска: «Из воспоминаний В. П. Горчакова и вышеупомянутой записки В. И. Даля, который впрочем рассказывает несколько иначе (он записывал с чужих слов): «На бале, где обращение гораздо вольнее нашего, полуевропейская образованность, барыни в модных венских нарядах, мужчины в чалмах и огромных шапках, — Пушкин расшалился. Он взял даму на вальс, и захопав, кричал музыкантам: вальс, вальс! Офицер подошел с замечанием, что будут танцевать не вальс, а мазурку. Пушкин отвечал: «Ну, я вальс, а вы мазурку»; мазурка заиграла и Пушкин провальсировал». (Бартенев, стб. 1165—1167).

Рассказ этот в части, касающейся самой дуэли, существенно дополнил своими воспоминаниями Липранди. (См. Липранди, стб. 1417—1421).

День дуэли до сих пор не был известен. Известно только, что она происходила на святках, по возвращении Пушкина с Липранди из поездки в Аккерман 23 декабря 1821 г. (см. Липранди, стб. 1276 и 1284) и до отъезда Липранди из Кишинева в Петербург 4 февраля 1822 г. (См. Липранди, стб. 1449 и 1481). Мне кажется, на основании записей о состоянии погоды в дневнике Долгорукова можно с большой долей вероятности утверждать, что дуэль произошла 6 января, когда Долгоруков записал: «Большой ветер и метелица препятствовали мне выйти со двора».

⁴ Запись сделана в среду, поэтому «прошедшее воскресенье» было 6 марта.

⁵ Богдан — одна из видных представительниц молдавской аристократии. По словам Липранди, «мадам Богдан, женщина за 50 лет, из коих, конечно, половину употребила в свою пользу. Она была вдовой великого ворника Богдана, казенного кн. Морузи... Богданша жила открыто; у нее часто бывали танцевальные вечера изысканного общества; не многие туземные кишиневские лица были приняты». (Липранди, стб. 1242—1243).

⁶ О дочери Богдан, Марье Балш, и ее отношениях к Пушкину так рассказывает Липранди: «Она была женщина лет под тридцать, довольно пригожа, чрезвычайно остра и словоохотлива, владела хорошо французским языком и с претензиями. Пушкин был также не прочь поболтать, и должно сказать, что некоторое время это и можно было только с ней одной. Он мог иногда доходить до речей весьма свободных, что ей очень нравилось, и она в этом случае не оставалась в долгу. Действительно ли Пушкин имел на нее какие виды или нет, сказать трудно; в таких случаях он был переметчив и часто без всяких целей любил болтовню и материализм; но как бы то ни было, Мария принимала это за чистую монету. В это время появилась в салонах некто Албрехтша, она была годами двумя старше Балш, но красивей, с свободными европейскими манерами; много читала романов, многие проверяла опытом и любезностью своею поставила Балш на второй план; она умела поддерживать салонный разговор с Пушкиным и временно увлекала его. У Балш породилась ревность; она начала делать Пушкину намеки и, получив однажды от него отзыв, что женщина эта (Албрехтша) — историческая и пылкой страсти, надулась и искала колоть Пушкина. Он стал с ней сдержаннее и вздумал любезничать с ее дочерью, Аникой, столь же острой на словах, как и мать ее, но любезничал так, как можно было только любезничать с двенадцатилетним ребенком. Оскорбленное самолюбие матери и ревность к Албрехтше (она приняла любезничанье с ее дочерью-ребенком в смысле, что будто бы Пушкин желал этим показать, что она имеет уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности». (Липранди, стб. 1422—1423).

⁷ Долгоруков ошибся, назвав брата мужа Марьи Балш Янко. По свидетельству Липранди, Янко (Иван) Балш, камергер, не жил тогда в Кишиневе. У мужа Марьи Балш был брат Йорго Балш, ворник княжества. (См. Липранди, стб. 1226—1227).

⁸ *Перевод*: «Вы и себя-то плохо защищаете».

⁹ Тодор Балш, тоже ворник княжества, по словам Липранди, «через несколько лет возведенный в гетманы, т. е. в главнокомандующие войсками Молдавии». (Липранди, стб. 1424). Вельтман в своих «Воспоминаниях о Бессарабии» писал о Т. Балше, что «он теперь заседает в диване князя Молдавии». (Вельтман, стр. 127).

¹⁰ *Перевод*: «трусом».

¹¹ *Перевод*: «хороший тон».

¹² Пушкин был инициатором учреждения масонской ложи «Овидия» в Кишиневе, а затем ее президентом (по-французски «*vénérable*»). В составленном им списке состоявших на 5 июля 1821 г. членов ложи

значится тринадцать человек. Кроме тринадцати членов-учредителей ложи, известно еще шесть членов, среди них приятели Пушкина Н. С. Алексеев и В. Ф. Раевский и сам Пушкин, записавший в своем дневнике 1821 года: «4 мая был я принят в масоны». О том, что Пушкин был членом кишиневской ложи, показывал в 1826 г. Шуллер, утверждавший, что целью ложи была благотворительность. Никакого не может быть сомнения, что дело не ограничивалось благотворительностью и что на заседаниях велись беседы на политические темы, о чем свидетельствуют участие в ложе В. Ф. Раевского и слова Пушкина: «Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи». Об этом же свидетельствуют полусерьезные, полуиронические стихи Пушкина, адресованные Пушину как главе кишиневских масонов:

«В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квируга!
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!»

¹³ История с Балшем со слов В. П. Горчакова рассказана Бартеневым: «Между кишиневскими помещиками-молдаванами, с которыми вел знакомство Пушкин, был некто Балш. Жена его, еще довольно молодая женщина, везде вывозила с собою, несмотря на ранний возраст, девочку-дочь лет 13. Пушкин за нею ухаживал. Досадно ли это было матери, или, может быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то рассердилась и стала к нему придирается. Тогда в обществе много говорили о какой-то ссоре двух молдаван: им следовало драться, но они не дрались. «Чего от них требовать! — заметил как-то Липранди, — у них в обычае нанять несколько человек, да их руками отдубасить противника». Пушкина очень забавлял такой легкий способ отмщения. Вскоре, у кого-то на вечере, в разговоре с женою Балша, он сказал: «Экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя!» Молдаванка вспыхнула. «Да вы деритесь лучше за себя», — возразила она. «Да с кем же?» «Вот хоть с Старовым; вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили». На это Пушкин отвечал, что если бы на ее месте был ее муж, то он сумел бы поговорить с ним; потому ничего не остается больше делать, как узнать, так ли и он думает. Прямо от нее Пушкин идет к карточному столу, за которым сидел Балш, вызывает его и объясняет в чем дело. Балш пошел расспросить жену, но та ему отвечала, что Пушкин наговорил ей дерзостей. «Как же вы требуете от меня удовлетворения, а сами позволяете себе оскорблять мою жену», — сказал возвратившийся Балш. Слова эти были произнесены с таким высокомерием, что Пушкин не вытерпел, тут же схватил подсвечник и замахнулся им на Балша. Подоспевший Н. С. Алексеев удержал его. Разумеется, суматоха вышла страшная, и противников кое-как развели. На другой день, по настоянию Крупянского и П. С. Пуцина (который командовал тогда дивизией за отъездом Орлова), Балш согласился извиниться перед Пушкиным, который нарочито для того пришел к Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда

к нему явился в длинных одеждах своих тяжелый молдаванин и вместо извинения начал: «Меня упростили извиниться перед вами. Какого извинения вам нужно?» Не говоря ни слова, Пушкин дал ему пощечину и вслед за тем вынул пистолет. Прямо от Крупянского Пушкин пошел на квартиру к Пушину, где его видел В. П. Горчаков, бледного как полотно и улыбающегося. Инзов посадил его под арест на две недели; чем дело кончилось, не знаем. Дуэли не было, но еще долго после этого Пушкин говорил, что не решается ходить без оружия, на улицах вынимал пистолет и с хохотом показывал его встречным знакомым». (Бартенев, стб. 1167—1169). Зеленецкий со слов П. С. Пушина также пишет, что «во время расправы с мужем, в руках Пушкина был пистолет». (М. А. Цявловский, «Книга воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 240).

Март. 10.

¹ Данными о Живановиче не располагаем. Не одно ли это лицо с сербским воеводой Живковичем, с которым Пушкин встречался у Липранди? (См. Липранди, стб. 1266).

Март. 12.

¹ День вступления на престол Александра I.

² В произведениях Пушкина дважды упоминается кн. И. М. Долгоруков. В сохранившихся фрагментах десятой главы «Евгения Онегина» ему, «стихоплету великородному», как автору стихотворения «Авось», посвящены два стиха; в «Путешествии из Москвы в Петербург», в главе «Москва», Пушкин упомянул «московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким)», имея в виду стихотворение «Пир». Н. А. Полевой вспоминал: «Пушкин любил стихи князя И. М. Долгорукова и доказывал, что князь Долгорукий нецененное, но великое русское дарование. Помню, как однажды изъяснял он мне удивительную прелесть стихов Долгорукого из его, помнится, *Обеда* <не «Обеда», а «Пира»>:

И Колобов, как бес, по всем избам прощался...
Посовестившись взять с собой в дорогу книжку,
От голода в запас взял вяземску коврижку...

Пушкин находил тут неподдельный гумор». (Н. Полевой, «Листки из записной книжки». «Сын Отечества», т. II, 1840, стр. 384). В «Пире» описывается обед не в Москве, а в подмосковной.

Март. 16—17.

¹ *Перевод*: «История Екатерины II» Кастера.

² Бильбасов в своей «Истории Екатерины II», т. I, 1900, стр. 633, дал неверные сведения об авторе «Истории Екатерины II», спутав его с однофамильцем, умершим за три года до рождения последнего. Как установил Б. В. Томашевский (см. Г. Блок. «Пушкин в работе над историческими источниками». М.—Л. 1949, стр. 148—149), автором этой истории был Жан Кастера (1755—1833), французский писатель, журналист и переводчик. Выпустив первоначально в 1797 г. в двух томах «Жизнь Екатерины II», он затем издал ее в переработанном виде в 1800 г. в двух изданиях, в трех и четырех томах, под заглавием «История Екатерины II». Сочинение имело огромный успех и было переведено на все европейские языки, кроме русского. В общем, сочинение разоблачительное и обличительное, оно основано на весьма авторитетных первоисточниках, и характеристика его, даваемая Долгоруковым и объясняющая его верно-подданныческими чувствами, несправедлива. Иначе расценивал труд Кастера Пушкин, ссылающийся на него в своем «Опыте отражения некоторых не-

литературных обвинений», 1830 г., и пользовавшийся им при работе над «Историей Пугачева». В библиотеке Пушкина имеется четырехтомное издание сочинений Кастера. Но, несомненно, для статьи «<Заметки по русской истории XVIII века>» («По смерти Петра I...»), написанной в августе 1822 г., одним из источников послужило сочинение Кастера. Долгоруков, а затем Пушкин пользовались, надо думать, экземпляром из библиотеки Инзова.

³ *Перевод*: «Кн. Вяземский был человек ограниченного ума. Он умер дураком».

Генерал-прокурора кн. Александра Алексеевича Вяземского (1727—1796) действительно считали человеком ограниченным.

⁴ Долгоруков имеет в виду следующее место в сочинении Кастера:

В переводе: «Мир, заключенный с турками, и взятие мятежного Пугачева предоставили Екатерине время отделиться страсти, которую ей внушал ее новый любовник. Он приобрел над нею почти полную власть. Он это знал. Он злоупотреблял этим. Он получал от нее бесчисленные милости, но когда в силу остатков приличия она ему отказывала в чем-нибудь, он принуждал ее согласиться, показывая раздражение и даже гнев»*.

* *Сноска Кастера*: Говорили, что он доходил иногда до того, что бил ее и что в этом он лишь подражал Григорию Орлову. Достовернее, что он часто пренебрегал государыней. Однажды, когда он играл в карты, пришли сказать ему, что его ждут в совете; он отказался идти туда. На смиренный вопрос посланного, что должен он передать императрице, он ответил ему, что он найдет это в Библии. — «В каком месте? — спросил посланный. — «В начале первого псалма, — ответил Потемкин: — *Блажен муж иже не иде на совет нечестивых*». (Т. II, стр. 346).

⁵ Эпиграф, взятый Кастера из книги XI «Анналы» («Летописей») Тацита (последняя фраза главы 27), в переводе значит: «В этом нет ничего сочиненного для того, чтобы поразить читателя, а я передаю то, что слышали и написали старейшие историки» (латинск. яз.).

Март. 20.

¹ Долгоруков читал дело о Радичевском братстве в изложении А. М. Фадеева, который в своих воспоминаниях повторил это сообщение. См. «Воспоминания» А. М. Фадеева. Одесса. 1897, стр. 50—51, где сказано, что первоначально меннониты поселились при имени Румянцева Вишенках, а в 1799 г. были «переселены на казенные земли на реке Десне, находившиеся вблизи от имени гр. Румянцева <Радичево>». В продолжение почти двадцати лет они, в числе до пятидесяти семейств, жили там очень хорошо, составляя замечательную общину по устройству и благосостоянию. Я любовался этою колониюю в 1816 году, по ее оригинальной организации».

² Андрей Михайлович Фадеев (1789—1867) в 1817—1834 гг. был управляющим Екатеринославской конторой иностранных поселенцев, затем служил в Одессе членом Комитета иностранных поселенцев южного края России, в Астрахани — главным попечителем кочующих народов, в Саратове — управляющим Палатою государственных имуществ, затем губернатором и, наконец, с 1846 г. до конца жизни управляющим Экспедициею государственных имуществ Закавказского края. Воспоминания Фадеева были напечатаны в «Русском Архиве» 1891 г. и в 1897 г. в более полном виде отдельным изданием.

Март. 23.

¹ *Перевод*: «Я предпочел бы остаться запертым всю жизнь, чем работать два часа над делом, в котором нужно отчитываться».

Март. 24.

¹ Славяносербами называли сербов, выходцев в Россию во главе с Шевичем и Депрерадовичем, поселившихся в Бахмутской провинции. Их поселения в 1784 г. вошли в состав Екатеринославского наместничества

Март. 25.

¹ День благовещения.

² Предикиа — проповедь (от лат. praedico — проповедывать).

Март. 26.

¹ Хоментовский Михаил Яковлевич — генерал-майор с 1816 г., генерал-квартирмейстер 2-й армии. По аттестации Киселева «отлично-усердный исполнитель, честный по душе, для копировки карт отличнейший». (См. РС, 1890, № 1, стр. 121).

Март. 28.

¹ Секретарь Попечительного Комитета о колонистах тит. сов. Василий Никонович Марченко. (См. Мсц на 1823 г., ч. I, стр. 342).

Март. 31.

¹ Бывший исправник в Кишиневе, член областного дворянского депутатского собрания, колл. ассессор Иван Васильевич Яманди. (См. Мсц на 1822 г., ч. II, стр. 418; Мсц на 1823 г., т. II стр. 439).

Апрель. 1.

¹ *Перевод*: «Вот еще! Если бы Потоцкий не уступил, я дал бы ему пощечину».

Гр. Северин Осипович Потоцкий (1762—1829), представитель одного из самых знатных польских родов, младший брат известного этнографа и археолога Яна Потоцкого, в начале царствования Александра I принадлежал к числу самых близких к нему лиц. Сенатор (с 1801 г.), а затем член Государственного совета (с 1810 г.).

К сожалению, Долгоруков не сообщил, о чем шел у Пушкина спор с Потоцким, но можно предположить, основываясь на записях 30 апреля и 20 июля, что предметом спора был вопрос о крепостном праве. Потоцкий был крупнейшим землевладельцем. «Неподалеку от Одессы, — пишет Вигель, — поселил он сотни две крестьян, сию колонию, деревню назвал Севериновкой и затеял в ней обширные «виноградники» (ЗВ, VI, стр. 137). В 1816 г. Потоцкий, в качестве «губернского маршала», обратился с письмом в департамент полиции о принятии мер против массового бегства крепостных из Киевской губернии. (См. В. Запуткин. «Пушкин и Лермонтов», Ростов-на-Дону. 1941, стр. 35—36.)

Апрель. 2.

¹ Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) — композитор, с 1796 г. директор придворной певческой капеллы.

² Армянский архиерей (с 1806 г.) — Григорий Захарьянов (ум в

1827 г.). (См. Арх. Гавриил <Айвазовский>. «Армяно-григорианские архиереи в Новороссии и Бессарабии» — «Записки имп. Одесского Общества истории и древностей», т. IX, Одесса, 1875, стр. 316).

Апрель. 7.

¹ Об этом же писал Пушкин спустя восемь лет в Болдине в своем «Опровержении на критику»: *Двенадцать, а не двѣнадцать. Две сокращено из двое, как тре из трое*.

Апрель. 9.

¹ Имеется в виду русско-турецкая война 1787—1791 гг.

Апрель. 12.

¹ Сведениями о Мацневском не располагаем.

Апрель. 15.

¹ Семенов Иван Тимофеевич, жит. сов., член Екатеринославской конторы иностранных переселенцев. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 342).

² Гейденрейх Август Федорович, колл. регистратор, смотритель крымских колоний (числится по Екатеринославской конторе иностранных переселенцев). (*Мсц* на 1826 г., ч. I, стр. 380).

Апрель. 17.

¹ Этот канцелярист Мартынов был племянником Ив. Ив. Мартынова (1771—1833), известного классика, переводчика, в 1803—1817 гг. занимавшего должность директора департамента народного просвещения и принимавшего ближайшее участие в делах Царскосельского лицея. И. И. Мартынову адресовано первое из сохранившихся писем Пушкина.

Апрель. 18.

¹ Герц подпоручик. Лицо не установленное.

² Переводчик при Попечительном Комитете о колонистах надв. сов. Карл Иванович Герн. (*Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 342).

³ Бухгалтер Попечительного Комитета губерн. секрет. Франц Карлович Киршнер. (*Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 342).

Апрель. 20.

¹ П. Д. Киселев писал к А. А. Закревскому 15 марта 1822 г.: «Пушин действительно болен и хотя обвинен быть не может, но слаб для командования двумя отставшими полками. Отпустите его и определите Нилуса». На это Закревский отвечал 1 апреля: «На счет Нилуса, Черемисинова и проч. увидишь из прилагаемых приказов, а Пушина уволили от службы». («Сборник имп. Русского Исторического общества», т. 78, СПб., 1891, стр. 95 и 262).

Апрель. 21.

¹ *Перевод*: «Если истинное и живое христианство, отъявленными врагами которого, к сожалению, являются даже некоторые чиновники-колонисты, не закладывая ревностно в сердца колонистов, опираясь на Библию, как на основание, на котором покоится всё нравственное здание, то отстанет и духовная и материальная—божественная и земная культура. Это издавна доказано опытом и именно на наших глазах очевиднее всего». (Немецк. яз.).

Апрель. 22.

¹ Вержевский — ошибочно, вместо: Вержейский. Когда Орлову пришлось отчитываться в своих приказах перед Военно-судной комиссией, он настаивал на правильности своих мер по отношению к «извергу» Вержейскому. (См. Базанов, стр. 62).

² О преступлениях садиста капитана Гимбута по отношению к солдатам писал в своих показаниях 15 января 1827 г. В. Ф. Раевский. (См. Базанов, стр. 63).

³ Покаревский — сведениями о нем не располагаем.

⁴ Об обстоятельствах, вызвавших этот приказ, писал Липранди: «В начале декабря 1821 года два унтер-офицера (в сноске: Матвеев и Аристова), георгиевские кавалеры (за Лейпциг и Париж, Охотского полка, батальона майора Вержейского) отлучились без спросу из роты, стоявшей за 20 верст из Кишинева и явились к Орлову с жалобой на майора Вержейского, что он, несмотря на георгиевские кресты, неоднократно их наказывал, подобно как и других с теми же отличиями и около недели тому назад, найдя какие-то беспорядки на шести кордонах, ими с капитальствами занятых, на каждом из этих кордонов давал по 20-ти розог или палок, смачивал рассеченное тело соленой водой и переводил за две и за три версты до другого кордона, возобновляя наказания на каждом, так что им дано было в несколько часов времени по 120 ударов палками и розгами; потом на ночь в батальонной квартире их привязывали к поднятым оглоблям саней, как бы распятыми. По объявлении Орлову этой жалобы унтер-офицеры были тотчас освидетельствованы дивизионным штаб-доктором Шуллером при их полковом командире, полковнике Соловкине. Тотчас же я был назначен для произведения строжайшего следствия, а обоих унтер-офицеров прикомандировали к дивизионному учебному батальону, тогда уже под командой майора Гаевского (переведенного из л.-гв. гренадерского полка, по поводу происшествия в Семеновском полку). Излишне говорить об ужасах, открытых по следствию; майор Вержейский предан был суду». (Липранди, стб. 1432—1433).

В противовес приказу Орлова, Сабанеев освободил содержавшихся на гауптвахте «единственно по просьбе буйных солдат» Вержейского и Гимбута и восстановил их в должности. (См. Базанов, стр. 64).

Однако за этим последовал приказ главнокомандующего 2-й армией ген. Витгенштейна от 17 февраля 1822 г. (за № 21): «Охотского пехотного полка майора Вержейского и капитана Гимбута за несоразмерные и противозаконные наказания нижних чинов предписываю предать военному суду при корпусной квартире 6-го пехотного корпуса». («Приказы г. главнокомандующего войскам 2-й армии. 1822 года»).

⁵ Шварц Федор Ефимович — полковник, командир л.-гв. Семеновского полка в 1820 г., приобретший позорную славу истязанием солдат, приведшим к возмущению Семеновского полка. (См. В. И. Семевский. «Политические и общественные идеи декабристов». СПб., 1909, стр. 131—166).

⁶ Майор Юмин — бывший член Союза Благоденствия, сообщивший генералу Сабанееву о существовании тайного общества. (См. Липранди, стб. 1436 и «Протест» В. Ф. Раевского от 1 сентября 1823 г. — Базанов, стр. 198).

⁷ О Васильеве данных не имеем.

⁸ Корчевский — правильное: Карчевский. Этот офицер был, повидимому, вновь замечен в избивании солдат, так как последовал приказ Витгенштейна (за № 69) 28 мая 1822 г.: «Майор Карчевский за неприличное наказание рядового, имеющего знак отличия св. Анны, <дававший нижним чинам за двадцатилетнюю беспорочную службу> и за нанесение ему ударов по лицу, в противность узаконений, поджелал бы строгой от-

ветственности, но по вниманию к усердной его службе, начальством заведательствованной, согласно с мнением г. корпусного командира, арестовать его, Карчевского, на семь дней с исправлением должности». («Приказы г. главнокомандующего войсками 2-й армии. 1822 г.»). Взятый открытым образом под защиту Сабанеевым офицер не только не понес должного наказания, но даже получил, спустя месяц, повышение: в приказе от 4 июля 1822 г. (за № 79) «майор Охотского полка назначается командиром 3-го батальона Охотского полка» (см. названные «Приказы»).

Майор Хорчевский (т. е. Карчевский) упоминается Пушкиным в повести «Кирджали».

⁹ О Данилевиче, Парчевском¹⁰, Станкевиче¹¹, Гнилосирове¹², Коссковском¹³, Тимченко¹⁴ и Катицыне¹⁵ сведениями не располагаем.

¹⁶ Один из первых приказов Орлова (от 3 августа 1820 г.), изданный им вскоре по принятии командования 1-й пехотной дивизией, был посвящен именно побегам солдат. Замечательный приказ этот самым решительным образом пересматривал существовавший тогда в армии порядок и виновными в побегах объявлял не солдат, а офицеров, доводящих солдат истязаниями до отчаяния. Приказ этот Орлов повелевал офицерам читать вслух солдатам. [Приказ опубликован М. О. Гершензоном в его статье «Семья декабристов. (По неизданным материалам)». — «Былое» 1906, октябрь, стр. 310—312; переиздано в книге «История молодой России», М.—П. 1923, стр. 37—38].

Положение солдат во 2-й армии, часть которой находилась в Кишиневе и прилежащих районах, было чрезвычайно тяжелым. Даже на основании сохранившихся приказов главнокомандующего 2-й армии Витгенштейна, излагавших события весьма кратко, в безусловно смягченном виде и о многом замалчивающих, вырисовывается страшная картина нечеловеческих условий, в которые были в это время поставлены солдаты: систематическое недоедание (постоянное хищение офицерами солдатского провианта и продажа его — приказы № 17 от 3 февраля, № 53 от 17 апреля 1822 г. и др.), присвоение офицерами солдатского имущества, в том числе, несомненно, обмундирования, что усиливало заболевание солдат в холодное время (№ 21 от 13 февраля 1823 г.), отсутствие своевременной медицинской помощи даже при самых тяжелых заболеваниях — всё это приводило к увеличению смертности. В результате этого пришлось выпустить специальный приказ главнокомандующего «О немедленном доставлении в лазарет нижних чинов, заболевших воспалением легких» (№ 21 от 13 февраля 1823 г.). Бесчеловечное истязание солдат за мельчайшие «провинности» рядом с безнаказанностью офицеров было обычным явлением. За ответ «командиру» солдаты 33-го егерского полка были прогнаны «шпицрутенами через пятьсот человек», первый «как начинщик» четыре раза, а последние по одному разу» (приказ № 69 от 28 мая 1822 г.).

Наряду с этим обращает на себя внимание, что офицеров, уличенных в воровстве и даже «подстрекательстве к убийству», приговаривали лишь к тому, чтобы «обойти чином» или даже просто к «церковному покаянию» (приказы № 69 от 28 мая 1822 г., № 53 от 17 апреля 1822 г., № 104 от 30 июня 1823 г.).

В силу совершенно невыносимых условий, в которых приходилось служить солдату, он шел на крайнюю меру — побег. Побег стал заурядным явлением в армии. Витгенштейн в своих приказах не раз ставил на вид начальникам чрезвычайную убыль солдат (№ 66 от 20 мая 1822 г. и № 83 от 22 мая 1823 г.). Пойманных солдат приговаривали к страшным наказаниям (прогнать сквозь строй четыре раза через пятьсот человек), и, несмотря на это, солдаты совершали побеги в четвертый, пятый, шестой раз.

Важно отметить, что бегство солдат, прекратившееся при командирах-декабристах, возобновилось с новой силой после ареста майора Раевского, увольнения Орлова и Пущина (приказ № 150 от 31 декабря 1822 г.).

Приказ Орлова от 8 января 1822 г. был опубликован (по другому источнику) М. О. Гершензоном в его статье «Семья декабристов. (По неизданным материалам)» — «Былое», 1906, октябрь, стр. 312—313. Переиздано в его книге «История молодой России», М.—П. 1923, стр. 38—49.

¹⁷ Младший член Бессарабской конторы Попечительного Комитета о колонистах отставной капитан Христофор Карлович Петерсон. (Мсц на 1823 г., ч. I, стр. 343).

Апрель. 25.

¹ Землемер Комитета в Франц. сл. порту Эдуард Иванович Депотт. (Мсц на 1824 г., ч. I, стр. 364).

Апрель. 27.

¹ Белецкий исправник (1822—1825) — тит. сов. Константин Фомич Бодеско. (Мсц на 1823 г., ч. II, стр. 440; Я. Н. Крупенский, «Краткий очерк о Бессарабском дворянстве. 1812—1912». СПб. 1912, стр. 31).

Апрель. 28.

¹ Эта сноска Долгорукова, как видно из текста, сделана несколько позднее. Из Одессы Пущин вместо поездки за границу вернулся в Кишинев. См. ниже запись от 26 мая.

Апрель. 29.

¹ О поездке из Екатеринослава в Петербург в 1822 году Фадеев пишет в своих «Воспоминаниях»: «В 1822-м году генерал Инзов, — по возникшим недоразумениям и столкновениям, касательно распоряжений, относившихся к водворению колонистов в Южном крае, — нашел нужным отправить меня в Петербург для личных по этому предмету объяснений в министерстве» (стр. 67). Результатом более чем трехмесячного пребывания Фадеева в Петербурге и явились приводимые Долгоруковым «предположения» петербургского начальства.

² Степан Семенович Джунковский (1762—1839 (?)) — д. ст. сов., в 1811—18.. гг. директор департамента государственного хозяйства и публичных зданий Главного управления путей сообщения; в 1803—1828 гг. непреходящий секретарь имп. Вольного экономического общества, автор многочисленных статей по сельскому хозяйству.

³ Кн. А. Н. Голицын (1773—1844), министр духовных дел и народного просвещения, «холопская душа, просвещения губитель», по словам Пушкина (в эпиграмме «На кн. А. Н. Голицына»).

Апрель. 30.

¹ Полковник Эйсмонт — командир 16-й артиллерийской бригады (см. «Приказы г. главнокомандующего войскам 2-й армии; 1823 г.», приказы за № 9, 35 и 144 от 22 января, 1 марта и 13 октября 1823 г.). За «отлично усердную» службу Эйсмонт был награжден тремя тысячами десятин земли. (См. «Русский Инвалид» 1824, № 15 от 15 января).

² Кн. Лев Михайлович Яшвиля (1768—1836) — в 1816—1833 гг. начальник артиллерии 1-й армии, с 1819 г. генерал-от-артиллерии.

Покровительство Яшвиле — по словам Пушкина, «педераста и отъявленного игрока» — способствовало карьере близких ему людей, что вызвало «справедливое осуждение» общества, поддерживаемое и поэтом (см. Дневник Пушкина 1833—1835 гг., запись от 29 ноября 1833 г.)

³ Энергические речи Пушкина против рабства правильно сопоставлены В. Г. Базановым с замечательным рассуждением «О рабстве крестьян» В. Ф. Раевского. (См. Базанов, стр. 118—119.)

⁴ Архимандрит Синисей — Синесий, настоятель монастыря Жабки Кишиневской епархии, кавалер ордена св. Владимира 4-й ст. (См. Мсц на 1823 г., ч. I, стр. 279.)

⁵ Архимандрит Иоанникий — настоятель монастыря Городищевского Кишиневской епархии, семинарский учитель. (См. Мсц на 1823 г., ч. I, стр. 279.)

⁶ Доминицини — лицо неизвестное.

Май. 3.

¹ *Перевод:* Сладкая, холодная. Сладкая, холодная. (Молд. яз.).

Май. 4.

¹ Куракин — кн. Алексей Борисович Куракин (1759—1829) в 1807—1810 гг. управлявший Министерством внутренних дел, с 1811 г. председатель департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

² Сперанский — Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) по возвращении в 1821 г. в Петербург был назначен членом Государственного совета. Слух, записанный Долгоруковым, не подтвердился.

Май. 7.

¹ Генерал-майор Нилус — бывший начальник штаба артиллерий 2-й армии (1819 г.) (см. Переписку Киселева с Закревским — «Сборник имп. Русского Исторического общества», т. 78, СПб. 1891, стр. 37); в 1823 г. — бригадный командир (см. «Приказы г. главнокомандующего войскам 2-й армии. 1823 г.», приказ № 144 от 13 октября 1823 г.).

Май. 8.

¹ Сведениями о Горяинове не располагаем.

Май. 9.

¹ Гулов Александр Андреевич, губ. секретарь, помощник бухгалтера Попечительного Комитета о колонистах южного края России, находящегося в Бессарабии. (См. Мсц на 1826 г., ч. I, стр. 379).

Май. 12.

¹ Это день смерти матери Долгорукова, умершей 12 мая 1804 г.

Май. 16.

¹ *Перевод:* «Игнатий Линдль, настоятель и посетитель и правитель», (Латинский язык).

² *Перевод:* «Апостол Павел делал христиан, но не колонистов». (Немецкий язык).

Май. 18.

¹ Лурович — лицо неизвестное.

Май. 26.

¹ Торговицкий Иван Кириллович, колл. регистратор, помощник бухгалтера Попечительного Комитета о колонистах южного края России, находящегося в Бессарабии. (См. Мсц на 1824 г., ч. I, стр. 364).

² Алексеев — Ник. Степ. Алексеев (р. ок. 1789, ум. в 1850-х годах), ближайший приятель Пушкина.

Май. 30—31.

¹ *Перевод:* «Всегда возвращаются к своим первым склонностям» — измененная поговорка: «Всегда возвращаются к первой любви».

Июнь. 1.

¹ Сведениями о Енакакии Руссо не располагаем.

Июнь. 16.

¹ Беттигер — пастор, суперинтендант Одесской консистории. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 387).

² Гр. Александр Федорович Ланжерон (1763—1831) — с ноября 1815 г. херсонский военный губернатор и одесский градоначальник, 22 сентября 1822 г. переименованный новороссийским генерал-губернатором.

Июнь. 17.

¹ Эльфельд — Иван Иванович Эйхфельд, чиновник горного ведомства, страстный нумизмат. Он был женат на Марье Егоровне Мило. Ухаживавший за ней Пушкин посвятил ей стихотворение: «Ни блеск ума, ни стройность платья», весьма нескромно кончавшееся. О чете Эйхфельд см. в «Воспоминаниях» В. П. Горчакова, стр. 71—74.

Июнь. 18.

¹ Кто такой Гауталь, — неизвестно.

Июнь. 20.

² Франкфуртский журнал — ежедневная французская газета «Journal de Francfort», где в № 49 от 29 мая <н. ст.> 1822 г. было напечатано сообщение из Черновиц от 12 мая об эпидемии в Кишиневе. Об этой газете Пушкин писал: «Инзов меня очень любил, за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне скуки ради франкфуртский журнал» («Воображаемый разговор с Александром I», черновая редакция. 1824—1825).

Июнь. 23.

¹ Единственной формой протеста и борьбы бесправных масс Молдавии были разбойничьи отряды, возглавлявшиеся атаманами «гоцами», наиболее выдающиеся из которых приобретали славу народных героев. К числу их принадлежал упоминаемый Долгоруковым Бужор (ошибочно назван в дневнике Боджуром), живший в конце XVIII — начале XIX в.

Июнь. 24.

¹ Франк, Клементий Яковлевич, тит. сов., чиновник для принятия колонистов и отвода земель. (См. *Мсц* на 1824 г., ч. I, стр. 364).

² Молочанские колонии — колонии немцев меннонитов, расположенные по берегам реки Молочной, отграничивающей Бердянский уезд от Мелитопольского, Таврической губернии.

Июнь. 29.

¹ Кто такие Вернер и Газе — неизвестно.

Июль. 1.

¹ Федор Михайлович Шуллер, по происхождению венгерец, служил врачом в армии Наполеона во время похода 1812 г. и был взят в плен на Березине. В 1813 г. определен старшим лекарем в Камчатский полк. За прекращение эпидемии чумы в Бессарабии в 1819 г. получил влади-

мирский крест. В 1826 г. Шуллер был переведен на Кавказ, где прославился успешной борьбой с тифом и особенно чумой. Ухаживая за больными, он умер от чумы в конце марта 1829 г. Шуллер был исключительно образованный человек, владел языками русским, французским, немецким, испанским, молдавским, латинским и греческим. Рукопись его неоконченного трактата о чуме погибла. Пушкин знал этого замечательного человека. По свидетельству Липранди, в Кишиневе, в занимаемом Шуллером доме, происходили заседания масонской ложи. В шуточном «помянутии» Пушкин в 1833 г. вспомнил «доктора Шуллера, умершего в чуме». О Шуллере см. заметку Вейденбаума в изд. «Пушкин и его современники», вып. VIII, 1908, стр. 12—14.

Июль. 2.

¹ Гика — албанский княжеский род, ряд представителей которого с XVII в. были молдавскими и валахскими господарями.

² Ириной Нестерович (р. ок. 1785 г., ум. в 1864 г.), украинец, по окончании киевской духовной академии был там преподавателем. Митрополит Гавриил Бодони-Банулеско в 1813 г. вызвал Нестеровича в Кишинев, где он был пострижен в монахи и с 1820 г. стал ректором семинарии. По свидетельству его племянницы П. В. Дыдицкой, «Инзов очень уважал дядю и часто у него бывал, совещался с ним насчет Бессарабии. А когда едет к дяде, то и Пушкина берет с собою... Дядя Ириной часто ездил к Инзову в дом. Инзов просил дядю, чтобы он почаще беседовал с Пушкиным иставлял его». Дальше Дыдицкая рассказывает о столкновении Пушкина с Иринеем в связи с этими наставлениями. (Яковлев, стр. 71—74).

³ Место для сада, по свидетельству Вигеля, было указано самим Александром I в бытность его в Кишиневе в 1818 году. «За дело взялись горячо, обнесли место низким забором и засадили деревьями». О посадках не заботились, и, по словам того же Вигеля, в 1824 г. «от тридцати до сорока белых акаций и тополей разбросано было на большом пространстве». (ЗВ, VI, стр. 145). В 1885 г. в этом саду открыт памятник Пушкину.

Июль. 9.

¹ О своем пребывании в Кишиневе в июле 1822 г. Фадеев пишет в своих воспоминаниях: «В этот год я ездил еще в Бессарабию. В Кишиневе Инзов всегда приглашал меня останавливаться у него в доме. Пушкин в продолжение своей кишиневской ссылки тоже жил сначала у Инзова. Дом был не особенно велик, и во время моих приездов меня помещали в одной комнате с Пушкиным, что для меня было крайне неудобно, потому что я приезжал по делам, имел занятия, вставал и ложился спать рано, а он по целым ночам не спал, писал, возился, декламировал и громко мне читал свои стихи. Летом разоблачался совершенно и производил все свои ночные эволюции в комнате, во всей наготе своего натурального образа» (стр. 77).

² Младший член Екатеринославской конторы тит. сов. Аркадий Ник. Алексеев. (См. Мсц на 1823 г., ч. I, стр. 342).

³ Младший член Екатеринославской конторы тит. сов. Иван Федорович Габиевский. (См. Мсц на 1823 г., ч. I, стр. 342).

⁴ А. М. Фадеев приходился автору дневника дальним свойственником: жена его, рожд. кнж. Долгорукова, была четвероюродной сестрой отца автора дневника.

Июль. 13.

¹ Младший член Бессарабской конторы Попечительного Комитета о колонистах отставной майор Петр Карлович Мердер (1793—1832). (См.

Мсц на 1823 г., ч. I, стр. 343). В 1826—1832 гг. в чине колл. сов. он был управляющим болгарскими колониями и умер в Болграде. (См. *РА* 1900, № 12, стр. 597).

² Карл Карлович Мердер (1787—1834) — воспитатель будущего императора Александра II.

³ Жена П. К. Мердера — Прасковья Васильевна, в первом браке была за Лашевичем. (См. «Род дворян Мердер в Германии и России». СПб. 1887, стр. 17).

Июль. 20.

¹ В словах: «начал с любимого своего текста о правительстве» Долгоруков пользуется термином «текст» духовенства. Речи, «слова», проповеди священнослужителей сочинялись на извлеченную из книг священного писания цитату, которая и называлась «текстом».

² Переводчик Смирнов — тит. сов., переводчик молдавского языка. (См. *Мсц* на 1825 г., ч. II, стр. 468).

Июль. 21.

¹ Долгоруков разумеет комиссара Леовской карантинной заставы Бессарабской области, отставного штабс-капитана Рудковского. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 443. Здесь не названы его имя и отчество).

² Об этой истории с Рудковским ни в переписке Пушкина, ни в мемуарах о нем ничего не было известно.

Июль. 22.

¹ Праздник — «царский день», именины вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

² Корнилович Степан Иванович, полковник, — начальник всей военно-топографической съемки Бессарабии. Его дом в Кишиневе находился почти напротив дома, в котором жил М. Ф. Орлов. (См. Халиппа, стр. 149).

Июль. 25.

¹ О гастролях немецкой труппы вспоминает Вельтман: «...в зале Крупенского открыли театр немецкой труппы актеров, переселившейся из Ясс, которая продекламировала нам всего Коцебу, при чем не были упущены, к удовольствию публики, и балеты» (Вельтман, стр. 118). Горчаков, в день приезда в Кишинев в ноябре 1820 г. попавший на первое представление труппы, познакомился здесь с Пушкиным. Горчаков описывает и залу, где давались спектакли, и плохую игру актеров. (Горчаков, стр. 63—65).

² Сатовский Антон Яковлевич — тит. сов., исправляющий должность секретаря Бессарабской конторы иностранных переселенцев и управляющий Леовской таможенной заставой. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 343 и ч. II, стр. 444).

³ Куницкий Петр — первый ректор Кишиневской семинарии, откуда перешел в Одессу. (Яковлев, стр. 67).

⁴ Данных о Дмитрие Ермолаеве не имеем.

Июль. 26.

¹ О знакомстве Пушкина с Д. Н. Бологовским писал Липранди: «Затем в статье о Пушкине ничего не сказано о бригадном генерале Дмитрие Николаевиче Бологовском, у которого Александр Сергеевич часто обедал, вначале по зову, но потом был приглашен раз навсегда. Стол его и

непринужденность, умный разговор хозяина, его известность очень нравились Пушкину; но один раз он чуть-чуть не потерял расположение к себе генерала из одного самого неловкого поступка. Их отношения к счастью уладились, ибо Пушкин откровенно сознался, что всему причиной было его шипучее, и продолжал бывать, но как-то реже». (Липранди, стб. 1257—1258). В своих воспоминаниях о Пушкине Липранди рассказал об этом «неловком поступке» за обедом у Бологовского, когда Пушкин предлажил тост за него, напоминающая, что «сегодня 11-е марта» (11 марта — день убийства Павла I, участником которого был Бологовской).

В печатном тексте воспоминаний Липранди рассказ этот был исключен и напечатан в первой книге «Летописей Государственного Литературного музея», 1936, стр. 551—552. Сводка биографических данных о Д. Н. Бологовском дана Б. Л. Модзалевским в книге «Дневник Пушкина», 1923, стр. 191—195, и им же во втором томе «Писем» Пушкина, 1928, стр. 319—321.

Август. 6.

¹ Архиерейское богослужение в соборе в день праздника Преображения.

² Кишиневский полицмейстер — отставной подполковник Петр Каетанович Тысский. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 439).

³ Лазарев — один из сыновей Иоакима Лазаревича Лазарева (1744—1826), Иван (1787—1858) или Христофор (1799—1871).

Август. 10.

¹ Старший член Бессарабской конторы — Александр Антонович Олофсон. (*Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 343).

Август. 13.

¹ Официально Инзов был назначен управляющим Новороссийскими губерниями «с оставлением при прежних должностях» 17 июля 1822 г.

Август. 17.

¹ Звон на колокольне церкви при похоронах.

Август. 18.

¹ О музыкантах Якутского полка писал в своих воспоминаниях В. П. Горчаков: «По связям с хозяином Алексеев проведал, что в первый понедельник Варфоломей намерен дать бал на славу, и что пригласит, сверх своих музыкантов, еще музыкантов Якутского полка, этого знаменитого полка 16-й дивизии, который после войны нашей и славного мира оставался с Воронцовым в окрестностях Мобежа. Музыканты этого полка были все артисты и отличались в сравнении с музыкантами иных полков какой-то особенною складкою». (Горчаков, стр. 185).

² Михаил (Матвей Михайлович Десницкий) (1761 — 25 марта 1821), митрополит петербургский и новгородский в 1818—1821 гг. Долгоруков размещает издание «Беседы в разных местах и в разные времена говоренные покойным Михаилом, митрополитом Санктпетербургским и проч.». 9 частей. СПб. 1822—1824.

Август. 20.

¹ Роман Иванович фон-дер Ховен (1775—1861) в 1818—1829 гг. исправлял должность грузинского гражданского губернатора, являясь ближайшим сотрудником по управлению Кавказом А. П. Ермолова.

² В 1817 г. в 35 верстах от Тифлиса на реке Иоре были поселены до пятидесяти семейств выходцев из Вюртемберга. В 1818 г. в Тифлиском и Елизаветпольском уездах было образовано восемь колоний выходцев из Вюртемберга и Бадена. (См. Фадеев, II, стр. 13—18).

Август. 21.

¹ В этом остроге бывал Пушкин. В сохранившемся отрывке его дневника 1821 г. есть запись 25 мая: «Потом был в здешнем остроге. NB. Тарас Кирилов». Последний, вероятно, тот самый разбойник, о котором Пушкин рассказывал Н. И. Куликову. (См. РС 1881, № 8, стр. 613—614).

Август. 27.

¹ Сергей Федорович Желтухин (1779—1833), участник кампаний против Наполеона 1805, 1807 и 1812—1814 гг. и против Турции в 1809—1812 гг., в мирное время прославился как один из самых тупых и жестоких начальников. В мае 1822 г. корпусный командир Сабанеев ввиду необычайно частых побегов солдат из полков 17-й дивизии, которой командовал Желтухин, назначил следствие, выяснившее совершенно невыносимые условия, в которых находились изнуряемые учениями и караулами и забываемые за малейшую провинность несчастные солдаты. (См. показания пойманных дезертиров в изложении И. П. Липранди в книге М. О. Гершензона «История молодой России», 1923, стр. 36—37).

² Пульхерия Егоровна Варфоломей — дочь откупщика, владельца больших имений в Бессарабии, вскоре разорившегося и попавшего под суд. Характеристику этой красивой, скромной и недалекой девушки дает Вельтман в своих воспоминаниях (Вельтман, стр. 105—106 и 122—123). Он же изобразил семейство Варфоломей в пьесе «Два майора». Пушкин увлекался П. Е. Варфоломей.

Август. 30.

¹ День именин Александра I.

Август. 31.

¹ Карантины были учреждены во время появившейся в Бессарабии чумы.

² Бем и ³ Дариенков — лица неизвестные.

Сентябрь. 5.

¹ См. прим. 4-е к введению Долгорукова.

² Гр. Софья Константиновна Потоцкая (1766—1822), рожд. Глявоне, по первому мужу гр. Витт, гречанка, знаменитая своей красотой.

³ Сад (в 107 десятин) Софиевка близ Умани, на берегу речек Уманки и Каменки, разведенный гр. Феликсом Потоцким (р. ок. 1753 г., ум. в 1805 г.) и названный в честь жены, был в это время одним из лучших садов в Европе.

⁴ «Волшебное описание отца моего» — описание Софиевки, сделанное кн. И. М. Долгоруковым на французском языке, имеется в его сочинении «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года». Первоначально оно было напечатано в переводе Г. Поспелова в «Вестнике Европы», 1811, № 6, стр. 115—126. «Славны бубны» были помещены в «Чтениях в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете» 1869 г., кн. 2—3.

⁵ Гр. Александра Васильевна Браницкая (1754—1838), рожд. Энгель-

гардт, племянница кн. Г. А. Потемкина, жена великого коронного гетмана Польши гр. Ксаверия Браницкого (1731—1819), мать гр. Е. К. Воронцовой.

Сентябрь. 10. Вечером.

¹ Собор св. Софии, построенный в 1037 году Ярославом Мудрым, — древнейший памятник русской архитектуры.

² Церковь Андрея Первозванного построена в XVIII в. по проекту Растрелли.

³ Михайловский монастырь, точнее Златоверхий Михайловский мужской монастырь, основан в XII в. Замечателен по архитектуре главный монастырский храм, среднюю часть которого составляет церковь, заложенная в 1108 г.

Сентябрь. 12.

¹ Гр. Румянцов-Задунайский (1725—1796), сын Петра I, фельдмаршал, выдающийся полководец.

² Нектария — прабабка П. И. Долгорукова, дочь фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева, Наталья Борисовна (1714—1771), вышедшая замуж за кн. Ив. Алекс. Долгорукова (1708—1739). Наталья Борисовна — автор известных «Памятных записок», рассказывающих ее полную злоключений жизнь.

³ Дмитрий — младший сын кн. И. А. и Н. Б. Долгоруковых Дмитрий Иванович (1738—1769), последние шесть лет прожил в Киево-Печерской лавре и в Киево-Николаевском Пустынном монастыре, где и умер. Нектария и Дмитрий похоронены в Киево-Печерской лавре у Успенского собора.

⁴ Долгоруков разумеет, конечно, собор, построенный по проекту Растрелли.

Сентябрь. 13.

¹ Мельников Иван Андреевич, действ. ст. сов., почт-директор Малороссийского почтамта. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. I, стр. 605).

Сентябрь. 15.

¹ Четвертая станция после Чернигова по дороге в Могилев—Добрянка, в 69 в. от Чернигова.

² Прекрасные по тому времени дороги, обсаженные липами и березами, в Белоруссии проложил гр. З. Г. Чернышев (1722—1784), бывший в 1776—1782 гг. наместником Полоцкой и Могилевской губерний.

³ Местечко Гомель на берегу реки Сожи в составе Белоруссии в 1772 г. присоединено было к России и пожаловано гр. Румянцеву-Задунайскому. После его смерти Гомелем владел сын его Николай Петрович Румянцов (1754—1826). (См. об этом в биографии Н. П. Румянцева в Русском биографическом словаре, том «Романова—Рясовский», стр. 511—512).

⁴ Шиллинг — личность не установленная.

⁵ Черерск — имение, принадлежавшее фельдмаршалу гр. З. Г. Чернышеву (1722—1784). О вдове Чернышева Анне Родионовне, рожд. Вельд (1744—1830), пишет в своих воспоминаниях А. М. Фадеев. (Фадеев, I, стр. 27—28).

Сентябрь. 22.

¹ Станция Выра — в 69 в. от Петербурга.

² Лужский городничий — поручик Митрофан Федорович Саблин. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 14).

³ Лужский исправник — гвардии ротмистр и кавалер гр. Людвиг Карлович Делинье-Люксембург. (См. *Мсц* на 1823 г., ч. II, стр. 15).

Маршрут от Кишинева до Санктпетербурга.

Из сличения этого маршрута с почтовым дорожником 1824 г. видно, что довольно часто расстояния в верстах между почтовыми станциями у Долгорукова показаны иные и что станции Пропойск и Глинка поставлены одна на место другой. По этому маршруту Долгоруков сделал всего 1761³/₄ верст.

Сентябрь. 26.

¹ Министр — гр. В. П. Кочубей.

² *Перевод:* «Постараюсь».

Октябрь. 4.

¹ Придворная капелла в это время была под управлением композитора Д. С. Бортнянского, поставившего ее на большую высоту.

Октябрь. 7—8.

¹ Кн. Варвара Александровна Шаховская, рожд. бар. Строганова (1748—1823), бывшая замужем за кн. Борисом Григорьевичем Шаховским, ген.-лейтенантом, умершим в 1813 г.

Октябрь. 9.

¹ Сергиев монастырь — Троице-Сергиева мужская пустынь в Петергофском уезде Петербургской губернии, основанная в 1733 г.

² В так называемой Зубовской церкви похоронены представители рода гр. Зубовых.

³ В склепе похоронена Александра Чичерина (1789—1819), жена генерала П. А. Чичерина.

Декабрь. 12.

¹ Д. А. Мосальский — Даниил Афанасьевич Мосальский, действ. ст. сов. (1739—1832).

Декабрь. 31.

¹ Молодой Мосальский — Евграф Данилович, капитан-лейтенант флота (1789—1826).

² Кн. Андр. Ник. — лицо не установленное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Впервые отрывки из Дневника Долгорукова были опубликованы В. Д. Бонч-Бруевичем в статье «Ценный документ о Пушкине» в газете «Правда» от 11 декабря 1936 г. Там были напечатаны записи о Пушкине из дневника от: 11 января (со слов «Обедал у Инзова»), 28 января (со слов «Пушкин на днях выпустил» и сноски), 9 марта (со слов «Я между тем прогуливался», кончая словами «всякий может с ним видаться»), 15 апреля (со слов «Пушкин рассуждал за столом»), 30 апреля (со слов «спорили за столом», кончая словами «соблазнительным мыслям и суждениям»), 27 мая (со слов «Прежде народы восставали»), 20 июля (полностью).

В статье В. Анова «Новое о пребывании Пушкина в Кишиневе» в «Литературной газете» № 70 (633) от 15 декабря 1936 г., написанной на

основании доклада проф. М. А. Цявловского в Пушкинской комиссии Академии наук СССР 12 декабря 1936 г., появилась одна новая цитата из дневника Долгорукова, от 1 апреля (слова Пушкина о Поточком, в переводе на русский язык).

В статье М. А. Цявловского «Новое о Пушкине в Кишиневе (по дневнику кн. П. И. Долгорукова)» — «Новый мир», 1937, № 1, стр. 287—290, опубликован один новый отрывок из дневника, посвященный описанию экзекуции солдат, — запись от 20 февраля.

В статье В. А. Мануйлова и Л. Б. Модзалевского «Полководец» Пушкина — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5, 1939, с. 128, — опубликованы первые строки записи от 27 мая (с ошибочным указанием 1821 вместо 1822 года) — со слов «За столом у наместника» кончая «...политических переворотах в Европе».

Последняя статья, в которой появились новые цитаты из дневника, — «Пушкин в жизни» Т. Цявловской в газете «Советская Молдавия», № 111 (1438) от 5 июня 1949 г.; там напечатаны первые часть записи от 18 января (со слов «Пушкин умен и остер», кончая словами «насмешках и ругательствах»), 29 января (со слов «Застали еще обедню», кончая словами «а Пушкин смеялся»), 23 марта (со слов «я заходил к Пушкину», кончая словами «отдать отчет»; французский текст — в переводе), 28 марта (первая фраза).

Условные сокращения, употребляемые в примечаниях к «Дневнику Долгорукова».

Акад. изд. полн. собр. соч. Пушкина — Пушкин. Полное собрание сочинений. Издание Академии наук СССР. Тт. I—16. 1937—1949.

Базанов — В. Г. Базанов. «Владимир Федосеевич Раевский». Л.—М. 1949.

Бартенев — «Пушкин в южной России. Материалы для его биографии, собираемые П. И. Бартневым» — «Русский Архив», 1866. № 8—9, стб. 1089—1214.

Вельтман — А. Ф. Вельтман. «Воспоминания о Бессарабии» в статье Л. Н. Майкова «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным» — Л. Н. Майков. «Пушкин». Спб. 1899. стр. 102—132.

ЗВ, VI — «Записки Филиппа Филипповича Вигеля». Изд. «Русского Архива». Часть шестая. М. 1892.

Липранди — «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. Заметки на предыдущую статью» <Бартенева «Пушкин в южной России»> «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1213—1284 и № 10, стб. 1393—1491.

ЛтНслд — «Литературное Наследство», № 16—18, 1934.

Мсц — «Месяцеслов с росписью чинов».

Остафьевский архив — «Остафьевский архив князей Вяземских», тт. I—V, 1899—1913.

РА — «Русский Архив».

РС — «Русская Старина».

Фадеев — «Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева» — «Русский Архив», 1891, № 3 (отдельное издание: «Воспоминания Андр. Мих. Фадеева» в двух частях. Одесса, 1897).

Халиппа — И. Халиппа. «Горск Кишинев времен жизни в нем А. С. Пушкина». Кишинев, 1900.

Эрмерин — «Annuaire de la noblesse de Russie», publié par R.-Y. Ermerin. Première année. St. Pétersbourg. 1889. Seconde année. St. Pbg. 1892.

Яковлев — В. А. Яковлев «Отзывы о Пушкине с юга России». Одесса, 1887.

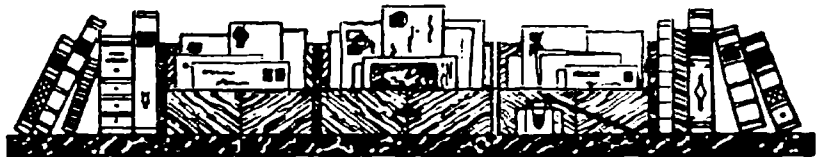

МАДОННА

Литография А. Безлюдного «с оригинальной картины итальянской школы»
(Русский музей. Ленинград).

М. А. Цявловский

Заметки о Пушкине ¹

5. Стихотворение «Мадона»

«Les belles dames me demandent à voir votre portrait, — писал Пушкин невесте из Петербурга в Москву 30 июля 1830 г., — et ne me pardonnent pas de ne pas l'avoir. Je m'en console en passant des heures entières devant une madone blonde qui vous ressemble comme deux gouttes d'eau, et que j'aurais acheté, si elle ne coûtait pas 40 000 roubles»².

Об этой же картине писал Пушкин 8 июля того же 1830 г. в известном стихотворении «Мадона»:

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

¹ Заметки 1—4 напечатаны в сборнике «Звенья», кн. VI, 1936, стр. 148—155.

² Перевод: «Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что провожу часы перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей».

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

До сих пор остается неизвестным, о какой картине говорит Пушкин в письме и в стихотворении и где он проводил целые часы, глядя на нее. Это не могло быть в Эрмитаже уже по одному тому, что в таком случае Пушкин не написал бы, что он купил бы картину, если бы у него было сорок тысяч.

На основании письма Пушкина к невесте и стихотворения «Мадона», составительница псевдо-«Записок» А. О. Смирновой, ее дочь О. Н. Смирнова сочинила такое будто бы сообщение ее матери: «M-r Smirnoff devait être le garçon de noce de Pouchkine, mais il a dû repartir pour Londres alors. Il a dit à Iskra que Nathalie ressemble à une Madone de Pérugin. Pouchkine a déjeuné chez M-r Smirnoff, a vû ses tableaux, ses objets d'art . . .»¹.

Как видим, в этом сообщении нет прямой увязки с письмом и стихотворением Пушкина, но О. Н. Смирнова явно намекает, что Пушкин писал о «Мадонне» Перуджино, принадлежавшей Н. М. Смирнову. Этот намек безоговорочно принял А. В. Средин и, упоминая Мадонну в письме Пушкина, прямо объяснял: «Мадонна Перуджино, находившаяся у Смирнова (см. дневник А. О. Смирновой)»².

Вопрос о том, какую картину описал Пушкин в своем стихотворении, дебатировался 4 июня 1922 г. в прениях по докладу В. В. Баранова «Автограф «Мадоны» Пушкина» в Пушкинской комиссии Общества Любителей Российской Словесности в Москве.

В. Ф. Саводник утверждал, что «вероятно Пушкин имел в виду какую-либо определенную картину, может быть Мадонну Рафаэля в Эрмитаже...».

П. Н. Сакулин подтверждал мысль, что Пушкин несомненно имел в виду определенную картину. Во всех трех редакциях говорится о Мадонне «на холсте».

Н. К. Пиксанов обращал «внимание на живую подробность — говорится о Мадонне «под пальмою». Очевидно, надо искать картины, где нарисована пальма».

¹ Перевод: «Смирнов должен был быть шафером Пушкина, но ему пришлось уехать в Лондон. Он говорил Искре <т. е. Пушкину>, что Натали напоминает мадонну Перуджино. Пушкин завтракал у г-на Смирнова, видел его картины, его коллекцию предметов искусства...» («Записки А. О. Смирновой» — «Северный вестник». 1893, № 9, стр. 260).

² Средин, А. В., «Полотняный завод». — «Старые годы». 1910, июль—сентябрь, стр. 114, прим. 48.

Наконец, В. Ф. Саводник указывал, «что эрмитажная Рафаэлевская Мадонна как раз под пальмою. Надо вообще пересмотреть различные типы Мадонн, известных в пушкинские годы — тогда может быть удастся точно установить, какой образ был перед глазами Пушкина»¹.

В примечаниях к цитированному письму Пушкина к невесте Б. Л. Модзалевский, приведя утверждение Средина (о Мадонне Перуджино), осторожно заметил: «Не знаем, так ли это»².

С другой стороны, М. Д. Беляев писал, что «существуют догадки, что Мадонна, о которой говорит здесь Пушкин, принадлежала кисти Перуджино и находилась либо в собрании Н. М. Смирнова, либо в собрании графа Г. А. Строганова, но точных данных для этого нет, если не считать того, что в собрании Строгановых действительно имеется Мадонна Перуджино с чуть-чуть косым разрезом глаз (ныне в Государственном Эрмитаже)»³.

В комментариях к стихотворению «Мадона» вопрос об авторе картины почти не ставился.

Правильно писал Б. В. Томашевский: «Повидимому, в сонете подразумевается совершенно определенная картина... Очевидно, речь идет о продававшейся в это время «Мадонне» какого-нибудь крупного итальянского мастера»⁴.

Предположения эти совершенно справедливы.

В № 19 «Литературной Газеты» за 1830 год, от 1 апреля, в отделе «Смесь» на стр. 154 имеется заметка, подписанная: «В. Л.—р», то есть Валериан Лангер, следующего содержания:

«Любителям художеств без сомнения приятно услышать, что в книжном магазине Слёнина на Невском проспекте выставлена ныне, на суд публики, картина, изображающая св. деву Марию с младенцем Иисусом, приписываемая Рафаэлю.

Не беремся решить, действительно ли произведение сие кисти Рафаэля, или только его времени и его школы, или даже не что иное, как искусная подделка новейшего времени. — Ошибиться в сем случае так легко! — Кто из занимающихся художествами не знает анекдота о Петре Миньярдо, который, подделавшись под кисть Гвидо Рени, заставил знаменитого Ле-Брёна признать копию свою за самого Гвидо? Кому не известно, что

¹ «Пушкин». Сборник первый. Редакция Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 278—279.

² Пушкин, «Письма». Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, т. II, 1928, стр. 454.

³ Беляев, М. Д., «Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников». Л., 1930, стр. 17.

⁴ Пушкин, «Сочинения». Редакция, биографический очерк и примечания Б. Томашевского. Л., 1935, стр. 889.

некогда Андрей дель-Сарто так близко и верно сделал, под руководством Рафаэля, копию с портрета Льва X, написанного Юлием Романом, что даже сам Юлий Роман почел копию сию за собственное свое произведение? — Итак, ежели столь трудно было судить даже таким художникам о произведениях, почти в их глазах сделанных, то что можно сказать положительного о картине, история коей нам неизвестна, измененной временем и поправками?

Стиль картины сей, с первого взгляда, действительно имеет в себе много *Рафаэлевского*: тот же колорит, то же божественное спокойствие в лице девы Марии, та же очаровательность в тьмо-свете... Но виден ли Рафаэль в сочинении сей картины? Неужели это выисканное, принужденное положение младенца написано Рафаэлем? — Рисунок также, кажется, не везде чист, особенно заметны погрешности в левой руке Марии и в левой кисти Иисуса. Впрочем, легко может статься, что последний недостаток сей произошел от поправок, которым картина сия подверглась, по всему вероятно, еще прежде, нежели оную перевели здесь в С. Петербурге с дерева на холст. —

Желательно было бы, чтобы художники и просвещенные любители наши обратили внимание на сию, по справедливости, замечательную картину, и если она действительно принадлежит Рафаэлю, или хотя по крайней мере его школе, то жаль будет, ежели кто-либо из богатых наших соотечичей не приобретет оную для своей галлерей.

Не может быть, конечно, никаких сомнений, что в этой заметке речь идет о той же самой «Мадонне», о которой писал Пушкин. Проводил целые часы, смотря на Мадонну, Пушкин, конечно, в книжном магазине Слёнина на Невском проспекте.

В № 46 «Литературной Газеты» за 1830 г., от 14 августа, в отделе «Смесь» (стр. 80) есть анонимная заметка:

«Надеемся принести удовольствие любителям художеств извещением их, что с прекрасной картины, изображающей богородицу с предвечным младенцем и приписываемой Рафаэлю Санцио (см. № 19 Литер. Газеты), снимается на камне рисунок большого размера и скоро будет окончен и отпечатан. Над рисунком сим трудится один молодой художник, коего литография с одной картины Кипренского уже известна нашей публике».

Молодой художник, о котором говорится в заметке, это А. Безлюдный¹, работавший под покровительством Общества поощрения художников; в то время — крепостной гр. Д. Н. Шереметева, он был через пять лет по ходатайству Общества освобожден от крепостной зависимости².

¹ Установлено А. Ф. Коростиным, которому принадлежат и все ниже следующие разыскания о Безлюдном. Выражаю ему глубокую благодарность за столь ценную помощь в моей работе.

² В Ленинградском областном архиве, в бумагах Общества поощрения художников (фонд 448), имеется дело (№ 145 по описи) «о молодых художниках, уволенных по ходатайству Общества из крепостного состоя-

В числе нескольких работ Безлюдного¹ находится и литография с «пушкинской» Мадонны. Эта большого размера литография², снимок с которой здесь прилагается³, имеет две подписи: слева — «рис. на камне А. Безлюдный с оригинальной картины итальянской школы», справа — «Отпечатано в Ораниенбаумской Литографии»⁴.

Какие же подтверждения можно привести тому, что литография Безлюдного сделана именно с той самой картины, которую хотел купить Пушкин? Совершенно бесспорны косвенные данные: во второй заметке в «Литературной Газете» указывалось, что с картины делает литографию «молодой художник, коего литография с одной картины Кипренского уже известна нашей публике»; А. Безлюдный был «молодым художником» еще и через пять лет (см. вышеприведенное дело «о молодых художниках, уволенных из крепостного состояния»), и он был автором литографии с одной из самых известных в то время картин Кипренского, привезенных им в 1824 г. из первого путешествия за границу — «Смеющаяся цыганка с миртовой веткой».

Но выразительнее этих внешних данных является сопоставление литографии с описанием картины, сделанным Лангером.

Как мы видели, картину в 1830 году приписывали Рафаэлю, что с большой осторожностью поставил под сомнение Лангер. Под литографией мы читаем уже такую подпись: «С оригинальной картины итальянской школы».

ния». Там есть и письмо гр. Д. Н. Шереметева к члену или председателю Общества гр. Василию Валентиновичу Мусину-Пушкину: «Милостивый государь граф Василий Валентинович... я согласен дать свободу принадлежащему мне Безлюдному, надеясь, что он употребит всевозможное старание быть полезным художествам... гр. Дм. Шереметев. Марта 27-го дня 1835 года».

¹ Литографии Безлюдного в отделе графики в Гос. Русском музее в Ленинграде: с «Цыганки» Кипренского (указано, что литографировал «Безлюдный под смотрением Сандомури», шифр: $\frac{8375}{473}$); с портрета Пушкина Кипренского («С картины О. Кипренского... под смотрением А. Сандомури рис. на камне А. Безлюдный») (шифр: 3167); две литографии — Виды Севериновки (Потоцкого) близ Херсона или Одессы; и наконец Мадонна, о которой речь ниже.

² Шифр этой литографии в отделе графики в Гос. Русском музее: $\frac{8787}{861}$, размер листа 573×362 мм, а самого изображения (рамки) — 355×282 мм.

³ За присылку снимка с литографии выражаю благодарность заведующему отделом графики Гос. Русского музея П. Е. Корнилову.

⁴ Литография эта была описана в книге Е. Н. Тевяшова «Описание нескольких гравюр и литографий». СПб., 1903, стр. 45, № 3.

Перед нами репродукция картины, конечно, итальянского художника.

Лангер пишет: «Стиль картины сей, с первого взгляда, действительно имеет в себе много Рафаэлевского: тот же колорит, то же божественное спокойствие в лице девы Марии, та же очаровательность в тьмо-свете...». Мы лишены возможности судить о колорите по литографии, но тип строгого целомудренного лица мадонны, с мягким девичьим наклоном головы, с яйцеобразным овалом лица, несомненно, идет от мадонн Рафаэля. Цветной платок с поперечными полосами на расчесанных на прямой пробор белокурых волосах, движение руки мадонны, приподнявшей прозрачную ткань с младенца, — всё это тоже вызывает в памяти картины Рафаэля. По определению проф. В. Н. Лазарева, видевшего фотоснимок с литографии, картина должна принадлежать итальянскому мастеру конца XVI — начала XVII в.

Особенно красноречиво сопоставление отрицательных сторон картины в описании Лангера и в литографии: «Неужели это выисканное, принужденное положение младенца написано Рафаэлем? — пишет Лангер. — Рисунок также кажется не везде чист, особенно заметны погрешности в левой руке Марии и в левой кисти Иисуса». В литографии мы видим неприятно позирующего младенца с выражением лица скорее взрослого человека. «Погрешности» в рисунке на литографии особенно заметны в руке младенца, но не в левой руке, как было на картине, а в правой; это указывает на то, что литография сделана в обратном изображении, т. е. рисунок на литографском камне сделан точно по картине, отпечатки же с него, самые литографии, получаются в обратном изображении, как в зеркале; таким образом, в оригинале Мария поддерживает младенца левой рукой, и лицо ее повернуто влево.

Сопоставляя литографию с приметами картины по письму Пушкина, мы убеждаемся еще раз, что это всё та же мадонна: она белокура и похожа на Наталью Николаевну Гончарову «как две капли воды». Для установления сходства нужно прежде всего иметь в виду, что литография, конечно, сильно исказила лицо, она, во-первых, руссифицировала его (по выражению В. Н. Лазарева) и засушила, заострила, во-вторых; кроме того, на литографии изображены тонкие, «словно нарисованные» брови, — тоже искажение, — у старых итальянских мастеров на женских лицах бровей не бывает, — итальянки выщипывали себе брови, считая, что брови портят красоту. Если сделать в сознании все эти поправки и представить себе смягченный по сравнению с литографией тип белокурой мадонны, то его и

нужно сравнить с портретами Натальи Николаевны. Больше всего похож на мадонну литографии профильный портрет Натальи Николаевны 1844 г., акварель Райта¹: тот же высокий «итальянский» лоб с закатом, тонкий прямой нос, длинная часть от носа до губы. Сравнивая овал лица мадонны с портретами Натальи Николаевны, где она повернута почти en face, — раб. Гау (с пером на голове)², Макарова³ и в особенности с зарисовками самого Пушкина⁴, мы видим и тут сходство в яйцеобразной форме лица и круто вылепленном подбородке.

Может быть, за сходство Натальи Николаевны с типом итальянской мадонны вообще, а может быть найдя, что она «как две капли воды» похожа именно на мадонну, репродуцированную

¹ Собственность С. Б. и Б. Б. Пушкиных (в Москве). Воспроизведена в книге В. Вересаева «Пушкин в жизни», 5-е изд., 1932, т. II, стр. 192/193; лучше и в красках воспроизведена в издании Гос. Литературного музея «Пушкин и его друзья», ред. и вступит. статья И. С. Зильберштейна, 1937 (№ 10).

² Акварель 1844 г. работы В. Гау (без подписи), изображающая Н. Н. Пушкину (уже Ланскую) в бальном туалете с пером на голове, принадлежавшая семье Ланских-Араповых, находится в Институте литературы (Пушкинском доме) АН СССР в Ленинграде; она репродуцирована в «Альбоме Пушкинской Юбилейной Выставки в Петербурге в 1899 г.», табл. 13, в Собрании сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз-Ефрон, т. IV, стр. 224/225 (№ 3) и в книге М. Д. Беляева «Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников», Л., 1930, стр. 20/21.

Авторская реплика этого портрета (с подписью и датой: W. Naui. 1844), принадлежавшая кн. П. А. Вяземскому, из Остафьевского Музея поступила во Всесоюзную Библиотеку им. В. И. Ленина в Москве; она репродуцирована в красках в «Литературном Наследстве», № 16—18, 1934, стр. 16/17 и в названном издании «Пушкин и его друзья, 1937 (№ 9). В настоящее время она хранится в Музее Пушкина в гор. Пушкин.

Другая авторская реплика этого портрета, с некоторыми вариантами в туалете, принадлежащая Е. А. Розенмайер, дочери старшего сына Пушкина — Александра Александровича, находится за границей и была репродуцирована в книге М. Л. Гофмана и Сергея Лифаря «Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание 1837—1937». Париж. 1936. Аннотирован этот портрет как работа К. Брюллова, по ошибке, ставшей традиционной. См. названную книгу Беляева, стр. 52.

Существовала и третья реплика этого портрета (см. названную книгу Беляева, стр. 52).

³ Портрет маслом И. П. Макарова, 1848 г. (с фальшивой подписью «Pipx. Neff. 1856»), из собр. Пушкинского Дома, репродуцирован в названном «Альбоме Пушкинской выставки», табл. 14 и в названном томе Пушкина (№ 6).

⁴ Ср., например, с зарисовками Пушкиным жены на полях первой страницы черновика «Медного всадника» в тетради № 2374, л. 7 об. — в изд. «Рукописи Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг.». Под редакцией С. М. Бонди. Гослитиздат, 1939, Фототипии, стр. 16.

в нашей литографии, Пушкин стал иногда звать жену мадонной: «J'épouse une madonne louche et gousse»¹, писал он Е. М. Хитровой²; «Свадьба Пушкина не состоялась», сообщал поэт Языков московский слух брату: «его мадонна выходит за князя Давыдова»³. «Жену свою Пушкин иногда звал: моя косая мадонна. У нее глаза были несколько вкось», — рассказывали Вяземские⁴; вскоре после женитьбы Пушкина передавали его слова: «Я женился, чтобы иметь дома свою мадонну»⁵.

Те же намеки видим мы в словах Пушкина жене: «Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc.»⁶.

Перечитывая сонет Пушкина, мы убеждаемся, что ряд деталей, описанных в стихотворении, имеется в картине:

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали кроткие, во славе и в лучах.

Конечно, серьезность мадонны может быть названа «величием», а недетское выражение лица младенца — «разумом»; нимб мадонны назван — славой, описано сияние лучей вокруг головы младенца. Но на литографии нет одной существенной детали, подчеркнутой в стихах, — «под пальмою Сиона».

Пушкин был исключительно точен, и мы решительно отвергаем гипотезу, что «пальма Сиона» — поэтическое дополнение; стих так лаконичен и прост, что производит впечатление непосредственного делового описания:

Одни без ангелов, под пальмою Сиона.

Поколенная фигура сидящей мадонны с младенцем (в пределах литографии) настолько вписана в лист, что допустить, что на очень ограниченном фоне помещалась пальма, которую Безлюдный просто не изобразил, — трудно; вероятнее кажется предположение, что литограф сделал лишь центральный фрагмент картины, сократив ее за счет пейзажа.

¹ Перевод: Я женюсь на косой и рыжей мадонне.

² «Пушкин». Летописи Государственного Литературного музея. Книга первая. 1936, стр. 560.

³ Садовников Д. Н. «Отзывы современников о Пушкине» — «Исторический вестник», 1883, декабрь, стр. 530.

⁴ «Русский Архив», 1888, № 7, стр. 311.

⁵ «Из письма П. М. де-Роберти к Ф. Н. Глинке. 8 апреля 1831. Москва», Сообщ. А. К. Горский — «Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, 1913, стр. 265.

⁶ Письмо Пушкина к жене от конца сентября 1832 г.

Теперь перед нами возникает новая задача — найти ту итальянскую картину, которую мы знаем по сонету Пушкина «Мадона», по его письму к невесте (см. выше) и по здесь воспроизводимой литографии Безлюдного; для поисков картины к литографии должны быть сделаны поправки: фигура мадонны должна быть повернута в другую сторону; вероятно, вокруг фигуры, которая могла быть в рост, должно быть больше пространства и должен быть пейзаж с пальмой¹.

6. Эпиграмма «Седой Свистов...»

В «Северных Цветах на 1830 год», вышедших в свет в 20-х числах декабря 1829 г., была напечатана эпиграмма:

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
 Пора, пора! сложи с себя венец:
 Питомец твой молодой, цветущий, здоровый,
 Тебя сменит, великий наш певец!
 Се: внемлет мне маститый собеседник,
 Свершается судьбины произвол,
 Является молодой его наследник:
 Свистов II вступает на престол!

Эпиграмма подписана «Арз.», т. е. «Арзамасец». Долго оставалось невскрытым, что автором этой эпиграммы является Пушкин, и ни в одно из изданий собрания сочинений Пушкина, кончая изданием 1903—1906 г. «Просвещения» под ред. Морозова и изданием Суворина 1903—1905 г. под ред. Ефремова, эпиграмма не включалась.

Между тем в «Материалах для Словаря псевдонимов С Железняка (С. И. Пономарева), напечатанных в «Календаре Суворина» на 1881 год, стр. 282, указано: «Арз. (Арзамасец)—А. С. Пушкин». А в «Опыте словаря псевдонимов русских писателей» 1891 г. В. С. Карцова и М. Н. Мазаева указано: «„Арз.“ («Северные Цветы», 1830 г.) А. С. Пушкин». Ни Пономарев, ни Карцов и Мазаев мотивировки раскрытия псевдонима не дали.

Принадлежность Пушкину эпиграммы доказывал Н. О. Лернер в заметке «Стихотворение Пушкина» в «Речи», 1910, № 52 от 22 февраля². Окончательно вопрос о принадлежности эпи-

¹ В фондах Музея изобразительных искусств в Москве такой картины нет и не было. Выражаю благодарность В. Н. Вольской за эту справку.

² Замечка перепечатана в V т. Собрания сочинений Пушкина под ред. Венгерова (1911, стр. XLVII—XLIX). В несколько дополненном виде статья была напечатана в «Заметках о Пушкине» Лернера, в изд. «Пушкин и его современники», вып. XVI, 1913, стр. 30—37.

граммы Пушкину был решен свидетельством самого Пушкина. В одном из списков его стихотворений¹, составленном поэтом в основной своей части в 1830 г. для третьей части «Стихотворений А. Пушкина»², имеется запись «Седой Хв.», т. е. первые два слова эпиграммы, с раскрытием печатного «Свистова» — «Хвостовым».

По вопросу о времени написания эпиграммы Лернер в своей заметке, напечатанной в «Речи», высказывался, что эпиграмма «по всей вероятности юношеская». Несмотря на это, С. А. Венгеров в собрании сочинений Пушкина, вышедших под его редакцией, совершенно правильно поместил эпиграмму среди стихотворений 1829 г. в примечаниях, в т. V, стр. XLVII. Тут же, на следующей странице, Лернер повторил сказанное в «Речи», что эпиграмма «по всей вероятности юношеская», что «и по содержанию интересующей нас эпиграммы, и по имени Свистова, и по подписи ясно, что это стихотворение относится ко временам «Арзамаса» и представляет собою один из следов его деятельности». В заметке, напечатанной Лернером в издании «Пушкин и его современники», названной уже «Арзамасская эпиграмма», он повторил это утверждение.

С Лернером не согласились редакторы последующих изданий³, в которых эпиграмма помещена среди стихотворений 1829 г.

Местонахождение записи: «Седой Хв<остов>» в указанном списке среди стихотворений осени 1829 г.⁴ очень убедительно свидетельствует, что эпиграмма написана в это время. Это подтверждается и тем обстоятельством, что ни в одном из списков стихотворений, составлявшихся Пушкиным для сбор-

¹ Этот список опубликован впервые П. О. Морозовым в изд. «Пушкин и его современники», вып. XVI, 1913, стр. 116—120.

² См. Томашевский, Б. В., «Пушкин», Л., 1925, стр. 114—115, и сб. «Рукою Пушкина», 1935, стр. 256—260.

³ Брюсов в собрании сочинений Пушкина изд. Госиздата, 1919 г., поместил эпиграмму среди стихотворений 1830 г. с заглавием «Арзамасская эпиграмма», может быть, по рассеянности приняв заглавие заметки Лернера за Пушкинское, а в примечании к эпиграмме писал: «Судя по заглавию и по слогу, написано много раньше, может быть еще в лице» (стр. 337).

⁴ 2 ноября <«Зима, что делать нам в деревне»>.

Олегов щит

Счастлив ты <«Счастлив ты в прелестных дурах»>.

Под Ижоры <«Подъезжая под Ижоры»>.

Седой Хв<остов>.

Зимнее утро

Зимн. вечер

ников «Стихотворения А. Пушкина», изд. 1826 г., и «Стихотворения А. Пушкина», изд. 1829 г., части первая и вторая, этой эпиграммы не имеется.

Что касается разбираемого списка, то в нем нет ни одной ранней вещи¹. Мало вероятно предполагать, что Пушкин только в 1829 году вспомнил о своей ранней вещи и почему-то отдал ее в печать, не говоря уже о том, что эпиграмма не может разить какого-то врага чуть ли не через пятнадцать лет.

До сих пор остается невыясненным, кто же этот враг. Лернер в указанных статьях писал: «Кого разумел поэт под именем наследника Хвостова, мудрено сказать: и в ту эпоху, как всегда, много было стихотворцев, достойных венца Хвостова».

Мне кажется, что эпиграмма направлена против Н. И. Надеждина.

Он выступил дебютантом и как критик и как поэт-переводчик со второй половины 1828 г. В своих грубейших и пошлейших статьях о «Графе Нулине» и «Полтаве»² Надеждин позволил себе оскорбительно глумиться над Пушкиным. Сам в то же время поместил в «Русском Зрителе»³ перевод одиннадцати «Гимнов Орфея». О том, что представляют собою эти переводы, можно судить хотя бы по трем из них:

ВОСКУРЕНИЕ ПРИРОДЕ⁴

Ароматы

О всехудожная мать, благая богиня, Природа,
Живоначальный, верховный, вседейственный демон, царица,
Всеодержащая, неодолимая, кормчий всезрящий,
Всесоудержица, первоверховная, чтимая всеми,
Первенец вечности вечный, мать славная славных издревле,
Несни сопутница дивная, светлая, полная таинств,
Мирно текущая в присном безмолвии тихой стопою,
Чионачальница горных святая, конец бесконечный,
Общая всем и едина общения чуждая вечно,
Самоотец, без отца, мощь всюду точащая радость,
Цвет присноюный, ум горный, любви всепрягающий узел.
Вождь всех, глава всех, всем пищу и жизнь подающая дева,

¹ В списке имеется «Каверину, 1817», т. е. напечатанная именно под таким заглавием в «Московском Вестнике» (1828), переработанная редакция лицейского стихотворения.

² «Вестник Европы», 1829, №№ 3, 8 и 9.

³ Ч. 5, № 17—20 (ценз. разр. 2 мая 1829 г.). Вышел около 26 июня 1829 г. Имеющаяся под текстом Гимнов подпись Н. Н. раскрыта в оглавлении: Н. И. Надеждин.

⁴ Там же, стр. 147—148. Опускаем примечания Надеждина к его переводам: к «Воскурению природы». Их — 19.

Самозаконная правда, Харит всеименная прелесть,
 Власть предержавшая небо и землю и бездны морские,
 Злым нестерпимая торечь, покорным премирная сладость,
 Всераздающая мудрость, всецарственный домовладыка,
 Тук и масть спеющей жизни, всеразрешитель созревшей,
 Ты всех отец, всех и мать, всех нежный водитель и пестун,
 Всеродотворная благодсть, всеплодный во время дух жизни,
 Зодчий всехитрый, всеобразующий, демон державный,
 Вечный вседвижитель, многосоветный, всеведущий разум,
 Вихрями бурными присноклубящая ток быстротечный,
 Всеувлекающая и всеобращающая преобразительная длань,
 Дивно-престольная, вечных судеб непреложный свершитель,
 Мощная, грозная, первовладычица скиптрдержавных,
 Всенизлагающий, неумолимый рок, дышущий пламень,
 Неистощимая жизни пучина, негибнущий промысл;
 Всё принадлежит тебе: ибо ты одна всё устрояешь:
 И, в благодатный сей час, тебя, о богиня! молю я
 Здравие, мир и преспеянье ниспосылать всем обильно!

ВОСКУРЕНИЕ ПРОТОГОНУ¹

С м и р а

О Протогон! двоесущный, великий эфиروبегный,
 Ялицеродный, крилами златыми носимый! тебя призываю!
 Вологласный, и смертных и бессмертных начало,
 Свет препрославленный, всепоклоняемый Ирикасон,
 Неизреченный, таинственный, звукородитель, цвет яркий,
 Мрачную мглу разгоняющий присно-златыми очами,
 Всюду парящий на быстрых крилах по обителям мира,
 Девственный свет мня! И по сему я тебя величаю Фанисом,
 Круглооким Антавгисом, царедержавным Приапом!
 Сниди ж днесь, мудрый, благий, животворный, к нам радостотворно
 На совершение таинств всепразднственных, дивных, священных!

ГИМН ГЕКАТЕ²

Славлю Гекату драгую, путей и распутий царицу,
 Горную, дольную моредержавную, лепозлатую,
 Мирных подругу гробов, сликовательница душ усопших,
 Рьяную, любопустынную, страстную к быстрым еленям,
 Мракодружную ловчую, властную неодолимо,
 Волоносимую, ключехранительницу всего мира,
 Деволюбивую деву, царственную гор подругу!
 О! соприсутствуй молящихся священнодействию, дева!
 Пастыря дух исполняя чистым веселием присно!

¹ «Русский Зритель», 1829, ч. V, № 17—20, стр. 155—156.

² Там же, стр. 158.

Трудно заставить себя прочитать эти косноязычные гекзамеры Надеждина. Ничего не понимая в этом размере — богатейшем и музыкальнейшем у таких мастеров гекзаметра, как Жуковский, Гнедич или Дельвиг, — Надеждин совершенно беспомощен здесь; он не справляется даже с расстановкой слов, проглатывая в неударных слогах ответственные односложные существительные и ставя искусственные ударения на словах. Впечатление искусственности производят такие словообразования Надеждина, как всехудожная, всеодержажая, всеспрягающий, всеородотворная, эфиробежный, радостотворно, сликовательница.

Эти переводы Надеждина Н. А. Полевой назвал «виршами», «совершенно Тредьяковского стихам подобными»¹. Пушкин же удостоил их эпиграммой «Седой Свистов! ты царствовал со славой».

Совершенно ясно, почему Пушкин в «Северных Цветах» не поставил своей фамилии под эпиграммой: в той же книжке он поместил другую эпиграмму на Надеждина — «Мальчишка Фебу гимн поднес» — со своей полной подписью. «Арзамасцем» Пушкин назвал себя как автора этой эпиграммы потому, что в ней использован образ первого «маститого собеседника» (т. е. члена «Беседы») Хвостова — главной мишени многочисленных эпиграмм и пародий арзамасцев.

7. «Новоселье»

Благословляю новоселье.
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Это стихотворение было напечатано впервые в альманахе «Сиротка» на 1831 г., а затем включено Пушкиным в его сборник стихотворений, изд. 1832 г., где помещено среди стихотворений 1830 года.

В белой рукописи стихотворение, кроме заглавия «Ново-

¹ Заметка «Литературная задача» за подписью «Трофим Трандафель» в «Московском Телеграфе», 1829, № 14 (июль), стр. 258.

селье», имеет подзаголовок «К **», а под текстом дату: «1830. Москва». Нигде у Пушкина ничего наводящего на раскрытие двух звездочек, скрывающих фамилию, нет. Ни в посмертном издании собрания сочинений Пушкина, ни в издании под редакцией Анненкова, ни в изданиях под редакцией Геннади адресат стихотворения не раскрыт. Первый, кто указал, кого поздравлял Пушкин с новосельем, был Ефремов, который в своем первом издании собрания сочинений Пушкина, как он часто это делал, не приводя никаких доказательств, заявил, что «стихи относятся к Павлу Воиновичу Нащокину»¹. Вслед за Ефремовым все редакторы и комментаторы по «традиции» повторяли это, как я теперь убедился, неверное, голословное утверждение Ефремова. Больше того, в словах (в 5-м стихе) стихотворения «домик малый» и даже в словах «домашний свой кумир» комментаторы видели указание на пресловутый игрушечный «Нащокинский домик». Всё это, конечно, недоразумение. «Домашний свой кумир» — это просто аллегория в классическом стиле, синоним «пенатов» и больше ничего. «Домик малый» — это не игрушечный домик, а настоящий домособняк, в который переселился адресат.

Характеристика последнего в стихотворении никак не вяжется с П. В. Нащокиным. Это человек, занимающийся «свободным трудом», чуждый «лени вялой». Сказать о Нащокине, что он занимается каким-то «трудом», Пушкин, да и никто из знавших Павла Воиновича, конечно, не мог. Адресат стихотворения, несомненно, — человек, занимающийся дома, писатель, ученый.

Оборотистый, прекрасно устраивавший свои дела М. П. Погодин 29 апреля 1830 г. подробно рассказывал в письме к С. П. Шевыреву, как он приобрел дом.

«Поздравь меня на новоселье, любезный Степан Петрович, — писал Погодин. — Я купил дом и совсем уже в него перебрался и разобрался, и пишу теперь к тебе с высокого Парнаса, с которого виды на несколько верст кругом. Приезжай: кабинет для тебя — чудо! Не знаю, как удастся мне эта спекуляция. Вот в чем дело. Дом на прекрасном месте (князя Тюфякина, где был пансион Черне), на стрелке четырех улиц (двух частей Мясницкой, переулка Златоустовского и Лубянского), большой, каменный, с верными жильцами. Указал мне его мой приятель, Юрцовский, кондитер и любитель литературы. Я тотчас отнесся к князю, который живет в Париже, и он, не получая никакого дохода от дурного управления, согласился при посредстве Новосильцовых уступить мне его за 30 000 р., между тем как в дому несгораемого материала, камня, земли и железа, больше этой суммы. Я положил своих 14 000 р. и 17 000 занял (12 у Геништы и 5 у дядина знакомого), предполагая заложить дом в Комиссии Строений и

¹ «Сочинения Пушкина», изд. Исакова, т. II, 1880, стр. 432.

пять оттуда тысяч 15 без процентов на 15 лет для заплаты долга. Такие ссуды Комиссия делает по своему постановлению, на которое твердо надеюсь, я и решился занять. Поправок немедленных дом требует немного, а по времени, собирая с жильцов и из собственных доходов, можно всё отделать. Пансионеров у меня теперь 12, кои платят по 1500, 1200 и 800 рубл. Теперь, при большем месте, и еще возьму. Отдавать в наймы буду бель-этаж и несколько комнат во флигелях. Устроивши всё это, я успокоюсь: что со мной ни сделалось бы, у семейства моего всегда будет насыщенный хлеб. Если б я и сию минуту умер, то зять и брат легко, по верному предначертанному плану, могут кончить начатое. В своем мезонине я теперь царь: ни один звук до меня не доходит, и я, окруженный книгами, имея пред глазами живые картины, занимаюсь властью. Дай бог силы и здоровья!»¹

Во время своего пребывания в Москве с 12 марта по 14—16 июля 1830 г. Пушкин тесно общался с Погодиным, о чем свидетельствуют двенадцать записок поэта к последнему за эти месяцы. Первая из них: «Пушкин приходил поздравить Вас с новоселием» и позволяет, мне кажется, без колебаний считать стихотворение «Новоселье» адресованным Погодину.

Смущаться тем обстоятельством, что купленный Погодиным дом был большой, а Пушкин в стихотворении говорит о «домике малом», не приходится. По праву поэта Пушкин, конечно, мог назвать «домиком малым» мезонин, в котором поселился Погодин и в котором он, по его словам, как бы повторяющим слова Пушкина о «свободном труде и сладком мире», может «заниматься властью».

8. «Раевский, молодец прежний»

Раевский, молодец прежний,
 А там уже отважный сын,
 И Пушкин, школьник неприлежный
 Парнасских девственниц-богинь,
 К тебе, Жуковский, заезжали,
 Но к неописанной печали
 Поэта дома не нашли —
 И, увенчавшись кипарисом,
 С французской повестью Б о р и с о м
 Домой уныло побрели.
 Какой святой, какая сводня
 Сведет Жуковского со мной?
 Скажи — не будешь ли сегодня
 С Карамзиным, с Карамзиной?
 На всякий случай — ожидаю,
 Тронися просьбою моей,

¹ «Русский Архив», 1882, III, № 6, стр. 144—145.

Тебя зовет на чашку чаю
 Раевский — слава наших дней.

В этой стихотворной записке, оставленной Пушкиным Жуковскому и сохранившейся в автографе, Пушкин использовал стихи, посвященные Н. Н. Раевскому-старшему в «Певце во стане русских воинов». Последний стих записки «Раевский, слава наших дней» — первый стих куплета, посвященного Раевскому в «Певце» Жуковского. Этот стих Пушкин, может быть по рассеянности, не подчеркнул, как он это сделал со словами: «молоденец» и «отважный сын» в первом и втором стихах.

Эти стихи до сих пор оставались необъясненными. Действительно, что значат слова:

Раевский, молоденец прежний,
 А там уже отважный сын?

Смысл этих стихов раскрывается историей печатного текста «Певца во стане русских воинов». Впервые это стихотворение было напечатано в № 23-24 «Вестника Европы» за 1812 г. Здесь (стр. 182) текст стихов о Раевском такой:

Раевский, слава наших дней,
 Хвала! перед рядами
 Он первый грудь против мечей
 С младенцами сынами!

В первом, втором и в третьем (с нотами музыки Бортнянского) отдельных изданиях 1813 г. «Певца» текст такой же, но в первом издании собрания стихотворений Жуковского, в «Стихотворениях Василия Жуковского» (ч. I, 1815) последний стих изменен: вместо «С младенцами сынами!» здесь стоит: «С отважными сынами!»

Пушкин, прочитавший «Певца» Жуковского, конечно, сейчас же по получении в лицее номера «Вестника Европы», запомнил текст. В ноябре 1815 г. Пушкин получил от самого Жуковского в подарок первую часть его «Стихотворений», где и заметил указанное разночтение, остроумно использовав его через четыре года в записке-экспромте.

9. Эпиграмма на Хвостова «Сожаленье не поможет»

В берлинском сборнике 1861 г. Н. В. Гербеля «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», среди эпиграмм, оказавшихся впоследствии не пушкинскими, была напечатана (на стр. 110) и такая:

Хоть участие не поможет,
 Всё ж мне жаль, что граф Хвостов
 Удержат в себе не может
 Ни у... ни стихов.

О происхождении эпиграммы в примечании (стр. 234—235) сказано: «Кто не слышал о графе Димитрии Ивановиче Хвостове, этом втором Тредьяковском, о его страсти к стихотворству и жажде известности? Экспромт этот сказан Пушкиным на одном литературном вечере, когда Хвостов после чтения своих стихов вышел помочиться». Как впоследствии сообщил Ефремов, источником текста для публикации Гербеля послужила копия в рукописном сборнике, бывшем у Ефремова¹.

Через два года, в 1863 г., В. П. Гаевский в своей статье «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения» («Современник». 1863, № 8, стр. 359), приведя стихи о Свистове из стихотворения «Городок», писал: «Эти строки напоминают нам неверно напечатанную в берлинском издании 1861 г. «Стихотворений» Пушкина (стр. 110) эпиграмму его на Хвостова, у которого стихотворство было не единственною слабостью:

Сожаленье не поможет...»²

В собрание сочинений Пушкина эпиграмма введена в томе примечаний издания Суворина под ред. Ефремова (т. VIII, 1905, стр. 112), в издании под ред. Венгерова (т. I, 1907, стр. 559) с пометой: «Приписывается Пушкину», в издании Госиздата 1919 г. под ред. Брюсова (т. I, ч. 1, стр. 135) в разделе «Стихотворений, принадлежность которых Пушкину не доказана или сомнительна (dubia). 1817—1819 г.», во всех изданиях ГИХЛ шеститомного собрания сочинений Пушкина и в обоих изданиях «Academia» в разделе «dubia».

«Трудно, конечно, — писал Лернер, — поручиться за принадлежность ее Пушкину, но и безусловно отвергнуть его авторство нельзя»³.

Как оказывается, нужно безусловно отвергнуть авторство Пушкина, потому что вот какое сообщение имеется в неопубликованной автобиографии небезызвестного в свое время писателя Ник. Вас. Сушкова (1796—1871):

¹ Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова, изд. Суворина, т. VIII, 1905, стр. 112.

² Приведен весь текст, в котором стихи 2—4 такие же, как в публикации Гербеля.

³ Пушкин, Собрание соч. под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз-Ефрон, т. II, 1908, стр. 536.

«Четвертый мой брат Александр¹ не писал стихов, а сказал однажды экспромтом эпиграмму на графа Хвостова, глядя на его частое удаление за куртины в Летнем саду:

Хоть участие не поможет²

Эта шутка скоро разнеслась по Петербургу и ее приписывали даже Пушкину³.

У нас нет никаких оснований сомневаться в правдивости этого свидетельства, почему эпиграмма и не включена нами в Академическое издание Собрания сочинений Пушкина и не должна впредь включаться в его собрания сочинений.

М. А. Цявловский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА

В 1946 году в Париже вышла в свет двухтомная биография Пушкина, принадлежащая перу автора ряда французских романов и книги о Достоевском Анри Труайя (Henri Troyat. «Pouchkine», Editions Albin Michel, Paris, т. I — 465 стр., т. II — 499 стр.). Книга Труайя, несомненно, значительное явление не только в истории освоения Пушкина Францией, но и вообще зарубежной пушкинианы. Биография, написанная Труайя, владеющим русским языком и в общем неплохо знающим пушкиноведческую литературу на русском языке, заслуживает специального подробного разбора.

Далекая по содержанию и тону от научной биографии великого поэта, работа Труайя в живом художественном изложении знакомит читателя с жизнью Пушкина, давая образ его как человека и поэта. Ни политической биографии Пушкина, ни историко-литературной интерпретации его творчества Труайя не дает. Всё это совершенно вне поля его зрения. И тем не менее, несмотря на это и на ряд разного рода промахов, недостатков, ошибочных утверждений и ложных концепций, книга Труайя проникнута чувством глубокого восхищения и даже благоговения перед нашим великим поэтом. Книга дает французскому читателю такое представление о Пушкине, какого он

¹ А. В. Сушков, родившийся в 1790 г., умер 17 апреля 1831 г.

² Приведены все четыре стиха, причем ст. 2 читается: «Но мне жаль, что граф Хвостов».

³ Автобиография Н. В. Сушкова в его архиве, хранящемся во Всесоюзной Библиотеке СССР им. Ленина (№ 1356, л. 23 об.).

не найдет ни в одной из работ о великом поэте, вышедших за пределами России.

Но русскому читателю книга Труайя интересна главным образом публикацией новых материалов, относящихся к Пушкину. Все перепечатаваемые ниже письма и отрывки из писем найдены Труайя в архиве барона Геккерена Дантеса. Среди них первое место занимают два письма Дантеса Геккерена к своему приемному отцу, голландскому посланнику, барону Луи Геккерену. Оба письма написаны из Петербурга за границу, где в это время проживал посланник. Текст первого письма такой:

«Petersbourg, le 20 janvier 1836.

Mon très cher ami,

Je suis vraiment coupable de n'avoir pas répondu de suite aux deux bonnes et amusantes lettres que tu m'as écrites, mais, vois-tu, la nuit à danser, la matinée au manège, et l'après-midi à dormir, voilà mon existence depuis quinze jours, et j'en ai encore au moins autant en perspective, et ce qui est pire que tout ceci c'est que je suis amoureux fou! Oui, fou, car je ne sais où donner de la tête, je ne te la nommerai pas, parce qu'une lettre peut se perdre, mais rappelle-toi la plus délicieuse créature de Pétersbourg et tu sauras son nom. Et, ce qu'il y a de plus horrible dans ma position, c'est qu'elle aussi m'aime et nous ne pouvons pas nous voir, chose impossible jusqu'à présent, car le mari est d'une jalousie révoltante: je te confie cela, mon bien cher, comme à mon meilleur ami, et parce que je sais que tu prendras part à mon chagrin, mais au nom de Dieu, pas un mot à personne, ni aucune information pour savoir à qui je fais la cour, tu la perdrais sans le vouloir et moi je serais inconsolable. Car, vois-tu, je ferais tout au monde pour elle, seulement pour lui faire plaisir, car la vie que je mène depuis quelque temps est un supplice de tous les moments. S'aimer et ne pouvoir se le dire qu'entre deux ritournelles de contredanse est une chose affreuse: j'ai peut-être tort de te confier tout cela et tu le traiteras de bêtises, mais j'ai le coeur si gros et si plein que j'ai besoin de m'épancher un peu. Je suis sûr que tu me pardonneras cette folie, je conviens que c'en est une, mais il m'est impossible de me raisonner, quoique j'en ai bien besoin, car cet amour empoisonne mon existence; mais rassure-toi, je suis prudent et je l'ai été tellement jusqu'à présent que le secret n'appartient qu'à elle et à moi (elle porte le même nom que la dame qui t'écrivait à mon sujet qu'elle était au désespoir, mais que la peste et la famine avaient ruiné ses

villages); tu dois comprendre maintenant s'il est possible de perdre la raison pour une pareille créature, surtout lorsqu'elle vous aime! Je te le répète encore, pas un seul mot à Broge [ou Brage?], parce qu'il est en correspondance avec Pétersbourg et il suffirait d'une indication de sa part à son épouse pour nous perdre tous les deux! Car Dieu seul sait ce qui pourrait arriver: aussi mon très cher ami, les quatre mois que nous devons encore passer loin l'un de l'autre me paraîtront des siècles, car dans ma position l'on a absolument besoin de quelqu'un qu'on aime pour pouvoir lui ouvrir son coeur et lui demander du courage. Voilà pourquoi j'ai mauvaise mine, car sans cela jamais de la vie je me suis mieux porté physiquement que maintenant, mais j'ai la tête tellement montée que je n'ai plus un instant de repos ni nuit ni jour, c'est ce qui me donne un air malade et triste, et non pas ma santé... Adieu, mon bien cher, sois indulgent pour ma nouvelle passion, car je t'aime aussi du fond du coeur»¹.

Перевод:

Петербург, 20 января 1836.

«Дорогой друг мой,

Я действительно виноват, что не ответил сразу на два добрых и забавных письма, которые ты мне написал, но, видишь ли, ночью танцуешь, утром в манеже, днем спишь, вот моя жизнь последних двух недель, и предстоит еще столько же, но что хуже всего, это то, что я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видиться до сих пор, так как муж бешено ревнив: поверяю тебе это, дорогой мой, как лучшему другу, и потому что я знаю, что ты примешь участие в моей печали, не ради бога ни слова никому, никаких попыток разузнавать, за кем я ухаживаю, ты ее погубишь, не желая того, а я буду безутешен. Потому что, видишь ли, я бы сделал всё на свете для нее, только чтобы ей доставить удовольствие, потому что жизнь, которую я веду последнее время, — это пытка ежеминутная. Любить друг друга и иметь возможность сказать об этом лишь между двумя ритуриналями кадрили — это ужасно: я, может быть, напрасно поверяю тебе всё это, и ты сочтешь это за глупости; но такая тоска в душе, сердце так переполнено, что мне необходимо излиться хоть немного. Я уверен, что ты простишь мне это безрассудство, я согласен, что это так; но я не способен рассуждать, хотя мне это было бы очень нужно, потому что эта любовь отравляет мне существование; но будь покоен, я осторожен и я был осторожен до такой степени, что до сих пор тайна принадлежит только ей и мне (она носит то же имя, как та дама, которая писала тебе обо мне, что она была в отчаянии, потому что чума и голод разорили ее деревни); ты должен теперь понять, что можно потерять рассудок от подобного существа, особенно когда она тебя любит! Повторяю тебе еще раз—ни слова Брогу [или Брагу?], по-

¹ Указ. соч., т. II. стр. 356—357.

тому что он переписывается с Петербургом, и достаточно одного его сообщения супруге, чтобы погубить нас обоих! Потому что один бог знает, что может случиться: еще дорогой друг мой, четыре месяца, которые мы должны провести вдвоем один от другого, покажутся мне веками, потому что в моем положении необходимо быть с кем-нибудь, кого любишь, чтобы иметь возможность открывать ему свое сердце и трогать у него поддержки. Вот почему у меня скверный вид, потому что, помимо этого, никогда в жизни я себя лучше не чувствовал физически, чем теперь, но у меня так возбуждена голова, что я не имею минуты покоя ни ночью, ни днем; это-то мне и придает большой и грустный вид, а не здоровье... До свиданья, дорогой мой, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца».

Второе письмо такого содержания:

«Petersbourg, le 14 février 1836.

Mon cher ami, voilà le carnaval fini, et avec lui une partie de mes tourments; vraiment, je crois que je suis un peu plus tranquille depuis que je ne la vois plus tous les jours; et puis, tout le monde ne peut plus venir lui prendre la main, la taille, danser et causer avec elle comme je le fais, moi; et cela encore mieux que moi, parce qu'ils ont la conscience plus nette. C'est bête à dire, et il se trouve, chose que je n'aurais jamais cru, que c'est de la jalousie que je me trouvais continuellement dans un état d'irritation qui me rendait si malheureux. Et puis, nous avons eu une explication, la dernière fois que je l'ai vue, qui a été terrible, mais qui m'a fait du bien. Cette femme, à laquelle généralement on suppose peu d'esprit, je ne sais pas si l'amour en donne, mais il est impossible de mettre plus de tact, de grâce et d'esprit qu'elle n'en mit dans cette conversation, et elle était difficile à soutenir, car il s'agissait rien moins que de refuser à un homme qu'elle aime et qui l'adore de violer ses devoirs pour lui; elle m'a dépeint sa position avec tant d'abandons, m'a demandé grâce avec tant de naïveté, que vraiment j'ai été vaincu, et je n'ai pas trouvé un mot pour lui répondre. Si tu savais comme elle me consolait, car elle voyait bien que j'étouffais et que ma position était affreuse, et quand elle m'a dit: je vous aime comme je n'ai jamais aimé, mais ne me demandez jamais plus que mon coeur, car tout le reste ne m'appartient pas et je ne puis être heureuse qu'en respectant tous mes devoirs, plaignez-moi et aimez-moi toujours comme vous le faites maintenant, mon amour sera votre récompense; mais, vois-tu, je crois que je serais tombé à ses pieds pour les lui baiser si j'avais été seul, et je t'assure que, depuis ce jour, mon amour a encore augmenté pour elle, mais ce n'est plus la même chose maintenant: je la vénère, je la respecte, comme on vénère et respecte un être

auquel toute votre existence est attachée. Mais pardon, mon bien cher ami, je commence ma lettre par te parler d'elle: mais elle et moi nous ne faisons qu'un, car t'en parler c'est aussi te parler de moi, et tu me reproches dans toutes tes lettres de ne pas assez m'étendre sur mon sujet. Moi, comme je le disais, je suis mieux, beaucoup mieux et je recommence à respirer, Dieu merci, car mon supplice était insoutenable: être gai, riant devant le monde, devant les personnes qui me voyaient journellement, tandis que j'avais la mort au coeur, c'est une position affreuse que je ne souhaiterais pas à mon plus cruel ennemi...»¹

Перевод:

Петербург, 14 февраля 1836.

Дорогой друг, вот и масленица прошла, а с ней и часть моих мучений; в самом деле, кажется я стал немного спокойнее с тех пор, как не вижу ее каждый день; и потом всякий не может больше брать ее за руку, за талию, танцевать и говорить с нею, как это делаю я, и спокойнее, чем я, потому что у них совесть чище. Глупо, но оказывается, чему бы я никогда не поверил, что это ревность приводила меня в такое раздраженное состояние и делала меня таким несчастным. И потом, когда я ее видел в последний раз, у нас было объяснение. Оно было ужасно, но облегчило меня. Эта женщина, у которой обычно предполагают мало ума, не знаю, дает ли его любовь, но невозможно внести больше такта, прелести и ума, чем она вложила в этот разговор; а его было очень трудно поддерживать, потому что речь шла об отказе человеку, любимому и обожающему, нарушить ради него свой долг; она описала мне свое положение с такой непосредственностью, так просто, просила у меня прощения, что я в самом деле был побежден и не нашел ни слова, чтобы ей ответить. Если бы ты знал, как она меня утешала, потому что она видела, что я задыхаюсь и что мое положение очень ужасно; а когда она сказала мне: я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что всё остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе чем уважая свой долг, пожалейте меня и любите меня всегда так, как вы любите сейчас, моя любовь будет вашей наградой; право, я упал бы к ее ногам, чтобы их целовать, если б я был один, и уверяю тебя, что с этого дня моя любовь к ней еще возросла, но теперь это не то же самое: я ее уважаю, почитаю, как уважают и почитают существо, к которому вся ваша жизнь привязана. Но прости, мой дорогой друг, я начинаю письмо с того, что говорю о ней; но она и я это нечто единое, и говорить о ней это то же, что говорить обо мне, а ты укоряешь меня во всех письмах, что я недостаточно распространяюсь о себе. Как я уже говорил, я чувствую себя лучше, гораздо лучше, и начинаю дышать, слава богу, поэтому что моя пытка была невыносима; быть веселым, смеющимся из людей, при тех, которые видели меня ежедневно, тогда как я был в отчаянии, это ужасное положение, которого я и врагу не пожелаю...»

В двух неотосланных ноябрьских письмах, а также в своем знаменитом письме от 25 января 1837 г. к Геккерену, послу-

¹ Т. II, стр. 359—360.

жившем поводом к роковой дуэли, Пушкин между прочим писал о «великой и возвышенной страсти» («cette grande et sublimе passion») Дантеса к Наталии Николаевне. Теперь эти слова Пушкина имеют документальное подтверждение. В искренности и глубине чувства Дантеса к Наталии Николаевне на основании приведенных писем, конечно, нельзя сомневаться. Больше того, ответное чувство Наталии Николаевны к Дантесу теперь тоже не может подвергаться никакому сомнению. То, что биографы Пушкина высказывали как предположение, теперь несомненный факт.

Красноречивым дополнением к тому, о чем рассказывает в приведенных письмах Дантес, является запись фрейлины М. К. Мердер (1815—1870), дочери воспитателя будущего императора Александра II, записавшей в своем дневнике под 5 февраля 1836 г.:

«На балу у княгини Бутеро. ...В толпе я заметила д'Антеса, но он меня не видел. Возможно, впрочем, что просто ему было не до того. Мне показалось, что глаза его выражали тревогу, — он искал кого-то взглядом и, внезапно устремившись к одной из дверей, исчез в соседней зале. Через минуту он появился вновь, но уже под руку с г-жею Пушкиной. До моего слуха долетело:

— Уехать — думаете ли вы об этом — я этому не верю — вы этого не намеревались сделать...

Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнения насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, — они безумно влюблены друг в друга! Пробыв на балу не более получаса, мы направились к выходу: барон танцевал мазурку с г-жею Пушкиной. Как счастливы они казались в эту минуту!»¹.

Очень интересно, что подслушанный разговор Дантеса с Натальей Николаевной шел об отъезде ее из Петербурга. Эта тема отъезда Натальи Николаевны, естественно, могла возникнуть в связи с происшедшим объяснением, но никакого отъезда, как известно, не состоялось.

О душевном состоянии, в котором находился Пушкин в эти дни, можно судить по следующим строкам письма Ольги Сергеевны Павлицевой к мужу от 31 января 1836 года: «Я сердита на тебя за то, что ты написал Александру. Это привело только к тому, что у него разлилась желчь: я не помню его в таком отвратительном расположении духа: он до хрипоты кричал, что предпочитает всё отдать, что имеет (включая мо-

¹ «Листки из дневника М. К. Мердер» — «Русская Старина», 1900. август, стр. 383—384.

жет быть и свою жену), чем снова иметь дело с Болдиным, с управляющим, с ломбардом и т. д.».

Через несколько дней после этого письма, 4-го и 5-го февраля у Пушкина происходят столкновения без всякого серьезного повода, грозившие даже дуэлью, с С. С. Хлюстиным и с кн. Н. Г. Репниным.

Мне кажется, теперь не может быть сомнения в том, что это состояние крайнего раздражения Пушкина объясняется тем, что он или знал об объяснении Дантеса с Наталией Николаевной (от нее), или догадывался об этом.

Весьма выразительно характеризуют отношение к Дантесу пресловутой Идалии Полетики, этой, как известно, заядлой противницы Пушкина, два ее письма к Дантесу, когда последний сидел под арестом после убийства поэта.

Вот первое письмо:

«Pauvre ami, votre réclusion me saigne le coeur, je ne sais pas ce que je donnerais pour venir un peu jaser avec vous; il me semble que tout ce qui s'est passé est un rêve, mais un mauvais rêve pour ne pas dire «cauchemar», puisque le résultat est que je suis privée de vous voir... La bonne Catherine me fait une peine affreuse, car le genre de vie qu'elle mène est affreux, elle mérite bien que vous lui fassiez oublier tout cela quand vous serez parti et que sa lune de miel recommencera. Adieu, mon beau et bon prisonnier, je ne désespère pas de vous voir avant votre départ. A vous de tout coeur»¹.

Перевод:

«Бедный друг мой, при мысли о вашем заключении сердце кровью обливается. Не знаю, чего бы я ни дала, чтобы прийти немного поболтать с вами; мне кажется, что всё, что произошло, это сон, но дурной сон, чтобы не сказать «кошмар», так как в результате я лишена возможности вас видеть... Добрейшую Катрин мне ужасно жаль, потому что образ жизни, который она ведет, ужасен; она так заслужила, чтобы вы заставили ее забыть всё это, когда вы уедете и ее медовый месяц возобновится. До свидания, мой прекрасный и милый узник, я не теряю надежды увидеть вас до вашего отъезда. Ваша всем сердцем».

Второе письмо:

«Vous avez le talent de me faire pleurer, mais cette fois-ci, ce sont des larmes qui font du bien, car ce souvenir me touche on ne peut plus, il ne quittera plus mon bras mais je vous en veux, ami, de penser qu'une fois parti, j'oublierai votre existence,

¹ Т. II, стр. 471.

c'est une preuve que vous ne me connaissez pas encore bien, car une fois que j'aime, j'aime bien et pour toujours»¹.

Перевод:

«У вас есть дар заставлять меня плакать, но на этот раз это слезы, которые облегчают, потому что ваш подарок на память меня до нельзя трогает, он больше не покинет моей руки; но я сержусь на вас, друг, за то, что вы думаете, будто стоит вам уехать, и я забуду о вашем существовании; это доказывает, что вы меня еще плохо знаете, потому что если уж я люблю, то люблю крепко и навсегда».

Кроме этих писем к Дантесу Труайя опубликовал еще отрывки из писем той же Полетики к Ек. Ник. Дантес-Геккерен, рожденной Гончаровой.

Так, 3 октября 1837 года Идалия Полетика писала ей:

«Je ne puis vous dire que bien peu de choses en ce qui concerne Nathalie, elle est dans ce moment-ci chez votre mère, puis elle retourne chez votre frère; votre tante va partir dans quelques semaines pour passer une partie de l'hiver avec elle. On prétend qu'elle est toujours très abattue; je voudrais le croire, car d'autres disent qu'elle s'ennuie, qu'il lui tarde de quitter la campagne...»².

Перевод:

«Могу вам сказать очень мало относительно Натали, сейчас она находится у вашей матери, затем вернется к вашему брату; тетка ваша должна уехать через несколько недель, чтобы провести часть зимы с нею. Утверждают, что она всё еще очень угнетена; я хотела бы верить этому, потому что другие говорят, что она скучает, что ей не терпится уехать из деревни...».

Последнее замечание чрезвычайно знаменательно, потому что идет от преданного друга Натальи Николаевны. Впрочем, о том же писал и родной брат ее, Дмитрий, Екатерине Николаевне 14 сентября:

«Ты спрашиваешь меня, как они (сестры) поживают и что делают: живут очень неподвижно, проводят время как могут: понятно, что после жизни в Петербурге, где Натали носили на руках, она не может находить особой прелести в однообразной жизни Завода, и она чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат и не обедать со мною. Какие у нее планы на будущее, не выяснено; это будет зависеть от различных обстоятельств и от добрейшей тетушки...».

Как видим, имя Пушкина даже не упомянуто. Перед нами не вдова, потерявшая мужа, а светская дама, которая хандрит, принужденная жить не в столице, а в усадьбе.

¹ Т. II, стр. 471—472.

² Т. II, стр. 484.

Глубоко враждебное отношение к Пушкину, ни в какой мере не смягченное даже его смертью, ярко выражено в следующем письме Идалии Полетики к Екатерине Николаевне:

«J'ai eu le bonheur de dîner avant-hier avec votre tante; c'est étonnant comme cette femme m'aime, elle grince des dents quand elle doit me dire bonjour; pour moi, je l'honore d'une sublime indifférence, c'est tout ce que je puis faire pour elle. Le beau zèle pour acheter les oeuvres du défunt s'est furieusement ralenti; au lieu de faire cinq cent mille roubles, ils n'en feront pas deux cent mille. C'est toujours comme cela»¹.

Перевод:

«Я имела счастье обедать третьего дня с вашей теткой; удивительно как эта женщина меня любит, она скрежещет зубами, когда должна здороваться со мною. Я же оказываю ей честь великолепным равнодушием, это всё, что я могу сделать для нее. Прекрасное рвение к распространению произведений покойного ужасно замедлилось; вместо того, чтобы принести пятьсот тысяч рублей, они не принесут и двухсот тысяч. Это всегда так бывает».

Неназванная тетка — это фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская, очень любившая Наталью Николаевну и сердечно относившаяся к Пушкину. Последнее и объясняет сильнейшую неприязнь, которую Загряжская и Полетика питали друг к другу.

Замечание о неоправдавшихся надеждах на доход с посмертного издания собрания сочинений Пушкина, которое с таким злорадством сообщает Полетика, соответствовало действительному положению вещей: подписка к ноябрю 1838 года дала лишь немногим больше 262 тысяч валового дохода.

Самое раннее сообщение о приезде Натальи Николаевны из Полотняного Завода в Петербург мы узнаем из публикуемого Труайя отрывка письма гр. А. С. Сиркур, рожденной Хлюстиной, к Екатерине Николаевне. Письмо написано 30 января (н. с.) 1839 года³ из-за границы.

«C'est par la comtesse de M... que j'ai appris le retour de votre soeur dans la capitale, je suis sûre qu'elle se remariera; le

¹ Т. II, стр. 484—485.

² Гос. Литературный музей. Летописи. Книга пятая. Архив опеки, 1939, стр. 160.

³ Письмо датировано 30 января 1838 года, что несомненно является обычной в начале года ошибкой в годе: Наталья Николаевна еще 22 мая 1838 г. писала Виельгорскому из Полотняного Завода. См. названный том «Архива опеки», стр. 287—288.

sort de ses enfants étant impérialement assuré, elle n'a pas l'inconvénient des veuves»¹.

Перевод:

«О возвращении вашей сестры в столицу я узнала через графиню М..., я уверена, что она вновь выйдет замуж; так как ее дети по-царски обеспечены², то у нее нет обычного для вдов затруднения».

О возможном выходе Натальи Николаевны замуж находим любопытное сообщение в письме Плетнева к Гроту от 24 января 1841 года: «Поехал я к Nathalie Пушкиной. Мы просидели одни. Она очень интересна. Я шутя спросил ее: скоро ли она опять выйдет замуж? Она шутя же отвечала, что во 1-х, не пойдет замуж, во 2-х, никто не возьмет ее. Я ей советовал на такой вопрос всегда отвечать чтонибудь одно, ибо при двух таких ответах рождается подозрение в неискренности и советовал держаться второго. Так нет — лучше хочет твердить первое, а в случае отступления сказать, что уж так судьба захотела».

Очень интересно недатированное письмо Идалии Полетики к Екатерине Николаевне, относящееся к концу 1838 — началу 1839 гг.

«Je vois assez souvent vos soeurs chez les Stroganov, mais point chez moi: Nathalie n'a pas le courage de venir chez moi; nous sommes fort bien; elle ne parle jamais du passé: il n'existe pas entre nous deux; donc, tout en étant très amicalement ensemble, nous parlons beaucoup de la pluie et du beau temps, qui, vous le savez, est rare à Saint-Petersbourg... Nathalie est toujours belle, quoiqu'elle ait beaucoup maigri. Il y a des jours surtout où elle a très mauvaise mine et où elle est tout à fait bas; il y a deux jours, par exemple, j'ai dîné avec elle et les Maistre, chez les Stroganov; elle avait des angoisses et paraissait très nerveuse; comme je la questionnais sur son état, elle m'a assuré que cela lui arrivait très souvent. Ses enfants sont bien, les garçons surtout lui ressemblent et seront très beaux, mais la fille aînée est le portrait du père, ce qui est très malheureux»³.

Перевод:

«Я вижу довольно часто ваших сестер у Строгановых, но отнюдь не у себя: Натали не имеет духа притти ко мне; мы с ней очень хороши; она

¹ Т. II, стр. 485.

² Наталья Николаевна получала 5 000 р. пенсии в год и по 1 500 р. на каждого из детей.

³ Т. II, стр. 485—486

никогда не говорит о прошлом: оно не существует между нами; и поэтому, хотя мы с ней в самых дружеских отношениях, мы много говорим о дожде и о хорошей погоде, которая, как вы знаете, редка в Петербурге... Натали всё хороша, хотя очень похудела. Есть дни особенно, когда у нее очень плохой вид и она совсем слаба; два дня назад, например, я обедала с ней и Мэстрами у Строгановых; у нее была тоска, и она казалась очень нервной; когда я расспрашивала ее об ее состоянии, она уверила меня, что это бывает с ней очень часто. Ее дети хороши, мальчики в особенности похожи на нее и будут очень красивы, но старшая дочь — портрет отца; это великое несчастье».

Слова Полетики о том, что Наталья Николаевна «никогда не говорит с ней о прошлом» нам представляются чрезвычайно значительными. Нельзя не согласиться с Труайя, который в этом признании видит новое подтверждение тому, что Идалия Полетика была замешана в событиях, повлекших за собой роковую дуэль («Nouvelle confirmation du fait qu'Idalie Polétika a été intimement mêlée au drame»)¹.

О возвращении Наталии Николаевны к новым успехам в высшем свете говорит письмо к Екатерине Николаевне от 10 апреля 1839 г. Оно написано неизвестной, повидимому из провинции, вероятно близкой знакомой Н. И. Гончаровой, может быть с ее слов. Письмо содержит в себе неизвестные до сих пор подробности появления Наталии Николаевны в придворных кругах.

«Alexandra et Nathalie sont à Pétersbourg, comme vous le savez. Nathalie, comme de raison, a eu de la peine à y retourner; mais la tante protectrice a tout arrangé dans sa tête et quand elle veut une chose, il faut qu'elle se fasse... Nathalie sort peu ou presque pas, n'a pas été à la cour, mais s'est présentée à l'imp., chez la tante, un jour que sa majesté est passée chez elle en allant voir la demoiselle d'honneur Countousoff [sic! М. Ц.] qui loge dans la même maison. L'imp. a été très affable avec Nathalie, a voulu voir tous ses enfants auxquels elle a parlé. C'était la veille du nouvel an. Ce même jour, Alexandra a reçu le chiffre à la prière de la tante protectrice. Alexandra a fait sa première sortie à la cour au matin de Pâques. Elle sort et va quelquefois aux bals, au théâtre, mais Nathalie n'y va point»².

Перевод:

«Александра и Натали в Петербурге, как вы знаете. Натали, естественно, было тяжело возвращаться туда; но тетка покровительница всё решила

¹ Т. II, стр. 485.

² Т. II, стр. 486.

про себя, а когда она чего-нибудь хочет, то это должно совершиться... Натали выходит мало или почти не выходит, при дворе не была, но представилась императрице у тетки, однажды когда ее величество зашла к ней, идя навестить фрейлину Кутузову, которая живет в том же доме. Императрица была очень ласкова с Натали, пожелала посмотреть всех ее детей, с которыми она говорила. Это был канун нового года. В тот же день Александра получила шифр¹ по просьбе тетки покровительницы. Александра сделала свой первый выход ко двору в пасхальное утро. Она выезжает и бывает иногда на балах, в театре, но Натали не ездит туда никогда».

Через два года, 15 января 1841 года, гр. Сиркур пишет из Парижа той же Екатерине Николаевне:

«Tourguéniev est revenu de son long voyage en Russie, il a beaucoup vu vos soeurs; il dit que Nathalie est plus ravissante que jamais et que vos tantes ne sont pas des plus gracieuses»².

Перевод:

«Тургенев вернулся из своего длинного путешествия по России, он часто виделся с вашими сестрами; он говорит, что Натали прелестнее чем когда бы то ни было, а что ваши тетки не из самых милых».

Упоминаемые тетки — всё та же Ек. Ив. Загряжская и сестра ее Соф. Ив. Де-Мэстр.

Отрывки из двух писем голландского посланника Геккерена, опубликованные Труайя, дают новые штрихи для характеристики этого негодяя.

4 марта 1837 года он между прочим писал А. Ф. Орлову:

«Je crains de n'avoir pas suffisamment dissipé tout soupçon à l'égard de M-me Pouchkine, et je me crois obligé de vous affirmer sur l'honneur, que sa liaison avec mon fils ne lui a jamais fait oublier ses devoirs, et qu'elle est restée aussi pure, à cet égard, qu'alors que M. Pouchkine lui donna son nom»³.

Перевод:

«Боюсь, что я недостаточно рассеял всякое подозрение относительно госпожи Пушкиной, и я чувствую себя обязанным под клятвой заявить вам, что ее связь с моим сыном никогда не заставила ее забыть свой долг и что она осталась столь же чиста в этом отношении, как тогда, когда господин Пушкин дал ей свое имя».

Конечно, этим уверениям нельзя придавать никакой цены, ибо ложь — это, можно сказать, и органическое свойство и профессиональная привычка этого аморального человека.

¹ Ал. Ник. Гончарова была пожалована во фрейлины.

² Т. II, стр. 487.

³ Т. II, стр. 474—475.

Эти свойства Геккерена несколько неожиданным образом подтверждаются отрывком из письма французского посла в Петербурге Баранта от 8 октября 1836 года, найденного Труайя в архиве французского министерства иностранных дел. Барант писал:

«Le baron de Heeckeren, Ministre des Pays-Bas, s'entretient assez souvent avec moi de la question belge. Il est un homme d'esprit, prodiguant beaucoup de finesse inutile et dont les paroles ne supposent jamais la moindre sincérité!»¹.

Перевод:

«Барон Геккерен, министр Нидерландов, довольно часто беседует со мною о бельгийском вопросе. Он человек остроумный, прясвляющий много бесполезной тонкости, речи которого никогда не предполагают ни малейшей искренности».

В 1855 году, по получении извещения о пожаловании Дантесу австрийским императором ленты большого креста ордена Почетного легиона, Геккерен, в то время голландский посланник в Вене, писал своему приемному сыну:

«Il y avait une fois trois empereurs et un jeune Français; un des trois puissants monarques chassa le jeune Français de son Empire, et cela au coeur même de l'hiver, dans un traîneau ouvert, et blessé! Les deux autres souverains se chargèrent de venger le Français, l'un le nomma sénateur de son grand Empire, et l'autre le décora de son grand cordon qu'il avait institué lui-même pour le mérite personnel! Voilà l'histoire du soldat ex-Russe, mis à la frontière. Nous sommes vengés, Georges!»²

Перевод:

«Были три императора и один молодой француз; один из могущественных монархов изгнал молодого француза из своего государства, в самый разгар зимы, в открытых санях, раненого! Два другие государя решили отомстить за француза, один назначил его сенатором в своем государстве, другой пожаловал ему ленту большого креста, которую он сам основал за личные заслуги! Вот история бывшего русского солдата, высланного за границу. Мы отомщены, Жорж!».

Так торжествовал по поводу успехов своего любимца старый интриган, которому Дантес был всем обязан в годы своей жизни в Петербурге.

Воистину торжество людей, о которых Гюго писал, что прежде чем стать прахом, они были грязью!

¹ Т. II, стр. 343.

² Т. II, стр. 481—482.

Кроме приведенных нами писем, Труайя опубликовал в своей работе еще ряд писем: два письма Наталии Ивановны Гончаровой к своей дочери Екатерине, первое — от 25 января 1837 года с поздравлением по поводу ее брака с Дантесом, и второе — от 16 ноября 1837 года по поводу рождения у Екатерины дочери; отрывок из письма от 26 декабря 1842 года Дантеса к жене, два письма доктора Веста к Геккерену о предсмертной болезни и о смерти Екатерины Николаевны (15 октября 1843 года).

Щеголев в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина» уделил сравнительно много места письмам, относящимся к семейной жизни Дантеса и его жены. Я считаю, для русского пушкиноведения по меньшей мере излишним заниматься интимной жизнью убийцы Пушкина, почему и не нахожу нужным приводить текст указанных писем, которые не имеют никакого отношения к Пушкину.

Г. Р. Державин

Аристиппова баня

Комментарии С. А. Шахматовой

С. Т. Аксаков в воспоминаниях о знакомстве с Г. Р. Державиным рассказывает, что Державин любил слушать, когда ему читали его драматические сочинения, антологические пьесы и особенно его стихи «эротического рода».

«В первый раз я очень смутился, — вспоминает Аксаков, — когда он приказал мне прочесть, в присутствии молодых девиц, любимую свою пьесу «Аристиппова баня», которая была впоследствии напечатана, но с исключениями. Я остановился и сказал: «не угодно ли ему назначить что-нибудь другое». «Ничего, — возразил, смеясь, Гаврила Романыч: — у девушек уши золотом завешаны» (Сочинения С. Т. Аксакова, изд. т-ва «Просвещение», т. III). «Любимую пьесу» Державин сочинил в 1811 г. 22 июня, в Званке. В первоначальной редакции она названа «Баня». Напечатана была вторая ее редакция, под названием «Аристиппова баня», впервые в «Чтении в Беседе любителей русского слова» 1812 г. (кн. VI, стр. 65) и впоследствии перепечатывалась без изменений во всех изданиях сочинений Державина, как при жизни поэта, так и после его смерти (см. Сочинения Державина, СПб, 1816, т. V, стр. 162—167; 2-е академич. изд. под ред. Я. К. Грота, СПб, 1870, т. III, стр. 63—68; Стихотворения Державина. Издательство писателей в Ленинграде, 1933, стр. 289—292 и 507—508).

Указывая на слова С. Т. Аксакова о том, что «Аристиппова баня» была напечатана «с исключениями», Я. К. Грот свидетельствует, что имел «перед собою как первоначальную рукопись, так и последующие редакции» и что «все изменения», с которыми она напечатана, касаются только формы отдельных выражений и не заключают в себе ничего существенного в отношении к смыслу стихов (Сочинения Державина, СПб, 1870, т. III, стр. 67).

Действительно, «смысл стихов» «Аристипповой бани» отличается от «Бани» лишь тем, что в новой редакции Державин добавил последнюю (12-ю) строфу как медитативное заключение к рассказу об Аристиппе. Но «форма отдельных выражений» изменена поэтом в 80 (из 110) стихах «Аристипповой бани». Это отлично характеризует сложный творческий процесс и основной творческий метод Державина, представителя русского классицизма, стремившегося достигнуть идеала классического искусства, совершенных форм и образов. Искусство пассивного созерцания, пластичность образов, уравновешенная красота в «Аристипповой бане» Державина достигают высочайшего совершенства; поэт добился этого огромной работой над стихом; недаром это стихотворение он назвал своей «любимой пиесой».

Рукопись (автограф) первоначальной редакции «Аристипповой бани» хранится в собрании Я. К. Грота в ИЛИ (б. Пушкинском Доме) Академии Наук СССР. Публикуем ее полностью, с приведением вариантов из последующей печатной редакции (по прижизненному изданию Сочинений Державина, СПб, 1816, т. V, стр. 162—167).

*Первоначальная редакция
(по автографу).*

Редакция в издании 1816 г.

БАНЯ

АРИСТИППОВА БАНЯ

1. Что вы, Аркадские утехи, Темпейский дол, Гесперский Сад, Цитерские игры и смехи И скрытых тысящи прохлад Средь рощ и средь пещер те- нистых, Между цветов и токов чистых, Пред тем, где Аристипп ¹ слы- вет. Что вы? — Дом поли его довольством, Свободой, тишиной, спокой- ством, И всех блаженств он чашу пьет.	1. . . . . Цитерски резвости и смехи . . . . Пред тем, где Аристипп живет. . . . .
2. Жизнь мудрого — жизнь наслажденья	2. . . . .

¹ Аристипп — греческий философ, жил прежде Христа за 400 лет.
(Примечание Г. Державина.)

Всем тем, природа что дает.
Не вешать рук и с попеченья

Не спать в свой век и с
попеченья

Не чахнуть, коль богатства нет;
Уметь и собственным жить
скромно
И с беззаконными законно,
Чтить доблесть и теснить порок;

Знать малым пробавляться
скромно,
Жить с беззаконными законно,
Чтить доблесть, не любить
порок,

Со всеми и везде ужиться,
А только с добрыми дружитья.

Со всеми и всегда ужиться,
Но только с добрыми дру-
житья;

Вот в чем был Аристиппов
толк.

3. Взгляните на него: он в бане.
Се роскоши и вкуса храм!
Лист роз рассыпан на диван;
Как тонкий в облак пар соткан,
Так завес вокруг его сквозится.
Взор всюду из него стремится,
В него ж лишь дуют ветерки;
В книгохранилище и в спальне

3. . . . .
Цвет роз рассыпан на диван;
Как тонка мгла, иль фимиам,
Завеса вокруг его сквозится,
Взор всюду из неё стремится,
В неё ж чуть дует ветерок;
Льет чрез камин, сквозь свод,
в купальню,

Дождь тихий сеется в купальне
Чрез дров пахучих огоньки.

В книгохранилище и спальню,
Огнистый с шумом ручеек.

4. Он моется — и Аппелеса
Картины вокруг его стоят:
Дела в них блещут Геркулеса,
Сократ с улыбкою пьет яд,
Пир шумят Анакреона,
Видна и ссылка Аполлона;
Как в сельской жизни, на полу
Поют с ним Музы на рогоже,
В вертепе ставят Нимфы ложе;
Цветет спокойство по челу.

4. Он нежится — и Аппелеса
. . . . .
Сверкают битвы Геркулеса,
. . . . .
Звучат пиры Анакреона,
. . . . .
Стада пасет как по земле,
Как с музами свирелку ладит,
В румянец роз настушек рядит,
Цветет спокойство на челе.

5. Под рощей миртов, под луною,
На мелком чистом ручейке
Наяды плещутся водою,
Шумят, хохочут вдалеке;
Зефирами их члены мчатся.
А от красот струи златятся

5. Иль мирт под тенью, под
луною,
Он зрит на чистом ручейке
. . . . .
Шумят, — их хохот вдалеке
Погодкою повсюду мчитя,
От тел златых кристалл златится

Г. Р. ДЕРЖАВИН
Гравюра Пожалостина с портрета Боровиковского

В. Нечаев

Батово, усадьба Рылеева

Километрах в тридцати от Ленинграда, в десяти километрах от ст. Сиверской, находится маленькая деревенька Батово, принадлежавшая декабристу К. Ф. Рылееву.

В литературе укрепилось и до самого последнего времени существовало мнение, что это имение было для Рылеева родовым и что он в нем родился¹. «Родовым» оно названо было еще в примечаниях к сочинениям Рылеева, изданным его дочерью в 1872 г., и это, вероятно, и послужило основанием для дальнейших утверждений. Но это верно лишь в том формально-юридическом смысле, что Батово не было Рылеевым «благоприобретено», а досталось по наследству от матери. Но роду последней оно никогда не принадлежало, и сам Кондратий Федорович родиться в нем не мог.

Он родился в 1795 г., деревня же Батово вплоть до 1797 г. принадлежала к казенным землям, входя в состав дворцовой Рождественской волости². В начале 1797 г. она попала в полосу массовой раздачи казенных земель, которая началась с воцарением Павла I. При этом судьба Батова была печальна: при раздаче — «пожаловании душ» — помещикам редко удавалось найти целые деревни, точно отвечающие по количеству населения пожалованным числам, т. е. круглым сотням, и, чтобы достигнуть такого округления,

¹ Это утверждается и в старой монографии о Рылееве В. И. Маслова, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев, 1912, стр. 58, и в изданных Центром. Архивом материалов по истории декабристов, т. VIII, Алфавит декабристов, М., 1925, стр. 390.

² Так оно значится по атласу С.-Петербургской губернии 1797 г., хранящемуся в б. Сенатском архиве.

некоторые деревни приходилось насильственно дробить. Так случилось и с Батовым: 12 душ из него были пожалованы 1 января 1797 г. подполковнику Петру Федоровичу Малютину, в дополнение к другим деревням Рождественской волости, а через две недели — 16 января — 21 душа из него была причислена к 179 душам дер. Межни¹ и пожалована «в награждение за усердную службу Воспитательного общества благородных девиц инспектрисе Дешан»².

Такая раздробленность была тяжела как для крестьян, так и для владельцев, и через три года, 16 января 1800 г., они, — и «генерал-майор П. Ф. Малютин, в роде своем не последний», и «благородных девиц инспектриса Мария Осиповна Дешан», — продали свои части в Батове «отставного полковника Федора Андреева сына Рылеева жене Настасье Матвеевне», т. е. матери Кондратия Федоровича. Проданы были все числившиеся по 5-й ревизии «крестьяне мужеска пола с женами и детьми, с братьями и племянниками, со внучаты и приимыши и новорожденными после той 5-й ревизии обоего пола детьми ж, с их крестьянскими животы и пожитки, со всяким скотом, с лошадьми и со птицы, с хоромным и погуменным строением, с пашенною и непашенною землею, с лесом, с санными покосы и со всеми принадлежащими на части тем крестьянам угодьи, чем те крестьяне владели и ныне владеют, не оставляя ей, Марье (sic) за собою во оной деревне крестьян ни единые души, а земли и всяких угодей ни единого четверика, но все без остатку». В купчих крепостях обозначено, что Малютин получил за продажу 1 500 руб. серебром, а Дешан — 3 400 рублей³.

Эти документальные данные проливают свет на некоторые неясные места в биографии родителей поэта-декабриста. Известно, что семейная жизнь их сложилась неудачно: сохранились признания Анастасии Матвеевны, что она «не была счастлива», что у мужа ее, несмотря на уверения: «вечно любить тебя стану», — «рано любовь отлетела»⁴. Федор

¹ Километрах в восьми от Батова.

² Сенатский архив, т. I, Именные указы имп. Павла I, стр. 61 и 77.

³ Купчие находятся в деле С.-Петербургской дворянской опеки (об опеке над имуществом и дочерью К. Ф. Рылеева), которое лежит в основе дальнейшего изложения. См. это дело, которое хранится в Ленинградском обл. архиве.

⁴ Письмо к сыну 9 октября 1817 г. («Русская Старина», 1875, т. XIV, стр. 73).

Андреевич обладал тяжелым характером, имел побочных детей¹. Жена ставила ему в укор, что он не заботился о детях, не оставил им «ни мальчика, ни девки, все продал, спустя руки». Можно утверждать, что супруги совсем разъехались, жили раздельно. Приобретение Батова дало Анастасии Матвеевне к тому возможность. Она поселилась вместе с сыном в Батове, а Федор Андреевич остался в Киеве, где имел небольшой домик, в котором и умер в 1814 г. Последнее время супруги даже не переписывались между собой².

В опубликованной переписке Рылеевых мелькало непонятное название: «Петродар», так адресовались письма к Анастасии Матвеевне, так помечала она и свои письма³.

Очевидно, так названо было ею Батово⁴. И причины этого станут ясны, если мы сопоставим встречающиеся в ее письмах указания на какого-то «благодетеля и друга», «отца и благодетеля» Петра Федоровича, который «дал ей кусок хлеба», — с тем фактом, что Батово было приобретено ею от Петра Федоровича Малютина. Мы не знаем всех подробностей отношений П. Ф. Малютина к семье Рылеевых⁵, но несомненно, что он явился этим «благодетелем» для Анастасии Матвеевны уже одним тем, что, получив Батово (может быть, безденежно, дарственно?), она смогла не зависеть от мужа и достигнуть известной самостоятельности⁶.

Итак, с 1800 г. А. М. Рылеева с пятилетним сыном «Кондрашею» поселяется в Батове и живет в нем до своей смерти в 1824 г.

Сам Кондратий Федорович подолгу в Батове не жилав ни в детстве, так как рано был отдан в кадетский корпус, ни

¹ Анна Федоровна.

² В 1813 г. Федор Андреевич в письме к сыну выражал «постоянную свою приверженность» к жене, объясняя, что «не писал ей для того, что и она к нему не пишет» («Русская Старина», там же, стр. 72).

³ См. Маслов, цит. соч., стр. 93.

⁴ В цит. письме 9 октября 1817 г. она писала: «Петродар немного доходу приносит...»

⁵ К. Ф. Рылеев также считал себя «благодетельствованным Петром Федоровичем на всю жизнь» (Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева, изд. дочери, СПб, 1872, стр. 268, письмо 17 октября 1817 г.).

⁶ Малютин, видимо, был из любимцев Павла I: подполковник при его воцарении, он в 1798 г. пожалован в генерал-майоры, а в 1800 г. уже в генерал-лейтенанты; кроме 500 душ в Софийском уезде, ему было пожаловано еще командарство в Гдовском уезде. Впоследствии он отличился в походах 1806 и 1808 гг. Умер в 1820 г. У него осталось пять человек детей, прижитых до брака, и К. Ф. Рылеев был опекуном их.

потом, так как большая часть его зрелой жизни прошла вне Петербурга. Но от материнского гнезда у него, конечно, оставались детские воспоминания, и все переломные моменты его жизни так или иначе связывались с Батовым.

В начале 1801 г. Рылеев покидает Батово, чтобы поступить в корпус; но в 1814 г. он уже произведен в офицеры и приезжает проститься с матерью перед отправлением в заграничный поход. Два года походов, в промежутке — стоянка в Литве, а после — переход с батареей на юг, в Воронежскую губернию, отрывают Рылеева от севера; там — роман с Наталией Михайловною Тевяшевою, становящейся вскоре его невестою; перед свадьбою он привозит ее в Батово познакомиться с матерью и, наконец, выйдя в отставку и женившись, к концу 1820 г. Рылеев оставляет полюбившийся ему юг и поселяется с молодой женою в Батове¹.

Рылеева не тянуло в Петербург, он страшился переезда в «шумную Пальмиру Севера». «Холод обдаёт меня,— писал он из Воронежа в 1820 г.,— когда вспомню, что кроме множества разных забот, меня ожидают в Петербурге мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного рода приказных»². Очевидно, он имел в виду хлопоты по принятому на себя опекунству над малолетними детьми умершего «отца и благодетеля» П. Ф. Малютина, а также все хозяйственные дела по имени матери, которые, как увидим ниже, были далеко не блестящи. Но Рылеев вообще не любил Петербурга и неоднократно жаловался, что «непреодолимые обстоятельства приковывали» его к нему. «Слабость здоровья, расположение душевных желаний, поэзия и чувства» влекли его на Украину³. «Петербург тошен для меня, он студит вдохновение, душа рвется в степи, там ей просторнее, там только могу я сделать что-либо достойное века нашего»⁴. Но нам хорошо известно, что в этом он был неправ. Настроение его понятно: воспоминание об южных степях слилось у него с беспечной жизнью юности и светлой молодой любовью, поэтому мотивы южной природы так звучат в его лирике. Но, как ни просвещенна была интеллигенция Острогжска, этих «воронежских

¹ Маслов, цит. соч., стр. 71.

² Там же, стр. 152.

³ Письмо К. Ф. Рылеева от 27 января 1825 г. Как это, так и другие письма цитируются по названному изданию 1872 г. Сочинений и переписки К. Ф. Рылеева.

⁴ Письмо к Пушкину 12 мая 1825 г.

Афин»¹, которым придается известное значение в развитии поэтического дарования Рылеева, — все же мы знаем, что вдохновение его на Севере не «застыло», наоборот, только здесь его дарование вполне созрело. Рылеев скоро сам понял, что дает ему Север; мысль —

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил,
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы,

он решительно отвергает. «Кумир души молодой» — слава:

Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед манит за собою
На берега Невы².

Как ни краток был петербургский период жизни Рылеева, но за эти немногие пять лет им создано все наиболее значительное в его литературном творчестве, обогатившемся новым содержанием, проникнутым гражданскими мотивами. За эти годы им написаны все «Думы» и поэмы. т. е. все, что создало ему имя в русской литературе³. Здесь, в Петербурге, войдя в общение с цветом тогдашней интеллигенции, став членом литературных обществ⁴, он, сейчас же по переезде, строит издательские планы; правда, «Невский Зритель», ежемесячный журнал, не удастся⁵, зато блестящий успех имеет альманах «Полярная Звезда».

Наконец, здесь же протекает и вся общественно-политическая деятельность Рылеева как в легальных, так и в нелегальных формах. Не успел он приехать в Батово, как 24 января 1821 г. соседи-помещики, «достопочтеннейшее дворянство Софийского уезда почтило его избранием» в заседатели С.-Петербургской уголовной палаты. Ему предлагали и даже настаивали на занятии должности уездного исправника, но он

¹ Отзыв А. В. Никитенко.

² «Послание к Козлову», 1812 г.

³ Маслов, цит. соч., стр. 73.

⁴ С.-Петербургское вольное общество любителей российской словесности и Общество любителей словесности, наук и художеств.

⁵ Рылеев в нем только сотрудничал в 1820—1821 гг.

«наотрез отказался от этой подлой должности», которой другие так «держались и тщеславились»¹. Но службу по выборам вообще Рылеев, по его признанию, «почитал самую лестною, самую приятною для каждого гражданина». и мы знаем, что он ревностно отправлял должность судьи,

Сидя, как труженик, в Палате,
Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыв и негу, и покой²...

он вправе был сказать про себя, обращаясь к выбравшему его дворянству, что «стремился оправдать лестную для каждого гражданина доверенность на деле и мог успеть в том».

От выборов на новое трехлетие в 1824 г. Рылеев отказался, поступив на службу в Российско-американскую компанию, а общественное его служение приняло уже иные формы: увлечение масонством 1820—1821 гг. сменилось революционной конспирацией, ложа «Пламенеющей звезды» — Северным обществом, и близился уже 1825 год. . .

Первоначально, по переезде с юга, Рылеевы прожили, видимо, почти год в Батове, потому что только от 15 октября 1821 г. имеется письмо Кондратия Федоровича, извещающее матушку о найме в Петербурге квартиры, вероятно, впервые, так как, вызывая из деревни жену, он просил прислать «на первый случай посуды какой-нибудь, хлеба и что сами придумаете нужным для дома, дабы не за все платить деньги»³. И с тех пор Петербург прочно привязал его к себе служебными, литературными и общественными, а потом и конспиративно-политическими делами, а Батово было для него лишь объектом некоторых забот, преимущественно финансового характера⁴, и, главным образом, местом отдыха, и то не всегда, так как летом тянуло на любимый юг, в имение родных жены, в Подгорное⁵.

В Батове, по красивым берегам Оредежа, под липами и тополями парка, и посеячас сохранившимся, бродил нередко поэт, обдумывая свои произведения.

¹ Маслов, цит. соч., прилож., стр. 93.

² «К А. А. Бестужеву», 1822 г.

³ Маслов, цит. соч., прилож., стр. 93—94.

⁴ Оно было заложено.

⁵ В 1821 г. он проводит лето там (см. стих. «Пустыня»), в 1822 г. едет в Харьков, Киев; в 1824 г. также был летом у Тевяшевых, так как осенью вспоминал «целительный подгоренский воздух».

И местная природа и старина отразились в творчестве Рылеева, он нашел тут и материал для своих «Дум», и краски для придания им романтического колорита. Соседнее село Рожествено принадлежало когда-то царевичу Алексею Петровичу, казненному отцом. Может быть, слышал там Рылеев какие-нибудь предания о выступлении сына против отца, воодушевившие его написать «Думу»: «Царевич Алексей в Рожествене».

Страшно воеет лес дремучий,
Ветр в ущелиях свистит,
И украдкой из-за тучи
Месяц в Оредеж глядит.
Там разбросаны жилища
Угнетенной нищеты,
Здесь стоят среди красоты
Деревенского кладбища
Деревянные кресты.
Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И вослед себе ведут
Берега поросши лесом.

Это — несколько подчеркнутая, романтически освещенная, но в основе правдивая картина с детства знакомых поэту живописных батовских мест, с крутобережным Оредежем, с высокой, поросшей лесом горою рождественского старого кладбища, среди красивой излучины реки. Мрачные краски картины, видимо, навеяны днями осенней непогоды, когда поэту нередко приходилось бывать в Батове.

Взвыл страшнее лес дремучий,
Месяц спрятался за тучи,
Ветр сильнее забушевал,
И за ближнею могилой
И ужасно, и уныло
Вран зловещий прокричал.

В Батове еще с детства многое было мило. Но словно «вран зловещий», все накликает потери и печаль.

У Анастасии Матвеевны — любимый конь Рыжко, общий любимец; в 1822 г. он пал. Кондратий Федорович пишет ему полушутливую эпитафию¹, но он искренно огорчен; когда жена

¹ «Надгробная Рыжку».

застает его за этими «стихами ему на смерть», его глаза заплаканы.¹

А там идет и настоящее горе: в 1824 г. умирает у Рылеевых сын Александр, а 2 июня того же года и мать, Анастасия Матвеевна, и Рылеев провожает ее прах на то же «деревенское кладбище» «среди красоты». . .

Там и поныне высится единственный среди деревянных крестов мраморный памятник — отрезок колонны, пересеченный призмой, — с краткою надписью:

Мир праху твоему,
Женщина добродетельная².

Что же представляло собою это Батово, так тесно связанное с жизненным путем Рылеева? *

Имение было очень невелико и мало доходно. «Петродар не много доходу приносит, только что и можно продать один овес, и то не больше как 50 четвертей», — писала А. М. Рылеева сыну еще в 1817 г.³ «Тебе, мой друг, известно, — деревня не так велика, ревизских душ 42, а работников — 17, то и сам посуди, сколько они могут наработать. Земля у нас не такая, как там, где ты теперь⁴, долгу на мне много, деревня в закладе, тебе известно, что я насилу могу проценты платить, и то с помощью друга моего, Петра Федоровича». Этими доводами мать пыталась склонить сына остаться на военной службе, так как при таком состоянии имения недоумевала, «что он будет делать в деревне», но Рылеев думал как раз обратное: решив уйти со службы, он считал, что именно «расстроенное имение, год от году все уменьшающееся, есть самый справедливый предлог, на основании коего он мог оправдаться в самом решении в глазах родственников и всех благоразумных людей»⁵.

26 декабря 1818 г. Рылеев вышел в отставку; его женитьба, смерть «друга и благодетеля» Малютина, естественно, не улучшили положения, и к моменту насильственной смерти Рылеева оно оказалось весьма тяжелым. Но сначала посмотрим, каким было в то время Батово.

¹ Маслов, цит. соч., стр. 331.

² На других сторонах: «Анастасия Матвеевна Рылеева». «родилась декабря 11 дня 1758, скончалась июня 2 дня 1824 года».

³ Письмо 19 октября («Русская Старина». 1875, т. XIV, стр. 73).

⁴ Рылеев был в Воронежской губернии.

⁵ Письмо к матери, Маслов, цит. соч., стр. 70.

Из составленной после кончины Рылеева, при взятии имения в опеку, подробной описи¹ видно, что в 1826 г. земли в имении было более 900 десятин, но из них пашни только 132 дес.², чистого пашенного перелугу — 127 дес., покосу — 69 дес. Большая часть площади — 550 дес. — была под лесом и мелкой порослью, причем часть леса была по водяному болоту (124 дес.) и часть по моховому (122 дес.). По тогдашним временам это считалось «мертвым капиталом», так как река была несудоходна, а «гужом доставлять лес нет выгод»³. Кроме такой сравнительно небольшой запашки, покосов и строевого и дровяного лесу, никаких «особенных угодий не имелось, oprичь нескольких небольших ключевых водопадов». И хотя опись отмечала, что имение «состоит на выгодном местоположении, по случаю протекающей мимо реки Оредежи», но эта выгода сказывалась лишь в том, что «крестьяне дер. Батово из этой реки пользовались собственно для себя рыбною ловлею в небольшом количестве».

3 Батове было всего 13 дворов, и крестьян, вместе с дворовыми людьми, было в действительности 33 человека мужчин, 22 женщины и 37 малолетних (до 17-летнего возраста). Из них при дворе находилось две семьи (3 мужчин, 2 женщины с 4 малолетними), «в отлучке от селения по паспорту» — 2 женщины с 2 детьми, остальные 30 мужчин и 18 женщин являлись рабочею силою для сельских работ. Все они «никакими ремеслами не занимались кроме хлебопашества» и были «на барской работе».

Опись отмечала, что «имение ныне никакого дохода не приносит, ибо крестьяне занимаются барскими работами, но приносить может в год до 2000 рублей». Очевидно, при этом имелся в виду денежный доход в виде оброка. Но и доходность самой барщинной работы была невелика.

Опись была составлена 24 сентября после уборки урожая, и потому она может довольно точно показать производительность имения и весь его хозяйственный актив как у самого помещика, так и у крестьян.

В посевах было ржи 12 кулей и 3 четв., и в господском амбаре и риге оставалось:

ржи старой молочной — 9 кулей,

¹ Находится в деле С.-Петербургской дворянской опеки (об опеке над имением и дочерью К. Ф. Рылеева).

² Сажени отброшены.

³ Письмо Н. М. Рылевой от 8 октября 1826 г. о «Сочинениях и переписке Рылеева», стр. 316.

ржи новой молочной — 7 кулей с 1 четв.,
ржи немолоченной в снопах — до 480 суслонов, которые
должны были дать до 7 кулей ржи,
ржи казенной — 3½ куля;
ячменю — 2½ куля и в скирдах более 300 суслонов,
овса — в скирдах — до 780 суслонов,
сена — до 1000 п.,
соломы — до 70 пуд.,
льну — 40 суслонов, т. е. в обделке до 2 пудов.

Скот, «принадлежавший собственно помещику», составляли:
19 коров, 28 овец, 1 коза, 6 гусей, 16 кур, 24 индейки.

Бедный Рыжко уже не существовал, а две другие лошади
были проданы за время ареста Рылеева¹, и потому господские
конюшни были пусты, и в каретном сарае сиротливо стояли
«дрощки старые» и «двое худых саней».

Эти данные вполне подтверждают заявление А. М. Рылеевой о бездоходности имения. Ржи, за обсеменением полей, оставалось всего около 120 пудов нового урожая и около 70 пудов старого, всего — менее 200 пудов, чего еле хватило бы на прокормление дворни, не считая господ.

Точно так же 1000 пудов сена нехватало на 19 коров². Единственно, действительно, что могло считаться в излишке, это — овес; если бы даже в имении были одна-две лошади, то все же около 300 пудов его могло пойти на продажу. Но по тогдашним ценам — 30 коп. за пуд³ — это могло принести всего 90 рублей дохода.

Соответственно с этим хозяйственные ресурсы батовских крестьян представлялись в таком виде:

Во всей деревне у крестьян во всех 13 дворах было: 26 четвертей ржи немолотой и 3 куля молочной, т. е. около 180 пудов, 9 четвертей ячменя, т. е. 72 пуда, около 26 четвертей овса, т. е. 208 пудов, 1375 пудов сена, 1370 пудов соломы.

Цифры совершенно ничтожные, имея в виду наличие в деревне 72 едоков (немногим больше двух пудов ржи на едока!), и к тому же неравномерно распределенные. Только один двор в деревне, неразделенный и многосемейный — Анфима Антонова, — выделялся сколько-нибудь приличными запасами: 8 четвертей ржи, 4 четверти ячменя, 20 четвертей

¹ Письмо Н. М. Рылеевой от 8 мая 1826 г.

² 52 пуда на корову, т. е. менее 1/3 нормально требуемого количества.

³ Письмо Н. М. Рылеевой от 8 мая 1826 г.

овса, 400 пудов сена и 500 соломы (но, конечно, и этого было мало на 10 человек едоков), 7 коров и 4 лошади, — а у большинства было по одной-две четверти ржи, меньше четверти ячменя (в пяти дворах его вовсе не было), не более 50 пудов сена и соломы, а овес был только в пяти дворах. Запасы фуража, разумеется, совершенно недостаточные, как ни мало было количество скота.

На всю деревню его было:

лошадей — 13,
коров — 24 и 3 телки,
кур — 47,

т. е. на один двор приходилось в среднем по одной лошади, две коровы или телки и по пяти кур. Но в действительности четыре двора не имели вовсе лошадей, и если у Анфима Антонова было 4 лошади и 7 коров, то в большинстве дворов было лишь по одной — по две и по две-три курицы.

Если добавить к этому, что в деревне на 4 «белые» избы было 14 «черных» и из них 11 «ветхих», то увидим, что батовские крестьяне жили далеко не богато.

Там разбросаны жилища
Угнетенной нищеты.

Это не риторика, а писано с природы¹.

~~Но~~ и помещичье житье в Батове было весьма скромно.

Господский дом был деревянный, одноэтажный, «длиной по 7 сажени и 2 аршина, а шириною по 4 сажени, обшит досками и выкрашен масляною краскою, темною, а крыша таковою же красною». Построенный, видимо, по-деревенски, он разделялся сенями на две половины, в одной было четыре комнаты с одной изразчатой печью, в другой — две комнаты, также с печью. Стены были обшиты досками, «пол и потолок простые».

¹ Можно предположить, что кое-что из имущества было ликвидировано до опеки, кое-что — особенно в крестьянском хозяйстве — могло ускользнуть от нее или быть скрытым, но, в сущности говоря, особых оснований для умышленного преуменьшения ценности имущества не было, так как Н. М. Рылеева после казни мужа не собиралась в нем хозяйничать, а речь шла (как увидим дальше) о немедленной его продаже, так что владелица была заинтересована скорее в обратном — в поднятии стоимости имущества. И потому, допуская возможность некоторых поправок, мы все же можем считать приведенные цифры близкими к действительности.

Обстановка была не обильна. В зале стоял диван «красного дерева», обложенный бронзою, обитый красным сафьяном, с 5 подушками, семь таких же кресел «старых» и два стула «такого же разбора». Вероятно, перед диваном стоял «стол красного дерева, подержанный, небольшой», и где-нибудь тут же «стол ломберный, с наклейкой красного дерева», но и он уже стар и испорчен, так же как «дубовый штучный стол».

По стенам висело три «небольших зеркала, старых, в позолоченных рамах», и в таких же рамах — «картины гравированные и печатные», их было много — двадцать одна штука, «разной величины», но и это все старое: «некоторые без стекол, и другие биты». Со стен глядело еще пять старых портретов и семь картин, «шитых разными шелками», — работы, должно быть, самой Наталии Михайловны: ей Рылеев еще в 1823 г. высылал в Подгорное «книжку с узорами и бисеры разных цветов для вышивания по канве»¹. Где-то приютились еще два «худых треугольника с наклейкою красного дерева и вензловыми изображениями», а на пяти окошках висели «ситцевые цветные занавески с гарусными кистями и бахромою». Если прибавить три ветхие кровати простого дерева и два маленьких простых же стола, то вот и вся обстановка первой половины дома.

Во второй половине, с голубыми кисейными занавесками на окнах, — часть того же «гарнитура»: пять кресел, таких же, как в зале, пополняют дюжину и перенесены сюда потому, что «изорваны и изломаны», таких же два стула, два стола, один небольшой, красного дерева, другой — простой, круглый, «небольшое бюро с наклейкой красного дерева о 12 маленьких ящиках», «канопе простого дерева, выкрашенное белою краскою, с худым сафьяновым волосяным тюфяком», три шкафа, комод простого дерева, зеркала в позолоченных рамах, одно — «разбитое», другое — «попорченное», — вот и все. Немного, небогато, и везде один припев: «ветхо», «подержано», «худо»...

Маленькая комнатка на чердаке, с ходом из сеней, «простая безо всяких украшений», с несколькими совсем поломанными вещами, завершала господский дом.

«Службы» состояли из кухни в новом флигеле, вместе со столярной мастерской, людской, «со сделанной наверху галлереей для сушки белья», крестьянской избы, конюшни и каретного сарая и двухэтажного флигеля, где помещались

¹ Письмо от 7 апреля 1818 г. Сочинения, стр. 272.

амбар, кладовая и чуланы. Какие там имелись хозяйственные запасы, мы уже видели, а из вещей в кладовой не было ничего примечательного и ценного, и только об одном можно пожалеть, что не сохранились до нашего времени три ветхих сундука и мешок «с разными письмами и бумагами».

Опись 1826 г. так резюмировала общее положение имения: «Все вообще строение, как господское, равно большая часть крестьянского, состоит в самом ветхом положении, пришедшее от времени, по случаю давней постройки, а крестьяне находятся в самом бедном положении». Потому «все вышеизложенное описаное имение, крестьяне, дворовые люди с их имуществом и скотом, по случаю ветхости строений и бедному положению крестьян», оценено было в 22 000 рублей ассигнациями.

Такая оценка была ниже действительной стоимости имения, но в общем характеристика его, надо думать, дана была верно.

После кончины, летом 1824 г., Анастасии Матвеевны Рылеевой, Кондратий Федорович, видимо, довольно близко вошел во все подробности хозяйства (что видно по его письмам к жене из крепости, полным всякого рода деловых указаний и советов), но недолго ему пришлось хозяйничать в Батове: еще весною 1825 г. он собирался заняться поправкой дома и флигеля к приезду туда жены на лето, а через полгода он уже «не мог, по обстоятельствам, заниматься управлением сего имения»¹.

Это было равносильно полной ликвидации, так как имение, «будучи не оброчным, а на господской запашке, требовало личного присмотра и хозяйственных распоряжений, без коих не могло приносить надлежащего дохода»; так, за 1825 г. оно «не доставило и столько, чтобы можно было заплатить в Опекунский совет следуемые за год 672 руб.» по займу в 8 400 руб. ассигн., заключенному в 1824 г. Долгов было и других немало, к тому же приходилось предвидеть, что жене, Наталье Михайловне, «как по состоянию ее, так и по отдаленности родных ее, невозможно будет оставаться в С.-Петербурге», — и потому Рылеев еще с марта 1826 г., находясь в крепости, настойчиво, «непрерывно советовал ей продать сие имение для уплаты имеющихся долгов», на что и выдал ей доверенность.

Но покупателя найти было нелегко. Переписка Рылеевых за 1826 г. рисует долгие хлопоты Натальи Михайловны по это-

---

¹ Эта, как и последующие цитаты, — из прошений Н. М. Рылеевой в опеку.

му делу. В имении «ценились одни души и доходы», — последних вовсе не было, а душ ревизских было только 48. Некоторые покупщики находили к тому же, что «мужики очень бедны и избалованы», и потому никто не давал тех 60.000 руб., какие назначал сперва Рылеев, ценивший в Батове «удобность и близость от столицы». Пришлось значительно сбавить цену и согласиться на предложение одной из соседних помещиц, действительной статской советницы Марии Федоровны Донауровой, наиболее заинтересованной в покупке, так как Батово находилось «в середине ее имений». Рылеева запрдала ей Батово летом 1826 г. за 43.000 руб. ассигн., с переводом на нее 8400 руб. долга Опекунскому совету. Полученными в задаток 5000 руб. удалось погасить кое-какие долги.

После казни Рылеева Наталья Михайловна обратилась через кн. А. Н. Голицына к Николаю I с прошением о разрешении ей завершить окончательно сделку продажи; было повелено передать прошение министру юстиции «с тем, чтобы он нашел средство для удовлетворения просьбы, что сие угодно будет его величеству»¹, и кн. Лобанов-Ростовский разъяснил Рылеевой, что продажа может быть сделана в законном порядке путем назначения опеки над ее шестилетней дочерью Анастасией и оставшимся имением, что соблюдение этого порядка потребует лишь «некоторого по необходимости промедления, которое не произведет существенной разницы для покупщицы г-жи Донауровой», и, с своей стороны, министр предписал местному прокурору, чтобы просьба о назначении опеки была удовлетворена «на законном основании немедленно и чтобы вообще дело сие по опеке не подвергалось ни малейшей остановке».

И действительно, дело разрешилось весьма быстро: 7 сентября 1826 г. Рылеева подала прошение в Дворянскую опеку, а 9 сентября Опека уже получила согласие Палаты и постановила «Анастасию Рылееву с ее имением в зависимость сей опеки принять». Наталия Михайловна была назначена опекуной, вместе со статским советником Федором Петровичем Миллером, бывшим сослуживцем Рылеева. Был произведен учет всего имущества и долгов, составлена опись Батова, пошла по инстанциям просьба Рылеевой о продаже имения, и 1 декабря состоялся указ Сената о разрешении этой продажи.

Хотя имение было уже продано, но Дворянская опека, чтобы «соблюсти пользу малолетней», сделала публикацию, не

¹ См. Архив собств. е. и. в. канцелярии №№ 4580 — 4583.

даст ли кто более условленных с Донауровой 43.000 руб., и назначила торги на имение с этой цены. Рылеева указывала, что она в течение семи месяцев старалась найти более выгодного покупателя, но никто не давал даже той цены, которую согласилась дать Донаурова, «не по иной причине, как что дер. Батово находится в смежности с деревнями ее высокопревосходительства».

Однако на торги 3 января 1827 г. явилось двое соискателей, и один из них, коллежский ассессор Василий Семенович Тимофеев-Тимофеевич, надбавил цену до 44.000 рублей. Ввиду незначительной разницы с ценою Донауровой опека назначила переторжку, и на торгах 10 января сама Донаурова, через своего поверенного, дала 50.500 р., подпоручик Яков Михайлович Евреинов — 52.100, а тот же Тимофеев-Тимофеевич — 52.500 р. По этой последней цене Батово за ним и было утверждено. Разница против запродажной Донауровой была, впрочем, не так велика, всего около 1000 руб., так как та принимала долг Опекунскому совету в 8400 руб. на себя, а тут его пришлось уплатить из вырученной суммы.

Эта продажа более или менее устроила вдову Рылеева. Удалось уплатить все долги. Их было немало. В последние годы жизни Рылеева финансовые обстоятельства его все более и более осложнялись: в 1824 г. он взял под залог Батова 8400 руб. «для уплаты долгов покойной матушки», в конце 1825 г. в Российско-американской компании — 3000 руб. и у ее директора Булгакова — 3500 руб. да кроме того разным лицам было долгов более 5000 руб. Из длинного ряда счетов видно, что Рылеевы жили почти целиком в долг. Тут и 571 руб. портному (с поручительством в 1295 руб. за сюртук, сшитый поручику Каховскому), и 545 руб. за съестные припасы, и 546 руб. в фруктовую лавку, и «в аптеку за лекарство» 160 руб., и 233 руб. «девице фон-Бирберг за учение дочери», и пр. Видимо, забирали по книжке и расплачивались в конце года, а так как в декабре 1825 г. Рылеев был арестован и заключен в крепость, то и накопилось так много долгов. Некоторые из них идут еще от 1822, 1824 гг. А мать Рылеева, Анастасия Матвеевна, задолжала в лавку 252 руб. еще с 1813 и следующих годов¹.

Был еще долг Рылеева — 675 руб. Петергофской казенной бумажной фабрике за бумагу для напечатания «Полярной Звезды»; «поелику книга «Полярная Звезда» печатанием остановлена, а бумаги на отпечатание 5½ листов упо-

¹ Она расплачивалась по частям — овсом, мякиной, соломой.

треблено на 295 р.), то Рылеева согласилась уплатить только эту часть, с тем чтобы оставшуюся бумагу фабрика взяла обратно. Но, по предписанию из императорского Кабинета, долг этот был целиком сложен и оставлен без взыскания.

Запутаны были дела Рылеева также по опеке над малолетними Малютиными. По ней начались процессы, еще по обязательствам покойного Малютина, и, впредь до окончания расчетов по этой опеке, пришлось отложить 9000 руб.; впоследствии в большей части этой суммы Рылеева отчиталась, но 2489 руб. пришлось передать опеке Малютиных.

Так или иначе, все долги были удовлетворены. С Американской компанией рассчитались бывшими у Рылеева акциями. Директора согласились на предсмертную просьбу Рылеева не отягощать положение его семьи взысканием этого долга и приняли акций на 5000 руб. в полную уплату долга 6500 руб., «так как цена акциям подвержена переменам от обстоятельств, имеющих влияние на дела Компании», а тогда «не было причин сомневаться в благоуспешности ее оборотов». Все остальные долги были оплачены из суммы, вырученной от продажи Батова. За всеми этими уплатами и за вычетом $\frac{1}{7}$ части на долю матери, на имя малолетней Анастасии Рылеевой был положен капитал более 30000 руб.¹

Опека отдавала этот капитал под закладные, и процентов с него хватало на содержание малолетней, на наем гувернантки, учителей рисования и музыки, на «молоко, сахар и булки» и «приватные уроки музыки», когда она поступила в Патриотический институт, на дорожные расходы, когда ее, по болезни, возили в Воронежскую губ., и пр.² К 1838 г., когда дочери Рылеева минуло 17 лет и она «вышла из зависимости опеки», ее капитал исчислялся в 36000 рублей.

---

¹ В активе опеки было еще имущество отца, Федора Андреевича Рылеева, в Киеве, но оно состояло из небольшого совсем старого, развалившегося дома, который оценен был в «100 рублей ассигнациями с местоположением» и с которым до 1839 г. все не могли разделаться, и из исковых дел, которые очень мало увеличили капитал малолетней — всего на 300 руб. в 1828 г. Кстати отметим, что это киевское имущество К. Ф. Рылеев письменно изъявил желание оставить Анне Федоровне, побочной своей сестре; в июне 1826 г. оно было передано ей Наталией Михайловной, но почему-то ее права как-то забылись, и имущество поступило в общую массу имущества Анастасии Рылеевой.

² Всего тратилось от 1000 до 2000 руб. в год. В 1835 г. Анастасия Кондратьевна была совсем уволена из института «по причине слабосте ее здоровья».

Вскоре она вышла замуж за поручика Пушина. Наталья Михайловна Рылеева тоже перестала носить эту фамилию, став еще в 1833 г. поручицею Куколевскою, и мы можем не следить больше за их судьбою, вернувшись к нашей основной теме — к Батову.

Долго ли оно принадлежало Тимофееву-Тимофеевичу — неизвестно; в 1848 г. от наследников статского советника Зверева его купила вдова, коллежская советница Евдокия Петровна Галченкова¹. Эти имена мало что говорят. Позднее оно перешло к более известной фамилии, к министру юстиции Александра III Д. Н. Набокову и его наследникам. В дальнейшем оно было ими продано какой-то лесной компании и стало разбиваться на участки под дачи, а самый дом был уступлен земству, устроившему в нем «Народный дом». Местные жители говорят, что набоковский дом в своей основе был тот же, что при Рылееве, только расширился пристройками. Но в этом можно усомниться, сравнивая сохранившиеся последние фотографии бывшего набоковского дома, все же довольно большого, в два этажа, с приведенными выше данными о совсем скромных размерах рылеевского домика.

Но сейчас нет и дома, в котором жили Набоковы: лет двадцать пять назад он сгорел до основания, а потом разобрали и его фундамент².

Осталось несколько старых тополей в батовском парке; стоит посредине деревенского кладбища памятник «женщине добродетельной»: екатерининская церковь села Рожествена внутри осталась почти такой же, какою ее видел Рылеев.

Вероятно, так же величаво на горе стоял при нем и большой дом в Рожествене, дворцовый по своим размерам и колоннадам. Но в самом Батове нет уже никаких материальных памятников о тех, кто в нем жил больше ста лет тому назад.

Только попрежнему неизменно в веселом Оредеже

Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И во след себе ведут
Берега поросши лессм...

¹ Ведомость о переменах в поземельном владении и во владельцах по СПб. губ. № 2, л. 474 (в б. Сенатском архиве) и «Историко-статистические сведения о СПб епархии», вып. VIII. Галченкова была дочерью крупного петербургского откупщика.

² По следам видно, что длина его была около 15 сажений, т. е. вдвое больше, чем дом Рылеева.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

I

Письмо К. Ф. Рылеева к предводителю дворянства Софийского уезда С.-Петербургской губернии от 15 марта 1824 г.

«Осужденный болезнью оставаться дома еще не одну, может быть, неделю, прошу г. г. дворян об исключении меня из списка избираемых. Почитая службу — по выборам самую лестную, самую приятную для каждого гражданина, я с величайшим бы удовольствием и признательностью остался бы и на следующее трехлетие, когда бы почтеннейшее дворянство почтило меня снова своим избранием, но, осужденный болезнью и обстоятельствами семейными оставить столицу, и не надеясь скоро возвратиться, я должен искать решительно от выборов увольнения, по сему прошу вас быть милостивым за меня ходатаем и изъяснить мою душевную, глубочайшую признательность достопочтеннейшему дворянству Софийского уезда за сделанную мне честь избранием в прошлом выборе своим членом в Палате уголовного суда. Смею сказать, что я стремился оправдать ево лестную для каждого гражданина доверенность на деле и мог успеть в том, имея в достойном председателе Палаты и прекрасный пример и прекрасного начальника».

II

Доверенность К. Ф. Рылеева, выданная жене его Н. М. Рылеевой 12 апреля 1826 г.

«Любезный друг мой, Наталья Михайловна!

Полагая необходимым привести в устройство дела свои, сам не в состоянии будучи заняться тем, прошу тебя, как имение мое, состоящее С.-Петербургской губернии Царскосельского уезда в деревне Батово, в коей по последней ревизии числится 48 душ мужского пола, так равно и дом, находящийся в Киеве, и десять акций Российско-Американской компании, мне принадлежащих, принять в полное свое распоряжение, с правом упомянутое имущество мое все или какую-либо часть из оногo, в случае надобности, по твоему усмотрению продать, равномерно прошу тебя принять на себя ходатайство по производящемуся в Киевском Главном суде делу покойного родителя моего подполковника Федора Андреевича Рылеева с кн. Александром Сергеевичем Голицыным и по всем, здесь упомянутым делам или по каким-либо другим делам, могущим встретиться,

подавать от имени моего прошения и за меня расписываться, в чем я тебе совершенно верю, и что ты по сему ни учинишь, или по твоему распоряжению тот, кого ты уполномочишь, я спорить и прекословить не буду.

Моля бога, да поможет он тебе устроить все благополучно, остаюсь с истинною любовию к тебе и дружеством муж твой отставной подпоручик Кондратий Федоров сын Рылеев.

Что сия доверенность дана по собственной воле отставным подпоручиком Кондратием Федоровым сыном Рылеевым жене его Натальи Михайловне Рылеевой и в удостоверении подписано собственною рукою его, в том свидетельствую. Подписал военный министр, генерал от инфантерии и кавалер А. Татищев. В том же свидетельствую и подписуюсь генерал от инфантерии князь Дмитрий князь Иванович сын Лобанов-Ростовский. СПб., апрель 12 день 1826 г.

Доверенность сия принадлежит жене моей Натальи Михайловне Рылеевой, урожденной Тевяшевой».

П. А. Вяземский

Письма к жене за 1831 — 1832 гг.

Примечания

М. С. Боровковой-Майковой

1831 год

(Письмо к Карамзиным)

Мы по холерным слухам так и полагали, что вряд поедете ли в Ревель. В таком случае, милости просим, если не ко мне, то к моим. Здесь меня уверяли, что печальное известие о смерти Рябинина не верно, что убит другой Рябинин, Александр же. По крайней мере ни отец, ни брат ничего о том не знают: я видел их вчера. Дай бог! Что бедный Андрей? Оправился ли он после падения своего? У меня всё, слава богу, спокойно. Я целый день занят, следовательно устаю, следовательно не скучаю. Люди и собаки скучают и бесятся только с жира. Простите, любезнейшие и сердечные друзья. Обнимаю вас от всего сердца за всех и за всё.

30-го [мая].

Мои — семья П. А. Вяземского, жившая в подмосковном имении Вяземских — Остафьево.

Рябинин — Александр Андреевич (1808—1857), поручик Финляндского полка.

Рябинин отец — Андрей Михайлович (1773—1854), директор Московского ассигнационного банка; в 1809 г. отставлен за недостатку медных монет в банке; причислен к департаменту герольдии.

Андрей — Андрей Николаевич Карамзин (1814—1854).

Шалона, какого ты требуешь, только четыре аршина в англ. магазейне. Я еще порядочно не узнал, будет ли к нам Кривоцова со свитою, но во всяком случае пришлю лошадей завтра

в ночь, а я в пятницу вечером, или утром в субботу буду к вам. Цалую вас всех.

На чем будут спать Карамзины в городском доме? Ведь не прямо же приедут они в Остафьево. Не выпросить ли у Рябининых? Надобно же и в Москве так им устроить, чтобы могли они остановиться.

«Княгине Вяземской».

3

[Без даты. Москва]¹

Карамзины приехали в три часа утра. Кое-как уложил я их. Приезжай скорее, когда отдохнешь. Можешь привезти Павлушу, если хочешь. Вели прислать сюда немедленно женщин Екатерины Андреевны. Обнимаю и благословляю вас.

Оторвано продолжение, писанное Е. А. Карамзиной.

Шалон — материал для обивки мебели.

Кривцова — Екатерина Федоровна († 1861), рожд. Вадковская.

Карамзины — семья историка.

Рябинины — Андрей Михайлович и Екатерина Алексеевна, рожд. кнж. Шаховская.

Павлуша — Павел Петрович Вяземский, сын Вяземских (1820—1888), попечитель Казанского учебного округа, председатель Комитета иностранной цензуры, начальник Главного управления по делам печати, сенатор. Основатель Общества изучения древней письменности и искусства, автор исследований по древней русской литературе.

Екатерина Андреевна — Карамзина (1780—1851), рожд. Кольванова, внебрачная дочь кн. Андрея Ивановича Вяземского и гр. Сиверс; сестра П. А. Вяземского по отцу, вторая жена историографа.

4

[Без даты. 1831 г., первая половина июня]²

Как доехала ты, моя милая, и как себя чувствуешь? А не могла не оставить здесь лекарства своего. Хорошо, что Орлов нашел его на окошке, спрятанным за горшком с цветами. По-сылаю материи Павлуше на панталоны. Не присылай лошадей за мною: не стоит того. Найму здесь. О смерти Дибича есть уже известие в газетах. Паскевич на его месте.

¹ Письмо писано до 10 июня, что видно из письма Вяземского к Пушкину, где Вяземский пишет, что 10 июня Карамзины выехали из Москвы в Остафьево.

² Письмо можно датировать первую половиною июня, так как Дибич умер 29 мая.

Надеюсь быть у вас в субботу, но к обеду ли или после — не знаю. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Береги себя и будь здорова.

«Княгине в Остафьево».

Орлов — Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, один из выдающихся участников войны 1812—1814 гг., инициатор записки о необходимости уничтожения крепостного права, поданной Александру I в 1815 г.; устроитель первых массовых школ взаимного обучения среди солдат в 1-й и 2-й армиях в 1817—1820 гг.; один из вождей Союза Благоденствия, официально ушедший из него в 1821 г., но до самого конца 1825 г. бывший в курсе всей подпольной работы декабристов на севере и на юге. Вследствие заступничества своего брата Алексея Орлова пострадал менее других. В 30-х гг. получил разрешение жить в Москве; был близок к редакции «Московского Наблюдателя»; издал книгу «О государственном кредите»; считался лидером московской оппозиционной дворянской общественности; в молодые годы (1815—1817) член литературного общества «Арзамас».

Дибич — Иван Иванович, гр. Дибич-Забалканский (1785—1831), фельдмаршал, умер во время подавления польского восстания.

Паскевич — Иван Федорович, граф Эриванский, светлейший князь Варшавский (1782—1856), главнокомандующий войск, действовавших против персов и против турок, генерал-фельдмаршал. В 1832 г. — наместник Царства Польского.

5

Среда, 1831 г. [Москва, вторая половина июня]¹

Ты, я думаю, с ума сошла: даешь мне поручения на лоскутке бумажки и ни слова не сказываешь о себе и от себя. А вот наши новости: в. к. Константин Павлович умер в Витебске после нескольких часов болезни. Холера в Петербурге. Александр Тургенев здесь в Москве и привез тебе платье и детям подарки. Холера в Москве не ослабевает. Я сегодня говорил с Рихтером о тебе и о ней. Тебе велено пить бишова красного: вели сделать, да и всем вам и детям не худо бишова держаться. Рихтер умоляет вас не купаться, не есть плодов, держать желудок теплее, он говорит *que le cholera actuel est traître, il se manifeste par une légère diarrhée*².

Ради бога, не пренебрегайте малейшим расстройством желудка. У вас есть в кладовой длинный, стручковый перец: вели настоять его на пенном вине. Вот вам (в добрый час молвить, а в худой промолчать) лекарства и записка. Надеюсь быть

¹ Письмо можно датировать второю половиною июня, так как Константин Павлович умер 15 июня.

² Он говорит, что нынешняя холера — предательница, она дает себя знать легким поносом.

завтра у вас, хотя на день. У нас теперь много дела. Мне грустно и скучно. Отправляется к вам, то есть к Карамзиным, математический учитель. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со всеми нами. Рихтер не дает слабительного Пашеньке, потому что теперь не до слабительных. Ради самого бога, береги себя. Орлов везет меня к себе обедать.

6

[Без даты. Вторая половина июня]¹

Я сейчас приехал и этот час — девятый час, впрочем приехали благополучно. Как те доехали к вам? Надеюсь также благополучно и гораздо ранее нашего. Я нашел записку Тургенева, который заезжал ко мне сегодня несколько раз и приглашает в несколько мест. Ожидаю его и увидим, куда господь понесет. Удивляется ли Софья моей скромности, я не распечатал письма, которое верно от Россетки, за то распечатал письмо к тебе по странной надписи и не ошибся.

Обнимаю и благословляю вас.

Середа.

Попроси Андрея Николаевича не растерять листов франкф. газеты и сохранить их до моего приезда.

Бишова красного — «bishop» — английское слово, означает — епископ, а также вино; по-русски «бишоф» — напиток из вина и померанцев.

Константин Павлович — (1779—1831), второй сын Павла I, цесаревич, наместник Царства Польского.

Тургенев — Александр Иванович (1784—1845), секретарь Библейского общества, директор департамента духовных дел, статс-секретарь. Собрал богатый архив и издал Исторические Акты о России. Ближайший друг Пушкина, Вяземского и Жуковского (к нему обращено стихотворение Пушкина «Ленивец милый на Парнасе»). Вел обширную переписку, что дало повод называть его «маленьким Гриммом». Образованнейший человек своего времени. По отзыву реакционеров — «мартинист», «еретик и развратитель церкви». В молодые годы (1815—1817) член литературного общества «Арзамас», «Арзамасский опекун».

Рихтер — Михаил Васильевич (1799—1874), доктор медицины, профессор Московского университета. Провел большую работу по борьбе с холерой.

Пашенька — княжна Прасковья Петровна Вяземская (1817—1835), вторая дочь П. А. и В. Ф. Вяземских.

¹ Письмо можно датировать вторую половину июня, так как А. И. Тургенев приехал в Москву в 20-х числах июня.

София — София Николаевна Карамзина (1802—1856), фрейлина, старшая дочь историка, от первого его брака с Протасовой.

Россетка — Александра Осиповна Россет (1810—1882), в замужестве Смирнова, приятельница Пушкина, Вяземского, Жуковского, Гоголя. Пушкин и Вяземский посвятили ей стихотворения. См. ее «Записки» (изд. «Федерация», под ред. М. А. Цявловского, М. 1929). См. также «Остафьевский Архив».

Франкфуртская Газета — «Frankfurter Journal», старейшая немецкая газета, выходила с XVII века до 1903 г. С 1814 г. выходила ежедневно.

7

[Без даты. 1831 г.]

Отсылаю лошадей, а сам приеду с Тургеневым завтра после обеда или рано утром в субботу, чтобы с ним ехать обедать в Троицкое. Если погода будет дурна, то есть продолжится дождь, то вели мне нанять четверню лошадей в Подольске: только быть им у нас в шесть часов утра в субботу: если грязи не прибавится, то вели приготовить своих, или крестьянских. Нового ничего нет. Спроси у Егорки, зачем он уронил в грязь мою книгу? Один том: *Notre dame*, весь испачкан. Не знаю, как быть с Бобринским, потому что вероятно книги этой в продаже здесь нет. А все виновата Софья Николаевна, она боялась, что я книгу отдам, и подучила мальчика в грязь ее кинуть. *Elle a craché sur le plat pour le garder*¹.

Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами.

Четверг.

Мещерские наняли дом Смирнова.
«Княгине».

Троицкое — подмосковное имение князей Оболенских, родственников Вяземских.

Егорка — сын прачки Вяземских, один из слуг, которого Вяземский называл «рыжий паж».

Notre Dame de Paris — роман Виктора Гюго.

Бобринский — гр. Алексей Алексеевич (1800—1868), агроном и писатель, близкий знакомый Вяземских.

Мещерские — кн. Петр Иванович (1802—1876), отставной гвардейский подполковник, и княгиня Екатерина Николаевна, рожденная Карамзина (1805—1867), старшая дочь историографа от второго брака. Ей посвящен Пушкиным «Акафист».

¹ Она плюнула в блюдо, чтобы его сберечь.

[Без даты. 1831 [конец июня]¹

Вот всё, что я мог собрать вам официального. Есть еще объявление от петербургского начальства, которым обнародывается, что полиция уже не будет вмешиваться в холерные дела, но что за обязанность поставляет себе уведомить, что если будут держать в домах трупы умерших от холеры более суток, то от трупа могут все заразиться. En un mot la populace a eu le-dessus et l'autorité a fait amende honorable, néanmoins d'après les nouvelles de la bourse le 26 soir il y a eu des nouveaux troubles et on a même tiré du canon contre les mutins. Il paraît que les autorités ont perdu la tête et que la crainte s'est emparée d'eux aujourd'hui. J'aurai des renseignements plus détaillés, je vous les apporterai samedi matin, ou vous les enverrai, s'il y a occasion de le faire. Ici tout paraît tranquille, mais la police se donne beaucoup de mouvement, de fortes patrouilles rôdent la nuit et on prend des fortes précautions contre les partants. Vous verrez dans la Gazette de Moscou une annonce du p-ce Galitzin, qui pourra regarder MM. Gerard, Thibaut etc.².

Я не мог добиться Рихтера, посылал за ним, его не было в городе. Что Пашенька? Что вы все? Я, слава богу, здоров, еду сейчас в Кунцово обедать с Тургенев., Трубецким etc. Обнимаю и благословляю вас. Борис произведен в офицеры. Сейчас дам знать об этом Четвертинским.

Сбереги объявления, мне должно отдать их Булгакову.

Четверг.

P-ce Galitzin — Дмитрий Владимирович (1771—1844), московский генерал-губернатор. Его характеристику см. в переписке братьев Булгаковых («Русский Архив») и у Благово («Рассказы бабушки»).

¹ Письмо может датироваться концом июня, так как объявление от полиции относится к 24 июня.

² Одним словом, чернь одержала верх, а власть принесла публичное покаяние. Тем не менее после биржевых известий вечером 26-го были новые волнения и даже стреляли из пушек по бунтовщикам. Кажется, власти потеряли голову и страх овладел ими с сегодняшнего дня. Я получу более точные сведения и в субботу утром сообщу их вам, или вам пришло, если представится случай это сделать.

Здесь, кажется, всё спокойно, но полиция усердно хлопочет, патрули делают обходы по ночам и принимают большие предосторожности в отношении отъезжающих. Вы увидите в Московской газете объявление кн. Голицына, которое может коснуться гг. Жерара, Тибо и проч.

Mm. Gerard, Thibaut — гувернеры у Карамзиных.

Кунцево — имение Шереметьевых под Москвой.

Трубецкой — кн. Николай Иванович (1796—1873); в 1825 г. адъютант гр. П. А. Толстого, обещавший во время декабрьского восстания арестовать своего начальника; позже — камергер (см. письма П. А. Вяземского).

Борис — кн. Борис Борисович Святополк-Четвертинский († 1862), прапорщик конной артиллерии.

Четвертинские — Святополк-Четвертинские, кн. Борис Антонович (1781—1865) заведывал Московским конюшненным двором, и княгиня Надежда Федоровна (1791—1883), рожд. кнж. Гагарина, родная сестра В. Ф. Вяземской.

Булгаков — Александр Яковлевич (1781—1863), служил при Московском архиве Коллегии Иностранных дел; с 1832 года — московский почт-директор. См. о нем «Остафьевский Архив» и переписку братьев Булгаковых («Русский Архив»).

9

[Без даты. Первая половина июля]¹

Важного ничего нет. Болезнь в Петербурге свирепствует по-прежнему. Из известных лиц умерли генерал инженерный Опперман, к. Н. Ив. Куракина. Впрочем, всё тихо. Здесь в Москве также попрежнему занемогает человек по 15 и более в сутки. У Гагарина несколько человек больных в нашем соседстве. Карантины везде сняты: остаются одни окурки. Четвертинские здоровы. Ладомирских я еще не видал. Простите. Обнимаю и благословляю вас. Павлуше лучше не купаться. Вели себе сказывать тот час, если будут больные. Скажи машинисту и новому старосте, чтобы строго смотрели за Соломонидою, которая пошла по следам Соломона, и за садовником Василием. Они все пьянствуют. Соломониду наехали мы вчера пьяную и валявшуюся на дороге.

Цалую тебя. Бог с вами. Право, кушайте менее плодов и ягод. Теперь холера гуляет по деревням.

«Княгине».

Опперман — гр. Карл Иванович (1765—1831), генерал-инженер.

Куракина — кн. Наталья Ивановна (1768—1831), рожд. Головина.

Гагарин — князь Николай Сергеевич (1786—1842), гофмейстер.

Ладомирские — Василий Николаевич (1786—1848), московский уездный предводитель дворянства, позже — черниговский губернский предводитель дворянства; сын екатерининского фаворита И. Н. Римского-Корсакова и гр. Е. П. Строгановой; Софья Федоровна (1794—1855), рожд. кнж. Гагарина, родная сестра В. Ф. Вяземской.

¹ Письмо можно датировать первою половиною июля, так как К. И. Опперман умер 2 июля.

10

[Без даты. Начало августа]¹

Вагнер, всё время стоя, правил тройкою на дрожках, и когда я спросил у него, не устал ли он, он отвечал мне: *ça me fait plaisir. Quand je partirai pour la Crimée je conduirai souvent moi-même, ça me fera plaisir*². Говорят, что Скржинецкий сменен за то, что допустил Паскевича перейти Вислу. Впрочем, из нашей армии ничего нет, все идут и сосредоточиваются к Варшаве. А между прочим, московские барышни очень недовольны, что София Николаевна пленила и полонила Репнина. Я надеюсь, что он еще у вас. Спрашивай у священника о больных в соседстве и давай мне знать, а если болезнь откроется у нас, от чего боже сохрани, то сейчас пришли ко мне нарочного. Я уверен, что ты опять давно не писала к своей матушке. Право, мне скучно всегда смотреть и кричать за тобою. Обнимаю и благословляю вас. Если ты сама не будешь, то пришли мне крытые дрожки. Цалую тебя.

Посылаю Софии последний том романа, а первый у тебя.

Вагнер — вояжер, саксонец.

Скржинецкий — Ян Сигизмунд (1787—1860), главнокомандующий польской армией, сменен 1 августа польским сеймом.

Висла — река, на которой стоит Варшава.

Репнин — кн. Николай Григорьевич Репнин-Волконский (1778—1845); с 1813—1814 гг. — генерал-губернатор королевства Саксонского; с 1816 г. — генерал-губернатор Малороссии; член Государственного совета. Считался «либералистом», выступил в пользу смягчения крепостного права.

Матушка — Прасковья Юрьевна Кологривова (1762—1846), рожд. кнж. Трубецкая, в первом браке кн. Гагарина. Мать князей Василия и Федора Федоровичей Гагариных, Вяземской, Святополк-Четвертинской, Ладомирской и Полуектовой. Есть указание, что с нее списана «Татьяна Юрьевна» в «Горе от ума». Была предметом увлечения молодого Карамзина. См. о ней в «Записках» Ф. Ф. Вигеля.

11

[Без даты. Москва, начало августа]³

Всеволожская велела сказать, что к завтрашнему утру ей всего закупить нельзя, следовательно, или я привезу с собою в

¹ Письмо можно датировать началом августа, так как главнокомандующий польской армией Скржинецкий был сменен 1 августа польским сеймом.

² Это доставляет мне удовольствие. Когда поеду в Крым, я сам часто буду править, это доставит мне удовольствие.

³ 7 августа — рождение старшей дочери Вяземских — Марии Петровны, в замужестве Валуевой (1813—1849).

четверг, или пришли нарочного, если очень нужно. Нового в городе, кажется, ничего нет. Тургенева я не видал еще, он на тележках разъезжает с Пашковыми. Не знаю порядочно, кто будет у нас 7-го. Вот тебе шестая книжка. Вы еще не спите, а я уже спать ложусь. Простите. Обнимаю и благословляю вас. Не забудь велеть вычистить дом, окна, сметать паутину. Пошли-ка узнать, есть ли музыканты у Трубецких, и в четверг дай мне знать.

Всеволожская — Софья Ивановна (1800—1852), рожд. кнж. Трубецкая.

Пашковы — у Пашковых была большая семья. Здесь, вероятно, говорится о фрейлине Александре Ивановне (1798—1871) и Сергее Ивановиче (1801—1883), женатом на Надежде Сергеевне, рожденной кнж. Долгоруковой (1811—1880). В это лето в Москве была мода кататься на тележках.

12

[Без даты. Вероятно, первая половина августа]

Очень рад, что вы здоровы. Завтра надеюсь быть у вас, но не знаю, к обеду ли. Не стоит того, лошадей присылать, тем более, что мне нужно будет от вас уехать воскресенье в ночь. Обнимаю и благословляю вас всех. Есть предписание от полиции по поводу и з н у р и т е л ь н ы х п о н о с о в — не есть сырого, рыбы. Повторение того, что было сказано пред холерою. Пожалуйста, не постничай и не давай детям есть много плодов. «Княгине Вяземской».

13

[Без даты. Сентябрь]

Я вчера приехал только что в пору, начинало смеркаться, а дорога скверная. Завтра увижу Давыдову и узнаю, к чему ей нужно тебя видеть. Жуковский посылает свои стихи Екатерине Анд. Был экземпляр и для Софии Ник., но, разумеется, Тургенев перехватил его на дороге. Кроме известий, данных нам Тургеньевым в письме своем, нет ничего нового. Из армии пишут, что война кончена. Скажи Екат. Анд., что Тургенев очень хвалит немца и что он желал бы знать, на сколько лет берут его и какие будут занятия его, или сколько часов в день будет он занят. Приезжать ли ей в среду. или нет, напишет ей Демид, который сейчас пошел к Соймоновой, но которого не дождусь, потому, что мне в 9-ть часов утра должно быть у Владимира Голицына, чтоб с ними ехать. Прости. Цалую тебя нежно и обнимаю и благословляю вас. Будьте здоровы. Царское село, сказывают, расцеплено.

Давыдова — Елизавета Алексеевна (†1860), рожд. кнж. Шаховская.

Жуковского стихи — вероятно, «Старая песня на новый лад» по поводу взятия Варшавы русскими войсками.

Демид — Диомид Федорович Муромцев, главноуправляющий Вяземских.

Соймонова — Мария Александровна (1794—1869), рожд. Левашова.

Голицын — кн. Владимир Сергеевич (1794—1861), прозванный «Сентге» или «Центральный», занимался литературой и музыкой, печатался. Русскому языку учился у Крылова. См. о нем «Архив Раевских», т. I, стр. 311.

14

19-го [сентября]

Скажи к. Федору, что я не получал пакета, который он послал на имя мое из Варшавы со всякою всячиною через Тимирязева или Тимирязеву. Тимирязев сказывал мне, что он был отдан Строганову, которому — Варшавскому или Виленскому? Попроси его разведать о пакете и, если можно, выручить его, но осторожно. Потому что на Таможенной отбирают всё печатное польское и сжигают. Ожидают сюда скоро Паскевича. В Варшаве, говорят, всё тихо тишиною смерти... Раздают всей русской армии польской военный орден, берут из Варшавы публичную библиотеку и везут сюда... Как не подумать довершить дело силы силою убеждения и примирения? Хорошо было обезоружить Польшу... Она нам же останется. Ведь это не завоевание, а ресторация... Отец может и должен желать восстановить власть свою над сыном непочтительным, провинившимся... Я пускаюсь в эти политические отношения с тобою не для потомства, как ты полагаешь, а чтобы душу отвести, чтобы вырвало желчью, а нето где-нибудь в гостях изрыгнется она и наделает бед. Передай листок Салтыкову и Дмитриеву, у них была первая статья. Дай и Тургеневу. Ему всё на что-нибудь и куда-нибудь пригодится.

Еще раз прости. Цалую тебя и вас всех.

Кн. Федор — кн. Федор Федорович Гагарин (1786—1863), в 1812 г. адъютант Багратиона. Позже командир Клястицкого гусарского полка. Получив чин генерала, вышел в отставку «по домашним обстоятельствам». Принадлежал к военному обществу, предшествовавшему Союзу Благоденствия, но в Союз Благоденствия не вступал. Родной брат В.Ф. Вяземской.

Тимирязев — Иван Семенович (1790—1867), адъютант Константина Павловича, позже астраханский губернатор.

Тимирязева — Софья Федоровна (1799—1875), рожд. Вадковская, в первом браке Безобразова.

Строганов варшавский — Александр Григорьевич (1795—1891), участвовал в войнах против Наполеона, в 1831 г. — в подавлении польского восстания, в 1832 — управляющий Министерством внутренних дел в Польше. Позже — товарищ министра внутренних дел, генерал-губернатор черни-

говский, полтавский и харьковский, управляющий Министерством внутренних дел, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, член Государственного совета. Собрал обширную библиотеку.

Строганов виленский — может быть, Сергей Григорьевич (1794—1882), участвовал в Бородинском сражении, в Турецкой войне и Севастопольской кампании. В 1831—1834 гг. исполнял обязанности военного губернатора в Риге и в Минске. В Комитете устройства учебных заведений вместе с Шишковым и Сперанским образовал славянскую партию. Попечитель Московского учебного округа. О нем положительный отзыв в «Дневнике» Герцена.

Людовик XVIII (1755—1824). С 1814 г. король Франции, брат Людовика XVI.

Карл X — comte d'Artois (1757—1836). во время революции эмигрировал, объезжал Европу, возбуждая войну против Франции. В 1814 г. вернулся в Париж, взяв управление от имени брата, подписал договор с союзниками, по которому Франция отдавала все укрепленные места, завоеванные французами с 1792 г. В 1824 г. — король Франции, проявил себя как ярый реакционер, уничтожил свободу печати и изменил систему выборов. После революции 1830 г. удалился за границу.

Салтыков — Михаил Александрович (1767—1851), попечитель Казанского учебного округа. Сенатор. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля «едва ли не прослывший якобинцем». Почетный или «рожденный» член литературного общества «Арзамас».

Дмитрисв — Иван Иванович (1760—1832), поэт и сатирик. Родоначальник новейшей русской басни. Автор сатирических стихотворений и колких эпиграмм. До 1814 г. занимал пост министра юстиции. Автор «Записок», которыми Пушкин пользовался при работе над историей Пугачева.

15

[Без даты. Конец сентября]¹

Не зная, когда поедут в Остафьево. на всякий случай оставляю несколько слов. Мы очень благополучно прокатились в Рождественное. Голицыны были очень довольны моими куплетами, а равно и граф Петр Алекс. Толстой, который говорил со мною о литературе и спрашивал у меня *dites moi, monsieur, je vous prie, peut-on trouver à Moscou les oeuvres de Lamartine; j'ai envie de relire le Wallon*². Дело в том, что ему, говорят, худо за Литовскую кампанию его. Поляки, сказывают, заперлись в крепостях Модлин и Замосць и по другим изве-

¹ Письмо можно датировать концом сентября, так как переход поляками прусской границы был 23 сентября.

² Скажите мне, сударь, можно ли в Москве найти сочинения Ламартина. Я хочу перечесть «Валлон».

ствиям уже очистили их и перешли за прусские границы, где также положили оружие. Буду к вам завтра. А пока вот гостинец: скажи Софии, что Еропкин a fait le plus grand effet¹, шутки в сторону; Елисавете Алек., что куплеты петы были sur l'air, ou le vaudeville du mameluc², кажется 864, или 862 № du Caveau. Шаховского дом ожидает Карамзиных, только в нем нет ни плошки, ни ложки и свечи ставятся в бутылки, по словам самой Давыдовой. Нарочно тебе к ней приезжать незначем. Она с брюшком. Цалую тебя. Обнимаю и благословляю вас всех.

Среда.

Рождественное — подмосковное имение князя Дмитрия Владимировича Голицына.

Голицыны — князь Дмитрий Владимирович и Татьяна Васильевна (1782—1891), рожд. Васильчикова.

Куплеты — куплеты, сочиненные Вяземским и петые в Рождественном, имении московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына, напечатаны под заглавием «Дружеская беседа» в т. IV, стр. 99, Полн. собр. соч. П. А. Вяземского. В них упоминается Петр Дмитриевич Еропкин (1724—1805), принимавший деятельное участие в борьбе с эпидемией чумы 1771 г. в Москве и бывший генерал-губернатором Москвы. Вяземский упомянул в стихах Еропкина, сравнивая его с Д. В. Голицыным, который в текущий 1831 г. (во время холеры) был московским генерал-губернатором.

Толстой — гр. Петр Александрович (1769—1844), участник войны с французами, посол в Париже, председатель департамента военных дел, главнокомандующий резервной армией во время польского восстания. Во время Турецкой войны в отсутствие царя Толстой жил в Зимнем дворце и, снабженный особыми полномочиями, был главным лицом по управлению внутренними делами. Один из основателей в Москве Общества сельского хозяйства.

Ламартин — Альфонс-Мари-Луи (1790—1869), известный французский поэт, автор „Méditations poétiques“. „Le Wallon“ стих. Ламартина в „Méditations poétiques“.

София — Софья Николаевна Карамзина.

Елизавета Алексеевна — Окулова, в замуж. Дьякова, соседка по имению Вяземских Остафьево.

Шаховской — кн. Алексей Леонтьевич (1755—1838).

¹ Произвел большой 'эффект.

² На арию или водевиль мамелюка.

26-го [декабря 1831 г.]

Вот уж и грустная и долгая петербургская переписка наша началась. Дай бог в добрый час. Я приехал вчера вечером в 11-м часу, следовательно, был в дороге не много менее трех суток. Нашел, разумеется, всё на своем месте и Софью за самоваром. Кат Андр. похудела, но немного переменялась, однако же всё еще сидит на строгой диете. Прочие члены семейства выросли и здоровы. жалуются на наших мамзелей, что мало едят и всё задними числами, так что письмо от 6-го ноября получено было только в декабре. Софья и на твое молчание жалуется, а сама не пишет к тебе, потому что ты читаешь письма ее у Катеньки. Мои комнаты, кажется, очень порядочны. Жаль, моя милая, что тебя здесь нет, хоть на первые дни, чтобы всё уставить, устроить, и тебе было бы приятно и мне полезно. А то я пропаду со своим дядькою, который, впрочем, дорогою только что сердил иногда, а до бешенства не доводил. И зато спасибо. Рыжего пажу моего с поклажею нет еще здесь, а по времени должно бы ему быть. Тут мои мундиры и, следовательно, вся моя будущая судьба. Разумеется, я никого еще не видал, кроме Вигеля, которого нашел при самоваре. Я хочу завести для домашнего обихода семейную шутку: стану звать Софию: Самовар-паша, как солдаты наши звали Дибича в турецкую кампанию. На первый случай и эта шутка не дурна, а там увидим, что бог даст. Итак, я в Петербурге, в этой кипящей пучине, которая всё поглощает и только немногих выносит наверх, попробуем, какая участь меня ожидает. Во всяком случае *fais ce que dois, advienne que pourra*¹.

Что вы подделываете? Как Павлуша с М-г Manuel? Не заводи с ним большой фамильярности, не для себя и не для него, а для княжен, потому что, глядя на тебя, невольно и оне сделают то же. Наблюдай с ним то же и в отношении к к. Федору, когда он будет. Что же, видела ли ты М-те или М-ле, о которой тебе говорили? Я на-днях увижу рекомендованную тою, что к к. Anette Galitzin. Сделай одолжение — пиши чаще, ужь не менее двух раз в неделю, а княжны раз. Извини меня предо всеми, у которых я не был на отъезде, а особенно пред Огаревою. Орловой скажи, что я не понимаю, как не был у нее. Верно, ты как-нибудь не пустила. Мне никогда так тяжело не было прощаться с вами, как в этот раз. К добру ли это

¹ Делай то, что должно, и будь, что будет.

или к худу? Я даже более Машеньки плакал. Обними понежнее Катеньку и скажи ей, что я сегодня имел с час очень приятного разговора с укою¹, который n'a pas du tout baissé².

Прости, моя милая. Нежно целую тебя и желаю поскорее поцаловать на деле. Обнимаю и благословляю вас всех моих сердечных и душевных. Будьте здоровы, и будем же друг другу на радость. Тургеневу кланяюсь. При первом случае исполню поручение его. Пошли от меня Адольфа (который возьми у Салаева) Волконской, сестре Орловой. Ты, кажется, ей на последнее письмо не отвечала. Нового здесь ничего нет. Еще раз дай себя поцаловать.

Наши мамзели — княжны Мария Петровна Вяземская (1813—1849), в замужестве Валуева, Прасковья (1817—1835) и Надежда (1822—1840) Петровны Вяземские.

Рыжий паж — Егорка, сын прачки Вяземских.

Вигель — Филипп Филиппович (1786—1856), директор департамента иностранных вероисповеданий, бессарабский вице-губернатор, знаком был с Пушкиным и адресат его послания «Проклятый город Кишинев», член литературного общества «Арзамас», автор известных «Записок» (последнее издание «Круг» под ред. С. Я. Штрайха).

М-р Maniel — гувернер Павла Петровича Вяземского.

Anette Galitzin — Анна Васильевна Голицына (1793—1868), рожд. Ланская.

Огарева — Елизавета Сергеевна (1786—1870), рожд. Новосильцева.

Орлова — Екатерина Николаевна (1797—1885), рожд. Раевская.

Адольф — роман Бенжамена Констан (1767—1830). Вяземский перевел этот роман и посвятил свой перевод Пушкину.

Салаев — Иван Григорьевич († 1858), московский книгопродавец и издатель. Вяземский имел с ним дело по изданию своей монографии о Фонвизине.

Волконская — Мария Николаевна (1806—1863), рожд. Раевская. Последовала за мужем-декабристом в ссылку. См. «Русские женщины» Некрасова и «Записки княгини Марии Николаевны Волконской». СПб. 1906.

Не знаю, как умудряется Демид, но всегда он имеет дело с бездельниками. Извозчик, который должен был привезти мое добро в десятый день, и теперь еще не приехал. По милости его я не мог сегодня представиться и, следовательно, быть на балу во дворце. А между тем, он, вероятно, почти все деньги дал вперед и мне даже не будет утешения наказать бездельника. Передай всё это Демиду и велю ему сказать подрядчику,

¹ Так в рукописи.

² Совсем не подрыхлел.

что я здесь ни гроша не дам извозчику, а если он еще несколькими днями замедлит, то подам в полицию жалобу на него. Мне не очень больно, что я не на бале, потому что я еще не втянулся в Петербург, а досадно, что во всем, что делается у нас дома, такой беспорядок и что я всегда в дураках, потому что завишу от дураков. Я уже виделся с министром и Бибиковым и очень доволен их приемом. Разумеется, видел уже и благоприятельницу Элизу и дочку ее. Но, как я тебе уже сказал, я еще в Петербург не втянулся и никому и ничему не радуюсь. Мне грустно и скучно по вас. Видел на минуточку сегодня утром и Россети, и она показалась мне старушкою. Одним словом: всё немило, всё постыло. Пушкин приехал сегодня, я его еще не видал и очень жалею, что он перед отъездом не видал тебя и не привез мне письма твоего. Скажи, что письмо новое будет отдано князю Александру Николаевичу, а старого я не отдавал. С Жуковским уже говорили мы и будем действовать вместе. Жуковский говорит, что он рад бы жениться на Машеньке для того, чтобы целовать у меня руку и потом говорить мне: скотина! или, сидя вместе с Машею дома, говорить ей: вот мы сидим с тобою дома, а наш скотина папенька танцует на бале. Сегодня вечером сидела у нас Aimée. Она, бедная, в хандре, да и лицо ее хандрическое, то есть олсуфьевское. Она ожидает мужа в феврале, а там думает ехать с ним в Варшаву. Скажи или напиши Денису Давыдову, чтобы он не забыл заказать мне в Варшаве дубликат всего того, что он выписывает. Напиши в Кострому, чтобы Раменцов ехал тотчас в Тверь для окончания дела с Терпигоревою и явился бы там к Глинке. Да напиши ему, чтобы все доношения его и деньги присылал он прямо на твое имя, а не на мое и не на имя Демида. Счастливые люди! Вы теперь в маскарade у Уваровой, или также симпатизируя мне вы жертвы гнева Уваровой, как я жертва глупости Демида. Не знаю, чутьем ли, или другим каналом, но Горголи, верно, пронюхал, что я здесь, и явился сегодня вечером к нам. Он уж так ломался, так балансировал, что спотыкнулся и чуть не растянулся на полу. На французском диалекте он также балансировал, делал эквилибрические штуки и спотыкался, говорил, что при гомеопатии *les médecins permettent de manger toutes les verdure¹*, и тому подобное. Здесь нового нет ничего, кроме приезда вчера вечером великой княгини, которая, сказывают, поздоровела и похорошела. Назначение министра внутренних дел и другие новости ожидают к новому

¹ Врачи разрешают есть всякую зелень (*verdures* вместо *légumes*).

году. Молодая Нессельроде помолвлена за молодого Хребтовича. Молодой Белосельской гораздо лучше, Паскевич и большим не бывал и жена едет к нему. Вот тебе вести петербургские, которыми ты можешь похвастаться, доказывая, что муж твой в Петербурге. А меня прошу кормить на убой московскими вестями, точно так же как ты кормишь себя кренделями, не менее, ни одним менее, и я хочу, чтобы хрустели под зубами моими московские вести и чтобы рот мой, как твой, закатился бы московским тестом. Петербургский мне еще в горло не лезет. *Ma bouche est un animal d'habitude*¹.

Не знаю, перья ли твои слишком мягки или чинишь их слишком мягко, но они тотчас исписываются, и я уже на этом письме истоптал шесть перьев. Прошу читать мои письма с карандашом в руках и подчеркивать поручения, которые тебе даю, а то выйдет по-старому, что я тебе буду поручать, а ты забывать. Взял я седьмое перо. Увидим, надолго ли. Горголи звал меня приехать смотреть, как он в кадетском корпусе играет *au jeu de raquette*² с Замойским. Толмачев видел его и говорил, что Горголи прелесть, в какой-то белой фуфайке, белых панталонах и башмачках, голова повязана платком *à la créole*³ и так прыгает, скачет. Скажи Тимирязевой, что письмо ее доставлено мужу, но его я еще не видал. Он живет на Васильевском острове, а я еще и по континенту мало разъезжаю. За тобою ведь есть несколько сотен рублей моих. Прошу это подчеркнуть и переподчеркнуть карандашом, да еще и красным, и при первой оказии прислать их ко мне. Много неожиданных задержек дергают меня во все стороны. Пока прости, моя душа. Около часу пополночи. Иду спать, тем более, что я еще и петербургский сон свой порядочно устроить не мог...

Нежно цалую тебя на грядущий сон и обнимаю и благоговяю вас, моих милых.

28-го.

Всё еще спал не очень хорошо. Здесь такие морозы подступили, что не приведи господи. По крайней мере в этом случае был я счастлив, во всю дорогу мою стояла теплая погода и холод стал только на другой день приезда моего. А рыжего пажа всё еще нет. Екат. Андр. всё-таки медленно оправляет-

¹ Мой вкус чертовски упорен.

² В игру в мяч.

³ По креольскому образцу.

ся, хотя болезни уже и нет, но нет и прежнего здоровья, прежней бодрости. Софии я с бала еще вчерашнего не видал. Она почивает, а мне пора одеваться и ехать по службе. Поцалуй за меня княгиню Катеньку. Что ее хандра? Пожалуйста, пишите ко мне чаще.

Прости, моя милая. Будь здорова и будьте здоровы. Софья очень хвалит эту мадам или мамзель, которая мне рекомендована. Она жила у молодой Разумовской... Обнимаю и благословляю вас моих милых от всей души. Бог с вами и со мною.

Возврати прилагаемое у сего письмо князю Грузинскому и скажи, что г-н Поляков уехал в Москву, а Дашкова я еще не видал, потому что он болен. Князь Г. живет на Кисловке в доме Ланской.

Я не мог сегодня представиться — 5 августа 1831 г. Вяземский получил придворное звание камергера и должен был по приезде в Петербург представиться ко двору.

Министр — Егор Францевич Канкрин (1774—1845), министр финансов. Представитель интересов промышленного капитализма, сторонник протекционизма. В 1839 г. провел финансовую реформу и возобновил обращение звонкой монеты.

Бибиков — Дмитрий Гаврилович (1791—1870), вместе с Вяземским участвовал в Бородинской битве, где лишился руки; в 1824 г. назначен директором департамента внешней торговли; позже — киевский военный директор и генерал-губернатор подольский и волынский; с 1852 г. — министр внутренних дел.

Элиза — Елизавета Михайловна Хитрово (1783—1838), рожд. Голенищева-Кутузова, в первом браке гр. Тизенгаузен. О ней и ее отношениях к Пушкину см. «Труды Пушкинского Дома», XVIII.

Дочка — гр. Дарья Федоровна Фикельмон (1804—1863), рожд. гр. Тизенгаузен, жена австрийского посланника.

Князь Александр Николаевич — Голицын (1773—1844), министр народного просвещения и духовных дел, обер-прокурор Синода, член Государственного совета, являлся выразителем взглядов Александра I. Устранен от управления министерством, как нежелательное лицо для Фотия и Аракчеева. В молодости — вольтеррианец, позже — мистик, учредитель и президент Библейского общества. О нем отрицательные отзывы Дениса Давыдова и Пушкина: «В угодность господу, себе на утешение, усердно заглушить старался просвещение» («Второе послание к цензору»).

Жуковский говорит, что он рад бы жениться на Машеньке. — В семье Вяземских старшую дочь Марию Петровну, когда она была еще девочкой, звали невестой Жуковского.

Aimée — Любовь Федоровна Полуектова, рожд. кнж. Гагарина, родная сестра В. Ф. Вяземской.

Муж Aimée — Борис Владимирович Полуектов (1778—1834), генерал-от-инфантерии, участвовал в войнах с Наполеоном и в подавлении польского восстания.

Денис Давыдов — Денис Васильевич (1784—1839), активный участник войны 1812 г., партизан, поэт. См. о нем «1784—16 июля 1884 года. Денис Васильевич Давыдов» и «Генерал-адъютант Д. В. Давыдов» (Из «Жизнеописания русских военных деятелей» В. Мамышева).

Раменцов — один из управляющих Вяземских.

Терпицговева — помещица Тверской губ., с которой у Вяземского была долготлетняя земельная тяжба.

Глинка — Федор Николаевич (1786—1880), поэт и публицист. Автор «Писем русского офицера» и множества стихотворений, среди которых пользовалась известностью стихотворная повесть «Карелия или заточение Марфы Ивановны Романовой». Участвовал в войне 1812 года. По делу декабристов сидел в крепости, затем был сослан на службу в Петрозаводск, позже, благодаря хлопотам Жуковского, был переведен в Тверь.

Уварова — гр. Екатерина Алексеевна (1781—1849), рожд. гр. Разумовская.

Горголи — Иван Саввич (1770—1862), петербургский полицмейстер, сенатор, член Российской Академии.

Вел. кн. — Елена Павловна (1806—1873), жена великого князя Михаила Павловича, рожд. принцесса Вюртембергская.

Хребтович — Михаил Иринеевич (1809—1892), служил в ведомстве Министерства иностранных дел и находился при гр. Лаваль, позже секретарь посольства в Лондоне, посланник в Бельгии, Англии, в Королевстве обеих Сицилий.

Белосельская молодая — Елена Павловна (1812—1888), рожд. Бибилова, во втором браке кн. Кочубей, позже обер-гофмейстерина.

Паскевич — Елизавета Алексеевна († 1856), рожд. Грибоедова.

Замойский — гр. Станислав Андреевич (1775—1856), сенатор Царства Польского, председатель Сената, перешел на русскую службу, был членом Государственного совета.

Толмачев — Феодосий Сидорович, преподаватель детей Вяземских в 1828 г. О нем см. Полн. собр. соч. Вяземского, т. IX.

Князь Грузинский — вероятно, кн. Егор Александрович (1762—1852), нижегородский генерал-губернатор.

Поляков — поверенный кн. Е. А. Грузинского.

Дашков — Дмитрий Васильевич (1788—1839), член литературного общества «Арзамас», литературный критик, автор брошюры «О легчайшем способе возражать на критики» (1811), посвященной опровержению филологических и литературно-теоретических построений А. С. Шишкова, сотрудник «Цветника», «Утренней зари», «Северных Цветов». После 1817 г. занялся административной деятельностью. В 1826 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1832 г. — министр юстиции.

Успокойся за меня, моя милая. Мой рыжий паж приехал вчера, тотчас по отправлении письма моего к тебе. Посылаю вам на всю семью безделушки на новый год. По моему мнению, браслеты Машеньке, а прочее разделить между старым да малым, то есть тобою и прочими. Ленты и маленькая пряж-

ка ее сиятельству княжне Надежде Петровне. Вшивому Павлуше гребень и десять рублей, которые выдать ему из моих денег. Между нами будь сказано, не подумай, чтобы я разорился на подарки, но скажи княжнам, что это всё очень дорогие вещи, что, например, одни браслеты стоят, по крайней мере, шестьсот пятьдесят рублей и так далее. Чтобы дать тебе понятие, в каком я здесь смирении духа, скажу, что София возила меня на детский бал к Шевичевой. За это после хотел я поразгуляться и ездил в маскарад, в дом Энгельгардта. Скажи Катеньке, что я в нем не нашел даже и квакерской шляпы Багреева. Народа было довольно, но ничего блестящего и пикантного. Завтра еду на фашьонабельный бал к Алине Дурновой. Посмотрим, не разберет ли меня там.

Вчера видел я Тимирязева и Пушкина. Тимирязев едет в Москву, но когда не знает и что с ним будет — не знает также. Княжне Софии Мещерской имею честь доложить, что обедаю сегодня у к. Николая Трубецкого. Дом Фикельмонтный расстроился, он уже не так часто принимает, а теперь к тому же и в трауре. Вот и это меня конфузит. Я там сливался с Петербургом, а теперь надобно переливаться по капле там и сям. Между тем, я однакоже уже видел М-г D'Абгу. Простите, желаю, чтобы мои подарки пришли в самый новый год. Поздравлять с новым годом не к чему, а сердечно желаю, чтобы он соединил нас.

Обнимаю и благословляю вас моих милых от всей души. Что Вагбе Окулова? Четвертинским и Ладомирским мой сердечный поклон. Тургеневу *idem*. Как вальсирует он с Горсткиною и как ходит мимо дома ее?

Чтобы ты не подумала однакоже, что я совсем в загоне здесь, вот тебе доказательство противного. Прощайте и целуйте меня.

Шевичева — Мария Христофоровна (1784—1851), рожд. Бенкендорф.

Дом Энгельгардта — Василия Васильевича находился на Невском проспекте у Казанского моста.

Багреев-Фролов — Александр Алексеевич (1785—1845), черниговский губернатор, сенатор.

Алина Дурново — Александра Петровна (1804—1859), рожд. кнж. Волконская.

Мещерская — кнж. София Ивановна († 1881).

Дом Фикельмонтный — австрийского посланника Фикельмона.

М-г D'Абгу — издатель музыкальной газеты.

Вагбе Окулова — Варвара Алексеевна († 1879).

Горсткина — Софья Николаевна († 1858), которой Вяземский посвятил стихотворение «Вера и София» (Бухарина и Горсткина), в замуж. кн.

Щербатова («Тургеневский Архив» дает сведение, что за Петром Александровичем Щербатовым была замужем Софья Николаевна Горсткина, в «Российской Родословной» Долгорукого, ч. I, стр. 117, указана Анна Николаевна Горсткина).

19

31 декабря 1831 г.

Как оканчиваете вы этот год, мои милые? Меня очень тошнит по вас. Я этим не хвастаюсь, а передаю вам то, что есть, даже и вчерашний бал меня не расшевелил.

Января 1-го 1832, т. е. за полночь. Сейчас мы разошлись. Встретили мы новый год с Aimée, Пушкиными, муж и жена, Блудовым и Жуковским. Пили мы и за ваше здоровье, московских. А вы что теперь делаете? Вспоминаю, как встретили мы прошлый год на горе при шуме полковой музыки, и жалею о том времени. Вчерашний бал был многолюден и великолепен, было 400 человек и, следовательно, общество смешанное, т. е. довольно петербургской замоскворечины, а именно знакомые Дурновых. Но был и весь цвет петербургского бомонда, кроме царской фамилии. Я ходил как во сне или как в тумане, хотел говорить, но слова не лезли, как ни тянул я за язык, хотел танцевать, но ноги не двигались. Ты знаешь, что я всегда нахожу, что петербургское общество подернуто каким-то туманом или паром, в котором лица зыблются. А теперь этот туман даже, или еще не отсвечивается никакою игрою воображения. Я однакоже познакомился и был обласкан несколькими лестными словами одною из держав петербургской любезности: Бобо Потоцкою, бывшею Салтыковою. Ее очень знает Тургенев. На бале свиделся я со многими старыми знакомцами: Дьяковым, Влодеком, который очень постарел. Кланяется тебе Головкин, к которому явился я вчера. Он всё трубит о твоей любезности и говорит, что ты из числа любезнейших женщин, ему известных. Полно, так ли? Как это не получила ты так долго письма моего клинского? Если и теперь еще нет, то сделай милость вели сказать о том Рушковскому через Булгакова. Сам дядька мой носил его на почтовый двор. Как мой дядька начинает мне надоедать. Он очень добрый и готовый к услугам человек, но уж такой холоп, что мочи нет. Например, когда сажусь на судно, он непременно явится ко мне за приказаниями или с докладами, потому что в старину находиться при барине было некоторая степень достоинства,

доверенности, фаворитизма, наравне с подачками от стола и так далее. Толмачев рекомендует мне немца, но он требует генеральского жалования — 120 рублей на месяц. а к тому же и не знаю, как мне дядьке своему отказать. Как-то совестно, тебя нет и не на кого взвалить мне эту черную домашнюю работу. Я всё надеюсь, что бог поможет мне и как-нибудь вступится за мою совестливость, а именно, что мой дядька, нагибаясь, чтобы подать мне сапоги или что другое, подаст мне благовидную причину отказать ему. Так ухо у меня настоroje, когда он меня одевает, так и жду желанной благовести, потому что на нее вся и надежда. Я надеюсь, что ты письма мои читаешь Катеньке. Я в этом намереньи и вхожу в такие подробности, а к ней особенно не пишу, потому что всё интересное найдет она в письмах к тебе. Я забыл в числе вчерашних почитателей своих упомянуть тебе о знакомстве моем с фрейлиною Дубенскою, в которую рекомендовала мне влюбиться Россети на свою вакансию и которая с своей стороны сама просила Волконского показать меня, вероятно, по моей альбомной славе и альманашной известности. Я был у старухи Вяземской и опять удивлялся свежести головы ее. то есть по внутренней части. Она обо всем расспрашивала меня кстати, как будто век жила со мною. Сделай одолжение, вели у Гучкова взять несколько образцов не ешарпов, а самого тканья терно на платье, разных цветов и цен. Всё равно, если нет готовых кусков этого тканья, можно будет по образцам заказать. Меня просила о том Завадовская, а ты увидишь в письме Софьи к Катеньке, почему желаю и спешу угодить ей. Благодарю за письмо от 25-го и за слезы. Они подействовали симпатически, потому что и я всхлипывал, читая отчет о них. А Павлуша, верно, смеялся, глядя как сестры плакали. Однакоже половина второго. А завтра в десять часов надобно ехать во дворец, по разрешению Литты (не нашего, который обрил усы и пляшет на балах, так что и в ус не дует) буду представляться хотя и в маленьком мундире. Вечером хочется посмотреть на невиданный придворный маскарад. Прощай, моя милая. Нежно цалую тебя. Обнимаю и благословляю вас моих милых от всей души. Бог с вами и со мною. По поводу нового года перецалуй за меня Мещерских (и княжну Софью тут же), Ладомирских, Четвертинских, к. Федора, Тургенева.

У к. Александра Николаевича был, не застал, письмо оставил и жду, чтобы он дал мне знать, когда приехать к нему. А если

замедлит, то я сам' опять к нему поеду. А он между тем не ажитируйся [sic!], беды никакой нет, и никто здесь о нем не думает, кроме приятелей его и в числе их граф Лаваль, который о нем с участием спрашивал. Прощай же. Ради бога, пиши чаще и более. Узнай о здоровьи Юлии Левицкой и дай знать и очень кланяйся им всем. Мне потому писать к ним нечего, что брат ее писал. Адлерберга же я еще не видал.

Пятница утром.

Теперь здравствуй и здравствуйте. Сажусь сочинять свой визитный реестр, а там одеваться и во дворец. Пришли ли в пору мои подарки? Что фабрика? Смотри строже, чтобы работа шла успешно, и уведомляй меня. Ах, сегодня пятница. Вы не у тетушки ли Дохторовой на бале? Милости просим. Желаю вам веселиться, а сам буду скучать, да и как еще, так что любо. Обнимаю и благословляю вас. Подчеркни красным карандашом образцы терно, да не клади их под красное сукно, а высылай скорее. Заплатила ли Куманину, Тарасенкову? Ну, прощай же. Мне такая лень одеваться и ехать, что с тобою заболтался бы.

У Л. Павлицева в «Воспоминаниях об А. С. Пушкине», стр. 271, неправильно указано, «что этот новый [1832] год Ольга Сергеевна встретила в последний раз в кругу родных в доме моего деда и бабки, с братом и его женой». Как видно из письма П. А. Вяземского, Пушкин с женой встречал 1832 год в семье Карамзиных.

Блудов — гр. Дмитрий Николаевич (1785—1864), занимал должности товарища министра народного просвещения, министра внутренних дел, председателя Государственного совета и Комитета министров. С 1855 г. — президент Академии наук. Редактор посмертного тома «Истории Государства Российского» Карамзина. Двоюродный брат драматурга В. А. Озерова. В 1826 г. составлял «Донесения Следственной Комиссии по делу декабристов», вследствие чего разошелся с некоторыми из своих товарищей по «Арзамасу».

Пушкина — Наталья Николаевна (1812—1863), рожд. Гончарова, во втором браке Ланская.

Дурново — Павел Дмитриевич (1804—1864), шталмейстер, и Александра Петровна.

Знакомые Дурновых — могли быть на придворном балу, так как приглашение на эти балы рассылал министр двора Петр Михайлович Волконский, отец А. П. Дурново.

Бобо Потоцкая — графиня Марья Александровна (1807—1845), рожд. кнж. Салтыкова.

Дьяков — Андрей Николаевич (ум. в 1837 г.), сотрудник «Сына Отечества».

Влодек — Михаил Федорович (1780—1849), генерал от кавалерии, сенатор в Царстве Польском.

Головкин — гр. Юрий Александрович (1762—1846), член верховного уголовного суда, учрежденного по делу декабристов. В 1832 г. — член Госу-

дарственного совета. С 1834 г. — попечитель Харьковского учебного округа, обер-камергер. Характеристику его, даваемую Вяземским в дальнейших письмах, сравни с письмом А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 29 июня 1827 г.

Рушковский — Иван Александрович (ум. в 1832 г.), московский почт-директор.

Клин — станция между Петербургом и Москвою.

Дубенская — Варвара Ивановна, фрейлина, в замуж. de Lagrené.

Волконский — Петр Михайлович (1776—1852), светлейший князь, генерал-квартирмейстер, начальник главного штаба, министр двора, фельд-маршал. Пользовался расположением Александра I и Николая I. Представитель Александра I в группе заговорщиков против Павла I. Имел прозвища: «Петр Жестокий», «Князь Каменный», «Князь Окаменелый».

Вяземская — Елена Никитична (1745—1832), рожд. кнж. Трубешкая.

Гучков — московский купец, торговец шелковыми изделиями и платками.

Терно — материал на платье.

Завадовская — Елена Михайловна (1807—1874), рожд. Влодек. См. статью «Нина Воронская» в «Звеньях» № 3—4, стр. 172—175.

Литта — граф Юлий Помпеевич (ум. в 1839 г.), обер-камергер, председатель Комиссии для построения Исаакиевского собора и председатель Департамента государственной экономии. (См. о нем «Русский Архив» за 1877 г., кн. 1).

Литта-наш — внебрачный сын графа Юлия Помпеевича, провинциальный актер.

Александр Николаевич — Голицын.

«*Не ажитируйся*» — речь идет об А. И. Тургеневе, желавшем приехать в Петербург, чтобы получить разрешение выехать за границу.

Граф Лаваль — Иван Степанович (ум. в 1846 г.), французский эмигрант, церемониймейстер. Член Главного правления училищ, союзник Магницкого и Рунича.

Левицкая — Юлия Михайловна, фрейлина, в замуж. Титова.

Левицкий брат — Гаврила Михайлович, дежурный офицер в Горном кадетском корпусе; преподаватель всеобщей географии и древней и средней истории.

Адлерберг — Владимир Федорович (1791—1884), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, позже министр двора, член Государственного Совета.

Тетушка Дохторова — Мария Петровна Дохтурова (1771—1852), рожд. кнж. Оболенская.

Куманин — Константин Алексеевич (ум. в 1852 г.), московский купец, член Московского отделения Мануфактурного совета.

Тарасенков — московский фабрикант.

1832 год

Не давай писем монах в руки Тургеневу, глазами смотри, а руками не трогай.

[Далее идет французское письмо С. Н. Карамзиной, рекомендующей Телешева].

И я тебе рекомендую принять и обласкать добрым словом г-на Телешева. Познакомь с ним и Павлушу. Бог тебе судья за твои перья. Мученье и работа писать ими, десять раз проведешь пером, пока чернила из него выльются, и тот час перо истопчется. Вчера я представлялся. От половины одиннадцатого до трех часов мы лакействовали, ждали, гнали нас из комнаты в комнату, заставляли дураков богу молиться и проч. Но, впрочем, мне на первый раз не было скучно, к тому же я тут множество народа увидел знакомого и много теней покойного Царства Польского, глупорожего Замойского, плуторожего Рожнецкого, безрожего Яблоновского, куклорожего Курута, Новосильцева с чёрным пнем под глазом на место бывшей бородавки, которую он срезал. Со всеми с ними перецаловался я. Замойский, Яблоновский много о тебе спрашивали и очень тебе кланяются. С Новосильцевым обошлись мы, как старинные приятели. Он, кажется, совсем не переменялся, хотя и не был пьян, говорил о своём поваре, ищет повара, который умел бы сочетать школу французскую с русскою и так далее. Замойский и Яблоновский жалки даже и в глупости своей. Рожнецкий еще гаже в русском генеральском мундире. Весь этот народ похож на червей, которые выползли из могилы. Прибавь к ним Колзакова, Киля. Подошёл ко мне и Александров, которого я совсем не узнал. Он довольно благовиден, но показался мне роста малого, и в чертах не нашел я ничего прежнего или, по крайней мере, мне памятного. Его здесь хвалят, но от Фовицкого, которого я сегодня видел, узнал я, что он его не видит, хотя Фовицкий и болен. Это мне очень не понравилось, несмотря на то, что Фовицкий не жаловался и ничего худого не говорил. Государыня при руколобзании сказала мне несколько слов, которые в подобный день идут вчетверо, потому что представляются несколько сотен людей и со всеми не наговоришься. Я также удостоился от нее всемиловитейшего выговора по части туалета или, по крайней мере, замечания — *Pas encore brodé*¹, сказала она мне, потом спрашивала, когда будешь, и прибавила: *J'aurais bien du plaisir à la revoir*². После представлялись мы великой княгине, которая также спросила о тебе и сказала мне несколько благозвучных фраз о Москве и о памяти, которую она о ней сохранила. Вообще, все были очень довольны аудиенциею великой княгини и удивлялись искусству, с которым

* ¹ Еще не вышит.

² Я с удовольствием с ней вновь увижусь.

скажет она что-нибудь кстати. В особенности дипломатический корпус был очень доволен ею, и потому полагают, что не будут другие довольны ею и что она опять здесь не заживется, ибо не уживется, и что разногласие ее с прочими слишком резко. Впрочем, она на лице очень здорова, свежа и весела. Вечером был я в маскараде, или, лучше сказать, в море людском. Я люблю тесноту и давку, но тут уж чересчур. К тому же я приехал довольно поздно, польские уже начались, и долго не мог я попасть на путь спасения, ибо тут одно и спасение — попасть в польский, предводительствуемый государем, и таким образом итти по морю, аки по суше. Между тем, странно и несколько грустно смотреть на эти волны народа, покорные голосу жандарма, который подобно Моисею кричит волнам: налево! и море хлынет налево; направо! и море побегит налево* (sic!).

Тут было до 25.000 народа всякого сброда, может быть и вероятно было несколько воров и поделалось несколько покраж, но не было ни одного шалуна, не сделалось ни одной проказы. Гуляя по этой толпе, государь мог увериться, что заговорщиков нет в России. Прежде всего русский покорен, а если он когда и забурлит, то разве оттого, что вывели его из природного характера. В маскараде виделся я с великим князем, который был ко мне очень благосклонен. Орлов сказывал мне, что во время ужина государь и велик. князь говорили ему обо мне с отменным благорасположением. Между тем, мне о себе еще почти нечего сказать.

Министр со мною ласков. Бибииков ко мне кажется, очень доброхотен и говорил мне о деле, которое поручить мне хочет на-днях. А что из этого всего будет, право, не знаю. До сей поры как гостинные, так и служба меня не очень шевелят.

Я никакими надеждами не увлекаюсь и думаю, что хорошо будет, если сведу концы с концами, то есть без добра и худа. Здесь всё так холодно, так пустосердечно, что ничего нет нигде живительного. Говорю тебе о теперешнем расположении своем: может быть, оно и переменится и тогда всё будет казаться мне иначе. Теперь я со двора, и чутье у меня живее. После попринюхаюсь и стану дышать и чувствовать, как другие. Я готов вынести испытание. Главное дело, чтобы было чем жить. Даже можно принести некоторые и жертвы. Дождемся лета, ты ко мне приедешь, поживем, посмотрим год,

---

* Так в оригинале. Вероятно, описка: по смыслу надо «направо». — *Примеч. ред.*

как поживется. Один год испытания, даже и убыточного, нас не разорит. Если итоги прихода и расхода будут слишком ссориться между собою, а между тем надежды верной в виду не будет, то мы и на попятный двор. Честолюбия, кажется, у меня нет и, кажется, не будет. Разумеется, я не прочь от успехов, если столкнусь с ними, но чревообесия по успехам не будет. Теперь у меня такая апатия, что, если следовать бы влечению природному, я залег бы в постель и не встал. Надеюсь и уверен даже, что этот столбняк пройдет.

Телешев — Иван Яковлевич, преподаватель у Карамзиных, прокурор в Нижнем Новгороде. В том же письме С. Н. Карамзина пишет о Телешеве, называя его «le meilleur des hommes».

Рожнецкий — Александр Александрович (1774—1849), генерал от кавалерии; с 1832 г. — член Государственного совета и член Совета управления Царства Польского. Вяземский в письме к Булгакову («Русский Архив», 1879 г.) говорил, что правительству нечего радоваться, что они (Рожнецкий, Яблоновский и Красинский) остались верными.

Яблоновский — Максимилиан Антонович.

Курута — Дмитрий Дмитриевич (1773—1833), учитель греческого языка Константина Павловича, потом его адъютант и начальник штаба в Варшаве. Управляющий двором Константина Павловича. Позже граф и генерал от инфантерии, член Военного совета. О нем у Вяземского (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 357).

Новосильцев — Николай Николаевич (1761—1836), граф, влиятельный член «Негласного Комитета», принимал участие в реформах по народному просвещению. С 1813 г. — вице-президент временного Совета по управлению герцогством Варшавским; с 1815 г. — полномочный делегат при правительственном Совете Царства Польского. Ожесточенно боролся с польским национальным движением. Позже — президент Академии наук, попечитель Петербургского учебного округа; председатель Государственного совета и Комитета министров.

Колзаков — Павел Андреевич (1779—1864), вице-адмирал, генерал-адъютант.

Киль — Лев Иванович (ум. в 1851 г.), адъютант Константина Павловича, переведен в свиту Николая I генерал-майором.

Александров-Старший — Павел Константинович (1808—1857), внебрачный сын цесаревича Константина Павловича.

Фовицкий — Иван Михайлович — воспитатель Павла Константиновича Александрова. В 40-х гг. жил в Крыму.

Великая княгиня — Елена Павловна, жена вел. кн. Михаила Павловича, рожд. принцесса Вюртембергская (1806—1872). Выделялась в царской семье большой образованностью.

Великий князь — Михаил Павлович (1798—1849), младший сын Павла I.

Орлов — кн. Алексей Федорович (1786—1862), флигель-адъютант и генерал-адъютант при Александре I; при Николае I — шеф жандармов, председатель Государственного совета.

3 января.

Спасибо за письмо от 30-го, сейчас полученное. Надеюсь, что мои дорожные письма пришли кстати и успокоили тебя. Между тем, плечо всё у меня побаливает. Теперь же и здесь всероссийские дурацкие морозы, а комнаты мои несколько по русской пословице: моя горница с богом не спорница: на дворе холодно и у меня холодновато. Сделай одолжение, пришли мне мадригал Павлуши *et quelques-unes des jolies choses de Nadinka*¹. Скажи Пашеньке, что мне жаль, что я не был на бале Уваровой. я выкупил бы ее из беды. А уж верно, просидели вы вплоть до ранней обедни, вопреки повелению моему сидеть только до двух часов: а то похвастались бы передо мною актом своего послушания. А у ваших сиятельств не будет ли бала, чтобы праздновать мое отсутствие? А балы Оболенские делают? Жуковский был у меня вчера и с завистью смотрел на мои канурки, которые в самом деле довольно комфортабельны, а я, бывши у него на-днях, думал с завистью: экой счастливец Жуковский! сколько у него шкапов, столов и сколько места для них! Вот история человека. Но он в самом деле живет княжески, а я разве поэтски. Впрочем, и я населяю свои кельи столами как можно более, так что поворотиться трудно, но столы еще сиротствуют и пустыны. Жуковский видел твои ковры у меня, то есть тобою шитые, и говорит, что ты обещалась вышить и ему. Только ему тебя одной не довольно, он хочет, чтобы и Машенька пришла к нему что-нибудь. Здесь очень ожидают княжну Щербатову, и злоязычники или злоязычницы рассказывают о ней много глупостей, будто ею сказанных в Москве, например, государю, что ей очень было весело во время коронации и что она желает скорее дожидаться другой. Государь у себя на вечеринке говорил, что всё это ложь, что никогда она ему не говорила того, *que c'était une indignité de calomnier ainsi une jeune personne, qu'il saurait faire mettre à la raison les personnes, qui se permettaient de débiter de pareilles sottises*², а великий князь прибавил, что он с удовольствием высек бы рассказчицу подобных нелепостей. Всё это было сказано при молодой графине Моден, которая бледнела, краснела, зеленела, потому что дошло до государя, что всё это ее сочинения.

¹ И какие-нибудь остроумные словечки Наденьки.

² Что недостойно было так оклеветать молодую особу, что он сумеет вразумить тех лиц, которые позволили себе разносить подобные глупости.

Что за рожа у Новосильцева! у него разрослась бородавка под глазом, он ее срезал, теперь прижигает, и у него точно посреди красного поля обгорелый, мохом обросший пенек. Здесь, кажется, против него все предубеждены, *et il est en mauvaise odeur*¹, потому что все по косым его и кружащимся шагам, по красной роже, по походке его зыбкой полагают, что от него несет вином, и никто к нему не подходит. А Тимирязев уверяет, что он ничего не пьет. Мы это увидим, потому что на-днях еду к нему обедать.

Скажи кн. Грузинскому, что я Дашкова еще не видал, он болен и никого не видит. Если же поверенный князя уехал из Петербурга, как мне сказывали, то, вероятно, он придет или назначит другого, которого я буду ожидать, чтобы знать, как мне поступать. Ты съезди к князю или попроси его к себе и передай ему. Скажи Левицким, что я, к сожалению, приехал поздно, уже дело было сделано и десять тысяч рублей одновременно им назначено. Адлерберг сказал мне о том, как о деле сделанном, и, следовательно, нечего было мне уже сказать. Но если царская фамилия будет летом в Москве, то Левицкие тогда уже будут выезжать, сами увидятся с нею, и можно будет доделать, что теперь начато.

Скажи Денису Давыдову, что Ермолов ожидает его сюда, Стрекалов здесь, и хотя ехать в Казань ему не хочется, а, кажется, поедет, ибо государь на том настаивает. Между тем, говорят, что везде будут опять военные генерал-губернаторы.

Новостей здесь никаких нет, даже и обещанный к новому году министр внутренних дел не поспел. Две новые голубые ленты: Канкрину и Чернышёву. Польшу мало-помалу разбирают. Польские ордена присоединены к русским, и к. Ал. Ник. Голицын — канцлер всех императорских и царских орденов. Военный польский мундир уничтожен. Посмотрим, что из этого будет. Вырубить с деревом и вырвать с корнем не мудрость, была бы сила. Но что посадят на место его? Вот вопрос. Надобно же что-нибудь из Польши сделать, уж я не говорю, чтобы и овцы были целы и волки сыты, нет, одни волки сыты, то есть, чтобы Польша была на что-нибудь годна России... Сей час в первый раз пил я у себя твой чай. Он очень хорош, да только поперхнулся я подозрением, заплатила ли ты за него деньги Куманину?

Послали ли вы дополнение обоза моего? Дети Полуектовы очень милы, а Катенька довольно уже велика. Я уверен, что

¹ И он имеет дурную славу.

Тургенев всё это время забегал к тебе пять раз на день спрашивать, нет ли ответа ему на поручение, ажитировался, мизантропствовал на счёт моей дружбы и прочее и прочее. Во всяком случае, кажется, ему нужно сюда приехать, если только решится он здесь вести себя благонравно и благочинно. Я уверен, что многое в рассказах, ему переданных, прибавлено и не так перетолковано. Ну, а как он с Горсткиною? Что дело его с Жихаревым? С кем здесь ни случилось мне говорить об этом деле, все на стороне Тургенева. Лучше всего приехать бы ему сюда в одно время с к. Дмитр. Влад. и находиться под его крылушком. Князю можно будет говорить о нём и государю, и вообще хорошее расположение к нему князя будет ему каким-то аттестатом в хорошем, трезвом и проч. поведении в Москве. Телешев едет в Нижний Новгород прокурором, дай знать о том кн. Грузинскому, и если он захочет видеть его, то есть князь Телешева, то сведи их у себя, а я Телешева предупредил. Я видел сегодня Софию Бобринскую. Она мила и сладкоречива попрежнему. Она еще не выезжала. Здесь княгиня Барятинская также больна жёлчною горячкою. Она тоже не выезжала, а государь был у нее. Пашкова в трауре и не выезжает. Я видел её только раз, в день представления во дворце. С Дашковым здесь будем, кажется, на петербургской почве, а не московской. Конечно, он болен, но всё мог же, и не принимая меня, подать мне движение, знак дружбы. Между мужем и женою не нужно отношений, хотя ты с этим и не согласна, но между другими, а особенно, когда один из них министр, отношения нужны. Впрочем, если я не первый из мужей на лице, то первый на письме. А ты пишешь ко мне одни записочки: сделай милость пиши более. На прочие нежности нет ни места, ни времени. Возвращается ли к тебе кибитка, салон и мундир Тургенева? Обнимаю и благословляю вас, моих милых. Бог с вами и со мною. Нежно и пренежно тебя цалую. Катеньке мой сердечный привет.

Оболенские — семья родственника Вяземского кн. Андрея Петровича Оболенского.

Княжна Щербатова — Анна Александровна, фрейлина (1802—1870), в замуж. Александрова.

Графиня Моден — одна из дочерей обер-егермейстера графа Гаврилы Карловича де-Раймонд-Моден и его жены Елизаветы Николаевны, рожд. Салтыковой.

Поверенный князя Грузинского — Поляков.

Левцикие — семья варшавского коменданта, хорошие знакомые Вяземских.

Ермолов — Алексей Петрович (1772—1861), главнокомандующий Грузин и командир отдельного Кавказского корпуса, член Государственного совета. Был заподозрен в близости к декабристам и в желании самостоятельно управлять Кавказом, за что и был в 1827 г. отставлен.

Стрекалов — Степан Степанович (ум. в 1856 г.), военный губернатор в Казани, сенатор.

Чернышев — Александр Иванович (1785—1857). В 1819 г. член Комитета по устройству донских казаков. В это же время участвовал в усмирении помещичьих крестьян, отягощенных работами и налогами; член Следственной комиссии по делу декабристов; генерал-адъютант, позже военный министр, председатель Государственного совета и Комитета министров. Граф, светлейший князь.

Полуктова — Екатерина Борисовна, племянница В. Ф. Вяземской.

Жихарев — Степан Петрович (1788—1860), товарищ Жуковского, Тургеневых и Дашкова по Московскому Университетскому пансиону, чиновник Коллегии иностранных дел и Министерства юстиции, театрал и переводчик пьес французского классического репертуара. В 1832 г. обер-прокурор 8-го департамента Сената; автор «Воспоминаний старого театрала» и «Дневника студента»; член литературного общества «Арзамас»; вел денежные дела А. И. Тургенева во время пребывания последнего за границей. Не оправдал доверия А. И. Тургенева.

Кн. Дм. Влад. — кн. Дмитрий Владимирович Голицын.

Князь Грузинский — Егор Александрович.

Бобринская — гр. Софья Александровна (1799—1866), рожд. графиня Самойлова.

Барятинская — Мария Федоровна (1792—1858), рожд. гр. Келлер.

Пашкова — Елизавета Петровна (ум. в 1854 г.), рожд. Киндякова, в первом браке княгиня Лобанова-Ростовская; ей посвящено стихотворение Вяземского «Запретная роза», намекающее на ее первый неудачный брак.

Что же заказываешь ли мне, или себе, или нам двухместную карету? Здесь экипажи очень дороги. Я нанял карету на месяц за 400 рублей. Это плохая шутка, но на первый месяц я почёл нужным побариться в карете, к тому же были сильные морозы, плечо болело, шубы нет. А к тому же я надеюсь, что ты мне подаришь эти 400 рублей. Деньги уплывают с ужасною быстротою. Чёрт знает, сколько неожиданных издержек: 200 руб. долга Толмачеву, 250 р. за прошлогодний наем дома. Мало ли еще. А что фабрика? Вели мне составить ведомость до нового года, сколько выработано сукна, да составьте роспись доходов, которые имеются в виду на нынешний год, и расходов. Не забудьте притом, что процентов в Опеку́нский Совет платить нынешний год не будем, и справся в Опеку́нском Совете, с

которого времени считаться будут проценты и в котором месяце должно их будет в первый раз внести. Прошу все это сделать обстоятельно, как подобает жене чиновника по Министерству Финансов. А я с своей стороны представлю тебе мой бюджет, и ты испугаешься и пожалеешь обо мне. *Le jeu vaut-il la chandelle?*¹ Вот вопрос, на который время даст ответ решительный и на который мог бы я и теперь дать ответ решённый, по крайней мере в самом себе. Что Екатерина Николаевна, не Мещерская, с мужем ли или еще ждет его? Во всяком случае, обойми их за меня. Скажи Огаревой, что Ник. Ник. ждёт ее и радуется приезду ее.

6-го. Сегодня опять служба во дворце, но я не поеду. Хорошо было раз один показаться в маленьком мундире. И то до смерти надоели поминутные допросы: как это в маленьком мундире! Что значит, что вы не в шитом мундире? А после еще на министерских вечерах разговоры и толки о том же моем мундире. Между прочим, жаль, что не еду. Сейчас принесли мне ботфорты со шпорами, в которых щеголял бы я на Неве. Мне за вас больно. Вы, верно, из Москвы засмеялись бы, предвидя меня в этом богатырском наряде. Сапоги выше колена. Я их примеривал и хорошо. Рыжий паж мой из-за двери любовался мною, а дядька, с удвоением холопского благоговения, нагибался, подавая мне сапоги...

Одно худо, что сапоги стоят 95 руб. Ты ко мне так редко пишешь, что ни на что не похоже. Всего получил я два письма. А ты уж писем шесть должна была получить от меня. Обещанного письма от детей еще не имею. Сделай милость, вели Демиду всегда самому отвозить письма на почту, а не через Нестера, который разочтет, что гораздо короче пропить твое письмо за ваше здравие. Вчера я видел Козлова. Он велел тебе очень кланяться. Он попрежнему жив и, несмотря на слепоту свою (тем более, что он ни на что не смотрит), знает всё, что в городе делается, и занимается всеми городскими сплетнями, как будто стоглазый и стоногий наш Тургенев. Я графини Choiseul еще не видал, но велел ей вчера кланяться через Литту, который был у нас вчера. Пушкин бывает здесь часто и чаще без жены. Они, кажется, очень согласны, но редко вместе. Ты видишь: *tout est comme chez nous*² или, как говорит итальянская (графиня Choiseul жаловалась Софии на молчание твое) пословица: *Tutto il mondo e fato*

¹ Игра стояла ли свеч?

² Совсем, как у нас.

comme la nostra famiglia¹. Так ли? То есть, так ли в грамматическом отношении, а в другом и спрашивать нечего. Ты, верно, заревешь, что я перещеголял весь мир. Сейчас получаю ваши письма от 2-го. Спасибо и обнимаю вас от всего сердца. На сей раз прощайте. Пора отослать письмо на почту. Бог с вами и со мною. Целую тебя в очи и в уста, и благословляю, и обнимаю вас объятиями души.

Что пение княжён? Что танцы князя? А между тем, не худо бы всем, хотя и на несколько раз, взять каллиграфа и дать себе почерк более красивый, а для Маши и более твёрдый.

Разумеется, кланяйся от меня всем встречным и поперечным, а Тургеневу поручаю кланяться от меня всем встречницам и поперечницам, следовательно, в особенности Горсткиной: во-первых, потому что он мимо дома ее ходит вдоль и поперек, 2-ое, что она ему часто перечит, и 3-е, что она для него перечница, которая подсыпает ему много перца на сердце. Козлов ему очень кланяется и сказывал, что вчера был у него кн. Алекс. Никол. и много говорил о нём с участием и дружбою. В пятницу еду к нему или едем с Жуковским.

Прощай же и целуй же.

Ник. Ник. — Николай Николаевич Новосильцев, свойственник Огаревой.

Нестер — один из слуг Вяземских.

Козлов — Иван Иванович (1779—1840), поэт и переводчик. Переводил с английского, французского, немецкого и польского. Ослеп в 1821 г. Был близок с Пушкиным, Вяземским, Жуковским, Н. И. Тургеневым.

Графиня Choiseul — де-Шуазель-Гуфье — Варвара Григорьевна (1802—1873), рожд. кнж. Голицына.

Княжны и князь — дети Вяземских.

Кн. Алекс. Ник. — Александр Николаевич Голицын.

Здравствуй, моя милая. Что подельваешь? Я пока хорошего ничего. Я все еще не окунулся в Неву и не принял здешнего крещения. Вчера я купался в Висле, то есть обедал у Новосильцева, не подумай однакоже, что купался в вине. Нет, старик стал трезв, а впрочем ни на каплю не переменялся, а только на бутылки переменялся. Шутки в сторону, все тот же разговор, те же замашки, ни мыслью вперед. Удивительный

¹ Весь мир создан как наша семья.

человек. Эти варшавские выходцы точно движущиеся памятники из Геркуланума, поглощенного землею. Я непременно съезжу раз посмотреть Куруту. Я встретился здесь и с Jean de Paris, который в большом ходу в обществе, потому что играет большую игру. Любопытно смотреть из каких аристокраций составляется здесь вершина общества: аристокраций танцев, то есть, кто танцует на избранных вечеринках, аристокраций игры, кто играет в вист по 250 и 500 рублей, аристокраций отношений не в моем смысле, потому что здесь никто ни к кому не относится, а все, как подсолнечники, относятся к одному солнцу, по отношению связи, родства. Никто не держится сам собою, или пожалуй все держится холодом, все друг к другу примерзли. Беда, если оттепель. И чтобы пристать к другим, чтобы сцепиться с прочими, надобно тоже остынуть, потом оледенеть. А пока есть еще что-нибудь тепленькое в тебе, пока не чувствуешь, что оконечности начали холодеть, то держись в стороне, сиди у ледовитого моря и жди мороза. Вот и мои истории. Не удивляйся, что я пустился в такой романтизм. Я сейчас прочел брошюрку Шатобриана *relative au bannissement de Charles X et de sa famille* ¹.

Дела в ней мало, а много силы и красноречия. Он удачно указывает на зло, но не умеет навести на добро. Он похож на врача, который мастер попасть на болезнь, но сбивается с толка, когда захочет лечить ее. Тут удивительные фразы против Louis Philippe — все заключается в том, что надобно было избрать в короли le duc de Bordeaux² и что тем кончится, что он сядет на престол предков. *Ce sceptre du jeune Henri, soutenu des mains de la jeune France, eût mieux valu pour le repos de cette France, pour le bonheur même de celui qui règne, qu'une couronne entoraillée à (sic) un pavé et lancée d'une fenêtre; couronne trop légère si elle se sépare de son poids, trop pesante si elle y reste attachée . . . Ce que l'on possède aujourd'hui est un je ne sais quoi qui n'est ni république, ni monarchie, ni légitimité, ni illégitimité; une quasi-chose qui tient de tout et de rien, qui ne vit pas, qui ne meurt pas; une usurpation sans usurpateur, une journée sans veille et sans lendemain . . . Meilleur eût été de créer une monarchie purement électorale, dans la personne de Louis-Philippe, par ce qu'il fallait vite une tête pour boucher le trou de la Couronne. . . .* Cependant cette monarchie arrivée par hasard, comme on re-

¹ Касающиеся изгнания Карла X и его семьи.

² Герцога Бордоского.

tourne une carte qui devient un à-tout . . . Jusqu'ici les ministeriels de race n'avaient réussi qu'à procréer des ministres; ils sont parvenus à engendrer une monarchie domestique. Je doute que la liberté se plaise de longtemps à ce pot-au-feu¹.

Он говорит между прочим, что союз Франции с Англией не естественный, а что настоящая союзница Франции Россия, parce que sa position géographique, ses intérêts, ses ennemis naturels qui sont aussi les nôtres, l'ont fait tel².

Приводя слова, которыми Louis Philippe встретил предложение взойти на престол, упраздненный бегством или изгнанием (или, лучше сказать, прогнанием, ибо Карл не столько изгнан был, сколько прогнан французами) короля, он говорит: Et vous arrachez Louis Philippe à ses foyers domestiques, à lui si chers, pour lesquels il exprimait des regrets si touchants! et vous l'obligez de se renfermer dans le château de nos anciens Rois! Cette maison de passage où la gloire même n'a pu rester, ressemble à ces ruines où les voyageurs viennent tour à tour chercher un mauvais abri. Henri III y prit un cheval pour fuir, après la journée des premières barricades, Louis XVI en sortit pour aller au Temple, la Convention en fut chassée, Napoléon en partit pour S. Hélène . . .

Eh bien, dans ce château funeste, au lieu d'une couche innocente sans insomnie, sans apparition, qu'a trouvé votre prince? Un trône vide que lui présente un spectre décapité

---

¹ Этот скипетр молодого Генриха, поддерживаемый руками молодой Франции, дал бы больше спокойствия этой Франции, даже для счастья того, кто царствует, чем корона, обернутая вокруг камня и выброшенная из окошка; корона слишком легкая, если она отделится от своей тяжести, слишком тяжелая, если тяжесть останется привязанной к ней. То, что есть у нас сегодня — это нивесть что, оно — ни республика, ни монархия, ни законное, ни незаконное право на престол, что-то, что происходит из всего и из ничего, что не живет, не умирает; похищение без похитителя, день без кануна и без завтрашнего дня. Лучше было бы создать монархию чисто избирательную в лице Людовика-Филиппа, потому что нужна была голова, чтобы быстро заткнуть отверстие в короне. Между тем эта монархия, явившаяся случайно, как открывают карту, которая оказывается козырем...

До сих пор министерскому племени удавалось порождать только министров, они кончили тем, что породили домашнюю монархию. Я сомневаюсь, чтобы свободе на продолжительное время могла понравиться такая похлебка.

² Потому что географическое положение, интересы, естественные враги, которые те же, что наши, делают ее таковой.

portant dans sa main sanglante la tête d'un autre spectre¹. В конце изъявив желание, чтобы юному герцогу дали воспитание, согласное с духом нашего времени: *élevez-le pour être homme, non pour être Roi: là sont ses meilleures chances*², заключает он следующим образом: *C'est assez: quel que soit le conseil de Dieu, il restera un candidat de ma tendre et pieuse fidélité, une majesté, des âges que les hommes ne peuvent lui ravir. Mille ans noués à sa jeune tête, le pareront toujours d'une pompe au-dessus de celle de tous les monarques. Si dans la condition privée il porte bien ce diadème de jours, de souvenirs et de gloire* (прекрасное выражение); *si sa main soulève sans effort ce sceptre du temps que lui ont légué ses aïeux, quel empire pourrait-il regretter?*³

Довольна ли ты моими выписками? покорми ими и Тургенева, всеобщего кормильца по этой части. Я вчера был у Гагариной-Бобринской. Она не очень здорова. Туда приехала и пучеглазая племянница наша Нессельроде, которой, равно как и племяннику, не кланяюсь и кланяться не буду. В прежние мои приезды, я всегда отвозил им карточку, но не видел от них никогда не только родственного, но и учтвого ответа, теперь откланялся я им навсегда. Наконец, видел я и графиню Choiseul. Я на-днях попал, как кур во щи, на экстра-фэшонабельный вечер к Голицыной-Апраксиной. Приехал-было с визитом в надежде не застать их, был принят и при мне стеклись все сливки Петербургской кринки. Зато и заплатил я за

¹ И вы отрываете Людовика Филиппа от домашних очагов, ему столь милых, по которым он выражал столь трогательные сожаления. И вы заставляете его запереться в замке наших древних королей. Этот проходной дом, где даже слава не могла оставаться, походит на те развалины, куда поочередно заходят путешественники искать плохое убежище. Оттуда Генрих III ускакал на лошади в день первых баррикад. Людовик XVI вышел из него, чтобы идти в Темпль. Конвент отсюда был изгнан. Наполеон отправился на Св. Елену. Итак, в этом несчастном замке, вместо спокойного ложа без бессонницы, без угрызений, без привидения, что нашел ваш государь? — Пустой трон, который ему преподносит обезглавленный призрак, несущий в своей кровавой руке голову другого призрака.

² Воспитывайте его для того, чтобы он был человеком, а не только королем, в этом его лучшая удача.

³ Этого довольно. Каково бы ни было божье веление, он останется кандидатом моей нежной и благоговейной верности, величеством многих лет, чего люди не могут от него отнять. Тысячи годов, связанные с его юною головою, украсят ее всегда более голов всех монархов. И в условиях частного лица он прекрасно несет эту диадему дней времени, воспоминаний и славы: если его рука без усилия поднимет этот скипетр времени, который завещали ему предки, о какой империи он мог бы сожалеть?

сливки, чорт их побери, меня посадили за муху с Завадовской, Катишею Салтыковой, и я им проиграл, чорт их побери, 78 рублей. Таким образом попал я как кур во щи и как муха в сливки, чорт их побери. Тут я видел и Choiseul и на другой день заезжал к ней. Она, кажется, не очень довольна или по крайней мере не совсем довольна своим петербургским житьем. Она не бывает на придворных балах даже и на больших, а теперь дворец один — открытый дом в Петербурге. Для светской женщины это фальшивое положение, потому что отделяет ее раза два-три в неделю от своих сверстников. Писала ли ты ей с Литтою? Она полагает, что он потерял письмо твое. Вчера в пятницу были мы с Жуковским у к. Голицына. Я был им очень доволен. На-днях напишу тебе про беседу нашу. А ходоку по переулку Горсткиной скажи, чтобы он там ходил сколько душе угодно, но впрочем не ажитировался или, как говорит Володенька, не экзасперировался. Худого ничего нет, да и не будет, разве от Горсткиной. Приехал ли Борис? Поцалуй за меня Четвертинских и Ладомирских. Прости, моя милая. Тебя и детей благословляю и обнимаю от души. Бог с вами и со мною. Пиши же чаще. Княгиню Катеньку нежно целую. Маменька жалуется на молчание ее. Григорий Волконский тебе велел кланяться, а Никита пустился в французские стихи, влюблен в Долгорукую-Салтыкову и воспеваает ее. Барятинской совсем лучше. Еще раз же прощай, нежно целую тебя и вас.

Геркуланум — древний город в Италии, погибший при извержении Везувия.

Jean de Paris — кн. Иван Александрович Голицын (ум. в 1852 г.), состоял при канцелярии вел. кн. Константина Павловича, камергер. Получил прозвище *Jean de Paris* по имени комической оперы Сен-Жюста, появившейся на парижской сцене в 1812 г.

Шатобриан — François-Auguste vicomte de Chateaubriand (1768—1848), известный французский писатель, член французской академии. Принимал участие в политической жизни Франции. Крайний роялист, с 1824 г. был в оппозиции, в революцию 1830 г. снова оказался в рядах роялистов. Присягнул Луи-Филиппу, но поддерживал право на престол представителя старшей линии Бурбонов герцога Бордоского. Его политическое credo выражено им в его сочинении «De la restauration et de la monarchie elective» (1831 г.), в котором он пишет: «Я приверженец Бурбонов по чувству мести, роялист по убеждению, республиканец по влечению».

[Выписки Вяземский делает из разных мест брошюры Шатобриана не разделяя их в оригинале точками.]

Louis-Philippe — герцог Орлеанский (1773—1850), воспитанный по системе Жан-Жака Руссо был приверженцем новых идей, вступил в ряды национальной гвардии, получил звание *citoyen de Paris*, член об-

щества якобинцев, участвовал в войнах. Эмигрировал в Швейцарию, был в Америке, в 1800 г. вернувшись в Европу, жил в Лондоне. После июльской революции занял французский престол. Революция 1848 года вынудила Луи-Филиппа отречься от престола; эмигрировал в Англию.

Henri III — король французский и польский. Убит Жаком Клеманом.

Louis XVI — (1754—1793), наследный король старой Франции, казнен по решению национального конвента.

Napoleon I — Бонапарт (1769—1821), французский император с 1804 по 1814 г.

Le duc de Bordeau — Генрих V (1820—1883), воспитывался как король Франции, впоследствии жил под именем графа Шамбора.

Гагарина — кн. Мария Алексеевна (1798—1835), рожд. гр. Бобринская.

Пучеглазая племянница Нессельроде — Мария Дмитриевна (1786—1868), рожд. гр. Гурьева.

Племянник — гр. Карл Васильевич Нессельроде (1780—1862), реакционный дипломат, вице-канцлер, позже — государственный канцлер. Вяземский в письме А. Я. Булгакову писал о нем: «переселение мериносов в Россию [Нессельроде свои саратовские земли заселил шпанскими овцами] важнейшее действие всей политики его». Характеристика Нессельроде, сделанная Вяземским в VII т. полного собрания его сочинений, значительно мягче его отзывов в письмах к жене.

Голицына-Апраксина — кн. Наталья Степановна Голицына (1794—1890), рожд. гр. Апраксина.

Салтыкова — светлейшая кн. Екатерина Васильевна (1791—1862), рожд. кнж. Долгорукая.

К. Голицын — Александр Николаевич.

Ходок по переулку — А. И. Тургенев.

Володенька — Владимир Николаевич Карамзин (1819—1879), младший сын историка, впоследствии сенатор.

Борис — Борис Борисович Святополк-Четвертинский.

Княгиня Катенька — Екатерина Николаевна Мещерская, рожд. Карамзина.

Маменька — Екатерина Андреевна Карамзина, рожд. Колыванова.

Григорий Волконский — Григорий Петрович (1808—1882). В 1830 г. состоял при Азиатском департаменте. О нем см. в «Дневнике» Никитенка отзывы, как о человеке просвещенном, причем Никитенко отмечает, что он много раз отводил тяжелые следствия, грозившие левому студенчеству. Любитель музыки, обладал хорошим голосом (баритон), принимал участие в концертах. Впоследствии попечитель Петербургского округа; оставил должность по интригам министра С. С. Уварова. Петербургский университет избрал его почетным членом.

Никита — Никита Григорьевич Волконский (1781—1841), егермейстер, муж Зинаиды Александровны Волконской.

Долгорукая-Салтыкова — кн. Екатерина Александровна Долгорукая (1803—1852), рожд. кнж. Салтыкова.

Хороша ты, — бесстыдница! Начинаешь письмо 2-го и с трудом дописываешь его 5-го и еще какое письмо, такое редкое, что так и сквозит между строками. Что мне отвечать на вопрос твой о прическе Машеньки? Во-первых, ответ мой придет, когда праздники давно уже будут кончены, во-вторых, в этом деле ты более моего судья, но мне кажется, что Машеньке довольно и того, что она петушится, а бараниться совсем не нужно, тем более, что здесь многие и не из адолесанок так бывают на больших балах. А еще и то, что завивка верно портит волоса. Зачем же портить их до времени? По этому соображению я съездил бы посоветоваться с Шарлем. Но, по несчастью, он помешался или впал в какое-то ребячество. Впрочем, да будет воля твоя. Ты мне никакой записки о г-же Островой не давала, а без обстоятельного сведения ни к чему приступить не можно. Я же Дашкова еще не видал ни раза. Он все болен, я несколько раз заезжал к нему, минут по десяти и более стоял у подъезда и уезжал с тем «никого не принимает». К тому же, что просить его, что нет, все равно. Но между тем всё-таки пришли записку. Я свое дело сделаю, а что будет, увидим. То же или почти то же скажи и М. И. Корсаковой. А я буду отвечать ей с Трубецким Николаем, который на-днях едет, с чем я поздравляю княжну Софью. В субботу был большой бал у г. Лаваль. Такая теснота, что смяли бы муху, если она туда попала. Но теснота продолжалась не долго, от 12-го часа до второго. Тут все опустело, три выстрела из пушки объявили, что вода подымается, и страх всех разогнал. Давно замечают, что г. Лавалю нет удачи в бале. К тому же в этот день был детский бал во дворце. Многие маменьки приехали поздно, другие не приехали вовсе. А тебе не стыдно было целый вечер просмеяться над Лизою Нарышкиною. Да, как же это она на балы ходит? У нее умерла бабушка.

Я начинаю устраиваться помаленьку. Вчера и сегодня раскладывал свои московские книги. Я не нашел в них французской рукописи с письмами Екатерины, переписанные к Василием. Поищи, не осталась ли она как-нибудь в кабинете у меня, или у тебя. Говорят, что здесь Кнорингова, наша Варшавская, но я ее еще не отыскал. Что же не говоришь ты мне ни слова о мадаме, которую ты должна была видеть? Я жду, что ты скажешь, чтобы ехать к здешней. О Нащокине я ничего не слышал, хотя и видел Пашкову у Лаваль. Но Алединский

сказывал мне, что Нащокин едет в Нижний-Новгород. Алексей Перовский привез из Италии чудеса в искусствах. Картины первых мастеров, бюст Фавна (то есть Faune, M-me la parisienne du Pont des Maréchaux)¹, работы Микель Анже, и бюсту этому, говорят, нет цены. Чорт его знает, что он за прокуратор и за пройдоха, этот Перовский. А Василию я однако же более завидую, то есть брату его. Кабинет его прелесть. Что за столы, шкапы, кресла, лежанки, то есть couchettes — загляденье, залежанье. А Жуковский завидует моим чуланам.

Сегодня обедаю у Пушкина с Жуковским, Крыловым и Николаем Раевским, которого я еще не видал и не знаю. Как выпотрошила ты хотя и половину денег из Татищевой? Не обошлось, я чаю, дело без инструмента. Здесь говорят один день о войне, другой о мире. Дай бог, чтобы сбылось по другому дню. Гвардии велено возвратиться в Петербург, стало похоже на мир. Голландско-Бельгийское дело, кажется, устраивается. Пошли спросить Салаева, скоро ли он мне пришлет свою рукопись Фонвизина, да прислал бы и печатный экземпляр сочинений его. Пошли за Салаевым к себе и спроси, продается ли мой Адольф и все ли он получил экземпляры из Петербурга, да и не найдет ли он покупателя, который купил бы с уступкою все экземпляры. Когда увидишь Киреевского, скажи ему, что его Европеец одет слишком по-азиатски. Бумага, печать чересчур не красивы. Особенно же поразило это меня потому, что я в первый раз увидел его на фашьонабельном столике у г. Лаваль, рядом с щегольскими кипсеками, в день бала, среди блестящей гвардии обоего пола петербургского общества. Я Европейца еще не читал потому, что не имею его, но слышу, что первая книжка вообще понравилась. Посылаешь ли ты за ним? Ведь у тебя есть билет. Поздравь Катеньку с завоеваниями ее в царстве малолетних.

13-го

Спасибо за вчерашнее письмо, вероятно от 7-го, а числа не назначено. В нем грех сказать, что оно редко, но однако же и не очень плотно. Утешься, стодвадцатирублевого камердинера не взял. Впрочем дядьке плачу и с кушаньем около 50-ти рублей, да верно испортит он мне крови на столько же в месяц, оно на сто рублей и выйдет. Марии Ивановне повторяю то же. С Трубецким, или Тимирязевым, также на-днях

¹ То есть Фавна, мадам парижанка с Кузнецкого моста.

отъезжающим, буду отвечать ей подробно, а прока не ожидаю. Чего же, кажется, лучше Волкова или того, кто во время болезни его управляет, чтобы писать в Пензу. Здесь в Петербурге найти суда на стряпчего? да и в год не найдешь. Эти дела здесь тонут. Как тонут маленькие дети.

К тому же до министра, или вообще до главных начальств этого рода дела должны доходить по начальству, по порядку. А так прямо на-бело, по частному письму, ничего не сделаешь. Впрочем, разумеется, буду делать все, что можно.

Что это ты так мои Пашковские балы так сконфузила. Не с тем ли, чтобы уколоть меня прямо в глаз. И ты, дескать, мог на такие балы ездить шесть раз в неделю. Я думаю, ты и на бедного Тургенева нападаешь, т. е. на волокитство его, чтобы тут же меня поколотить. Во всяком случае, разве за старые грехи. А теперь я при дамах, какие ни были бы, только что зеваю. Катенька и княжны Мещерские увидели бы, что я не у них одних зеваю. Шутки в сторону, так рот и ломит, куда на вечер ни попаду. Долли вовсе не вижу, не подумай, что из ревности, а сам не знаю как. Элизы также. Россети осмирновалась. Я еще не видал ее в новом виде.

Катерина Андр. была у нее матерью посаженною, а велик. кн. отцом. Впрочем, София верно опишет всю свадьбу в лицах в письме к Катеньке. Следовательно, мне со стороны пересказывать слышанное не нужно. Вчера Полетика возил меня к старухе Загряжской, но она была уже за бостоном, и в таком случае приведи ей хоть китайского императора, то двух слов от нее не добьешься. Скажи не Катеньке Николаевне, а Катерине Николаевне, что брат ее будет разве через месяц, а не прежде. Что здоровье ее и что муж? Зачем Раменцов приехал, не дождавшись, чтобы со стороны Тверского губернского правления было наложено запрещение на свободное имение, оставшееся после Терпигоревой? Если он еще в Москве, то опять послать его в Тверь до решительного окончания на деле, а не на словах. Если его уже нет в Москве, то переговоры об этом с Петром Александровичем, Похвисневым или кем другим и действуйте решительно. Этот Раменцов мямля, если не плут, и, кажется, держать его не к чему. Нет ли у Мещерских какого-нибудь поверенного в делах в Твери или в губернии? Можно бы поручить ему. Поцалуй за меня ручки у Прасковьи Юрьевны и скажи, что я очень жалею, что не дождался ее. Здесь многие у меня о ней спрашивают. Мое почтение Петру Александровичу. На долго ли он в Москве? Цалую Пашеньку за письмо ее и прикрытые плечи. Тибо уверяет, что нет у него

ни одной из книг, о которых она упоминает, а есть другие. Дети здесь все больны, а Саша и в постели. Здесь вообще поветрие, простуды, у детей были вроде оспы, скарлатины. Бог с вами и со мною, мои милые. Нежно тебя цалую, обнимаю и благословляю вас всех от всей души.

Шарль — петербургский парикмахер. О нем упоминается в переписке Булгаковых.

Корсакова — Мария Ивановна Римская-Корсакова (ум. в 1832 г.), рожд. Наумова. См. Гершензон «Грибоедовская Москва».

Трубецкой — кн. Николай Иванович, которого по желтому цвету лица и по маленькому росту звали «Le Nain Jaune».

Княжна Софья — Софья Ивановна Мещерская.

Нарышкина — Елизавета Ивановна (1791—1858). «La grosse Lison» — фрейлина.

Бабушка — гр. Елизавета Александровна Строганова (ум. 28 дек. 1831 г.), рожд. Загряжская.

Кн. Василий — кн. Василий Федорович Гагарин (ум. в 1829 г.), родной брат В. Ф. Вяземской.

Кнорингова-Варшавская — Луиза, рожд. Северин.

Нащокин — Павел Воинович (1800—1854), близкий друг Пушкина.

Алединский — Александр Павлович (1775—1841), гофмейстер двора Михаила Павловича.

Перовский — Алексей Алексеевич (1787—1836), Антон Погорельский, писатель, попечитель Харьковского учебного округа. Сын А. К. Разумовского. Родственник Софьи Перовской.

Микель-Анджé — (Микель-Анджело) (1475—1564). великий итальянский художник.

Василий — гр. Василий Алексеевич Перовский (1795—1857), участник войны 1812 г., по отзывам современников принадлежал к Союзу Благочестия, 14 декабря неотлучно находился при Николае I, адъютант Николая Павловича в бытность его великим князем. генерал-адъютант самарский и оренбургский генерал-губернатор. член Государственного совета.

Татищева — Мария Степановна (ум. в 1852 г.), рожд. Ржевская, «всемирная кузина».

Раевский — Николай Николаевич (1801—1843). Раевский-младший командовал Нижегородским драгунским полком. Был арестован за сношения с некоторыми сосланными в кавказские войска декабристами, получил строящий выговор. Друг Пушкина. См. «Архив Раевских».

Голландско-Бельгийское дело. — В конце 1830 г. Бельгия отделилась от Голландии, а в конце июля 1831 г. состоялся въезд в Брюссель принца Леопольда Саксен-Кобургского, избранного королем Бельгии. Голландия отказалась признать условия, на которых Саксен-Кобургский принял корону, и двинула войска на Бельгию, которая и была разбита. Но по требованию Англии и Франции Голландия должна была отозвать свои войска из Бельгии. И хотя Голландия снова отвергла выработанные на конференции условия отделения Бельгии, но принудительные меры, принятые Англией и Францией, заставили Голландию в 1833 г. признать отделение Бельгии.

Фонвизин — Денис Иванович (1745—1792), знаменитый драматург.

Монография о нем написана П. А. Вяземским. См. Полн. собр. сочинений П. А. Вяземского, ч. V.

Адольф — роман Бенжамена Констана.

Киреевский — Иван Васильевич (1806—1856), славянофил, публицист, издававший журналы «Европеец» и «Москвитянин», сотрудничал в «Московском Вестнике» М. П. Погодина. О нем см. «Русский Архив» 1894: Иван Васильевич Киреевский. Очерк его жизни и литературной деятельности.

Европеец — журнал наук и словесности, издававшийся И. В. Киреевским при сотрудничестве Е. Баратынского и Н. М. Языкова. После выхода 2-й книжки был запрещен 22 февраля 1832 г. за статью Киреевского «Девятнадцатый век», помещенную в первой книжке, и разбор постановки «Горе от ума» на московской сцене. См. письмо Жуковского к Николаю I («Русский архив», 1896, т. I, стр. 109—119).

Графиня Лаваль — Александра Григорьевна (1772—1850), рожд. Козицкая.

Мария Ивановна — Римская-Корсакова.

Волков — Александр Александрович (1778—1853), участник Аустерлицкого сражения, московский полицмейстер, школьный товарищ А. Х. Бенкендорфа. О нем см. в переписке братьев Булгаковых («Русский Архив»), с которыми он был близок. Волкова заменял майор Брянчанинов Никита Петрович (1801—1886), позже генерал-майор, муж дочери Волкова.

«*Как тонут маленькие дети*» — «Черкесская песнь» из 2-й части поэмы «Кавказский пленник»:

«Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой...»

Пашковы — Александр Васильевич (1792—1868), генерал-майор, и Елизавета Петровна.

Княжны Мещерские — Софья Ивановна (ум. в 1881 г.), друг Чаадаева. Мария Ивановна (ум. в 1859 г.) в замуж. Гончарова.

Долли — гр. Дарья Федоровна Фикельмон. Дочь Елизаветы Михайловны Хитрово.

Россети осмирновалась — 11 января 1832 г. Александра Осиповна Россети вышла замуж за Николая Михайловича Смирнова.

Катерина Андреевна — Карамзина.

Велик. кн. — Михаил Павлович.

София — Софья Николаевна Карамзина.

Полетика — Петр Иванович (1778—1849), дипломат, автор политико-экономических трактатов; состоял при Барклай-де-Толли, принимал участие в Ахенском и Веронском конгрессах; русский посланник в Соединенных Штатах, либеральный сенатор. В молодости — член литературного общества «Арзамас». Оставил записки.

Загряжская — Наталья Кирилловна (1747—1837), рожд. графиня Разумовская. О ней см. у Вяземского, т. VIII и библиографию, указанную у Б. Л. Модзалевского. Пушкин — письмо, т. II, стр. 449.

Петр Александрович — Кологривов (ум. после 1850 г.), отставной полковник, владелец большого имения Мещерское Саратовской губ., отчим Веры Федоровны Вяземской.

Похвиснев — м. б. Николай Иванович, экзекутор в московском почтамте.

Тибо — учитель у Карамзиных.

Саши — Александр Николаевич Карамзин (1816—1888).

Здравствуй, матушка княгиня с детками своими и мужем. Я получил твои пять или шесть строк. И за то спасибо! Спасибо и за желание прислать мне перьев, в которых начинаю чувствовать нужду. К. Дмитр. Влад. я еще не видал, хотя и был у него. Но, верно, увижу на днях. Здесь у нас совершенно найдетская больница, а у Александра, кажется, и настоящая скарлатина, хотя и снисходительная. Екат. Анд. в смущении в ожидании, что и прочие дети перевалятся, кроме Андрея, который имел уже скарлатину. Погода самая вредная, сырая, тяжелая как говорил мне Горголи. Больных в городе довольно. Все что-то голова тяжела, да и на сердце не легче. А впрочем все слава богу, худого ничего не предвидится, да и хорошего также. На-днях обедал я у Лазарева, который знакомит петербургскую публику с своею племянницею, княжною Абамелекою. Она, конечно, хороша, но чего-то нет.

Вчера видел Смирнову, которая будто не замуж вышла, а из-за мужа не выходила, замужнею родилась, не по лицу, которое очень хорошо под брачною прическою, а так обхождением и тарелкою своею в обществе. А книг тебе присылать не буду, потому что у тебя под рукою живой источник в Мещерском. да к тому же и покупать ничего не хочу. Пришли мне список томов, которые у меня остались в кабинете: *Revue Française*, *Revue Encyclopédique*, *Cour de Villemain*, *Guizot*, *Cousin*, то есть от которого времени до которого, потому справиться мне у Белизара, все ли я исправно получил, на что подписался. Разумеется выставь и годы и месяцы в журналах. Вероятно, у Мещерского есть также эти книги, то ты можешь по его проверить *Guizot* и *Cousin* в особенных тетрадках, которые нужно собрать и переплести, а то растеряются. Приучайся к порядку, моя милая. Перенимай у меня. Я записываю, с какого времени пошел фунт чая и т. далее. Так и сижу на счетах и на записывании. Я заезжал к Мятлевым. Она все та же, а он вместо а говорит в, вместо здравствуй — прощай, но на лице совершенно свеж и здоров и даже умно улыбается, как прежде. Тимирязев кончил свое дело или по крайней мере в половину, ждет только билета для выезда и, вероятно, завтра или послезавтра отправится. Дашков все еще болен и следовательно невидимка. Блудова вижу и следова-

---

¹ Письмо датируется январем, так как 17 января — день рождения кн. Н. П. Голицыной, о котором пишет Вяземский.

тельно слышу довольно часто и много у Карамзиных. Написал ли Языков стихи в альбомы наших княжен? Я у Софии Карамзиной нашел одиннадцатый том Гофмана нашего. Она говорит, что предыдущие у Мещерского. У нас были только четыре первые. Отыщите.

16-е.

Вчера Щербатовы возили меня к усатой бабушке. Я видел там к. Дмит. Влад. Поговорили о Москве. Он к. Алекс. Ник. еще не видал. Завтра великий день рождества усов, вечером будет весь город и бал импровизированный. Иногда приезжают туда без приглашений и царствующие. Вечер кончил я у Элизы, у которой не был дней с 15. Из дам, кроме семейных, была Шувалова-Зубова. Она очень мила собою и имеет что-то польское. Ее все хвалят за простоту и доброту. Из мужчин меланхолический Ленский и несколько дипломатических фашьюнабельностей. Впрочем Шувалова имеет не что-то, а просто имеет польское, потому что она полька. С прискорбием доношу княжне Софии, что Трубецкой едет только во вторник, т. е. 19-го, я вчера с ним обедал. А когда же вышлете вы мне монументальную? На долго ли у вас папаша и мамаша? Как ты с ними? Пожалуйста не ссорься и будь умна. А Борис у вас ли? Если встретишь Шаховскую-Пушкину скажи, что я приехал к ней пол часа после отъезда ее в Москву, а прежде оставил карточку свою у каких-то других Шаховских. В Совете произошло новое преобразование Сената. Я о нем еще порядочного понятия не имею. Теперь ожидают новое преобразование министерства внутренних дел. Надежды на мир усиливаются. Вот тебе и вся политика, которою ты можешь блеснуть пред г-жею Макаровою. Не удивляйся, что мои письма так пусты. Честью клянусь, я ни одного замечательного слова ни от кого здесь не слышал, а самому не случилось еще выпустить. Вот от чего и переливаю из пустого в порожнее. Что читает теперь Маша? Самое время для чтения ей. Что пение, что английский язык? Говорите мне, княжны мои, о занятиях ваших. Нежно целую вас. Прощай, боюсь опоздать на почту, да еще у меня в виду два письма к тебе.

Сей час записка от Горголи *le porteur du présent etc.*, а этот подарок, т. е. *le présent, est sa lettre*. Впрочем спасибо ему. Обнимаю и благословляю вас от всей души малых и больших. Что Наденька умнее ли ведет себя с Парашею? Здесьним детям лучше. Мой сердечный поклон бо-папаше и бель-мамаше, бель-серам... бо-фрерам и всем православным христианам. Сегодня вечером Бенкендорф назначил мне свиданье.

ние. Поеду говорить ему о деле Корсакова. Нежно целую тебя, моя милая. Будь здорова и будьте здоровы. Бог с вами и со мною.

Закажи прежде всего колясочку. Кареты весною и летом мне почти не нужно. Заплатила ли деньги Куманину, Тарасенкову и проч.? Не забудьте переменить мой билет в английском и узнай через Ладомирского, заплатил ли я 50 рублей по подписке, сделанной Геером в пользу Лиленеевой? Сейчас пришли нарядить меня дежурным в Эрмитаж к Елене Павловне. Молись богу, чтобы не дал я какого-нибудь промаха. Простите.

К. Дмитр. Влад. — Дмитрий Владимирович Голицын.

Андрей — Андрей Николаевич Карамзин.

Лазарев — Иван Иоакимович (1787—1858), чиновник особых поручений при московском военном генерал-губернаторе. Позже попечитель Лазаревского института восточных языков; служил по министерству финансов, камергер, меценат. См. о нем у Вяземского (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 81).

Княжна Абамелек — Анна Давыдовна (1816—1889), в замуж. Баратынская; воспета Пушкиным и Вяземским. Переводила стихи Козлова, Пушкина и французских, немецких, английских поэтов.

Revue Française — сборник литературный и философский. Был основан в 1828 г., с промежутками выходил до 1866 г. Среди сотрудников находился Гизо.

Revue Encyclopédique — ou analyse raisonnée des productions les plus remarquables dans la littérature, les sciences et les arts, par une réunion de membres de l'Institut et d'autres hommes de lettres, издавался в Париже в 1814—1833 гг., являясь продолжением «Magasin encyclopédique». Редактор Marc Antoine Jullien de Paris. С 1831 г. Hippolyte Carnot et P. Leroux.

Villemoin-Abel-François (1790—1870), знаменитый французский писатель и профессор, был одно время министром народного просвещения. Известен его курс французской литературы XVIII в. в 5 томах.

Guizot — Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874), известный французский историк и государственный деятель, профессор Faculté des Lettres в Париже. После второй реставрации Бурбонов — член Государственного совета; после 1820 г. вышел в отставку и занимался профессорскою и литературною деятельностью.

Cousin — Victor (1792—1867), французский философ-эклектик, познакомивший Францию с германскою метафизикою.

Белизар — Фердинанд Михаил (ум. в 1863 г.), петербургский книгопродавец, издатель. Издавал «Revue Etrangère» и «Journal de St. Petersburg».

Мещерский — кн. Петр Иванович.

Мягловы — Петр Васильевич (1756—1833) и Прасковья Ивановна (1772—1859), рожд. гр. Салтыкова.

Языков — Николай Михайлович (1803—1846), поэт, в лирике которого доминировали анакреонтические мотивы. В конце жизни — славянофил. Языковский архив опубликован проф. Петуховым.

Гофман — Эрнест-Теодор-Амадеус-Вильгельм (1776—1822), известный немецкий писатель.

Щербатовы — кн. Алексей Григорьевич (1777—1848), боевой генерал, позже московский военный губернатор, первым браком был женат на родной сестре П. А. Вяземского; кн. Софья Степановна (ум. после 1861 г.),

рожд. Апраксина, внучка «усастой бабушки» — кн. Натальи Петровны Голицыной (1739—1837), рожд. графини Чернышевой, «la princesse Moustache», статс-дамы, имевшей большое влияние при дворе, послужившей персонажем «Пиковой дамы» Пушкина. О ней интересные воспоминания у Благово: «Рассказы бабушки».

Шувалова-Зубова — Текла Игнатъевна (1801—1873), рожд. Валентинович, вдова Платона Зубова, во втором браке гр. Шувалова.

Ленский — Адам Осипович, камергер, главный помощник статс-секретаря Государственного Совета по департаменту Царства Польского.

Папаша и мамаша — Петр Александрович и Прасковья Юрьевна Кологривовы.

Шаховская-Пушкина — кн. Софья Алексеевна (1790—1878), рожд. гр. Мусина-Пушкина, приятельница Вяземского. Ей он посвятил стихотворение.

Новое преобразование Сената — указом от 28 января 1832 г. были созданы должности первоприсутствующих во всех департаментах, за исключением первого.

Ожидают новое преобразование министерства внутренних дел — именной указ Сенату от 2 февраля 1832 г. был опубликован 5 февраля. Этим указом Главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий присоединялось к министерству внутренних дел.

Мапие! — губернёр Павла Петровича Вяземского.

Параша — Прасковья Севастьяновна, няня Вяземских, умерла от холеры в 50-х гг.

Бо-папаша — Петр Александрович Кологривов.

Бель-мамаша — Прасковья Юрьевна Кологривова.

Бель-серы — кн. Надежда Федоровна Святополк-Четвертинская и Софья Федоровна Ладомирская.

Бо-фреры — кн. Федор Федорович Гагарин, кн. Борис Антонович Святополк-Четвертинский и Василий Николаевич Ладомирский.

Бенкендорф — Александр Христофорович (1783—1844), начальник штаба гвардейского корпуса, шеф жандармов. Один из главнейших сотрудников Николая I в его реакционной политике. Принимал участие в следствии над декабристами. Оставил записки.

Корсаков — Римский-Корсаков Григорий Александрович (ум. в 1852 г.), друг П. А. Вяземского. «Московский лев», управлял именем Римских-Корсаковых Голицыно в Пензенской губ.

Геер — граф. Из переписки бр. Булгаковых видно, что он был отцом кн. Веры Федоровны Салтыковой, рожд. Стемпковской, которая в качестве воспитанницы жила у кн. Варвары Юрьевны Горчаковой.

Елена Павловна — вел. кн., жена Михаила Павловича.

Здравствуйте! А у нас все еще не очень хорошо. Лизаньке лучше, или по крайней мере, менее опасности в ее положении, но все еще бывает жар, кашель продолжается. Ек. Ан. очень убита духом, а странное дело, здоровье ее в этот кризис поправилось, то есть клин клином выбит. Сердечный недуг победил телесный. Другим детям решительно лучше. А я, как на-

¹ Письмо датируется январем, так как рождение Н. П. Вяземской 15 января.

рочно, веду в это печальное время самую, если не распутную, то беспутную жизнь. Ежедневные приглашения на обед и на вечер. Вчера был прекрасный бал у министра двора в доме уделов. На эти балы только приглашает Волконский, а все издержки казенные. Лучше и милее всего было убранство лестницы с зеленью и цветами и освещенное как будто солнцем, или лучше нежели солнцем. Разумеется и внутри все горело, сияло, все было нарядно и красиво и лучший цвет петербургского общества. Ни тесноты, ни большого жара не было. Разумеется, был и двор. Поздравляю и тебя и вас с вашим бальным торжеством. Хороши вы, праздновали Наденьку, а о ней и не подумали, то есть не позвали кавалеров ей под руку. Нет, Наденька, при мне этого не было бы. Худо тебе жить со старшими сестрами и с молоденькою маменькой. Comme le fils de ma soeur recevait en bivouac des reproches de sa mère sur ses fautes d'ortographe (lettre de la P-sse Wiasemski. 14. Janvier). Mademoiselle Pauline voudra bien au sortir du bal et toute fatiguée de ses succès en recevoir de moi. Plaisanterie à part, chère Pauline, vos lettres à vos cousins sont si peu soignées, si pleines de fautes de négligence, que cela n'a pas l'air de rien. Il faut absolument Vous occuper sérieusement de vos études et Vous y mettre avec zèle. A votre âge, avec tous les maîtres et toutes les leçons par lesquels Vous avez passé (ou passé, ou passés) il est impardonnable de ne pas écrire sans faute. Ce n'est pas le tout que d'être au bal une des bonnes danseuses, il ne faut y céder à personne même en fait de grammaire, car ne doutez pas que l'un rejaillit sur l'autre. Une demoiselle aura beau bien danser, mais si on dit d'elle qu'elle ne sait pas écrire trois lignes correctement, les cavaliers l'abandonneront bientôt, car même pour la danse on préfère une demoiselle bien élevée à celle qui ne l'est pas. Tant que Vous ne lirez pas beaucoup, que Vous ne ferez pas d'entraint pour Votre plaisir, à part les leçons, en un mot que Vous n'étudierez pas et que Vous Vous contenterez d'apprendre ce qu'on Vous donne à apprendre, Vous ne parviendrez jamais à bien savoir, ce qu'il est indispensable de bien savoir. On ne peut point exiger de l'instruction de tout le monde, mais il est une espèce de connaissance, qu'on doit avoir, si l'on ne veut pas passer pour une mal élevée. Sans rancune, embrassons nous et mettez mes conseils à profit¹.

¹ Как сын моей сестры получал на бивуаке упреки своей матери за свои орфографические ошибки [письмо княжны Вяземской от 14 января].

Мадемузель Полина пожелает ли, при отъезде с бала, совершенно утомленная своими успехами, получить таковое от меня. Шутки в сторону, ми-

Все меня поздравляют с моим выигрышем piano, предлагают купить его, говорят, что это лучший в Петербурге. Видите, барышни, какой я добрый человек и как вас люблю. Денежки были бы мне очень по нутру, но я берегу пиано для вас. А если при отъезде из Москвы продадите вы ваше пиано, вот это дело другое. Вырученные деньги прошу выдать мне. Это будет справедливо. Сейчас была у меня Полуэктова. Она говорит, что третьего дня писала она к тебе. Не бойся, я и здесь под цензурою в отношениях своих. Вчера императрица спрашивает меня: *avez Vous déjà engagé quelqu'un pour la danse*¹, и на мой ответ, что танцую мазурку с Апраксиной, сказала мне: *qu'elle avait remarqué depuis longtemps, que nous nous faisons la cour et qu'elle en avait fait des clabauderie à Twer à son mari*².

Между тем она одобрила мои отношения и очень расхвалила ее. Удостоился я также и внимания великой княгини, которая мне сказала: *qu'elle me donnerait pour exemple à Joukowsky. Parce qu'il fait des vers, il croit qu'il faut toujours être pensif*³. Вот тебе отчет в моих почестях и при том успокоение для твоей ревности. Ты подумаешь, что и здесь за глаза со скуки и на просторе я затеряюсь в отношениях. Не тут-то было. Я и здесь под караулом. Не советую тебе отдавать четвероместную карету. Она добрая баба, добрая старуха, кото-

---

лая Полина, ваши письма к кузенам так небрежны, так полны ошибок от небрежности, что это ни на что не похоже. Вам совершенно необходимо серьезно заняться учением и приняться за него с рвением. В вашем возрасте, со всеми учителями и всеми уроками, которые вы прошли, непросто не писать без ошибок. Совсе не всё — быть на балу одной из лучших танцовщиц, никому не надо уступать даже в грамматике, потому что не надо сомневаться, что одно отражается на другом. Пусть барышня прекрасно танцует, но если скажут о ней, что она не умеет написать правильно трех строчек, кавалеры ее вскоре покинут, ибо даже для танца предпочтут барышню хорошо образованную той, которая не такова. Пока вы не будете много читать, пока вы не будете вкладывать увлечения для своего собственного удовольствия помимо уроков, — одним словом, пока вы не образуете себя и удовольствуетесь заучиванием того, что вам дают учить, вы никогда не достигнете хорошего знания того, что необходимо знать. Совершенно нельзя требовать универсальной просвещенности, но есть род знания, который надо иметь, если не желаешь прослыть за плохо воспитанную. Поцелуемся без досады, и используйте мои советы.

¹ Пригласили ли вы кого-нибудь на танец?

² Что она уже давно заметила, что мы увлекаемся, ухаживаем друг за другом, и что она наболтала ее мужу в Тверь.

³ Что она поставит меня в пример Жуковскому. Он пишет стихи и потому он полагает, что надо всегда быть задумчивым.

рая может всегда пригодиться для дороги. Велеть ее только подчистить, подсвежить. Одно замечание сделаю и об экипажах: le satin blanc¹ слишком марко. Я отгадал M-me Soldan, а другой не мог. Кто эта, которая взяла штурмом ваш бал? Напрасно думаешь, что я играю в домино с г. Фикельмон, то есть будирую. Мы очень дружны, а редко видимся, потому что дом ее закрыт, но каждый раз, что он несколько отворяется, я туда впускаем. В понедельник у нее большой бал, но не царский. Доктор находит, что Лизаньке лучше, но все еще болезнь не прошла и пульс слишком скор. Ты на меня сердисься иногда за мои выходы, а послушай, что журнал la Mode говорит сестре короля: Comment ôsez Vous mettre un chapeau de taffetas bleu de ciel avec une robe de popeline amarante? et des robes decolletées, qui plus est avec une figure d'acajou moucheté, des bras de noyer et une poitrine de couleur de chêne? Vous avez l'air, en vérité, de mépriser toute convenance².

Это письмо по случаю la fête du Rois³. А она, M-me Аделаида была la reine de la fête⁴ и тысячу глупостей и похабностей на этот предмет. У меня Пушкин и заливается хохотом мысли моей утешать тебя и оправдывать себя цитатами из Моды. Простите. Что же образцы Гучковские? А материя для Волконского? Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. Тебя нежнейше цалую. 3-я часть Онегина, то есть последняя, вышла. Прости, душа.

Лизанька — Елизавета Николаевна Карамзина (1821—1891), фрейлина, младшая дочь историка.

Волконский — Петр Михайлович, министр двора.

Дом уделов — на б. Дворцовой наб. 28-б, Миллионная, 29, ныне улица Халтурина.

Праздновали Наденьку — младшая дочь Вяземских, Надежда Петровна, род. 15 января 1822 г.

Апраксина — Софья Петровна (ум. в 1886 г.), рожд. гр. Толстая.

Апраксин муж — Владимир Степанович (1796—1833), генерал-майор.

M-me Soldan — Вера Яковлевна (1790—1856), рожд. Мерлина, в первом браке Есипова.

¹ Белый сатин.

² Как вы рискуете надевать шляпу из тафты небесного цвета при платье из малинового попелина. И еще хуже декольтированные платья с лицом цвета красного дерева, покрытого крапинками, с руками орехового цвета и грудью цвета дубовой древесины. Вы имеете вид, поистине презирующий всякое приличие.

³ Королевский праздник.

⁴ Царицей бала.

„*La Mode*“ — еженедельный журнал, основанный в 1829 г. Эмилем Gigardin при покровительстве герцогини Беррийской. После революции 1830 г. был продан приверженцам старшей линии Бурбонов, в царствование Людовика-Филиппа являлся органом легитимистов, вследствие чего подвергался многочисленным репрессиям. Позже менял названия и запрещался: закрыт был в 1862 году.

Сестра короля — Madame Adélaïde-Eugénie-Louise, принцесса Орлеанская (1777—1847), сестра короля Людовика-Филиппа, советница брата.

27

[Январь].

Г. Чернышев сказал мне, что будет отвечать тебе по собрании нужных справок; я просил его не давать себе труда писать, а просто отвечать мне словесно, но он хочет непременно отвечать тебе письменно. Следовательно, жди. Вероятно, эти справки по делу Трубецкого. потому что по делу к. Федора на вопрос мой, есть ли надежда на исполнение, он сказал, что теперь нет вакансий в этой дивизии, а перемещать нельзя. Дай знать Ив. Ив., что у меня лежат для него Северные Цветы, которые пришлю к нему с последнею песнею Онегина.

25-го.

Слава богу. Лизанька лучше, очень лучше. А доктора крепко за нее боялись, нарыва в груди. Теперь и Ек. Ан. несколько успокоилась, а то жалко было смотреть на нее. Странно, что все дети были больны в одно время и все разными болезнями. Казалось, что скарлатина Александра должна всех обойти, тем более, что беспрестанное сообщение было между ими, а особенно с начала. Скажи Четвертинской, что я вчера получил письмо ее и надеюсь отвечать на него завтра. Сегодня поеду к Бибинову и во всяком случае увижу его вечером на бале австрийском. Кажется, нечего и думать, верно будет сделано по желанию ее. Гвардия идет сюда. Слышали ли вы о убийстве одного генерала Розена. Адъютант его влюбился в жену его, не имел успеха, наконец овладел ее тайной сердечной, перехватив письмо ее к другому; страшал ее открыть всё мужу, если она не уступит желаниям его; она в страхе, в борении открывается мужу; он отсылает от себя адъютанта в полк, тот на прощание приходит к нему с пистолетом, убивает его наповал, стреляет в себя, но не убивает, а только изувечивает себя, кидается выпить склянку с ядом, которую принес он с собою, ему не дают выпить ее до конца. Да эпизодом этого ужасного приключения еще и то, что жена Розена отказывалась от желаний адъютанта, говоря, что любовь ее к робенку своему не позволит ей никогда изменить отцу его. Он, чтобы сгладить это препятствие, отравляет робенка. Вот

молодец à la Hugo et à la Jeanin. Сначала пронесся было слух, что убит Розен Грузинский, но когда узнали, что тут идет дело о любовном отношении, то есть отчаянии (сорвалось с пера, то-то не понимать отчаяния, а одни отношения), внушенном женою его, то все успокоились и убедились, что речь не о твоей кухне. Какой-то отчаянный любовник застрелил здесь на-днях девушку, которая не хотела идти за него замуж. При этих рассказах о комедии у г. Фикельмон я говорил, что нам, мужчинам, должно непременно воспользоваться этою полоскою времени и делать признания в любви. Все женщины с испуга сдадутся. Дело в том, что здесь и отношений не заметишь нигде. Все это съезжается, сближается, совокупляется по службе. Кто с кем танцует ли чаще, чаще кто к кому ездит ли, кто на ком женится ли, все придется вспомнить Крылова:

Сосед соседа звал откушать,
Но умысел другой тут был.

Везде другой умысел. Главный жених здесь Александров-Варшавский. Сперва женили его на Урусовой, после на Опочининой, и последнее дело шло уже на лад, но разладилось. Не понимаю, почему в табеле платежа сказано, что в 1822 году должен заплатить 3710 руб. Разве не все имение переложено на 37 лет? И к чему же в 1833 г. заплатить следует 14 тысяч с чем-то, а в следующие по 16 тысяч слишком? Прошу велеть объяснить мне. А фабрика что? Я говорил Квасникову присылать мне рапорты, но еще не получал ни одного. Скажи Катеньке, что я вчера обедал у Спасского и очень хорошо. Он, кажется, бедняжка у жены, если не в черном теле, то в сереньком и во всяком случае так, потому что и у жены серенькое тело. Там нашел я нашу московскую Шатилову с большой дочерью, которая довольно хороша, но и теперь хуже матери. Говорят, что муж ее прощается. Я не имел духа спросить ее о нем. Завтра обедаю у Алины Дурновой для Россети-Смирновой брачный обед. Сегодня везу в Австрию Aimée, едет на бал и София. Жалко смотреть на Aimée, как лицо у нее испорчено. Вообрази, что после нашего первого жаркого свидания с Нессельроде и след простыл. Уж он не вице-канцелярит ли со мною? На-днях ожидают Паскевича, не знают на долго ли или нет. Я опять встретился с фельдмаршалшею и опять очень дружелюбно, а все еще не мог попасть к ней. А надобно до приезда мужа. Пока прости и простите. Здесь совершенная оттепель. Пришли же Гучковских образцов для Нины Воронской, как названа Завадовская в Онегине.

Она [т. е. Татьяна] сидела у стола с блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы; и, верно б, согласились вы, что Нина мраморной красою затмить соседку не могла, хоть ослепительна была.

Есть много прелестных подробностей в этой песне и вообще больше романтического интереса, нежели во многих других песнях. Я ономедни тургеничал; ездил обедать к г. Лаваль с Онегиным за пазухою и читал его. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. Мой сердечный поклон Прасковье Юрьевне и благодарность за поцелуй ее, переданный мне Aimée. Всем нашим также мой сердечный поклон и тут же Екатерине Николаевне не Мещерской с мужем. Надеюсь скоро отвечать им, а что — совершенно не знаю. Ну, уж мой дядька. Он очень хороший человек и старательный, но у меня так на сердце и лежит и щетинится злая антипатия на него, как только подходит он ко мне. А туда же и Машенька меня подбила. Я помню, что в самый час отъезда моего сказала она *qu'elle n'aurait jamais permis à un homme avec de pareilles mains de la toucher*¹ и теперь невольно я поминутно смотрю на руки его и повторяю себе слова Машеньки. Нервы у меня так и разыгрываются, как Эолова арфа, а на беду я и бранить его не смею из уважения к летам. *Je ne dis de gros mots qu'à des jeunes personnes, par exemple à toi*². А тут это все кипит молча и прикипает к сердцу. За то уже *mentalement*³ или сквозь зубы достается ему, как и злобно тешу себя передразнивая его сам перед собою, как он только выйдет из комнаты. А он на беду так глуп, что даже не чувствует моей антипатии к нему и по холопской совести думает, что я очень люблю его, потому что не бью. Он никак не догадывается, что он и вице-канцлер Нессельроде две скребницы сердца моего. А как холопски табак нюхает и обтирает руки об панталоны, выразить нельзя. Нежно целую тебя.

Я ономедни тургеничал — А. И. Тургенев имел обыкновение возить с собой новые произведения Пушкина и читать их знакомым.

Г. Чернышев — гр. Александр Иванович.

Трубецкой — кн. Юрий Петрович.

К. Федор — кн. Федор Федорович Гагарин.

Ив. Ив. — Иван Иванович Дмитриев.

Северные Цветы — издавались Дельвигом в С.-Петербурге с 1825 г.

Бал австрийский — бал у австрийского посланника Фикельмон.

¹ Что она никогда не позволила бы человеку с такими руками ее коснуться.

² Я говорю грубости только молодым людям, например, тебе.

³ Мысленно.

Генерал Розен — вероятно, начальник 2-й уланской дивизии, убит в Чугуеве Таранухиным во время обеда (см. «Украинскую Старину» Башкирцова. «Русский Архив», I—IV).

Hugo—Victor-Marie (1802—1885), знаменитый французский писатель.

Jeanin—Jules-Gabriel (1804—1874), критик и писатель в «Journal des Debats», автор «Contes fantastiques et contes litteraires», «Contes nouveaux» и нашумевшего романа «L'âne mort et la femme guillotinée». Русские переводы его сочинений печатались в «Библиотеке для чтения» 1834—1839 гг.

Розен Грузинский — бар. Григорий Владимирович (1782—1841), командовал отдельным Кавказским корпусом, главнокомандующий гражданской частью и пограничными делами в Грузии.

Кузина В. Ф. Вяземской — бар. Елизавета Дмитриевна Розен (ум. в 1862 г.), рожд. Зубова.

*Сосед соседа звал откушать, |
Но умысел другой тут был |* — басня Крылова «Музыканты».

Урусова — княж. Софья Александровна.

Опочинина — вероятно, Александра Федоровна (1814—1868), в замуж. Туманская.

Спасский — Иван Тимофеевич (1795—1861), доктор медицины, ординарный профессор императорской Медико-Хирургической Академии. Автор записки о последних днях болезни и смерти Пушкина.

Спасская — Александрина (1803—1875).

Шатилова — Варвара Александровна (1796—1860), рожд. Алябьева.

Шатилова дочь — Лидия Николаевна, в замуж. гр. Сиверс, умерла в конце 40-х гг.

Шатилов — Николай Александрович (1788—1841), состоял при московском военном генерал-губернаторе. Судился и был выслан за избивание во время карточной игры, повлекшее за собой смерть помещика Времева.

Нессельроде — Федор Карлович.

Фельдмаршалша — Елизавета Алексеевна Паскевич, рожд. Грибоедова. «Она сидела у стола, с блестящей Ниной Воронскою» — Евгений Онегин, глава VIII, ст. XVI.

Квасников — смотрел за фабрикой Вяземского в Остафьево.

Если не было тебе письма с Тимирязевым, вот письмо с Языковым. Я Тимирязева не видал пред отъездом его. Он приезжал к нам прощаться в мой бешеный день, когда я был в дворских почестях, да и зачем тебе мои письма ocasionные. Я и так пишу тебе раза три на неделю. Кажется, моя голубушка, жаловаться тебе нельзя. Извините, ваше сиятельство, что распечатал письмо г. Чернышева. Мне хотелось знать, нет ли чего делать мне по нем. Вечером я видел его на балу, и он повторял мне, что за неимением вакансий нет возможности переместить к. Федора. С чего берет кн. Федор, что я не благодарен, и на чем основывает догадки о холодности моей к нему. Разве теперь есть мне на что на него гневаться, что он тебя слишком балует и портит мое дело. Ты и меня держать захочешь на по-

сылка¹ у себя. Сейчас был у меня Раевский и просил меня сообщить Орловой, что он получает Анну через плечо, что он совершенно очищен во мнении государя на зло Паскевичу и Чернышеву и что он пока остается здесь еще, чтобы, если можно, поправить дела брата. В этом деле помог ему Бенкендорф, которым он очень доволен. Скажи Орлову, что я получил письмо его и буду выжидать случая действовать по нем. Пока я Дашкова с приезда еще не видал. Для разговора с Канкриным должно приискать удобное время. Пока я вижу его только в гостиной и при людях. На всякий случай скажи Орлову, что на здешней земле чужие мысли не принимаются. Везде видишь qu' on a des idées arrêtées, toutes faites sur les hommes et les choses¹.

В этом-то и беда, а поелику головы наши государственные довольно узки, то в них нет уже места для приходящих понятий и мнений, никого и никем и ничем не переуверишь. Я это уже несколько раз испытал и слышал подтверждение тому от людей здравомыслящих. Может быть еще один Бенкендорф доступен посторонним мыслям, от того ли, что у него место чисто т. е. пусто, от того ли qu'il est bon enfant et ne tient pas à ses idées², но о деле важном ему говорить напрасно, тем более, что в делах важных голос его не очень действителен. Между тем, если Орлов хочет непременно пустить свои мысли в ход, то пускай напишет он Бенкендорфу письмо содержания, подобного письму, что он ко мне написал, спросит его совета, как поступить и проч. Такое сообщение вероятно пощекотит самолюбие Бенкендорфа, между тем, как он постороннее лицо во всех государственных проектах, он наверно лицо беспристрастное. А того и смотри, что Орлов может в мыслях своих задеть мысли Канкрин или Шашкова, они оба люди упрямые и самолюбивые до крайности и никак не захотят дать ход мыслям, противоречащим по мнению, car leur siège aussi est tout fait³, и они никак не подумают, что может быть иначе, как у них в голове положено. Во всяком случае бумага Орлова у Бенкендорфа не пропадет. Главное, чтобы он размазал письмо к нему и так написал его, чтобы Бенкендорфу было нужно и весело показать его государю. Все это мог бы я написать Орлову прямо, но у меня просидел целое утро Нессельроде Варшавский, так что пишу в спеху. Поэтому же не пишу я и Тур-

¹ Везде видишь, что имеются совершенно определенные понятия относительно людей и вещей.

² Что он славный малый и не слишком держится за свои идеи.

³ Ибо их мозг тоже совершенно закаменел.

геневу, да впрочем и писать нечего. Письмо Жуковского сказало ему все нужное. В письме к нему с Трубецким сказал я также все, что знаю и что думаю. Я все еще по службе ничего не делаю. Не готовы бумаги, по которым должен я составить работу. После окончания работы увидим, примет ли моя служба характер более положительный. По всем вероятностям примет. Между тем, мои гостинные отношения закрепляются помаленьку: Шувалова, Потоцкая, Синявина на сцене. Шувалова очень мила, обхождения простого и очень не глупа, хотя здесь и не в числе умниц. Вчера бал австрийский был очень хорош. Пора одеваться на обед к Дурновой. Если Дьяков едет не рано, то припишу еще. На всякий случай прости, моя милая. Нежно целую тебя и благодарю за все, что говоришь о Маше. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. Бибикова я не видал, был у него — не застал, на балу его не было. Аимеэ писала к нему. Завтра поеду к нему за ответом. Перья, мои сударыни, не очень хороши. Целую тебя. Отвечай по этому письму Урусову Костромскому соседу, что если он даст чистыми деньгами по 500 рублей на душу, то я продам ему Захаревскую треть.

Дай Дмитриеву желтые Северные Цветы и Онегина, тебе другие и Онегина, Тургеневу Онегина для развоза.

На зло Паскевичу — блестящие успехи Раевского на Кавказе возбудили неудовольствие Паскевича, который обвинил Раевского перед Николаем I в сношениях с декабристами, сосланными на Кавказ. Раевский был отстранен от командования и приехал в Петербург для реабилитации себя.

Сейчас был у меня Раевский — Николай Николаевич Раевский-младший в начале января обратился к Николаю I с ходатайством о возвращении потерянных наград, в результате чего и было сообщаемое Вяземским известие, а в июне того же 1832 г. Раевский был назначен командиром 2-й бригады 2-й конно-егерской дивизии.

Орлова — Екатерина Николаевна, рожд. Раевская, сестра Н. Н. Раевского.

Брат — Александр Николаевич Раевский.

Нессельроде Варшавский — Федор Карлович (1786—1863), адъютант Константина Павловича, позже начальник 5-го округа корпуса жандармов.

Трубецкой — князь Николай Иванович.

Сенявина — Александра Васильевна (ум. после 1870 г.), рожд. Гоггер.

Читала ли ты le lognon? Вот он. Главная мысль довольно ребяческая, но отделка и подробности замысловаты, тонки и верны. Эту книгу более слушаешь, нежели читаешь. как ми-

лую болтовню любимой и остроумной женщины. Читал я и «Браво» Купера. Нельзя Куперу сказать за это: bravo. Ему нейдет быть амфибиею, а должно решительно быть китом. Даром, что он по себе выбрал место Венецию, но все-таки на земле и в толпе он бьется как рыба об лед. Нет ему простора океана или пустыни. На беду имел он еще политическую мысль превозносить американское правление пред венецианским, что вовсе не нужно, и эта неуместная политика еще более охлаждает действие. Вероятно имел он в виду партию, которая хочет создать аристократию в Соединенных Штатах, но читателю от этого не легче. Довольно с нас и газет. Вчера виделся я с Уваровым и спрашивал его о рукописи. Вот ответ его: вместо того, чтобы представить ее Академии, что казалось ему довольно бесполезным, то есть бездейственным, он сказал государю, что получил от Орлова такое-то сочинение, что на вопрос государя, каково оно, отвечал он, что за болезнью своею (он в самом деле был болен) не успел его прочесть, что государь поручил ему прочесть и сказать письменно свое мнение, что он уже исполнил весьма благоприятным для Орлова образом и теперь ждет разрешения от государя, что с рукописью делать: ему ли представить, препроводить ли к министру финансов, или в Академию. Все что он сказал мне. Хорошо, если точно так. Между тем должно мне сознаться, что мой вопрос не смутил его и что он все это рассказывал с выражением правдоподобия, хотя оно довольно сбивается на разнесшийся слух о докладе им государю поданном. Может быть, отдавая беспристрастный и благоприятный отчет государю вообще о сочинении Орлова, коснулся он вопроса об освобождении крестьян и представил свои мнения возразительные. Хорошо было бы все это раскопать, но как? Трудно. Ездил я нарочно сегодня к Алексею Орлову, но его сиятельство велело извиниться, что принять меня не может, потому что садится кушать; — не было еще 3-х часов. Странное дело, эти люди — чем выше лезут, тем более приобретают способность быть невежами. Можно ли порядочному человеку дать такой ответ, особливо же мне, который не надоедает им своими частыми посещениями. Хорошо было Балку велеть отвечать адъютанту князя Голицына, от него присланного к нему, что он принять его не может, потому что садится на судно. Это так, parce que c'est le sublime de l'insolence envers un grand¹, но Орлову забываться против меня ничуть не блистательно! забываться с старыми знакомыми

¹ Потому что это — верх наглости по отношению к вельможе.

значит только себя не помнить. Вообще удивительно, как здесь мало знания в вежливости. И то, что почитают спесью, есть просто невежливость, просто невежество, un retour du naturel¹, который был сжат прежде обстоятельствами, а тут развязнее и освобождается от принуждений. Будто нельзя быть гордым и учтивым. Напротив, в этой оправе гордость-то более и блеснит. Но здешние лакеи этого не знают. Не подумай, что я сердит на Орлова или оскорблен. Право нет, к тому же Дашков приучил меня к этому. Теперь никто меня не удивит. Досадно только, что Орлов едет завтра в Стрельну. Впрочем я сейчас писал к нему, хотя и довольно холодно, объясняя ему, что мне нужно переговорить с ним о брате. Чтобы поднять твой дух, который, вероятно, упал, читая, как я был проведен из швейцарской Орлова, как сапожник, который пришел за деньгами, расскажу тебе, что государь, говоря на-днях с Жуковским о посторонних предметах и коснувшись до людей, на которых он надеется для познания России и умения выразить то, что они узнают, назвал меня и Мейендорфа, того, что был в Москве. Довольно странное сближение, и вот как я его объясняю: Мейендорф показывал государю выставку в Москве, а после показывал я — как бы то ни было, хорошо и то, что имя мое на уме и на языке государя само собою и не в худом смысле. Авось, и пригодится к чему-нибудь и когда-нибудь. Я, кажется, у тебя не цаловал еще ручки за колясочку: покорнейше благодарю, я ею очень доволен и в ней довольно хорошо себя людям показываю. Послала ли ты прежнее мое письмо к Кривцову, а равно и последнее. Хоть по оказии давай мне знать о получении писем моих по оказии. Вчера видел я нашего Варшавского Безобразова: немного постарел, но все еще хорош, хотя разжирел и опустился. Он близкий родня Смирнову. В Варшаве сказывают, большое уныние. Там начался набор войска в русские полки. Сын какого-то генерала, который должен был поступить в солдаты, по общему установлению, застрелился. Вообще поляки говорят, что делам так итти нельзя, возмущения не будет, потому что возмущаться некому, но дела запутаются и станут сами собою. Это так по человеческому общему рассуждению, но не русскому, нет. А у нас ведь дела идут же, колеса скрипят, спица поломалась и повыпала, но русский бог и русский деготь велики. Доехал же к нам из

¹ Возврат к природному.

Москвы в Остафьево пьяный Егор с бричкою на трех колесах, пропив четвертое. Поди объясни, как это сделалось. Вот история России.

28-го.

Чтобы убедить тебя, что мое похождение у Орлова не имеет последствий вот записка его ко мне. Я сегодня был у него. Он с приезда своего еще не видал Уварова, то есть так, чтобы разговориться с ним, но Уваров сказал ему, что имеет бумаги от брата и хотел переговорить с ним о том. Между тем Орлов хотел при первом удобном случае спросить о том и государя. Орлов сказывал мне, что по приезде своем спрашивал он Бенкендорфа о брате, и тот отвечал ему, что он ведет себя благо-разумно и хорошо и прислал сочинение о кредите. Вчера же имел я... [конца письма нет].

Le Iorgnon -- роман Delphine Girardin (1805—1855), дочери романистки Софии Гэй.

Купер — Фенимор (1787—1850), американский писатель.

Уваров — Сергей Семенович (1786—1855), автор специальных работ по классической филологии и археологии, попечитель Петербургского учебного округа, президент Академии Наук, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства. Выступал с лозунгом: «православие, самодержавие и народность». Переводчик (на французский язык) Пушкинского стихотворения «Клеветникам России». Член литературного общества «Арзамас». К нему относится сатира Пушкина: «На выздоровление Лукулла».

Спрашивал рукописи «Сочинение о кредите» — присланной Михаилом Федоровичем Орловым.

Балк — Балк-Пслев Петр Федорович (ум. в 1849), русский посланник в Бразилии.

Стрельна — дачная местность под Петербургом.

Брат — Михаил Федорович Орлов.

Мейендорф — бар. Александр Казимирович (1798—1865), служил в Департаменте мануфактур и внутренней торговли, командировался агентом во внутренние губернии и во Францию, камергер, позже — член Совета министра финансов.

Кривцов — Николай Иванович (1791—1843), участник войны 1812 года. Тяжело раненный и взятый в плен, беседовал с Наполеоном в Кремле. Состоял при лондонском посольстве, англоман, пользовался репутацией «якобинца». С 1826 года нижегородский губернатор, за «строптивый и запальчивый характер и крайне предосудительную опрометчивость» причислен к герольдии. Вышел в отставку и жил у себя в имении Любичи Тамбовской губернии. См. о нем М. О. Гершензон в книге «Декабрист Кривцов и его братья».

Безобразов — Сергей Дмитриевич (1801—1879), адъютант Константина Павловича, с 1831 г. флигель-адъютант; позже — командир 4-го корпуса, генерал от-кавалерии и член Александровского комитета о раненых.

Здравствуй, моя милая. Получила ли ты мою всякую всячину с Дьяковым? Слава богу, Лизаньке лучше и лучше. Арендт мне вчера сказывал, что она издалека возвратилась. Теперь и Ек. Андр. покойна, а то жаль было на нее смотреть, да и как здоровье ее вынесло. День и ночь более недели не отходила она от постели ее. Иные перья твои точно как будто маслом облиты, жирно пишут и чернила в них стынют. Уж не слишком ли были откормлены гуси? А другое перо хорошо. Другая и спелая [sic]. Вообрази, что оно медни в публичном маскараде атаковала меня какая-то дама под маскою с стихами моими к Блохиной и допрашивала, что хотел я сказать стихом:

И ум ваш за-просто лукав.

Уж верно не Блохина и никто из наших Пензенских знакомых, но я думаю, что Блохина из Пензы подослала мне кого-нибудь, чтобы разведать, в какую силу написан этот стих, который, помнится, смущал ее. Вчера был бал в Зимнем дворце, полубольшой, не по наряду, а по приглашению, в так называемой концертной зале. Удивительное освещение — светлое и белее белого дня. Начало бала было для меня очень смутно. Мой дядька со слеза худо прикрепил мне пряжку к башмаку, она спала, я должен был работать, как несчастный, чтобы снова надеть ее, наконец кое-как прикрепил ее булавкою, которую для верности воткнул себе в тело или почти. Между тем, таким образом прогулял я мазурку с Синявиною и после танцуя все была у меня пряжка в голове, не только в ноге. Однако же имел счастье провальсировать один круг с императрицею, хотя и не под своим именем, а под именем Москвы. Г. Моден подвела к ней меня и Адлерберга. Вот письмо и царская посылка Софии. Прошу извинить мое любопытство, которое не выдержало и распечатало письмо к ней секретаря Шамбо. Аграфены не распечатал. Софии нужно будет отвечать Шамбо короткое письмо в нескольких словах или строчках. Пускай она на всякий случай пришлет его мне не распечатанное [sic], во-первых для того, чтобы не дать мне соблазна и труда распечатать его, а во-вторых потому, что мы люди придворные и что наша цензура может быть не лишняя. Скажи Четвертинской, что дело ее сделано, не совсем, как она хотела, но результат тот же и меньше хлопот. Напишу ей о том при первом случае. Между тем поцалуй за меня обеих сестер очень нежно. Извини, матушка, краткость письма, виноват, после бала проспал, а

между тем спешу отправить письмо и Аграфену к Булгакову для доставления. Нового здесь ничего не видится и не предвидится, за исключением разве дипломатического обеда — у кого? — разумеется опять у Лазарева, для Австрии. Паскевича еще нет. Говорят, что отец его умер. Наконец я был у нее. Прости, душа. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. Всем твоим мой сердечный поклон. Когда собирается сюда княгиня Катенька. Поцалуй ее и себя.

Арендт — Николай Федорович (1785—1859), хирург, придворный лейб-медик, главный доктор, заведующий Петербургским приказом общественного призрения. С ним связана отправка письма Николаем I к умирающему Пушкину.

Блохина — А. А., пензенская знакомая Вяземских.

И ум ваш за-просто лукав. Из стихотворения Вяземского, посвященного Блохиной под заголовком «Послание к А. А. Б. при посылке портрета». (См. Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. IV, стр. 49).

Моден — гр. Елизавета Николаевна, рожд. Салтыкова (1773—1852).

Софья — Софья Федоровна Ладомирская, родная сестра Вяземской.

Шамбо — Иван Павлович (1783—1848), управляющий собственной ее величества канцелярией, секретарь императрицы Александры Федоровны, числившийся по департаменту уделов, почетный член Демидовского дома призрения трудящихся и почетный вольный общник Академии Художеств. Приехал в Россию, сопровождая Александру Федоровну; преподавал немецкий язык Александру II.

Обе сестры — Надежда Федоровна Четвертинская и Софья Федоровна Ладомирская.

Булгаков — Константин Яковлевич, по должности петербургского почт-директора занимался отправлением пассажиров и пакетов.

Отец Паскевича — Федор Григорьевич, коллежский советник (у Долгукова указан год смерти 1833).

Нежно цалую тебя, моя милая, за твое нежное письмо от 25-го. Дай бог мне и вперед заслуживать от тебя подобные. рады стараться. Если ты за меня радуешься приезду Нессельроде, то я за тебя еще более радуюсь пребыванию в Москве доброй и до бесконечности милой Катеньки. Во-первых, как Нессельроде я ни люблю, а нет сравнения между ими; во-вторых, жизнь здесь слишком рассеянна, разбита, чтобы чем-нибудь и кем-нибудь пользоваться. Одна минута другую погоняет, один другого. Жизнь здесь разгон на большом тракте и большая часть людей ямщики, которые скачут взад и вперед, со станции на другую не для себя, а бог весть для кого и для чего. Мы пока с Нессельроде еще виделись мало. На-днях будем обедать с ним у Фовицкого. Кнорингова здесь, но я еще не

отыскал ее. Не думай, что я был зван к пучеглазой племяннице и к ветрогону племяннику. (Ветрогон, потому что он выгнан из отцовского ветра — старый конюшеник тебе это объяснит.) Я просто не знаком с ними и следовательно не было с моей стороны никакого удалства. Говоришь, что любишь меня, а не можешь велеть обрезать бумагу свою. Нет так не любят. Право, совестно читать твои письма. И сладко и горько. За написанное расцаловал бы, а за то, где написано разругал бы и разорвал бы в куски, хоть и не тебя, а письмо. Что же наше терпигоревское дело? Есть ли что нового в нем? Разведай также от к. Ср. Ив. Гагарина, куда поступили дела Спаса и нельзя ли спасти обещанные мне возвратно к Юсуповым 5.000 руб., которые я при продаже имения в комиссию должен был заплатить за картины, то есть за х у д о ж е с т в о Витберга. Если он что объяснит тебе, то приступи к отысканию этих денег. Высылай же Гучковские образцы, тем более, что Завадовская сказала мне ономедни на бале, что она три раза прочла моего Адольфа. Каково и какова! Я никак не подозревал, что она так умна. А шутки в сторону и в самом деле она мила и с нею можно разговаривать... Я уж что за картина на бале! Я еще и до письма твоего рекомендую всем приятельницам моим нашу Щербатову. Ей бояться нечего. Славная рука владыки охранит ее. Когда увидят, что она в милости у двора, то еще ей станут подличать старые и малые, бабы и наша братья. Ведь и Софию Урусову сначала покушались пощипать, ан нет, не дощипнешься, тело такое твердое. И во всех отношениях твердое. Я сегодня с нею надеюсь обедать у сестры Пушкиной, которая немножко подгуляла. Растолстела, а толщина не свежая, *pas un embonpoint de belle femme*¹. Вот, например, Суворова потолстела, но зато и подобрела. Она кормит и объедение то, чем она кормит. Это для Катеньки. Скажи Тимирязеву, что у меня лежит письмо к нему от жены его, которое пришло по первой оказии, а чтобы напугать ее, скажи, что я наверное распечатаю его и прочту. То-то завизжит, или она при муже не визжит. Пошли спросить о здоровье Николая Муханова. Узнав о смерти отца, он тотчас уехал, и я не видал его перед отъездом, то есть он был у меня накануне, но еще не знал несчастья своего. Стану одеваться. Еду к Дмитр. Владим. потолковать с ним кое о ком. Прости, моя милая. Я писал к тебе вчера, но нежность письма твоего меня разнежила и захотелось еще сегодня запачкать тебя черниль-

¹ Не полнота хорошенькой женщины.

ным поцалуем. Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Бог с вами и со мною. Наша больница выздоравливает со дня на день. Паскевич нынче приехал. Озерова не очень здорова и еще не показывалась.

Нессельроде — Федор Карлович.

Пучеглазая племянница — Мария Дмитриевна Нессельроде, рожд. гр. Гурьева.

Ветрогог племянник — Карл Васильевич Нессельроде.

Старый конюшенник — А. И. Тургенев.

Гагарин — Сергей Иванович (1777—1862), почетный опекун Московского опекунского совета, член московского отделения Мануфактурного совета, обер-гофмейстер, сенатор.

Дела Спаса — Вяземский продал принадлежащее ему место под постройку храма Христа спасителя. А. Я. Булгаков писал брату о слухах обогащения Витберга при постройке храма в Москве.

К. Юсупов — Николай Борисович (1751—1831), до 1831 г. занимал место главноначальствующего в Экспедиции Кремлевского строения в Москве и в Мастерской Оружейной Палаты. Меценат, любитель искусств. Владел огромной библиотекой и ценной коллекцией картин.

Витберг — Александр Лаврентьевич (1787—1855), автор проекта храма Христа спасителя в Москве. Непременный член Комиссии по сооружению храма, директор строения и экономической части.

Наша Щербатова — фрейлина княж. Анна Александровна Щербатова.

Пушкина — сестра Урусовой, гр. Мария Александровна Мусина-Пушкина (1801—1853), рожд. Урусова, во втором браке Горчакова.

Суворова — Любовь Васильевна (1811—1867), гр. Суворова-Рымникская, рожд. Ярцева.

Муханов — Николай Алексеевич (1802—1871), адъютант при петербургском генерал-губернаторе П. В. Голенищеве-Кутузове, позже — товарищ министра народного просвещения, товарищ министра иностранных дел.

К. Дмитрий. Влад. — Голицын.

Наша больница выздоравливает — дети Карамзиных.

Озерова — Екатерина Петровна (1807—1833), в замуж. Скарятича.

Я получил, моя милая, твои пакеты с Щербатовым и Мону-ментальною. Когда будет что отвечать, отвечать стану, а теперь нечего. Ты от меня утаиваешь балы свои. Я в последнем письме Катеньки видел, что на-днях был у вас детский бал, в котором участвовали и большие. Это опять бал для Наденьки, для которой бал тем и кончился, что не с кем было ей танцевать. Не так ли, Наденька? Я за вами приставлю полицейский надзор и обяжу подпискою, чтобы не давать балов более одного раза в неделю. Щербатовой я еще не видал. Поеду к ней сегодня, во всяком случае увижу ее торжественное явление в

большом обществе в пятницу на удельном бале. Каков-то будет удел ее? Разумеется, особливо же пока наша фабрика не приведена еще в надлежащее положение, невозможно Квасникову отлучаться и смотреть за другою фабрикою. Со временем дело другое, а теперь может он советовать и руководствовать в устройстве фабрики Шаховской. Так и скажи ему и вели наблюдать выгоды ее, как мои. Я все не получаю отчета от него. У меня была ономедни г-жа Горбунова, кажется, так, соседка по Мещерскому, у которой правил именем Рышкин (не бывает ли он на ваших балах?). Меня все принимают за человека случайного и жарят поручениями и просьбами. А я ни на кого не надеюсь и ни на что. Вчера встретил я у Софки Апраксиной Трубецкого Николая Похровского, а ныне Парижского. Точно живой сошел с картинки модного парижского журнала. И язык свой так выломал в один год, что любо. Чертков, который также отличается на французском диалекте, был бы в восхищении слушая его и глядя на него. Он на-днях везет сестру свою к сестре в Берлин. Сегодня обедаю в Армении с Австриею. Я начинаю бояться, что Лазарев затевает какую-нибудь usurpation в Армении и задаривает Европу, откармливая представителей ее. Что здесь за дорога по улицам. Не достаёт только ездить в нашей желтой карете и тебя иметь с собою в карете. То-то бы святых вон выноси. И погода скверная, не зима, не весна, сырой мороз, или мерзлая сырость. Кое-когда проглянет светлый денек, и тогда весь народ высыпет на Невскую перспективу. Впрочем, гуляет мало, то есть бомондная часть. Зато танцует. Московская команда вся отсюда разъезжается. Борятинская, Пашкова, Башилов, Гудович и проч. Все они привезут тебе вестей от меня. Жди, Еду сегодня на бальный вечер к Салтыковым, приятелям Четвертинских. У них вторники, они давно звали меня, но жена была больна и двух вторников не было. Скажи Трубецкому Николаю, что я теперь езжу в карете № 3 его. Если ты узнаешь, что я езжу в какие-нибудь подозрительные дома, не на мне взыскивай, а на Трубецком: по привычке лошади его завезут, а я тут не буду ни душою, ни телом виноват. Пока прощай, но не надолго. Обнимаю и благословляю вас всех, моих милых, от всей души. Бог с вами и со мною.

Щербатов — Александр Александрович, камергер, ум. в 1834 г.

Щербатова — Анна Александровна.

Шаховская — Софья Алексеевна, рожд. гр. Мусина-Пушкина.

Горбунова — соседка по Мещерскому. М. б. жена чиновника по разным поручениям Саратовской казенной палаты Дм. Сем. Горбунова?

Софка Апраксина — Софья Петровна (ум. в 1886 г.), рожд. гр. Толстая.
Трубецкой-Похровский — Николай Иванович, владелец имения Знаменское в Подольском уезде Московской губ. на реке Похре.

Чертков — Чертковых было три брата и две сестры, кроме баронессы Шеппинг. Неизвестно, о котором здесь идет речь.

Сестра Черткова в Берлине — Мария Дмитриевна (1800—1874), в замуж. бар. Шеппинг.

Армения — Иван Иоакимович Лазарев.

Австрия — австрийский посланник гр. Карл-Людвиг Фикельмон и его жена Дарья Федоровна, рожд. Тизенгаузен.

Башилов — Александр Александрович (ум. в 1849 г.), директор в Комиссии для строений в Москве, крупный землевладелец; в Москве в Петровском построил специальное здание, в котором устраивались празднества.

Гудович — Андрей Иванович (ум. в 1869 г.), московский губернский предводитель дворянства, позже — обер-егермейстер, почетный опекун Московского опекунского совета.

Салтыков — кн. Александр Николаевич (1775—1837), гофмейстер, член Государственного совета, сенатор, почетный опекун Петербургского опекунского совета, обер-директор Коммерческого училища, директор государственной комиссии погашения долгов. По отзыву Н. И. Тургенева («La Russie et les Russes»). «он не пользовался благосклонностью императора, который не представил ему службы соответствовавшей его дарованиям».

Салтыкова — Наталья Юрьевна (1782—1860), рожд. Головкина.

Я говорил Бибикову о Дмитрие Давыдове. Теперь нет места в Москве по таможенной части. Он доволен всеми московскими чиновниками. Могут быть места по другим таможням и даже с большим жалованьем, но эти дела так не делаются. Надобно же знать, захочет ли он служить, иметь мне от него письмо, по коему могу действовать. От Бибикова, кажется, согласия и участия ожидать можно. С Кривцовым тоже беда. Он хочет и нет. Скажи он решительно, что служить хочет и где. тогда будет, по крайней мере, un point de départ et un but¹. А то здесь нет ни одного человека, который только для очистки совести своей станет исправлять мнение государя о человеке, про которого он имеет худое понятие, да если и нашелся бы, то прока не будет. Скажут, ведь его не преследуют, не секут розгами, чего же он еще хочет и просит. Главное дело знать, чист ли Кривцов в денежном отношении. Если чист, то можно хлопотать, а если нет, то лучше не шевелить...

Я с Блудовым говорил о нем. Он к нему и хорошо расположен, но не по пути, ему и не по охоте действовать. Когда Тимирязев сюда приедет, если ему будет опять хорошо жить

¹ Точка отправления и цель.

у двора, то, разумеется, может он сказать государю или великому князю о Кривцове. Да и ему нужно прежде знать, чи ст ли Кривцов и в таком случае чего он хочет, то есть какой службы.

На последнем бале во дворце государь говорил со мною ласково, спрашивал, что делаю по утрам, хвалил наш департамент и Бибикова и сказал, что если в России все дела шли бы, как по департаменту внешней торговли, то хорошо было бы России, но что на беду не совсем так. Довольна ли ты, моя надутая спесью, честолюбием и придворными ветрами княгиня? А ты доволен ли, мой надутый гордостью и другою гордостью сжатый князь? — так что хоть лопнуть, спросишь ты. Виноват, доволен, и тем более, что разговор сей происходил между танцами, по середине залы, так что все видеть могли и видели и, господи, прости мое согрешение, чуть ли не от этого разговора с оника и сказала мне Завадовская, что она три раза прочитала Адольфа моего. На другие статьи писем твоих и просьб, тобою присланных, буду отвечать в другой раз. Теперь мочи нет, устал, писал целое утро и к тебе писал по почте. Что за подляшка твой Головкин! Когда государь говорит с ним, длинное лицо его вдвое против длины растягивается в ширину улыбкою подлости. Он так рот раскроет, что подлость в позолоченной карете цугом выезжает из него, как из триумфальных ворот. А ономедни говорили мы при нем с Дурновой о ходатайстве Зенеиды в процессе Лабедейера. *Si elle a intercédé pour lui, je ne lui en fais pas mon compliment*¹, сказала эта зверская обезьяна.

Прощай, моя милая, обнимаю и благословляю вас от души, хоть и руками усталыми. Бог с вами и со мною.

Катеньке нежный поцалуй. Ты с ума сошла, говоря мне *que je ne sroye pas aux nouvelles de mariage pour Marie*². Кажется мне о том не со стороны узнавать.

Обнимаю и Федора. Поговорю я еще с Адлербергом о его деле, впрочем Адлерберг *n'est pas du tout tout puissant sur le ministre, tout ce qu'il a c'est la confiance de l'Empereur, mais comme il est sous les ordres de Czernicheff, il n'a presque pas du pouvoir et peu d'influence dans les affaires*³.

¹ Если она ходатайствовала за него, я ее не поздравляю.

² Что я не верю вестям о свадьбе Маши.

³ Вовсе не всемогущ по отношению к министру, все, что он имеет, — это доверие императора, но так как он под начальством Чернышсва, он почти не имеет власти и мало влияния в делах.

Давыдов — Дмитрий Александрович (1786—1851), с 1832 г. служил при Московском военном генерал-губернаторе.

Тимирязев и *Кривцов* — были женаты на родных сестрах Вадковских.

Зенида — Зинаида Александровна Волконская (1792—1862), рожд. кнж. Белосельская-Белозерская, писательница. Имела литературный салон в Москве, который в 20-х гг. служил центром литературной, художественной и артистической жизни. О ней целый ряд воспоминаний, как об исключительно красивой, одаренной и умной женщине. Среди ее друзей были: Пушкин, Вяземский, Веневитинов, Гоголь и др. Умерла в бедности, эксплоатируемая ксендзами, развившими в ней мистическое настроение. См. статью Н. А. Белозерской («Исторический Вестник», 1892, № 3 и 4).

Лабедойер — Шарль-Анжелик, гр. Гюше де Лабедойер (1786—1815), приверженец Наполеона. После Ватерлоо, вернувшись в Париж, выступил против Бурбонов. Перед подготовлявшимся бегством из Франции был арестован и расстрелян.

34

1-го февраля.

Передай марш-рут Четвергинской, а письмо перешли Языкову через Киреевского. Я ономедни писал Четвертинской через к. Борятинскую, а тебе послал обратно перья. Нового пучка, присланного с Щербатовым, я еще не отведывал. Вчера я наслаждался музыкою у г. Лаваль. Давно не слышал я итальянских звуков и услаждал их, а между тем делал и папа, то есть возил Софию к Олениной из театра, возвратился туда от Лаваль и со сном в глазах и во всех чувствах в ожидании конца пляски ее просидел там почти до трех часов. За то сегодня буду делать сына сам для себя. то есть еду на большой вечер к Потоцкой, на котором будут, верно, все сливки и простокваши петербургского стада. Обедаю, кажется, у Фовицкого с Нессельроде. На-днях, то есть 9-го, большой бал для Двора у Белосельской в залах, которых никто не видал и не были открыты лет с двадцать: это что-то таинственное и романтическое. Молодая Белосельская очень мила лицом, глаза Бибииковские, бела, свежа, румяна. Мать находит, то есть Бенкендорф, что она напоминает Анету Бибиикову. Обед Лазарева славно удался; всё было очень европейски, а между тем сохранился цвет и запах Восточный: негр великолепно одетый, сласти à la rose, нос его факирский. Заремные очи княжны Абамелек. Общество самое отборное: все вершины разного рода: дипломатические, военные, умственные. Г-жа Лаваль, Г-жа Фикельмон, Софья Щербатова, М-me Bencendorff, о муштинах и говорить нечего. Право. Маша, подумай. Здесь считали, что до поста отдуто будет 15 балов, но на поверку выходит гораздо менее. Всего балов 7 или 8. Ты смотри, копи деньги, так чтобы к переезду твоему сюда было у тебя в запасе тысяч 15.

Пока нечего уплачивать в Опекунский Совет, это дело возможное. Я заплатил Добри 30 руб., он сказывал мне, что посылал все экземпляры на имя Бартеневой, отыскивайте их у нее. Теперь прямо будете получать их через почту. Пока прости, моя милая. Это письмо сверх комплекта. Следовательно не взыскивай, что оно маленько и пустенько. Пиано у меня и так стеснил, что я должен боком проходить по комнатам своим. Тебе уж не было бы никакой возможности пошевелиться. Елена Шимановская вышла на днях замуж за Малевского, а прочие едут сегодня в Варшаву. Блулов министр внутренних дел, а Дашков утвержден министром. Говорят, что Паскевич возвращается в субботу в Варшаву. Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Бог с вами и со мною.

Оленина — Елизавета Марковна (1768—1838), рожд. Полторацкая.

Нессельроде — Федор Карлович.

Белосельская — Анна Григорьевна (1773—1846), Белосельская-Белозерская, рожд. Козицкая.

Бибикова Анета — вероятно, Анна Гавриловна, в замуж. Панкратьева.

Мать — Елизавета Андреевна Бенкендорф, рожд. Захаржевская (ум. в. 1858 г.), по первому браку Бибикова.

Шербатова — кн. Софья Степановна.

Добри-Добри — издавал музыкальный журнал.

Бартенева — Прасковья Арсентьевна (1811—1872), певица, фрейлина.

Елена Шимановская — дочь известной пианистки Марии Шимановской.

Прочие — Мария Шимановская и ее другая дочь Целина, в замужестве Мицкевич.

Малевский — Франциск (1800—1870). Участвовал вместе с Мицкевичем в студенческих движениях; в 1820 году составил новый устав для тайного общества «Филаретов». Директор Литовской метрики. Принимал участие в комиссии Сперанского по изданию свода законов. Зять Марии Шимановской.

Прежде всего, надеюсь, что ты со мною не лукавишь и не утаиваешь ничего, то есть que les choses ne sont pas plus avancées¹, чем ты их описываешь. Начиная с этой точки мне кажется, что волнение твое, хотя и очень понятное в сердце материнском, не имеет еще достаточного основания. Не зная совершенно характера того, о ком идет речь, можно ли полагать наверное, что у него серьезное на уме и на сердце. Может быть, он просто сердечкин, может быть он нерешителен. Мало ли сколько может быть разного рода удаляют события твоих предположений. Во всяком случае, нечего мне говорить

¹ Что дела не двигаются далее.

тебе, чтобы ты была осторожна и осторожна до крайности и особенно же, чтобы ты никакими надеждами или ожиданиями не волновала ума Машеньки. Если же твои предположения вернее моих сомнений и в самом деле приступит он к объяснению, то, клянусь душою, не знал бы и что сказать. Машенька не дообразована ни физически, ни умственно. Ни в том, ни в другом отношении она еще не готова для жизни, не созрела для нее. Сколько опасений предстоит разного рода. С другой стороны, условленный, но отсроченный брак есть, по мне, фальшивое положение. Конечно, если быть уверенным, что, например, после истечения года или полутора ничего не переменится, то всего лучше отсрочить. Но, если браку не бывать, или он остынет, или она получит новое впечатление, если браку состояться, но уже почти против воли, а только вследствие обязанности с одной стороны, то сколько тут опасности. Впрочем, право не знаю, что сказать, и особенно же не знаю, что говорю. Ты меня так взбудоражила, что того и жду, что ты с первою почтою напишешь мне о женитьбе Павлуши. Вспомни, что я загадывать не люблю, что я не охотник мешаться в виды провидения и издавать приговоры до поры и до времени. Будь над вами мое благословение, поручаю вас воле божией: на земле есть у тебя пока советник с кем посоветоваться, друг, с кем душу переводить: Катенька. Только обе не экзальтируйте и не слишком романтизируйте, особенно же берегите Машу. А все лучше было бы держаться моего, не выпускать рано в свет. Еще раннее утро на дворе, а уже заботы дня, уже облака полдня ходят над нами. Душно, а какая ответственность! Теперь решать нам, одним нам. Она, чей голос должен быть главный в этом деле, еще без голоса, или голос ее не идет в счет. Видишь ли теперь, что бал, что прическа годом ранее или позже не безделица, что она может быть вся жизнь, все счастье или все бедствие. Результат, то есть твоего и моего письма, вот он: я еще не вижу ничего положительного и действительного в том, что ты предлагаешь мне на разрешение, следовательно не могу приступить к себе с вопросом, который выдал бы из меня: да или нет. Ты знаешь, что и в решительных случаях эти слова туго из меня выходят и неясно. Ты знаешь, что я суеверен. Повторяю: не люблю вмешиваться в дела провидения, то есть рыться в ящике его пока не предстоит необходимости. Будет время, когда час воли божий придет. Пока обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною. Может быть в другое время напишу об этом более и яснее. Теперь пока одно волнение во мне. Но

ты не очень волнуйся: во-первых, тебе теперь нужнее чем когда-либо хладнокровие, ясный рассудок, покорность к провидению. Дав волю своим нервам, воображению, нежности, ты расслабляешь себя, а тебе нужна твердость. С нежнейшим чувством обнимаю тебя, Катеньку и Тургенева, которого письмо от 2-го февраля меня тронуло.

По секрету. Пошли за Киреевским и скажи, что на его Европейца собирается гроза. Донесли о худом направлении мыслей журнала, обнаружившемся в статье «19-й век» и разборе комедии «Горе от ума». Государь читал эти статьи. Вероятно дадут ход этому обвинению. Во всяком случае пускай остерегается он в следующих книжках и держится одной изящной чистой литературы, то есть без всякой примеси политической. Разумеется, это предубеждение пройдет, но пока следы не остыли должно быть на карауле. Я уверен, что это Булгарина — Полевого штука. Если еще ничего нет в огласке в цензуре или в другом месте, то он не должен разглашать того, а держать про себя. Я второй.

Книжки еще не получал. Через кого он посылает журнал ко мне? Я писал к тебе ономедни с Борятинской, но узнал вчера на бале, что у нее карета изломалась вдребезги, и она два дня прожила в Царском Селе. (Да скажи Киреевскому, чтобы он пока стихов моих у себя не печатал. От них журналу пользы мало будет, а только более щепок в огонь подложит.)

Я говорил вчера с Адлербергом о к. Федоре. Он то же мне сказал, что Чернышев. По делу Трубецкого должно узнать, в какой армии он судится. Вероятно, надобно просить Сакена. Спроси у к. Трубецкой записку о деле и пришли ко мне. *Merci, chère Marie, pour votre bonne lettre. J'ai pris une part très vive aux petits combats que Vous avez soutenu avec les demoiselles de Moscou et Vous charge de remercier Catherine et la P-sse Mestcherski pour l'assistance qu'elle Vous ont donnée a cette occasion. Dieu veuille, bien chère amie, que Vous Vous tiriez bien en tout et partout des pas difficiles, qui Vous attendent sur le grand chemin du monde et de la vie. Je Vous embrasse de tout mon coeur, faites en autant auprès de vos soeurs et de Paul.*¹

---

¹ Спасибо, милая Маша, за Ваше хорошее письмо. Я принял живое участие в маленьких стычках, которые Вы имели с Московскими барышнями и поручаю Вам поблагодарить Катерину и княгиню Мещерскую за помощь, Вам ими оказанную в этом случае. Даи Бог, милый друг, чтобы Вы всегда и везде благополучно выходили из затруднений, которые Вас ожидают на долгом светском пути и в жизни. Целую Вас от всего сердца, сделайте то же с Вашими сестрами и с Подем.

Тургеневу буду отвечать после, а теперь пока обнимаю. Простите, друзья, обнимаю и благословляю вас от всей души, мои милые. Бог с вами и со мною.

В начале письма речь идет, очевидно, об одном из князей Урусовых, так как в сентябре того же года Пушкин из Москвы писал жене: «кн. Урусов влюблен в Машу Вяземскую (не говори отцу, он станет беспокоиться)».

Булгарин — Фаддей Венедиктович (1789—1859), литератор, издатель, крайний реакционер и мракобес. Издатель и редактор «Северной Пчелы». Осведомитель шефа жандармов, агент III отделения. Левые писатели клеймили Булгарина своим презрением.

Полевой — Николай Алексеевич (1796—1846), литератор, издатель «Московского Телеграфа». Противник Карамзина, написал историю русского народа, в которой указал на существование феодального периода в России.

Трубецкой, который судился в армии, — м. б. князь Юрий Петрович.

Сакен — фон-дер-Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837), генерал-губернатор Парижа. Фельдмаршал, член Государственного совета, главнокомандующий 1-й армией (см. «Русский Архив» 1894, II: Справка о князе Сакене).

Кн. Трубецкая — Людовика Игнатъевна (ум. в 1882), рожд. Чайковская.

Catherine — Екатерина Николаевна Мещерская, рожд. Карамзина.

Princesse Mestcherski — Софья Сергеевна Мещерская, рожд. Всеволожская (1775—1848), свекровь Екатерины Николаевны.

36

8-го февраля.

Здравствуйте, мои милые. Что делаете хорошего? Я пока ничего. *Pendant rien*, но ничего нет и худого и за то, слава те господи. Я вам на этой неделе послал гостинцы с к. Борятинской, Сталем и Рахмановым, но бог знает, когда дойдут. Бедную Борятинскую с дочерью чуть до смерти не убили, карету повалили с такою силою, что люди боялись пойти посмотреть, уверенные, что дух вон из них. Когда ее увидишь, и поезжай повидаться с ней, скажи, что *malgré les commérages qu'elle se prépare à faire sur mon compte, j'ai été vivement affecté de l'accident que lui est arrivé*¹. В Париже открыли большой заговор республиканский. Во время бала во дворце должны были перерезать всю королевскую фамилию. Подробности еще не известны, но заговор, сказывают, многолюден... Спокойствие Франции и Европы лежит на голове Филиппа, хотя голова его и не мудрая. Хотя он плотина и из хвороста, но все пока он удерживает поток бедствий, войны и революции,

¹ Несмотря на сплетни, которые она собирается распустить на мой счет. Я был живейшим образом огорчен происшедшим с ней случаем.

которые нахлынут на Европу, как только прорвется плотина эта. Сделай одолжение, пошли непременно за Салаевым и спроси у него моего Фонвизина, чтобы он отнюдь не отдавал его ни в печать, ни в цензуру, не прислав прежде ко мне. Требую того непременно. Шувалова получила новую прелесть в моих глазах или ушах. У нее прекрасный голос, и она очень любит музыку. Вчера вечером играл у нее на виолончели Вьельгорский, обер-камергер двора ее, а я разве паж при ней и только. Вчера же утром в час должен я был пить шоколад у графини Долли и проямлил дома до трех часов, приехал к ней, а уже и шоколад и след ее остыл. Дома не было. Каков я! Вообрази, что Бельчинский пристал ко мне с ножом к горлу, чтобы познакомить его с Элизою, а все с тем, чтобы попасть на бал австрийский. Раз просил он меня представить его графине Лаваль: я отказался тем, что не довольно знаком с нею. Тут нельзя: связь моя с Элизою слишком публична. Я жизни не рад, то есть не за публичную связь мою, а за необходимость антисипировать *sur le passé*, но без решимости нажать себе неприятеля должен же вести его. Впрочем, я так устроил, что дома не застанем. Слава богу, София вышла из своего скарлатинного карантина и вчера была в Эрмитаже. Пришли мне при оказии первые две книжки *de la Revue encyclopédique* 1830 года. Что же Квасников ко мне не пишет? Странное дело, я и при отъезде приказывал ему о том и через тебя повторял. А ты, моя голубушка, верно забыла. А обрачки для Клеопатры Невы? Ты верно не хочешь видеть меня Антонием! Не стыдно ли портить так мои дела. Право, рассержусь и начинаю тем, что прощаюсь с тобою. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною.

Сталь — Карл Густавович (1777—1853), московский комендант, принимал большое участие в борьбе с эпидемией холеры. О нем доброжелательные отзывы у Герцена.

Рахманов — м. б. Владимир Максимилианович, член московского отделения Мануфактурного совета, отставной штабс-капитан.

Дочь Бяратинской — вероятно, княж. Ольга Ивановна (1814—1870), в замуж. Орлова-Давыдова.

Фонвизин — монография о Фонвизине П. А. Вяземского. Напечатана в V т. его сочинений.

Вьельгорский — Матвей Юрьевич (1794—1866), член Комитета управления императорскими петербургскими театрами, хороший виолончелист.

Бельчинский — Викентий Станиславович, член Мануфактурного совета, камергер, известен трудами по торговле и промышленности.

Софья — Софья Николаевна Карамзина.

Клеопатра Невы — Елена Михайловна Завадовская.

Ты такая гадкая, что мочи нет. Пишешь редко, да и к тому же и не метко. Ждешь, ждешь письма от тебя да и получишь несколько строк. А кажется есть о чем писать, и можешь догадываться, что я нетерпеливее прежнего ожидаю писем твоих. Совестно в руки взять твой лоскуток от 6-го февраля. Бал Белосельской был великолепно, картинный и необыкновенный. Здесь все устройство комнат, все убранства так новы, так свежи, а тут был какой-то цвет старины столь редкий в Петербурге, но у меня на этом балу сидел на душе Европеец. Так больно было, что его запретили, что подобные дела могут случаться в наше время, что было не до бала и до старины. Настоящая минута давила. Мой совет Киреевскому: когда он получит официальное запрещение издавать журнал, написать письмо к Бенкендорфу, не жаловаться на принятую меру, а изъявить сожаление и опасение, чтобы правительство не почитало его злонамеренным человеком, что он не оправдывается в вине, которую ему приписывают, потому что по совести своей он вины за собою не знает, что он покорно предается воле правительства, которое не хочет, чтобы он издавал журнал, но просит, чтобы ни в каком случае не смешивали журналиста с человеком. Журналист отставлен, а человек остается. Журналист мог не искусно выражать свои мысли и тем следовательно виноват, потому что мог показаться виноватым правительству, но человек готов отдать отчет правительству в своих поступках, чувствах, намерении. Если Киреевский может взять на себя написать письмо хладнокровно, хотя и теплое, покорное хотя и благородное, то пускай напишет он, если нет, так нет. Должно знать, с кем имеешь дело. *Les réclamations telles justes qu'elles soient ne sont pas de saison. On peut protester de son innocence, sans se plaindre de l'injustice*¹.

Вот дух, в котором письмо его должно быть написано. Передай ему все это. Пускай он между прочими покажет свое письмо Дмитриеву и посоветуйся с ним. Между тем мы здесь на него работаем, сколько можем, но можем мало, если не совсем ничего. Все это душу так обливает холодом, что ужас. Никто не смеет сказать слова правды: все языки скованы, у кого приличиями, у кого трусостью, у кого уверением, что себе испортишь, а делу не поможешь. При таком положении ты понимаешь как мне весело смотреть на Петерб., на службу, спеку-

¹ Как бы ни были справедливы требования, они не ко времени. Можно доказывать свою невинность, но не жаловаться на несправедливость.

ликовать на будущее. Пожалуйста, пиши чаще и более говори о Маше. Будь над нею благословение божие. Я рад, что твои материнские волнения поутихли. Пока прости. Скоро еще писать буду. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Вели сказать Горсткиной, а лучше скажи сама где встретишь, чтобы она уведомила сына от меня, что теперь по разным обстоятельствам, совершенно не до него касающимся и посторонним делу его, не время хлопотать о нем. Надобно выждать случай, а теперь только испортишь. Не та погода на дворе.

12-го февраля.

Здравствуйте, мои милые. Ну, уж ленивы вы писать. Бог с вами. У нас здесь все хорошо. Лизанька на ногах и выходит в гостиную. Скарлатинки также оправились, хотя до шестинедельного срока и сидят в комнате своей. Щербатова мать едет сегодня в Москву. Наши Московки очень грустны, особливо же Озерова. На балах глаза ее поминутно наливаются крупными слезами. И не мудрено: здесь слезы пробьют и от грусти и от общего мороза. Впрочем их честят и верно со временем дело обойдется на порядках, как говорил Ив. Ив. не Дмитриев, а наш Тургенев. Переход слишком крут: из теплой московской избы перейти вдруг в походную залу петербургскую, или манеж петербургский, или экзерсиргауз петербургский и оставить в избе своей всех друзей, родных, все привычки — тяжело. Здесь у них два человека только за них: царь и царица. Конечно, это много, но ведь не с ними же им жить. Несколько минут ласки, благоволения, а там целый день одиночества, холода, сухости: потому что публика здесь не приветлива, не тепла, не мокра. Меня только сирены упевают. Вчера вечером был я у Бобо Потоцкой и услышал и ее прекрасный голос и прекрасное пение, воспитанное лучшими итальянскими певцами. Одно ухо для нее, другое для Шуваловой, один глаз на одну, другой на другую, только ты, ради бога, не косись на меня за это перекрестное положение мое. Беда, что Бобо едет на первой неделе поста в свою Подольскую губернию до сентября месяца. Она не только запеть, но и заговорить может. Одета всегда живописно, воздушно, своенравно. Дом как куколка — она как самый щегольский *boudoir*. Прелесть, роскошь, вкус так и торчит всюду, даже и в костях ее, не очень приодетых телом. Впрочем хорошо, что она едет отдыхать в деревню. Петербург убил бы ее своими балами, бессонными ночами, вечною суетою. Она

здоровия очень расстроенного, страдает грудью, боком. Мы говорили с нею о Киселевой, которую она очень любит. Кажется, она не на шутку с мужем рассталась. Виноват, что я еще не был у твоего Борятинского. Этот горный корпус за тридцать земель в тридесятном царстве, но неотменно скоро съезжу. Пока прощай. Все-таки это письмо длиннее твоего последнего, да и к тому же и говорено в нем много о Бобо Потоцкой, или о Бабе Потоцкой, нет, сохрани боже, потому что здесь есть *de par le monde*¹ некоторая баба, Babet — Голицына и грешно приближать одно имя к другому. Обнимаю и благословляю вас от всей души, бог с вами и со мною. Пишите же чаще, ленивая ракалья. А Катенька также ракальствует. Здесь жалуются на молчание ее. А Гучкова образцы, ракальи? а то, а се, а третье, что я от тебя требовал, спрашивал! Хороша ты, нечего сказать. Надька, выдери уши маменьке. Сегодня английский бал, в понедельник австрийский. В воскресенье при дворе катанье в санях с гор, пляски на Елагине для маленького аничковского общества. На-днях армянский бал, также для маленького общества армянского исповедания.

12-го.

Щербатова не поехала вчера, и потому прибавлю что-нибудь к письму моему. Теперь Блудов министр внутренних дел и может помочь Кривцову, если он захотел бы опять в губернаторы. Блудов сказывал мне, что он точных причин отставки Кривцова не знает: может быть найдет их теперь в делах министерства. Но будет ли выгода Кривцову пойти в губернаторы, если он совершенно расстроен в делах своих. Губернаторское место выгодно, если красть, а нето оно более убыточно. К другой службе не знаю, способен ли Кривцов. Все это объясните в письмах своих с Кривцовой, но только не по почте. Я уверен, что если Кривцов напишет к Блудову письмо, то оно подействует. По словам его замечаю, что он к нему хорошо расположен. Главное дело, чтобы он чист был по денежным делам и по либеральным, то есть чтобы он не был замечен взяточником или либералом. В таком случае ему оправдываться было бы не трудно и войти в службу сбыточно. Но на какой же конец и куда? Вот в чем вопрос. Скажи еще Киреевскому, что если будет именно указано ему на места, которыми он провинился, то, разумеется, оправдываться ему можно, но и

¹ Со стороны света.

то в общих выражениях, а не прибегая к *puissance de la logique*, то есть *ne cherchant pas à prouver, qu'il a raison ou ne prouvant pas car les preuves sont un triomphe; il ne faut pas se remporter sur un plus grand que soi*. Этот триумф соком выжмут, et qu'on a tort, mais qu'il a été mal interprété et qu'il est surtout peiné d'avoir donné prise à des interprétations¹.

Если это дело перешло через руки к. Дмитр. Влад. Голицына, как то и вероятно, потому что он теперь в Петербурге, то хорошо было бы Киреевскому написать письмо к нему и просить его, как начальника Москвы, оградить по крайней мере честь его от поклепов на злоумышленность и просить его, чтобы он как начальник Москвы исследовал бы его жизнь в Москве и после представил бы его глазам правительства, каковым выйдет он из этих справок. Главное, чтобы он слабее себя оправдывал как журналист, но настаивал, чтобы подозрение, которому подвергся журналист, не накинуло тени на верноподданного дворянина, гражданина. Сказать, что как журналист он только теряет в этом случае деньги, а в другом теряет все, чем должно дорожить, что самое будущее в жизни его, заклеянной почти при самом начале ее, не открывает ему никаких надежд, что если он мог бы сносить в молчании такое положение за себя лично, то не может и не должен сносить его в отношении обязанностей своих к матери, к семейству своему. Скажи Тургеневу, что Жуковский говорит, что составить каталог здешним книгам вздор, и не велел Федору делать его. Теперь опять скажу Жук. и Фед. о требовании Тург. я радуюсь, что он получил официальное письмо от к. Алек. Ник. Голицына. Ему, кажется, сюда незачем приезжать надолго: *les folies les plus courtes sont les meilleures*², а только на необходимое время для определения сношений своих с к. Голицыным и Нессельроде, то есть недели на две или три пред открытием навигации, то есть говорю свое мнение, но не предписываю совета. Если он мог бы оставить свой язык у ног Горсткиной, то милости просим на сколько времени угодно, но беда, что здесь многое и многие будут побуждать его высовывать свой язык. Цалую тебя и вас.

Щербатова-мать — Прасковья Сергеевна (1773—1851), рожденная кнж. Одоевская.

¹ К силе логики, то есть не стараясь доказывать, что он прав, или не доказывая, ибо доказательство это победа, а не нужно ее одерживать над более сильным, чем ты сам, и что это была ошибка, что он был плохо понят, и что он, конечно, огорчен, дав повод к толкам.

² Глупости наиболее короткие — наилучшие.

Тургенев — Иван Иванович, крепостной Вяземского, отпущенный им на волю, один из его управляющих.

Киселева — Софья Станиславовна, рожд. Потоцкая, вышла замуж в 1821 году.

Киселев — Павел Дмитриевич (1788—1872), русский посол в Париже, позже министр государственных имуществ. Участвовал в ряде секретных комиссий по крестьянскому вопросу, занимал крепостническую позицию.

Голицына — Варвара Сергеевна (1794—1875), рожд. Кагульская.

Федор — камердинер Жуковского.

Нессельроде — Карл Васильевич, вице-канцлер, к нему обращался А. И. Тургенев, хлопотавший о выезде за границу, куда ездить в эти годы, ввиду развернувшихся революционных событий во Франции, русское правительство не давало разрешения.

Поздравляю вас с широкою масленицею и преподобными или преподсдобными блинами, которых я еще не ел, хотя уже и второй день масленицы на дворе. Вот этим Петербург не хорош. А Москва тем не хороша, что ты пишешь письма такие короткие, что не стоит того и глаза марасть. Впрочем, признайся, что ты грустна, что за днями волнения последовали дни неудовольствия и обманутых надежд. Да зачем же так горячиться, так наспех думать, чувствовать и заключать. Мне только больно, что наша милая бедняжка так рано попала в житейские переделки, под зуб зависти и сплетен. Хорошо еще, что это все проходит мимо ее и она по невинности своей в стороне. Дай бог! Только ты не слишком унывай, а вперед не суйся на встречу к судьбе и не клади пальца в рот надеждам. Одним словом *ди ж е р и р у й*, как я всегда говорю. А особливо же в подобных случаях: будь осторожна за себя и за своих. Не подумай, что я сержусь на тебя и обвиняю твои действия: в действии я уверен, что ты была права и не уронила достоинства ни матери, ни дочери, но порочу только кипятки твоих мыслей и заключений. Вместо того, чтобы дать время мыслям своим созреть, ты спешешь их зеленые испечь и думаешь, что все одно, зрелое ли яблоко, или печеное. В яблоках это еще смотря по вкусам: я, например, предпочитаю печеное, но в мыслях — дело другое: а к тому же и в этом случае сравнение справедливо. Созревшее яблоко тем хорошо, что можно беречь его и не нужно тотчас съесть, как сорвешь с ветки, а печеное в прок не годится: если не тотчас съесть его, оно прокиснет и сгниет. Спроси у Тургенева, он должен знать толк по

части яблочной. Я вчера же отдал письмо к Федора Полуэктовой, а сам перед самым получением письма был у Паскевичевой pour lui faire ma cour dans l'absence de son mari¹, который был на Елагинском катаньи, санным кавалером императрицы, а император кавалером г-жи Тизен-Гаузен, дочери Элизы. На Елагине было катанье с гор, пляски, спектакль от часа до часа. Государь, сказывают, танцевал довольно, чего не делает он на городских балах. Было, сказывают, весело и погода благоприятствовала, то есть не было холодно, а без беды не обошлось. Мэри Пашкова-Баранова вывихнула себе ногу, а каким образом — не знаю. Сегодня бал австрийский и вероятно отзовется усталостью, насморками и впечатлениями вчерашнего праздника. Английский бал довольно удался, но не было никакого английского ни великолепия, ни фашьюнабельства. Бал как бал, да и все тут. Сегодня вероятно будет побогаче. Впрочем, после красивых и ярких балов Волконского и боярского бала Белозерской-Белосельской мудрено чем-нибудь отличиться. Английский посол сказал на бале Белосельской: c'est la première maison à Pétersbourg où je vois qu'il y a eu un père et un ancêtre².

В самом деле все другие дома точно дома приезжих, которые накануне купили все, что было лучшего в городе, и убрали свои комнаты. Впрочем, богатство Белосельской не имеет далекой родословной: ведь имение ее, а не его, а Козицкие не древнего происхождения.

По образцу передника Наденьки ты можешь шить и вышить такие для старших княжен: они здесь очень дорого продаются, а дома обойдутся верно дешево. Выезжать нельзя в них, а у себя носить можно.

16-го.

Австрийский бал был хорош, но не ахти мне. Было немного, то есть многих не было, а все было довольно тесно и душно. Всего замечательнее в нем, что государь танцевал две французские кадрили с хозяйкою и с сестрою и попури с Бутурлиною, за исключением мазурки, в которой он не участвовал. Вот еще новое возвышение на курс танцев. Государь очень ловко и красиво вальсирует, ему несколько раз доставалось вальсировать с императрицею. Сегодня катанье в санях и на горах, обед и бал в армянском замке, между Лазаревым и

¹ Чтобы поухаживать за ней в отсутствие мужа.

² Это первый дом в Петербурге, где, я вижу, имелся и отец и предок.

Багреевыми. Я от катания прочь, сейчас написал извинительную записку, а попаду позже на обед или на вечер. Я остаюсь верен Остафьевской горе и девице «ти а за катался». Сегодня вечер и у Салтыковых: будет человек сто, там, где тридцати тесно, а освещения на пять человек. Но там будет Бобо Потоцкая и, следовательно, хорошо и светло. Мне очень жаль, что она Петербург оставляет и, кажется, надолго, потому что муж определяется на службу к Левашову — Киевскому и Подольскому генерал-губернатору. Петербург без нескольких милых женщин, а то и милых не всегда и не везде, душно холоден, дух захватывает и жмет виски. Впрочем, многие из этих милых женщин гадки и досадны на некоторых сборищах. Тут уж их не отыщешь. В них никого дома нет: все разбрелось. *Rome n'est plus dans Rome*¹. Cette gréoccupation непрерывное большое зло в петербургском обществе. Оп n'a aucupie autorité pour ses rélations²; как неохотно едешь в дом, где и хотелось бы быть, но не уверен, застанешь ли хозяев, которые часто в езде. Получила ли ты все мои посылки с разными лицами: Дьяковым, комендантом, Рахмановым, Гудовичевым, кто там еще? Кажется, кто-то есть. Пока прости, а я тебе не прощаю, что пишешь редко и мало. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Пиши же, душа каналья. Озерова выходит замуж за Скарятину. Свадьба будет в Москве.

Пашкова-Баранова — Мария Трофимовна, рожд. Баранова. Ум. в 1887 г.

Английский посол — Гейтесбюри, бар. Вильям (1779—1860), посол в России 1822—1832 гг.

Козицкие — родители Анны Григорьевны Белосельской-Белозерской — Григорий Васильевич (ум. в 1775 г.), писатель и статс-секретарь Екатерины II, и Екатерина Ивановна (ум. в 1833 г.), дочь оренбургского заводчика миллионера Мясникова.

Хозяйка — гр. Дарья Федоровна Фикельмон, рожд. гр. Тизенгаузен.

Сестра — гр. Екатерина Федоровна Тизенгаузен (ум. в 1888 г.), фрейлина.

Бугурлина — Елизавета Михайловна (1805—1859), рожд. Комбурлей. См. Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. X, стр. 120.

Левашов — Василий Васильевич (1783—1848), генерал-губернатор киевский, подольский и волынский, председатель Государственного совета и Комитета министров.

Комендант — Карл Густавович Сталь.

Скарятин — Федор Яковлевич (1805—1835), один из основателей Московского художественного класса.

¹ Рим больше не в Риме.

² Нет никакой уверенности в своих знакомствах.

39

17-го фев[раля].

Закажи Гучкову два ешарпа вроде того, что я подарил г-же Фикельмон только каждый разного цвета или разных цветов; и попроси его сделать как можно лучше. Меня просил о том один дипломат, который хочет послать их к себе в Европу. Я посылал Толмачева к твоему Борятинскому, он здоров и признался, что не писал от руки. Я пошлю за ним и заставлю его написать письмо. Бумаги по делу я отдал на рассмотрение, чтобы знать, что с ними делать. А ты между тем со всеми поручениями и в ус не дуешь. Что я ни говорю, толка добиться не могу. Право, стану с кем-нибудь другим переписываться, а тебе доставлять буду только для сведения месячную ведомость, что я жив.

18-го.

Скажи Тургеневу, что ему сюда спешить нечего, как я уже и писал к нему. Федора писать каталог заставил. Пускай скажет он Горсткиной, что я сыну ее не отвечаю до отъезда кн. Голицына, потому что все еще не теряю надежды что-нибудь устроить. Между тем, если бы теперь Пензенский губернатор Панчулидзеv возобновил представление свое о нем, то можно было бы подействовать на Блудова, от которого он зависит. Но поелику Москва лучше Пензы, то надобно сперва хлопотать о ней и к Пензе обратиться только тогда, когда Москва уже не удастся. Потому я до поры Блудову о Пензе и говорить не стану, а поберегу ее как *au pis aller*¹. Вчера был кадетский праздник, праздновали столетие 1-го Кадетского Корпуса. Во дворце был обед слишком на 1200 человек для кадетов настоящих и бывших. Из старших были: Ушаков, генерал-адъютант, сенатор Дивов, Кушников, Философов, отец адъютанта вел. князя. Вечером корпус был иллюминирован. Все ездили смотреть иллюминацию, но я не видел ее. Сегодня повторение Елагинской потехи, и для моего утешения, что меня там не будет, не будет и Потоцкой и я еду к ней на вечер

Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее

до отъезда и переселения в Киев. Фовицкий был у меня вчера с кадетского обеда и тебе кланяется. Он определился к вел. князю по кадетским корпусам и, кажется, доволен своим ме-

¹ На худой конец.

стом. Что делают Левицкие? Скажи мне слово о них и в особенности о здоровьи Юлии Михайл., которой и передай особенный поклон. А ты и с Блоховым написать не могла. Ну плохо же ты меня любишь. Пошли от меня спросить о здоровьи американца. Блохов сказывал мне, что и он был очень болен, и скажи ему, что я письмо Клепалова получил и буду говорить о нем кн. Дмит. Владимир. и когда он возвратится в Москву дам ему, то-есть Клепалову, наставление, что делать надлежит. Что же делается с Европейцем? Мы здесь хлопочем о нем по всем дорогам прямым и кривым, но как-то нигде удачи не видно. Пошли этот пакет Щербатовой, сестре княжны Анеты. Это обещанные пахитосы, которые не успел я послать с матерью. Мое письмо застанет вас уже в тишине поста. Я рад, меня ваши частые балы тревожили за Машеньку физическую и моральную. Что же, есть ли у тебя навиду *gouvernante, dame de compagnie*¹. Дай же ответ хоть на это. Если у тебя нет, то стану здесь искать. Прощай, обнимаю и благословляю вас от всей души. Теперь дни прощенные: прошу у вас прощенья и вас прощаю, а между тем замечу, что и дети ко мне уже не пишут, хотя я должен был еженедельно получать по письму. Не хорошо. Бог с вами и со мною.

Толмачев — Феодосий Сидорович.

Панчулидзе — Алексей Давидович (1762—1834). В 1808—1826 г. — саратовский губернатор.

Первый Кадетский Корпус был открыт 17 февраля 1732 года. В «Северной Пчеле» 1832 г. №№ 12—13, 43—47, 74—77 по случаю столетия напечатана статья: «Учреждение первого кадетского корпуса» (извлечение из краткой истории корпуса А. В. Висковатова).

Ушаков — Павел Петрович (1759—1840), генерал-адъютант, шталмейстер Николая I.

Дивов — Павел Гаврилович (1765—1841), сенатор, служил по министерству иностранных дел. Переводчик, перевел поэму «Сотворение мира» аббата Рейнака. Оставил дневник.

Кушников — Сергей Сергеевич (1765—1839), адъютант Суворова; участник Турецкой войны. По «высочайшему» приказанию присутствовал в верховном уголовном суде над декабристами. Сенатор.

Философов — Алексей Илларионович (1801—1874), адъютант Михаила Павловича, полковник, позже — генерал от артиллерии.

Наслушаться речей веселых } стихотворение Пушкина: «Увы, зачем
И наглядеться на нее, } она блистает»...

Вересаев считает это стихотворение посвященным Елене Раевской.

Блохов — знакомый по имению П. А. Кологривова Мещерскому Саратовской губернии, где Вяземские проводили часть 1827, 1828 и часть 1829-го года.

¹ Гувернантка, компаньонка.

Американец — гр. Федор Иванович Толстой (1782—1846), в качестве волонтера участвовал в кругосветном путешествии, был высажен за вмешательство в распоряжение корабельных властей в Америке, откуда его прозвище «американец». О нем — многочисленные отзывы и эпиграммы Пушкина, Грибоедова, Вяземского, Жуковского, Вигеля и др.

Щербатова — княж. Анна Александровна.

Сестра — вероятно, Наталия Александровна, в замуж. бар. Розен.

40

20-го фев[раля].

Ты право с ума сошла на молчании. Опять и вчера с Шаховскою только несколько строк. Разве я виноват, что вы там накутили, а теперь ты хвост прижала, да и примолкла. Да и Машенька совсем не пишет. Вчера были мы на литераторском обеде у книгопродавца Смирдина, который праздновал свое новоселье и угощал всю пишущую братью. Нас было человек около ста. Пили в память и за здоровье мертвых и живых авторов и меня грешного. Замечательно было, что хотя мы и были en minorité¹, но из благопристойности при нас не смели пить за здоровье Греча и Булгарина, хотя тут и присутствовавших. Результатом обеда будет на будущий год в пользу Смирдина книга на подобие du livre des Cent et un². Мы все обещались доставить ему по статье. Само собою разумеется, что Хвостов написал и читал стихи на этот случай. Мы с ним лобызались очень нежно, и на вопрос мой, позволит ли он к себе приехать, отвечал он мне qu'il en serait extasié³. Жаль, что вообще на этом обеде не было довольно чинности, которую нарушали буффонство Греча, плоскости Воейкова, подлости Булгарина и так далее. Завтра должен быть бал суточный у Кочубеевых, утром для немногих, а вечером для всех нас православных, но княгиня очень занемогла и бал отменен. На вакансию поступает третье катанье Елагинское, тоже для немногих, а публике остается хлопать глазами, даже и не ногами, потому что здесь никто не веселится про себя, а все нужно еще кое-что при том. Впрочем, сегодня я на второстепенном катании, завтраке и балу у компании Багреево-Лазаревской. Я небольшой охотник до этих блестящих партий, но, отказавшись уже от первой, должен ехать сегодня. Между тем там бывают очень приятные женщины: семейство Балугьянское, т. е. замужние дочери, Потемкина вдова молодая etc.

Прости до великого поста, до чистого понедельника. Благодарю Пашу и Павлушу за письма. Буду отвечать после. Велеть

¹ В меньшинстве.

² Книги «Сто и один».

³ Что он будет в восторге.

одеваться et j'ai envie d'aller à cette promenade, comme de me faire pendre¹.

Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Бог с вами и со мною. Вот записка для кн. Федора в ответ на письмо его. Пускай подаст он просьбу куда следует, а я рекомендую ее Адлербергу.

Смирдин — Александр Филиппович (1795—1857), известный издатель, книгопродавец, библиограф.

Греч — Николай Иванович (1787—1867), литератор, представитель официально-консервативной журналистики, редактор и издатель журнала «Сын Отечества», автор трудов по русскому языку и словесности. Оставил записки: «*Du livre des Cent et un*» — Сборник «Cent et un» издавался в Париже с 1831 по 1833 г. под заглавием: «Paris ou le livre des Cent et un».

Хвостов — гр. Дмитрий Иванович (1757—1835), плодовитый писатель, особенно едко высмеиваемый арзамасцами на заседаниях литературного общества «Арзамас», где ему была посвящена речь Жуковского.

Войков — Александр Федорович (1773—1839), литератор, редактировал (1822—1837) «Русский Инвалид» и «Литературное прибавление» к нему. Член литературного общества «Арзамас».

Кочубеевы — Кочубей — Виктор Павлович (1768—1834), друг Александра I и член «Негласного комитета», посол в Константинополе, министр внутренних дел, государственный канцлер, председатель Государственного совета; Кочубей — княгиня Мария Васильевна (1779—1844), рожд. Васильчикова.

Балугьянский — Михаил Андреевич (1769—1847), профессор политической экономии, ректор Петербургского университета, бывший сотрудник Сперанского, статс-секретарь, сенатор. До приезда своего в Россию в 1803 г. занимал кафедру в Пеште. О нем — неодобрительные отзывы у Н. И. Тургенева в книге «La Russie et les Russes».

Замужние дочери — Мария (р. 1804), в замуж. Меем. Оставила записки; Анна (р. 1806), в замуж. Дараган, писательница; Александра (р. 1802), в замуж. Кангер; Елена (р. 1810), в замуж. Бартоломей; Екатерина (р. 1814), в замуж. Гальперт; Елизавета (1814—1904), в замуж. Столпакова; Ольга (р. 1817), в замуж. Комар.

Потемкина — Ольга Федоровна, рожд. Брискорн, третья жена Якова Алексеевича Потемкина, во втором браке бар. Мейендорф.

Наконец, лоскутков твоих таки накопилось. И за то спасибо. Мне очень жаль и грустно, что ты так унываешь. Это безрассудно. Безрассудно было строиться на воздухе, а еще безрассуднее удивляться и плакаться, что все развалилось на щепки.

¹ И мне хочется столько же поехать в эту прогулку, сколько — быть повешенным.

Дело было совершенно несбыточное на ныне, а завтра еще за горами. Запиши себе этот урок и не будь вперед так легковерна. Мне и самому сдается, что мать не хорошая женщина. Я видел Шаховскую: она ничего не говорила мне по этому делу, а, кажется, ты мне когда-то писала, что будет говорить. Впрочем, и я не очень вел разговор к тому. Вот и чистый понедельник и жирный вторник. Не говееете ли? У нас нет, и даже все на мясе. Я получил вчера письмо твое, Ладомирской и книгу от Салаева. Я никогда не писал тебе с Башиловым и ни к кому. Не понимаю, о каком письме он говорит. Сколько помнится, посылал я тебе и вам разные разности: с Ник. Трубец., Борятинскою, комендантом Сталь, Гудовичем, Рахмановым, Пашковым, Дьяковым. Вот, кажется, и все, а у нас масленица таки не прошла без погребения. Был бал у г-жи Фикельмон для меньшей братии. Странно было не видеть никого из именитых. Бал однако же очень удался и был веселее прочих. Часу во втором приехали кое-кто с Елагинского катанья. На нем было несколько падений с салазок, важнее всех было падение Софии Урусовой, которая расшиблась, то есть повредила лицо, но не опасно. Вечером она тут же танцевала. Сейчас получаю письмо от Четвертинской. Радуюсь, что все устроилось по желанию ее, хотя и не по моим стараниям. Ожидаем Бориса, и я берусь развратить его, то есть влюбить в кого-нибудь и следовательно пустить в пляски и во все тяжкие. Жаль, что не застанет он здесь бальных каникул, а то как раз можно было бы взбесить его. Мой фунт чая шел от 3-го января до 21-го февраля включительно. Не знаю еще, как идет с сальными свечами. С первою почтою уведомя и поговорю еще подробнее о дядьке моем, который поминутно, когда одевает меня, кричит надо мною, как на судне. Как я рад за Викентьеву. Когда встретишь ее, поздравь за меня от всего сердца. Я на днях обедал у Веры Салтыковой, которая здесь поселилась. Она очень хорошо живет и хорошо ужилась со всеми и везде. Не расстраивайте свадьбы Горсткиной. Щербатов все-таки кончит дурачеством, все равно часом ранее, или позже; а Горсткина женщина умная, холодная и с характером, следовательно, за нее бояться нечего. Что значит: *Nadinka Soldan est fiancée à un Mr. Essipoff*¹. Во-первых, она не Сольдан, а во-вторых, — он не Есипов. Так-то ты врешь мне. Извини меня, Пашенька, что я не вспомнил о тебе 21-го февраля, или, лучше сказать, не знал, что это день рождения твоего. Поздравляю

¹ Наденька Сольдан помолвлена с господином Есиповым.

с прошедшим и желаю всего доброго на будущее. Скажите мне, что прислать бы вам к празднику вместо красных яичков. Хороша ли Надька в своем переднике, а ваши как нравятся вам? Наше пиано славное, Нессельроде оно медни играл на нем. Он обещал мне дать несколько из новых варшавских музык.

Je Vous remercie, cher Paul, pour les vœux paternels que Vous faites à mon égard en me souhaitant des progrès dans le service. Je tâcherai et ferai tout mon possible pour mériter votre approbation. Si je n'y parviens pas, ne m'en voulez pas, je Vous prie, car cela ne sera pas faute de désir de Vous plaire. J'ai lu votre lettre à Pouschkin qui est de votre avis sur les Natalies. Vous avez eu sûrement en vue aussi Наталия Алексеевна quand Vous parliez de la beauté des Natalies. Pourquoi ne prenez Vous pas de leçons de versification, si Vous voulez faire des vers? Apprenez du moins les premières règles. Votre maître de langue russe pourra certainement Vous les montrer. Je ne désire nullement que Vous Vous adonniez trop aux vers, mais encore faut-il tâcher de faire le moins mal ce qu'on fait. Mais aussi Vous qui avez un jeu solide, comment avez Vous l'oreille aussi dure, Vous avez des vers d'une longueur qui n'a pas de nom¹.

Иной стих тянется, как глист в два аршина. Ожидаю ответов твоих на мое запросное письмо. Напиши тетеньке Карамзиной благодарное письмо за книгу. Прощай, медный лоб. Как дурака, в лоб тебя и цалую. Правда ли, что Григорий Корсаков в Москве? Если так, то заплати за меня долг ему и скажи, что буду отвечать на письмо его, когда узнаю наверное, что он в Москве. Я думаю, что он мог бы написать формальную жалобу министру юстиции на поступки следователей. На словах ничего не сделаешь. Нужно соблюдение всех форм,

¹ Спасибо, милый Павлуша, за ваши отеческие пожелания, которые вы делаете по моему адресу, желая успеха в моей службе. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы заслужить ваше одобрение. Если я этого не достигну, не сетуйте, прошу вас, на меня, ибо это будет не от недостатка желанья угодить вам. Я прочел ваше письмо к Пушкину, который с вами согласен относительно Наталий. Вы, конечно, имели в виду тоже Наталию Алексеевну, когда говорили о красоте Наталий. Почему вы не берете уроков стихосложения, если хотите писать стихи? По крайней мере научитесь первым правилам. Ваш учитель русского языка, конечно, мог бы вам их показать. Я никоим образом не хочу, чтобы вы слишком увлекались стихами, но все же нужно стараться делать то, что делаешь, наименее плохо. И как же вы, который так хорошо играете, все же обладаете таким плохим слухом. У вас стихи такой длины, что это ни на что не похоже.

а то переливать будешь из пустого в порожнее. Пока прощай, сиятельнаяшая. Обнимаю и благословляю вас от всей души, а Машеньке замечаю *qu'elle me bat froid*¹. Что Окуловы и в особенности Варвара Алек.? Бог с вами и со мною. Старому конюшенному мой сердечный поклон и благодарность за письма. Неизвестно еще, когда едет отсюда кн. Дмит. Влад. Вот письмо, отданное мне Грабовским, извини, что распечатал.

Пашков — Александр Васильевич.

Викентьева — выходила замуж за Домогадского («Архив бр. Тургеневых»).

Салтыкова — Вера Федоровна, рожд. Стемпковская.

Горстicina — Софья Николаевна.

Щербатов — кн. Петр Александрович (1811—?), корнет Литовского гусарского полка (похоронен в Москве в Донском монастыре; дат нет).

Есиповы — соседи по имению Мещерскому, Саратовской губ.

Солдан — Надежда Федоровна.

Нессельроде — Федор Карлович.

Прощай, медный лоб — Павла Петровича Вяземского в детстве дразнили медным лбом, взяв это название из басни Измайлова «Лгун», направленной против П. П. Свинына: «Павлушка, медный лоб (приличное название), имел ко лжи большое дарованье».

Министр юстиции — Дмитрий Васильевич Дашков.

Окуловы — семья, бывшая в дружбе с Вяземскими и владевшая имением по соседству с подмосковным имением Вяземских Остафьевым.

Старый конюшенный — Александр Иванович Тургенев. Так называет Вяземский А. И. Тургенева в своем к нему письме от 7 марта 1832 года («Архив бр. Тургеневых»).

Грабовский — гр. Стефан Фомич (ум. в 1847 г.), дивизионный генерал польских войск, министр, статс-секретарь Царства Польского, член Государственного совета.

Я писал к тебе вчера по почте. Сегодня есть оказия, да писать нечего. Хорошего нового нет, а худое всё старое. Все одно. Чем более живешь здесь, чем более смотришь на людей, тем холоднее и грустнее. Я, кажется, никогда не обделаюсь на здешний лад. И вероятно потому, что я дурно играл маркиза во Льгове, то есть, что я не актер, не умею подделываться под какую-то жизнь, которая не настоящая, не умею равнодушно слушать вздор и великодушно отвечать таким же вздором. Здесь на все готовые понятия, готовые фразы, хоть тресни, а полезай в них, а ум и душу сверни и запрячь в карман, как носовой платок. *Et à quoi bon?*² Скажи Тургеневу, что и по

¹ Что она ко мне суха.

² И к чему это?

моему мнению брату его теперь публиковать о себе ничего не должно. Теперь и на молоке обожжешься. Все чего-то ждут. Чего-то боятся. Ненавидят Францию и французов и почтут за новое преступление, что он осмелился оправдывать себя во Франции. Если для женитьбы, то он может и в рукописи прочесть родным свое оправдание, и оно будет еще действительнее, то есть поселит более доверенности, ибо печатное оно может быть только политическое средство к огласке и к соблазну, а в рукописи оно тайное, мирное признание для многих. Да, кстати, Василий Перовский советует Жуковскому, когда он женится, дать жене своей в девиз: для многих. Ничего лучшего пересказать вам не могу и потому прощайте. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. Всем нашим мой сердечный поклон. Что делает Николай Муханов, и у него ли мой Joseph de Logne? А что делает Гучков или что делаешь ты с ним? Узнай, кто написал 12 спящих бутушников, и при случае скажи, какое действие имело в Москве запрещение Европейца?

1-го марта.

Письмо это долго ждало отъезда Офросимова, а теперь едет с Уваровым. Не имею времени ничего прибавить, надобно отослать письмо. Писал я тебе сегодня по почте. Обнимаю и благословляю вас от души. А Катеньки все еще нет.

Льгово — подмосковная усадьба Степана Степановича Апраксина, где устраивались спектакли; пьесы выбирались из старого французского репертуара.

Брат Тургенева — декабрист Николай Иванович Тургенев (1789—1871), помощник статс-секретаря и управляющий третьим отделением министерства финансов. Автор «Опыта теории налогов». Один из основателей Союза освобождения и идеолог правого крыла декабристского движения. По делу о декабристах был заочно осужден к смертной казни. В Париже выпустил книгу «La Russie et les Russes». Впоследствии выступал в печати по актуальным вопросам «эпохи реформ» в качестве противника революции.

Перовский — Василий Алексеевич,

Joseph de Lorme — псевдоним французского поэта и критика Sainte Beuve (1804—1869). Известностью пользовались его сборники: «Poésie de Joseph Delorme» (1829) и «Consolations» (1830).

12 спящих бутушников — в «Северной Пчеле» от 1832 г. под рубрикой «Новые книги» напечатано: «Двенадцать спящих бутушников». Поучительная баллада. Сочинение Елистрата Фитюлькина. М. 1832». В 1863 г. в Петербурге вышло 2-е издание этой баллады «12 спящих бутушников» — пародия на балладу Жуковского «Двенадцать спящих дев», автор В. А. Проташинской (письмо Жуковского к Тургеневу, «Русский Архив», 1891, п. 469).

Офросимов — Александр Павлович (1782—1840), полковник, товарищ по пансиону А. И. Тургенева.

Уваров — вероятно, Сергей Семенович.

43

26-го фев[раля].

Спасибо за письмо от 20-го, ты в нем хотя немного разговорила. Ради бога, не дурачься. Жизнь еще долга пред нами. Можно ли унывать от того, что сон приснился, а не сбылся. Скорее еще сны, которые видишь во сне, сбываются, чем те, которые видишь наяву. Сны, говорят, от бога, то-есть сонные сны, а денные от лукавого, то-есть от нас. А я думаю, ты жалеешь, что меня на эту пору не было с вами, ты меня употребила бы в пользу по известной тебе склонности молодого парня. Признайся, что так. А кто-то приехавший из Москвы уверен, что мой сын женился на Корсаковой, да он слишком молод, говорили, — это так заведено в семействе и отец молод женился. Здесь Голицын, брат Варшавского, женится на Барановой, сестре Пашковой. Она не красавица, но ее очень хвалят. К тому же это брак благоразумный, то-есть хорошо сортированный: он богат, у нее связи. У него есть в чем возить ее, а у нее куда его возить.

44

27-го

Сейчас получаю твое письмо с известием об отъезде Росети. Жаль, что ничего не привезет он мне от вас. По крайней мере выжму его на словах. Сестра его уже на тошноте и ей тошно от тошноты. скучает, сидит или валяется дома. Я читал в письме Катеньки описание апраксинского бала и вашего последнего масленичного дня. Вы все избаловались, и я рад, что пост подожмет вам хвост. На письмо Демида отвечаю: нечего спешить заключать новый контракт. Цена на сукна не упала против прошлогоднего, а напротив, возвысилась, следовательно предложение Рыбникова сбавить два рубля с половинки не должно быть принято. Надобно предложить другим купцам. Квасников всех их знает: пускай ищет он. Меня просили отдать фабрику Жуков и Пономарев, который женат на дочери какого-то греческого купца. Во всяком случае можно попробовать работать на свой счет. Попроси к себе кн. Николая Трубецкого, Розанова и вели приехать Квасникову и сказать им о состоянии фабрики, а от них выслушать мнения, что делать. Количество польского сукна, которое позволено вывозить на Кяхту, совсем не так велико, следовательно подрыв фабрикам нашим быть не должно. Купцы всегда готовы воспользоваться всем. Одним словом, ни под каким видом не напрашиваться к Рыбникову. Вели Квасникову написать ко мне обо всем этом. Кто же теперь занимается Терпигоревским де-

лом? Не упускайте его из вида и торопите доставление описи свободного имени и назначения его к продаже. По фабрике я согласен на умножение аппаратов, согласен всегда на все издержки, которые имеют соразмерную прибыль в виду. Пока прощай. И я боюсь опоздать на почту. Скажи старому конюшеннику, что получил письмо его от 23-го фев.; хотя и знаю перевод Гольберговых басен, но не менее благодарю за подарок и буду хранить его. У Жуковского теперь старуха Протасова и молодая Воейкова, вышедшая из института. Они скоро едут в Дерпт. Воейков должен быть хорош в этих семейных картинах. Обнимаю и благословляю вас от души. Тебе даю успокоительный поцалуй, впрочем ты, видно, уже довольно успокоилась. Ты тем хороша, что как раз встревожишься и как раз отряхнешься. Нечего сказать, матушка ваше сиятельство, богом благословенная натура. Бог с вами и со мною.

Мой сын женился — Павлу Петровичу Вяземскому было 12 лет.

Корсакова — Римская-Корсакова Александра Александровна вышла замуж за Александра Николаевича Вяземского 12 февраля 1832 г.

Голицын Варшавский — Александр Федорович (1796—1864), служил в Варшаве при Константине Павловиче, статс-секретарь, позже — в Петербурге заведывал тайной полицией, член Государственного совета.

Голицын — брат Варшавского — Михаил Федорович (1800—1873), звенигородский уездный предводитель дворянства, шталмейстер.

Баранова — гр. Луиза (Юлия) Трофимовна (1810—1887), в замуж. Голицына, статс-дама.

Пашкова — Мария Трофимовна, рожд. Баранова (ум. в 1887 г.).

Россети — Климент Осипович (1811—1866), окончил Пажеский корпус; в 1834 г. участвовал в делах против горцев. Позже перешел на гражданскую службу.

Сестра его — Александра Осиповна Смирнова, рожд. Россети.

Рыбников — арендатор Остафьевской суконной фабрики Вяземских, вероятно Иван Назарович (ум. в 1844 г.), мануфактурный советник, член московского отделения Мануфактурного совета.

Жуков — м. б. Николай Ефимович (1801—1846), почетный гражданин.

Пономарев — Прокофий Иванович (ум. в 1853 г.), коммерции советник и кавалер. Член Мануфактурного совета.

Розанов — Николай Иванович, писал статьи в «Коммерческой газете», член московского отделения Мануфактурного совета.

Кяхта — пригородная торговая слобода Троицко-Савского округа, Забайкальской области, в 80 сажнях от китайской пограничной слободы Маймачин. До Тянь-Цзинского договора в 1858 г. служила единственным пунктом русской торговли с Китаем.

Старый конюшенник — Александр Иванович Тургенев.

Гольберговы басни — «Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Гольберга», перевод Дениса Фонвизина, изд. Императорского Московского Университета, 1761 г. Эту книгу, принадлежавшую отцу А. И. Тургенева, А. И. Тургенев послал Вяземскому, работавшему над биографией Фонвизина.

Гольберг — Людвиг (1684—1754) известный датский писатель, автор многих исторических трудов; наибольшую известность приобрел сатирами и комедиями.

Протасова — Екатерина Афанасьевна — (1771—1848), рожд. Бунина.

Воейкова молодая — Екатерина Александровна (1815—1844).

[Начала письма нет.]

У нас все ухо при каждом стуке на улице, при малейшем движении в доме все думают, что Катенька приехала. Особенно же Сонюшка в удивительном волнении. Напрасно в последнем письме своем объявила она так утвердительно, что будет и уже писать не будет. Надобно в этих обещаниях оставлять всегда запас. Наконец я был у Кноринговой. Не нашел в ней никакой перемены: дети ее показались мне милы. Старший сын 11-ти лет. Они едут в Новгород. Там будет расположена дивизия его, а жить будут они в 15-ти верстах от города. Она просит тебя заехать к ней на дороге в Петербург, уведомить ее заранее о дне проезда твоего и она вышлет тебе карету. Я только на минуту видел Россети и потому не мог обобратить его вестями об вас. Он не очень здоров и не выезжает. Вот и первая неделя с плеч долой. Настает пора раутов. В среду у Сенявиной. Субботы взяты графинею Лаваль. Вторники остались во владении у Салтыковых, но эти рауты что-то смесь французского с нижегородским, хотя многие из сливок и бывають там, но сами хозяева, а особенно же дочери, которых много и кенкеты которых мало и темно горят (и те и другие), дают странную наружность этим вечерам. Наша Шоазель там царствует. Как она всегда одета, невообразимо и больно смотреть. Глядя на нее, вспоминаешь то, что сказано в романе *Le lorgnon M-me de Girardin*, урожденной Дельфина Ге: «Edgar en rentrant dans la salle du bal, aperçut son ami Harvaum, causant mystérieusement dans un angle de porte avec quelque chose qui ressemblait de loin à un ambassadeur turc ou à une vieille anglaise. En effet, c'était une de ces vieilles anglaises inimitables qui, après avoir eu quatorze ou quinze enfants dans leur pays, viennent à Paris pour apprendre le français. Elle portait sur la tête un de ces turbans à trois étages que l'Angleterre seule produit, des plumes, des fleurs, des diamants, de l'acier, des

glands de jais, des rubans, des blondes, des chefs d'or (sic) ornaient cette imposante couple»¹.

У Шоазель нет такого богатства в подробностях, но всегда есть что-нибудь лишнее, яркое, странное, дикое. Впрочем она очень мила и добра, и жаль, что она себя так обвешивает. А *lognon* не читал, а нашел эту выписку в журнале. Говорят и верю, что оно очень хорошо писано и остроумно, но целое должно быть холодно и утомительно. Этот способ волшебства, заимствованный из тысячи и одной ночи, перенесенный в гостиные нашего времени как-то несообразен.

1-го марта.

Сейчас получаю твое письмо, в котором говоришь, что Катенька должна была выехать в субботу. Охота же ей было заранее протрубить свой поход. София измучилась и иссохла от беготни к окошку и к дверям, а Володенька так прилипал к окну карауля, что вчера заснул на стекле. Я и сам думаю, что благоразумнее вам переехать сюда осенью. Впрочем, далеко кулику еще и до Петрова дня, не только что до осени. Теперь займись фабрикою. Что говорят о Квасникове? Мне не нравится, что он ко мне не пишет, когда я ему писать приказывал. Не мешают ли ему и передала ли ты ему мои приказания? Павлуша писал мне о письмах своих к Андрею и к другим братьям, но мы их здесь не получали. Не теряются ли ваши письма? Ты рада схватиться за это предположение и приукрасить им свою лень. Видишь ли иногда Ив. Ив. Дмитриева? Не negliжируй его. Ты позвала бы его к себе обедать с Салтыковым, Киреевским etc. Передай Ив. Ив., что на Смирдинском обеде, когда Пушкин обнимал Хвостова, кто-то сказал: вот в действии пословица: седина в бороду, а бес в ребро. Скажи ему также, что я собирался описать для него обед, но Инвалид и Северная Пчела перебили у меня. Вот и для Тургенева на развоз. Потоцкая просила портрета моего. Я послал его при следующем рескрипте:

¹ Эдгар, возвращаясь в бальный зал, заметил своего друга Гарван, таинственно разговаривающего около двери с кем-то, походившим издали на турецкого посла или на старую англичанку. В самом деле это была одна из тех неподражаемых старых англичанок, которые, произведя в своей стране четырнадцать или пятнадцать детей, приезжают в Париж учиться французскому языку. На голове у нее был один из тех трехэтажных тюрбанов, которые производят только одна Англия; перья, цветы, бриллианты, сталь, бусы из черного янтара, ленты, блонды, золотые безделушки украшали этот величественный купол.

Вот для великого поста
 Великопостный мой подарок:
 Не знаменит он и не ярок
 И просто мне во всем чета.
 Не просится он в причет вышний
 Почетных современщиков;
 Ему в тени и без чинов (без штанов),
 Вы отведите угол лишний,
 У вас он добрым знаком будь
 Для нищих духом с нами схожих,
 Что в доме у графинь пригожих
 Обитатели для многих суть.
 И в царстве вашего вниманья
 Не льщусь я местом на виду,
 Нет, только в общих святцах жду,
 Как христианин поминанья.
 Причтите к прочим вы меня,
 Которые толпой пред вами
 С благоговеньем и мольбами
 Стоят колена преклоня;
 Вас венчают, обожают,
 Поют, таят молебства вам
 И бескорыстный фирмам
 Кадил сердечных возжигают.
 Не заблуждаясь в льстивом сне,
 Не жду успехов своенравных,
 Но в мире ваших православных
 Местечко дайте вы и мне.

Она отвечала мне презабавным письмом. Я никак не полагал, глядя на ее фашьюнабельность и птит-метресность, что она такая шутиха. Вот конец письма:

Любезнейший поэт,
 За стихи, за ваш портрет
 На достойный вас ответ
 Слов у меня нет,
 Прости mon cher poete
 Si ce que je t'ai dit est par trop bête¹.

Она пишет мне que pour faire ces vers elle a passé quatre jours et 4 nuits et mangé quatre plumes².

Ответа не давай Тургеневу, а то он и его положит в свой развозный чемодан. Итак Катенька должна быть сегодня, если и ты не протрубила фальшивой тревоги. Мисс Мендар выехала из дома. Теперь никого нет здесь: ни мусье, ни мада-

¹ Прости, мой дорогой поэт,

Если то, что я тебе сказал, уж очень глупо.

² Чтобы сочинить эти стихи, она употребила четыре дня и четыре ночи и съела четыре пера...

мы. Мне все хотелось бы найти для вас француженку или швейцарку. Не пойдет ли на лето к вам Погонкина? Прости пока. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. А Гучков? Мое почтение и рукоцалованье Прасковье Юрьевне и почтение и лобызание Петру Александровичу и прочим членам (не его), а всего семейства. Как у вас на меду или на уксусе? Будь умна и делай свое дело.

Кноринг — Владимир Карлович (1784—1864), начальник 2-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии в Новгороде, генерал-лейтенант.

Кенкеты — *quinquet* — род лампы с одним или многими рожками.

Girardin—Delphine (1805—1855), рожд. Gay, автор романов, трагедий, комедий и стихотворений. Занималась журналистикой.

Салтыков — Михаил Александрович.

Хвостов — Дмитрий Иванович.

Инвалид — издавался с 1813 до 1821 г. под редакцией И. Н. Пезаровиуса, сгс; сменил А. Ф. Воейков, который оставался редактором до 1829 г. При нем был выкинут весь политический отдел; в 1829—1847 г. редактором снова становится Пезаровиус в сотрудничестве с А. А. Краевским.

Северная Пчела — журнал, издавался Булгариним в 1825—1864 г., орган высшей бюрократии, имевший крепостнические тенденции. Позже редактор Н. И. Греч.

Стихи Вяземского Потоцкой в Полн. собр. его сочинений не вошли.

Погонкина — м. б. имеет отношение к В. И. Погонкину, литографировщику на камне?

Вот уж можно сказать про тебя: без проказ ни на час. Я знал от Машеньки твое каштанное приключение, но никак не воображал, что оно так серьезно. Мало того, что нашалишь, нет надобно еще и не беречь себя. Будто не знаешь, что всякая болячка на ноге опасна. Говорили тебе не ходить, говорили послать за Рихтером. Теперь дождалась, что пролежишь, может быть, шесть недель. Право я пришлю к тебе дядьку моего смотреть за тобою, ты пуще робенка. Сделай милость, по крайней мере, теперь береги себя. Посылаю тебе письмо, которое должно было пойти с костромским дворянином, но мой дворянин уехал, не дождавшись. Если паче чаяния он к тебе заедет, то ты все-таки переговори с ним о продаже Захарьевской трети. Узнай в Москве ли квакер Бартенъев? Князь Андрей Петрович должен это знать. Вот бумаги твоей Палицыной вместе с двумя письмами по ее делу. В них хорошего мало, но если она хочет подавать просьбу в Сенат, то я постараюсь подкрепить ее своими ходатайствами, то есть хода-

¹ Дата определяется днем рождения С. Н. Карамзиной, о чем Вяземский пишет в этом письме.

тайствами, а не по твоему ходатайствами. Только ходатайства или ходатайства, а все вероятно проку будет мало. Если Немчинов, от которого есть к ней письмо, тот, что управляет заводом Шепелевским и, если он повидимому интересован в деле ее, то лучше всего дать ему волю действовать, как он умеет. Он человек умный и сведущий в делах; только пускай оградит она и себя в доверенности, потому что он человек хитрый и себя не обижает. Писал ли молодой Брятинский? Пошлю за ним на-днях. Чаадаеву пришлю бумаги по первой оказии. Я вчера только взял их от Жуковского и хочу прочесть.

Что ты ни говори, а вы порядочно подурачились в Машенькином деле. Как можно было дать Петруше Щербатову волю говорить, толковать и проч. Как скоро увидела ты, сплетни начались, ты должна была сейчас потихоньку ретироваться с Машею, а не кормить сплетни, выставляя Машеньку на показ. Тем более, что она все-таки не вступила в свет обеими ногами. Ты не довольно поберегла Машу от худого глаза московских баб обоего пола. И не вступив еще формально в свет, она теперь побывала уже в переборе людских толков. Признаюсь мне это очень больно. Ради бога, будь гораздо осторожнее вперед. Если дело удалось бы, то бог знает еще, было ли на радость, а неудача уж чисто в наклад. А все от того, что ты не держалась первых решений наших: пустить Машу на два-три бала в зиму и полно. Видя, что явление ее в свет не так sans conséquence¹, как можно было думать, надобно было тотчас оборотить оглобли назад и опять засесть в детскую, а тебя, напротив, нежность и суетность стали подмывать и ты поплыла, да и села в ухаб. Слава богу еще, что Машенька не ушиблась, а всё-таки брызнуло на нее из лужи, и из пакостной лужи московских сплетней, и хуже всего, что дала несколько повод им. Мне больно говорить тебе такую правду. Может быть, я так рассудительно говорю со стороны, а на лице поступил бы и не лучше тебя. Но не менее того правда слов моих святая правда.

Мне почти совестно посылать тебе письмо Машеньки, так она меня расхваливает, моя милая. Сегодня рождение Софии. Я ей делаю тысячу сюрпризов и мистификаций. Между прочим вот стихи мои к ней:

Ты в марте родилась и потому так живо
Ты бродишь завсегда, как мартовское пиво.

¹ Без последствий.

Во вторник буду писать тебе с Блоховым или с Матвеем Вьельгорским. Пока прости. Скажи Тургеневу, что тогда напишу и ему. Он может оставаться у вас сколько душе угодно, и, напротив, вернее быть ему в Москве, чем здесь. Скажи Ладомирскому, что исполню поручение его. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и с нами. Дай бог тебе скорее выздороветь. Письмо будет доставлено тебе Пращевским, братом Левицкой, которой и которым скажи мой сердечный поклон.

[В начале идет письмо М. П. Вяземской.]

Я писал к тебе сегодня ночью и потому мало напишу днем. Тем более, что у меня на ухе торчит Сабуренок. Я вчера из концерта возвратился в одной из театральных карет с Щербининой девицею, которая из Москвы, и с девицею Немичею, которая принялась [sic]¹ к к. Вере Салтыковой. Мои, т. е. Маша и Карамзины, отправились в моей карете и довольно поздно, так что все уже почти разъехались. Между тем, эти барышни остаются одни в сенях и говорят мне, что не находят людей своих. Искать, искать, нет ни лакея, ни кареты. Все разъезжаются, тушат лампы, начинают запира́ть двери. Одно средство: выпросить театральную карету и ехать в ней. Так и сделано. Но нет и человека с ними, ни у кареты театральной. Делать нечего, сажусь с ними, и мы шагом проезжаем весь город от большого театра до Гагаринской пристани. Дорогою двери растворяются, блохи кусают и проч. Хорошо приключение, но беда, что приключительницы не очень хороши. Вчерашняя иностранная почта ничего не привезла важного. Важные вопросы Бельгии и Италии еще не решены. Прости же, моя милая. Береги свою ногу. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и с нами.

Каштанное приключение — А. Я. Булгаков в письме к брату от 27 февраля 1832 г. («Русский Архив», 1902, № 1—4) рассказывает, что Вера Федоровна Вяземская жарила у камина каштаны, и брат ее Федор Федорович Гагарин положил горячие каштаны ей на платье, один лопнул и сквозь платье сильно ожег ей тело.

Барте́ньев — Юрий Никитич (1792—1866), директор костромской гимназии. О нем см. «Русский Архив», 1897, № 11—12: «Юрий Никитич Барте́нев».

Князь Андрей Петрович — Оболенский (1769—1852), попечитель Московского университета, родственник Вяземского.

¹ Глагол *приняться* в смысле «наняться» не однажды употребляется Вяземским.

Немчинов — управлял Шепелевским заводом.

Чаадаев — Петр Яковлевич (1794—1856), крупный русский философ-публицист. Известен как автор «Философических писем». Одно из философских писем, проникнутое скептическим отношением к тогдашней русской действительности, было напечатано в России в 1836 г. в журнале «Телескоп». Редактор-издатель «Телескопа» Н. И. Надеждин за напечатание этого письма был сослан в Усть-Сысольск; журнал закрыт. (2-е письмо относится к 1829 г.; 3-е — к 1831 г.). Близкий друг Пушкина — Чаадаев был членом тайного декабристского общества.

Блохов — знакомый Вяземских по Пензе.

Вьельгорский — Матвей Юрьевич. Участник войны 1812 г., был в распоряжении Барклай-де-Толли.

Пражевский — Николай Прокофьевич, действительный статский советник, служил по герольдии, отставлен от службы в 1834 г.

Левицкая — Варвара Прокофьевна (1786—1837), рожд. Пражевская, кавалерственная дама ордена Екатерины, жена бывшего коменданта Варшавы.

Сабуренок — Василий Васильевич Сабуров (1805—1879), служил при Гудовиче.

Девушка Щербинина — вероятно, одна из сестер Михаила Павловича Щербинина, бывшего при гр. Воронцове. М. П. Щербинин и его две сестры были внебрачными детьми князя Павла Михайловича Дашкова, усыновленными его сестрою Анастасией Михайловной Щербининой.

47

7-го марта или 8-го, потому что второй час за полночь.

Ты на меня рассердишься, моя милая, получая от меня такой огромный пакет и в нем так мало собственно для тебя. Виноват. Маша здорова и, кажется, веселится своим пребыванием здесь, хотя веселья и мало. Хотел я на этой неделе устроить для нее катанье, но вот и зима сходит и, кажется, решительно. Прогулочное платье ее и готово теперь, но гулять нельзя за грязью. Блестящих концертов также не предвидится. Жаль мне, что не могу ее потешить. А сегодня возил ее к благоприятельнице Елизе. Она очень приласкала ее. В субботу, может быть, повезем ее на раут к графине Лаваль. Я нахожу, что Маша еще очень ребенок, и удивляюсь, как могла ты думать о замужестве ее. Мы с нею чай пьем по утрам у меня, и это обыкновенно время наших разговоров. Мне очень грустно будет расстаться с нею. Я писал тебе ономедни большое письмо с Пражевским, братом Левицкой. Скажи Ладомирскому, что просьба его министром получена и будут требовать бумаги из архива. Жуковский вел себя как ангел, или, лучше

сказать, как человек достойный имени сего по делу Киреевского. Писал к Бенкендорфу и говорил ему, писал два раза государю и сегодня получил удостоверение, что государь хорошо, или, по крайней мере, не худо, принял его письма. Собственно по Европейцу или для Европейца еще ничего не сделано, но, по крайней мере, Киреевский обелен и позволено было вступить за него, как за правого человека и следовательно обвинять правительство. И то хорошо. *C'est autant de gagner sur l'ennemi*¹. И я писал большое письмо Бенкендорфу против запрещения Европейца и объяснял, как эта мера строгости противоречит выгодам самого правительства. Не думаю, чтобы письмо мое много подействовало, но по крайней мере оно не повредило мне. Я узнал это сам из слов Бенкендорфа, мне сказанных по получении письма, и из разговора его с Жуковским, где он меня очень хвалил, говоря, что могу иметь иногда ошибочные мнения, но что он отвечает за меня, как за себя, что он тотчас согласился бы вверить мне Петербург в уверении, что если была бы надобность, я умру на своем месте. Все это хорошо и Бенкендорф точно добрый и благородный человек, но человек слабоумный, слабохарактерный и из-за него какая-нибудь бестыя Булгарин пакостить может. Вообще нет никакой *sécurité*², потому что ни люди не надежны, ни главные правила не верны. Здесь две свадьбы в одном семействе: две сестры Васильчиковы, дочери брата к. Тать. Васильчиковы идут замуж: одна — за графа Кушелева, другая — за Васильчикова. Свадьба Кушелева всех изумляет: он из первых женихов, а она совсем не из блистательных невест. Что твоя сумасшедшая нога? Пожалуйста береги ее. Прощай, душа. Пора спать. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и с нами.

Жуковский вел себя, как ангел — см. письма Жуковского по делу Киреевского к Николаю I и А. Х. Бенкендорфу («Русский Архив», 1896, I).

Татьяна Васильевна — кн. Голицына (1782—1841), рожд. Васильчикова, жена московского генерал-губернатора.

Васильчиков — Дмитрий Васильевич (1778—1859), обер-егермейстер, член Государственного совета.

Васильчикова — Софья Дмитриевна, в замуж. Васильчикова.

Васильчиков — Николай Михайлович, действительный статский советник.

Васильчикова — Екатерина Дмитриевна (ум. в 1874 г.), в замуж. Кушелева.

Кушелев — Григорий Григорьевич (1802—1855), член военного совета.

¹ Это все же победа над врагом.

² Безопасности.

Твое молчание очень меня беспокоит. Последнее письмо от 2-го, а сегодня 11-ое. Уж не нога ли твоя разболелась? Маша уверяет меня, что у тебя просто лень разыгралась. Как бы то ни было, а больно, что нет письма. Ты, пожалуй, писала с Тимирязевыми или с другою оказией и думаешь, что дело сделано. Ни мало: оказии оказиями, а почта почтою. С оказиями бывают оказии, а почта — заведенный порядок. Не пиши много, когда писать нечего, но пиши часто, потому что мне всегда нужно знать, что ты и вы здоровы. Это мой насущный хлеб и я говорю: хлеб наш насущный даждь нам днесь, а конфекты, когда заблагорассудится. Мы с Машею кончили почти все свои визиты. Вчера я возил ее после обеда к графине Долли. Там нашли мы семейство Нессельродное, но никакой демонстрации не было ни с той и ни с другой стороны. Графиня Фикельмон звала сегодня Машу на маленький вечер *en petit comite*¹, но что ей там делать? Завтра повезу ее на Лавальский раут. Кнорингова, глядя на Машу, никак не верила, чтобы то была Маша. Ей же доложили, что приехали князь и княгиня Вяземские. Возил я ее к Новосильцевым-Апраксиным. Они очень обласкали ее, звали обедать, и мы поедem с ними к твоей тетушке графине Апраксиной. Пока прощай. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и с нами.

Павлуша, я слышу, что ты очень бурлишь на балах. Мне сказывала то не Маша, а один приезжий со звездою. Любезничать любезничай, но всегда вежливо и благопристойно. Не увлекайся тем, что будут смеяться твоим проказам. Большой пример Володенька: и он смешил, но вместе с тем все говорили, что он несносный мальчик. Теперь он очень присмирел. Прости, будь здоров и умен.

Разве не сшили платье моему Егорке перед отъездом его сюда.

Новосильцева-Апраксина — Екатерина Ивановна (ум. в 1864 г.), рожд. Апраксина.

Тетушка Апраксина — Мария Александровна (1794—1872), рожд. гр. Вальдштейн, кавалерственная дама, сводная сестра Прасковьи Юрьевны Кологривовой, матери Веры Федоровны Вяземской.

Павлуша, я слышу, что ты очень бурлишь на балах — В своей статье «А. С. Пушкин» («Русский Архив», 1884, № 4, стр. 404) кн. Павел Петрович Вяземский пишет: «В 1832 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских

¹ В своем кругу.

балах вызывал желающих и не желающих боксировать; последних вызывал даже действием во время самых танцев. Всеобщее негодование не могло поколебать во мне сознание поэтического геройства, из рук в руки переданного мне поэтом-героем Пушкиным».

49

12-го марта.

То ли дело покричать на тебя. Вчера только что отправил я письмо к тебе, а твое и явилось. но правду сказать не очень радостное. Видно я не довольно раскричался. Оно встревожило меня за тебя и за Павлушу. Я не доволен ни ногою твоею, ни головою его. Что это с ним бедняжкою приключилось? А я только что пожурил его за буйство. Мне и нога твоя совсем не нравится. Ты, верно, не довольно бережешь ее и ходишь. С ногами шутить нечего, тотчас будешь без ног. Не знаю, повезем ли Машу на раут. Во-первых, у нее нет раутного платья и только вчера о том догадались, во-вторых, говорят, в пятницу какой-то семейный праздник у Лаваль и раут будет раутнее нынешнего, тем более, что на прошлой неделе был он многолюден. Не знаю, что будет. Между тем погода пакостная. Мы только раз с Машею погуляли по Невскому проспекту, да и полно. Здесь молодой Лубинский сын. Он вступает на службу, кажется, в министерстве Блудова. Лицом похож он на мать, кажется, образован и рассудителен. Ожидают сюда княгиню Michel Radziwil, которая едет к мужу. Из приезжих иностранцев был у меня сегодня Ар. с посылкою от тебя. По суконному совещанию вашему буду отвечать вам после. Впрочем дело, кажется мне, сбыточное и хорошее. У Муханова уже спрашивать нечего. Книга у меня, уговаривай Толстого ехать к водам в чужие края. Это ему верно необходимо. Скажи, что и я напишу ему о том увещательную грамоту. Благодарю Полину за письмо и нежно цалую ее¹. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и с нами. Выздоровливайте скорее. Во всяком случае можешь дать Корсакову 50 рублей.

Лубинский сын — Лев Фомич (1812—1860), служил по Министерству внутренних дел.

Лубинская мать — м. б. Констанция, рожд. гр. Осхолинская.

Князь Радзивилл — Михаил (1778—1850), дивизионный генерал и сенатор в Царстве Польском.

Княгиня Радзивилл — Александра (ум. в 1864 г.), рожд. гр. Стецкая.

Муханов — Николай Алексеевич.

Толстой — Федор Иванович.

¹ Вписано несколько строк М. П. Вяземскою.

50

16-го марта.

Что твоя, матушка, ножка? Что твоя; Павлуша, головушка? Хочется мне сегодня покричать на тебя, потому что время быть письму, но я совестлив. Сегодня сам буду несколько виноват, напишу только несколько строк. Едем с Машею в дворцовую церковь слушать придворных певчих, а там смотреть Эрмитаж. Сама на себя пеняй. если пишу теперь реже и жиже. Зачем прислала мне Машу? *Les absens ont tort*¹. Вчера Багреева велела меня звать на вечер. Я думал на музыку, приехал; ан нет, на молчанку, то есть на Сольдан с дочерьми, которые однако же очень хороши. Новостей других нет. *Aurons nous la paix ou la guerre?* спрашивали Талейрана: *ni l'une ni l'autre*² отвечал он. Вот характеристика нашей эпохи. Прости, моя душа. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и с нами. Маша еще не сходила ко мне, но мы уже переписывались, как почти ежедневно. За нас цалую тебя и вас всех.

Талейран — Charles-Maurice de Talleyrand-Perigord, prince de Benevent (1754—1838); известный французский дипломат, б. епископ Отёнский. Представитель Франции на Венском конгрессе в 1814—1815 гг. Способствовал реставрации Бурбонов, был сделан Людовиком XVIII пэром Франции и министром иностранных дел, но вскоре вышел в отставку. Отлучен папою Пием VI от церкви за присягу конституции и за посвящение революционных священников. Ловкий дипломат. См. работу академика Е. В. Тарле «Талейран».

51

17-го марта.

Тимирязев привез мне довольно старые вести от тебя, но знаю из писем Мещерских, что тебе лучше и что ты была у них. Слава богу, а все лучше, если бы я знал о том прямо от тебя. У в. князя скончалась меньшая дочь. Родители, сказывают, очень грустны. Великая княгиня еще за неделю говорила Карамзиной, *que c'était son chef d'oeuvre*³. Ее погребают в крепости. От этой смерти отменяется до следующей недели картинный раут у Лаваль. Мещерские и Маша еще пока остаются здесь, но не за раутом, а и прежде было так решено. Впрочем, теперь и проезда нет по дорогам. Сидите же у моря и ждите погоды и Маши. А Пашенька все плачет,

¹ Отсутствующие неправы.

² Будет-ли у нас мир или война... ни то, ни другое.

³ Что это ее лучшее произведение.

или уже утешилась? С Тимирязевым виделся я только на лестнице и потому не мог разговориться о вас. Здесь вышел строжайший указ против игроков в азартные игры. Составились было компании игрецкие с значительным капиталом, которые, конечно, взяли бы все игры, игроков и деньги на откуп. Тут были замешаны Дивов, Сухозанет и многие другие. У нас, кажется, трудно или невозможно остановить игру. Надобно же каким-нибудь страстям волновать людей, а другой страсти в обществе нашем нет, как игра. Преследовать злоупотребления ее и наказывать их строго — дело другое. Многие здесь с издания указа осоловели, даже и не из записных игроков, то-есть не из тех, которые барышничали игрою, но вся знать, вся блестящая молодежь, весь дипломатический корпус так и стучали себе в крепс на обедах и вечерах. В понедельник было, сказывают, грустное прощание с крепсом на обеде у датского посланника Блума. Дядюшка Румянцев также плачет об указе. Пришлось и ему успокоить свои грешные кости. А пуще всех в дураках Сухозанет; он недавно проиграл около 300 000; думал отыграться составлением компании, а теперь и засел один в компании¹.

18-го марта.

Скажи Дмитрию Давыдову, что сегодня должен я видеться с к. Дмитр. Влад., а письмо уже у него. Сегодня везу Машу на музыкальный вечер флейты Гилью. Тут весь фашьюнабельный приход и билеты подарены мне г. Шуваловой. Маша у меня взятки берет. Горбунова ходит ко мне просить о деле, а Маше приносит крендели, а я их ем да похваляю. В самом деле крендели прелестные, чорт знает, где она научилась их печь. Уже не от Рышкина ли? Спроси у Прасковьи Юрьевны. Маша говорит, что эти крендели известны в Сердобском уезде. Нового в политике ничего нет: все ни рыба, ни мясо, ни пост, ни мясоед, а *le juste-milieu*². Ожидают скоро нового французского посла маршала Мортье. У него большое семейство, но, кажется, приедет он пока один. Скажи княжне Софии, что я получил поцелуй ее и плачу ей серебром, то есть четырьмя за один. Прости же, моя душа. Обнимаю и благоговяю вас от души. Бог с вами и с нами.

¹ Вписано несколько строк М. П. Вяземскою.

² Золотая середина.

Мещерские — кн. Софья Сергеевна (1775—1848), рожд. Всеволожская и ее дочери София и Мария Ивановны.

Мещерские — Петр Иванович и Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина.

Указ против карточной игры — Именной Указ Сенату от 12-го марта 1832 года был опубликован 12-го марта — о строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещенной картежной игры местными начальствами были открываемы, и все найденные игроки были предаваемы суду для строгого по законам наказания без всякого различия звания и чинов.

Сухозанет, — Иван Онуфриевич (1785—1861), начальник гвардейской корпусной артиллерии. Позже генерал от артиллерии, член Военного совета.

Крепс — карточная игра.

Блум — генерал, немец из Голштейна, датский посланник при русском дворе.

Дядюшка Румянцев — Сергей Петрович (1756—1838), посланник в Берлине и Стокгольме, почетный член Академии Наук, член Государственного совета. Корреспондент Гримма. Автор «Записки о вольных земледельцах», поданной Александру I. «Шальной спаситель рода человеческого» по отзыву крепостников. Большой любитель картежной игры.

Дмитр. Влад. — кн. Голицын.

Гилью — Guillou, солист Королевской Музыкальной Академии, член Консерватории.

г. Сердобск — город Саратовской губ.

Маршал Мортье — Mortier, Eduard-Adolphe-Casimir-Joseph, duc de Treviso, marechal de France (1768—1835), посол в России. Принимал участие в войнах республик и Наполеона, в 1812 г. последний покинул Москву. Сторонник Наполеона, он остался в милости у Людовика XVIII, член палаты депутатов, потом палаты пэров. После июльской революции — военный министр и председатель совета министров. В 1835 г. случайно убит во время парада при покушении на Людовика-Филиппа итальянцем Фиески.

Княжна София — Мещерская.

Сердечно радуюсь, что наши письма тебя успокоили. Мы к тебе часто пишем. Ты должна иметь письма от 1-го марта, 3-го, 8-го, 11-го, 12-го, 16-го, 18-го, не считая отправления с оказиями. Вот, матушка, какие мы порядочные люди, у нас каждое лыко в строку, все записано. Не то, что у других прочих, не обижая никого. Что сказать тебе о Маше? Она очень мила, добра, довольно молчалива, но однако же вообще, кажется, довольно нравится всем. Долли часто приглашает ее на вечера, но я не вожу ее, да и ей не хочется. По вечерам у Карамзиных всегда кто-нибудь да есть, довольно и того. Завтра везут ее к Лениным, в субботу на отсроченный раут Лаваль. Меж-

ду тем концерты, утренние прогулки пешком, иногда Смирнова. Нужно непременно дать солидные украшения уму Маши. Она довольно склонна к светской *frivolité*¹, но она к ней не идет. Она имеет что-то апатическое, и должно этим воспользоваться, чтобы меблировать ум ее. При большей живости, ветренности, подвижности в мыслях и в чувствах светское легкомыслие, светский угар имеет некоторую прелесть, но при апатии они одна пустота. Должно ей больше читать. Нынешним летом займитесь с ней хорошенько чтением. Я составлю записку нужных книг. А между тем поручи составить такую записку старому конюшеннику. У него именно нужные на то познания энциклопедические и повадки шарлатанские. Бобринский Алексей смешил меня рассказами о прелести Пашеньки. Смех смехом, а не было бы горя. Я боюсь, что ты слишком эмансипируешь ее. Сохрани боже, держи ее, если не в черном, то в детском теле. Кто эта *M-lle Scheffer*? Я непременно хочу *une gouvernante* для Пашеньки, во всей силе этого слова, а не просто урочницы, а на остальное время даже *une demoiselle de compagnie* нет, нет *gouvernante*. Я вчера обедал у молодых Бобринских. Сегодня еду в Академию Наук слушать не знаю что и кого, после к *M-me Dolly*. Я уже слышал два раза, или полтора раза трагедию Хомякова. Немного растянуто, но много прекрасного и превосходного. Императорская фамилия поехала на несколько дней в Царское Село. Велик. князь и велик. княгиня очень огорчены. К. Дмит. Влад. едет в Москву в конце той недели. Дмитрий Давыдов получит от него все ответы на свои письма. Погода становится прекрасная и имею честь поздравить с устрицами, которыми себя сегодня потешу. Уж они здесь два дни, а я и не знал. Уж Маша их ела, а я еще нет. Пока, прощай, моя милая. Письмо Машеньки к сестре доказательство, что нужно иметь *gouvernante*. По многим неопрятностям *c'est une lettre d'un enfant*². А все от того, что были одни учителя по часам, то есть потерянное время и убитые деньги. А ты еще хотела отдавать замуж ее! Уж скорее бы в пансион! Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и с нами. Бог знает, когда придется им ехать, думали в начале шестой недели, но будет ли возможность ехать? Пиши же чаще, ты все мало пишешь. В Москве ли Раевский? За что он меня так разжаловал перед отъездом.

---

¹ Легкомыслию.

² Это детское письмо.

Я более месяца не видал его, а там услышал, что и уехал. Кланяйся ему и им. Что они?

Оленины — Алексей Николаевич (1763—1843), археолог, директор императорской Публичной Библиотеки, президент Академии Художеств, и Елизавета Марковна, рожд. Полторацкая (1768—1838).

Бобринский — граф Алексей Алексеевич.

Молодые Бобринские — Алексей Алексеевич (1800—1868), агроном и писатель, близкий знакомый Вяземского, и Софья Александровна, рожд. графиня Самойлова (1799—1866).

Трагедия Хомякова — «Дмитрий Самозванец» была напечатана в Москве в 1833 г. См. письмо П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву от 13 апреля 1832 г.

Раевский — Николай Николаевич.

Кланяйся ему и им. Что они? — «им» и «они» — Михаил Федорович и Екатерина Николаевна Орловы.

Я получил присланное с Соломирским. Что бедная Надя? С нетерпением ожидаю новых вестей. Дай бог, хороших. Письма Квасникова я порядочно не обдумал еще. тем более, что пока решить нечего. Поставка в казну совсем не худое дело, если только иметь значительную поставку, то есть все то поставить, что выработаешь. Протекции не надеюсь, но и притеснений не боюсь, а забракуют несколько половинок, беда не велика. Получить вспоможение от казны и думать нечего: не дадут, да и просить не стану. Пока лучшее в виду, кажется, сделка с Куманниным. Напрасно же ты расхвасталась знанием своим, что наши едут к тебе во вторник на пятой неделе. Они поедут разве в конце шестой, да и то если будет путь. От Булгакова узнавать буду каковы дороги, и по этому решим. Впрочем, по петербургской дороге совершенной распутицы быть не может, быть может от реки задержка день или два, и только. Я вчера обедал у Дашковых: мы никогда не видимся, и я вчера был у него с приезда в первый раз в доме, но когда видимся, мы совершенно по старому. Бабенка его очень добрая баба; они, кажется, в настоящих ладах. Дочка их такая крошка, каких я не видывал. Наконец Маша вступает завтра в большой петербургский свет, если на бедных макаров Лавалей не повалятся еще какие шишки. Что делаешь с мамзель Шефер? Гете и Шиллер очень хорошо, но это роскошь, а нужен насущный хлеб. Не понимаю, как не хочешь ты француженки и не чувствуешь необходимости иметь француженку. Наши барышни очень неверны во французском языке, так

языки и руки их не набиты, что непременно должно им большое и постоянное упражнение; а оно иначе не приобретается, как непрерывными сношениями, особливо же нужными нашим детям, которые вообще не имеют любви к учению, ни постоянства в трудах. Следовательно, их надо натирать учением, а нет надежды, чтобы они впились в учение. Машенька очень неверно владеет французским языком, так что никогда нельзя быть уверен за нее, что она в коротком разговоре или в записке не сделает непростительного промаха. Не понимаю, как ты не видишь того, а видя не принимаешь горячо к сердцу и не чувствуешь, что, оставляя это так, ты губишь ее, ибо предашь на многие неприятности в обществе. Нельзя судить о характере и душе по записке, но можно судить безошибочно по ней о воспитании, и каждая записка Машеньки будет доказательством *d'une éducation negligée*¹. Потому, что у нас не уметь свободно и красиво болтать по-французски изустно и письменно есть вывеска удивительной и почти в нашем быту примерной необразованности, ибо решительно не умел бы я назвать, кто из сверстниц Машеньки в состоянии написать, как она, неправильно и ребячески, а все потому, что она весьма худо владеет, или вовсе не владеет языком: мысли и чувства в ней есть; не достает выражения и какого выражения. Не говорю уже отличного, но сносного. А Пашеньку, а Наденьку, неужели хочешь также бросить на произвол божий и домашний? Ты должна видеть в Маше неудачу воспитания своего без хорошей гувернантки и исправить ошибку свою в остальных. Иметь гувернантку — не значит отдать ей дочерей на ее волю, следовательно все же могла бы ты смотреть за ними и характер образовать и заслужить их доверенность. Одно другому не мешает. У меня кровь ударяет в голову, когда я подумаю, что мы могли поверить образованию Машеньки Толмачеву и ему подобным. Еще есть время поправить, но тогда не должно пустить Машу в свет, в котором при нынешнем образовании своем не может она ожидать никаких удовольствий, а напротив, должна встретить много оскорблений самолюбия своему. Повторяю утвердительно, она 13-летняя по образованию своему. Все только что наметано, а ничего плотно не сшито, все с плеч валится. Говорю тебе это с прискорбием души и если с досадою, то столько же на себя, сколько и на тебя, потому что у нас пред нею грех пополам. И точно грех, потому что не будь наша беспечность, твое слепое самолюбие и при том легко-

¹ Небрежного воспитания.

мыслие, а у меня недостаток persévérance¹, то из Маши вышло бы премилое создание. Природа для нее все сделала, но искусство ничего. А я еще более виноват, нежели ты: ты по самолюбию своему не видала, что худо воспитываешь, а я видел, покричу когда-нибудь, да и полно. Мне, право, очень больно, что огорчаю тебя, но я не мог вытерпеть, не сказать правды, да и не должен был. Не подумай, что на Маше отзывается мое неудовольствие. Нет, я очень нежно к ней расположен и здесь не хочу огорчать ее. После ты можешь ей передать мои мысли и желания. Еще есть время поправить, но хорошая, умная, образованная француженка нужна для нее и для других. Прости, пока. Не сердись, моя душа, и я не сержусь, а соболезную, потому что я соболезную. Обнимаю и благословляю вас, моих милых от души. Бог с вами и с нами.

Соломирский — Владимир Дмитриевич (ум. в 1884 г.), сын русского посла в Вене Д. П. Татищева и Н. А. Колтовской. Занимался литературной деятельностью, писал стихи, но, видимо, не печатал. С Пушкиным был на «ты». Служил при Департаменте уделов, камер-юнкер.

От Булгакова — Константина Яковлевича, петербургского почт-директора.

Бабенка его (Дашкова) — Елизавета Васильевна (1809—1890), рожд. Пашкова.

Дочка — Анна Дмитриевна (1831—1858), в замуж. гр. Ржевусская.

Мне очень грустно, моя милая, что я тебя вчера огорчил. Зная тебя, мне больно воображать, что ты теперь одна и перебираешь в голове и в сердце все, что в письме моем было неприятного: таким образом выдерживаешь болезненное варение морального желудка. Не сердись и не горюй. Если что в словах моих и было едко и резкого, то, право, в чувствах не было. Я был очень кротко расположен и не хотел ни браниться, ни выговаривать. Во всяком случае я Машу полюбил теперь сильнее и нежнее прежнего и не могу без грусти и слез думать, что она скоро от меня уедет. Поцалуемся и по рукам. Но между тем все-таки стою на том, что француженка нужна, или швейцарка. А где взять ее? Это дело другое и даже третье, если не десятое. Что бедная Надя? Лучше ли ей? Жаль, что нет писем от тебя. Бог с вами и с нами. К. Дмит. Влад. едет в Москву, говорят, не прежде праздника. Я видел вчера Тимирязеву. Как она страшна, желта, худа и надута, как-то говорит странно. Мы очень хлопочем о Любичах, не знаем выхлопо-

¹ Настойчивости.

таем ли что. Напиши им, что письмо его получил я, что Блудов очень хорошо к нему расположен. Вот все, что могу сказать пока. Когда будет что-нибудь сделано, напишу ему, а теперь писать еще нечего. Напиши ему это тотчас. Нового здесь ничего нет. Двор в Царском Селе до завтра. Государь приезжал сюда на несколько часов раза два, или три. Аннета Щербатова говорила мне о свадьбе сестры, что это дело давно тянется, но что все невеста не хотела. Я тебе пришлю подписку на сочинения Козлова, а ты между тем вербуй подписчиков. Да, надобно возратить деньги по лотерее Шимановской, на которую я раздавал билеты. Записка, кому даны билеты, и остальные должны быть у тебя. Лотереи не будет. Я кое с кого содрал деньги, кажется, с Свербеевых, с княжен Мещерских etc. Сделай милость, не забудь отдать деньги кому следует. Каков Толстой, дай знать. Заплатили ли Корсакову? Все же должен я ему рублей сорок. Прости, моя душа. Нежно, очень нежно, как нельзя нежнее цалую тебя. Обнимаю вас всех и благословляю от души. Бог с вами и с нами.

(Имеется приписка М. П. Вяземской на французском языке.)

Любичи — имение Кривцовых в Тамбовской губ., Кирсановского у. Здесь речь идет о Николае Ивановиче Кривцове, бывшем в опале у Николая I.

У княжны — Анны Александровны Щербатовой было три сестры; о которой здесь идет речь, неизвестно, вероятно о Наталье Александровне, в замужестве баронессе Розен.

Шимановская — Мария (умерла в 1832 г.), рожд. Воловская, известная пианистка, теща Адама Мицкевича. См. в полном собр. сочинений Вяземского, т. II «Об альбоме госпожи Шимановской». Гр. А. Д. Блудова в своих воспоминаниях писала о Шимановской: «Шимановская очень хороша собою, с этой томной поэтической грацией, которую придает примесь еврейской крови, с польской врожденной кокетливостью».

Свербеевы — Дмитрий Николаевич (1799—1874), автор «Записок» и Екатерина Александровна (умерла в 1892 г.), рожд. княж. Щербатова.

Ты право, мать моя, с ума сошла со своими испанскими замками. Как мне просить вспоможения 50.000 рублей для улучшения фабрики своей. Да черт ли правительству в том, что моя фабрика улучшится, или нет. Если все станут просить денег на улучшение фабрик своих, то правительство от этого лучше и дома не скажется. А если все просить того не могут, то какое право имею я просить. Я еще дебютирую в службе. О прибавке жалования, о квартире также думать пока нечего. Я тебе сначала говорил, что положил себе срока год на испытание. Теперь прошло только три месяца, я ничего еще не мог

и не должен был получить против того, что имею, а имею я теперь в год 8000 всего. По занятиям службы моей также нет ничего пока положительного. Скоро придется мне по старшинству чин статского советника, тогда и место могу получить повыше. Между тем Бибиков на лето уезжает в деревню или к водам. Он дает мне чувствовать, что хочет, чтобы я заступил место его на время отлучки. Все это впереди, не имею причины сомневаться в доброжелательстве ко мне Бибикова, а если и должен был бы иметь причины, то и они объяснятся позже. Теперь все идет как следует, или не идет потому, что пока идти нечему. Осень еще впереди, ты до осени будешь в Остафьеве. До того времени нечего загадывать. На всякий случай готовься приехать сюда, если приехать надобно будет. А ради прекрасных глаз Шуваловой и даже Бутурлиной (с вчерашнего Карамзинского бала) здесь ни дня не останусь, если не увижу досконально, что пребывание мое здесь выгодно для службы моей, а выгоды службы моей заключаются в выгодах ваших, то есть в устройстве благосостояния детей. Филантропических надежд нет у меня на грош, честолюбивых замыслов на копейку. Здесь от всего вылечишься радикально. Вот тебе выписка из журнала *la Caricature*, в котором все и всех ругают не на живот, а на смерть, а особливо же Филиппа. Теперь уж короля иначе не называют, как *la poire*¹. Не правда ли, что это точно Василий и Сергей Львовичи? А на другой стороне представлен король с сыном в руках. Покажи их Ив. Ив. Дмитриеву, а если хочешь, и подари ему. Из выписок не всем читай все и особливо же не давай переписывать. Сюда ожидают польскую депутацию, которая придет благодарить. Il n'y a pas de quoi,² можно будет отвечать ей. В числе депутатов будет Лубинский и *Valentin Radzivil*. Здесь сын Лубинского: определили его к Блудову в министерство. Он похож на мать лицом, но кажется, не имеет приятности в уме отца. Андрей Пашков отставлен из егермейстеров. Он обвинил Дмит. Львовича Нарышкина в каких-то злоупотреблениях по собакам. Донос его оказался несправедливым, и ему прочли в их собачьем присутствии указ, которым подвергаются весьма лишению живота ложные доносители. Между тем другие говорят, что Пашков не совсем виноват, а что Волконский воспользовался этим случаем, чтобы досадить Модену. Как бы то ни было *c'est une chienne d'histoire*³.

---

¹ Груша.

² Не за что.

³ Это дрянная история.

Скажи Давыдову Дмитрию, что я хотел писать ему с князем Дмит. Владимировичем, но князь остается здесь на праздники. По привилегии может он опровергнуть данную Скирмунту, если представит законные, то есть начальством засвидетельствованные доказательства, что машина en question¹ была у него в действии прежде данной привилегии. Я об этом справлялся в Департаменте мануфактур у самого Дружинина. Пришли он свидетельство, и я ему это дело устрою, если только оно на что-нибудь ему нужно. Между тем для получения привилегии нужно взнести 1500 рублей. О составлении компании говорил я князю. Он с своей стороны рад содействовать видам Давыдова, но здесь не имеет к тому никаких способов, а предоставляет себе переговорить о нем по этому предмету, когда возвратится в Москву. Письмо, доставленное через Тимирязева, отдано ему, но нет еще ответа. Буду писать сам Давыдову с Машею.

Передай Горстким письмо к брату и попроси вернее доставить. Напиши сама к дочери. Что Тургенев? Когда сюда будет? Что он замолк? Болен, или конюшней недоволен. Что Киреевский? Зачем же не пишет к Бенкендорфу? Жуковский все ждет письма. Вот подписка на Козлова. Собирай подписчиков, собирай денег и пришли к концу апреля. Прощай пока, душа моя. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и с нами. Письмо идет с Щербининым. Павлуше перчатки, на место тех, что коротки.

Дай знать Кривцову, что мы все усердно здесь за него стараемся. Блудов очень хорошо расположен к нему. К. Дмит. Владимирович также. Надобно увидеть, как выше. На первый случай, кажется, лучше всего определиться ему к князю Дмит. Владимировичу; на-днях будет говорено о нем государю. Как скоро будет что сказать, напишу ему.

На белом конверте надпиши к Елизавете Григорьевне Горсткой в Пензу, так и отдай сестре.

Потешь Корсакова и Трубецкого карикатурами и выписками.

«Скоро придется мне по старшинству чин статского советника». — В т. IX Полн. собр. соч. П. А. Вяземский сообщает выписку из журнала Комитета министров от 11 июля и 1 августа 1833 г. № 1696. В этой выписке говорится, что слушана записка министра финансов о производстве коллежского советника князя Вяземского в статские советники. Принимая во внимание занимаемую Вяземским должность, усердие и литературные его труды, определил поднести проект указа о производстве к подписанию Николая I. Статс-секретарь Танеев сообщил управляющему делами Комитета мини-

¹ О которой идет речь.

стров, что «Государь Император Высочайше повелеть изволил: считать дело сие конченным».

Здесь же имеется примечание Вяземского, объясняющее эту «высочайшую» немилость. Бенкендорф, вызвав к себе Вяземского, объявил ему от имени царя, что царь не утвердил представления о нем потому, что при пожаловании Эссена (петербургский военный генерал-губернатор) графом Вяземский сказал, что напрасно не пожаловали его князем Пожарским.

La Caricature — журнал республиканского направления, основанный Шарлем Филиппом в 1830 г. Преобладающим содержанием его были нападки и сатира на деятелей царствования Людовика-Филиппа. Журнал подвергался неоднократным запрещениям. Главные карикатуристы, работавшие в журнале, были: Гранвиль, Травье и Домье; текст писал Балзак. Прекратился журнал в 1835 г., сыграв роль в падении монархии Филиппа.

La poire — название, изобретенное основателем журнала Филиппом для короля Людовика-Филиппа, форма головы которого напоминала грушу.

Василий и Сергей Львовичи — Пушкины, оба имели грушеобразную форму головы.

Пушкин — Василий Львович (1770—1830), поэт. Наибольшею известностью пользовалась его поэма «Опасный сосед», напечатанная уже после смерти автора. Член литературного общества «Арзамас».

Пушкин — Сергей Львович (1771—1848), отец поэта.

Сюда ожидают польскую депутацию, которая приедет благодарить. — По официальным сообщениям польская депутация приезжала благодарить за причисление Польши к России; отсюда и острота Вяземского — не за что.

Лубинский — вероятно, Фома Осипович (род. в 1785 г.), бригадный генерал и сенатор-кастелян Царства Польского. Вяземский (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 61) пишет: «Генерал Лубинский. Поляк в душе, но умеренный и благоразумный генерал, говорил, что полякам не должно забывать, что царь конституционный в Польше есть император самодержавный в России и что в борьбе свободы с властью должно всегда иметь эту истину перед глазами».

Радзивилл — кн. Валентин-Андрей (1780—1838), командор Мальтийского ордена и член административного совета в Царстве Польском.

Дмитрий Львович — Нарышкин (1764—1838), обер-егермейстер.

Пашков — Андрей Иванович (1793—1850), егермейстер. Пашков и Д. Л. Нарышкин оба служили в егермейстерской конторе.

Волконский — вероятно, министр двора, Петр Михайлович.

Моден — Гавриил Карлович (1774—1833), Гавриил-Карл-Людовик-Франциск де Раймонд Мормойрон де Моден — французский эмигрант, с 1793 г. бывший на русской службе, участвовал в Персидских походах, обер-егермейстер. На его дочери Аделаиде Гавриловне был женат Андрей Иванович Пашков, обер-егермейстер.

Скирмунт — Александр Адамович, губернский предводитель дворянства Пинского уезда Минской губернии.

Машина en question была у него в действии. — Видимо, дело идет о сельскохозяйственной машине, употребляемой при производстве сахара, т. к. Д. А. Давыдов один из первых занялся сахарной промышленностью.

Дружинин — Яков Александрович (1771—1849), директор канцелярии министра финансов, управляющий Департаментом мануфактур и внутренней торговли, член министерского совета; член Российской Академии и член Беседы любителей русского слова. Занимался переводами с французского и немецкого языков. Им было найдено в комнатах Екатерины, по

ес смерти, Остромирово Евангелие, ныне хранящееся в Государственной Публичной Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

Горсткин брат — Иван Николаевич, о котором все время идет речь, подпоручик егерского полка, декабрист, член Союза Благоденствия, был сослан в Тобольскую губ. Владел поместьями в Тамбовской и Пензенской губ. В 1832 г. жил в Пензе.

Горстклина сестра — София Николаевна.

Щербинин — Михаил Андреевич (1793—1841), член общества «Зеленая Лампа». Служил по выборам. Пушкин посвятил ему стихотворение: «Житье тому любезный друг, кто страстью глупою не болен». См. книгу Щербачева: «Приятель Пушкина М. А. Щербинин и Н. П. Каверин».

Елизавета Григорьевна — Горстклина, жена декабриста Ивана Николаевича.

56

28-го марта.

Здравствуй, моя душа. Радуюсь, что душежке Надьке лучше. Жалею, что толстеешь. Советую менее спать ночью и утром и менее валяться днем, более ходить, не пить много кваса, шнуроваться. Третьего дни был на картинном рауте Лавальском. Бедная Маша не очень им пользовалась. В зале была страшная жара, духота и теснота, и она не могла выдержать, заболела голова и вышла. После все прошло. Между тем, картины были очень хороши. Из дам рисовались молодая Белосельская, молодая Борх и наша Абамелек. Москва лицом в грязь не ударилась, особливо же в последней картине, представлявшей Негодіа. Княжна была прекрасна. Красное платье, черные распущенные волосы и значительное выражение в лице. Вообще картины были хорошо поставлены и освещены. Делом заправлял живописец Брюлов. За то вчера Маша ликовала. У нас был вечер, сначала маленькие игры, а там, перекрестись, и маленькие танцы под фортепьяно. Народа было довольно, человек около 50, молодежь, было весело и кончилось около трех часов. Маша теперь, верно, спит еще. Находят, что она здесь потолстела. Признаюсь, мне очень хотелось бы оставить их здесь на праздник. И с нею жаль расстаться, да и дороги пугают. Что за радость, если придется им за рекою и у реки просидеть дни два или три. Впрочем Мещерские, а особливо же он настаивает, чтобы ехать. Однако же не ревнуй, и Маше очень хочется возвратиться к вам, хотя мы с нею и в самых нежных отношениях.

Скажи Демиду, чтобы тотчас отпустить красноселов домой, с тем, чтобы возвратиться им в Остафьево на фоминой и дать им денег на дорогу. Я и сам не прочь Раменцова прочь, я пришлю приказ Демиду отправить его в Красное ревизовать управляющего, а потом отпустить его. По делу Терпигоревскому тебе нужно будет со временем, т. е. на-днях, написать

письмо к тверскому губернатору Тюфяеву. Вели пока заготовить письмо русское, с изложением вкратце дела и покажи его Тургеневу и вели переписать набело и подпиши и держи у себя, пока не дам знать тебе, что пора отправить, и пришли мне копию с письма. Губернатор теперь здесь. Я говорил ему о деле, но, не имея нужных бумаг, не мог истолковать положительно, в чем оно состоит. Это Тюфяев, приятель Прасковьи Юрьевны, которой он свидетельствует свое почтение, жалуясь, что она обещала ему ковер для Пермского собора и не прислала. Пока прощай, моя душа. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и с нами.

Если не найдете Веретенникова, то узнайте о нем от Розанова. Я пишу ему и о Куманине по делу фабрики.

Вчера дядька мой играл на балу важное лицо, разносил оршад, лимонад и разные конфекты. А Пушкин переманивает его у меня, прельстясь между прочим, что у него на рукавах ряды иголок и булавок, род шевронов, доказывающих, что он старый московский слуга. А образцы Гучковские? Право, я тебя брошу, если не пришлешь. Ты портишь ужасно мои дела с Завадовскою. За образцом дело стало.

Молодая Борх — София Ивановна (1802—1871), рожд. Лаваль. Вице-президент Совета детских приютов в Петербурге.

Herodia — *Иродиада*, дочь правителя Иуден Ирода.

Брюлов — Карл Павлович (1799—1852), профессор Академии Художеств; известный живописец, портретист и жанрист. Вяземский считал Брюлова «великим живописцем».

Мещерские — Петр Иванович и Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина, приезжавшие в Петербург и привозившие с собою дочь Вяземских Марию Петровну.

Красноселы — крестьяне Вяземского из его имения Красное село Костромской губ.

Тюфяев — Кирилл Яковлевич, пермский, тверской, минский и вятский гражданский губернатор.

Веретенников — Петр Федорович (умер в 1849 г.), член московского отделения Мануфактурного совета, коммерции советник, писал по вопросам торговли и промышленности.

Заранее Христос воскрес, то есть заранее подношу тебе мое красное янчко, то есть голубое платье, которое ты просила. По мне этот нежный цвет тебе не очень под цвет, но Карамзины и Смирнова на меня опрокинулись и говорят, что я вру и вкуса не имею. Письмо и платье посылаются тебе через Лизу Пашкову, но не бойся найти в нем Медеино платье.

Я Пашкову очень мало здесь видел, впрочем жалею о том и очень ее люблю, не прогневайся. Наши думали ехать в четверг, но не едут, а в воскресенье. Теперь, говорят, реки проходят. Не знаю, как и Пашкова проедет. Шувалова говорила мне, что Вьельгорский пишет ей о красоте Пашеньки. Меня это смешит, отчасти сердит и много пугает. Ради Бога, не ослепляйся ее красотой *puisque* красота, *il ya*, или, и красота *ya* и держи ее на детском положении. Чем она лучше, тем более прячь ее и держи за уроками, да за такими уроками, которые пошли бы в прок, а не только переливали из пустого в порожнее. Мне кажется, что ты их слишком таскаешь. Не всем Бартеньевское счастье. Не забывай, что в Петербурге общество взыскательное. Боже сохрани от синих чулок, но не годятся здесь чулки и не беленые и вязаные Анною Захаровною. Наши дочери не будут под щитом аристократического ничтожества, не будут иметь *le passe partout*¹ Аничковских балов, следовательно надо им запастись своим. Где Орлов? Получил он мое письмо? Кланяйся им очень от меня. Я писал тебе вчера с Щербининым. Говорят, он приезжал сюда за Марией Есиповою и возвращается с отказом. Меня уверяли, что какая-то ворожея сказала Солданше матери, что ее в Петербурге ожидает блестящий брак, не дочерям, а ей самой, и что она за тем сюда приехала. Нового совершенно нет ничего. Скажи Корсакову, что я передал по письму его просьбу Бурцова, но от Блудова еще ответа не имею. Как скоро получу, буду писать ему. Узнай от к. Андрея Петровича, или от гимназного Окулова, не в Москве ли Бартеньев. Если нет, то отправь письмо к нему.

Маша теперь с Полуэктовой у Неклюдовой. Прости душа. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и с нами.

Медea — дочь Колхидского царя Аета и его жены Гекаты, своими волшебными средствами помогла Язону достать золотое руно, охранявшееся огнедышащими быками и драконом. Достав руно, Медea и Язон бежали в Иояк (Греция). После преступления, совершенного там Медеей, им пришлось бежать в Коринф; здесь Язон влюбился в Креузу, дочь царя Креонта, за что Медea отомстила, прислав невесте платье и венец, отравленные ядом. Умертвив своих детей от Язона, бежала в Афины.

Не всем Бартеньевское счастье — дочь Феодосии Ивановны Бартеньевой Прасковья Арсеньевна была взята ко двору.

Анна Захаровна — домоправительница Вяземских.

Где Орлов? — Михаил Федорович, бывший не у дел после 14-го декабря.

¹ Свободный пропуск.

Бурцов — м. б. Феодосий Васильевич, чиновник по особым поручениям при Медицинском департаменте Министерства внутренних дел.

К. Андрей Петрович — Оболенский.

Гимназный Окулов — Матвей Алексеевич (1793—1853), директор 1-й московской гимназии.

Неклюдова — Варвара Ивановна (умерла в 1867 г.), рожд. Нарышкина.

58

Апреля 2-го.

Вот теперь я точно сержусь на тебя за то, что ты прислала мне Машеньку. Мне так грустно отпускать ее, что мочи нет. Петербург еще более для меня опустеет, охолодеет. Дай бог, по крайней мере, возвратиться ей к вам здоровою. Дай бог, увидеться нам после в радости.

Вот что ты должна переписать для Горсткиной:

Après la lettre que je viens de t'envoyer pour être remise à ton frère, j'ai recueilli d'autres renseignemens qui ne sont pas favorables à ses projets du service à Penza. Il paraît d'après tout ce que j'ai pu comprendre du mystère, qu'il ne lui sera pas accordé de place dans le gouvernement de Penza, parce qu'il y est propriétaire. La même mesure s'étend aussi pour lui au gouvernement de Toula, puisque il y possède un bien. Les autres gouvernements lui sont ouverts. Je suppose donc (en tout cas la présentation du gouverneur de Penza dont je parlais dans ma dernière lettre ne doit pas avoir lieu, car elle ne servirait à rien et ne jetterait qu'une nouvelle complication dans cette affaire) que s'il est pressé de rentrer au service, il doit adresser une lettre au g-al Benkenndorff et une autre au ministre de l'intérieur et demander positivement telle ou telle place dans tel ou tel gouvernement qui lui convient et bien préciser sa demande, afin qu'il ne puisse y avoir rien de vague dans la réponse qu'on lui fera. S'il peut patienter, je crois qu'il sera mieux d'attendre quelques mois et de revenir à la charge, auprès du p-ce Golitzin pour obtenir du service à Moscou, car d'après ce que j'ai pu démêler il n'y a point d'empêchement arrêté et définitif pour sa nomination à quelque emploi à Moscou, excepté ceux qui pourraient tenir à sa position, suite des anciennes histoires. Pour avoir du succès dans cette démarche il faut bien prendre son temps et celui qui court, comme je le lui disais dans ma dernière lettre, n'est pas favorable. En attendant, il devrait tenir en haleine le p-ce Golitzin et soit par lettres, soit par des tiers rappeler à sa mémoire le désir qu'il a de servir sous son ordre et le prier de

l'avoir en vue quand il se présentera une place vacante et une occasion favorable pour lui accorder la protection¹.

Пускай сестра ему все это передаст, меня не называя, если будет писать по почте, а если с оказиею. то проси его от меня никому о том не говорить. Ко мне же может он писать, когда хочет, и если он решится написать в одно время Блудову и Бенкендорфу, то пускай известит он меня о том.

Не забудь дать рублей 50 Трубецкой к празднику и что-нибудь подарить детям.

Вот приказ Демиду на всякий случай, когда он поедет в Красное.

Посылается Пашеньке платок, Надьке платье и если есть лишний аршин, из того и жилет Павлуше, между тем сам по себе жилет ему, тросточка ему, перекупленная у меня для него Кат. Андр., при сем и покорнейшая просьба моя не бить никого этою палкою, а разве себя и при этом случае больнее, когда он на кого рассердится. Княжне Надине серьги, то есть Четвертинской. Тебе ножик, выигранный мною в лоторею. Карчезон старых перьев несмотря на то, что я завелся здесь очинительницею.

¹ Перевод:

После письма, которое я тебе отправил для передачи твоему брату, я собрал другие сведения, неблагоприятные для его проекта службы в Пензе. Как будто согласно с тем, что я мог понять в этой тайне, ему не будет предоставлено место в Пензенской губернии, так как у него есть там собственность. Та же мера простирается и на Тульскую губернию, потому что там владеет он именем: прочие губернии ему открыты. Итак, я предполагаю (во всяком случае о ходатайстве пензенского губернатора, о чем я писал в последнем моем письме, не может быть и речи, ибо это будет ни к чему и приведет только к новому осложнению в этом деле), что если он спешит вернуться на службу, он должен обратиться с одним письмом к Бенкендорфу, а с другим — к министру внутренних дел и просить определенно то или другое место в той или другой губернии, которая ему подходит, и весьма точно выразить свою просьбу с тем, чтобы в ответе, который ему дадут, не было ничего неопределенного. Если он может потерпеть, то я полагаю, что лучше выждать несколько месяцев и снова попытаться просить князя Голицына о получении службы в Москве, ибо после всего, что я мог разобрать, нет никакого определенного и окончательного препятствия для его назначения на какую-нибудь должность в Москве, исключая тех, которые могли бы касаться его положения, как следствие его старых историй. Чтобы успеть в этом предприятии, нужно уметь выбрать удобный момент, а нынешние времена неблагоприятны, как я писал в последнем своем письме. Пока же он должен не давать покоя кн. Голицыну или посредством писем, или через третьих лиц, и напоминать ему о своем желании служить под его начальством и просить иметь его в виду, если представится вакантное место и благоприятный случай для оказания ему протекции.

Трубецкому Николаю показывала ли ты счета по фабрике: что делается, издерживается, выручается. Если нет — покажи и скажи мне, что он скажет.

Съезди сама к Горсткиной или где-нибудь сойдишь с нею, или пошли за Скарятиним. Пожалуй он может выписать из письма моего. Хорошо ему и быть бы посредником вперед между Горстким и кн. Голицыным.

Что-то боюсь за дело Кривцова. Голицын что-то слабеет. Я думаю, надобно Кривцову написать прямо к государю через Бенкендорфа и проситься на службу прямо и просто, не делая никаких условий, между тем сослаться на Блудова как на человека, которому он известен и которого мнение о нем призывает. Тогда вероятно государь и Бенкендорф снесутся с Блудовым, и Блудову удобно будет действовать в пользу его. Между тем можно написать ему и Блудову официальное письмо вместе с двумя другими, в котором изъявил бы он желание служить под начальством его, прибавя, что в министерство Закревского, которому он был совершенно незнаком, он не надеялся на ходатайство, а теперь прибегает к Блудову, как к человеку, который может отдать ему справедливость, что он всегда высоко ценил милости к нему покойного государя и желает оправдать их усердною службою и нынешнему государю. Передай ему это. А через Голицына дело пойдет вяло. По крайней мере тут будет один ответ и один конец.

Прости, обнимаю и благословляю вас всех от души. Я получил сегодня письмо с Плаутиным. Вчера в ночь приехал французский посол маршал Мортье, герцог Тревизский, который взорвал Кремль, с ним сказывают, сын маршала Даву. Я рад, что в наших гостинных запахнет обломками великого века. Пока еще бог с вами и с нами. Часа через два бог с нею, с вами и со мною, а там опять по старому. Нежно расцалуй Машу за меня и скажи ей, чтобы вспомнила обо мне в час завтрака.

Четвертинская — кнж. Надежда Борисовна Святополк-Четвертинская, в замуж. кн. Трубецкая.

Очинительница — гр. Елена Михайловна Завадовская, рожд. Владек. См. о ней стихотворение Вяземского: «Благодарю я вас за перья» (т. IV, стр. 149. Полн. собр. соч. П. А. Вяземского).

Закревский — Арсений Андреевич (1786—1865), дежурный генерал Главного штаба, финляндский генерал-губернатор, министр внутренних дел, член Государственного совета, граф; противник освобождения крестьян и возвращенных после амнистии декабристов.

Плаутин — м. б. Михаил Федорович (1799—1874), полковник гренадерского полка, позже — генерал-майор.

Как едут наши любезные путешественники? И как доехали они до вас, когда получишь это письмо? Надеюсь, что реки не задержали их, и что в среду или в четверг обняла ты милую Машу. Дай бог! Боюсь, чтобы не простудилась она дорогою. Погода такая ненадежная, ночи холодные, а она такая неосторожная. У нее же глаз был красен на отъезде. Она мне совсем испортила мой завтрак. Хорошо, что подоспела Страстная неделя и перемену пищу. Вчера с тоски я целый день таскался: утром был на службе Божьей и царской во дворце, обедал у Смирновой, званный на фрейлин, особенно на Дубенскую, там в концерте Евсева, певчего придворного, в пользу которого пели граф Гритти и Григорий Волконский. Вот как наше общество популяризуется: жаль, что не было уже Маши, а то свез бы и ее, а для окончания был я *par extraordinaire*, у Марии Пушкиной. хотя мог быть у благоприятельницы Элизы с Долли и с Шуваловой. Это доказательство, что мне было не по себе, и к тому же, я никогда не обедаю у Пушкиной, обедал один раз, да и полно, а в концерте звала она меня, я так и пустился. Концерт был очень хорош; у Евсева голос очень приятный, вроде Перуцци, есть ноты закадышные. Голос Гритти (сына Пушкиной, вашей родни) трещит иногда. Вчера вечером у Пушкиной пела Бороздина, которая здесь славится пением и справедливо, но все не Бартенева и не Окулова. Правда ли, что Бартенева теряет голос. Что давно не говорила ты мне об Окуловых? Что Варвара Алек.? Кланяйся им от меня и скажи про них слово. Маша здесь многим понравилась, говорю о женском поле, во мнение мужского пола не вхожу. *Je suis comme le roi de Hollande je ne reconpais pas ces conférences*¹.

Когда поедете в Остафьево? Пора вам отдохнуть и приняться за дело. Вы без меня очень избаловались и растранижились. Мне здесь говорили, что у вас, матушка, балы по воскресеньям. За чтение, за чтение, за французский язык, за новейшую историю, за газеты *pour être au courant de ce qui se fait autour de nous, car c'est pour le moins. Tout aussi intéressant que de savoir ce que faisait Alexandre à Babylone*².

Можно молчать, но все надобно, по крайней мере, уметь слушать, а чтобы уметь слушать, надобно понимать, а чтобы

¹ Я, как голландский король, не признаю этих конференций.

² Чтобы быть в курсе того, что творится вокруг нас, потому что это, по крайней мере, столь же интересно, как знать, что делал Александр в Вавилоне.

понимать, надобно учиться вникать, следовать за ходом дел и мыслей *et être au niveau du courant*¹. Заруби и ты себе это на памяти, моя матушка. А на сердце зарубите, что я вас всех очень нежно люблю. Дай бог нам увидеться в радости и зажить всем вместе в спокойствии. Нева вчера тронулась, но еще не поспекала. Царская фамилия переехала на говение в Аничковский дворец.

Прости, моя душа. Обнимаю вас всех от души. Бог с вами, пока с нею и со мною.

Скажи Катеньке, что Кат. Анд. лучше, она вчера принимала гостей, боль унялась и опухоль опадает. Поблагодари еще Мещерских от меня за гостинец, который они мне привезли, или, к сожалению, привозили. Простите, друзья.

Путешественники — Мария Петровна Вяземская и Мещерские, Петр Иванович и Екатерина Николаевна, возвращавшиеся из Петербурга в Москву.

Евсеев-Евсеев — певчий придворной капеллы, тенор.

Граф Гритти Камилл — сын Е. Я. Мусиной-Пушкиной-Брюс, обладатель прекрасного тенора, участвовал во всех концертах. Проживание его в России было вызвано длительным судебным процессом из-за наследства Мусиной-Пушкиной-Брюс.

Перуцци — тенор, артист итальянской оперы.

Бороздина — Анастасия Николаевна (1809—1877), в замуж. кн. Урусова.

Баргеньева — Прасковья Арсеньевна (1811—1872), певица, камер-фрейлина.

Окулова — Елизавета Алексеевна, в замужестве Дьякова.

Варвара Алексеевна Окулова — умерла в 1879 г.

Alexandre — Александр Македонский (356—323 до нашей эры.), великий полководец.

Babylone — Вавилон — столица Вавилонского царства на р. Евфрате в Месопотамии. В 323 г. (до нашей эры) город был занят Александром Македонским.

Я сегодня исповедуюсь и прошу прощения, моя милая, у тебя, у детей и у всех православных христиан. Я думаю, и ты исповедуешься: прощаю и я тебя. Я тебе говорю, как Пугачев говорил перед казнию московскому народу: Прости меня, если я в чем согрубил перед тобою. А между тем дай бог нам еще погрешить, то-есть пожить, ибо жить есть грешить и один

¹ И быть на уровне текущих событий.

² 6-го марта — Вяземский описался, это письмо относится к 6-му апреля — среде, которая приходилась на Страстную неделю великого поста.

бог безгрешен. Где Маша на эту минуту? Не в Твери ли? А завтра в четверг у тебя. Дай бог. Вчера был день такой холодный, такой пронзительный ветер. Я за нее боялся. Правда, что здесь Нева очищалась. Крепостный комендант уже проехал по реке. Я думал, что вскрытие реки здесь великолепно. Не тут-то было. Я получил твою короткую записочку при письме Розанова. Ты сердисься, моя голубушка. Мне больно, а право, сердиться не за что. Пора одеваться и идти к обеду. Сегодня иду в церковь Шереметева. Эти дни был я в дворцовой. Здесь все приходские церкви битком набиты. Церквей мало, а народа много. Посылаю на тяжелую почту шляпу Маши. Не знаю, примут ли? Простите, милые. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами, с нею и со мною. Катерине Андреевне гораздо лучше. Скажи Ладомирскому, что я на-днях справлялся о деле его. Отвечали мне, что еще не получали бумаг из архива, а на-днях получат.

Крепостный комендант — Александр Яковлевич Сукин (1765—1837), генерал-лейтенант, генерал от инфантерии, член Государственного совета, комендант Петропавловской крепости, председатель Комитета о раненых.

Церковь Шереметева — находилась на Фонтанке в доме № 34, в правом флигеле наверху.

Я не виноват, что платье голубое, а не синее. Я знал и говорил, что ты голубого не любишь и что оно не совсем идет, извините, Ваше Сиятельство — к желтизне Вашего лица. Но меня закидали грязью, отвечали, что я вру, что у меня вкуса нет, что синее не в моде, а голубое в чести и проч.: Смирнова, Карамзины. Мещерская сначала была моего мнения, но после унеслась общим потоком, *car elle est toujours à genoux ou finit toujours par se mettre à genoux devant l'opinion de la pluralité*¹ скажи ей это от меня вместо красного яичка — вот ей черное, *un oeuf dur*², и положили, что нечего тебя и меня слушать, а надобно тебя оголубить. Продай платье, если тебе оно не нравится, а я на эти деньги пришлю тебе, что хочешь. Старый конюшеник здесь со вчерашнего дня и теперь убирает у меня за обе щеки редьку и мед, может быть эмблемы того, что ожидает его здесь. Сейчас получаю письмо твое с Скаря-

¹ Так как она всегда преклоняется или кончает тем, что преклоняется перед мнением большинства.

² Крутое яйцо.

тиным и удивляемся приезду его, если в самом деле это жених приехал. Надеюсь, что милая Маша у тебя и здорова. Дай бог! Тургенев сказал мне, что она вырвала у него в лице. Это у нас симпатия. Я также вместо того, чтобы исповедываться, рвал третьего дня, как несчастный. Может быть сегодня пойду на исповедь, а завтра буду причащаться. А между тем сейчас должно одеваться ехать во дворец: в 12 часов служба божия и царская. Скажи Милатинскому фабриканту-стекольщику, что я только вчера получил посылку его. Все будет сделано по желанию его и донесено ему, когда будет что донести. Гучковские образцы? Право, разведусь. А эшарпы? уж это не трудно сделать. Право, смешно и глупо, что ты не можешь сделать мне эти безделицы. Выдери Машу за уши. Она забыла здесь свой эшарп, цветы, косынку etc. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Пишите поскорее и более. Спасибо Паше за письмо. Буду отвечать после. Наши здоровы.

Милатинский фабрикант-стекольщик — Михаил Федорович Орлов (Милатино — имение Орлова).

Христос воскрес, мои сердечные, обнимаю вас вместе и каждого порознь от глубины души. Ожидаю нетерпеливо вестей от вас и вести от милой приезжей. Как доехала она? Мы имели письмо от Катеньки из Твери, следовательно они тогда были уже за всеми Харибдами и Сциллами. Но каналья Машенька ни слова не приписала ко мне, да и о ней ни слова не было в письме. Что это значит? Дай бог получить мне скорее письма от вас. Мои службы царские и божия обошлись очень хорошо. Прикладываясь, греха не случилось, кланяясь, не спотыкался, обнимался, то-есть христосовался, руку целовал все благополучно, а по мнению зрителей, даже и с некоторою грациею. Вчерашние милости следующие: Тутолмину андреевскую ленту, целая стая белых орлов взлетела и села на Булгакова, Новосильцова (Ник. Петровича), Лонгинова, моего Бибикова, Вронченко и Карнеева, также начальников департаментов по министерству финансов, Клейнмихеля, Гогеля, Селявина (генерала по министерству двора) и еще нескольких, которых не помню. Сухтелен Оренбургский перескочил через орла и хватил Александра; фрейлины: Стакельберг, Шаховская сестра графини Полье, Щербатова дочь к. Сергея:

к. Сергею Гагарину корону на Анну. Еще много других милостей ходило по городу и даже по церкви в самую ночь на светлое воскресенье, но не оправдались: например портрет к. Алек. Ник. Голицыну и проч. и проч. В ту же ночь услышали детский крик в сенях у Тутолминой Софии Петровны: пошли посмотреть, нашли робенка около двух лет с ларчиком: в ларчике письмо к Тутолминой, в котором просили ее призреть робенка, быть к нему так же милостивою, как была она к отцу, отец убит на войне: письмо написано матерью и облито слезами, письмо с вырезкою по краям, так что приставя отрезанное составитя лист, другое письмо к робенку, род наставлений ему, когда он вырастет, сказано, что может быть со временем обстоятельства позволят ему открыть родителей его. При письмах шпора, дворянская медаль и женская перчатка набитая. Каково все это романтически! Дело в том, что муж и жена с обною: жена с сыном, а муж с андреевскою лентою *qui pour lui est aussi une espèce d'enfant trouvé*¹. Вчера представлялось французское посольство. Посол, сказывают, добрый мужик, длинный, сухой. Сын его побойчее. На разводе при после царь благодарил офицеров за службу их. за славу, которую они приобрели себе и ему военными подвигами своими, сказал им, что не сомневается в их усердии, если и вперед понадобится им обнажить шпагу. Общее ура было ответом. Сегодня представление и поздравление с праздником дипломатического корпуса. Не знаю, поеду ли, у меня работа дома (не поеду). Маша, будь умнее матери своей (*ce n'est pas couché gros, toute grosse dondon qu'elle est*)², и пришли мне Гучковских образцов всех его материй. Вели нанять извозчика, вот тебе двугривенный, да, все равно, запиши за мною, а я ей богу заплачу, не так, как бывало, и пошли к нему на фабрику, да, двугривенного мало, запиши полтинник, а что останется, возьми себе. Сделай милость, моя умница, обделай мне это. Пока простите. Обнимаю вас от всей души, моих милых, и благословляю. Бог с вами и со мною. Мещерских обнимаю, равно и всех сестер (впрочем, и сестер Мещерских), теперь дело вольное, обнимай кого хочешь, да поздравь княжну Софью с коллежским советником, твоих брата, бо-братьев. Прасковья Юрьевна ведь уже уехала? Пишите же чаще и более. Старый конюшенник вам кланяется.

Что Левицкие? Поздравь их от меня с праздником. Что

¹ Которая для него тоже вроде найденыша.

² Это вовсе не большое требование, хотя она и большая толстуха.

здоровье Юльи Михайловны? Пошли спросить и в первом письме извести. А Окуловы?

Тутолмин — Иван Васильевич (1761—1839), член Государственного совета, председатель в Петербургском опекуном совете; был известен, как рутинер, тем не менее давал лестные отзывы о сочинении Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes».

Булгаков — Константин Яковлевич.

Новосильцев — Николай Петрович (умер в 1856 г.), член Комиссии прошений, сенатор.

Лонгинов — Николай Михайлович (1775—1853), член Государственного совета. В Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина хранится его обширная переписка.

Бибиков — Дмитрий Гаврилович.

Вронченко — Федор Павлович (1779—1852), директор особенной канцелярии по кредитной части; позже — граф, министр финансов. По определению Н. И. Тургенева — «Вральченко».

Карнеев — Егор Васильевич (1773—1849), директор Горного корпуса и управляющий горными и соляными делами. Занимался переводами Цицерона, Монтескье и проч.

Клейнмихель — гр. Петр Андреевич (1793—1869), временно управляющий Департаментом военных поселений и член комитета для составления воинского устава. Дежурный генерал.

Гогель — Иван Григорьевич (1773—1834), директор Военно-ученого комитета.

Селявин — Николай Иванович (умер в 1833 г.), вице-президент имп. кабинета, генерал-лейтенант.

Сухтелен-Оренбургский — Павел Петрович (1788—1833), генерал-адъютант, участник войны с Наполеоном, с Персией и с Турцией; с 1830 г. — оренбургский военный губернатор.

Стакельберг — Каролина Густавовна, в замуж. фон Засе.

Шаховская — сестра графини Полье — кнж. Шаховская Александра Петровна (180?—1871), в замуж. кн. Голицына.

Щербатова — Настасья Сергеевна, в замуж. Храповицкая, во втором браке бар. Вревская.

Щербатов — Сергей Григорьевич (1779—1855).

Гагарин — Сергей Сергеевич (1795—1852), гофмейстер, директор императорских театров, двоюродный брат В. Ф. Вяземской.

Тутолмина — Софья Петровна (1772—1833), рожд. гр. Панина.

См. о подкинутом ребенке бароне Алексее Андреевиче Паскине статью А. Голомбневского («Русский Архив», 1908, № 1).

Вчера представлялось французское посольство и далее — демонстрация, произведенная Николаем I на разводе в присутствии посла, имела своим основанием вынужденное признание Николаем Людовика-Филиппа французским королем.

Всех сестер — кн. Надежду Федоровну Святополк-Четвертинскую и Софью Федоровну Ладомирскую, рожд. кнж. Гагариных.

бо-братьев — Бориса Антоновича Святополк-Четвертинского и Василия Николаевича Ладомирского.

Поздравь княжну Софью с коллежским советником — кнж. Софья Ивановна Мещерская; коллежский советник — кн. Николай Иванович Трубецкой, которым интересовалась С. И. Мещерская и который должен был приехать в Москву.

Вот пожитки княжны Маши, везет их Хомяков, с которым советую тебе познакомиться и сблизиться, он очень умный и добрый малой. Еще остались цветы Маши; их пришлю вместе с пером Катеньки. Что это от тебя писем нет? Можно бы иметь уже весть о приезде Маши. Бедные Тимирязевы лишились маленькой своей. Ей было гораздо лучше и почти совсем хорошо. Вдруг схватили ее конвульсии, протерзали более 36 часов и уморили; их дома не было, когда они начались. Поехали они на один час в лавки, спокойные и утешенные выздоровлением больной своей, возвратились, уже смерть была тут и начала свое действие. Родители очень огорчены. Ей пустили кровь. Я очень боюсь за роды ее. Здесь более всего занимаются найденным Тутолминой и парижскою холерою. Она порядочно работает, перевернула и Казимира Перье, на котором лежит вся Франция и следовательно судьба Европы. Умри он — и Филипп свалится с престола и пропасть революции раскроется. Ему лучше. Говорят, и Поццо был в переделке у холеры. Там те же невежества и варварства, что у нас. Чернь холере не верит, а верит отравам. Стало, не мы одни скоты. И то хорошо. И здесь патриотизм этому радуется, как счастливой находке. Говорят, что французский посол не очень был хорошо принят. Он в обществе еще не показывался. Получила ли ты мои письма и посылки с Щербининым? Вчера писал я тебе по почте, а также 4-го, 6-го, 8-го апреля, а ты бездельница. Пора за туалет. Едем обедать к Смирновой, влюблять в нее Тургенева, который уже подготовлен. Он ведет себя пока благопристойно. Вчера у княгини Усастой заметил я его за столом с Гурьевым пучеглазым и другими. Испугался, не заврался ли наш голубчик, и тотчас подсел к нему. Но, слава богу, говорил он порядочно. Вот карточки, присланные Маше. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Писала ли ты по последнему письму моему к Кривцову, чтобы он писал прямо к царю или, брося 1500 рублей, приехал бы сюда. И того лучше. Тогда, верно, все сделается. А Горстиной говорила ли ты? А Гучков?

Хомяков — Алексей Степанович (1804—1860), поэт, один из вождей и теоретик славянофильства, выступал с проектом освобождения крестьян через выкуп земли крестьянами и работу на помещика исполу.

Казимир Перье (1777—1832), государственный деятель, финансист, министр без портфеля, назначенный в 1830 г. с восшествием на престол Людовика-Филиппа; в 1831 г. — министр внутренних дел.

Поццо-ди-Борго — Карл Осипович (1764—1842), граф, генерал-адъютант русской службы, полномочный министр в Париже, позже — в Лондоне. Дипломат и политический деятель, крайний консерватор.

«*Говорят, что французский посол не очень был хорошо принят*» — Николай I считал законным наследником французского престола малолетнего герцога Бордосского, Генриха V — представителя старшей линии Бурбонов, относился к королю Людовику-Филиппу, как к узурпатору престола, поэтому посол Людовика-Филиппа мог встретить недоброжелательный прием у русского царя.

Княгиня Усастая — Наталья Петровна Голицына (1741—1837), рожд. гр. Чернышева, la princesse Moustache, статс-дама, мать московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, имела большое влияние. Вошла как персонаж в «Пиковую даму» Пушкина. О ней интереснее сведения у Благого: «Рассказы бабушки».

Гурьев пучеглазый — гр. Николай Дмитриевич (1789—1849), посланник в Гааге, в Риме и в Неаполе.

Что значит, что письма твои как-то суховаты и холодноваты. Уж не Маша ли наклеветала на меня что-нибудь? Ах, она бессовестница, да что она может сказать обо мне худого? Или ты уже так испостилась, что и письма твои постны стали, а что-то есть. Сегодня был я у французского посла. Он по всему городу рассыпал карты с объявлением, что l'ambassadeur de sa Majesté le Roi des Français a l'honneur d'annoncer qu'il a été admis à présenter ses lettres de créance à S. M. l'Emp. de toutes les Russies et qu'il sera chez lui le mercredi 13/25 et le jeudi 14/26 avril d'une heure à quatre¹. Все у него и были мы в шитом мундире. Он роста большого, не сух, по крайней мере физически, не разговорчив, вероятно не от спеси, а от неумения. Не дал себе труда узнать статистику здешнего общества и никому ничего кстати сказать не мог, впрочем кланяется учтиво. Свиту я его мало разглядел. Говорят, сын его хорош собою. Сын маршала Даву, принц Экмюльский, унтер-офицер dans un régiment d'Afrique² и пэр Франции. Обществу от них, кажется, прибыли будет мало. Вот тебе и депутация de la jeune France³, а прока мало, даже и дамам нашим пококотничать будет не с кем. Все перерождается, или святая Русь такая зеленая, что сейчас обрусеешь.

¹ Посол его величества короля французов имеет честь известить, что он был допущен представить верительные грамоты его величеству императору всея России, и что он будет у себя в среду 13/25 и четверг 14/26 апреля с часу до четырех.

² В Африканском полку.

³ Молодой Франции.

Наконец прислала образцы, и то вероятно Маше спасибо. Да, беда в том, что образцы нехороши, да и не те. Завадовская просила терно, а ты прислала меринуса. Не можешь не подгадить мне моих дел. Бог тебе судья! Ты шали отдала Маше, не шали, то есть хочешь, чтобы я тебе подарил новую матрицу. Вот свои дела умеешь устраивать, а мои так только расстраивать. Ну, так и быть, говори, что же прислать тебе, попрошайка ненасытная.

У меня стол завален альбомами. Жуковский, увидя у меня альбом княжны Абаemelек сказал: уж и туда залез, настоящий альбомный таракан. Мы сегодня, то есть наша семья, обедаем у Жуковского. У него гостит еще старуха Протасова и молодая Воейкова, вышедшая из института. Праздники наши худы, никуда не годятся.

Снег мокрый, сильный ветер, страшное мученье, и под качели и в балаганы ходить нельзя. Каково у вас? Вообще праздники скучны, ничего нет в городе. Здесь не знают московской поговорки: на нашей улице праздник. Правда и то, что праздник не на улице, а на площади, окруженной казенными зданиями. Мы старого конюшенника совсем не видим. Он, я думаю, шатается все около Бухариной, которой я еще не встречал. Ты мне не сказала, у какого Васильчикова живет мусье, о котором пишешь. Буду сегодня отыскивать. Я уже писал тебе о стекле, которое получил только на-днях. Надеюсь дать скоро ответ и надеюсь, что фраза *que de tous mes amis ceux pour lesquels je suis le moins attentioné sont eux*¹, фраза твоей выдумки или их шутки. Что Ив. Ив. Дмитриев? Видишь ли его? Прошу не бросать его, а ухаживать за ним. Я получил письмо от него, которое мне показалось расстроено, старо почерком своим. Тимирязевы все очень горьки, она здоровьем лучше. Того смотри, что его турнут куда-нибудь. Этим господам не дают засиживаться. Володинька играл с братьями, наткнулся рукою (*du bras*)² на ножницы и перерезал себе артерию. Арндт, слава богу, скоро захватил. Боль теперь совсем прошла, но если ножницы вошли бы поглубже, то пришлось хоть бы руку прочь. Смотри, Павлушка, не очень шали, а шали с оглядкой и с расстановкой. У Лизы сильный ячмень на глазу и все она не совершенно оправляется после болезни

¹ Что из всех моих друзей я менее всего внимателен именно к ним.

² Рукою, не кистью.

своей. Кат. Анд. не может порядочно успокоиться: поминутно какая-нибудь новая тревога. В романическом ларце не только перчатка набитая, но и рука вылитая, moulée¹. По каким-то указаниям письма можно добраться до имени отца. Фамилия должна быть польская. Здесь Александр Строганов из Варшавы и опять туда возвращается и, кажется, там остается управлять министерством, или департаментом внутренних дел. Я очень рад за Польшу. Он очень похудел и постарел. Парижская холера все еще идет crescendo², более тысячи человек в день занемогает, а смертность не очень велика. Да и число занемогавших в сравнении с народонаселением не больше нашего. В Париже около 900.000 жителей, если не более, вдвое, более чем вдвое против Петербурга, не говоря уже о Москве. Казимиру Перье лучше. но были еще и после холерские припадки. Что у вас, нет ли холеры? Говорили как-то, что она в Симбирске опять зашевелилась. Вели сказать Лизе Пашковой, если сама не увидишь, чтобы она присылала поскорее le livre de cent et un³, который я ей отдал для доставления Вьельгорскому. Скажи мне, Пашенька, не слишком ли чужарится перед тобою петербургская приезжая, не задает ли петербургские тоны? Да ты не скажешь, друг друга вы не выдадите, скажи-ка мне, Надька, всю истинную правду. Vous me demandez, chère Pauline, des explications sur les commérages, qu'on m'a fait sur votre compte. Je vous dirai à cela: qui se ressouvient du vieux, à celui-là l'oeil allez vous en. То есть: кто старое вспомнет, тому глаз вон.

Je Vous engage seulement à Vous observer davantage à l'avenir à être moins tranchante dans les jugements que Vous portez. Vous avez de la timidité, je le sais et Dieu merci, mais la timidité ne sauve pas toujours de quelques explosions: au contraire, après avoir longtemps été gêné on rompt la glace et on fait plus de bruit dans un moment qu'un autre n'en ferait dans deux heures. Marie a aussi des explosions de timidité révoltée. Il faut s'observer dans ces moments et savoir se maîtriser. J'en sais quelque chose, car je suis aussi de la famille sous ce rapport. En attendant, comme je suis de la famille je Vous embrasse tous bien tendrement et Vous aime de tout mon coeur. C'est aussi je l'espère, un rapport de famille⁴.

¹ Вылитая.

² Возрастая.

³ «Сто и один».

⁴ Вы у меня спрашиваете, милая Пашенька, объяснение по поводу сплетен, сообщенных мне на ваш счет. На это скажу: кто старое помянет, то-

Теперь по православному простите. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и с нами. Вот тебе, матушка княгиня, записка к исполнению. Прошу не медлить из ревности или чего другого. У кого купишь, вели уложить хорошенько и прислать ко мне тотчас, разумеется, с уплатою за провоз. Мещерских обнимаю.

Мортье-сын — поручик, маркиз Тревизский.

Маршал Даву — Louis-Nicolas, duc d'Auerstaedt, prince d'Eckmühl (1770—1823), военный министр при Наполеоне, участник всех его войн; жестоко управлял Польшею.

Терно и меринос — материи на платье.

Шали — материал для платья.

Бухарина — Вера Ивановна (1812—1902), в замуж. Анненкова. Оставила записки. Вяземский посвятил ей стихотворение «Вера и Софья». Подробнее см. у Саитова («Остафьевский Архив», т. III, 728).

66

19-го апреля.

Если не ты сердита на меня, так письма твои за тебя сердиты. Но во всяком случае мир, хлоп по рукам и по губам, да и полно. Здесь случилось было большое несчастье, но обошлось без беды. Наследник упал с лошади и с лошадыю на мостовую: ездил он по Царицынскому лугу, на конце протянута веревка, лошадь думала, что он хочет перескочить ее, и зацепилась ногами за нее. Великий к. был несколько минут без чувств, пускали ему кровь, но опасности не было и нет. Ему гораздо лучше. Нехорошо встретил он свой 14-й год: это случилось накануне дня рождения его, который в первый раз праздновали при дворе выходом, — поздравлением. Он быть не мог, лежал в постели. Мортье точно наш гофштадт Мещерский и того и смотри, что также говорит j'ai-z-ipe chose à Vous dire¹. Он мне жалок: памятник другого века, солдат солдатской эпохи, он теперь не на своем месте. Лицо у него очень очень доброе, политики и дипломатии верно ни на грош,

му глаз вон. Я только предлагаю вам в будущем быть более осмотрительной и менее резкою в высказываемых суждениях. Я знаю, в вас есть робость, и слава богу, но робость не всегда спасет от некоторых взрывов, напротив, после долгого стеснения лед ломается и за один момент надеешь больше шума, чем другой не делает и в два часа. У Маши тоже бывают взрывы возмущенной робости. Надо в эти минуты наблюдать за собою и уметь себя сдерживать. Я в этом деле кое-что смыслю, так как и сам принадлежу к той же семье. Пока же, как я из той семьи, я вас всех нежно целую и люблю всем сердцем; это тоже, надеюсь, у нас семейное.

¹ Мне вам надобно кое-что сказать.

а время критическое и положение затруднительное. Сегодня празднует он именины своего Филиппа обедом для французов и первых чинов здешних. Все это время был я довольно занят службою и не успел отыскать мусье, которого имени разобрать в письме твоём не умею. Авось сегодня отыщу. И у нас праздник был такой, как жена мужа дразнит. Последний день был несколько сносен и после обеда было довольно народа. Императрица была в карете двухместной с Урусовой. Государь верхом у кареты. Показались они с тем, чтобы успокоить публику о здоровье наследника. Я ни раза не был в балаганах: *c'est tout dire!*¹ В Москве, если бы черти падали с неба, то и тут таскался бы и под качелями. А здесь и охоты нет и не с кем. И ни к кому из мужчин прилипнуть не могу, да и из женщин прилипну и отлипну скоро. Адъютантов нет и с московскими адъютантами, которые здесь, как-то не клеится, как в Москве. Уж не старость ли пришибает меня? Чего доброго. Ах, она бестыя! Я тебе сказывал, что по понедельникам и по четвергам езжу я к Булгакову, во вторник и пятницу, то есть пополуночи. Вчера также приехал и после того, что петухи пропели; около двух часов собирался я домой, Булгаков спрашивает: куда еду, говорю: домой. *Vous allez effrayer votre valet de chambre*, говорит Булгаков: *il croira que Vous êtes malade*². Передай его Александру. Благодарю Четвертинскую за письмо. Буду отвечать на-днях. Сегодня тащу Бориса к Салтыковым. Ему нет времени разъезжать: мало офицеров налицо и приходится часто дежурить. Вчера дебютировала здесь молодая *débutante* или *rebutante*³, наша Варшавская, *M-me Julien*. Роли были не по ней и играла она не хорошо и не худо. В ложах сидела варшавская колония: *Jean de Paris* с своей Слага, Феньш с законной супругой своей, урожденной Шапочкина, или просто *Bonnet*⁴.

Она мне показалась удивительно стара и черна, и черт знает, как одета. Этот варшавский народ похож здесь на нищего. лакеев и салопниц, которых гроза загнала в сени какого-нибудь бывшего барского дома.

Je vous remercie, bien chère Marie, pour votre bonne lettre, qui m'a touché jusqu'aux larmes. Je Vous regrette beaucoup et Votre absence a laissé un grand vide dans mon petit appartement. Vous a t'on tiré les oreilles pour tous vos effets, que

¹ Этим всё сказано.

² Вы испугаете вашего лакея, он подумает, что вы больны.

³ Здесь молодая дебютантка или отвратительная (игра слов).

⁴ Чепчик.

Vous avez oublié ici? Vous sont-ils parvenus? Tout le monde me demande de vos nouvelles et paraît fort bien disposé en Votre faveur. Je Vous embrasse de toute mon âme. Faites en autant auprès de toute la famille. Voilà ce que c'est de Vous écrire, il y a de la sympathie. Dans ce moment on m'a annoncé le jeune Lewicki. — Il vient de passer un quart d'heure chez moi, mais n'a pas demandé de vos nouvelles ni dit un mot sur votre compte. Что матушка княжна гриб съела vous avez beau dire ce que Vous voulez, mais il est très gentil et très comme il faut. Je m'en vais le produire dans le grand monde et je suis sûr qu'il y réussira. Vous Vous mordrez les doigts, mais cela sera trop tard¹.

Прощайте, мои души. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. Прощай, душа. Нежно обнимаю тебя. Прасковье Юрьевне, Петру Александровичу и всем твоим мой сердечный поклон.

Мещерских целую, разумеется и княжен тут же.

Что Корсаков? Что Толстой?

К Сер. Голицыну мое нижайшее высокопочитание. Пускай приезжает он скорее сюда дописать второй том фамильного романа, то есть влюбиться во вторую Соллогуб, которая также очень мила.

Гофштадт Мещерский — управляющий имением П. А. Кологривова в селе Мещерском Саратовской губернии.

Александр — Александр Яковлевич Булгаков.

Jean de Paris — Иван Александрович Голицын.

Феньш — Григорий Андреевич (1789—1867), генерал-майор, состоящий в свите, позже генерал-лейтенант и сенатор.

Вторая Соллогуб — Надежда Львовна Соллогуб (умерла в 1903 г.), в замуж. Свистунова.

Здравствуй, моя милая. Как поживаешь? Вот опять что-то затянулось письмо твое. Последнее от 12-го апреля. Эх, эх,

¹ Спасибо, дорогая Маша, за хорошее письмо, тронувшее меня до слез. Я очень скучаю по вас, и ваш отъезд оставил большую пустоту в моей небольшой квартире. Выдрали ли вас за уши за все забытые здесь вами вещи? Дошли ли они до вас? Все справляются о вас и как-будто расположены к вам. От всей души целую вас; сделайте то же по отношению ко всей семье. Вот что значит писать к вам, какая симпатия. В эту минуту мне докладывают о молодом Левницком. Он провел со мною четверть часа, но не спрашивал новостей о вас, ни слова не сказал на ваш счет.

Можете говорить, что хотите, но он очень мил и приличен. Я хочу ввести его в большой свет и уверен, что он будет иметь успех. Вы будете кусать пальцы, но уж будет слишком поздно.

как ты меня не балуешь. Сейчас был у меня молодой Барятинский, он мне очень нравится, миловидное открытое лицо и вообще в обращении откровенность. Он обещался чаще писать в Москву и доставлять мне письма к отправлению. Корпус их так далек, что точно не имеют возможности они часто посылать на почту, да и письма должны часто теряться от неисправности солдат, коим они отдаются. Вчера я был у Гурьевой племянницы. Несколько месяцев никого не видала она и не пускала к себе, вдруг задала вчера большой вечер и так со всеми любезничала и рассыпалась, что любо. Сегодня также экстраординарный вечер: у Сольданши. То-то будет весело. Наследнику совсем лучше. Сегодня поздравление при дворе: именины императрицы. Сейчас должно одеваться в шитье и ехать к обедне. Будет ли княжна Абамелек сегодня фрейлиною? Уж ее давно по городу прославили, а все не делается. Первые корабли пришли в Кронштадт. Пора обжираться устрицами и апельсинами. Скажи Мещерскому, чтобы он поскорее приехал сюда на недельку и привез бы уж на этот раз Пашеньку. Третьего дня задал я себе карнавальным вечер. Начал тем, что отвез Софию на плясовый вечер к Олениной и проплясал с Бухариной, маленькою Соллогуб, оттуда на вечер просто вторичный к Закревским, относился за вистом к Бутурлиной и к Закревской, в полночь поехал на плясовый вторичный вечер Салтыковых, испугался красоты Завадовской, в самом деле она была ослепительно великолепна, провальсировал с Юсуповой, профланировал с пол-часа и возвратился около двух часов утра к Олениной и поехал от них в три часа уже прямо домой, потому что у меня София была на руках. И чем же это нехорошо? Помилуй бог, как хорошо. А между тем вчера в девять часов утра уже на ногах, уже за бумагами, за делом. Вот матушка, как твой пострел на все поспел. У Салтыковых гостиная уставлена вдоль и поперек шкапами с книгами и Экери, голландский остро слов, говорит que ce sont les plus jolies soirées de libraire qu'il connaisse¹. Впрочем сказано не из злости, напротив, они друзья и даже говорили, что он женится на старшей дочери, которая по-старшинству довольно стара, а не хороша. Прощай, душа. Пора зашиваться. Обнимаю и благословляю вас всех, моих милых. Бог с вами и со мною. У нас здоровы. К. Дмит. Влад. едет дни через два или три. Щербатовы — завтра.

¹ Что это самые прелестные вечера книгопродавца, которые он знает.

Молодой Барятинский — Александр(?) Иванович (1815—1879), в это время находился в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Впоследствии — генерал-фельдмаршал, известный по окончательному завоеванию Кавказа. Или его брат Владимир Иванович.

Гурьева — Авдотья Петровна (1795—1863), рожд. гр. Толстая.

Будет ли княжна Абамелек сегодня фрейлиной. — «Дамский журнал» поместил два экспромта к портрету новой фрейлины.

К А. Д. А.

Умом и красотой кому же, как не ей,
Блестать в чертогах у царей.

ЭКСПРОМТ КНЯЖНЕ А. Д. АБАМЕЛЕК

Наш Пушкин, Вяземский, Козлов,
Тебя осыпали поэзии цветами,
Что после них сказать? Не нахожу я слов.
Скажу простыми лишь стихами:
Твой ум и твой талант тебе венец.
И это суд сердец.

Мечтатель.

Маленькая Соллогуб — Елена Львовна, в замуж. Энгельгардт.

Закревская — Аграфена Федоровна (1809—1879), рожд. гр. Толстая, «Медная Венера».

Юсупова — кн. Зинаида Ивановна (1809—1893), рожд. Нарышкина, во втором браке маркиза де-Шово.

Эккерн — Яков-Теодор-Боргард-Анна бар. фон-Геккерн де-Бевеерваард (1791—1884), посланник нидерландский в России с 1826 г.

Старшая дочь Салтыковых — Екатерина Александровна (1803—1852), в замуж. кн. Долгорукова.

Щербатовы — Алексей Григорьевич и Софья Степановна, рожд. гр. Апраксина.

68

22-го апреля.

Во-первых, начну тем, что я очень расстроен молчанием твоим. От 12-го твое последнее письмо: тому десять дней. Если не беспокоиться о причинах молчания твоего, то и тут не легче, потому что грустно и досадно, когда почта ходит каждый день, быть целую неделю без вестей тяжело. Да заставь же детей писать, если не можешь переломить свою лень и непопозволительное небрежение. Сегодня есть письмо от Мещерской, она о тебе ни слова, следовательно худого сказать нечего; имею письмо и от Дмитрия Давыдовича. Все это заставляет меня думать, что ничего у вас не случилось, или по крайней мере надеяться и досада берет верх над беспокойством. Сейчас едет к вам опять Вьельгорский и имею время написать только несколько строк.

Пошли за Скарятиным адъютантом к Голицына и скажи ему, что по представлению князя о позволении Горсткину приехать

в Москву Бенкендорф передал ему отказ на то государя. Когда Голицын приедет в Москву, пускай Скарятин расспросит его, как это было, и даст знать о том Горсткину.

Скажи Орлову, что я думал писать ему сегодня и ожидал для того свидания с Дашковым или письма от него, но ни ответа ни привета. Письмо его ко мне я ему отдал. Но Дашков держится правила Дедрео: медлительно спешить, а с друзьями своими обходится, как с своими сенаторами, то-есть никогда их не видит. Я не сержусь на него, а глупо и досадно, когда имеешь дело до него. Впрочем будет же какое-нибудь разрешение, тогда напишу я и Орлову. Живописанное стекло отдал я при письме и при записке от себя Канкрину. Он был очень доволен, хотел показать государю и заказать работы для какой-то церкви. На-днях увижу его и, верно, что-нибудь положительного узнаю. Теперь Канкрин был болен подагрой и не выезжал. Уваров назначен товарищем минис. просвещения; Панин тем же к министру юстиции. Это назначение всех удивляет. Во-первых, он только статский советник, во-вторых,— не бывал в делах, не имеет ни опытности, ни нужных сведений, следовательно при всем уме его, при всех достоинствах, которые в нем вероятно со временем откроются, он еще не созрел для этого места, и хоть будь он семи пядей во лбу (что впрочем и правда), то не зачем было делать такое исключение из общего порядка и хода службы нашей.

Лубинского видел и сегодня, императрица вчера на руколбзании спрашивала меня о тебе *d'une voix éteinte*¹, говоря мне, что совсем потеряла голос, и в самом деле с 11-ти часов до 3-х была она на ногах, на молитве, на разговоре может быть с 500 человек, если не более.

Ты более этого не стоишь. Прощай. Тем более, что пора отослать письмо и ехать к княгине Усастой прощаться с Щербатовыми и с к. Дмит. Влад., которые завтра едут. Ты мне комеражи делаешь. Александр Голицын Саратовский, Варшавский говорил мне, что Пашковы сказывали ему о письме к тебе, в котором рассказываю собачью историю Андрея Пашкова. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною, да пишите мне, если хотите, чтобы бог был со мною.

Скарятин — Яков Федорович (умер в 1850 г.) адъютант Д. В. Голицына.
Орлов — Михаил Федорович.

Дедрео — Nicolas Voileau-Despréaux (1636—1711), французский поэт. Автор „*Art poétique*“, в которой изложены правила классической поэтики.

¹ Слабым голосом.

Панин — гр. Виктор Никитич (1801—1874), товарищ министра юстиции и стат-секретарь Государственного совета.

Щербатовы — Алексей Григорьевич и Софья Степановна, рожденная Апраксина, внучка княгини Усастой—Голицыной.

Александр Голицын Саратовский, Варшавский — Александр Борисович (1792—1865). 27 ноября 1826 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Вечного Саратовского губернатора Панчулидзева сменили и на место его Варшавского Плевку Голицына, что женат на Ланской, беспособного и дрянного плюгавца». (Архив бр. Тургеневых. Переписка, т. I, стр. 152).

Пашковы — Александр Васильевич и Елизавета Петровна, рожд. Киндякова.

69

23-го апреля.

А твое молчание все лежит у меня на груди, как камушек, и каждый раз, что человек войдет ко мне без письма или, что еще хуже, с письмом да не твоим, камушек этот так и застучит по груди. И сержусь, и беспокоюсь, и тоскую. Никогда такого долгого промежутка не было. Вот и сейчас Егорка входит — с письмом что ли? Нет, с кренделями (добро бы еще долгоруковской помещицы) и объявляет мне, что он аменинник. Только что вышел, еще отворяется дверь: письмо что ли? Нет, прибавление к Инвалиду. Чорт бы драл его и их, а тебя хоть бы за уши подрал, если только, чего боже сохрани, не от лени и беспечности так долго томишь ты меня своим молчанием. Я вчера приготовил-было посылку тебе с Вьельгорским, но он так скоро, так *à la minute* уехал, что видел за полчаса его еще в городском платье и, приехав к нему во второй раз, не застал уже и следов его. Посылку отдал я к. Алексею Щербатову. Получишь ее позднее, потому что он будет ночевать дорогою. Он едет сегодня со всем семейством и, кажется, надолго. Мне их очень жаль, хотя видал я их и редко, но впрочем кого здесь видишь часто, разве толпу и итоги, а единицы редко. Но в толпе за множеством нулей не скоро дойдешь до них, одни нули зарябят в глазах. Я очень люблю Щербатовых, и его и ее. К. Дмит. Влад. едет сегодня вновь. Невеста Озерова с братом также сегодня. А Берлинский Озеров женится на прусачке небогатой, но, сказывают, милой. Наконец княжна ...ва¹ фрейлина и Долгорукая также, дочь к. Василия. Она мила, похожа на мать, но, говорят, зубы испорчены. Я во рту ее не копался и потому сам не знаю. Погода у нас все постыдная и прискорбная, такая же как и ты, когда молчишь, и также постоянна в дурном. Прости. Пришли ко мне читать со мною бумаги. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

¹ Абамелекова.

Вот и службу свою кончил, а письма все еще нет, а между тем на дворе 23-е число, а на часах 12-й час. Сегодня будет какая-то возня на небесах. Уж не это ли действует на твое молчание? Получила ли ты посылку с Щербатовым? Прости, гадкая.

Пригласи к себе книгопродавца Салаева и попроси его отыскать и списать из маклерской книги условие, которое Карамзин заключил с Селивановским, и прислать список ко мне, между тем разведать, если можно, сколько на лицо остается у Селивановского экземпляров сочинений и переводов Карамзина, и продавал ли он, и продает ли и ныне переводы по частям, то есть Мармонтелевы повести, или Жанлис, или другие особенно. Скажи ему, что я биографию Фонвизина получил и занимаюсь ею, но не столько, сколько бы хотел, потому что у меня дела теперь много. Но скоро буду свободнее и примусь за эту работу дружнее.

Екат. Анд. просит Демида, чтобы он ей прислал сундук с бумагами Ник. Михайловича. Не уехал ли Демид? Не поручить ли смотрение за Красным Селом Метелкину? Мне показался он честным человеком и здравомыслящим. Разведай у Бартенева и Ланского. Что же проект письма к Тюфяеву, тверскому губернатору, по делу с Терпигоревою?

Прибавление к Инвалиду — издавалось в 1822—1826 гг.; Новости литературы; 1831—1839 гг.: Литературные прибавления.

Брат Озеров — Сергей Петрович (1809—1884).

Берлинский Озеров — Иван Петрович (умер в 1880 г.), поверенный в делах в Бадене, посланник в Португалии и в Баварии.

Долгорукая — кнж. Мария Васильевна (1814—1869), в замуж. Нарышкина.

К. Василий — Долгорукий Василий Васильевич (1787—1858), обершталмейстер.

Долгорукова мать — Варвара Сергеевна (1793—1833), рожд. кнж. Гагарина.

Селивановский — Семен Иоанникийевич (1772—1835), владелец типографии в Москве.

Мармонтелевы повести — Мармонтель, Jean François (1723—1799), поэт, романист и критик. Боролся за свободу религиозных убеждений, был обвинен духовенством в ереси за его «Bélisaire». Успех имели его «Contes populaires».

Жанлис — Genlis, comtesse Stéphanie-Félicité Ducrest de St-Aubins (1746—1830). Ее «Memoires», изданные в 8 томах, заключают в себе исторический и бытовой материал.

Ник. Михайлович — Карамзин, историкограф.

Метелкин — Петр Иванович (умер в 1867 г.), секретарь гражданской палаты в Костроме.

Уф, тоска с сердца свалилась вчерашним письмом от 19-го, с тоскою свалилось и сердце, и я тебе прощаю мои беспокойства в радости, что нет ничего худого. Это как дорогою, когда лошади дурны или грязь: мучишься, сердишься, а приедешь на станцию и все забываешь. И я теперь на станции. Только, ради бога, не мучь меня вперед, поставь себе правилом писать два раза в неделю, назначь дни и часы, и тогда всегда найдется время. Третьего дни был бал у Лаваль: жара и толпа; вчера раут у Фикельмон, потому что есть на дворе или при дворе австрийский траур: блестящая толпа, кочующая любезность, разговор в отрывках, приспособленный к узким и коротким материям разговора нашего, из которых не сошьешь полного платья на целый вечер, или даже на один час; французское посольство попрежнему малозначительное и не выделяющееся яркостью и новизною красок на бледном фоне нашего общества; впрочем много хороших конфетов, хорошее мороженое, китайский биллиард для апартаментных отношений (например Дубенской со мною, причем Жуковский сказал: вот стих Крылова — «Где видишь одного — другой уж верно там») и в итоге вечер на порядках. На этот раз вот и все. У меня довольно занятий по службе, а особенно сегодня вечером Коммерческий совет, мне надобно читать; к тому же и другое дело писать. Итак, прощай, моя милая. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Бог с вами и со мною.

Я говорил вчера с графом Васильчиковым о Versin, он довольно хвалит его. Завтра обещался мне отыскать его.

Я писал к тебе с к. Дмит. Владимиров. Пакет у его камердинера.

Где видишь одного—другой уж верно там — «Голуби», басня Крылова. *Коммерческий совет* — Коммерческие советы были учреждены в 1829 г. при Департаменте мануфактур и торговли.

Граф Васильчиков — Илларион Васильевич (1777—1847), участник войны 1812 г., командир гвардейского корпуса, генерал-адъютант, председатель Государственного совета и Комитета министров.

30-го апреля.

Здравствуй, моя милая, ты начинаешь исправляться, за то я балуюсь или, кажется, так. Впрочем последняя почта моя от 25-го, а там было еще какое-то отправление с каким-то князем к Мещерской. Я писал к Адлербергу, потому что уже был у него накануне. Вероятно он не замедлит ответом и тот час сообщу его к. Федору. Я все это время был довольно

занят, но не тем, что ты думаешь, а делом. Между тем сдал с рук несколько альбомов и до 4-го часа утра просидел у Солдан бог знает за чем и за кем. Вот деятельность. Завтра представление депутации Царства Польского и общий съезд ко двору: мы в шитом. Сказывают, что введет депутацию Строганов, управляющий министерством внутренних дел в Польше, один из депутатов произнесет государю благодарственную речь на польском языке, от имени государя будет отвечать Блудов на русском. Правда-ли, что Юлия Левицкая очень больна? Дай мне знать. Я брата видел только один раз, ведь полк его не здесь стоит. Погода ужас претошная, дождь и холод. Если будет так завтра, то *le premier jour du mois de mai* не будет *le plus beau jour de ma vie*¹. Вообрази, что я присланной коляски еще не видал. Не хочу раскрывать ее и пустить в ход, пока не добьюсь хорошей пары лошадей и хорошего кучера, и до сих пор не могу добиться. У меня такое несчастье во всех этих подробностях житейских, что способа нет. Дядька мой, как в лесу, ничего и никого отыскать не может. Велю ему искать лошадей, пройдет дни два, вспомню и спрошу его: да вот хотел притти один, да обманул и не пришел. И всегда так. Вот новый каламбур Вел. князя: «*Les ministres français sont très contents d'avoir le choléra, puisqu'ils ont pu prouver à la France qu'ils étaient des ministres à bile (habils)*»², бсѣ равно не догадаешься, моя матушка.

Сейчас входит ко мне Нессельроде. Прощай, моя душа. Обнимаю и благословляю вас, моих милых. Бог с вами и со мною. Что делает моя голубка Надька? Кажется, я видел ее сегодня ночью во сне, но не могу вспомнить, в каком виде, впрочем верно в хорошем, ибо

Во всех ты, душенька, нарядах хороша.

Цалую Мещерских и всех твоих. Знаешь ли, что мне нужны будут деньги? Один портной съел у меня 2.000 рублей. Теперь главные расходы по всем частям сделаны и вперед будет менее издержек. Постарайся сколотить что можешь, хотя к концу маяя.

Строганов — Александр Григорьевич.

Вел. князь — Михаил Павлович.

Нессельроде — Федор Карлович.

¹ Первый день мая не будет лучшим днем моей жизни.

² Французские министры очень довольны тем, что у них холера, так как этим могли доказать Франции, что они были ловкими (желчными) министрами.

Что Юлия Левицкая? Что Варвара Окулова? Вчера был целый день с большим спектаклем. С 12-ти часов были мы в мундирах и во дворце в Георгиевской зале. Зрелище было великолепное, в несколько рядов установленные все чины государственные, Совет, Сенат, гвардейские офицеры, двор, дамы, трибуны, усеянные разноцветными дамами, и дворцовые солдаты, гиганты в медвежьих шапках. Я не очень хорошо видел, только мельком из-за голов увидел поседевшую голову Валентина Радзивила, который читал речь перед императором и императрицею, стоявшими перед тронем. Говорят, что Радзивил был довольно смешан¹, и что руки у него дрожали. Впрочем и в лице государя были видны впечатления и вообще во всех присутствующих. Речи я почти вовсе не слышал, то-есть и вовсе, но говорят, она хороша, нет излишнего униженья. Ответ, читанный Блудовым, также хвалят, но и его я не слышал, и у него, по крайней мере, голос робел и раза два или три он сбивался в словах. Все это недолго продолжалось. Отвозили и привозили их в придворных каретах. Почести им было довольно. Вообще я в этой церемонии ничего не вижу оскорбительного для их народной чести и почитаю, что поляки должны быть ею довольны. После того был спуск 84-го пушечного корабля. Я никогда не видал и этой церемонии. Она прекрасна. Нельзя без восхищения и без муравок видеть, как эта громада расколыхается, спустится и нырнет в воду при громе ура и пушек. А к довершению всего Екатерингофское гулянье многолюдное, довольно блистательное, 3-го маия. Государь, великие князья верхом, за ними многочисленная и пестрая свита, императрица в коляске с дочерьми и великою княгинею, но между тем холодно, пасмурно, голо, ни ветки зеленой. К сим большим актам прибавь еще в интермедии обед у молодой Бобринской, предвечернюю у благодетельной Элизы и армянскую всенощную у Лазарева и Абамелек. Я надеюсь, что день хорошо набит, хоть лопнуть, как ты, моя коровушка, распуская свои платья на два вершка с половиною. Как же сделать, чтобы похудеть тебе? *Ne pourrais tu pas faire au moins une fausse couche?*² Впрочем здесь Вадковская и приехала на житье, следовательно успеют привыкнуть к московскому жиру. Радзивилу дали александровскую ленту, у него уже лет с 30 и более анненская, другим некоторым дали также

¹ Не прочти смешон. (Прим. Вяземского).

² Не можешь ли сделать, по крайней мере, выкидыш.

кресты. Вероятно сегодня в Journal de Pétersbourg будут напечатаны обе речи. Адлерберг сказывал мне, что он не даст просьбе к. Федора залежаться. Как огорчило меня твое известие о Скарятине. Дай бог, чтобы беда миновалась. Скажи мне, что узнаешь? Все-таки по фабрике должны быть приращения в доходе, потому что фабрика прибавилась. Пошли ли в ход все 50 станков?

Изготовлена ли записка по делу с Терпигоревой? Пошли ее к его превосходительству Кириле Яковлевичу Тюфяеву, Тверскому гражданскому губернатору, при письме такого содержания:

Милос. госу.

Кирило [о не а] Яковлевич

Муж мой, который имел честь познакомиться с Вашим превосходительством у Д. Н. Блудова, поручил мне доставить вам записку о деле нашем, производящемся в губернии, вверенной Вашему управлению. Имею честь препроводить ее к Вам и просить Вас принять уверение в совершенном почтении, с коим имею честь быть Вашему превосходительству преданная к. Вера В.

Между тем можешь попросить Прасковью Юрьевну приписать что-нибудь в письме, потому что она очень хорошо знает Тюфяева, Блудов писал ему о моем деле, теперь должно надеяться, что оно пойдет на лад. А что 5.000 р., которые мне остался должен Спас? Имеешь ли надежду спасти их? Теперь кажется к. Дмит. Владимировичу поручена эта комиссия? Или комиссия Спаса скажет: отпусти нам долги наша. Надобно разведать, кому были возвращены подобные 5.000 руб., которые с нас, продавцев имений, брал Витберг за какие-то свои духовные картины. Покойный Юсупов сказывал мне, что кому-то были уже возвращены и что придет и моя очередь. Можешь узнать о том от к. Урусова, или Гедеонова. Главное узнать, кто был при Юсупове производитель этих Христовых или Спасских дел, да его и притянуть к Иисусу... — Ай, ай, ай, месяц Майй теперь, да холоден. Гадость, да и все тут. А у вас? В пятницу большой парад на Марсовом поле. Теперь дело идет к развязке, т. е. многие уезжают, кто к водам, кто по деревням. На-днях придет первый пароход любекский и увезет от нас народ. Сегодня уезжает Шувалова в Курляндскую деревню на все лето. Вчера мы с нею очень нежно прощались, у нас были холодные отношения одно время, но про-

шло, и опять настала теплая погода. Она очень мила и добра. Теперь у нас камчатский мороз с Сенявиною и чорт знает за что.

Я уверен, что вышли какие-нибудь коммеражы и, если вышли, то от Катеньки и от Смирновой. Оне говорили и осмеивали письма, т. е. записки, которые я от нее получал. Это, верно, до нее дошло и сказали, что смеюсь я. Иначе растолковать не умею. Разве ревность? Но дело в том, что она едва отдает мне поклон на мой поклон и так сухо, что всякое слово засохнет во рту и никак не заговоришь с нею. Мне очень жаль, потому что она мне очень нравилась. А ты, каналья, радуешься и еще более растолстеешь на радости. И Катенька тут же с своею внутри ноющею ревностью. Настоящая собака, а я сено: лежит только на мне, сама не ест, а другим есть не хочет давать. На-днях пришлю тебе свой альбомный каргезон¹. О стихах моих к Завадовской весь город трезвонит, а дамы так и дуются. Тургенев, который непременно должен по следам моим влюбляться, застал на-днях Завадовскую у Козлова и распыхтелся сентиментально, то-есть вздыхал по своему, то-есть из брюха говорил ей, что уже не поедет в чужие края и проч. А она, бестия, немножко кокетничала. Того и смотри, что я ее на беду свою разогрею и печь затоплю, а другие будут греться. Прости, моя душа. Обнимаю тебя и вас всех от души. Бог с вами и со мною. Дай за меня сто рублей Свербееву в подписку для семейства Калайдовича.

Радзивилл Валентин — Андрей Валентин (1780—1838), церемониймейстер, командор Мальтийского ордена, член Административного совета в Царстве Польском.

Екатерингоф — местность в окрестностях Петербурга, где устраивались народные гулянья.

Молодая Бобринская — Софья Александровна Бобринская, рожд. Самойлова.

Вадковская — Екатерина Ивановна, рожд. Чернышева.

Journal de St. Pétersbourg — переименованный из «Conservateur Impérial» — официальный журнала, издававшегося в Петербурге в 1813—1826 г.

К. Урусов — кн. Александр Михайлович (1766—1853), член оружейной палаты, обер-гофмейстер, член Государственного совета, сенатор.

Гедеонов — Александр Михайлович (1791—1867), состоял на службе в экспедиции кремлевского строения в Москве; позже — директор театров. См. Заблочно-Девятковского: «Граф Киселев и его время».

Кто был при Юсупове производитель — Сергей Карпович Шестаков (умер в 1832 г.).

¹ Cargaison — груз.

О стихах моих к Завадовской весь город трезвонит, а дамы так и дуются — очевидно, речь шла о стихотворении Вяземского «Разговор 7 апреля 1832 года [графине Е. М. Завадовской]». Последняя строфа: «Красавиц севера царица молодая! Чистой красоты высокий идеал! Вам глаз и сердца дань, вам лиры песнь живая. И лепет трепетный застенчивых похвал».

Калайдович — Константин Федорович (1792—1832), археолог, историк и филолог. Издатель «Русского зрителя». Умер от душевной болезни.

72

5-го мая.

Ну, ужь, умница, нечего сказать, расцаловал бы я тебя. Вот еще письмо от 29-го. Спасибо, просим милости вперед. Меня так расстраивает ожидание письма, что грешно тебе меня не тешить. Тебя цалую, а Машу хоть за уши. Зачем ты, дурочка, не чаще пишешь ко мне? Во-первых, ты меня любишь, во-вторых, я тебя люблю, в-третьих, ты исполняешь обязанность, а такая привычка хороша и на настоящее и на будущее время, в-четвертых, ты приучаешься писать, мыслить, изъясняться. Я знаю, что без большой привычки писать письмо есть труд, на который должно решиться, но за то, как привыкнешь писать, так же легко, как говорить. Конечно, иногда и говорить лень, но тебе, молокососке, не должно позволять себе никакую лень. Смотри же береги свои уши. Сундука Карамзинского присылать уже не нужно. Демид честный человек, но человек нервический, следовательно нельзя во всем доверять ему. Он вдруг полюбит и вдруг разлюбит, а когда разлюбит, он довольно зол и мстителен. Квасникову не должно давать полной воли, но не должно и теснить его в действиях, а не то нельзя ему будет исправлять, усовершенствовать, усиливать работы и следовательно доходы. Его должно подчинить строгой ответственности, то-есть такой, чтобы каждая копейка, на фабрику истраченная, каждая перемена, новая мера были на виду с изъяснением зачем и на что. По производствам суконной фабрики такая ответственность не многосложна и не запутана. Сама фабрика та же машина: должно расчесть наперед, что содержание такой машины стоит и что она выработать может. Изменения в сметах с итогами действительности не могут быть значительны. Ошибка может быть в нескольких половинках и нескольких сотнях рублей. Вот на это попроси Ннк. Трубецкого обратить внимание, когда поедете в Остафьево.

Вот что Адлерберг писал мне 3-го мая: du (sic) commandant de Moscou au sujet de la prolongation du congé du P^{ce} Gagarin n'a été reçu qu'hier. Sous peu il en sera référé à l'empereur, je

ne doute pas que sa Majesté ne l'accorde; je vous instruirai de l'issue de cette demande sans tarder¹.

Между тем последовали некоторые перемены в образовании военного министерства, а завтра большой парад, следовательно не прежде двух или трех дней последует решение. Орлов приехал третьего дни на первом пароходе. Наконец за исключением некоторых оговорок в пользу домашних распоряжений между Бельгийским и Голландским королями о судоходстве и тому подобному, трактат ретификован пятью державами. Слава богу, меня в газетах уж тошнило от этих бесконечных конференций. Из Франции нехорошие вести: на юге в Марселе, Бордо, Нанте вспыхнуло возмущение, Беррийская герцогиня крейсировала пред Марселем с Блакасом и Бурмоном: в Марселе была резня и подняли белое знамя. В Париже в тот же самый день были подобные покушения, но, говорят, и здесь и там войска все уладили и задавили движение. Каковы безумцы! Мало проучили их, нет, все надеются, что могут обратить к себе Францию лакомя ее дураком Блакасом и неуваженным Бурмоном. Болезнь Казимира Перье большое зло. Говорят, что голова его расстроилась, во всяком случае долго нельзя ему будет приняться за управление дел. Не понимаю, как находятся у нас в России карлисты, генриквинисты; понимаю, что для блага Европы и следовательно России должно желать спокойствия и порядка во Франции, но разве можно ожидать их от Карла с своими иезуитами, или от робенка с его матерью ветреною и распутною. Все забывают, что революция совершилась в царствование Карла, была приготовлена и никого не удивила: следовательно царствование Карла угрожало спокойствию Европы. Правительство Филиппа хорошо или худо, но закрыло волкан и вообще отвечает народным симпатиям Франции. Что брожение умов, страстей и выгод еще не оселось, это не мудрено. Причина революции в Карле: результат ее в Филиппе. Не лучше ли устроить, упрочить для общего блага результат, каков бы он ни был, чем воцарить опять причину, которая рано или поздно разразится новыми бедствиями. Вот вообще ошибка европейских кабинетов в низложении Наполеона: надобно было обрезать его и силою обезоружить его средства быть страшным Европе, но должно было сохранить его как результат, а ресторацию

¹ Доклад Московского коменданта относительно продления отпуска кн. Гагарину получен только вчера; вскоре он будет представлен государю; я не сомневаюсь, что его величество даст согласие; я вас извещу без замедления о результате этой просьбы.

открыли только кратер, который застыл под ним. — Сейчас был у меня Versin. Он в Москву едет, если едет, не прежде июля, не имеет желанья войти в дом, а только давать уроки. Наружностью он довольно благовиден, хотя по моде de la jeupe France¹ и носит бородастое ожерелье, то есть оброс бородою, говорит хорошо, но жалуется на здоровье. Вообще слышал я о нем от Дашковой и других, что он человек хороший, но капризен, особливо же после возвращения своего из-за границы, куда ездил он для здоровья своего, любит выезжать, много наказывает и изобретателен в наказаниях своих, дети его не любили, а наказаний уже не боялись, потому что привыкли к ним. В этом можно было бы объясниться с ним и заранее предупредить. Он мне говорил о знакомом своем, который должен быть скоро сюда из чужих краев и хотел мне привести его. Увидим, что будет. Между тем и он не уедет в Москву не повидавшись со мною. У кого купила ты органди? Здешние барыни говорят, что прошлого года делали лучше и продавали дешевле, побрани наших фабрикантов. Зачем ты лжешь, старая кокетка, и не помнишь сама, что говоришь. Уверяешь, что Чадаев est le seul homme que tu voys², а сама за почту перед тем говорила о Раевском, как о человеке, которого видишь ежедневно. Не давай же таких промахов. Прости, обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною. Скажи Ладомирскому, что просьба его на-днях исполнена будет. Свербееву посылаю сто рублей, скажи, что не отвечаю на письмо его, потому что беру справки и буду писать, когда будет о чем. В Москве ли Корсаков?

Перемены в образовании военного министерства состояли в 19 пунктах основного начала преобразования; из них самые важные были: всею военной частью управлял военный министр; он же был докладчиком по всем частям военного управления царю, и при военном министерстве учреждался военный совет.

Орлов — Алексей Федорович.

Бельгийский король — Леопольд I Георг-Христиан-Фридрих Саксен-Кобургский (1790—1865); с 1831 г. король бельгийский.

Голландский король — Вильгельм I Оранский Нассауский (1772—1843), в 1840 г. отказался от престола в пользу сына.

Беррийская герцогиня — Marie-Caroline-Ferdinande-Louise de Bourbon, duchesse de Berry (1798—1870), была в изгнании с Карлом X. Надеясь на Вандею, стремилась закрепить престол за своим малолетним сыном Генрихом, герцогом Бордоским. В 1832 г., когда роялисты потерпели поражение, была заключена в замок Blois. Обнаружение ее тайного

¹ Молодой Франции.

² Единственный человек, которого ты видишь.

венчания с итальянским графом Гектором Лукези Палли стняло у нее право опекуна над сыном, и она была отослана в Палермо.

Блакас — Blacas Pierre-Louis-Jean-Casimir (1770—1839), государственный деятель, дипломат, приверженец Бурбонов, содействовал заключению брака герцога Беррийского (убитого Лувелем в 1820 г.) с принцессою Каролиною, дочерью короля обеих Сицилий.

Бурмон—Bourmon-Louis-Auguste-Victor гр. де-Шен (1773—1846), маршал Франции, участник Вандейских войн, приверженец Бурбонов. При Наполеоне был посажен в тюрьму, бежал в Португалию; позже служил Наполеону и был в плену в России, откуда бежал; служил Людовику XVIII, во время Ста дней — Наполеону и бежал опять к Людовику XVIII; при Карле X был в изгнании. Прославился завоеванием Алжира. Вяземский называет его «неуваженным».

Карлисты — приверженцы Карла X.

Генриквинисты — приверженцы малолетнего Генриха V, герцога Бородского.

Органди — organdi — материя.

Ты не на шутку умница. Вот еще письмо от 2-го мая, отправленное впрочем 3-го. Разве носят твои письма на малую почту? У вас весна, а у нас, бог знает что, гадость и поношение. Вчера и парад был отказан, а судя по лицу или по гнусной харе нынешнего дня, придется отказать и завтра. Ты, я думаю, из ревности и из мести грабишь мои отношения, да и в ус не дуешь. Ты за мой, или за мою органди, или органдию хочешь слупить 45 рублей, а Катенька прислала таких же на два платья всего за 55 рублей. Побойся бога! За кого примут тебя и меня? Французские смятения, кажется, утихли, то есть законная вооруженная сила имела верх и герцогиня Беррийская как ни подымала юпки своей в виде белого знамени, но немногих соблазнила. Казимир Перье, кажется, решительно сошел с ума. В этом есть что-то грозное и умирительное. В самое время, когда все глаза устремлены на него, как на кормщика, который господствует бурею и держит корабль в сильной руке своей; тут перст божий дотрагивается до него и помрачает рассудок его. Никто не назначен еще председателем Совета. Говорят, что пока и не будет, а президировать будет сам король. Доктор Магенди лечит в Париже от холеры пуншем. В журнале *la Mode*, который всячески доезжает нынешний порядок вещей во Франции, рассказывается следующее: *décoré de juillet, qui paraissait être entre deux vins, s'étant présenté les jours derniers pour entrer à l'hospice de l'hôtel-Dieu, l'inspecteur du service a cru devoir s'informer quelle était sa maladie? Cet homme a répondu qu'il avait le choléra morbus,*

qu'il était protégé par M. de Schonen, qu'il était lié intimement avec M. Cabet¹. (два депутата, которых Мода заявила лихими пьяницами и преследует шутками своими) et qu'il demandait à être placé dans la salle de M. Magendie, où à ce qu'on dit, on guérit les malades avec du punch². Сделай милость передай этот анекдот Денису Толстому: он более для них списан мною, нежели для тебя, которая не поймет всей прелести его: Prenez patience, disait l'autre jour un Tel (так называет короля la Mode) à un pauvre qui mourait d'inanition: je Vous promets à diner sans faute pour le mois prochain. En apprenant que l'on fait de souscription en faveur des malades, un Tel s'est aussitôt mis au lit³.

Мода преследует также короля насмешками за скупость его. Тибо возвратился, но я его еще почти не видал. Просьба к Федора еще не подана государю. Скажи к Четвертинскому, что я сейчас получил объявление на получение его верующего письма. В понедельник поеду за деньгами и тогда напишу ему. Огарева едет в Москву во вторник. Скажи Трубецкой, что живет у казарм, что я здесь хлопочу о муже ее и сегодня писал ему и послал сто рублей. Скажи стекольщику, что он скоро получит рисунок в образец, какие стекла будут нужны. Все опасаются, чтобы он не слишком дорожился.

Простите. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Пришли мне немножко весны и запаха свежих цветов. Скажи, что делает весна?

Мещерских обнимаю. Как я рад, что Скарятину лучше.

Доктор Магенди — Magendie François (1783—1855), знаменитый французский физиолог. Среди его работ: «Leçons sur le choléra-morbus, faites au Collège de France».

Шонен — de Schonen, baron Auguste-Jean-Marie (1772—1849), депутат

Кабе — (Cabet Etienne) (1788—1856), депутат, сын бочара, адвокат. сотрудничал в Journal de la Jurisprudence. В 1830 г. участвовал

¹ Некто, награжденный за июль, который, казалось, был нетрезв, недавно явился в госпиталь Отель-Дье. Дежурный надзиратель счел своею обязанностью осведомиться, какая у него болезнь. Этот человек ответил, что у него холера, что ему протежирует г. Шонен, что он очень близок с г. Кабе.

² И что он просит быть помещенным в палату г. Магенди, где всех больных лечат пуншем.

³ Имейте терпение, сказал Некто однажды бедняку, умиравшему от истощения. Я вам обещаю безусловно обед в будущем месяце. Узнав, что делается подписка в пользу больных, Некто тотчас слег в постель.

в революционном движении, в 1831 г. — избран в палату депутатов, где вел борьбу против правительства. Основал демократическую газету «Le Populaire», Осужденный за оскорбление короля, уехал в Англию, откуда вернулся во Францию в 1837 г. Написал историю революций 1789 и 1830 гг. и роман „Voyage en Icarie“, имевший успех во Франции и за границу. Вернулся к изданию «Le Populaire». В 1847 г. группа его приверженцев уехала в Техас (в Америку). Cabet, задержанный революцией 1848 года, выехал в Америку в 1849 г. В 1851 г. был обвинен отколовшимися от его партии лицами в использовании денежных сумм партии, приехал во Францию для защиты и был оправдан.

Тибо — учитель у Карамзиных.

Трубецкая — кн. Людовика Игнатьевна.

Муж — Юрий Петрович Трубецкой.

Стекольщик — М. Ф. Орлов.

Здравствуй, моя милая. Как вы все поживаете? Все ли продолжается у вас лето? У нас со вчерашнего дня что-то похожее на лето или просто на это, потому что совестно называть летом. День парада был холодный, ветер страшный: не смотря на то, или напротив — смотря на то, весь город торчал в окошках, на балконах, на крышах, или толпился кругом площади. Зрелище блистательное. Вчера был многолюдный и великолепный раут у г. Пушкиной, но более всего замечательный по известиям, которые на нем разошлись. Вчера прибыл пироскаф и привез вести, что биль реформы не прошел в палате лордов, что вслед за этим Грей требовал от короля назначения 60 новых пэров, что король не согласился и министерство просило увольнения. Оно уволено, но нового еще не назначено. Должно ожидать второго пироскафа, чтобы узнать, что из этого будет. Это важный кризис для Англии и следовательно для Европы, ибо теперь нигде нельзя чихнуть, *rien dire plus roïment*¹, чтобы везде не завоняло. Есть и другое известие, которое было бы важно без другого, а теперь слабее в сравнении: схватили один из пароходов флота Беррийской, говорили было, что это судно, на котором она сидит с Блакасом, но выходит другое, однакоже и эта поимка довольно значительна, ибо нашли много бумаг, открывающих все нити контр-революции: дам тут бывших отпустили, а между пленными находятся сын Бурмона, Сен-При, брат того, что был у нас, то есть не пострела, а отца его. Вот вам каша пуще и пуще заваривается. Если найдешь посредника, передай

¹ Чтобы сказать повежливее.

эти вести Дмит. Гав. Бибикову. Газеты, приходящие с почтою, еще не скоро известят о том. Вот и третья весть немаловажная: мы наняли дачу с Клементием Россетиком. Милости просим к нам провести лето запросто: у нас на Черной речке две комнаты над мелочной лавочкой за 400 рублей, то есть по двести рублей на брата. Мне нужен только *piéd à terre*, чтобы иногда ночевать за рекою, когда засидишься поздно у кого-нибудь на даче, а то обыкновенно со второго часа по полуночи начинается лихорадка беспокойствий, что не сняли бы мост, хорошо также на дни воскресные и праздничные, свободные от службы, хорошо также для того, чтобы, как у герцогини Беррийской, иметь свое судно на всякий случай. Сейчас прочел я твое письмо от 5-го и ничего в нем не понимаю, особливо же первой строки: *le démêlé n'est pas encore terminé*¹. Какой *démêlé*². Ты или с ума сошла, или одно твое письмо потеряно, потому, что я не имею никакого ключа к твоим загадкам и ничего не слыхал о к. Федоре. Я даже и не знал, что Ладомирская брюхата была. *Qu'en dit son mari*?³ Во всяком случае поздравляю с дочкою. А между тем вижу, что твой вечер не был благопристойен. Не забывай, что у тебя взрослые дочери и маленькие комнаты, следовательно разговор общий должен быть всегда настроен на их лад. Ничего нет неприличнее этих мистификаций, или как хочешь их назови, но во всяком случае хозяйка дома отвечает за своих гостей и не дает им дурачить: *autrement toute maison devient un mauvais lieu*⁴ если не действиями, то видом. Когда перестанешь ты быть угорелою *et quand auras tu la dignité de ton âge et de ton état de mère de famille*?⁵ Вот тебе и проповедь на которую, право, я не готовился, но которая вырвалась из меня неожиданно. Впрочем, ты верно сама ее одобришь. Между тем аминь. Прошу не отвечать мне на всё. После переговоров, а письменно *controverses*⁶ не нужно. На пароходе приехала графиня Лебцельтернд и Ганноверский посланник Дорнберг, тот, что уже был здесь. Вчера я видел Бельгийского Орлова: свеж и весел. На рауте встретился и с глухим Крюднером, который помолодел, но не на ухо. Сделай милость, растолкуй мне, за что ты хочешь содрать 45 рублей с графини Фикельмон. Я

¹ Ссора еще не окончена.

² Какая ссора?

³ Что об этом говорит ее муж?

⁴ Иначе всякий дом становится неприличным.

⁵ И когда, наконец, появится у тебя достоинство твоего возраста и твоего положения матери семейства?

⁶ Пререканий.

с нее пока и денег не беру. Мещерская прислала 9 аршин за 27½ рублей, а ты за 12 просишь 45. Если тебя обманули, то разочтись с купцом. Говорят, что Бухарина идет замуж за Анненкова, адъют. велик. князя. Огарева едет завтра. Пропасть народа разъезжается. Прощай, моя милая. Прошу не сердиться, не гневаться, не дуться, не жаться и не отвечать. Только растолкуй, что за *démêlé* к. Федора и отчего хочешь ты поддеть мою графиню рублей на девять. Скажи Ладомирскому, что я вместо червонца жене пришлю ему красавицу с письмом, вдовушку Потемкину, которая едет на этой неделе в Москву и далее. Она очень миленькая бабочка и перед самым отъездом ее входим мы с нею в невинные отношения. Вот к. Федору добыча, пускай женится. Впрочем она и отсюда бежит от женихов, которые так и вертятся и обнюхивают ее. В городе поминутно дают ей нового жениха: прежде Волконского старшего, теперь Монрое и многих других. Четвертинскому скажи, что вчера был день неприсутственный, а получаю деньги сегодня. Впрочем я вчера сказывал Борису, что деньги есть. *C'est donc de l'argent déjà à demi touché!* Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Не сердись-же на меня, старуха.

Г. Пушкина — гр. Мария Александровна Мусина-Пушкина (1801—1853), рожд. кнж. Урусова, во втором браке Горчакова.

Грей — Карл Говик гр. Грей (1764—1845), первый лорд казначейства, политический противник Веллингтона, вел борьбу с торн.

Король английский — Вильгельм IV (1765—1837).

Сын Бурмона — м. б., Бурмон, напечатавший в оправдание отца письмо из Карлсруэ.

Сен-При — (брат Карла Францевича) гр. Эммануил-Людвиг Францевич (1789—1881) был на русской службе; с возвращением Бурбонов во Францию перешел на французскую службу; адъютант герцога Ангулемского, посланник в Берлине и посол в Мадриде. После июльской революции оставил службу. С 1830 г. — испанский гранд, герцог Альмазанский; 1849—1852 гг. — член французской законодательной палаты.

Сен-При — гр. Карл Францевич (Armand-Charles-Emmanuel de Guignard, comte de Saint-Priest) (1782, умер после 1848 г., губернатор в Херсоне и в Каменец-Подольске. В 1821 г. уехал во Францию; с 1848 г. жил в России, где и умер.

Графиня Лебцельтернд — Зинанда Ивановна, рожд. гр. Лаваль.

Дорнберг — Ferdinand-Wilhelm-Kaspar, Freiherr von Doernberg (1768—1850), ганноверский посланник.

Орлов Бельгийский — гр. Алексей Федорович Орлов был послан в Лондон на конференцию, собранную по вопросу об учреждении Бельгийского королевства.

¹ Деньги уже наполовину в руках.

Крюднер глухой — бар. Александр Сергеевич (?), умер в 1852 г.), первый секретарь русского посольства в Мюнхене, посол в Стокгольме.

Бухарина — Вера Ивановна (1812—1902), в замуж. Анненкова. Вяземским посвящено ей стихотворение «Вера и Софья». Бухарина-Анненкова оставила записки.

Анненков Николай Николаевич (1799—1865), командующий Измайловским полком, позже член Государственного совета, государственный контролер, генерал-губернатор киевский, волынский и подольский.

Великий князь — Михаил Павлович.

Вдовушка Потемкина — Ольга Федоровна, рожд. Брискорн (умерла в 1852 г.), во втором браке бар. Мейендорф.

Волконский старший — вероятно, светл. кн. Дмитрий Петрович (1805—1854), гофмейстер.

Монрое — Фома Фомич, флигель-адъютант. В полн. собр. соч. (т. IV) в стихотворении «Поминание» Вяземский упоминает «Американца Монрое».

75

11-го мая.

Хорошо, что я наткнулся вчера на маленького толстяка Волконского, который дал мне ключ к твоей загадке. Который Ржевский, Константин или Павел? А то, вот сейчас получаю письмо от тебя без числа и с таким началом: *encore rien de décidé*¹. А про кого и про что ни пол слова. Ах, ты моя Марьенбадская ветренница. Да отяжелеешь ли ты по крайней мере от воды. Деньгами можешь не спешить, то-есть присылать не прежде месяца. Я отпустил четверню и взял пару за 200 рублей. Обновил свою *demi-fortune*² и очень ею доволен. Спасибо.

Только не даром обошлось мне это перемещение. Страшный ветер и холодный дует весь день и надул мне род флюсика. А что за пыль! Так глаза и ест. Сейчас получаю письмо от Демиды. Не знал, где он теперь — в Красном, или уже в Москве, отвечаю ему через тебя: на первый случай пускай определит в бурмистры Андрея Ефремова Шпажников. А мне все кажется хорошо бы поручить смотрение за деревнею Метелкину и назначить ему какой-нибудь процент с дохода. Мне показался он честным человеком и рассудительным. Напиши-ка Ланскому, если он еще не в Москве, а то я слышал, что ему дают отпуск на 4 месяца в Москву, а также и рязанскому губернатору Перфильеву для свадьбы. С мужиком при подобном ослаблении управления мало пользы ожидать можно. Надобно бы попросить Метелкина съездить в Красное, обозреть все, узнать, какие тут средства, и тогда сказать, может ли он

¹ Еще ничего не решено.

² Каретку.

взяться за управление с обещанием привести деревню в надлежащий порядок. На таком расчете можно основать и то, что он будет получать. Потолкуй и с кн. Анд. Петровичем. Что делают Оболенские? Кланяйся им от меня всем поколениям и всем коленам. Блутов прислал мне ответ к нему Тверского губернатора. Подает надежду, что дело будет окончено. Передала ли ты деньги и поручение мое Свербееву. Дай знать ему, что на-днях надеюсь сказать что-нибудь обстоятельнее. Просьба у Лонгинова и он принимает в ней доброе участие. Я тебе послал с Огаревою *Salamandre*. О Похвисневе не знаю, право, что сказать. Поговори с ним, увидим, что он скажет. Карамзинных квартира, кажется, нам годится. Мебли берут они с собою в Дерпт; впрочем все это еще не сделано, а что не сделано, то и переделаться может. Что подписка Козлова? Дай кому-нибудь свезти ее в английский клуб. Вербуй более дам и девиц, из любви ко мне они все подпишутся. Нанина жива, но, без сомнения, Юлия во всем превосходнее. Попроси Потемкину дать мне гадательную инструкцию, которую я уже имел от нее. Я позабыл значение карт, а оно мне очень нужно. Я записался в старухи и на раутах промышляю тем, что гадаю в карты молодым фрейлинам. Оно невинное и полезное и приятное препровождение времени. На рауте у Пушкиной я провел так весь вечер за маленьким столом в углу под розами сам-друг или много сам-третей с фрейлиной, или фрейлинами. На-днях молодые фрейлины уже везут меня к старой фрейлине Загряжской на вечер. Это прекрасное изобретение и важное открытие: фрейлины. Они ни девицы и не женщины, род холостых девушек, *le juste milieu* неопытностью и опытностью. Спроси у Катеньки, что это за народ, разумеется те, которые живут во дворце. Именно по мне, *ni trop peu, ni trop*¹: так и созданы для отношений. Ты найдешь уже в *Journal de St. Pétersbourg* и в Франкфуртском часть того, что я рассказал тебе вчера. Надобно непременно, чтобы Маша, Пашенька и Павлуша читали газеты, хоть московские, а Надинька хоть статью о потерянных собаках. Кстати о собаках:

Что Любимка Петровна? Кстати о потерях: на-днях во французском спектакле при выходе вытащили у меня из кармана театральную трубку мою, которая некогда была освещена и освящена глазами императрицы. Мне очень жаль этой потери.

Прости пока, моя старуха. Что, дуешься ли за вчерашнее письмо? Не дуйся, мой свет. Обнимаю и благословляю вас от

¹ Ни слишком мало, ни много.

всей души. Бог с вами и со мною. Дай бог, чтобы воды были тебе в пользу. София сердится на Машу, которая обещалась ей писать каждую неделю и не писала ни раза, а я за себя уже и не сержусь, а грущу, а если сердиться, то более на тебя.

Государь узнав, что Тимирязевы лишились робенка и что жена должна скоро родить, позволил ему остаться здесь и отложить поездку до после родов. Они оба очень довольны. Я вчера обедал у них с Пушкиным. Она немного поправилась.

Ржевский — Константин Алексеевич, смотритель по ведомству экспедиции кремлевского строения, камергер.

Ржевский — Павел Алексеевич, умер в 1852 г., чиновник по особым поручениям в Комиссии для строений в Москве.

Ланской — Сергей Степанович, в это время костромской губернатор.

Перфильев — Степан Васильевич (1796—1878), рязанский губернатор, генерал от кавалерии.

К. Андрей Петрович — Оболенский.

Salatandre — роман Евгения Сю, вышедший в Париже в 1832 г.

Нанина — Надежда Михайловна Левицкая, фрейлина.

Загряжская — Екатерина Ивановна (1779—1842), влиятельная фрейлина цариц Елизаветы Алексеевны и Александры Федоровны.

Франкфуртский журнал — основан в 1665 г. Вильгельмом Зерлиным; с 1910 г. выходит под названием *Frankfurter Nachrichten*.

Любимка Петровна — Надежда Петровна Вяземская.

София — Софья Николаевна Карамзина.

Маша — Мария Петровна Вяземская.

Здравствуй, моя милая. Посылаю тебе цветов, привезенных из Парижа Тибо. Тибоем или Тиботом, как хочешь, всего их на 65 рублей, разумеется тебе и княжнушкам моим. Цветы из перьев: кстати о перьях: пришли мне, но только хороших. Я сижу ощипанный и пишу пальцем. Есть Александр, кондуктор дилижансов, с которым едет и это письмо, он жених Елизаветы и следовательно каждый раз бывает у нас в доме. Можешь прислать с ним и вперед присылать. Я третий день сижу с флюсиком и не выезжаю, но теперь на вечер хочу ехать к Долли. Погода все постыдная. Сегодня утром шел снег, но, разумеется, и сошел. Значит, ты не ездила несколько дней в присланной коляске? Ты узнала бы, что крючки, которыми держится верх, когда поднимаешь коляску, слишком коротки. Должно было отдать переделать за 20 рублей; и хорошо, что я был нездоров и не имел нужды в коляске, а то пришлось бы еще нанимать на место ее. Я боюсь, чтобы эта экономия держать свой экипаж не обошлась мне дорого. Экономно было

бы и лошадей своих держать, но и тут боюсь убытка. Кому смотреть за лошадьми и за экипажем? Говорят: не купи деревню, а купи прикащика. Можно сказать: не купи лошадей, а купи кучера. Во всяком случае правильнее сказать: купи деревню и прикащика, а с одним прикащиком не разживешься. Новых вестей все еще нет. Ждем парохода.

Вот тебе стихи мои к Завадovской. Дай это письмо Ладомирскому. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Обнимаю к. Федора. Что его дело? Обрадуюсь, когда узнаю, что оно благополучно кончено.

Les fleurs qui sont pour Catherine Mescherski portent son nom sur les étiquettes¹. Твоих 7, а ее 3.

Виноват, моя милая, то есть не ты виновата, а разве Толстой. Сейчас получаю от него письмо твое от 3-го мая с известием du démêlé². Вчера я слышал от Софии Бобринской, которой Хомутова пишет из Москвы, что дело совершенно и благополучно кончено. Слава богу! Между тем твое письмо от 10-го, сегодня же полученное, ни слова не упоминает о деле и следовательно успокаивает меня. Поймал тебя в сбивке слов, не я, а Пушкин, которому читал я оба письма твои, одно, в котором говоришь о Раевском, которого видишь ежедневно, а другое о Чадаеве le seul homme que tu voys³. Если ты не старая кокетка, то по крайней мере старая ветренница. Я послал тебе вчера с дилижансом цветы из перьев. Ладомирский получил ли разрешение на просьбу свою? Оно послано. Пока прости. Пора отправлять на почту. Нового ничего нет. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Толстой — Федор Иванович.

du démêlé — У Федора Федоровича Гагарина, родного брата В. Ф. Вяземской, произошла ссора с Павлом Александровичем Ржевским в ресторане у Яра из-за спаржи. Ссора грозила кончиться дуэлью. Московский генерал-губернатор Д. В. Голицын призвал к себе обоих для мирного окончания дела.

Хомутова — Анна Григорьевна (1784—1858), друг поэта И. И. Козлова. Лермонтов посвятил ей стихотворение. Выдержки из ее записок напечатаны в «Русском Архиве» 1867, № 8 и 9.

¹ На цветах, которые для Катерины Мещерской. на билетиках ее имя.

² Ссоре.

³ Единственный человек, которого ты видишь.

Вот письмо Адлерберга. Постараюсь узнать, если причина, выставленная им, настоящая, или нет ли другой. Спасибо за 12-ое мая. Что хочешь говори, а тут есть обман. или Соколова над тобою, или твой надо мною и ни в каком случае я греха на себя не беру. Пришли *le gros d'orient*¹ *couleur vapeur*² если и тут не хочешь поалтыничать. Я был не очень здоров дни два или три. Ужас что за погода. Все ветер и ветер холодный. Третьего дни шел снег. Впрочем и у вас погода теперь, сказывают, не красная. По газетным известиям Веллингтон назначен составить новое министерство, но по другим новейшим известиям, довольно похожим на правду, король был вынужден возмущением народным призвать вновь прежнее министерство и согласиться на наименование новых пэров. Нынешний пароход придет не прежде пятницы и следовательно мы запоздаем в новостях. Кажется решено, что герцогиня Беррийская не была на взятом пароходе, по крайней мере, как будто не была. Не мудрено, что правительство было и радо отпустить ее без хлопот. Не повторить же сцены Енгиенского. Клементик очень забавен, разгорелся пламенем службы и рвется надеть фрак с официальным воротником и по воротнику ищет себе места. Ему дали для пробы составить записку о деле, и надобно было видеть, как он хлопотал и возился и хорошо делал. В Гродненской губернии во время холеры несколько крестьян из деревни, в которой она свирепствовала, собрались посоветоваться, как бы избавить деревню от заразы. Между прочими способами вспомнили, что по преданиям стариков хорошо зарыть в могилу живую женщину с собакою и кошкою. Как сказано, так и сделано. Отыскали в деревне 80-летнюю солдатку, связали, потащили и похоронили с собакою и кошкою. После операции этой народ стал на коленях молиться богу за упокой души старухи, послали купить вина и совершили тризну. Вот текст для Бальзака, которого пришлю тебе. *Contes bruns par une tête à l'envèrs*³. Скажи Свербееву, что дело вдовы Калайдовича пошло, кажется, хорошо и скоро надеюсь дать ему решительный ответ. Пока прости. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Нессельроде уехал вчера. Слоан здесь и будет в Москву.

¹ Название материи.

² Дымчатого цвета.

³ Темные рассказы головы «навыворот».

Соколов — вероятно, один из московских купцов.

Веллингтон — герцог Артур-Коллей Веллеслей, герцог Веллингтон (1769—1852), главнокомандующий английскими войсками в 1813—1814 гг., победитель Наполеона при Ватерлоо, глава торийского министерства, министр иностранных дел; впоследствии — представитель крайнего консервативного крыла земельной аристократии в составе английского правительства. Во время его правления происходили волнения рабочих и крестьян в городах и провинции.

Енгиенский — принц Луи-Антуан-Генрих Бурбон-Конде (1772—1804), эмигрировал за границу, воевал против Франции. По распоряжению Наполеона захвачен окло Бадена французским отрядом, перешедшим границу, привезен в Париж и расстрелян.

Contes bruns par une tête à l'envers — «Коричневые рассказы головы навыорот» вышли в Париже в 1832 году. Авторы: Бальзак, Филарет Шаель, Карл Рабу.

Вдова Калайдовича — Екатерина Никитична, рожд. Исакова.

Нессельроде — Федор Карлович.

Слоан — сын дворецкого последнего из Стюартов, кардинала Йоркского. Остался сиротой. Англичане по подписке обеспечили ему блестящее воспитание в одной из первых школ Англии и в Оксфордском университете. Был воспитателем у Бутурлиных. Позже Слоан разбогател, разрабатывая богатейшие руды бисмута в Тоскане. О нем см. «Записки графа М. Д. Бутурлина» («Русский Архив», 1897).

И у нас лето: и царство устриц кончилось. Вчера поднялась такая небесная пальба, что на Английской набережной разлились стекла во многих домах и между прочими в доме Лаваль, так что у Лавалья даже подкосились ноги: хорошо, что не разбились, потому что и кости-то его, вероятно, стеклянные. Зато небо теперь совсем другим пахнет и не так глядит. Худо только то, что Казимир Перье умер. Впрочем смерть прекрасная. Бог знает, если жизнь его продолжилась бы, что ожидало бы его: при нынешнем потоке и разливе событий и люди так и поглощаются, но он умер в то самое время, как вся Европа на него глаза уставила. Он сорван с поля битвы в самом пылу ее и какая битва! Не такая где рассуждают штыки и убеждают пушки, а где вся сила в нравственной силе и в умственной единого человека. Конечно, нет сомнения, что рано или поздно сила вещей и при нем взяла бы свое и без него уравновесит все по своему. Но он имя свое запечатлел на своей эпохе. Спасибо ему и за то. Франция сделала и другую потерю, важную для ученого света: умер Кювье ударом паралича. В Англии не народное возмущение вынудило короля обратиться опять к прежнему министерству, а невозможность

составить министерство тори, благоприятное реформе, хотя и с некоторыми изменениями. Один Веллингтон был согласен, но никто из его друзей не хотел войти в министерство его с условием благоприятствовать реформе, от которой король не мог уже совершенно отказаться по обязательствам, принятым на себя перед народом. Все это верно, но еще не официально и следовательно для подробностей должно ожидать пароход, который придет ныне, или завтра. Беррийскую, кажется, выпустили фокус-покусом. Есть разговор телеграфов парижского и марсельского¹, нет тулонского: Le télégraphe de Paris: Quelle est la taille à peu près de l'inconnue? Exigez qu'elle ôte sa coiffe de nuit et son boa, qu'on sache la couleur de ses cheveux, de ses yeux, de sa peau, de ses sourcils. Le télégraphe de Toulon: l'inconnue fait les plus grandes difficultés pour obéir; il est impossible de vaincre sa résistance. Elle menace de tuer avec un petit couteau celui qui l'approchera. Le T. de Paris: C'est très probablement notre royale nièce. Approcher la avec respect et promettez lui que, si elle veut déposer sa coiffe de nuit et confesser qui elle est, on la fera transporter à Holywood avec tous les égards dus à son sexe et à son rang. Le T. de Toulon: la promesse fait effet: l'inconnue vient de laisser apercevoir ses dents, qui ne sont plus de la première blancheur. Elle a la bouche grande et les lèvres épaisses. Elle dit qu'une parole ne suffit pas, et qu'avant de répondre il lui faut des sûretés. Le T. de Paris: Il est de plus en plus probable que c'est la duchesse, dites lui qu'une parole est tout ce qu'on peut lui offrir pour le moment, qu'il y aurait pour elle le plus grand danger à laisser porter la question de son identité devant la justice; que les juges de la révolution sont tous du mouvement, c'est à dire, altérés de sang des Bourbons. Le T. Toulon. L'inconnue parait touchée, elle découvre un peu son front qui n'est pas dépourvu d'assurance, sa physionomie prend de la noblesse, elle ôte sa coiffe de nuit: «dites leur que je suis rousse, que je m'ennuie ici, et que veux aller retrouver mon fils». Le T. de Paris: il n'y a plus d'incertitude, la coiffe de nuit cachait une chevelure rousse: c'est la duchesse de Berry, demandez lui pardon de tant d'importunités, assurez la qu'on ne voulait pas la prendre, et que c'est dans l'intérêt même de sa sûreté qu'on veut l'éloigner du sol français, qu'elle aille réfléchir à Holywood, dans le sein de sa

¹ Описка у Вяземского: нет Марсельского, был Тулонский телеграф.

famille, sur l'impuissance de la faction carliste. Le T. de Toulon: la duchesse est furieuse, elle dit qu'elle ne veut pas de leçons; qu'elle ira où bon lui semblera, et que, provisoirement, on ait à la conduire en Corse, où elle saura bien quel parti prendre. Le T. de Paris: obéissez: conduisez la duchesse en Corse; mettez en prison toute sa suite qui paiera pour elle. La duchesse a donc fait voile pour la Corse, respectueusement remorquée par le Sphinx. Arrivée là ce n'est plus la duchesse de Berry.

¹ *Телеграф Парижский*: — Какого роста приблизительно незнакомка? Требуйте, чтобы она сняла ночной чепчик и свое боа, чтобы узнать цвет ее волос, ее глаз, ее кожи, ее ресниц.

Телеграф Тулона: — Незнакомка решительно не слушается, невозможно преодолеть ее сопротивление. Она угрожает маленьким ножиком убить всякого, кто к ней приблизится.

Пар. тел.: — Весьма вероятно, это наша королевская племянница. Приблизьтесь к ней с почтением и обещайте ей, что если она снимет ночной чепчик и сознается, кто она, ее отвезут в Голливуд со всем уважением к ее полу и сану.

Тул. тел.: — Обещание произвело свое действие. Незнакомка показала свои зубы не первой белизны. У нее большой рот и толстые губы. Она говорит, что данного слова недостаточно, и прежде чем дать ответ, ей нужны гарантии.

Тел. пар.: — Всё более и более вероятно, что это герцогиня; скажите ей, что данное слово это всё, что можно ей предложить в настоящий момент; что ей грозит большая опасность, если вопрос об ее личности станет перед правосудием, что судьи принадлежат к революционному движению и жаждут крови Бурбонов.

Тул. тел.: — Незнакомка, кажется, тронута; она немного приоткрывает лоб, ее лицо выражает благородство, она снимает ночной чепчик: «скажите им, что я рыжая, что я здесь скучаю и что я хочу вернуться к сыну».

Пар. тел.: — Всё совершенно ясно. Ночной чепчик скрывал рыжие волосы. Это — герцогиня Беррийская. Извинитесь перед ней за такое беспокойство; уверьте ее, что ее не желали захватывать и что в интересах ее же безопасности желали удалить ее с французской земли, чтобы она ехала в Голливуд в лоно семейства размышлять о бессилии карлистской партии.

Тул. тел.: — Герцогиня в ярости. Она говорит, что не желает уроков, что она отправится, куда ей заблагорассудится, и пусть сначала отвезут ее на Корсику, где она увидит, что ей предпринять.

Пар. тел.: — Повинуйтесь, отвезите герцогиню в Корсику, посадите в тюрьму всю ее свиту, которая за нее ответит.

Герцогиня села на корабль, отходящий в Корсику, почтительно буксируемый Сфинксом. Когда она прибудет туда, — она не будет более герцогиней Беррийской.

Вот вам и вся сказка. А другая сказка то, что у Пушкина родилась дочь. Мы вчера должны были обедать с ним у Смирновой, но он прислал сказать, что по поводу дочери ему быть нельзя, а третьего дни был он на рауте у Пушкиной, следовательно дело обошлось хорошо, или скоро. Я его еще не видал. Приехал Михаил Вьельгорский. и его я еще не видал. Также Фредро и тоже. Я имел случай спросить, отчего к Федору не дали полного отпуска: особенных или посторонних причин не было, а именно та, которая в письме объяснена. Бенкендорфа здесь нет. Он поехал в ревельскую деревню провожать жену, которая туда поехала года на два. В Москву едут пить воды князь и княгиня Кочубей. Благодарю Машеньку за обещанное воскресное письмо. Одолжила. А лучше всего себя благодарю. Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre¹.

А ты же и воды пьешь. Передаешь ли Свербееву, что поручаю тебе? Пока прости. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Впрочем вы и так говорите: бог с ним. Вчера видал я Орлова на вечере у Кутайсовой. Он сказывал мне, что давно не имеет писем от брата. Попроси у Булгакова или кого другого список московским выборам и пришли мне.

Что делает маленькая команда, Налька и Павлуша? Хоть вы пишите, не учитесь у старших и ведите себя хорошо.

Holywood — королевский замок около Эдинбурга.

Кювье — Cuvier-Georges-Chretien-Leopold-Dagobert (1769—1832), знаменитый французский натуралист.

Дочь Пушкина — Мария Александровна (1832—1919), в замуж. Гартунг.

Фредро — гр. Ян-Максимилиан (1784—1845), служил в армии Наполеона; по восстановлении Польши — адъютант Александра I, гофмаршал польского двора, бригадный генерал, товарищ министра народного просвещения и главный начальник учебных заведений. В 1832 г. — гофмаршал русского двора. Занимался литературою, главным образом переводами. Перевел на польский язык басни Крылова.

Бенкендорф — Елизавета Андреевна (умерла в 1858 г.), рожд. Захаржевская, по первому браку Бибикина.

Князь и княгиня Кочубей — Виктор Павлович и Мария Васильевна. рожд. Васильчикова.

Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre — стих Фридриха II (в послании к брату), с заменою первого слова „Lorsque“ на „Quand“, цитируемый Вольтером в «Послании» (1771 года) имп. Екатерине II (стих 56).

Кутайсова — гр. Прасковья Петровна (умерла в 1870 г.).

Орлов — гр. Алексей Федорович и брат его Михаил Федорович.

Булгаков — Александр Яковлевич.

¹ Когда Август пил, Польша пьянела.

Если ты не виновата, так виноват, а не могу сказать: вперед не буду, потому что боюсь солгать. Только не сердись и не дуйся, а мой свинец тебе может и пригодиться: *cela te donnera de l'aplomb*¹. Хорошо ли сказано? Ты, пожалуй, и за шутку разгневаешься. Поцалуемся и полно. Платьи получены. Одно взято графинею Долли, другое подарено мною имениннице Завадovской. Пришли 18 аршин гродорьинского. В счете твоём Екат. Анд. ничего не понимает и ждет другого. Если в письме твоём перемаранное имя Смирнова, то она уже не едет в Москву, а наняла здесь дачу. Россетик выздоровел. Новостей политических новейших нет. Все по старому. Министерство Грея возвратилось, но о действиях его еще ничего не известно. В Англии тихо. Париж и Франция оплакивают Перье и народная скорбь заключила перемирие между враждующими партиями. На долго ли? Между тем все еще играется *la suite du bal masqué de la duchesse du Berry*². Сам черт не разберет, она ли, не она ли. С будущим парходом ожидают сюда Поццо-ди-Борго. Великая княгиня, сказывают, едет в Москву пить воды. Двор теперь на Елагине. Через неделю переезжает в Петергоф. В тот день, как я писал тебе, что у Лаваль подкосились ноги, у него бедного чуть и жизнь было не подкосилась. Сделалось сильное воспаление в кишках и около 30 часов никакие целительные пособия не действовали.

Теперь он очнулся и все тому радуются и за него, потому что он добрый человек, и особенно же за дочерей его, которые очень к нему привязаны. Карамзины думают ехать на этой неделе, если не задержит их прощальное представление к императрице. Вчера видел я Вьельгорского. Ничего не переменился, выставляет свои голубые глаза прямо на лице и о другом задумывается. Видел я и испанского Четвертинского, который третьяго дни приехал, но не надеется иметь возможность быть в Москве. Будут ли Четвертинские летом в деревне, или остаются в городе? Что Ладомирская? Перецалуй их всех за меня. В среду, т. е. послезавтра, отправляю к тебе книги с княжною Хилковой, второю фрейлиною сердца моего. Ланского я еще не видал. Жуковский будет в Москву не воды пить, а отдохнуть на месяц. Здоровье его очень расстроено. Зачем Демид так зажился в Красном? Не

¹ Это придаст тебе апломбу. (Игра слов).

² Продолжение маскарада герцогини Беррийской.

ждет ли он ответа моего? Да ведь я писал тебе, что ему отвечать следует. На-днях украли у меня из кармана при выходе из театра вторую зрительную трубку, ты знаешь ту, которую подарил мне Никита Волконский. Встретившись в сенях с графиней Канкриною, говорил я ей, что после полученного урока держу свою трубку в руке, и тут же, видно, машинально положил ее в карман: минуты через две спохватился, не тут-то было. Вклепался я в лакея и следовал за ним до Невского проспекта, пристал к нему, как он высаживал дам своих из кареты, но поиск был неудачен. Кучер мой уверен, что трубка должна быть у него в фуражке, а я обыскал только карманы его. Зенеида Волконская очень занемогла на дороге где-то в Германии. Здесь говорят, что уже возобновился прежний припадок сумасшествия, но Никита говорит, что просто нервы очень расстроены. Писала ему о том Власова, а Зенеида приписала строки две. Он едет в середу к ней.

Прости моя душа свинцовая или буковая? Радуюсь за ваше лето и завидую ему. Расцалуй Катеньку. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Что подписка на Козлова? Присылай, что есть. Возвратила ли ты деньги, полученные за билеты лотерейные шали Шимановской? Канальи Машенька и Пашенька стоили мне сто рублей. Разыгрывались здесь бриллиантовые серьги в 10.000 руб. Сто билетов по сто рублей каждый, соблазнился и остался в дураках, а в умниках князь Кочубей. Несправедливость судьбы.

Графиня Долли — Дарья Федоровна Фикельмон.

Четвертинский испанский — Густав-Адольф (1794—1851), первый секретарь посольства в Мадриде, сенатор.

Княжна Хилкова — Любовь Александровна (1811—1859), фрейлина, в замуж. Безобразова. См. о ней Остафьевский Архив, письмо Вяземского к Тургеневу от 4 января 1834 г. и примечание к нему.

Графиня Канкрин — Екатерина Захаровна (1795—1849), рожд. Муравьева.

Власова — Марья-Магдалина Александровна, рожд. княж. Белосельская.

Посылаю тебе, моя милая, с княжною Хилковою шесть книг В. Скотта, l'exilée d'Hollywood и les contes bruns¹. Последних не давай читать детям. Вот письмо к Кривцову,

¹ Изгнанница Голливуда и темные рассказы.

прочти его и перешли, если можно, по okazji, если нет, через почту, но на имя жены и от себя. Спрошу Уварова о рукописи Орлова. Между тем скажи, что по здешним слухам Уваров всплыл на воду и попал в товарищи министра составлением Мémoire против освобождения крестьян, который он поднес государю. Хорошо, если он почерпнул оружие из арсенала Орлова и перековал его на свой лад, от Уварова все станется. Пускай он пришлет ко мне список. Я Канкрину уже говорил, что он занимается политическими сочинениями. При случае мог бы я и показать ему. Не надеюсь, что он убедится чужими мнениями, но по крайней мере, если Уваров станет пользоваться ими, то он может обличить его. Переговорю при случае о том с Алексеем Орловым, а равно скажу ему, чтобы он спросил Канкринина о присланном стекле. Вопрос его также подействует хорошо. Нового ничего нет. О прочем стану писать тебе по почте. Где стоит бригада кн. Федора? Говорят, что государь поедет в Чернигов, Полтаву и Ярославль, в Нижний-Новгород. Хорошо бы ему быть на месте заранее, если государь будет в его стороне. Адлерберг ничего не знал об истории кн. Федора, следовательно не знал и Чернышев, а Бенкендорфа еще нет здесь и спросить мне не у кого. Вчера я встретил в Летнем саду Кашкарову и имел дух пройти с нею несколько сажений à la barbe des athéniens et des athéniennes¹...

Полуектова сей час поскакала верхом с Софиею на острова. Прости, моя душа. Если встретишься с Хилковою, приласкай ее и без перелома ревности. Отношения мои с нею очень невинны. Она будет у Свербеевой. Не знаю, в Остафьеве ли ты будешь, или еще в городе, я не говорил ей, что ты наверно познакомишься с нею. Здесь две скандальные истории: Обресков, бывший Виленский губернатор, оставил жену свою для Бобетинской, сестры Шуваловой, жены Московского сенатора, а молодую Мятлеву поймали в связи с beau-frère Галаховым. Первая история достоверна, о второй говорят. Зенеида не в сумасшествии, а просто больна.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Уваров — Сергей Семенович.

Рукопись Орлова — Михаила Федоровича.

Чернышев — кн. Александр Иванович.

Кашкарова — в «Капище» кн. И. М. Долгорукова: «Кашкарова, провинциальная девушка из Пензенской губ., обладающая редкими талантами».

¹ На глазах всех афинян и афинянок.

Старик Хвостов — Дмитрий Иванович.

Обресков — Дмитрий Михайлович (1790—1864), в 1830—1832 гг. гражданский губернатор в Вильно.

Обрескова — Наталья Васильевна (умерла в 1862 г.), рожд. Шереметева.

Мяглева — Мария (Прасковья) Петровна (1808—?), рожд. Балк-Полева.

Галахов — Александр Павлович (1802—1856), петербургский обер-полицеймейстер, генерал-лейтенант.

Ужь какими перьями заставляешь ты писать меня, не прибежи Господи, к тебе еще ничего, мучь глаза свои, сама виновата; а каково же мне отправлять свою утреннюю относительную корреспонденцию, которая часто бесила княгиню Катеньку. Что делает эта княгиня? Ужь не поссорила ли ты меня с нею? Ни в твоих письмах, ни в ее письмах к Карамзиным нет никогда словечка обо мне. Только и дело, что о Морген-штерне, или *étoile du matin*¹, как Блудов никогда не пропустит случая отпустить эту дешевую игру слов. Предводительство не помешает Ладомирскому надсматривать за делами нашими, если он согласится на это. Напротив предводительство обяжет его более жить на месте и удержит в Москве, ведь он выбран Московским уездом, так ли? Во всяком случае поздравь его! Я очень рад, что выбрали его и прошу его хорошенько заняться своим делом и войти во все обязанности звания своего. Можно сделать много добра, то есть помешать многим злоупотреблениям. Здесь все радуются, что московские выборы оправдали цель свою, или, по крайней мере, приняли лучшее направление. Гудович добрый и честный человек, но признаюсь, не его хотел бы я видеть на этом месте. Куда выбран Дмитрий Давыдов? Хороша ты в увереннии, или в надежде, потому, что с тобою уверенность не кстати, что ты передаешь Свербееву всё, что я поручал тебе сказать ему, и не отвечал ему, а отвечать было должно. Теперь я писал Свербеевой с княжною Хилковою и говорил ей о поручениях моих для мужа, как о деле исполненном тобою. Объяснись же с ним. Меня опять пугают болезнью княгини Зенеиды и уверяют, что она совершенно в расстройстве ума и что принуждены были надеть ей что-то на рот, потому что она опять хотела разорвать себе губу. Никита отправился к ней вчера. Это известие помешало празднику

¹ Утренняя звезда.

сегодняшнему на Крестовском у Сухозанет. Двор на Елагине, и всякий вечер там гуляние вокруг кавалергардской музыки. Порода хороша, но вечера все еще свежи. Шатобриан написал *courtes explications sur les 12.000 francs, offerts par la duchesse de Berry aux indigens attaqués de la contagion* и которые не были приняты префектом по той причине, что *on verrait sous une bienfaisance apparente, une combinaison politique contre laquelle la population parisienne protesterait tout entière par son refus*¹. По-моему хорошо сделали, что не приняли, и последствия доказали, что Беррийская спекулировала на холеру. Во всяком случае недостойно Шатобриана быть шавкою и кидаться с лаем на все и на всех. Одно извинение, если он по поводу этих 12.000 франков надеялся брошюрками своими, — потому, что сказывают — есть еще новейшая, наколотить на свою долю несколько тысяч. Он, говорят, в очень плохих обстоятельствах по денежным делам своим. Между тем, есть и здесь Шатобриановские выходки: *Quand la république, l'empire, la légitimité ont passé, l'amphibie du juste-milieu ne passerait, point? Quoi! ce serait pour arriver à la jouissance de la misère de ce moment que nous aurions traversé et dépassé tant des crimes, des malheurs de talent, de liberté, de gloire! Quoi! l'Europe bouleversée, les trônes croulans les uns sur les autres, les générations précipitées à la fosse, le glaive dans le sein, le monde en travail pendant un demi-siècle, tout cela pour enfanter la quasi-légitimité! Une telle lumière jaillirait d'un pareil chaos! On concevrait une grande république émergeante du cataclysme social; du moins serait-elle habile à hériter des contes de la révolution: liberté politique, liberté et publicité de la pensée, nivellement des rangs, admission à tous les emplois, égalité de tous devant la loi, économie gouvernementale, élection et souveraineté populaire. Mais comment supposer que des sordides médiocrités sauvés du naufrage, puissent employer les principes? à quelles proportions ne les ont-elles pas déjà réduits! Elles les détestent; elles ne soupirent qu'après les lois d'exception; elles voudraient prendre toutes les libertés sous la couronne qu'elles ont forgée comme sous une trappe; puis on niaiserait avec des canaux, des chemins, des tripotages d'art, des arrangemens de lettres; monde*

---

¹ Краткие объяснения на счет 12 000 франков. предложенных герцогиней Беррийской туземцам, тронутым заразой... что под предлогом благотворительности могут увидеть политическую интригу, против которой все население Парижа запротестует.

de machine, de bavardage et de suffisance, surnommé par les fabricans société modèle. Malheur à toute supériorité, à tout homme de génie, ambitieux de préférence, de gloire et de plaisir, de sacrifice et de renommée, aspirant aux triomphes de la tribune, de la lyre ou des armes, qui s'éleverait un jour dans cet univers d'ennui; la quasi-légitimité (то есть Филипповская) a pour appui quelques jeunes gens qui s'y adonnent, quelques vieux bacheliers, des constitutions, qui la poursuivent de leur dévouement; modèles de fortitude, ils meurent épuisés des serments à tous les régimes, après en avoir versé la dernière goutte sur leur dernière place. Ce qui existe en France n'est point une monarchie; c'est une république bâtarde et du plus mauvais aloi; cette république est plastronée d'une royauté qui reçoit les coups et les empêche de porter sur le gouvernement même. Si Louis Philippe était président au lieu d'être roi, et s'il était aussi insulté qu'il l'est, par des causes sans doute indépendantes de lui, la république serait perdue. Mais la royauté actuelle est une royauté postiche, un gabion de terre molle, derrière lequel se tient, à l'abri du boulet, M. Casimir Périer, véritable président de la république; ministre entraîné par un mauvais système, mais néanmoins homme de mérite et de courage, dont les souffrances personnelles et les afflictions domestiques doivent en ce moment désarmer toutes les inimitiés. Votre république déguisée qui ne subsisterait pas trois mois à visage découvert, prolonge son existence sous la marque royale, et trompe la France en s'enveloppant dans le domino de la monarchie. Все это слова д'un factieux, а иногда и д'un révolutionnaire, а вот что очень сбивается на слова заговорщика, или участника в предполагаемой высадке Марсельской: la France depuis sa révolution a souvent changé de conducteurs, et n'a point encore vu une femme au timon de l'Etat; dieu voudra peut être que les rênes de ce peuple indomptable échappées aux mains dévorantes de la Convention, rompues dans les mains triomphantes du Buonaparte, inutilement saisies par Louis XVIII et Charles X, soient renoncés un jour par une princesse qui saurait les rendre à la fois moins fragiles et plus légères¹.

¹ Когда республика, империя, законность исчезли, неужели не исчезнет земноводная посредственность? Как? Это для того, чтобы наслаждаться нищетой этого момента, что мы пережили и испытали столько преступлений, несчастий... Как? взбаламученная Европа; рушащиеся один за другим троны, поколения, сброшенные в ров с мечом в груди, мир в родовых муках в течение полустолетия, все это для того, чтобы породить квази-законность.

Не говорю о смысле, а как хорошо сказано. Сообщил эти выписки Ив. Ив. Дмитриеву. Чтобы наказать Машу, не стану бранить ее сегодня за неимением впрочем и места и времени, а только нежно поцалую, а бранный ответ все-таки придет. Что это за боль в боку? Боюсь, чтобы не запичкали ее Егерскими водами, а более всего боюсь, что вы ее слишком раз-

Такой свет блеснул из подобного хаоса! Можно было бы представить себе великую республику, возникающую из социального катаклизма; она была бы по крайней мере способна наследовать завоевания революции: свободу политическую, свободу и гласность мысли, уравнение сословий, допущение ко всем должностям, равенство всех перед законом, правительственную экономию, право выбора и власть народа. Но как предполагать, что гнусные посредственности, спасшиеся от кораблекрушения, могли бы применить эти принципы. До каких пропорций успели уже они довести их. Эти люди презируют их, они жаждут только законов исключения, они желали бы упрятать все свободы, как западную, в корону, которую они выковали. Затем они станут забавляться каналами, дорогами, пачкотней в искусстве, упорядочением литературы, мир машины, болтовни и самодовольства, называемым фабрикантами образцовым обществом. Горе всякому превосходству, всякому гениальному человеку, жаждущему предпочтения, славы и удовольствия, самопожертвования и известности, стремящемуся к триумфам трибуны, лиры и оружия, который возвысится однажды в этой всеобщей скуке; квази-законность (то есть Филипповская) имеет опору в нескольких молодых людях, которые ей преданы, в нескольких старых бакалаврах, которые преследуют ее своею преданностью; образцы силы, они умирают, истощенные клятвами всякому режиму, пролив последнюю каплю на последнее место. То, что есть во Франции, вовсе не монархия, это незаконнорожденная республика и самого скверного качества; эта республика прикрыта королевскою властью, принимающей на себя удары и препятствующей наносить их самому правительству. Если бы Луи-Филипп был президентом, а не королем, и если б он был оскорбляем, как это имеет место, по причинам, без сомнения от него не зависящим, республика погибла бы. Но пышная королевская власть только накладка, габион из рыхлой земли, за которым, вне обстрела, скрывается г. Казимир Перье, действительный президент республики; министр, увлеченный скверною системой, но тем не менее человек достойный и смелый, чьи личные страдания и домашние огорчения должны в этот момент обезоружить всех врагов. Ваша замаскированная республика, которая с открытым лицом не продержалась бы и трех месяцев, тянет свое существование под королевскою маркой и обманывает Францию, закуты-ваясь в плащ монархии.

Франция со времени революции часто меняла вождей и еще не видела ни одной женщины у кормила государства. Может быть, богу угодно будет, чтобы узда над этим непокорным народом, ускользнувшая из пожирающих рук Конвента, порвавшаяся в победных руках Бонапарта, без пользы захваченная Людовиком XVIII и Карлом X, в один прекрасный день будет схвачена принцессой, которая сумеет сделать ее одновременно и менее хрупкой и более легкой.

возите. Не забывайте, что она такая жидкая, по формации ей 15 лет. В деревню, в деревню. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Моргенштерн — Карл Симон (1770—1852), профессор красноречия, древней классической филологии, эстетики и истории художеств в Дерптском университете, нумизмат.

Гудович — гр. Андрей Иванович (умер в 1859 г.), губернский предводитель дворянства в Москве, позже — обер-егермейстер, почетный опекун Московского Опекунского совета.

Егерские воды — в Москве на Остоженке было устроено заведение искусственных вод, где можно было пить всевозможные европейские воды и которыми пользовались не только московские жители, но и много приезжих. Егерские воды были холодные и отпускались больным на дом.

Сухозанет — Екатерина Александровна (умерла в 1861 г.), рожд. кнж. Белосельская, была сводной сестрой Зинаиды Александровны Волконской.

82

30-го мая.

Здравствуй, моя милая. Вчера получил твое деловое письмо от 24-го. Пока не сообщишь мне мнение Трубецкого, ничего не скажу. Увидим что будет. Я и сам подозреваю Квасникова в шарлатанстве. Если что и делает, то больше обещает, нежели делает. Карамзины вчера уехали. Бедная Софья была очень грустна. Полуектов приехал, я его еще не видал. Приехал Поццо-ди-Борго и его я еще не встречал. Приезд его вероятно взволнует здешнюю атмосферу. Не надеюсь где-нибудь наслушаться его. Теперь нет приемных домов. Он, без сомнения, будет празднован министерскими обедами, на коих меня не будет, или вечера станет проводить у пучеглазой племянницы. куда не езжу. Впрочем, нового и замечательного ничего нет. Я целое утро был сегодня занят и не успел писать. Теперь пора отправлять письмо. Я за Машу должен был заплатить 90 рублей за какие-то шляпы, о коих не сказала она мне ни слова. А ты говоришь, что я проматываю ваши деньги. За кого идет замуж Елена Ивановна? Скажи ей, что я справлюсь о формулярном списке отца ее. Дай знать М. И. Корсаковой, что Дегай должен был ей писать по делу ее и что следовательно мне пока отвечать ей нечего. Да, скажи же непременно. Спрошу у Пушкина, на кого походит дочь его? У нас опять холод и дачи мокры как лягушечницы. Я отправил к тебе с Pingo книгу le lognon.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Что Машенькин бок? А все-таки бранное письмо мое к ней впереди.

Трубецкой — Николай Иванович.

Софья — Софья Николаевна Карамзина.

Полуктов — Борис Владимирович.

Пучеглазая племянница — Мария Дмитриевна Нессельроде, рожд. гр. Гурьева.

Елена Ивановна — жившая раньше у Вяземских гувернантка.

Дегай — Павел Иванович (1792—1869), директор департамента Министерства юстиции, юрист-писатель.

Спрошу у Пушкина на кого походит дочь его — очевидно, этот вопрос Верою Федоровною Вяземскою был сделан, так как Пушкин в приписке к письму Вяземского от 4 июля 1832 г. писал:

«A propos d'abnégation: imaginez-vous que ma femme a eu la maladresse d'accoucher d'une petite litographie de ma personne. J'en suis au desespoir malgré toute ma fatuité».

Pingo — Антон Венедиктович Пенго, помощник цензора драматических сочинений при Комитете и типографии собственной его величества канцелярии.

Хороша ты, хотела прислать мне перьев с приятелем Бартенева и ничего не прислала, хотя он перед отъездом и заходил к тебе. Бартнев написал мне характеристику детей наших: «херувимчик сынок: indolent¹, но не глупый, видно, что нравственное и сбереженное дитя, но не более; его менее замечал я, он все учится».

«Маленькая дочка, что-то мне чудна, не откроется ли в ней контр-альто, как у Анеты Лилиенфельд, или девицы Крюднер, которых я некогда знал в Лифляндии».

Не даром Надья толковала в Мещерском все о каких-то Лилиенфельдах, Блуменбеках.

Фаворитка Бартенева, кажется, Пашенька. А каково они лилиенфельдничают. то есть поют? Скажи Бартневу, что буду отвечать ему скоро, а письмо его получил только сейчас. Слава богу, отъезд Жуковского пошел на лад. Император и императрица присылали к нему Арндта и Рауха, чтобы определить болезнь его, и они решили, что воды одни и зима за границей могут поправить здоровье его. Жуковскому ехать очень не хочется, во-первых, больно ему расстаться с занятиями своими и вероятно от болезни овладели им какое-то равнодушие к самому себе, какая-то апатия. «Скучно, говорил он мне вчера, таскаться по белому свету за здоровьем своим». Дай бог, чтобы эта поездка была ему в пользу. Вот и 1-ое

¹ Ленивый.

июня, а холод, что по вечерам ездил хоть в шубе. Сегодня часу во втором утра возвращались мы с дачи Смирновой, и Тургенев, не довольствуясь своим шотландским плащом, подлез как-то под мой и прятал под него чувствительное брюхо свое. Надобно было видеть, как возился он. А лучше всего, как он в театре и маневрирует, чтобы видеть за спиною сидящую в большой царской ложе Дубенскую, потому, что непременно должно и тут не отстать ему от меня. София Бобринская хотела послать ему канфарного спирта, чтобы оттереть шею. Он и здесь начинает молодиться: сначала хотел сохранить приличную важность и не развешивался, но, глядя на меня, не мог утерпеть и расправил крылья свои под влиянием Завадовской, Дубенской и так далее. Забавно, что многие почитают его вредным и злонамеренным человеком. Виделась ли ты с Хилковою? А я Поццо еще не встречал. Он, сказывают, очень постарел и обрюзг. Нового в политическом мире нет ничего. В Петербургском также. Сегодня двор переезжает с Елагина в Петергоф. К половине месяца ожидают сюда принца Карла Прусского, а с ним и праздников, то есть дворцовых, а не городских и не для нашей братии. Сегодня еду в первый раз в русский спектакль, хвалят какого-то Воротникова, русского буфа. Есть новая французская актриса *Mlle le Blanc, pour les jeunes premières de vaudevilles*¹.

Ничего о ней сказать нельзя, ни добра, ни худа. Я думаю qu'elle gagne à être vue², не принимай этого двусмысленно, а просто в смысле художественном. Радует меня один Vernet, а прочее, кроме *Mlle Bourbier*, все очень посредственно. О Зенеиде Волконской последние известия утешительнее. Она требовала священника: ездили куда-то довольно далеко за греческим, он исповедывал ее, приобщил святых таин. Это ее очень успокоило, она после того заснула и проснулась гораздо в лучшем положении. Между тем, сказывают, что она перекусила себе губы и язык в нескольких местах. Лавалю здесь тоже лучше.

Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Надеюсь, что это письмо застанет вас уже в Остафьеве.

*Dieux, que ne suis-je à l'ombre des forêts*³.

¹ М-ль Ле-Блан на роли премьерши в водевилях.

² Что она выигрывает, когда на нее смотрят.

³ О боже, зачем я не сижу в тени лесов.

Мне так хотелось бы в эту зеленую душистую тень, которой здесь нигде не найдешь. Здесь все красивые декорации, цветущие гостиные, но деревни нет.

Цалую княгиню Катеньку. Сказывал ли я тебе, что Полуктов приехал, точь в точь, как был, застал я его в каком-то белом балахоне, из коего еще более чернел его глиняный состав. Они не знают еще, что будут делать, здесь ли остаются, или уедут в Москву.

Rauх — фон, Георгий-Адольф (1789—1864), доктор медицины и хирург.

Принц Карл Прусский — (1801—1883), впоследствии генерал-фельдмаршал. Приехал Вильгельм Прусский, брат Александры Федоровны.

Воротников — Александр Васильевич, актер времен Александра I и Николая I; «Воротников был уморителен, когда играл деревенских дурачков, и создал роли филаток», — пишет Вигель в своих «Воспоминаниях» (т. II, 319).

Vernet — Булгаков характеризовал его так: «издавна фаворит публики, но впадающий в утрированное гаерство».

Bourbier — французская артистка. Вигель в «Воспоминаниях» (т. II, стр. 319) о ней пишет: «Мадам Виржини Бурбье, красивая собою, так же создана была играть Селимен и Эльмир».

Уваров сказал мне, что государь приказал представить Академии на рассмотрение сочинение Орлова. Уваров поручил рассмотрение сие Шторху. Я извещил о том и Алексея Орлова. Между тем постараюсь пронюхать и в Академии, что будет. Передай все это Орлову.

Не сказывай никому, что отъезд Жуковского подготовлен нами и в особенности графиней Вьельгорскою. Жуковский не знает о том ничего и полагает, что мысль отправить его к водам родилась прямо в уме или в сердце царевом. Впрочем и за то спасибо, что они мысль эту усыновили и облекли в действительность. А главное дело спасти Жуковского, то есть по крайней мере употребить человеческие спасительные меры. Остается надеяться, что все это придумано и задумано в добрый час. Дай бог здоровье Жуковскому и дай бог здоровье Вьельгорской. Она тот час написала о том письмо к государю, представила ему, что Жуковский для него, то есть для сына его человек незаменимый. На другой день дело было решено и улажено. Сама Вьельгорская отправилась вчера на пароходе, а осенью думает возвратиться. Жуковский поедет также на пироскафе недели через две и вероятно прозимует в Италии или южной Германии.

Скажи Бартеневу-квакеру, что я, встретившись с Языковым, директором департамента по министерству просвещения, спрашивал его, отчего Бартенев еще не назначен директором гимназии. Он отвечал мне, что пока гимназии еще нет, дом не куплен, а потому и директор не назначается; других же препятствий по словам его нет. Между тем мне сказывали, что и к. Сергей Михайлович говорил министру о Бартеневе. А Бартеневу буду отвечать, когда узнаю, что обстоятельнее и вернее. Мне сказывали, что он не получил Адольфа. Вели спросить у Салаева, разве не посылал он несколько экземпляров в Кострому. Прошу передать все это Костромскому квакеру вместе с моим нижайшим почтением.

Вот тень Наполеона, белая, между деревьями, которую можешь подарить Мещерскому. Нового ничего нет. Я почти никого не вижу, кроме Жуковского, Тургенева и Вьельгорского и Смирновой, у которой съезжаемся сегодня вечером. Теперь, что Карамзиных нет, я как нарочно много дома сижу. Как-то и скучно, да не очень здоровится. Желудок что-то расстроен. Погода холодная, так что не иначе выезжаю и выхожу даже и днем, как в теплой шинели. По утрам довольно дела. Коммерческая газета лежит на руках моих. За отъездом издателя ее я предложил себя. Работа скучная и мелочная. Сотрудники плохие, так что почти живой строки не оставишь, а материя такая сухая и такая тарабарская грамота, что мочи нет. Всего досаднее, что за этою почти механическою работою почти нет времени заботиться о исправлении газеты, о преобразовании ее в более занимательные формы. Пушкин просил позволения издавать газету и позволение последовало с некоторыми ограничениями. Ему может это доставить доход порядочный, если подорвет он Северную Пчелу, которая приносит издателю тысяч 80 р., если не более. Получила ли ты не так давно письмо от меня для Розанова? Вот и другое. Бартенев одобряет мою мысль поручить управление Красносельского имения Метелкину. Узнай от Бартенева на каких условиях и попроси его быть пока посредником. А я уже напишу Метелкину, когда буду знать наверное. что он согласен и что требования его мне удобны.

Экая каналья эта Машенька, как она счастлива. Каждый раз, что соберусь бранить ее, что-нибудь да помешает. Сегодня записался к Дмитриеву, а уже десятый час, надобно еще далеко ехать к Оболенскому отвезти письмо, а там на острова к Смирновой. До другого раза, Маша, а теперь пока опять

поцалуй. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Что Мещерские? У вас ли в Остафьеве? Ах, вы благополучные! У меня в глазах зеленеет, как подумаю о вашей аллее и рощах. Скажи Окуловым, что Зенеиде лучше. Что Варвара Алексеевна? Да, вели спросить альбом мой у Окулова, а в Остафьевском кабинете в большом столе у меня найди в ящиках мои рукописные книги с стихами моими, с письмами Екатерины и другими статьями, переписанными к. Василием, и все другие переплетенные рукописи и все пришли по первой оказии. Если ключей не найдешь ни в кабинете, ни у Демида, ни у себя, вели при себе взломать замки и опять запереть, а бумаг других ничего не вынимать. Простите, друзья.

Прошу хорошенько завернуть картинку и отправить с письмом к Дмитриеву.

Шторх — Андрей Карлович (1766—1835), ординарный академик политической экономии и статистики, с 1830 г. — вице-президент Академии Наук.

Графиня — Вьельгорская Луиза Карловна (1791—1853), рожд. принцесса Бирен.

Сын его — Александр II (1818—1881).

Языков — Дмитрий Иванович (1773—1845), писатель и ученый. С 1825 г. — директор департамента по министерству народного просвещения. Член общества любителей словесных наук и художеств. Член Академии Наук; с 1835 г. непререваемый секретарь Академии Наук. Известен историческими трудами, переводами «Нестора» Шлецера.

К. Сергей Михайлович — Голицын (1774—1859), почетный опекун Московского Опекунского совета, муж «Princesse Nocturne». С 29 апреля 1830 г. был попечителем Московского учебного округа.

Министр [народного просвещения] — Сергей Семенович Уваров.

«Адольф» — роман Бенжамена Констана в переводе П. А. Вяземского.

Мещерский — кн. Петр Иванович.

Коммерческая газета — была основана Е. Ф. Канкриным, издавалась в 1825—1860 гг. при департаменте внешней торговли. выходила 2—4 раза в неделю. См. выписку из письма Вяземского к Бартеневу о Коммерческой газете. Остафьевский Архив, III, стр. 620.

Пушкин просил позволения издавать газету — см. статью Н. К. Пиксанова: «Несостоявшаяся газета Пушкина» — *Дневник* (1831—1832). («Пушкин и его современники», вып. V, 1907).

Розанов — Николай Иванович, член московского отделения Мануфактурного совета.

Оболенский — м. б. Сергей Петрович.

Окуловы — соседи Вяземских по их подмосковному имению Остафьево.

Варвара Алексеевна. — Окулова.

Зенеида — кн. Зинаида Александровна Волконская.

Окулов — Матвей Алексеевич.

К. Василий — Василий Федорович Гагарин.

Дмитриев — Иван Иванович. По поводу получения от Вяземского «тени Наполеона», Дмитриев 21 июля 1832 г. писал ему: «От всего сердца благодарю Вас, милостивый государь князь Петр Андреевич, за долгожданное но не меньше приятное ваше письмо и за гостинец. Он будет эпизодом моей Наполеониады, то есть, коллекции его портретов в разных периодах его жизни». («Старина и Новизна», кн. II. Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому.) К письму Вяземского к И. И. Дмитриеву от 3 июня 1832 г. (напечатано в «Русском Архиве», 1868, I) Бартевым сделано следующее примечание: «Не говорится ли здесь о картинке, которая представляла вид св. Елены с тайным или по крайней мере неприметным на первый взгляд изображением Наполеона».

85

4-го июня.

Здравствуй, моя милая. Ты, кажется, уже и через край пользуешься обещанием не писать мне несколько дней. И так давно не имею от тебя письма. И зачем в таких случаях не заставляешь писать дочерей? Мы вчера разговаривали с Вьельгорским и Алексеем Бобринским о недостатках у нас женского воспитания, заключающихся особенно в том, что девиц наших не готовят быть домовыми хозяйками, семьянками. Запиши это на памяти своей. Это нужнее исторических уроков г-жи Погонкиной, которые не рассчитываешь, как курс на водах, и заботишься, чтобы дочери наши выпили определенное число исторических стаканов. Приучай их более держаться исполнения обязанностей своих, привыкать к порядку. В Маше нет никакого чувства порядка и хозяйственности. Поручай им домашние счета, начни тем, что поручи Маше держать столовый расход. О том, что не могу я добиться, чтобы писала она мне раз в неделю, как я того требовал, я уже и говорить не хочу, потому что говорить больно. Это ни на что не похоже. Какое же есть воспитание, когда такие священные обязанности в небрежении и забвении? а ты подбиваешь меня уроками Погонкиной. Все это пустяки. Если не дать нравственного основания, не приготовить к учению хорошим устройством привычек, нравов, склонностей, не дать одним словом прочной и чистой внутренней организации, то всякие прикладные средства будут бесполезны. Нельзя дело делать за делом, если остальное время дело идет беспутно. Нужно сначала уравновесить согласие, а то выдет работа Пенелопы. Одно истребит другое. Не надобно слишком полагаться на добрые природные расположения. Конечно, благодаря бога, мы в этом отношении должны быть довольны за дочерей своих, но надобно еще сделать из них дельных женщин. Неведение обязанностей есть также безнравственность. Воспитание, которое не печется о полном образовании ума,

души, привычек, правил, как в высшем, в среднем, так и в низшем круге житейских повинностей есть безнравственное воспитание. Дочери наши не будут иметь блистательного воспитания потому, что не посчастливилось нам приискать к ним хороших людей, положим, что ты в этом и не виновата, но что у них нет порядка в бумагах, в книгах их, в мыслях, в привычках, в исполнении обязанностей, в этом виновата ты одна и одна будешь отвечать перед собою и перед ними. Я послал тебе вчера с к. Серг. Оболенским две тени Наполеона, одну для тебя или к. Мещерского Петра, а другую для Димитриева. Нового ничего нет, кроме того что июнь не июнь, а октябрь. Я теперь сижу с холодными ногами и пишу холодной рукою, хотя и не с холодным чувством, как ты видишь, однакоже надеюсь и с хладнокровием. Так ли? Обедаю сегодня у Жуковского на диетном обеде. Я все еще с желудком справиться не могу, хотя уже и выпил склянку микстуры за здоровье Спасского, приятеля Катеньки: авось вторую выкушаю за свое. То ли дело побранить? Вот сейчас письмо от тебя. Письмо к Лазареву сейчас доставлю. Поздравляю вас на Остафьевском новоселии. Дай бог, в добрый час. Завидно мне. Желая тебе успеха в negotiations твоей. Только что-то грешно прививать девушку к сумасшествию. Каково, если он не получит пользы, а она сойдет с ума? Это как-то глава из Бальзака. Нет, по мне решительно не должно делать того.

Таким образом можно бы допустить, что позволено вредом одного помогать другому. Но кто решит здесь, кто тот, который должен быть в виду; для нас, разумеется, Батюшков, но в общем смысле или счете и девушка тоже единица. Как ни говори, а это безнравственность и не позволительная. Не мешайся, если ты уже не начала переговоров. Одна любовь может оправдать такую жертву. но вовлечь в нее за деньги есть просто преступление.

Прости. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Сейчас вошел ко мне Пущкин.

Автограф Пушкина, напечатанный В. И. Саитовым. (Сочинения Пушкина, т. II, Переписка. стр. 384):

Сейчас от Хитровой:

Elle est on ne peut plus touchée de l'état de Батюшков (est) elle s'offre de venir elle même tenter le dernier remède, avec une abnégation vraiment admirable — a propos d'abnégation: imaginez vous que ma femme a eu la maladresse d'accoucher d'une petite litographie de ma personne. J'en suis au desespoir malgré toute ma fatuité.¹

¹ Она как нельзя более тронута состоянием Батюшкова — она предлагает самой приехать, чтобы испытать последнее средство с самоотрече-

Пенелопа — жена Одиссея, героя поэмы Гомера «Одиссея».

Желаю тебе успеха в переговорах твоей — Как последнее средство для облегчения Батюшкова от долго томящего его душевного недуга, московскими докторами было рекомендовано поручить уход за ним женщине. Вера Федоровна Вяземская, уже давно принимавшая близкое участие в судьбе Батюшкова и постоянно навещавшая его, видимо, хлопотала о подыскании такой женщины.

Частично это письмо Вяземского было напечатано П. Н. Шеффером в «Старине и Новизне», кн. XII, стр. 330.

Лазарев был у меня сейчас и сказывал мне, что отвечал тебе. По предложению князя Арапетова он уступил уже коляску свою, но не знаю кому, если братьям его, то он просит их, чтобы они тебе ее отдали. А я думаю, не просто ли для кн. Федора просил ее Четвертинский через Арапетова. Во всяком случае можешь узнать обо всем через Четвертинского, который хорошо знаком с Арапетовым. Я вчера ездил в обн им усь в Парголово и с кем бы ты думала? — с Сольданшами. Je n'espaisaille¹. И очень доволен своею прогулкою. Я в первый раз в Парголове и нашел в нем что-то деревенское, русский дух, русские лица, русские песни, русскую свайку. Несколько раз мысленно переносился в Остафьево и не один, имея в глазах при себе Сольданшу, Репнина, Тургенева, Феодосия Сидоровича. Погода была также довольно благоприятная, то есть никто не отморозил себе ни носа, ни ушей. Теперь у меня печь топится и не из прихоти, а по необходимости, пальцы костенеют. Что у вас? Я получил вчера письмо твое от 1-го и письмо Катеньки, которое холодно по погоде. Что с нею сделалось? Завтра или послезавтра буду браниться с нею. Перья Заводской давно притупились. Я, как Павел I, сегодня дам стихами Андреевскую ленту, а завтра в отставку. А Лубенская чинить перья не умеет, да к тому же и чинится со мною, да к тому же она в Петергофе. Шутки в сторону, пришли перьев, хоть с дилижансом, или просто поручи Александру Булгакову. Нового ничего нет, и всё обстоит благополучно: un calme plat et froid² наружно и внутренно. Жуковский едет сегодня в Петергоф на несколько дней, а 16-го возвратится и отсюда уже

нием действительно восхитительным. По поводу самоотречения. Вообразите, моя жена имела неловкость разрешиться маленькой литографией моей персоны. Я в отчаянии, несмотря на все мое фатовство.

¹ Я связываюсь со сволочью.

² Ровное и холодное спокойствие.

отправится за море. Он очень был нехорош все эти дни. Что же Маша не присылает ему обещанной работы? Вот и это не хорошо и входит в число моих прежних упреков. Какое-то мыслящее и сердечное нерадение, которое должно со временем обратиться в пустоту. Не имею еще вести о приезде Карамзиных в Ревель. Прощай, моя милая. Пора изменить тебе для Коммерческой Газеты и ехать в департамент. Не знаю, как провожу нынешний день. У меня одна постоянная поездка: это вечером к чайному столу и к камину Смирнихи, а иногда от нее за полночь посещение к сожительнице моей, благодетельной Элизе, у которой дочь Екатерина больна.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Катенька со мною так холодна, что боюсь обнять ее и обнимаю одну княжну Софью.

Скажи Елене Ивановне, что я подал записку о доставлении мне формуляра отца ее, но еще не имею ответа; как скоро получу, доставлю. Я на-днях был у Шипиловых. Он директор одной из здешних гимназий: бедные — жена совершенная старушка и вероятно более от горя, нежели от лег. У них в Турецкую кампанию или уже в Польскую, не помню, погиб сын, который много обещал. Несмотря на жалость мою не мог я внутренно не улыбаться иным из французских фраз ее, более по памяти, нежели по настоящему чувству. Она мне, говоря, что Гнедич *passera bientôt*, напоминала живо *le chien qui venait aussi de terminer sa carrière*¹. Я тут нашел маленького Соколова, которого мы знали немым почти в Москве и который теперь совершенно речист. Что Батюшков и лекарство его?

Арапетов — вероятно, Иван Иванович (умер в 1846 г.), майор, позже тульский предводитель дворянства; женатый на Елизавете Иоакимовне Лазаревой.

Парголово — дачная местность под Петербургом.

Феодосий Сидорович — Толмачев.

Я, как Павел I, сегодня дам стихами Андреевскую ленту. — См. стихотворение Вяземского, посвященное Е. М. Завадовской (Поли. собр. соч., т. IV).

Элиза — Елизавета Михайловна Хитрово, рожд. Голенищева-Кутузова.

Екатерина — Екатерина Федоровна Тизенгаузен, фрейлина.

Катенька — Екатерина Николаевна Мещерская, рожд. Карамзина.

Княжна Софья — Софья Ивановна Мещерская.

¹ Что Гнедич скоро умрет, ... собаку, которая только что тоже кончила свою жизнь.

Шишилов — Павел Алексеевич (умер после 1847), в 1824—1829 гг. — директор училищ Вологодской губ.; в 1829—1837 гг. — директор Высшего училища и училищ Петербургской губ.; в 1840—1847 гг. — директор Гатчинского сиротского института.

Шишилова — Елизавета Николаевна (1784—1853), рожд. Батюшкова.

Шишилов сын — Алексей Павлович, племянник Батюшкова.

Гнедиц — Николай Иванович (1784—1833) поэт, переводчик Гомера, член Российской Академии, член-корреспондент Академии Наук, библиотекарь Императорской Публичной библиотеки.

Следовательно вы зябнете, дайте же руку! Зябнут и Карамзины в Ревеле, от которых сейчас получаю письма от 3-го. Екат. Анд. очень недовольна своим новоселием и к тому же сидит с флюсом. Ты от Хилковой верно уже получила остальные книги, которые я позволил ей держать у себя, пока она их не дочитает. Разведай в университетском пансионе, что за человек М-г Hébler, который давал там уроки французского языка и литературы в 1825 г. и после. С того времени он был во Франции и возвратился сюда с намерением вступить в гувернерскую должность, рекомендован он мне этим М-г Versin, о котором ты писала мне. Отчего Павлуша давно не пишет ко мне? А что делает девица Лилиенфельдт? Здесь есть семейство Аверкиевых (Маша их знает), в котором я нахожу наше. Старшая напоминает Машу, а меньшая девицу Лилиенфельдт. Только по совести сказать лучше ее. Вижу их у известной Сультанши. Сказывают, что Беррийская пробралась в Вандею. Там большие смуты и три округа ont été déclarés par le gouvernement en état de siège¹. Так скорее будет конец, потому что армия предана новому порядку, по крайней мере ненавидит прежний. Я вчера обедал у Тимирязевых: дело уже приближается или опускается к развязке. Однакоже мы ездили с нею по островам. Тимирязев образцовый муж, и если тут нет супружеского счастья, то не ищи его на земле. Отправлены ли мои два письма в Любичи? Где же Ладомирский выбран предводителем? Ты вероятно изволила соврать. Кстати, Полуектов, кажется, стал краснеть, когда лжет: по медному лицу его выступает багрянец, как на самоваре, когда он слишком перекипит. Она все ждала его чтобы на что-нибудь решиться, дождалась и ничего не решено. Кажется, решено, что

¹ Объявлены правительством на осадном положении.

он остается в службе. Сейчас были у меня Густав Фе и Левицкий, который, воля Ваша, очень порядочно лепечет. По последним известиям Зенеиде лучше. Скажи это соседкам. За что же княгиня Катенька на меня дуется? Ревновать не за что. Вижу одну Смирниху, которая со мною совсем *en déshabillé et pas en déshabillé galant*¹, а просто à la Матвей Егорович. В самом деле она почти для меня не женщина, женщина только мужем своим, которого несносность выношу я ради ее. Она со мною обходится так уж неотносительно...

А я такой *bon enfant*² сделался, что и не сержусь за это. Прочие мои отношения все отнесло. За что же она дуется? Ревновать не за что. Пожалуйста помири нас. Я люблю ее как душу *sous les traits d'une jolie femme et qui plus et mieux est très agaçante*³. Вот вам анекдот: Красинский говорил, что какая-то брюхатая женщина имела привычку глотать червонцы, иные выпускала из себя, другие оставались. Наконец умирает она, раскрывают тело ее *et qu'y trouve t'on* спросили его. *Oh, répondit-il, on lui trouva un petit capital de trois à quatre cents ducats*⁴.

Простите, милые друзья. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Бог с вами и со мною. А Маша за портками Шиллинга опять ушла от брани. Что бок ее? Скажи Четвертинской, что Борис здоров, а писать ей буду завтра. Теперь все утра мои за Коммерческой Газетой, которая для меня совершенно азартная, потому что пишу ее наудачу, направо и налево, как кинется.

Девушка Лилиенфельдт — Надежда Петровна Вяземская.

Аверкиевы — Александр Егорович (1790—1858), сенатор, и Анна Александровна (1792—1886), рожд. Есипова.

Известная Султанша — Адель Омер-де-Гелль, рожд. Терю (умерла после 1860).

Вандея — департамент во Франции, отличавшийся крайним консерватизмом.

Любичи — т. е. Николаю Ивановичу Кривцову, владельцу имения Любичи.

¹ Совсем запросто и при этом без галантности.

² Примерное дитя.

³ Под чертами хорошенькой женщины, но что еще лучше — очень привлекающей.

⁴ И что же нашли там... Ах, ответил он, нашли небольшой капитал в 300 или 400 дукатов.

Ладомирский — был выбран московским уездным предводителем дворянства.

Фе Густав — Фей, англичанин, нотариус в Москве. Вяземский мог его знать, так как он участвовал в спектаклях, которые устраивались З. А. Волконской, и вместе с Елизаветою Алексеевной Окуловой-Дьяковой в благотворительных концертах в Москве.

Мужем своим — *Смирнов* Николай Михайлович (1809—1870), состоял при Азиатском департаменте; позже — гражданский губернатор в Калуге и в Петербурге, сенатор.

Красиньский — Вицент Корвин-Красиньский (Викентий Иванович) (1783—1858), в 1818 г. — маршал сейма; был в числе врагов своего народа, генерал-адъютант, член Государственного совета, по определению Вяземского «фанфарон», «пустой и пьяный человек».

Шиллинг — бар. Павел Львович Шиллинг-фон-Канштадт (1785—1837), изобретатель электромагнитного телеграфа и изолированных кабелей; изобрел усовершенствованный способ литографического печатанья (для образца налитографировал «Опасного Соседа» В. Л. Пушкина) — директор первой в России литографии при Министерстве иностранных дел; востоковед; член-корреспондент Академии Наук; числился в свите по квартирмейстерской части.

Борис — Борис Борисович Святополк-Четвертинский.

Вчера получил я понятие о Московском пожаре 12-го года. В Московской части на Болотной улице загорелся дом часу во втором до обеда и от него выгорело несколько улиц. Пожар остановился с одной стороны каналами, и с другой—площадями. Ветер был ужасный и перекидывал пламень за несколько домов от горевшего дома. Зрелище ужасное, точно море огня и вой моря, когда оно бушует. Не знаю еще, сколько домов сгорело, но верно более ста и между ними много каменных и больших. В этом квартале все дома купеческие и ремесленные, амбары с лесом, сеном, хлебом. Больно было видеть эти площади и берега каналов усеянные кочующим народом, который вынес имущества свои. Вероятно погибло в пламени и несколько людей. При таком пожаре и сильном ветре, разумеется, полиции было несвободно действовать, но и действовала она очень худо и без всякого порядка, так что ни минуту не могла она овладеть пожаром, а только следовала ему и всегда опаздывая, ибо при сильном огне нельзя было спастись дома уже загоревшегося и со всех сторон окружен-

ного пылающими домами, но должно было смотря по направлению ветра остановиться на каком-нибудь месте и отстоять его так, чтобы пожар не шел далее. Главной распорядительной мысли не было. К тому же у полиции мало и материальных способов: всего в городе, сказывают, 26 труб, мало топоров, ломов, парусов, которые кидают на дома и обливают. Жалость было смотреть что за бестолковщина и слабость. Я был там от двух часов до семи и гулял между реками пламени, жар был так силен, что лицо палило, вихри ветра, дыма и пыли, пар так и бежит по раскаленной мостовой. Точно в бане торговой. Весь город тут толпою. Кто жертвы, кто зрители, много однакоже и действующих лиц волонтеров, которые распоряжались и помогали сколько могли, между прочим Борис Четвертинский, толстяк Волконский и другие. Кругом поля брани или поля пламени в домах уцелевших на балконах, у окон люди с образами, выставляющие их, как охранительную и передовую стражу. Государь приезжал на пожар из Петергофа часов в шесть, но я не видал его. Мы все ходили с Блудовым, которого никто не признавал за министра внутренних дел и не хотел слушаться, пока не выговаривал он титула своего. Часу во втором ночи ездили мы от Смирнихи с Вьельгорским на пожарище: многие дома еще были в пламени, то есть догорали. Надобно увидеть на плане городском, что выгорело, а так не сообразишь за величиною пространства.

Довольно ли тебе ужаса? Нет, дам еще. В Париже 5-го и 6-го была ужасная резня, но правительство одержало верх. Во время погребения генерала Ламарка было союзное движение республиканцев и карлистов для ниспровержения существующего правительства. Карлисты были под прикрытием республиканцев, то есть действовали под их цветами, знаменами, но войско и большая часть национальной гвардии были за короля. Партия двух тысяч мятежников заперлась в какую-то церковь; ей дали 10 минут времени, чтобы сдать: маршал Сульт держал часы в руках, по истечении данного срока, видя, что не сдаются, приказал палить картечью, и весь этот народ перебит. Вообще, говорят, побито много людей, более 5.000. Беспорядок продолжался более двух суток: 7-го вечером все было тихо. Много из известных людей арестовано, другие высланы из Франции и между прочими, сказывают, Лафайет, а другие Лафит. Политехническая школа, которая действовала и в этом народном возмущении против правительства, уничтожена, артиллерия национальной гвардии худо действо-

вала в смысле правительства, а может быть и против, также кассирована. Король, сказывают, оказывал много мужества и самоотвержения. Вообще правительство действовало с большою энергиею и, может быть, утвердится этим бедственным событием. Главное дело в силе, которою оно воспользуется победою своею: ее надобно уметь будет присвоить себе. Но какая безнравственность со стороны карлистов, которые пошли в собственники к головорезам, чтобы только заварить кровавую кашу наудачу, что они расхлебают ее после. Кажется, и Беррийской не вырваться из Вандеи: ее там осетят и схватят. Но что после из нее сделать? Впрочем теперь правительство довольно усилилось последнею победою, чтобы поступить в этом случае великодушно и независимо, то есть отпустить сумасбродную домой. При прежней слабости Филипп не посмел бы освободить ее и, может быть, вынужден был бы принести жертву страстям народным. Уф, устал физически и морально. Прости. Можешь переслать мое письмо Дмитриеву, а с него попроси в замену, чтобы дал он тебе французские газеты, когда они придут, для узнания подробностей.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Толстяк Волконский — Григорий Петрович.

Генерал Ламарк — Максимилиан (1770—1832), усмирял Вандею, при восстановлении Бурбонов был в Голландии, с 1818 г. — во Франции, до 1828 г. — не у дел. В 1828 г. — депутат. Умер от холеры.

Маршал Сульт — Nicolas-Jean de Dilleu, герцог Далматский (1769—1851), пэр Франции; участник всех войн революции во Франции и походов Наполеона. В 1814 г. присоединился к Людовику XVIII, в 1815 г. опять перешел на сторону Наполеона, был приговорен к изгнанию из Франции, в 1820 г. возвращен; при Карле X — ярый приверженец правительства; в июльскую революцию примкнул к Луи-Филиппу, получил пост военного министра; в 1832 г. — президент Совета министров; в 1834 г. — в отставке; в 1838 г. — представитель Франции на коронации королевы Виктории; в 1839 г. — министр иностранных дел и председатель Совета. В 1845 г. получил титул генерального маршала. Оставил мемуары, часть которых опубликована в 1854 году.

Лафайет — Marie-Jean-Paul-Roch-Yves-Gilbert de-Motier, marquis de Lafayette (1757—1834), известный французский генерал и политический деятель.

Лафит — Jacques Laffite (1767—1844), банкир, финансист и государственный деятель.

Политехническая школа в Париже — основана в 1794 г. В 1832 г. — была закрыта и по новом открытии реформирована.

Артиллерия национальной гвардии за то, что она не принимала участия в усмирении республиканцев, была распущена впредь до преобразования ее.

Король — Людовик-Филипп.

Пробеги, если хочешь, эту книжку, которая впрочем не по тебе и отошли ее к Киреевскому для прочтения и отправления после к Барятинскому. Нового после последних новостей ничего нет. А вы разлакомились там на голоде. Хорошенького по-немножко. погодите, а там бог даст еще каких-нибудь ужасов и я поделюсь с вами. Видно, что ты бессовестная пакостница, если имеешь дух писать мне *que tu comptes sur plus de zèle et d'exactitude de la part de Rossetti que de la mienne*¹. Тебе это говорить? *Moi, je manque d'exactitude dans mes relations avec toi*². И ты могла это сказать? Право, плюнуть тебе в рожу, да отойти прочь. Только и остается делать. Дом еще за Карамзиной и около двух месяцев у нас впереди. Впрочем надо знать наверное и то, не возвратятся ли Карамзины. Прежде возвращения Бибикова, признаюсь, не хотелось бы мне закинуть якорь глубже. Если он на своем месте не останется, вероятно и я не останусь на моем, то есть не захочу остаться; буде не встретятся какие-нибудь благоприятные обстоятельства. Вы можете переехать еще в конце сентября и в октябре. Тут беды нет. Кое-какие мебели Карамзиных остаются здесь, с Катенькиными на первый случай будет довольно. Твоих перевозить, кажется незачем, да и во всяком случае перевозить их не прежде зимы. Между тем, по приезде Демида и по заключении новых контрактов сочти, что предвидится годового дохода на расход за уплатою процентов. По этому можно будет знать, как и где нам жить, на какой улице дом нанять и прочее. Здесь по кварталам большая разница в ценах домов. Нельзя ли продать наш дом? Все это пережуй, перевари да и скажи мне, что думаешь? Отчего записка Орлова кажется тебе *sotte*, то есть неумна так, потому что она *autographe*, но нет ничего неприличного, ни к лицу его, ни к моему. А вот тебе другая записка — Веневитинов, который везет

¹ Что ты более рассчитываешь на усердие и точность со стороны Россети, чем на мою.

² Я неаккуратен в отношениях с тобою.

это письмо, хотел заехать к вам в Остафьево. Скажи Окуловым, что пересылаю письмо их. Более сказать нечего секретного, а официальные глупости и нежности супружеские отправятся завтра по почте. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Княгиню Катеньку цалую.

Веневитинов — вероятно, Алексей Владимирович (1806—1872), брат поэта и друг Хомякова. Служил в Московском архиве Министерства иностранных дел и с 1829 г. состоял чиновником особых поручений в канцелярии министра внутренних дел. Позже — сенатор.

90

11-го июня.

Сейчас еду в Петергоф с Вьельгорским. Я — посмотреть на Жуковского, а Смирниха прибавляет: и увидеть Дубенскую. Нового ничего нет. Почта принесла только то, что было уже принесено пароходом. Вчера послал я тебе книгу с Веневитиновым. Ожидаю известий о том, что скажет Трубецкой, я и ему рад в Остафьево, а еще более был бы рад, если бы заманила ты его Деффена осмотреть фабрику. Пожар согрел воздух здесь и порядочно тепло. Прощай пока; и сказать нечего, да и некогда. За то нежно цалую тебя, если это не красноречиво, то по крайней мере, красноустно. Обнимаю и благословляю вас всех от души и Катеньку тут же. Бог с вами и Катенька тут же. и со мною, и Толмачев тут же, который сидит у меня с подвязанною щекой и чинит мне перья. Он очень расстроился в здравии и жалок. Я передал ему меркуриалу брата его. Простите милые.

Трубецкой — Николай Иванович.

Деффен — управляющий Н. И. Трубецкого.

91

13-го июня.

Я возвратился сегодня около трех часов утра с Вьельгорским из Петергофа. Третьего дня я провел с ними, а вчера ездил за несколько верст обедать к Багреевой, потому что Жук. и Вьельг. были целый день у двора в катаниях и веселиях. Вот как даются вести. Я писал к тебе или Карамзиным, по здешним слухам, что за немецкою холерою царские дети уже не едут в Добран, а между тем в тот самый день они отправились, и государь провожает их до Ревеля на пароходе. Мы их еще

застали и видели проводы и прощания. Вообрази, что я слышал в Петергофе от Жуковского, Киля и других, слышавших оное от государя. Паскевич доносит из Варшавы, что прусский консул Шмидт похитил 400.000 злотых прусской казны, находившейся в Варшаве, и скрылся. Я уверен, что как-нибудь не так и не то. Шмидт, который убежит с 400.000 злотыми, был бы слишком похож на того солдата, который на вопрос: что сделал бы, если был бы царем, отвечал: украл бы пять рублей и убежал. Откроется под этим что-нибудь другое, ибо в самом приключении сомневаться невозможно после донесения Паскевича и слов государя. Любопытен я узнать разгадку. Сейчас был у меня Апраксин Петр, с сыном. Дочь его идет замуж за Соломирского, второго галлиста и лафатериста и в самом деле имеющего любопытные познания по этой части. Он, кажется, очень хороший малой. Нового пока ничего нет. Сказывают, что польским изгнанникам запрещен от франц. правительства вход во Францию, куда большая часть из них отправилась, не имея дозволения поселиться в Германии. Видно много поляков принимали участие в Парижском возмущении. Уминьский генерал взят под стражу в Париже. Прости, пора в департамент, два дни прогулял, надобно приняться за работу. Обнимаю и благословляю вас от души и Катеньку тут же. Бог с вами и со мною. Наконец у нас лето. А у вас? Багреева живет на даче Кирилла Нарышк. за Петергофом. Прекрасное местоположение и совершенно сельское, которое переносило мысли мои под тень Остафьевскую, с прибавлением моря. Что Машенькин бок и пьет ли она какие-нибудь воды?

Добран — Добран — местечко в Мекленбург-Шверине с морскими купаньями.

Апраксин — гр. Петр Иванович (1784—1852), гражданский тверской губернатор; в 1831 г., с переименованием в генерал-майоры, переведен в корпус жандармов состоять по особым поручениям при Бенкендорфе.

Апраксин — Николай Петрович (1815—1902).

Дочь — Мария Петровна Апраксина (1815—1859), в замуж. Соломирская. Лермонтов посвятил ей стихотворение «Над бездной адскою блуждая».

Соломирский — Владимир Дмитриевич.

Галль — Франсуа-Жозеф (1758—1828), врач и физиолог. Опубликовал два труда: «Анатомия и физиология системы нервов вообще и мозга в частности» и «О функциях мозга с наблюдениями о возможности узнавать инстинкты, наклонности, таланты и пр. людей и животных».

Лафатер — Иоганн-Каспар (1741—1801), родился в Цюрихе. Автор

«Физиономики», пытался создать науку о характере человека по очертаниям головы и лица.

Уминьский — генерал Ян Непомуцен (1780—1851), служил во французской армии, участвовал в войнах Наполеона и в походе на Москву. Под Лейпцигом был ранен.

Нарышкин — Кирилл Александрович (1786—1838), гофмаршал, обер-гофмейстер, член Государственного совета.

92

1-го июня.

Фовацкий едет в Крым и обещается быть у тебя в Остафьеве. Посылаю с ним 2 тома *mémoires de M-me Genlis* и 4 тома *mem. d'une femme de qualité*¹, в продолжение прежних томов, которые у нас, то-есть у тебя, потому что, к сожалению, Остафьево уже не у нас, а у вас. На этот раз сказать более нечего. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Memoires de M-me Genlis — Stephanie-Félicité Ducrest du Saint Aubin, marquise de Sillery, comtesse de Genlis (1746—1830), воспитательница детей герцога Орлеанского, автор нравоучительных сочинений для детей и юношества, а также книг по вопросам педагогики. Ею написана работа: «*Mémoires inédits sur le XVIII siècle et sur la Révolution française, depuis 1756 jusqu'à nos jours*». Это сочинение вызвало скандал, т. к. по мнению современников автор в нем подражает тем монахиням, которые исповедывают грехи всех, кроме своих. О Жанлис см. статью Вяземского в его сочинениях, т. I, стр. 206.

93

17-го июня.

Мне начинает быть очень грустно от отъезда Жуковского и Тургенева. Завтра провожаем их до Кронштадта. Бог знает, увидимся ли опять с тем и другим? Je suis trop vieux pour le nouveau monde². В самом деле я здесь верно не заключу ни одной новой связи, разумеется, мужской. Я Жуковского часто по неделе не видал и вообще мы редко и мало видались, а только встречались при людях, но все же был угол и человек, куда мог я принести сердце свое, мысли, когда они меня слишком жали. Тургенев тоже какая-то необходимость в жизни, теперь останусь круглым сиротою. За Вьельгорским не поспеешь, как я ни прыток. Его таскают всюду, кто как доброго малого, кто как приятного человека, кто как въезжего в Аничковский дворец, в Петергоф. Но однако же все для меня он большая

¹ Знатной дамы.

² Я слишком стар для нового света

gessourse. Вот едет и Алексей Бобринский, и с ним мне было свободнее, чем со многими. Нечего делать, терпи козак, а атаман не будешь. Вот просится в атаманы Катенькин кузенчик Елим Мещерский. Он приехал сюда под прикрытием брошюрки, из которой так и несет племянничеством Чернышева. Всего хуже, что брошюрка очень глупа. Бранить ее очень нельзя. Car c'est une profession de foi monarchique, imperialiste, légitimiste¹, но утешаю себя тем, что говорю везде: c'est un ouvrage très bien senti, mais fort mal pensé et fort mal écrit². Что впрочем и правда. В чувствах много ребячества, а еще более холопского патриотизма, но что за нелепости вообще в выражении чувства — это неизменно, и какое Чернышевское самохвальство. Это собрание lettres d'un Russe adressées à MM. les Rédacteurs de la Revue Européenne³, писанные в то время, как везде бранили нас за поляков. Понимаю, что досадно молодому человеку читать подобную брань в чужих краях, но как не чувствовать, что соваться на кулачный бой с французскими кулачниками нелегко и надобно иметь кулак здоровый, а он тузит l'esprit révolutionnaire⁴ баснями Крылова и еще в переводе мусье Маскле, что жил в Москве. Si l'on remarque⁵, говорит он в предисловии в письмах своих, que parfois j'y verse pêle-mêle le bon mot et la sentence, la joyeuse saillie et la grave réflexion, le trivial et le sublime; que tantôt je m'enlève vers le Ciel et que tantôt je sautille sur la terre, je répondrai avec Buffon: «le styl c'est l'homme!» Est ce ma faute, si Dieu m'a fait comme cela⁶. Александр Кассельский в свое блаженное время лучше не говорил о себе.

Sentant les hauteurs morales où nous nous trouvons placés (с. а. d. les Russes) nous souhaitons à l'Europe civilisée de s'élever jusqu'à nous et ne nous abaisserons jamais jusqu'à elle. — Les dernières récoltes en Europe ont été fort mauvaises

¹ Потому что это монархическое, империалистическое, легитимистское исповедание веры.

² Это труд хорошо прочувствованный, но очень плохо продуманный и очень дурно написанный.

³ Письма русского, адресованные господам редакторам «Revue Européenne».

⁴ Революционный дух.

⁵ Если заметят.

⁶ Что я иногда смешиваю острое словцо с сентенцией, веселую насмешку с серьезным размышлением, обыденное с возвышенным, что я то поднимаюсь к небу, то ниспадаю на землю, я отвечу с Бюффоном: стиль — это человек. Разве это моя ошибка, что бог создал меня подобным образом.

en ce que les fruits ont été piqués par des insectes vénimeux, qu'on appelle libéraux, et qu'ils donnent à ceux qui en tâtent une espèce de choléra morbus du cerveau qu'on nomme le libéralisme¹... Тут точка, после чего говорит он: mon hilarité m'a emporté si loin² и проч. Экая дурища. И это верно значитя у него в итоге de ses bons mots et joyeuses saillies³.

О политических мнениях его говорить нечего. Трубецкой Николай будет верно иметь эту брошюрку. Достаньте ее. Между тем многие хвалят Мещерского и говорят, что он лучше брошюрки. Дай бог ему. Но признаюсь, не вижу в мнении его истины, то есть откровенности, а это одно спасение нелепых мнений. Скажи Елене Ивановне, что о формуляре ее посланы куда следует справки, но ответа ждать скоро нельзя. Бобринский хотел быть у тебя. Простите, друзья. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною et j'en ai grand besoin⁴. Нового совершенно нет ничего, кроме усов, принятых всею армиею нашею, начиная с государя. Каков будет с усами к. Дмит. Владим.? Впрочем ему нельзя носить их при жизни матери: ведь он еще не отделен, а заживо не наследуют.

Мещерский — Елим Петрович (1808—1844), поэт, камергер, племянник А. И. Чернышева по матери. См. письмо П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву от 19 июля 1832 г. Отношение Вяземского к «Письмам русского» видно из Дневника Н. А. Муханова («Русский Архив», 1897 г.), который писал: «Вяземский m'a paru échauffé et furieux de la brochure de Мещерский». См. также мнение Вяземского о письмах Мещерского в «Русском Архиве», 1868, стр. 621—622.

Маскле — Ипполит Иванович, савойец, переводчик басен Крылова, сотрудник французского журнала — Bulletin du Nord, почетный член Общества любителей Российской Словесности, русский консул в Ницце.

Александр Кассельский — Александр Иванович Чернышев, прославившийся взятием города Касселя в 1813 г. и очень любивший хвастать и рассказывать о своем подвиге (см. прим. П. Н. Шеффера в Остафьевском Архиве, т. V, вып. I).

¹ Сознывая нравственную высоту, на какой мы (т. е. русские) находимся, мы желаем цивилизованной Европе подняться до нас, а мы никогда до нее не спустимся. Последние урожаи в Европе были очень плохи, потому что плоды изъедены ядовитыми насекомыми, называемыми либералами, и потому они причиняют тем, которые их пробуют, мозговую холеру, называемую либерализмом.

² Моя веселость завела меня так далеко.

³ Острых слов и веселых выходов.

⁴ И я в нем очень нуждаюсь.

Совершил я свой морской поход, и в самом деле путь возвратный был поход довольно трудный. Я расстался с Жуковским в три часа утра. Пароход их поднялся с якоря и колеса зашумели. Грустно было и завидно. В три часа пошел я повалиться на чиновнической кровати на таможенной брандвахте (я думал о тебе несколько раз, обозревал, нет ли клопов, вшей и прочих чиновнических принадлежностей) и ждать девяти часов утра, чтобы отправиться на пароходе, идущем в Петербург. С самого утра полил осенний холодный дождь. Между тем в море привязался к нам такой сильный и противный ветер, качка сделалась такая сильная, тошнота такая меня схватила. что я выбежал из каюты и все время, то есть слишком три часа сидел на палубе под непрерывным дождем. Весь промок и продрог, но делать было нечего. Тошнота всего хуже, а тут я как-то уселся на выгодном местоположении и тошнота утихла. Зато я уже и не шевелился, чтобы не расшевелить сердца моего. Все обошлось хорошо, возвратившись домой, натер я ноги русским вином, напился чаю, лег поспать и встал как востропанный. В 8 часов вечера был опять под дождем. Ездил на Елагин во французский спектакль, оттуда к Смирнихе, видел Дубенскую, приехал домой в два часа, сегодня встал в 7 $\frac{1}{2}$, отправил несколько частных бумаг и теперь в 10 часов, поставив свой чайник на самовар, пишу к тебе, моя княгиня, несколько строк и нежно цалую. Вот как поживают и действуют государственные люди и придворные волокиты, и Смирниха, и Дубенская. и ты, и служба, по всем по четырем, коренной не тронь (то есть тебя) и катая валяй. Барин даст на водку, полно даст ли? Бедного Жуковского и Тургенева закачало, я думаю, вчера. Там дальше в море и подавно. Впрочем им хорошо: народа немного и каюта довольно уютная. Нового здесь ничего не нашел. Завтра двор возвращается в Петергоф, а сюда будет к сооружению колонны Александру I-му, не знают когда, но вероятно скоро. О Шмидте все идут разные слухи, а достоверного нет ничего, кто говорит, что он себя убил, кто просто дал тягу. Бедная *M-me Jullien* плачется: кровные или лучше сказать потовые денежки ее, последние и единственные 15.000 злотых были у него в руках, как в вернейших. Скажи Окуловым, что их письмо к Власовой или Власьевне отдано мною Григорию Волконскому. Простите пока, любезнейшие, пора чай пить, там одеваться, там в департамент или департаменты. потому что сегодня и Коммерческий Совет. Я все это рассказываю тебе с тем, чтобы ты при случае передала это

священнику, который скажет: скажите пожалуйста, да распустит это по Подольску, а слава-то так и делается. Кстати о славе и Подольском, спроси Окуловых, что делает красавица, как бишь ее, Улазовская, что ли?

Обнимаю и благословляю вас, моих милых. Бог с вами и со мною. Что княгиня Катенька, у вас ли еще?

M-me Jullien — артистка Варшавского театра.

Подольск — город в Московской губ., недалеко от имени Вяземских «Остафьево».

Улазовская [в Подольске] — возможно, жена заседателя земского суда в Подольске Николая Кирилловича Улазовского.

Я думаю, что ты с ума спятила. Неужели ты не чувствовала, что я плевал на тебя шутя, а совсем не из глубины сердца и не с харкотою неудовольствия. Прошу вперед лучше разгадывать. Плевков плевку рознь. Или твое сиятельное лицо такая святыня, что уже никак и плюнуть на нее нельзя. А уж как небо на нас плюет, харкает, мочится, господи прости мое прегрешение. право вынести нельзя. Только и есть отрада, что финляндская Аврора, которая утешает нас в отсутствии солнца. В самом деле очень хороша и особенно же заря вечерняя. Утром она как-то бледна, тускла, а к вечеру, как разыграется, то удивительная яркость и румянность. В Париже Chateaubriand, Heyde de Neuville et le duc de Fitz-James были арестованы. Мне досаден и гадок этот крикун Шатобриан, который с тем, чтобы быть дядькою Генриха V и Франции, рад зажечь весь мир. Не он ли оппозициею, брошюрами своими наравне с другими в прежнее царствование окидал презрением короля, и порядок, и министерство, и всю систему правительства, и следовательно содействовал революции. Да не так сделалась она, как ему хотелось, то есть не с тем ниспровергла трон, взбудоражила Францию и всю Европу, чтобы Шатобриану быть дядькою, и потому он опять раздувает междоусобную войну, и кладет на кровавую карту судьбу отечества своего и всего поколения, ах, он, старый сумасброд! Право, я с удовольствием высек бы дядьку, а потом уже и недоросля, да и маменьку тут же, которая, говорят, была в Париже переодета en groom¹. Верно, каналья, думает, что у нее ляжки хороши, и натянула на себя лосиные панталоны. Я

¹ Грумом.

писал к Маше и к Карамзиным, следовательно на твою часть сегодня будет немного. Я забыл сказать тебе, что наследник приезжал к пароходу в Петербурге прощаться с Жуковским и плакал, прощаясь. Народа было много, и это имело очень хорошее впечатление, особенно же на иностранцев. Спасибо наследнику за эти слезы, они пригодятся детям нашим.

Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Бог с вами и со мною. Не присылать ли тебе Коммерческой Газеты, или княгине Катеньке?

Финляндская Аврора — Аврора Карловна (1813—1902) Карамзина, рожд. Шернваль (дочь Выборгского губернатора), в первом браке Демидова. Ей посвящен романс-мазурка «Нам сияет Аврора, в солнце нужды нам нет», слова Вяземского, музыка Вьельгорского.

Heude de Neuville — Jean Guillaume (1776—1857), приверженец старшей линии Бурбонов, посол в Соединенных Штатах и в Португалии, член палаты депутатов, в 1828 г. — морской министр. После революции 1830 г. защищал интересы Генриха V; в 1832 г. после ареста удалился в частную жизнь.

Fitz-James — Эдуард (1776—1838), герцог, эмигрировал, воевал против Франции, возвратился во Францию во время консульства. В 1814 г. изменил Наполеону, при реставрации получил звание пэра Франции. Ультрароялист, принес присягу Филиппу, будучи приверженцем герцогини Беррийской. После ареста, за недостатком улик, освобожден. 1834—1837 гг. — депутат от Тулузы. Известна его речь против Тьера и союза с Англией.

Наследник — будущий царь Александр II.

Сообщи к. Серг. Ив., что пишу о фабрике. Напиши сейчас Елисавет. Алекс. Давыдовой, что пишу ей сегодня и адресую письмо в Клин.

Захлопоталась ты, моя милая. Спасибо, и все хорошо придумано. Только я не очень понимаю, в чем дело или за чем дело стало? Разве уже dokonчена поставка? Всего было назначено тысячу половинок. Если нет тысячи выставленной, то Рыбников отказаться не может, даром, что время подоспело распустить фабрику для полевых работ. Контракт заключен на тысячу половинок, а не на положенный срок, сколько срабатывается.

Другое — в чем спор с Рыбниковым: совсем ли не хочет он снимать фабрику, или не хочет давать прежнюю цену. В первом случае делать нечего, во втором надобно узнать положи-

тельно, какие теперь стоят цены на подобную работу, и согласиться с ними. Баловать или уступать их капризам незачем, если только они не хотят давать цену настоящую, которая всеми и везде дается. Лучше повременить и потерять несколько совершенным бездействием, нежели работать круглый год за бесценок. Между тем, продолжай поступать, как начала. Если будешь в Москве, напиши записочку к Самойлову, нашему чиновнику, и попроси его к себе и потолкуй с ним об этом деле. Он знает настоящие цены и всех фабрикантов. На всякий случай можешь попросить к. Сергея Ив. Гагарина написать к нему и попросить сведений и советов по этому предмету. А что делать с Квасниковым? Если фабрика в самом деле приведена была в лучшее положение, если есть приращение в доходах и более порядка в издержках и всяких расходах, то, несмотря на промах его, на самохвальство и все прочее, должно оставить его еще до поры и до времени, пока все не будет устроено, преобразовано, и надлежащий порядок учрежден. Только иметь всегда на виду, что на слово ему верить нельзя и на обещания его надеяться не должно. Оставить фабрику под домашним присмотром и думать нечего: взять со стороны нового человека, попадешь, может быть, еще и хуже. Этот, кажется, честен и дело знает. Есть остафьевский крестьянин, который управляет где-то на купеческой фабрике. В случае необходимости не взяться ли за него? разумеется, давая ему то же жалованье, которое получает он на своем месте, а не то усердие его не будет очень благонадежно, если взять его против воли, да убавить содержание. Нечего полагаться на правила их *de la légitimité*¹, что они вернее будут служить законному барину.

Ты с кн. Серг. Ив. цалуйся как хочешь, а все-таки не спускай ему остальные 2500 рублей. Не теперь, так после. Если положено возратить эти деньги, то, разумеется, сполна. На этот раз у них денег нет в кассе; будут позже. Даром, что я человек казенный, хотя и не совсем даром, а казне дарить незачем. Что ты разовралась, матушка, говоря: потому что *Aimée loue toujours et achette. Je ne loue et n'achette rien*² оных не имеется, да и к тому же, разве не писал я тебе несколько раз по этому поводу. Пока Карамзины не решатся: быть ли или не быть Дерпту, знать нельзя, за ними ли или за нами останутся их покои. Сейчас получаю от Екат. Анд. письмо, в котором сказано: *J'attends ici des professeurs de Dorpat*

¹ Легитимизм.

² *Aimée* всегда хвалит и покупает. Я не хвалю и ничего не покупаю.

(а ты, ведь, верно всё говоришь еще Dorbat) et même le Recteur Parrot: cette entrevue m'intéressera beaucoup et m'apprendra au juste ce que je devrai faire¹.

Между тем они все, как и мы, как и вы, как и все, мерзнут. Николенька болел глазами. Тибо рвет, М-me Gibert ломает, у Кат. Анд. ревматизм.

Письмо от 20-го.

Все мои разведывания о Борисе пока в пользу его. Между тем я просил и Апраксина, яко дядю и яко жандарма, поразведать с своей стороны. Ответа еще не имею. Дядя Четвертинский не верит этим слухам и нарочно заезжал к Борису в разное время и враспloch и всегда находил его дома. Может быть, он играл во время похода. Впрочем вот письмо его, которое передай княгине без князя. Полуектова по письму княгини прямо спросила его, правда ли, что он играет, и он клялся ей, что нет. Между тем я продолжать стану мои розыски и, если что узнаю, не скрою от матери. Уверь ее в том и прочти ей, что пишу. Жаль, что Борис не любит общества, то есть высшего, если не хорошего, не любит принуждения и держится этой офицерской жизни, в которой, конечно, мало прока и которая должна обленить и запылить человека. Сколько ни старался я расшевелить его, вывезти, но никогда не успевал. Разумеется и служба занимает у него много времени и охоты нет ходить на другую светскую службу, которая тягостнее первой, когда нет собственного позыва на нее, но все видно было в нем особенное отвращение. Тут делать нечего. Ни заставить, ни убедить нельзя. Одно время, один случай могут его переделать. Увещаниями только надоешь и раздражишь.

Здесь нового ничего не имеется. Во Франции продолжают аррестации и суды. Говорят, что Беррийская сгорела в каком-то Вандейском замке. По крайней мере, нашли на пожарище сгоревшую женщину и какие-то драгоценные камни на ней, или что-то подобное. Но, вероятно, это вздор. В Лондоне какой-то матрос хватил с улицы в окошко камнем в короля и попал ему в голову, ушиб больно, но не опасно. Вероятно безумец, а другие говорят, что он, то есть, матрос, за дурное поведение был выключен из службы и хотел отомстить. В Петергофе сегодня четверть праздника, в 1-ое число будет пол-праздника, а полного не будет нынешний год. Имею честь

¹ Я ожидаю здесь дерптских профессоров и даже ректора Паррота; это свидание очень меня интересует и научит точно, что я должна делать.

поздравить с наступающими именинами моими и Павлушиными. Спасибо за обещанный подарок, а княжны их сиятельства все по старому. Никогда поспеть не могут и в самом деле, что успеешь в год сделать. Я видел вчера Тимирязеву, она родила благополучно и все идет на порядках, но я лицом ее недоволен. Ожидают сюда Кривцова. Лице Полуектовой совершенно очистилось и помолодело. Катенька не поверит тому. Поздравляю и ее с приезжим и с именинником. А ты не могла не подтибрить денег моих у Корсакова за подписку 160 р. ассигнациями, так и закусила. Да если не боишься бога, то побойся подавиться когда-нибудь крадеными у меня деньгами. Готовьте тележки: Репнин едет к вам. Пришлю к вам и иностранцев. Может быть, едет и Пушкин через Москву в Нижегородскую деревню унимать своих лафайетов и шатобрианов. Солнце было показалось, но вот опять хватил дождь. Осень самородная. Впрочем я рад, потому что проиграл Авроре на китайском биллиарде или намерен проиграть стихи, где по поводу Авроры собираюсь говорить *de la pluie et du beau temps*¹. Простите, мои солнцы. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною.

К. Сергей Иванович — Гагарин (1777—1862), президент московской Дворцовой конторы и почетный опекун Московского Опекунского совета, позже — член Государственного совета, сенатор.

Давыдова — Елизавета Алексеевна (умерла в 1860 г.), рожд. Шаховская.

Клин — город Московской губ.

Самойлов (наш чиновник) — Леонтий Маркович (1796—1853), помощник контролера 4-го счетного отделения в Департаменте внешней торговли, позже — председатель Московского Мануфактурного совета, член Ученого комитета Министерства финансов, попечитель московских рисовальных школ.

Ты с кн. Серг. Из. цалуйся как хочешь, а все-таки не спускай ему остальные 2500 руб. — видимо, дело идет о возвращении денег, которые были взяты за картины Витберга. См. письмо от 2-го мая.

Parrot — Георг-Фридрих (1767—1852), ректор Дерптского университета, ординарный профессор физики, академик, был в дружеских отношениях с Александром I в первые годы его царствования.

Николенька — Николай Николаевич Карамзин.

M-me Gibert — гувернантка Карамзиных.

Апраксин — Петр Иванович.

Дядя Четвертинский — кн. Густав Антонович Святополк-Четвертинский.

Княгиня — Надежда Федоровна Святополк-Четвертинская, рожд. кнж. Гагарина.

¹ банальности.

Князь — Борис Антонович Святополк-Четвертинский.

Говорят, что Беррийская сгорела в каком-то Вандейском замке — нечто подобное случилось позже, а именно 6 ноября. Герцогня Беррийская скрывалась в Нанте на улице Шато, в доме г-жи Дюгиньи. Когда дом был занят войсками, она спряталась в потайное помещение, которое находилось за камином, чугунная доска которого открывалась с помощью рессоры. Полиция не могла ее найти, и случайно жандарм, поставленный на страже, зажег огонь в камине, чтобы согреться. Жара в тайнике сделала невыносимой, платье на герцогине Беррийской загорелось, и ей пришлось выйти из своего убежища.

De la pluie et de beau temps — Вяземским были написаны слова:

«Нам сияет Аврора,

В солнце нужды нам нет».

а Вьельгорским музыка, с посвящением этого «романса-мазурки» Авроре Карловне Шерваль.

Имею честь поздравить с завтрашними именинниками. Поселитесь за меня, а я буду сиротеть. Один Вьельгорский, с которым весело было бы мне осушить заздравный бокал, да и тот едет на службу в Петергоф. Не знаю, затащу ли Пушкина куда-нибудь. У него жена все нездорова, нарывы на груди. А здесь все огорчены скоропостижною смертью Елены Чертковой, два часа после счастливых родов. Умерла она в Царском Селе. Муж, рассказывают, в ужасном положении, был даже в бешенстве и дрался, но ему кровь пустили и он несколько покойнее. Потеря эта безвозвратная для отца и для братьев. Ее все очень любили, оставляет она, кажется, пятеро детей. По иным слухам она истекла кровью, по другим ей сделался удар нервический. Впрочем вся возможная помощь была ей подана. Сегодня показалось солнце и кажется лето. Пора. Надеюсь, что и у вас также и у наших ревельских. Мне грустно за тебя, что Катенька уедет. Впрочем ты уже не успела ли разладить с нею? Ведь ты на это мастерица. Где будет она зимою? Я видел кузена ее. Il est mieux à être vu qu'à être lu¹. Очень благовиден собою и княжна София занялась бы им, глядя на переплет.

Лазарев во фраке и отставлен полковником, по просьбе отставлен, но все должно быть ему больно, что не генералом, тем более, что собирался в чужие края и уже звенело в ушах его, как будут там говорить le général russe Lasareff². Я его еще не видал после кончины. Надобно поехать отдать траур-

¹ Он лучше, когда на него смотрят, чем когда его читают.

² Русский генерал Лазарев.

ный визит. Здесь Александр Булгаков, кажется за наследством Рушковского, которое впрочем, вероятно, ему и достанется. Вот ты не умеешь выхлопотать мне такое место. А куда бы хорошо. Кушников получил 1-го Владимира и вообще все опекунские награждены. Отчего заплатили вы две тысячи в Опекунский совет? Разве время роздыха уже прошло? А что фабрика? А что Метелкин? Я напишу ему, когда узнаю, что дело сбыточное и что он согласен.

Нового ничего нет. Все слухи: говорят, что Беррийская удрала в Голландию. От Жуковского еще нет вести. Пока прости, моя милая. Сажусь чай пить, там одеваться, там и департамент, там roug changer¹ к Пушкиным, то есть московским, обедать, но сегодня уже не для Авроры, а для венгерского, которое он обещал нам с Вьельгорским. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

А ты и замолкла о деньгах. Давай-ка, нужно. Павлуша, что подарить мне тебе?

Елена Черткова — Елена Григорьевна (1800—1832), рожд. бар. Строганова.

Муж — Чертков Иван Дмитриевич (1796—1865), шталмейстер.

Кузен Катеньки — кн. Елим Петрович Мещерский.

Здесь Александр Булгаков, кажется, за наследством Рушковского — Александр Яковлевич Булгаков, благодаря хлопотам своего брата, петербургского почтдиректора, уже получил место покойного московского почтдиректора Рушковского, что ими держалось в тайне, и приехал в Петербург, чтобы представиться царю и напрактиковаться у брата в исполнении служебных обязанностей.

Пушкины... московские — Мусины-Пушкины — Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798—1854) и Эмилия Карловна (1810—1846), рожд. Шерваль.

Сердечное спасибо за милый подарок, которым я очень доволен и был бы еще довольнее, если Маша не таращила бы на меня глаза свои. У нее бывает, впрочем, иногда этот удивленный и, если смею сказать, несколько глуповатый взгляд, но всё глаза слишком круглы, а остальное, кажется, очень похоже. Я не совсем по твоим приказаниям поступил, то есть не дал дядьке устроить сюрприз. Его телодвижения, ужимки и перхота слишком действуют на мои нервы, чтобы мне доверить ему свои наслаждения, а к тому же помня, что Маша говорила о руках его, я предчувствием угадал, чтобы портрет Машин не

¹ Для перемены.

у него первого был в руках. По письму твоему мне казалось, что дело идет о халате. Вчера послал я на почту за посылкою с тем, чтобы раскрыть ее только сегодня. На посылке было написано: портрет, но до сегодняшнего утра не вынимал я его. Я догадывался, что ты прислала не свой портрет из скромности, хотя я очень ему обрадовался бы и недоумения мои колебались между Машею и Павлушею. Иногда приходило в голову, что вы тут все. Всю ночь снился мне этот подарок, то видел я, что твой портрет и очень не хороший и очень не похожий (что впрочем одно и то же), то вынимал я портрет Маши с головы до ног, сухую, длинную, с косою из волос подвязавшей глаза, он мне очень не нравился, и беспокоило меня, что нельзя мне будет сказать о нем мнение свое, потому что сдавалось мне, что портрет писан Катенькою. Там подарок этот обращался во французский кафтан зеленого цвета (похожего впрочем на рамку), вышитого бирюзами, которые и на ушах портрета.

Наконец, проснувшись в 8 часов, велел я себе подать посылку, при себе раскрыть и сам вынул из ящика портрет, который теперь выжил Данта, Вергилия и Петрарку и висит у меня перед глазами над моим письменным столом. Вот тебе фантастическая и существенная история подарка твоего. Вы теперь вероятно еще у обедни: 12-ть часов, а я уже возвратился. День летний, надеюсь и у вас также. Думаю о вас, надеюсь и вы также. Одна разница: пишу к вам, а вы уже наверное сегодня ко мне не пишете. Не знаю, где обедаю. Не знаю, что делаю целый день. Только две точки означены: пересмотрение и исправление статьи о Лейпцигской ярмонке, а вечером французский спектакль. Довольно грустно и довольно скучно, впрочем все на порядках, как говорит наш Иван Иванов, не Дмитриев, а Тургенев. Скажи Демиду, что напишу ему я в Красное на-днях. Пришли же перьев, право писать нечем. Что ты в бумагах моих копаешься, как после мертвого, и бог знает, что выкапываешь когтями ревности и предубеждения. Разве дал я тебе право почитать меня покойником? Прошу не входить при жизни моей в собственность.

Обедаем где-нибудь с Пушкиным. Простите. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Обнимаю Катеньку, которая, надеюсь, проводит нынешний день в объятиях супружества. Нового ничего нет ни здесь, нигде.

Скажи Четвертинской, что отдал вчера письмо ее Густаву. О Борисе все еще достоверного ничего не знаю. Кажется, впрочем, во время похода играл он. Буду еще жандармство-

вать. Апраксин уже уехал и не дал мне ответа. Следовательно, узнайте от него сами, если он что узнал. Александр Апраксин бесподобен со своими сетованиями и тоскою по сенаторству. Пересказывая данные ему обещания, никогда двух раз сряду не скажет одно и то же, а все с вариантами и все с прибавлением: вот собственные слова министра. Дочь его, сказывают, очень хороша и выходит замуж за Долгорукого, сын бывшего минист. юстиции.

Простите, мои души. 30-го. Всё не так было, как следовало. Вместо Лейпцигской ярмонки была у меня домашняя, так что не успел ничего сделать, даже писать в Ревель и к тебе отправить письмо. Был Муханов, Полуектова, Блудов, Пушкин, с которым мы два битых часа спорили о книге. Все утро так прошло. После обеда черт меня дернул к Гурьевой, которую впрочем я очень люблю, тем более, что она терпеть не может пучеглазую, которая впрочем велела мне рекомендовать гувернера. В воскресенье увижусь с ним у Гагариной. Прости, а то и сегодня опоздаешь. Встал я в 8 часов, теперь второй час, все время провозился с Лейпцигскою ярмонкою. Теперь еду в департамент, обедаю у Смирнихи с Полетикою.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Имею честь довести до сведения княжны Марии, что по мнению общему она лучше портрета своего.

Данте — Алигьери (1265—1321), великий итальянский поэт, автор «Божественной комедии».

Виргилий — римский поэт, живший в первом веке до н. э.

Петрарка — (1304—1374), знаменитый итальянский поэт.

Тургенев — Иван Иванович, управляющий Вяземских.

Густав — Густав Антонович Святополк-Четвертинский.

Апраксин — Александр Иванович (1782—1848), сенатор.

Апраксина — дочь — гр. Мария Александровна (1816—1892), в замуж. кн. Долгорукова, кавалерственная дама.

Сын министра юстиции — кн. Сергей Алексеевич Долгоруков (1809—1891), статс-секретарь, член Государственного совета.

Бывший министр юстиции — кн. Алексей Алексеевич Долгоруков (1775—1834).

Муханов — Николай Алексеевич.

Пушкин, с которым мы два часа битых спорили о книге. — Под 29 июня 1832 г. Н. А. Муханов в своем «Дневнике» пишет, что заехал поздравить Вяземского и застал у него Пушкина и Полуектову:

«Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор. Я совершенно мнения Пушкина по его доводам и справедливости заключений. Оба они выходили из себя, горячились и кричали. Вяземский говорил, что Дюмон старался похитить всю славу Мирабо. Пушкин утверждал, напротив, что он известен своим самоотвержением,

кoмy дал пример переводом Бентама, что он выказывает Мирабо во внутренней его жизни и потому весьма интересен, что Jules Janin врет что французы презрительны, что таланта истинного в них нет, что лучшие их таланты не французы, что Мирабо не француз, что Journal des Débats нельзя принимать за мнение всей Франции, и что ее мнение даже неверно» («Русский Архив», 1897).

Гурьева — Авдотья Петровна, рожд. гр. Толстая.

Пучеглазая — Мария Дмитриевна Нессельроде, рожд. гр. Гурьева.

Гагарина — Мария Алексеевна (1798—1835), рожд. гр. Бобринская.

Здравствуйте, мои сиятельные и сиятельные, ведь маленькие князья Мещерские тоже в Остафьеве? Отчего же не состоялись наши театральные проекты? дождитесь финляндских актрис. Они едут на-днях и были удержаны здесь вчерашним праздником, на который приглашена была фрейлина Аврора. Государь сделал государыне подарок лучше твоего. Ты мне прислала только портрет, а он на вчерашний день выписал из Ревеля самые подлинники, которые прибыли на пароходе, и, кажется, сегодня отправляются обратно. Вероятно праздник удался, если только ветер не задувал китайских фонарей. Ты знаешь, что здесь дают китайский балет, в конце коего известный в Китае фонарный праздник. Эти последние сцены должны были вчера быть перенесены на открытом воздухе в Mopplaisir. Я еще не видал приезжих, кроме Канкрина, который праздника не дождался и уехал тот час после обеда. У Канкрина прекрасная дача, называемая дача лесного института по Выборгской дороге. Она еще не выросла, сад, гуляния, все это в детстве, но много обещает. Сегодня обедаю у них. Вечером французский спектакль, в который только захожу перед концом, чтобы обойти рундом некоторые ложы, à la Иван Александрович, скажешь ты опять. Часто бываю по вечерам у Долли. Они все довольно напуганы нездоровьем Екатер. Тизенгаузен. У нее кашель упорный, боль в боку и под сердцем, все это продолжается уже около двух месяцев, если не более. Мать и две дочери образуют точно одну душу и страх разрыва, если и не вечного, то по крайней мере временного, отъездом в чужие края матери с больной дочерью расстраивает их спокойствие и единство. Можно простить Елизе многие проказы за любовь, почтительность и привязанность, которые она умела в дочерях своих поселить к себе, и за согласие, которым связала семейство свое. Без нравственной доброты не сделаешь этого. На-днях слышал я у нее игру г-жи Лебцельтерн (с которою между прочим и приехал к ней, но не пугайся была в карете и третья клопочк Сухозанет).

Играет она прелестно, с искусством, выражением, вкусом, душою. Вот, Пашенька, так играй. Слушай, как она играет целые места из опер, точно кажется, что сидишь в оперном представлении. Какой-то неаполитанец говорил ей: *comme je voudrais avoir vos doigts dans ma bouche, j'aurais le plus beau contre-alto*¹.

Поццо болен, у него был род холеринки. Как-то опять заговорили было о холере. В Париже она вновь несколько усилилась. Цифр больных и умирающих падал уже до шести и пяти, а теперь возвышается до сорока и более. Фитц-Жамс занемог холерою в заточении своем и был перевезен в больницу. Поццо очень умно сказал о Шатобриане: *qu'on ne gagnait rien à l'avoir pour ami, mais qu'il était fort dangereux à l'avoir pour ennemie*².

По последним известиям В. Скотт безнадежен. Прощайте. Обнимаю вас от всей души и благословляю. Бог с вами и со мною. Княгиню Катеньку нежно целую, нежно благодарю за милые строки и согреваюсь ими после прежнего холода. И ее строка душегрейка уныния, за которую так смеялись над бедным Киреевским. Что Ладомирские? Полуектовы, кажется, здесь остаются. Он будет командовать каким-то резервным корпусом. Поцалуй Четвертинскую за меня и поздравь ее с хорошею погодою, следовательно с удобствами в лагерной жизни для Бориса. Что французский язык Павлуши? а что и русский, то есть как вывеска желудка? А бок Маши? а волосы Пашеньки, а кости Надиньки?

Monplaisir — место на берегу Финского залива в Новом Петергофе.

Лесной институт — под Ленинградом.

Рунд — помощник начальника караула, которому поручалось проверять караул.

Иван Александрович — Нарышкин (1761—1841), обер-церемоний-мейстер.

Вальтер Скотт — умер 21 сентября 1832 г.

Душегрейка уныния. — У Н. В. Киреевского в статье «Обозрение русской словесности за 1829 г.»: «Таковы подражания Дельвига. Его Муза была в Греции; она воспитывалась под тяжелым небом Аттики; она наслушалась там простых и полных, естественных, светлых и правильных звуков лиры Греческой, но ее нежная краса не вынесла бы холода мрачного Севера. если бы поэт не прикрыл ее нашею народною одеждою; если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния: — и не к лицу ли Гречанке наш северный наряд?»

¹ Как бы я хотел иметь ваши пальцы во рту. тогда бы я обладал прекрасным контральто.

² Что ничего не выиграешь имея его другом, но что очень опасно иметь его врагом.

100

5-го июля.

Здравствуй, моя милая. Напишу тебе несколько строк за неимением времени написать несколько страниц, а как-то сдается, что давно не писал, то есть дни два. Вот муж! Что ты за жена блаженная! Со свечою поискать, и то не найдешь подобной. Je suis le modèle des maris épistolaires¹, признайся! Сейчас был у меня gouverneur по рекомендации Нессельродши. Он, кажется, с познаниями классическими, может учить языкам греческому, латинскому, немецкому и разумеется французскому. Другие науки входят также в круг преподавания его. Показался он мне скромным, рассудительным: берется учить и смотреть за воспитанником, то есть не хочет иметь помощника в виде дядьки, или тому подобного. Согласен давать уроки и княжнам. Желает получить 4.000 рублей. Кажется, судя по тому, что он преподавать будет и следовательно издержки посторонние, которые он собою покроет, оно и не очень дорого. Как думаешь? Мы еще будем с ним видаться. Он и сам прежде двух месяцев не желает войти в дом. Ему все равно быть в Петерб. или в Москве. Погода все скверная. Нового ничего нет. За тем прощай, моя душа. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Катенька тут же, разумеется.

101

7-го июля.

Что-то давно нет писем от тебя. А по какому резону? Надеюсь не по какому, а просто потому, что ты каналья жирная и ленивая. Дай бог! Что у вас погода? Здесь полчаса ведро, а двадцать три часа и тридцать минут ненастье, или дождь, или ветер, и все холод. 3-го числа в Елагинский праздник было несколько несчастных случаев, людей опрокинуло с лодками и некоторые потонули. Ветер был очень сильный. Имею честь поздравить с Калужскою отчиной, которою, если бог даст, будешь владеть на том свете, то есть на том свете войдешь в права владения. Признайся, что ты что-нибудь напроказила с боперчиком и что ты с ним в ссоре. Он в письме ко мне называет тебя д о б р а я В е р а, да и в духовной названа ты д о б р а я д о ч ь, уж это недаром. Буду отвечать ему, а пока не говори, что я получил письмо, тем более, что я едва еще и прочел его порядочно. Как увидел, что дело не к спеху и время еще не ушло, я и отложил до удобнейшего времени. Он пишет уморительное письмо. А впрочем все таки спасибо и очень спасибо.

¹ Я образец мужей эпистолярных.

Финляндки должны были ехать к вам сегодня и я собирался послать с ними всякую всячину, но вчера занемогла графиня Емилия, так что и обед у них был отказан. Она брюхата и с финляндского покоя попавшись на петербургскую суматоху и бессоницу, потому что право здесь не спят летом, она поизмучилась. Что за хорошенькая и милая женщина. Она здесь очень нравится и даже вообще более Авроры, которая точно хороша только тогда, когда начнет на ней зажигаться заря. К концу вечера видишь, как она алеет и потом совсем разгорится. Тут она в самом деле блистательна. Третьего дня на бале у Сухозанет мне сначала даже было совестно и неловко, так мало была она хороша. Но, слава богу, попозже выручила она меня. Владимир Пушкин очень добрый и порядочный малой. А как глуп граф Иван. Это непостижимо. Мы с Вьельгорским у него не смеем смотреть друг на друга, чтобы не расхотаться, потому, что мы так прикинулись к разговору его, что знаем наперед о чем говорить он будет. А кормит и поит прекрасно. И дома графиня мила, то есть приветлива, а не чуфарится. Имею письмо от старого конюшенника. Они благополучно прибыли в Любек, хотя погода была несколько и неблагоприятная. Жуковский все также. Я видел вчера молодую Бобринскую. Она очень огорчена и расстроена смертью Чертковой. Кажется ее уморили, или уморила бабушка. Вот что значит не быть в городе в такую минуту. Робенок, сказывают, совершенно здоров. Приехал сюда новый английский посол Dughan, кажется, так, с семейством своим. Жена его дочь первого министра Грея. Мне жаль прежней посольши, видел я ее редко, но всегда любил встречать. Ее здесь не жаловали и жаловались на неровность обхождения ее. На себе я не испытал того. И белый медвежонок, дочь ее, была очень забавна, а муж большого ума, то есть муж матери, а отец дочери. Скажи Демиду, что пишу сегодня к костромскому прокурору, а бумаги в Красное село пришлю при первом случае. Напрасно думают, что Ланской в Костроме не остается. Я ничего об этом здесь не слыхал. Вышла ли дочь замуж? Видела ли ты графиню Choiseul? Ожидаем Кривцова.

Пока прости. Коммерческая Газета ждет меня в объятия свои. Обнимаю и благословляю вас от души, мои души. Бог с вами и со мною.

Окуловым и Четверт. мой сердечный поклон. Я переслал к Борису письмо из Москвы переданное мне Дмит. Львовичем.

Что за контрасты поразили меня вчера в ложе во франц. спектакле. Ваша Ефимовская и с нею московская красавица Алябьева, которая приехала сюда на месяц с матерью, а там

выходит замуж. Пушкина все больна, то есть поэтша, нарыва-
вами.

Калужская отчина — имение «Жаркое», принадлежавшее П. Ю. и П. А. Кологривовым.

Боперчик — Петр Александрович Кологривов.

Финляндки — фрейлина Аврора Карловна Шернваль и ее сестра Эмилия Карловна Мусина-Пушкина, рожд. Шернваль.

Граф Иван — граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин (умер в 1836).

Графиня — Мария Александровна, рожд. кнж. Урусова, во втором браке Горчакова.

Durham — John George Lambton, first Earl of Durham (1792—1840).

Durham — посол в Петербурге в 1835—1837 г.

Жена — Елизавета Durham, рожд. Грей.

Прежний посол — бар. Вильям Гейтесбюри (1779—1860), посол в России в 1828—1832 гг.

Прежняя посольша — Мария-Ревекка, рожд. Bouverie.

Дочь — Цецилия-Мария, в замуж. Даву.

Костромской прокурор — Иван Петрович Протасьев.

Ланская дочь — Анастасия Сергеевна (умерла в 1891 г.), в замуж. Перфильева.

Ефимовская — м. б. гр. Надежда Петровна (1785—1840), рожд. Палицына.

Алябьева — Александра Васильевна (1812—1891), в замуж. Киреева. Упомянута Пушкиным в «Послании к вельможе».

Алябьева мать — Екатерина Ивановна (1784—?), рожд. Селифонтова

Мне пишут из Москвы, что в упорстве Бабкиных есть политическая причина; они полагают, что Рыбников получил все свои высочайшие награждения по моему ходатайству и сердягся, что я обнес их. Это прекрасно, если только правда. Нашли они человека. Хорош я представитель. Да я себя представил бы к чему-нибудь, si j'étais présentable pour moi ou pour les autres¹. При случае передай это К. Гагарину с тем, чтобы он также при случае успокоил их честолюбие, или по крайней мере меня оправдал пред ними. Впрочем тут кроется может быть какая-нибудь штука и если замешалась в самом деле служба в мои частные дела, то бог с ними. Я и не хочу иметь в таком случае дело с Бабкиными. Они по глупости своей подумают, что я хочу пользоваться службой моею, чтобы иметь с ними дело. Все это гадко и лучше прочь... Но я все не понимаю отчего нет других охотников на фабрику. Позволение на транзит польским сукнам пустое дело. Оно не может нанести вред

¹ Если бы я был презентабелен для себя или для других.

нашим фабрикам, может разве не дать возвыситься ценам на сукно наше, как того ожидали, а оставить его в прежней цене, но мера эта ничуть не разорительная. Помню также, что Рыбников как-то говорил мне худо о Квасникове. Не за то ли также сердятся они, что он управляет моею фабрикою? Узнай-ка. Во всяком случае все можно найти работы хотя без контракта. Отнеситесь к Тугариновым, к Тарасенкову, у него фабрика на Пречистенке. А что Жуков? Он меня очень просил сдать ему фабрику и уверял, правда пьяный, что жена его влюблена в меня. Вот этого рода взятки позволительны. О Жукове вы верно не подумали, потому что Квасников с ним в ссоре, а Демид его не любит. Несмотря на то, пошли к нему. Поздравляю вас с хорошею погодою. У нас все еще сквернейшая. Смотри, ты так обожрешься фруктами после вод, что все испортишь. Сделай милость, побереги себя хотя ради живота и не говори: и весь живот наш богу обжорства предадим. Прошу не очень напускать на фрукты и детей. Лето нынешнее совсем не благонадежное. Шведки едут к вам, кажется, завтра и прямо в Валуево. Самойлов пишет мне от 5-го, что ты за ним послала. Будь осторожна. Пока прости. Вот что значит мое отсутствие. Все пошло верх дном. Прошу вперед не кокетствовать моим рейн-вейном; я тебе на это оставил лице твое, которое также не чересчур молодо. Им упоивай, а до моих упоений не дотрогивайся. Обнимаю вас и благословляю от души. Бог с вами и со мною.

Бабкины — Илья Семенович (умер в 1842 на 56 г.), мануфактур-советник, почетный гражданин, московский 1-й гильдии купец и кавалер и Петр Семенович (умер в 1840 на 56 г.), мануфактур-советник, почетный гражданин, 1-й гильдии купец и кавалер.

К. Гагарин — Сергей Иванович.

Тугаринов — м. б. Михаил Иванович (умер в 1834 на 74 г.), мануфактур-советник, дмитровский 1-й гильдии купец, почетный гражданин.

Тарасенков — у него фабрика на Пречистенке.

Валуево — подмосковное имение Мусиных-Пушкиных.

Пушкины так долго собирались ехать, что я все отъезду их не верил, а вот и едут они сейчас, так что не успею написать к тебе порядочно и с ними проститься. Каково же не откланяться Авроре? Дай Демиду мой приказ для отправления. Если хочешь, можешь списать его для себя. Вот и ответ мой Петру Александровичу.

Прости. Бог с вами и со мною. Обнимаю и благословляю вас от души.

Не знаю, что мог сказать тебе Бобринский о Петерб. Дело в том, что ничего нет особенного oprичь того, что я говорил тебе несколько раз. Не полагаю основаться в Петербурге на веки веков, но если Бибииков возвратится к месту и ничего нового худого не будет, все еще год и два можем здесь прожить.

Пушкины — Мусины-Пушкины.

104

12-го июля.

Здравствуйте, мои милые. Имею честь поздравить вас с днем рождения моего, о котором я было и вовсе забыл, если бы не поздравительная вчерашняя записка Козлова. Он также как и ты не тверд во дне рождения моего. Того смотри, что и от тебя получу анахронизм, в виде поздравительной грамоты. Как умный сорокалетний мальчик я сейчас был у обедни. Однакоже глупо иметь сорок лет. Что это за счет, ни то, ни се, а как-то совестно. Впрочем одно утешает меня, мы довольно моложавы в нашем семействе, никто не даст Маше лет ее, никто не скажет что тебе более 45 лет, да и мне никто не признает более 35 лет. За то Пашенька забегает вперед. Что все ли она гренадерит в рост и толщину? Сегодня для праздника моего выгружают на берег колонну. Двор приезжает из Петергофа для этой церемонии. В ней около 12 сажень в длину, и около 3 в окружности. А где я обедаю? Умора! У Jean de Paris. Он несколько раз звал меня к себе и все не удавалось, наконец, за неделю и более назначил я ему нынешний день, совершенно забыв, что я в этот день родился. Впрочем там будет Пушкин, а всё лучше заказал бы я себе обед у Смирнихи или у Долли, если не это обещание. Теперь принимаюсь за к и т а й с к у ю т р а в у, которую пью по утрам, по определению Шишкова, там за китайскую торговлю, там в департамент, там смотреть на колонну, и так далее. Павлуша! Отчего Шишков соврал сказав, что чай — китайская трава? Если объяснишь, то объявляю все-народно, что ты умнее президента академии. Простите, мои милые. Прости, душа моя. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Репнин едет сегодня в Москву. Александр Булгаков назначен почт-директ. в Москву. Я говорил ему вчера, что для нас он давно уже Московским почт-директором.

Катеньке сорокалетний поцалуй! Что же она морщится? Отыщи перчаточника Полякова и купи у него еще несколько дюжин перчаток.

Заплатила ли за прежнии? Непременно и сейчас заплати, если осталась должна. Ведь это все смотрит взятками. Виделась ли с Самойловым? Если будешь с ним в сношении еще, то дай знать, что и поручение его исполнено и отправление его в Нижний послано, а не пишу я к нему, полагая что письмо мое уже не застанет его. Сказывал-ли я тебе, что Слоан здесь.

Шишков — Александр Семенович (1754—1841), адмирал, президент Российской Академии и председатель Беседы Любителей Русского Слова, один из идеологов националистически-консервативного поместного дворянства первой четверти XIX ст.; ярый крепостник, государственный секретарь с 1812 по 1814 г., министр народного просвещения и глава цензурного ведомства с 1824 по 1828 г., поэт, переводчик, литературный критик и теоретик. Автор «Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка», противник всякого рода языковых и стилистических новшеств, литературный враг Карамзина и его школы. Свои теоретические положения подкреплял своеобразными лингвистическими толкованиями.

Поляков — Василий Федорович (1795—1857), перчаточник.

105

13-го июля

Ты настоящая баба с своими Бабкиными и еще баба не благородная, а подляжка. Стану я обещать им хлопотать за них в то время, когда они хотят сделать из этого условие для наших будущих сношений. Пожалуй, С. много тебе наскажет, но я не С. и что ему кажется возможным, то мне кажется не только невозможным, но и непозволительным, что есть высшая невозможность из всех возможных невозможностей. Я, пожалуй, напишу к Бабкиным. Отчего же присланная с Соломирскими augmente ton poir?!. Не понимаю и не помню, что было с ними послано.

Колонну выгрузили вчера благополучно и выкатили на берег. Вот одна половина: что будет с другою? Поставить ее на ноги мудренее. Кстати и о ногах. Что с твоею ногою сделалось милая Пашенька? Ты, я думаю, наплясала себе чирьи. Спасибо за детские письма. Я получил их в самый срок, то есть вчера.

Mon cher Monsieur Paul, puisque Vous me dites que quant à la langue française Vous avez fini et la grammaire et la syntaxe, je Vous conseille alors de recommencer, car Vous et la langue française Vous ne Vous en trouverez, que mieux, à en juger par votre lettre qui est passablement mal écrite, soit dit sans vous blesser et vous facher. Vous ne me dites rien de l'allemand. J'espère cependant que Vous Vous en occupez toujours. Merci, ma chère Nadine, pour

¹ Увеличивает твое пасмурное настроение.

Votre lettre, l'écriture en est très bonne, mais il serais temps de ne plus écrire entre deux lignes. Mes compliments à votre petite amie qui se nomme Бетси et que Vous feriez tout aussi bien de nommer par son nom anglais, car cela ne vaut pas la peine d'être angaise et d'avoir une amie anglaise, si on lui donne un Буки et ainsi de suite¹.

Я сейчас получаю письмо из Ревеля от 9-го. Катер. Анд. гораздо лучше и она написала мне. 20-го едут они в Дерпт, а не в Д о р б а т, как ты говоришь и будешь говорить во веки веков. Пока простите. Я очень рад, если С. доставит нам работы, но эта работа должна быть ч и с т а я р а б о т а, безо всяких околичностей и недоразумений. Я говорю тебе быть с ними осторожною. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Перьев, перьев, а то перестану писать к тебе.

Машенька, что твоя голова, твой бок?

С. — Самойлов Леонтий Маркович.

106

15-го июля.

Помилуйте, что же мне делать, если вы писем моих не понимаете. Разве я говорил вам, что сюда вам не приезжать и зиму оставаться в Москве. От рода ни слова о том не сказано. Я говорил только, что прежде нежели переезжать, хорошо бы знать на долго ли, а переезжать все надо. Я говорил, что повидимому мне здесь не заживаться, что я здесь не так как рыба в воде, что петербургская служба вероятно не предопределенная мне стихия, но зимние планы, то есть планы на зиму не переменяются. Хорошо если могла бы ты найти занять тысяч двадцать пять, которые уплачивать из дохода, а приехать сюда без денег неловко, особенно без Карамзиной, которая выручала бы в случае нужды. Такой заем дал бы только убытка тысячи две и менее, уплаченные на проценты, а между

¹ Дорогой господин Павел, так как вы, по вашим словам, относительно французского языка покончили и с грамматикою и с синтаксисом, то я вам советую начать снова, это будет лучше для ваших отношений с французским языком, судя по вашему письму, которое достаточно скверно написано, не в обиду и не во гнев вам будь сказано. Вы ничего не говорите о немецком языке. Надеюсь, впрочем, что вы им постоянно занимаетесь.

Спасибо, дорогая Наденька, за письмо, почерк в нем очень хорош, но пора перестать писать между двух линеек. Мой поклон вашей маленькой подружке, имя которой Бетси, и которую, хорошо сделаете, если будете называть ее английским именем, ибо не стоит труда быть англичанкой и иметь подругу англичанку, если ей дают Буки и так далее.

тем дал бы способ обзавестись, запастись нужным, закупить и очистить вперед расход нескольких месяцев. Подумай, посоветуйся, поищи. Где Флена Дмитриевна, брат ее и где их деньги? Розанов пишет мне, что он говорил с Поповым, тестем Жукова о фабрике нашей. Есть ли успех? Кривцов приехал и теперь, что он здесь, боюсь что не приехал ли по пустому, совестно мне, что вызвал его, хотя более ответственности на Тимирязеве нежели на мне. Здесь народ тугой, робкой, холодный. Бояться ступить шаг вперед, вступить за кого-нибудь, чтобы не заступиться. Блудов доброжелателен, но осторожен, расчетлив и к тому худо сидит в седле, не твердо, не смеет припустить и только что манежничает на одном месте. Между тем Кривцов подает письмо к государю. Увидим, легка ли рука моя. Тимирязева опасно больна и на беду мужа нет. Она было совершенно оправилась после родов. Полуектова часто бывает у нее. Ты разве не дала знать Горсткину, что ему в Пензе отказано было место, потому что он пензенский помещик, а между тем принадлежал во время оно обществу, в котором замышляли перемены в России посредством освобождения крестьян. Теперь он опять пишет ко мне о месте советника в Пензенском губернском правлении. Мне никак нельзя опять приняться за это дело, да и было-бы напрасно. Это может сделаться просто через Пензенского губернатора и пензенских жандармов, помимо здешних покровительств, так что здесь может быть забудут о том, что было, и обратят внимание на одно пензенское представление. А если здесь хлопотать об этом, то всю историю поставишь на ноги и опять получишь отказ по прежним причинам. Передай все это матери и сестре с тем, чтобы они ему передали, а то смешно я здесь хлопочу, а они может быть не дают труда себе и сообщить ему, что знать нужно. Мне писать неловко, потому что при несчастном случае мое посредничество будет только вредно, не то что боюсь за себя; во всем этом нет государственной тайны, следовательно мне беречь себя нечего, но дело в том, что должно искать средства успеть и удалить все возможности неудачи. Можешь в копии дать все это место. Прощай душа моя. Сейчас был у меня Кривцов. Тимирязева все плоха. А бедная Мария Ивановна! Вот еще алмаз выкатился из древнего венца Москвы. Что делает Григорий? Пошли проведать о нем и дай мне знать. Спасибо за Остафьевские плоды. Прекрасно дошли. Просим и вперед. Финляндским гостям мое почтение. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Милую Катеньку обнимаю и люблю более прежнего за любовь к вам. Знаете ли что молодая Валуева умерла в Италии? Господь с нами. Если нет Горстковых, отыщи молодого

го Скарятина и передай ему мои слова. Пускай пензенский губернатор представит, пензенское жандармское подкрепит и дело вероятно делается.

Прощай душа моя. Нежно цалую тебя.

Флена Дмитриевна — лицо неуставленное. Упоминание о ней встречается в письмах почти за все годы.

Попов — (тесть Жукова) Алексей Гаврилович?

Пензенский губернатор — Александр Алексеевич Панчулидзев.

Мария Ивановна — Римская-Корсакова, умерла 8 июля 1832 г. См. Гершензон «Грибоедовская Москва».

Григорий — Григорий Александрович Римский-Корсаков.

Финляндские гости — гр. Эмилия Карловна Мусина-Пушкина, рожд. Шерваль, и ее сестра фрейлина Аврора Карловна Шерваль.

107

16-го июля.

Здравствуй, моя милая. Наконец у нас лето. А у вас? Вы теперь в Москве, а я еду ночевать на свою дачу над лавочкою. Вьельгорский просил меня очень тебе кланяться, что впрочем никакого смысла не имеет, что такое очень кланяться? То есть не его чувство без смысла, а мое выражение. Когда он здесь мы почти всегда вместе бражничаем и д а ч н и ч а е м, то есть таскаемся по дачам и побираемся подачками, то есть обедаем. Каково играю словами? Точно Паганини на скрипке. Вчера с безногим Норовым послал я княжнам цветные бумажки, только не ассигнациями *pas si bete*¹.

Спасибо за тысячу. Пока довольно, а ты отыщи Флену. Пушкиной лучше. Сейчас ожидаю известия о Тимирязевой. Полуектова поехала сегодня в Царское село искать себе домик на лето, или на осень, потому что лето уже на исходе. Все на маневрах теперь. Если Четвертинская без писем от Бориса, скажи ей не беспокоиться: ему негде и некогда писать и у меня на столе лежит письмо к нему от нее, переданное мне Четверт., которое не знаю как переслать. Маневрами, то есть двумя противными армиями командуют велик. князь и Меньшиков. Вот человек на все способный, адмирал, министр морской и сухопутный военачальник. А перья? Вот и ты человек удивительно способный все забывать и ничего не делать того, что просят от тебя, мастерица, нечего сказать, — только, сделай милость, не бери детей на выучку. Теперь довольно, я побранил тебя, дело мое сделано, прощай. Есть тебе что закусить. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

¹ Не так глуп.

Паганини — Николай (1784—1840), знаменитый итальянский скрипач.
Безногий Норов — Авраам Сергеевич (1795—1869), министр народного просвещения и член Государственного совета. Вяземский часто называет его безногим, так как он лишился ноги в битве под Бородиным.

Пушкина — Наталья Николаевна (1812—1863), рожд. Гончарова, во втором браке Ланская.

Меньшиков — Александр Сергеевич (1787—1869), светл. кн., участник войны 1812 года и Турецкой, директор канцелярии Главного штаба, состоявший в свите по квартирмейстерской части, позже — морской министр и главнокомандующий Крымской армией. Реакционер и крепостник.

Вот и я две ночи ночевал на своей даче, а теперь приехал на работу и вероятно ночую в городе, потому что завтра нужно опять утром быть здесь. Боюсь только, чтобы письма от тебя не потерпели от моей кочующей жизни. Дядька мой уйдет со двора, почтальон придет, не найдет никого и письмо пропадет. А ты этому и рада. Теперь, скажешь ты себе, могу я и пропустить иногда почтовый день: муж мой подумает, что письмо затерялось. На даче хорошо, потому что погода очень хороша. Только из лавочки поднимается ко мне запах черного хлеба и разных съестных припасов. Оно экономически, потому что можно быть сытым одним дыханием, но вовсе не поэтически. У графини Пушкиной умерла 8-месячная дочь. Все ее дети прекрасны, а особенно-же мальчики. У моего сожителя Россетика была третьяго дни тревога: пропадал сертук, а в сертуке было тысячу рублей. Надобно было видеть его. Пропажа отыскалась, и таким образом, что нельзя знать, можно ли приписать ее к воровству, или нет. Он удивительный ветренник. Cholera очень сильна в Любеке и сообщение пароходов будет здесь на время прекращено. Она разлилась и по водам в Теплице, в Францисбруне, не знаю что в Эмсе, куда попал Жуковский. Страшно. По последним известиям герцогу Рейхштадтскому оставалось только два дни жизни. Он умирает болезнью отца. И то хорошо: судьба не давала ему сравниться с ним жизнью, дает сравниться хоть смертью.

На пиршестве мирском минутный собеседник.

Не в жизни он отец его, но в смерти был наследник.

Вот на всякий случай и заготовленная эпитафия ему, но из этой мысли можно вывести чтонибудь и хорошее. Как кончились твои фабричные хлопоты? Посылала ли ты к Жукову? Сейчас получаю твое письмо от 15-го. Если Бибииков был бы здесь, то легко было бы справиться, что это за поставка сукна в таможню и хлопотать о ней, а без него почти не приступно. Впрочем увидим. Мне очень жаль за тебя, что Мещерские уехали:

Как будто и я расстался с ними по отъезде их из Остафьева. Жаль мне и отъезда Карамзиных из Ревеля. Все пустее, да пустее. Попригладь морщины свои, позатянись и приумойся, на той неделе пришло я тебе двух молодых дипломатов, заморских красавцев. Репнин уже уехал в Москву, и я не успел писать с ним. Зенеида возвратилась в Рим. Я вчера был в первый раз у Зенеиды Юсуповой. Мы с нею ладим. Встретил я там и отца Нарышкина, который был со мною холодно сух, вероятно по поводу свинства его с Ладомирскими. Что наш предводитель? Скажи Четвертинской, что я имею известие о Борисе, которому я доставил письмо ее. Он здоров. Настоящие маневры начинаются после завтра и продолжаются три дня. Что же не едут книги, которые ты обещала мне с дилижансом? Сегодня принесли мне из почты объявление на 50 руб., вероятно халат.

Прости душа моя, нежно целую тебя. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мной. Я должен Владимиру Пушкину за сигарки: расплатись с ним. Нового ничего нет, кроме того, что твою приятельницу Арапову-Муханову будут свидетельствовать в безумии. Она по своим процессам наделала столько проказ, писала пасквили, подписывалась под чужие руки, что ее должно признать безумной, или отдать под уголовный суд. Она называет свой пасквиль на Лонгинова: *ma suprême fagse*¹.

Впрочем, в самом деле должна быть она помешана.

Герцог Рейхштадтский — Франсуа-Шарль-Жозеф-Наполеон Бонапарт (1811—1832), король Римский, воспитывался у деда, австрийского императора; держали его как пленника в Шенбрунне, не пускали к нему французов и не давали образования. В 1830 г. Талейран приезжал в Вену для переговоров относительно возвращения молодого герцога во Францию, но уехал в тот же день. В 1831 г. его прочили в короли Бельгии, но unsuccessfully ввиду противодействия Людовика-Филиппа.

Нарышкин — Иван Дмитриевич († 1848), камергер.

Предводитель [дворянства] — Василий Николаевич Ладомирский.

Арапова-Муханова — Прасковья Николаевна.

Лонгинов — Николай Михайлович (1775—1853), секретарь Елизаветы Алексеевны, статс-секретарь по принятию прошений на высочайшее имя, член Государственного совета.

Здравствуй, душа моя. Муханов едет в Москву и не хочу отпускать его без слова для тебя, хотя и сказать нечего. Уста вышевелят только поцалуй, а речи нет. Кривцов о себе еще

¹ Мой лучший фарс.

² Письмо датируется на основании известия о смерти Витгенштейн, которая умерла 14-го июля 1832 г.

ничего не знает. Вот письмо к Бабкиным. Перешли его. Они его не поймут, но оно писано не для них, а для публики. Признаюсь, подозреваю Самойлова. Он хлопотал о Рыбникове и чтобы очистить себя перед Бабкиным уверил их; что я вон из кожи лезу за Рыбникова и выпрашиваю награды ему. Нового нет ничего, дай знать Четвертинской, что я и сегодня полученное от нее письмо доставил Борису. Он был вчера здесь и лагерь ему в пользу. Он гораздо здоровее и свежее на лице. Сейчас обедаю у Салтыковых с Кривцовым. Безобразовой немного лучше сегодня. Молодая Витгенштейн, дочь Чернышевой умерла.

Простите. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Спасибо за халат, он прекрасен. Сейчас еду на дачу и возвращусь в город только после завтра утром. Запечатай письмо к Бабкиным.

Муханов — Николай Алексеевич.

Витгенштейн — кн. Стефания Доминиковна Сайн-Витгенштейн Берлебург (1809—1832), рожд. кнж. Радзивилл.

110

22-го июля.

Я всё продолжаю вести свою кочующую жизнь, то ночую на даче, то в городе и разумеется каждый раз переезжаю с своим обозом книг, бумаг, до которых не дотрагиваешь после, прибавляешь ты. Мне в том товарищ Вьельгорский. Он в карету не садится ехать к кому-нибудь с визитом, чтобы не накласть книг в карманы каретные. Погода посредственная. Сегодня и завтра многие едут отсюда в Петергоф на балы и спектакли во время маневров дни на три. Смирнова, Фикельмон, Бобринская, вероятно Завадовская, Юсупова. Я остаюсь сиротою на руках благодетельной Елизы. Пушкина не принимает еще. Как хороша поэтша Пушкина. Она показалась в свет, по крайней мере в спектакли. Этот рыжий чорт Муханов все не ехал и вдруг дернул не дождавшись посылок моих. Я отдал их нашему московскому Булгакову. Наконец я увидел Поццо у Бобринской. Ничего о нем сказать не могу. Не только не хотелось мне быть представленным ему, да как-то и не хотелось слушать его. Я Бобринскую очень уважаю, но что мог он сказать путного за ее круглым столом между Литтою и Полуектовым? Он был мне как-то жалок, а может быть и гадок. Он на меня сделал впечатление красавицы, которую в первый раз видишь и застаешь, как она ковыряет себе в носу, или за каким-нибудь другим подобным занятием. Он на

той неделе едет и вероятно с этим впечатлением и останусь я. Бог с ними! Не жалею. Он живет у Литты громогласного и говорит qu'il entend tous les matins la trompette du Jugement dernier¹. А голос его тем теперь колоссальнее, что он все говорит о колосе. Есть надежда, что слухи о смерти молодой Витгенштейн ложны. А умерла здесь молодая Данилевская жена генерала, приятельница Ховриной. Тимирязевой лучше. Приступила ли ты к исполнению плана моего займу? Иначе нельзя. По крайней мере нужно иметь 15 тыс. на первый раз, на первые, главные издержки. За первую половину дома тысячи две, на мебели, разумеется сначала должно за все платить чистые деньги, да, постарайся перед отъездом кончить дело с Киселевым и Нееловым. Кажется срок заемному письму. Скажи Киселеву, что как мы уже переселяемся в Петерб., то уже неудобно нам иметь это дело на руках. А Неелову скажи, стыдно ему, что он не хочет кончить это дело любовно. Карамзины должны были вчера выехать из Ревеля. Что Григорий Корсаков? Напиши ему от меня и спроси о здоровье его. Как было принято письмо мое Боперчиком? Здесь частые пожары и полагают зажигательства. Признайся, что ты писем моих не читаешь, а только пробегаешь и никогда не думаешь писать ко мне о том, что я тебе пишу. Я никогда не вижу в твоих письмах ответа на мои мысли. Я вспомнил об этом по делу Шмидта. Как могла ты не сказать мне ни слова о нем? Судьба его покрыта все тем же таинством. Пока прости. Сегодня детский бал у старухи Бобринской. Обедаю у баронессы Икскуль Молдаванки или Валаханки. Лаханка довольно хорошая, хотя кажется и выбеленная. А что сделалось с Мамоновою, невероятно. Я говорю, что она теперь так уже хорошо выштукатурена, что стоит только ей подделаться под фальшивый мрамор. Прошу покорнейше отвечать на мою мысль по крайней мере, по поводу Авроры. Кланяйся им всем от меня. Что здоровье графини Эмилии? Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Правда ли, что Любимка опять в чесотке? Следуете ли вы наставлению Кривцова. Он все еще о себе ничего не знает, да теперь пора маневров и до окончания их, нечего и ожидать. Прости. Нежно цалую тебя.

Пушкина — Мария Александровна Мусина-Пушкина.

Пушкина — *поэтиа* — Наталья Николаевна.

Рыжий чорт Муханов — Николай Алексеевич.

¹ Что он каждое утро слышит трубный глас последнего суда.

Московский Булгаков — Александр Яковлевич.

Данилевская молодая — о ней упоминается в письмах бр. Булгаковых.

Ховрина — Мария Дмитриевна (1801—1877), рожд. Лужина.

Киселевы — Сергей Дмитриевич (1792—1851), служил в 7-м департаменте Сената, позже — старший советник Московской казенной палаты, московский вице-губернатор и председатель Московской казенной палаты, и его жена Елизавета Николаевна (1810—1872), рожд. Ушакова.

Иселов — Сергей Алексеевич (1779—1852), основатель стихотворческой школы, известный остролов.

Боперчик — Петр Александрович Кологривов.

Старуха Бобринская — Анна Владимировна (1769—1846), рожд. бар. Унгерн-Штернберг.

Баронесса Икскуль — двоюродная сестра М. К. Булгаковой. Александр Булгаков в письме к брату по поводу переезда семьи Вяземского в Петербург писал, что Вера Федоровна Вяземская будет встречаться с «ривалкою» своею баронессою Икскуль, а своей дочери сообщал: «У бедного Вяземского лихорадка, так как он ухаживает за Машиной двоюродной сестрой, я вчера сказал ему, что у него молдавская лихорадка».

Мамонова — Мария Александровна Дмитриева-Мамонова (1792—1854), фрейлина Елизаветы Алексеевны.

Любимка — Надежда Петровна Вяземская.

Скажи Орлову, что не худо было бы ему представить образец живописи своей на стекле — князю Волконскому, как министру двора и предложить ему свои проекты для украшений в кремлевском дворце. Я говорил на-днях об этом с к. Николаем Гагариным, который служит при нем. Он мог бы помочь в этом деле. А Канкрин что-то замолк. Спрошу сегодня. Отчего видишь ты в письмах моих *tristesse et surtout du mécontentement*¹. Их нет, есть может быть *découragement*², или, лучше сказать, нет куражу, то есть не стану петь от души с Бриконом: *allons, mes amis, à l'ouvrage, du courage etc.*³, что он пел в Остафьеве, но нет ничего худого и нового. По всему кажется, что мне не придется ради пользы своей и общей поселиться в Петербурге, а лучше будет устроить себе местечко на сторону, а где и когда право не знаю. Вот только что ясно, а все прочее разговоры с самим собою, а как ты часть меня самого (и часть дражайшая и милейшая), то само собою делается, что эти разговоры до тебя доходят, ибо мыслить, чувствовать вслух суть необходимые принадлежно-

¹ Грусть и особенно недовольство.

² Уныние.

³ Пойдем на работу, друзья, смелее

сти брачного согласия. Отдай формуляр Елене Ивановне, но в здоровую минуту, ибо он не весьма блистателен. Перешли все эти письма: они все очень нужны. Ты, я думаю, высунула бы язык и ококлела бы как собака, если написать бы столько, сколько я сегодня написал. Впрочем, и я устал. Прости душа моя. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Поццо-ди Борго говорил о Дюссельдорфе на Рейне. Чернышев вмешался в разговор и говорит: *je connais beaucoup cette ville, c'est sur ce point que j'ai franchi le Rhin en 1813.* — *Oui, reprit Pozzo, il y a le bac¹.*

Орлов — Михаил Федорович.

Князь Волконский — Петр Михайлович.

к. Николай Гагарин — Николай Сергеевич (1786—1842), гофмейстер.

Чернышев — Александр Иванович.

Дюссельдорф — город в Рейнской провинции на правом берегу Рейна.

112

Черная речка. Понедельник,
а которое число не знаю [25 июля].

В первый раз пишу я к тебе о даче своей, где, кажется, начинаю надуть себе флюс и насморк. Здравствуй, хоть ты, душа моя, без насморка и без флюса. Вот деревенская жизнь и деревенская тишина! Мы живем у моста и нет минуты днем, да и мало их ночью где бы мост не дрожал под каретою, коляскою или дрожками. Бесперывное движение и стукотня и крики разнощиков. Теперь спокойствие в городе, а волнение и суета в деревне. Дачи совершенно точка сумасшествия петербургских жителей и как дорого обходится им это сумасшествие. Вчера был опыт *bal de Tivoli²* на строгановской даче у Кулика Голицына. В палатке впрочем намощенной полом танцевали все гуляющие, кому только угодно было, и барыни и девки и гвардейские офицеры и шустеры. Как княжны-кулики расхлопались крыльями, давно не было им подобного праздника и за то уже наплясались они в родимом гнезде. Слоан что-то очень вьется около этого гнезда, впрочем, говорят, что он женат на Бутурлиной. Готовьте платья и токи и подпирайте боки. В пятницу едет к вам великая княгиня, пока одна, а великий князь, сказывают, приедет после. Говорят здесь и о поездке государя в Нижний-Новгород на ярмонку. Уезжает на-днях домой и прусский принц. Также

¹ Я хорошо знаю этот город. в этом месте я перешел Рейн в 1813 г. Да, сказал Поццо, там есть паром.

² Бал Тиволи.

и Поццо завтра. На-днях едет в Москву и на несколько дней Полетика. Он просит тебя дать ему знать, если будешь в городе, а к тебе заехать не успеет. У него всегда заранее разочтены все минуты и секунды. Я вчера обедал у пучеглазого племянника, или лучше сказать у племянницы, потому что в особенности мы с нею хорошо ладим. Я ее более полюбил с тех пор, что она поссорилась с племянником, не знаю за что, хотя она вчера много мне говорила об этом. На детском бале у Бобринской видел я дочь нашего Нессельроде. Не очень пригожа и рыжа, а говорят уменькая девочка. Какое замечательное и привлекательное лице у маленькой Булгаковой, ничего нет молдаванского, ни валаханского, ни лаханского, ни лоделаванского¹, а напротив, что-то удивительно отличное во всех отношениях. Хороша и вторая дочь Долгорукой-Гагариной. Первая уже выезжает и хвалится своею красотою, но не на мои глаза. Только в ней по мне и хорошего, что медный цвет лица. Дочь Гагариной-Бобринской также хороша и удивительно высока для своих лет. А прелесть мальчишки Бобринской, особенно меньшей. Все еще на празднествах и маневрах. Один наш брат и наша сестра каналья шатаются здесь. Кажется завтра возвращаются господа. А я плохой куртизан. Я прогулял даже праздник и у своей министерши. Поздно узнал в тот день, что у них в семье какой-то праздник. Мне совестно перед нею. Вероятно поеду сегодня туда обедать и выкупать свою вину. Она так ко мне добра, что иногда совестно перед другими. Тимирязева все еще очень больна. Кажется хотят просить государя послать за мужем. Любичевский все еще не имеет ответа ни от кого. Увидим, что будет после маневров. Начинаю бояться, что прокатился даром. А что Любимка Петровна? Как думаешь, ее перевезешь ли сюда? Прошу принять это письмо жертвоприношением. Я пожертвовал тебе сном и прогулкою. Рано встал, чтобы писать к тебе и не пошел гулять, хотя солнце было очень и соблазнительно. Теперь начну собираться в город. Прости душа моя. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною, который один и на странице и в Петербурге.

[Наклеен отдельный листок.]

Один Malortin при ганновской миссии, другой Gevers при голландской. Если успеешь угости их в Остафьеве. Более писать не могу, потому, что они сейчас едут.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

¹ L'eau de lavande — лавандовая вода.

Кулик-Голицын — Василий Сергеевич (1794—1836), член общего присутствия департамента податей и сборов.

Княжны-Кулики — у Василия Сергеевича были четыре сестры: Варвара, Наталья, Елизавета и Прасковья Сергеевны, последняя в замуж. Саражинович. В «Дамском журнале» 1832 г. помещена корреспонденция-отрывок из письма к приятелю о публичном бале в Строгановском саду, бывшем 7-го августа 1832 г. О том писала и «Северная Пчела».

Строгановский сад занимал очень большую площадь: начинался у Невы, у Строгановского моста, доходил до Черной речки и тянулся далеко вдоль Черной речки, в ту сторону, где Черная речка впадает в Неву.

Говорят, что он [Слоан] женат на Бутурлиной — три сестры Бутурлины — катюлички — были замужем за итальянцами.

Великая княгиня — Елена Павловна.

Великий князь — Михаил Павлович.

Пучеглазый племянник и племянница — Гурьевы.

Племянник — Карл Васильевич Нессельроде.

Дочь нашего Нессельроде — Мария Федоровна (1823—1874), в первом браке Каллержи, во втором Муханова.

Маленькая Булгакова — Мария Константиновна (1823—1848), фрейлина.

Долгорукова-Гагарина — Варвара Сергеевна (1793—1833), рожд. Гагарина.

Долгорукова вторая дочь — Варвара Васильевна (1816—1866).

Долгорукова первая дочь — Мария Васильевна (1814—1869), в замуж. Нарышкина.

Дочь Гагариной-Бобринской — Мария Николаевна (1820—1837),

Мальчики Бобринской — Александр (1823—1903), член Государственного совета, Владимир и Лев Алексеевичи.

Министерша — Екатерина Захаровна Канкринна, рожд. Муравьева.

Любичевский — Николай Иванович Кривцов, владетель имения Любичи.

Malortin — адъютант ганноверского посла Dornberg'a.

Gevers — атташе при голландской миссии.

113

Черная речка. Четверг.
(28 июля).

Здравствуй, моя милая. Что за погода! Ужас, всю ночь дождь лил как из ушата, да и теперь как из ведра. Спасибо за письмо от 21-го. Я еще не получил ни перьев, ни прочаго. А перья нужны. Канцелярские что-то подлы и не пишется ими бегло. Петергофские гости возвратились, все очень довольны своим пребыванием там, а мы рады, что оно кончилось, есть куда нос сунуть. Сегодня должен быть морской парад в Кронштадте, во всяком случае он будет мокрый. Завтра, или послезавтра еще сухопутный парад в лагере, а там и конец всем воинским ажитациям. Слава в вышних богу и на земле

мир! Но не для всех. Ваш племянник Гагарин, сын к. Павла, еще напроказил. Разругал кого-то, бог знает за что, пошли они драться ночью на пистолетах и Гагарин ранил противника своего тяжело в плечо. Он под арестом теперь и тем более, что сказывался больным и не отправлял службы, а между тем проказничал. Вероятно даром это не сойдет ему. Я третьяго дня видел Тимирязеву, она очень переменялась в лице. Раух говорил при мне que la maladie étoit très grave, sans que le danger fut imminent pour le moment, mais qu'il pouvoit le devenir¹. Желает просить государя, чтобы позволили мужу возвратиться. Она совершенно одна. Ходит к ней Полуектова, но не может же быть целый день при ней, тем более, что муж ее занемог (я еще не видал его, поеду сегодня), приезжает изредка с дачи своей старуха Мятлева и только. Я уверен, что присутствие мужа было бы ей очень полезно. Обедаю сегодня также у одной тяжко больной и докторами к близкой смерти приговоренной: у Храповицкой, у нее рак. Муж празднует серебряную свадьбу. Она очень меня любит и для этого обеда отказываюсь от двух других, Гагариной-Бобринской и Смирнихи. Конечно надпись на пакете руки Россети. Он очень забавен и смешит меня своими рассказами. Иногда необходимость видеть неизбежное лицо и не иметь задней двери куда юркнуть бы, или жены при себе, чтобы сдать ей на руки гостя, несколько тяготительно для меня и прет мне грудь, но по большей части он смехом разбивает мои тучи и я перестаю хмуриться и задыхаться от принуждения. Вчера получил я письмо из Дерпта (честь имею поздравить с победою: в первый раз написала ты D o r p a t) и первое впечатление, гордом произведенное, было благоприятно. La ville est jolie, propre, riante. J'espère vivre heureuse et gaie à Dorpat, j'ai pris définitivement cette résolution², пишет София. Начало экзаменов молодцам происходило благополучно: продолжение, то есть части, которые теперь будут экзаминованы, легче начала и следовательно успех верен. Смотри, Павлуша, готовься и ты, чтобы в грязь лицом не ударить, если придется и тебя отдавать в Дерпт или куда в другое место, но где-бы ни было, а все учиться и знать должно. Хоть и при себе останешься, все дураком совестно быть и в глазах своих. Ты мне давно не писал! Прошу-ка

¹ Что болезнь была очень тяжелая, хотя непосредственной опасности не было, но могла наступить.

² Город красивый, чистый, веселый. Я надеюсь прожить в Дерпте счастливо и весело, я окончательно приняла это решение.

написать и сказать мне чистосердечно как ты собою доволен и в чем недоволен, в чем исправился, в чем исправляешься и в чем еще исправиться должно. Прошу не лукавить, а представить мне сердечную и совестливую исповедь. Обещаю, чтобы ни сказал ты не бранить тебя. За себя скажу: кто старое вспомянет, тому глаз вон. Надеюсь, что и ты тоже скажешь о своих недостатках. А в задаток цалую тебя в лоб и в морду.

Учитель о котором я писал тебе вероятно может сбавить с цены своей. О Дерпте нельзя думать прежде года: надобно сперва Карамзиным испробовать что такое. Сейчас отправляю письмо к Толмачеву. Он за городом у нового начальника своего, князя Дондукова-Корсакова. Пошли же спросить и дай мне знать о здоровьи Корсакова.

Прощай душа. Je vais donner une heure aux soins de ma gazette¹, а там в город в департамент. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Гагарин — кн. Павел Павлович (1789—1872), впоследствии председатель Государственного совета. В «Комитете по крестьянскому делу» внес предложение о дарственном наделе, обеспечивающее выгоды помещиков. В 1848 году — член Следственной комиссии по делу «Петрашевцев», в 1866 году — председатель суда по делу «Каракозовцев».

Раух — Георгий-Адольф Иванович фон-Раух (1789—1864), доктор медицины и хирург.

Старуха Мятлева — Прасковья Ивановна (1772—1859), рожд. гр. Салтыкова.

Храповицкая — Софья Алексеевна (1786—1833), рожд. Деденева, кавалерственная дама ордена Екатерины.

Храповицкий — Матвей Евграфович (1784—1847), петербургский военный генерал-губернатор, член Государственного совета и комитета министров, председатель попечительного совета заведений общественного призрения в Петербурге и генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии.

София — Софья Николаевна Карамзина.

Молодцы — Карамзины Александр и Андрей Николаевичи.

Дондуков-Корсаков — Михаил Александрович (1794—1869), числился по министерству внутренних дел и служил по выборам гдовским уездным предводителем дворянства и совестным судьей.

Корсаков — Григорий Александрович Римский-Корсаков.

Здравствуй, моя милая. Пишу тебе из газетной комнаты, в мундирном фраке, на канцелярской бумаге, официальным пером и казенными чернилами. Следовательно не жди розового цвета в письме моем. Эта дача отнимает у меня много

¹ Я займусь часок своей газетой.

времени переездами в город ежедневно: тут прозеваешь четверть часа, там проронишь, здесь пробаландаешь и начтешь несколько часов. И переписка моя с тобою терпит от этого и это всего хуже. Россети также имеет на совести своей несколько получасов. Нет ничего хуже, как жить с товарищем, лучше жить с чертом: ему продашь душу свою, да и полно, уж он до смертного часа не трогает тебя, а товарищ мучит каждую минуту. И у этого русского народа нет никакой совестливости, видит, что человек занят, что ему нужно быть одному, нет, втюрится в комнату, начнет ходить взад и вперед и все только для того, чтобы не быть в своей комнате. Эти люди никак не понимают, что можно, что должно, что сладостно иногда одиночество. А у меня нервы иногда так забалаляют и ничатся, что муха мимо пролетит, а они и заиграют комаринскую, тут я скорее бумаги в стол, трубку в рот, или шляпу на голову и бегу... или на балкон глазеть на прохожих, или в коляску и пошел куда ни попало. Ну что это за жизнь, каторга, да и только. Спасибо за письмо от 29-го необыкновенного размера. Видно за живое задрал я тебя жалуюсь, что ты не жуешь писем моих, а глотаешь их как содовый порошок, после которого отрыгнется раз, да ничего на желудке и не останется. Я и не знал, что мои финляндки действуют с тобою по чухонски. В таком случае ты права и не езди к ним. Да не больна ли гр. Эмилия? Тимирязевой, слава богу, лучше. Молодая Витгенштейн решительно умерла. Погода у нас опять испортилась. Воронцовы одесские приехали на пароходе, но не вышли еще из карантина, по причине холеры в Любеке. Холера опять загуляла по белому свету. Того и смотри, что и к нам зачешется, да правда, мы не белый свет. Что наша 18-ти летняя мамзель? Пришли ли вовремя и по вкусу ей мои серьги? Как провели, то есть проведете (в добрый час молвить, а в худой промолчать) 7-е число? Что дал бы я чтобы с вами быть, охотно, пряжку за беспорочную службу, по которой вычитаются отпуска. Прощай, душа, прощайте души. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною.

Финляндки — Аврора Карловна Шернваль (1813—1902), в замуж. по первому браку Демидова, по второму — Карамзина, и гр. Эмилия Карловна Мусина-Пушкина (1810—1846), рожд. Шернваль.

Воронцовы одесские — Михаил Семенович (1782—1856), генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Южного края, наместник Кавказа, светлейший князь. Участвовал в коммерческих предприятиях компании дилижансов, пароходства на Черном море, приобрел большие земельные участки в Крыму. На него написана Пушкиным знаменитая эпиграмма:

Полумилорд, полукупец,
 Полумудрец, полуневежда,
 Полуподлец, но есть надежда,
 Что будет полным наконец.

Гр. Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792—1880), рожд. гр. Браницкая. См. об отношении Пушкина к Воронцовой статью Гершензона «Пушкин и графиня Е. К. Воронцова». (Собрание статей в сборнике «Мудрость Пушкина»).

Любек — вольный город на р. Траве в 15 километрах от Балтийского моря.

18-летняя мамзель — старшая дочь Вяземских Мария Петровна.

Пряжка за беспорочную службу — знак отличия за беспорочную службу, выдававшийся каждые пять лет. Основан Николаем I в память его коронации.

Спасибо за фрукты, привезенные Давыдовым, но большая часть была испорчена: виноваты в том и я и ты. Я несколько дней не брал ящика от Давыдова, думая, что это перья, а ты худо сделала, что не сказала ни Давыдову, ни мне, что тут фрукты. Разочти хорошенько, сколько нужно тебе комнат и в каком порядке хочешь их иметь и дай мне знать. Квартира Карамзиных уже сдана другим за 4500 руб. Карамзины мне все ответа не давали, оставляют ли они ее за собою, а между тем по контракту сказано, что за два месяца должно сказать решительно. Впрочем я не очень о ней жалею, расположение для нас было бы не очень удобное, да и довольно дорого, особливо же с прибавкою пятисот рублей. Одна выгода, не искать, а теперь предстоит мне скука: да, уж так на роду у меня написано, что все идет на выворот, и что там где другим как по маслу, мне как по еловым шишкам. Где нибудь и когда нибудь с хозяином разочтемся. Что я ему за дурак достался, что он меня произвел в бедного Макара. Тимирязевой лучше. Кривцов скоро поворачивает оглобли домой. Не знаю еще с кладью, или порожнем. Как мне грустно, что я завтра не буду с вами, мои милые. Помолитесь за меня. Двор переехал на Елагин на несколько дней. Государь, сказывают, едет в Порхово на несколько дней, о поездке его на Нижегородскую ярмонку перестали говорить. Императрица переезжает в Царское село. Скажи Петру Александровичу Кологривову, что Уваров на-днях едет в Москву и следственно священник может сам устроить дело свое. Я между тем увижу Уварова и предварю его о том и тогда напишу ему. Воронцовы здесь,

выдержав несколько дней карантина в Кронштадте, она, сказывают, едет в Белую церковь и постарела. Городские слухи назначают его на место Паскевича в Варшаву, но достоверного ничего нет. Вот еще городской слух: Дюргам говорит после маневров княжне Урусовой, что много сожгли пороха и что если маневры продолжались бы еще, то не стало бы более пороха у нас. Non, nous en aurions encore suffisamment, ainsi que des balles et de la mitraille, — отвечала ему. Mais c'est une déclaration de guerre que Vous me faites là¹, — сказал он ей. Надеюсь, что это все выдуманно, потому что такая политическая выходка была бы очень неуместна на языке девицы, а особенно княжны Урусовой. А у меня все еще нет ни перьев, ни книг. Хотите ли варшавских башмаков? Привезли сюда. В таком случае пришлите мне свои башмаки для мерки. Говорят княгиня Тереза будет сюда скоро. Я рад. Все здешние мне тошны, такие подляшки, что мочи нет, так потом подлости описывают, даже самые чистоплотные. Кажется свежи, а подойдешь поближе, пообнюхаешь из-под мышек понесет кислятиною. Как я презираю здешнее общество! И как оно презрительно! Кажется уже вышло постановление, по которому отсрочивается уплата денег, выданных московскою строительною комиссиею. Этот оборот был бы очень хорош. С богом! Что делаешь с лошадьми? Ведь не приведешь их сюда? Дай мне знать и что людей будет с тобою? Как с мебелью? Мещерская тебе уступает свои, или дает на подержание? А мебели Карамзиных? Перепишись с ними поэтому, а у меня все выходит как-то бестолковщина, и после я всему виноват. Бог знает, как вы понимаете мои письма Вот Катенька пишет к матери, что ты сюда не будешь, и Карамзина велит продавать свои мебели, или сложить их куда-нибудь. Я пока остановил.

Прости, душа моя. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною.

Скажите Лизе Окуловой, что я начал для нее переводить песню:

Нет совсем он не такой
как бывало холостой.
Non dutout il n'est plus comme
Il était étant jeune homme².

¹ Нет, у нас его еще достаточно, равно как и пуль и картечи, — отвечала ему. Но это объявление войны, которое вы мне делаете.

² Нет, он совсем не такой, каким был молодым.

Давыдов — Дмитрий Александрович.

Елагин — остров под Петербургом.

Порхово — уездный город Псковской губ.

Белая Церковь — местечко Киевской губернии, Васильковского уезда.

Княгиня Тереза — Тереза Михайловна Яблоновская (1793—1847), рожд. княж. Любомирская.

Мецгерская — Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина.

Катенька — она же.

Лиза Окулова — Елизавета Алексеевна, в замужестве Дьякова.

«Нет, совсем он не такой» — 4-го сентября Вяземский сообщал А. И. Тургеневу, что Норов писал ему о Елизавете Петровне Пишковой:

Нет, совсем уж не такая,

как бывала холостая.

116

8-го августа.

Здравствуй, моя милая. Сейчас получаю ваши письма от 4-го августа с письмами и 30-го. Ну, как же не ругать тебя на чем свет стоит и не сказать, что ты детей приучаешь к беспорядку. Я очень доволен письмом Пашеньки. Что наша 18-тилетняя мамзель? Легко сказать 18-тилетняя. Праздновали ли вы вчерашний день? Здесь на островах были сельские балы, иллюминации, фейерверки и везде бездна народа и экипажей. Откуда все это берется и что за движение здесь по праздникам невероятно. Государь уехал в Порхово, государыня в Царское село. Полуектова тоже. Великий князь едет к вам. Здесь поговаривают об екзекрабильной индианке¹. Я уже сел на полугéгитe. Чем лакомился я во время оно в Остафьево? потому что от фруктов полуотказываюсь. Доселе были только частные случаи, а эпидемии еще нет. Между тем я уже купил в английском магазине мятной воды, подобно той, что имел в Остафьево и везу бутылочку свою на Черную речку про черный день. Не позабыть велеть купить шалфею, бузины, ромашки etc. etc. etc. Навоза жечь нечего, потому что и так здесь везде горит навоз в сердцах. Шутки шутками, а я гостю не рад. Уваров едет в Москву и собирается танцевать с тобою. Скажи Петру Александровичу, что священник Спиридоновский может явиться к нему. Я предварил его о нем, а здесь до отъезда своего он уже сделать ничего не может. Кривцов едет, кажется, завтра. Он хотел быть у тебя. Тимирязевой лучше. Пока прости. Я сегодня писал от 8 часов утра до 4-го и не *billets doux*², а всё казенное. Приехал в город сдать бумаги свои, обедал в трактире и теперь опять пишу. Что за чернильная жизнь. Теперь

¹ Экзекрабильная индианка — холера.

² Не любовные записочки.

еду на дачу свою, где вероятно уже ждут меня Кривцов и Давыдов, Давыдова везу к Булгакову.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Что не говорите вы мне о Надиньке? К 18-тилетней сиятельной имею или имел честь писать вчера.

117

9-го авг. вечером.

Кривцов сейчас едет не так, чтобы совсем с чем-нибудь, но однакоже и не ни с чем. Успех его, как и он сам об одной ноге. Впрочем он слишком напирает на редакцию записки, по которой принят он вновь на службу. Тут нет ничего оскорбительного и если не приняли его с распростертыми объятиями, то все-таки приняли. Теперь от Блудова зависит будущее, и я крепко надеюсь, что он устроит дело хорошо. О себе сказать мне нечего. В последних письмах моих было несколько отрывков кислых и навозных, но право, честью клянусь, нет никакой важной причины. По службе напротив Канкрин со мною очень хорош и ласковее и откровеннее прежнего. Бибикова ожидают сюда к сентябрю. *Mes renvois étoient tout simplement insipides à la Napoléon¹*, кажется так. В общежитии есть замашки, которые задевают и наводят тошноту. Сердишься на людей, а еще более на себя. Здесь личность, то есть *l'individualité²* ничего, а главное лице, которое играешь на сцене. Те самые, которые со мною очень хорошо за-просто, там где чин чина почитает обходятся со мною иначе. Часто видишь себя на месте какогонибудь домашнего человека, танцмейстера, которого сажаят за стол с собою семейно, а когда гости, ему накрывают маленький столик особенно, или говорят: приди обедать завтра. Я заметил нечто похожее на то и там, где никак не ожидал, а именно у Долли. Прошу не воображать гут ревности, или чего подобного, честью клянусь, нет ничего и близкого к тому, нет и тени. Нет опять тут и оскорбления и на лице мое, это так общее заведение. Я в том уверен и убеждаюсь опытами очевидными в других, стало обижаться мне нечего, но не чувствовать тошноты, не иметь изгазы также невозможно. Все таки досадно и именно на себя в такой вонючей атмосфере, что все провоняли и некому жаловаться, потому что у всех нос залег и закоптел... Я дал почувствовать Долли, что не могу не гнушаться такую подлостью и дал-бы по-

¹ Мои отрывки были попросту нелепы а ля Наполеон.

² Индивидуальность.

чувствовать более, если не ваши сиятельства, которых ожидаю сюда и которым должен я однакож приготовить несколько гостиных, куда можно будет вам показаться. Je t'attends à l'épreuve avec ta susceptibilité et tu m'en donnera des nouvelles. Prépare-toi à être souvent et vivement froissée. Je te réponds qu'il n'y a point ici de savoir vivre¹.

Между тем не подумай, что я в ссоре с целым миром и особенно с Долли. Сегодня еще утром был у них попрежнему и сейчас опять к ним еду. Но едет и Кривцов и ждет меня у себя, то есть на краю света, а уже девятый час вечера. Сегодня писал, т. е. сегодня отправлены письма к тебе и Маше.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Долли — Дарья Федоровна Фикельмон, рожд. гр. Тизенгаузен.

Mes renvois étoient tout simplement insipides à la Napoléon — можно предполагать, что этими словами Вяземский намекает на жестокую критику, которой был подвергнут исторический труд Вальтер Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта» со стороны сотрудников «Journal des Débats».

118

11-го августа. Черная речка.

Вот вчерашний день был бы для тебя денек, такой денек, в который ты торжествуешь, возишься надо мною, стряпаешь мне, одним словом я был нездоров и пролежал в постеле. Теперь мне гораздо лучше, но я все-таки и сегодня не выду из комнаты, хотя погода и светлая, а вчера ужас, что была за погода. Я просто простудился и, разумеется, желудок был также немножко расстроен. Кажется перееду в город. В комнатах без печей здесь лето проводить нельзя. И что за лето! Карикатура южных зим! Нового здесь ничего нет. Об экзеkra только редкие случайные припадки de choléra sporadique². Сказывал ли тебе Кривцов, что я уже находился на холерном положении, заехал к ним и просил вместо чая, которым меня потчевали, ромашки пополам с мятою! Дело в том, что мне было уже не по себе и чувствовал я жар и ломоту. Тимпрязевой лучше. Слоан был у меня, не застал и оставил записку, в которой сказывает, что сегодня, то есть в Четверг, едет в

¹ Я ожидаю испытания тебе при твоей щепетильности и ты мне сообщи новости. Приготовься быть часто и чувствительно оскорбляемою. Я тебя уверяю, что здесь вовсе нет умения жить.

² Спорадической холеры.

Москву и просит писем к тебе. За вчерашним нездоровием не мог я ни отыскать его, ни приготовить письма к тебе. Если увидишь его, объясни ему причину, что я не отвечал на его доброе предложение и поблагодари за внимание. Я на-днях наткнулся носом с Жихаревою, поклонился ей, а она зашипела, надулась и если могла бы, то верно брызнула бы на меня, если не ядом, то по крайней мере какую-нибудь материею вонючею. Как она распозлзлась! Зачем она здесь? А с ним случилось ли тебе встретиться? Кривцов поехал отсюда как Раевский, в саду на колесах (sic!). Чтобы служить de contre-coup¹ письму моему последнему вот тебе записка от соседки. Как показались тебе наши молодые дипломаты? Они добрые ребята, сколько знаю их. О Жуковском ничего не слышно. О Тургеневе также. А ты что знаешь о Мещерском? Мы познакомились с русским, то есть с автором lettres d'un Russe². Если хочешь прочесть их, то можешь взять у Дмитриева, которому я послал. Когда увидишь Норова, извини меня перед ним, что я не отвечал еще на письмо его за хлопотами и нездоровием, первые и он очень знает, а второго желаю ему никогда не знать. Пока прощай, душа моя. Я еще слаб и глуп.

Je vous félicite, chère Marie, avec votre fête. Je desire que Vous passiez ce jour agréablement, qu'il fasse beau, que Vous ayez du monde, que Vous et M-lle Pauline puissiez danser. Quant à mon cadeau il arrivera plus tard, car pour le moment je n'ai pas d'argent et garde ma chambre à la Черная речка. Merci pour vos lettres, mes bonnes amies. Amusez Vous, mais aussi utilisez votre temps. Pourquoi ne me dites Vous rien de Nadinka? Il me vient quelque fois en tête, qu'elle est malade et que Vous gardez à son sujet un silence obligé pour ne pas mentir ou ne pas m'inquiéter. Je Vous embrasse tous les quatres du fond de mon coeur³.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

¹ Контр-ударом.

² Писем русского.

³ Поздравляю вас, дорогая Маша, с днем ваших именин, желаю вам приятно провести этот день, чтобы погода была хорошая, чтоб у вас были гости, чтобы вы и Полина потанцовали. Что касается до моего подарка, то он прибудет позже, так как в настоящую минуту у меня нет денег, и я сижу в своей комнате на Черной речке. Спасибо за ваши письма, мои милые друзья. Забавляйтесь, но также с пользой употребляйте ваше время.

Почему вы ничего мне не пишете о Наденьке? Мне иногда приходит в голову, что она больна и что вы на этот предмет храните вынужденное молчание, чтобы мне не лгать или чтобы меня не беспокоить. Я вас всех четырех целую от глубины сердца.

«Карикатура южных зим» — Евгений Онегин, гл. IV, XI.

«Но наше северное лето
Карикатура южных зим».

Жихарева — Федосья Дмитриевна (1795—1850), рожд. Нечасва. У Вяземского разладилось знакомство с Жихаревым из-за Александра Ивановича Тургенева. Жихарев, облеченный полною доверенностью А. И. Тургенева, который был за границею, запутал дела его и присвоил суммы, полученные с должников Тургенева.

Раевский — Николай Николаевич — сын.

Дипломаты — Malortin u Gevers.

Соседка по даче — Дарья Федоровна Фикельмон.

русский — автор lettres d'un russe — Елим Петрович Мещерский.

Норов — Авраам Сергеевич.

119   Черная речка, 12-го августа.

Что-то давно нет от тебя писем, моя милая. А мои доходят ли до тебя? Боюсь, что эта Черная речка не расстроила бы исправного течения моей переписки. В городе есть у меня почтовая книга для записывания и есть почтовая лошадь для отвоза, мой дядька, который в этих случаях верен, как осел. А теперь порядок расстроился, посылая я несколько раз с другим моим человеком, а человек все не так верен как лошадь, которая притом сбивается на осла. Жаль, что я не завел нумерации в письмах моих. Ты, пожалуй, думаешь, что я из самолюбия так дорожу письмами моими, а грешешь, во-первых, знаю, что письма мои доказывают тебе, что я о тебе думаю и следовательно тебе приятны, а потому и мне, а во-вторых, не люблю пропажи. Помнишь ли, сколько стояло мне труда однажды отыскание иголки? Я третий день не выезжаю и по обыкновению своему присиделся, однакоже завтра думаю выехать и то для вас. Стану приискивать дом. Не надеюсь жить на фашьонабельной улице. Тут сейчас разность вдвое. Вот жестокое испытание. Господи владыко живота моего, дух праздности, уныния, мыслости не даждь мне, дух же решимости, терпения, квартирнанятия даруй мне рабу твоему! Приезжай-ка на неделю сюда несмотря на молитву мою, ибо на бога надейся, а сам не плошай. Россетик плохой помощник, и я сказал ему, что буду жаловаться тебе на него. Усы вскружили ему голову и он ищет вступить опять в военную службу. Он очень забавен и спасибо ему, с тех пор, что я болен, он почти не бывает дома, следовательно лакомлюсь им без пресыщения. А каждый день смешит он меня несколько раз очель

забавно. В уме его есть много неожиданности и русской карикатурной наблюдательности. Это истинное свойство русского ума, как живописцы карикатур видят в каждом лице даже и правильном какое-нибудь карикатурное соображение, так русский во всех видах жизни и света схватывает смешную точку или выводит смешное заключение. У нас карикатурная оптика. Что за черная полоса на варшавских счастливицев. Шмит пропал без вести, а у Моренгейма ум без вести пропал. Он был в Вене русским органом по делам Кракова и однажды на министерском заседании начал говорить о Кракове, как о державе первой степени. Ему заметили эту странность, и он вдруг объявил, что она конечно держава первостепенная и тем более, что он краковский король. *La séance fut levée et le pauvre Mohrenheim enfermé comme fou*¹. Мне сейчас рассказали это Лубинский и Фредро, которые сидели у меня вечером. На мою голубятню лезет много народа, сегодня были у меня два министра Блудов и Фикельмон, два почт-директора оба Булгаковы и два польских генерала, чтобы не разбивать пар. А из одиночек был Пушкин, впрочем и тут может быть пара, потому что Фредро был сегодня у меня два раза, а он и поэт и встретился у меня утром с Пушкиным, который скоро едет в Москву, проездом в Нижегородскую деревню. Видела-ли ты сказку Франклина в *la jambe de bois*?² Блудов, кажется, к нему очень хорошо расположен. Теперь к. Дмит. Влад. мог бы устроить судьбу его. Был ли он у князя? Постоянный мой посетитель также Вьельгорский, но сегодня он поехал в Царское село. Дмитри-Давыдов уже поместил Ростислава в школу путей сообщения. Он очень хорошо выдержал экзамен свой. А ты, Павлуха, мог ли бы выдержать экзамен? Что же не отвечаешь ты мне на вопросы совести твоей? Как-то и от Карамзиных нет писем. От Дениса Давыдова получил я письмо, который мне пишет, что у жены уездного судьи ученой и метроманки нашел он в кабинете портреты разных авторов, писанные масляными красками дворовым Макаром и между прочим портреты В. Скотта с носом Константина Ржевского и Байрона ни дать, ни взять П. А. Кологривовой. Скажи Четвертинским, что Борис был у меня третьего дни, здоров, пополнел и посвежел, вчера отправились они в Шлиссельбург на подножный корм, *se qui ne lui fait pas venir l'eau à la bouche*³. Четвертинский дядя

¹ Заседание было закрыто, и бедный Моренгейм был заперт ввиду того, что сошел с ума.

² Деревянная нога.

³ Отчего у него не текут слюнки.

едет на-днях в Гродно. Кстати о подножном корме: нужны ли вам варшавские башмаки? Варшавянка, которая привезла их, очень мила и настоящий тип варшавских паненок, почему и хотелось бы мне услужить вам несколькими парами башмаков, ты видишь, что хотя я и стар и болен, и холера начинает давать *des coups de pied au cul, moi, je ne te touche pas du pied*¹. Вот девятый день, что холера оказывает здесь и всего занемогших до нынешнего дни двадцать человек, но припадки не сильные, хотя есть и умершие. В Кронштадте она слабеет. Впрочем здесь никаких мер не принимают и разговоров о ней мало. Один я не забываю старых приятелей. Не думай однакоже, что я очень озабочен ею, честью клянусь нет. А ромашки и мятой воды почему же не пить? Оно во всяком случае и полезно и приятно и никому вреда сделать не может, разве мне. Будешь ли представляться великой княгине, а великая княжна наша представится ли? Вот уже мост нашего Стикса загремел под каретами разъезжающимися от австрийского соседства, уж за полночь, пора и мне больному ложиться спать. Впрочем я теперь совершенно бодр и свеж, а завтра надеюсь встану еще бодрее и свежее. Благослови меня на грядущий сон, а я тебя и вас и бог с вами и со мною.

13-го августа

Сглазил я немножко свой сон и ночь провел не очень хорошо, по крайней мере первую половину, но теперь чувствую себя лучше, однако же не выеду сегодня, потому что и погода сыра и Долли не велела выезжать. Досадно, что не успею сегодня осмотреть дома, но посылаю в город искать квартиры. Прости, душа моя, поцалуй за меня нежно милую имянинницу 15-го августа. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Бог с вами и со мною.

Моренгейм — бар. Павел Осипович (умер в 1832 г.), служил по министерству иностранных дел, камергер.

Фикельмон — гр. Карл-Людвиг, австрийский посланник.

Франклин — Вениамин (1706—1790), писатель и политический деятель. Изобретатель громоотвода. Начал карьеру с наборщика в типографии. Автор декларации о независимости Северо-Американских Штатов. Принимал деятельное участие в заключении мира с Англией и в выработке конституции.

«*Jambe du bois*» — Здесь Вяземский намекает на рассказ Франклина: *La belle jambe et la jambe difforme*, в котором Франклин говорит, что никогда не надо сосредоточивать внимание на недостатках людей. Здесь под «*la jambe du bois*» подразумевается Н. И. Кривцов, у которого была искусственная нога.

¹ Давать пинки в зад, я не ударю лицом в грязь.

Ростислав — Ростислав Дмитриевич Давыдов (1819—1869), генерал-майор.

Четвертинский-дядя — Густав Антонович Святополк-Четвертинский.

Стикс — так Вяземский называет Черную речку. Стикс-река в аду, через которую перевозили души мертвых (греческая мифология).

именинница — Мария Петровна Вяземская.

120

Черная речка, 14-го августа.

Так-то, я болен, а вы там веселитесь, да и так веселитесь, что забываете писать ко мне. Насилу дождался я сегодня письма от тебя. Впрочем и мне лучше. Я выезжал ныне, погода была хороша и тепла. Если у меня нет балов, то есть женские посещения. Вчера были два княжества Булгакова и Иксульша, а сегодня Елиза и Долли. Завтра Булгакова также именинница и вероятно буду обедать у них. Ах ты провинциалка, ты никак не можешь представить себе, чтобы князь Кочубей не был красавец, потому, что он из Петербурга и что отец его председатель Совета. Только, сделай милость, не говори другим этого, а то тебя засмеют. Впрочем, я никогда в берете его не видал, а берет его, может быть, заколдованный. Касательно Авроры и со мною было то, что с тобою. В первый раз она меня не поразила. Надобно ей непременно разгореться, чтобы хорошенько взглянуть ее, а там уже каждый раз кажется она лучше.

Что же не говоришь ты, как понравилась вам дипломатическая молодежь? Или у них не было беретов? Я получил письмо из Дерпта. Они здоровы. Что не говоришь ты мне о Катеньке? Как я рад, что ты заговорила мне о Надиньке, с души слегло, а то все как-то беспокоился я о ней, подозревая молчанье твое. Однакоже ей, я думаю, не хорошо делать такие большие прогулки. Завтра утром отправляюсь смотреть дома, есть несколько на примете. Ты, я думаю, бесишься на меня, что я прозевал квартиру Карамзиных, Машенька так тебе ее расписала, что ты уже мысленно расставила здесь кушетку, там этажерку, тут судно и я вдруг расстраиваю всю поэму твою. Как ни сердись, а я более сержусь. Авось бог наградит мое страдание и приищу чтонибудь хорошее. Да ты, которая такая мастерица выпрашивать, не найдешь ли в Москве у кого выпросить квартиру в Петербурге. Подумай. За сколько отдала ты дом Мещерским? Уж верно содрала с них по-жидовски, благо, что свои. Помилуй, дипломаты едут еще в Нижний и в Астрахань, а ты мне с ними посылаешь перья. А до того чем же писать прикажешь? Носом что ли? И так перья мои курносые. Если так, то прощай, жди писем моих по возвращении из Астрахани. Кстати о перьях, что делают мои индюшки? Ты так

обрадовалась и засуетилась, как приехал к вам принц беретный, что того и смотри велела их всех передуть, чтобы угостить его. Поздравляю с завтрашнею именинницею. Дай бог ей счастья, а нам радоваться ею. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Булгакова — Мария Константиновна (1796—1879), рожд. Варлам, жена петербургского почт-директора.

Кочубей — вероятно, Лев Викторович (1810—1890), поручик Кавалергардского полка, позже — полтавский губернский предводитель дворянства.

Аврора — Аврора Карловна Шерваль.

121

17-го августа.

Спасибо за ваши письма от 13-го. Дай бог, чтобы все было у вас благополучно ныне и впредь. Отчего же на место Квашикова не взять нашего крестьянина, о котором я писал прежде. То-то у нас все славно идет как по маслу. А я все-таки позже сочтусь с хозяином. Я ночевал в городе и сейчас еду смотреть дома. Я такое распределение и искал, как ты пишешь. О доме Карамзиных право жалеть нечего, не то что виноград кисел, или уже прокис, но точно у меня не было бы порядочной комнаты особенной, а для служащего она необходима. Я вчера получил твое письмо у Вьельгорского и прочел ему и Пушкину твои сквернословия обо мне. Погода ужасная и искать дома по этой погоде невероятное наслаждение, так и благословляешь себя, тебя, детей, лошадей, прачек и проч. Пока прости, пора лазить по лестницам и заглядывать в нужники.

Merci, mes bonnes amies et mon bon ami, pour vos lettres. Je vous répondrai plus tard. Maintenant je Vous quitte pour Vous réunir à moi. Je vais chercher un appartement. Et cette petite polissonne de Nadinka pourquoi ne m'écrit-elle pas? Je vous embrasse tous de tout mon coeur¹.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

122

Черная речка, 19-го августа.

А дома всё еще нет для вашего сиятельства. Домов-то и довольно, да всё или чего недостает, или что-нибудь лишнее. Разумеется, недостаток в комнатах, а излишек в цене. Мне не хотелось бы платить более 4000 р. Кажется и так довольно до-

¹ Спасибо, мои дорогие девочки и милый мальчик, за ваши письма. Отвечать вам буду позднее. Теперь я вас покидаю, чтобы соединиться с вами — отправляюсь искать помещение. А почему эта маленькая шалунья Наденька не пишет? Целую вас от всего сердца.

рого ценю удовольствие быть с вами. Жаловаться вам нельзя, что обижаю вас. А на беду свою поспорился я вчера с извозчиком и сижу теперь пока без лошадей. За то выпросил у Булгакова почталиона и отправил его объездить Петербург вдоль и поперек и осмотреть все, что отдается внаймы. К тому же все эти дни погода была прескверная, так что не было возможности таскаться из дома в дом или опять пришлось бы занемочь и засесть дома. Как распорядишься ты с деньгами? Обдумай и дай знать. Это главная статья. Без денег в запасе тебе приехать сюда нельзя. Здесь нигде не найдешь и нет у меня таких связей. Карамзиных, Жуковского нет, а у других нет. Упаси боже дебютировать затруднительным положением. Бери свои меры и так устрой к тому времени приезд свой. Я вам стоить ничего не буду, за это отвечаю, да уж и за то от меня ни алтына не получите; делайте как хотите, мой ангел, вы знаете, что я для вас готов всюду и на все, а что касается до денег так ни ни и тпру тпру. А что будет дохода нынешнего года? Пожалуйста, соберись с мыслями, со временем, приведи все в ясность, положи все на бумагу, оточи, что нужно платить в опекунский совет, что на содержание дома и дворовых, что туда, что сюда и наконец, что вам останется на прожиток. Лучше вам приехать сюда месяцем позже, да по крайней мере обеспечить свой год вперед, или хотя месяцев 8, а там летом увидим, что будет, можно и в Ревель, можно au pis aller¹ и в Остафьево. Но главное быть уверенным до половины мая. Вот как и что я думаю и, кажется, очень резонабельно. Никита Волконский возвратился и привез мне известие от Жуковского, которого он видел в Эмсе и в довольно хорошем, по крайней мере, не в худшем прежнего положении. И от старого конюшенного имею письмо из Франкфурта. Слава богу, теперь я успокоился, а то молчание и здешние слухи о Жуковском очень меня тревожили. Каков Никита-сь, черт знает где ни перебивал в немногих неделях, был в Берлине, в Эмсе, отвез жену в Сиену и возвратился как встрепанный и говорит qu'une pierre qui roule toujours ne fait pas de mousse². Признаюсь завидно мне мшистому. Зенеиде лучше.

Вот новый каламбур Россетика: он видел у кого-то прекрасную тросточку и говорил qu'il a une faim sapine³. Вчера видел я в первый раз Воронцову у Бобринской. Не могу сказать, что она

¹ На худой конец.

² Камень, все время катящийся, не обрастает мохом.

³ Неутоимый голод. (Игра слов).

постарела, потому, что не знал ее прежде, но скажу что она стара, право в роде благодетельной Элизы и у моей прелести еще аппетитнее. Мы друг друга рекогносцировали, но не познакомились. Она, кажется, завтра едет в Белую Церковь, а там опять в Одессу. Великие княжны возвратились из Ревеля. Если встретишь Александра Булгакова скажи ему, что очень жалею, что он так тихомолком улизнул. Сейчас слышу из комнаты своей новый каламбур Россетика и все в палочном вкусе. Ему Сологуб говорит: prenez donc votre canne, — нэп, је не veux pas m'encanailler¹.

Прости пока, еду сейчас в город на Россетинских животах. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Что Пашенька? Здесь болезнь все идет понемногу, но известных, или знакомых случаев нет. Бог с вами. Поправлял ли кто русское письмо Павлуши?

Булгаков — Константин Яковлевич.

Никита Волконский — Никита Григорьевич.

жена Никиты — Зинаида Александровна Волконская, рожд. кнж. Белосельская-Белозерская.

Бобринская — Софья Александровна, рожд. гр. Самойлова.

великие княжны — дочери Николая I: Мария, Александра и Ольга.

Сологуб — Владимир Александрович (1813—1882), писатель. Оставил воспоминания.

123

Черная речка, 20 авг[уста].

Благослови меня, родная! Сейчас еду в город с твердым намерением решиться на дом. Есть несколько в виду, кажется, удобных. Погода хорошая, надобно воспользоваться красным днем. Моренгейм умер вслед за помешательством своим. Впрочем ничего нового нет. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною и сойди благословение его на ДОМ наш. Спроси у Демида, отправлен ли пакет мой к княгине Щербатовой?

124

Черная речка, 22-го авг[уста].

Нет и твое благословение, милая моя, не помогло. Мы все еще без дома. А я и нищим раздаю милостыню перед тем, что пускаюсь на поиски, да и то все даром. Вчера с 12-го часа до 5-го таскался я из края в край и везде находил неудобства или в помещении, или в цене. Здесь дома еще глупее строятся, нежели в Москве. А к тому же на беду мою я никак не умею мыслен-

¹ Возьмите вашу трость. — Нет я не хочу связываться с канальями. (Игра слов).

но распорядиться комнатами, разложить план размещения, меблировать пустоту. Выписываю из Царского Села Aimée. Не знаю будет ли. Я писал ей *qu'il faut l'oeil d'une femme pour bien juger de la commodité et des commodités d'une maison*¹. Есть дома хорошие, но не отдают их менее 6 и 7000. Ох, уж эти Карамзины и ох, этот я! Конечно мы не очень хорошо расположились бы в их покоях, а особенно я, но по крайней мере квартира была уже под руками... Стоило только присесть, а теперь между многими покоями как *comme le cul par terre*². Сейчас опять еду в город, несмотря на коронацию и на дождь. Есть у меня на виду квартира на набережной, не знаю только, как согласимся в цене, да и надобно ее почистить, а то она очень грязна. А местоположение хорошее, на самой Неве, один страх только, не холодно ли будет. Таскаясь по квартирам отдохнул я несколько у княгини Терезы, которая совсем не переменялась, так же свежа, так же мило гнусит. Она очень радуется приезду твоему сюда. У нее большие дети, только я не успел их порядочно разглядеть. Сказывал ли я тебе, что наконец получил известие от Жуковского и старого конюшеника. Да, сказывал. — А что фабрика наша? Вот еще точка с запятой в грамоте жизни нашей. Что за тарабарская грамота? Ни почерком, ни слогом не отличается она. А впрочем, кто пишет эти грамоты? Мы сами, нечего сказать, сами. А у меня ведь все еще нет книг и прочего посланного тобою. Куда они заехали? Мастерница ты делать отправления. Только сидеть бы тебе с Талейраном (*sic*) и с Матушевичем в Лондонской конференции. На дачах еще пока все сыреют, хоть выжимать. О холере замечательного сказать нечего: *elle va son petit bout de chemin*³. Сказывают, что придворный диакон умер. Многие испугались этому, говоря, что если бог уже своих не бережет, то чего нам грешным ожидать. А что твоя болезнь, о которой по почте непристойно говорить, то есть ваша, то есть Остафьевская. Не запускаяй однакоже и выпиши доктора, осмотреть весь женский пол и мужской. Шутки в сторону. Вся деревня может заразиться на несколько поколений. Больных, разумеется, отправить в больницу. Но прошу тут не слушаться ни Анны Захаровны, ни Демида, ни скупости своей. Дело не в деньгах. Вчера опять был бал, иллюминации на Куликовском поле, пропасть народа. И я тут прошатался от 7 до 11 часов, так что вчера целый день был в должности и в действии. Только успокойся и тут также празднующимся был, как и утром по домам

¹ Нужен женский глаз, чтобы верно судить об удобстве и уборных дома.

² Прямо как задом на земле.

³ Она идет потихоньку своей дорогою.

с тою разницею, что утром я желал найти, а вечером нет. Я становлюсь стар, матушка ваше сиятельство. По привычке, как старая собака бегу еще за другими на охоту, но где надобно действовать, там прижму хвост, да и полно. Даже плохо и говорится, не говоря уже о прочем. Теперь я самый муж по тебе, глуп, ленив и стар. Приезжай поскорее, а то неравно помолодею опять.

Пока прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Скажи мне, получишь ли это письмо, потому что посылаю его не с дядькою и хочу знать, верить ли Ивану?

Aimée — Любовь Федоровна Полуектова, рожд. Гагарина.

Княгиня Тереза — Тереза Михайловна Яблоновская.

Матушевич — гр. Адам Фаддеевич (1791—1842), служил в статс-секретариате царства Польского и в Коллегии иностранных дел. Участвовал на конгрессах в Троппау и в Вероне; полномочный министр на лондонской конференции; чрезвычайный посланник в Неаполе; посланник в Стокгольме.

Лондонская конференция — была созвана по вопросу отделения Бельгии от Голландии и продолжалась несколько лет.

Куликовское поле — Строгановский сад на Черной речке.

125

24-го августа.

Бог дал мне какого-то итальянца, который со мною и за меня хлопочет, ищет дома, как привидение является передо мною неожиданно и таинственно там, где я смотрю квартиру, будит меня рано по утру и говорит, что он уговорил хозяина уступить в цене и так далее. Благодаря этому черному человечку дело, кажется, кончено и я беру этаж верхний в доме Баташева на Невской набережной. Из всех виденных мною квартир нет приятнее и удобнее этой. Дай бог в добрый час и исполать черному человечку! Только дело не обошлось без обещания ему от меня. Хорошо, что дело идет не о душе, а о языке, я обещал ему не души ваши, когда приедете, а языки барышень наших, которые он будет италианизировать. Высылай денег, матушка ваше сиятельство, тысячи две, по крайней мере. Надо при заключении контракта дать половину денег. Я надеюсь, что ты скоро успокоилась письмами моими и узнала, что болезнь моя была вовсе не важна и что я скоро совершенно выздоровел. Ты уже должна была получить несколько писем моих здоровых и имела два, три письма больных. Так ли? Письмо отданное Кочубею получено. А ты получила ли письмо мое испытательное, которое я послал на почту не с дядькою? Что вы там напроказили с Ви...¹. Я получил письмо от него совсем для меня непонятное, в кото-

¹ Слово не разобрано.

ром он оправдывается предо мною в какой-то картине, жалуются на Ладомирского, на тебя за письмок нему *assez dure*¹. Растолкуй мне это. Сегодня вечером бал или балик на даче у Долли на прощание с Дюргами, которые скоро отправляются в Англию. В газетах иностранных много толков о миссии его, но здесь мы ничего не знаем. Кажется однакоже миссия миролюбивая. Он был очень хорошо принят двором. А газеты так врут, что умора. В последних французских журналах объявляют, что на-днях умер в России славный поэт Державин, и что графиня Броницкая подарила казне 20 000 женщин, чтобы женить их на ссылочных в Сибири, а потом говорили, что вывозят из Царства Польского 20 000 для того же предмета. Бибиков приехал. Я видел его только на минуту и не знаю, что намерен он делать. Сегодня обедаю у него. Пока прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Видела ли ты Кривцова? Перешли письмо к Норчику, я не знаю, как зовут его и не могу надписать по-русски.

В газетах иностранных много толков о миссии его — возможно, что речь идет о миссии Дургамы, состоявшей в том, чтобы добиться смягчения участи поляков, участвовавших в восстании 1831 г.

Графиня Броницкая — Александра Васильевна Браницкая (1754—1838). рожд. Энгельгардт; камер-фрейлина Екатерины II, племянница Потемкина.

Норчик — вероятно, Николай Николаевич Норов, начальник 1-го отделения Министерства внутренних дел, музыкант, написавший музыку на слова Жуковского «Воспоминание» и на «Стансы» Ламартина.

Легка ты на подъем, с тобою и пошутить нельзя, сейчас готова прискакать. Нет, матушка, не горячись, изволь сидеть дома и без тебя обойдемся. Ты в самом деле думаешь, что я без тебя человек пропащий и не в состоянии ничего сделать. Ан, напротив, все прекрасно устроил. Да, скажешь ты, спасибо черному человечку, а без него просидеть бы нам в Москве, или приехать в Петербург в трактир, а ты проваландался бы несколько месяцев и упустил бы квартиры одну за другою из-под носа, как упустили из рук квартиру Карамзинскую. Остер у тебя язык нечего сказать, режешь как бритвою. Пожалуй забавляйся надо мною, на здоровье! Я привык к злоречию, к клевете и к тому, чтобы не знали мне цены. Я приехал в город обсушиться и согреться. Силы не было усидеть в лягушечнице своей. Я верно занемог бы опять, и мята и ромашка не спасли бы ме-

¹ Довольно жестко.

ня. Погода все такая же и, кажется, я Черной речке слуга всепокорнейший. Настоящий Стикс! Завтра праздник и водружение колонны. Нас сзывают в Невский, а оттуда на площадь, но надобно быть *en gala*, не знаю поеду-ли, потому что я все не совершенно себя хорошо чувствую и если погода будет сырая, то боюсь простудиться. А не ехать не ловко, скажут, что как Загряжская боишься падения колонны. Она поклялась, что никогда теперь не проедет по Дворцовой площади. Попроси графа Гудовича прислать мне маленькую провизию кукурузы для графини Фикельмон и благодетельной Элизы, но *hoppi soit qui mal у репе*¹, скажи ему, что с моей стороны нет никакой тут эмблематической цели. Фруктов мне твоих не надобно, спасибо, вишь охота какая привить мне холеру. Ни сам есть не буду, ни другим не дам. Не хочу быть ни самоубийцею, ни ближнеубийцею. У меня есть, слава богу, и желудок и совесть, не то что у тебя сливная лохань, а на месте совести дикое мясо. Мяты, ромашки, дегтярной воды милости просим давай, в добрый час молвить, а в худой промолчать. Однакоже, в самом деле не присылай. У тебя такой глаз не хороший и рука так не легка, что чего доброго, пришлешь в самую пору и накличешь на меня беду. В середу открытие нового театра, а там бал у Бобринской на даче. Сегодня должны мы были с Вьельгорским обедать у Ферзена, но жена его родила и обед отменен. Вчѣра обѣдали мы у Фредро, а княгиня Тереза ездѣла представляться в Царское Село. Ожѣдают Двор сегодня вечером на Елагин на несколько дней. Дюргамы отправляются в четверг. Вот тебе и все вести *de la cour et de la ville*², а твои какие будут вести о фабрике, о деньгах etc. Кажется лошадей не за чем приводить своих. Впрочем еще расспрошу. Здесь цена наемной четверни без кареты 300 рублей, а свои четверни при нашем, то есть при оплошном хозяйстве обойдутся не менее двухсот рублей, не считая еще, что у тебя будет на козлах пьяный и грубый Егор, который заставит меня по крайней мере на сто рублей в месяц краснеть и портить крови при разъездах. Надобно составить нам и друг другу представить бюджеты тебе приходов, а мне расходов. Здесь очень поговаривают, что София Урусова идет замуж за Радзивилла, сына Louis, он здесь флигель-адъютант и имеет в виду майорат.

Пока прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

[На обороте — Княгине Вяземской.]

¹ Бесчестен тот, кто дурно думает.

² О Дворе и городе.

Невский — Александро-Невский монастырь (лавра) в Петербурге.

Загряжская — Наталья Кирилловна, рожд. гр. Разумовская.

Граф Гудович — Андрей Иванович.

Сливная лохань — В Полн. собр. соч. П. А. Вяземского (т. VIII, стр. 370) рассказано про «тетушку сливную лохань», родственницу гр. Федора Ивановича Толстого, которая за ужином садилась особняком у дверей, через которые вносились и уносились кушанья. Слуги должны были ей сваливать на тарелку всё, что оставалось на блюдах после разноски гостям, и эти все остатки, чтобы не пропадали, она съедала.

В. Ф. Вяземская отличалась хорошим аппетитом.

Новый театр — (Александринский), ныне Ленинградский Государственный театр драмы имени Пушкина, был открыт в 1832 г.

Ферзен — Павел Карлович (умер после 1871), обер-егермейстер.

Ферзен — Ольга Павловна (1808—1837), рожд. гр. Строганова.

Радзивилл — кн. Леон Людвигович (1808—1885), поручик Гродненского гусарского полка, флигель-адъютант, позже генерал-майор.

Радзивилл — Louis, кн. Людовик-Николай (1773—1830).

Я видел Грессера, Геверса и получил перья, персики, книгу и прочее и прочее. За все нижайшее спасибо разумеется, за исключением персиков, которые велел отправить на чердак. Впрочем из любви к Остафьевской почве отвезу их к кондитеру и велю их как нибудь освежить, разотравить и потом съем за ваше здоровье. Не дивлюсь советам Трубецкого, ведь ты также Трубецкой породы, умная порода, нечего сказать. Я отсюда вижу, что ты делаешь, говоришь и очень тому не рад. Если Катерина Федоровна еще не писала, то требую, умоляю, чтобы она не писала. Прока никакого не будет, а напротив поставит меня в фальшивое положение. Сверчок знай свой шесток, жена знай свое место, а в дела мужа не вмешивайся, даже и в любовные. Я знаю, что сбыточно и что нет, а вы там ничего не знаете и только суетитесь. Дело Московского дома нашего — дело другое. Тут даю тебе благословение мое обеими руками, а в других делах отбиваюсь от тебя руками и ногами, а если мало того, пожалуй, и побью тебя руками и ногами спереди и сзади. Шутки в сторону, поколочу и переделаю, что ни сделаешь, сказав, что ты не только без ведома моего, но именно против воли моей поступала. Мужу, слава богу, сорок лет и что касается до правил характера то перерабатывать их нечего, а мимо его действовать, как мимо недоросля или полоумного также не годится. Ты меня очень этим расстроила, тем более, что у меня есть свое на уме, которому время придет. Разумеется, туго будет нам прожить и год один в Петербурге, но обстоятельства привели к тому и пожертвование было нужно. Я на то пошел и

иду. Полумерами, тем, сим, другим, третьим, десятым не можешь. Надобно выдержать срок свой, а там и увидать, что делать, увидать можно ли, то есть есть ли чем жить в Петербурге и тогда с богом, если вам того захочется: нет чем жить, тогда оглобли поворотить до дому или действовать, если будет надежда на успех. Вот мои мысли об этом предмете, я на них стою, как на якоре и с якоря не встану пока срок не придет. *Comprenez Vous?*¹

Ударение очень сильное на *рге*, так говорит мне поминутно мой черный человек, толкуя мне, где поставить твое судно, где кровать Анны Захаровны и так далее. Я уже дал задатка для дома и все нужные переправки обозначены и решены. Неделю через три дом будет готов. Вчера была церемония колонны. Всё обошлось благополучно. День был прекрасный, а я в ботфортах. Все люди были как люди, один черт в колпаке, но не я, а семейство Дюргама, жена и дочери, которые в трауре и не сняли его для торжества. Императрица, фрейлины, придворные дамы все нарядны, а они три между ими в черных платьях с головы до ног. Действие продолжалось час и три четверти не с большим. Одна минута была только не опасная, а так с запятою, один из канатов лопнул, но в ту же секунду поправили, и всё пошло хорошо. Зрелище было, нельзя сказать, великолепное и изумительное: оно слишком медленно и незаметно. Это не было зрелище для глаз, ничего не было незапного [sic], поразительного. Только по размышлению можно дивиться ему. Тем более, что колонна все еще обставлена подмостками. А нам с галлерей, где был Двор, не видать было даже и площади, где толпился, теснился, сжался весь Петербург. Мало было и торжественности, потому что было слишком много механической работы под глазами. Если колонна была бы совершенно закрыта и поставлена под загородками и вдруг все эти загородки упали бы и колонна явилась, то зрелище было бы величественнее. Как я удивился карточке Горсткиной. Не против ли желанья Щербатовой делается это? И у нас свадьба не менее знаменитая. Урусова помолвлена за Радзивилла. Говорят здесь, что и Анета Щербатова идет замуж за Александрова. Сейчас была у меня Полуектова, точно *M-me Simon* с белой шавкою под мышкою, был и Борис, он здоров, напиши об этом Четвертинской. Цалую Машу и обещаю ей мой портрет не в ботфортах ли? Впрочем, у бедненькой и так мой портрет на лице. Прощайте, мои милые. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

¹ Понимаете?

Великий князь начальник кадетских корпусов, следовательно надобно будет просить его о помещении Трубецкого. Он 5-го отсюда едет в Москву постарайтесь через Башилова к. Дмит. Влад. dis, je prie à M-lle Aurore, que j'ai été enchanté de retrouver son reflet sur le visage de Gevers. Pour Malortin, je ne l'ai point encore vu, mais lui aussi doit être a u - g o r i s é¹.

Грессер — Александр Иванович, генерал-адъютант, адъютант Михаила Павловича.

Геверс — чиновник Голландского посольства.

Не дивлюсь советам Трубецкого — Николая Ивановича, который давал советы Вере Федоровне. Мать же Веры Федоровны — Прасковья Юрьевна Кологривова, была рожд. кнж. Трубецкая.

Катерина Федоровна Муравьева — (1771—1848), рожд. бар. Колокольцева, мать декабристов.

Дочери Дюргамы — девицы Ламбтон.

Карточка Горсткиной — Петр Александрович Щербатов женился на Софии Николаевне Горсткиной.

Щербатова — Варвара Петровна (1774—1843), рожд. кнж. Оболенская.

M-me Simon — м. б. баронесса Александра-София Бауэр, рожд. Кури де Шангран (Cougu de Champgrand), по первому браку гр. Сен-Симон (Saint-Simon) (1773—1861). После развода со своим первым мужем, известным социалистом-утопистом XIX в., вышла замуж за русского, сына инженер-генерала Ф. В. Бауэра.

Трубецкой — видимо, речь идет о помещении в кадетский корпус одного из сыновей больного Юрия Петровича Трубецкого, в котором Вяземский принимал участие.

Одолжила ты меня. Никогда, или лучше сказать, редко досаждала ты мне, как в этот раз. Я и то приехал не в попад на обед званный или почти так, а я этого терпеть не могу, хоть и приглашен однажды на всегда и каждый раз пеняют мне, что давно не был, но всё равно лучше быть всегда редким, нежели один раз будто лишним. И так я уже не в своей тарелке, мне не ловко, жарко, душно, щекотно, икотно, а между тем нарочно поспешил я туда, чтобы какнибудь письмо из Москвы не предупредило моего посещения и дать уверение при удобном слу-

¹ Скажи, пожалуйста, мадмуазель Авроре, что я был в восторге, увидев ее отблеск на лице Геверса, что касается Малорти, я его еще не видел, но он также должен быть авроризован.

чае, что я не пачкался в этой пакости. После первых минут вдруг слышу: *je puis Vous donner des nouvelles de la Princesse, elle se porte bien, ma tante l'a vue chez elle et m'a écrit le jour même*¹. У меня ноги подкосились и я покраснел, как преступник. Тут еще более должны были увериться, что все это приготовлено мною, что я нарочно приехал в тот день зная, что и письмо должно было придти. Все это так мне досадно и прискорбно, что не могу выразить. Во-первых, я ничего не в праве требовать, разве как нищий, у которого грош в кармане, а ему хочется иметь гривну. И то, что я имею, очень много и не в пример другим. Во-вторых, если и просить, то стал бы я просить прямо, а не с боков. Ты меня поставила в положение, которое компрометирует мой характер, лжет на меня, а там поди после уверяй, что солгали без ведома моего. Все это должно было бы тебе знать, предвидеть и побережь меня. Однажды на всегда, серьезно и решительно прошу тебя не действовать за меня ни в каком случае, а особенно в подобных, без моего ведома. Я не малолетний и не полоумный: надо мной опеки не учреждено, следовательно *personne n'est censé d'agir pour moi*², а когда кто-нибудь действует, или говорит, а я тут же на лице молчу и не шевелюсь, то каждый в праве полагать, что я хитрю и заключить, что эти хитрости обшиты белыми нитками. согласишься сама. Вы, женщины, судите по своему, а мы — по своему, а я особенно по себе. Прошу однакоже по сему поводу не входить ни в какие новые переговоры, не требовать оправдания моего, потому, что это будет только лишнее обстоятельство в деле, которому не следовало быть... Уж если пошел бранить тебя, то выслушай все за один раз. Зачем позволяешь ты, чтобы сплетничали тебе на шот Маши? Что за исповеди, за тайны? Каждый думай о ней и чувствуй как хочешь. Ты была уже в неприятном положении, а теперь опять лезешь туда. Не ужь-ли думаешь, что Гудовичева не пересказывает того, что тебе говорят, и почему ей не пересказывать? Все это непристойно, все это нарушение чистоты молодой девицы, которой и имя должно быть ненарушимо и свято. *C'est déjà la compromettre que de recevoir des confidences à son sujet*³. Что за охота делать из своей дочери городскую сплетню? Как можно из глупой суетности забывать то, что го-

---

¹ Я могу сообщить вам сведения о княгине, она здорова, моя тетка видела ее и в тот же день мне написала.

² Никто не может действовать за меня.

³ Выслушивать откровенности на ее счет, это значит уже ее компрометировать.

раздо дороже. А еще не нравится мне, что вы ведете жизнь слишком рассеянную, хорошо изредка быть с людьми и в людях, но какая польза из этой шумной пустоты для Машеньки и Пашеньки? Tu travaille à force à les rendre frivoles et nulles¹. Где им после этого чада и еще какой чад, угар самой скверной харчевни, заняться книгою, полюбить ученье и мыслить и заботиться о своем образовании. Нет, пора вам в Петербург, милости просим, скорее. Ты не умеешь быть одна.

Карамзины отвечали мне на письмо твое, что мебели их в нашем распоряжении. Теперь отбери от Мещерской, чтобы она приказала Герасиму выдать мне их мебели. Надеюсь, что будет довольно тех и других. Государь уехал на месяц или около того, будет в Смоленске, в Киеве, кажется в Курске и в конце месяца в Москву, дни на четыре. Императрица возвращается на днях в Царское Село, там и должна она родить. В день рождения твоего еду обедать к Полуектовым в Царское Село. Я уверен, что зиму они здесь проведут. Скажи Четвертинской, что я отдал Борису письмо и 200 рублей. Вообрази, что я еще не видал нового театра, который, сказывают, очень великолепен. При открытии давали трагедию Пожарский и было много энтузиазма. Государь аплодировал местам, где говорено было о русских и России, а публика тем, которые относились к царю.

Не подумай однакоже, что я в мизантропии, третьяго дни был я на бале у Бобринской, сегодня еду к Белосельской. Бал Бобринской был очень хорош, но признаюсь, боялся я, что заплачу за него холерою. Мост на Неве был уже разведен и мы принуждены были в холодную ночь переезжать на лодке, а там должен я был пешечком, в башмаках, в шелковых чулках идти домой версты с 1½ или две. Зато как уже распивал я ромашку пополам с мятою, как растирался щетками и спиртом. Je me suis embauté et préparé, comme une momie², и лег спать и теперь напротив я здоровее прежнего. Но зато сегодня уже буду ночевать за рекою у Булгакова. Наша поэтша Пушкина в большой славе и очень хороша. Была тут и наша Соломирская, я всё рекомендовал ее маленькую ножку и объявлял, что она ходит без корсета. У Канкриной бог дал мне кузину, Корфшу, которая замужем за братом ее Муравьевым. Здесь все глаза и все речи устремлены на чету женихов Урусову и Радзивилла. Пока прости. Не сердись на меня, хотя я на тебя и сержусь, mais je suis dans mon bon droit³. Сейчас получаю

¹ Ты стараешься изо всех сил сделать их легкомысленными и пустыми.

² Я набальзамировался и приготовился, как мумия.

³ Но я в своем праве.

письмо от Карам. от 31-го. Они здоровы. Обнимаю и благодарю вас. Что же обещанное письмо Маши? Бог с вами и со мною. Елисавету Алексеевну Соловьеву поздравляю с ангелом, а ангела ее с Соловьем. Что Варвара Алексеевна? Что Левицкие? А книги, бумаги мои? Вели же справиться. Ведь это не шутка.

Начало письма объясняется тем, что Вера Федоровна Вяземская, будучи в хороших отношениях с Екатериною Федоровною Муравьевой (муж ее — попечитель Московского Университета и писатель, приходился родственником Екатерине Захарьевне Муравьевой, бывшей замужем за Канкриным, начальником Вяземского), хлопотала о муже, что и вызывало его неудовольствие. Тем не менее хлопоты В. Ф. Вяземской увенчались успехом: 21 октября того же 1832 г. Петр Андреевич был назначен вице-директором Департамента Внешней Торговли.

Ефимович — (Яфимович) Алексей Иванович (умер в 1823 г.), служил в Московском Архиве Коллегии иностранных дел. См. о нем в «Записках» Ф. Ф. Вигеля, стр. 111.

Зачем позволяешь ты, чтобы сплетничали тебе на счет Маши — Пушкин в письме к жене от начала октября 1832 г. пишет: «кн. Урусов влюблен в Машу Вяземскую (не говори отцу, он станет беспокоиться)». Урусовых было несколько братьев.

Гудовичева — Екатерина Николаевна, рожд. Залеская, в первом браке гр. Цёге-фон-Мантейфель.

Трагедия «Пожарский» — Матвея Васильевича Круковского была трижды напечатана и поставлена впервые на сцене 22 мая в 1807 г. в Петербурге.

Наша Соломирская — Мария Петровна, рожд. гр. Апраксина. «Наша» — так как Вяземские были в родстве с Апраксинами.

Корф — вероятно, была замужем за генерал-лейтенантом, начальником 2-й кавалерийской дивизии Александром Захарьевичем Муравьевым (1795 — 1842). В Русской родословной книге Лобаново-Ростовского жена Александра Захарьевича Муравьева — не указана.

Елисавету Алексеевну Окулову Вяземский называл Соловьевой за ее замечательный голос.

Варвара Алексеевна — Окулова.

Ты на меня дуешься за мое третьягоднишнее письмо? А теперь мне совестно и грустно, что оно дойдет до тебя вероятно завтра в день рождения твоего. Не очень милый подарок. Виноват, досадно мне, что не подумал о том. А нельзя было не сердиться за твои машинации с Муравьевою. J'avais tout à fait l'air d'un coupable devant M-me Kankrin¹. Да и в самом деле, мне ничего просить нельзя. Я менее всех делаю, а получаю около 8000 рублей. Это жалование не обыкновенное. К

¹ Я имел совсем вид виноватого перед мадам Канкриной.

тому же Бибииков почти наверно оставляет свое место и в таком случае я вовсе не намерен продолжать службу по министерству финансов. Как же мне в подобных обстоятельствах связывать себя новыми обязательствами и благодарностью? Канкрин человек не деликатный, я знаю, что он говорит мне о всех своих подчиненных, следовательно могу легко угадать, что он будет говорить обо мне, а особливо же, если я дам ему на то малейшее право. Более нежели когда-нибудь, более нежели с кем-нибудь должен я в своем положении и в своих отношениях с ними оградить себя характером своим и прикрыться им как всеоружием с головы до ног. А ты тут со стороны пробиваешь мне прореху да еще предательски сзади и без ведома моего, так что я в дураках и еще в плутовских по наружности. Нехорошо, неосторожно. Ты меня сбила с места моего и не знаю теперь как поправить. Если хочешь хлопотать обо мне, так вот случай, хлопочи и я тебе в ножки поклонюсь. В Москве и в Петербурге открываются коммерческие суды. Место председательское прекрасное, независимо, почетно, полезно. Жалование не в пример другим так что будет всего около 20 000 с тем, что будет от казны и от купечества на дом, на столовые и проч. Места эти выборные, то есть купечество избирает председателя. Мне очень хотелось бы этого места в Москве, более нежели в Петербурге. К. Дмит. Владимирович мог бы мне способствовать получить его, потому, что верно Московское купечество будет советоваться с ним для выбора. Я слышал, что купцы уже имеют в виду какого-то Никифорова и на это место, или что-то похожее на эту фамилию. Купец Титов говорил об этом и мне было пересказано. Без самолюбия думаю, что купечеству было бы выгоднее иметь меня, по связям моим, положением моим в обществе могу возвысить это место. Никифоров, или кто другой в этом родѣ, даст этому месту подьяческую физиономию, подобную прочим нашим присутственным местам. Если полагать, что тут нужно иметь законоискусника, стряпчего канцелярскую крысу, то при средствах, которые будет иметь коммерческий суд, можно иметь людей знающих, опытных для производства текущих дел, а на председательское место лучше иметь человека с характером нравственным, бескорыстным, независимым. К тому же ведь это не тарбарская грамота, с благоразумием, с доброю волею можно скоро вникнуть в дело и обнять его. Следовательно узнай прежде всего от к. Дми. Владим., не имеет ли он уже у себя человека, которого прочит на это место, в таком случае и говорить нечего.

Если не имеет, то почитает ли меня способным быть этим человеком и в таком случае хочет ли подать мне руку помощи?

Я уверен, что рекомендация его Титову и другим членам купечества будет всемогуща. Сначала желал бы я, чтобы он изведаль мнение их, кого и какого рода человека назначают они на это место и после уже между прочими именами спустил бы и мое. Но в этом деле должно соблюсти большую тайну и если кн. Дм. Влад. намерен мне покровительствовать, то прошу *ego de traiter la chose en personne de lui à Titoff et compagnie et pas par des intermédiaires, car sans cela la chose s'ébruiterait, pourrait compromettre le succès et me compromettre moi même aux yeux du Ministre*¹. Это место з л а ч н о е, п р и в о л ь н о е, безмятежное и охотников должно быть много, место qu'on pourrait mettre à l'enchère² и на которое верно будут торговаться. По мне же, моему характеру, моим мнением о службе это место такое que si elle n'existait pas il faudrait l'inventer, place indépendante, honorable, sans être brillante, où l'on peut être utile sans fouetter beaucoup son ambition, une place qui vous met en relations avec une classe intéressante de notre société, la classe des marchands et des industriels, qui donne les moyens de faire beaucoup de bien dans ces parties, une place nouvelle dont l'administration est encore vierge, dégagée des routines, des mauvaises habitudes, des abus qui croupissent dans toutes nos autres administrations. Mais une fois que cette administration et surtout dans ses commencements sera tombée dans la sphère des Никифоров (je lui en demande bien pardon, sans avoir l'honneur de le connaître) ou autres saints de ce calendrier, ce sera une affaire finie. L'institution toute bonne qu'elle est en théorie sera manquée dans son application, comme toutes nos autres places électives. C'est donc en conscience et avec l'intime conviction que je suis bon à cette place et meilleur que beaucoup d'autres, que je viens la briguer. Je suis sûr de lui donner une valeur morale et un certain lustre attaché à mon nom, à ma position social, à mes relations qui ne pourront que la relever, ce qui surtout est fort nécessaire au moment où cette institution est à sa naissance. Je le répète cette institution dépend de celui qui sera à sa tête et comme ce n'est pas une administration ni très compliquée, ni très vaste, je puis sans beaucoup d'amour propre me croire capable de la diriger en conscience. Ce qu'il y a de singulier

¹ переговорить об этом лично с Титовым и компанией, а не через посредников, так как без этого дело огласится, не будет иметь успеха и меня самого скомпрометирует в глазах министра.

² которое можно было бы пустить с торгов.

c'est que j'ai été interrompu dans ma lettre par Дружинин qui m'a envoyé chercher pour me lire le rapport qu'il présente au ministre au sujet de la formation de ces tribunaux d'après les discussions qui ont eu lieu à notre Conseil de Commerce. Le ministre a beaucoup rogné les émolumens projetés par les membres du Conseil de Commerce, qui voulaient les faire monter à près de 20000 r. pour le président et ainsi de suite pour les autres employés, mais encore est-ce toujours une affaire de quatorze mille roubles, avec la perspective de recevoir au bout de quelques années une somme assez considérable en forme de dotation. En tout cas, les marchands si tel est leur bon plaisir pourront toujours augmenter les émolumens qui viendront d'eux et comme l'organisation du Tribunal de Commerce à Moscou sera soumise au prince l'avis du ministre à ce sujet pourra toujours être changé¹.

---

¹ Это место такое, что если б оно и не существовало, его надо было бы выдумать, место независимое, почетное, хотя и без блеску, где можно было быть полезным, не подстегивая своего честолюбия, место, которое позволит вам войти в сношение с интересным классом нашего общества, с классом купцов и промышленников, которое дает средства делать много хорошего по этой части, место новое, какого в нашей администрации еще не бывало, свободное от рутинны, скверных привычек, от злоупотреблений, в которых коснеют все другие наши учреждения. Но в тот день, когда учреждение, в особенности вначале, попадет в руки Никифорова (я очень прошу у него прощения, не имея чести его знать) или других святых этого календаря, — дело погибнет. Учреждение, как бы ни было оно хорошо в теории, пропадет в его приложении, как все наши другие выборные должности. Итак, я домогаюсь этого места с чистою совестью и с внутренним убеждением, что я для этого места подхожу, и лучше многих других. Я уверен, что придам ему нравственную ценность и известный блеск, связанный с моим именем, общественным положением и с моими связями, которые могут его только возвысить, что, конечно, весьма необходимо в момент, когда это учреждение зарождается. Я повторяю, что это учреждение зависит от того, кто будет во главе его, и поскольку это учреждение не очень сложно и не очень обширно, я могу считать себя, без большого сомнения, способным по совести им управлять.

Но вот что странно: во время писания этого письма меня прервал Дружинин, который прислал за мною, чтобы мне прочесть доклад, который он представляет министру, по поводу образования этих судов в соответствии с прениями, происходившими в нашем совете торговли. Министр сильно урезал предполагаемые для членов совета торговли оклады, которые хотели довести до 20000 р. председателю и в таком же роде для остальных чиновников, но все же дело пахнет 14000 р. с перспективою получения через несколько лет довольно значительной суммы в виде награды. Во всяком случае, купцы, если будет таково их желание, смогут всегда увеличить оклады, которые будут от них зависеть, и поскольку организация торгового суда в Москве будет подчинена князю, мнение министра на этот предмет всегда может быть изменено.

Ты можешь всё это прочесть князю, только прошу и сама не говори о том никому другому и его проси содержать это в тайне. Вероятно, устройство этих судов не последует прежде нового года, следовательно время есть еще и ни в каком случае это планов наших настоящих не переменит. Вот на это обеими руками я даю тебе мое благословение.

Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Постарайся с верною оказиею отвечать мне поскорее.

Коммерческие суды — были учреждены указом 14 мая 1832 г. для решения спорных торговых дел в Москве и в тех городах, «где по важности и пространству торговли, признано будет сие учреждение нужным».

130

6-го сент. вечером.

Здравствуй, матушка моя новорожденная, и из Царского Села, где я обедал у Полуектова, а теперь сижу у Исленьева, который едет в Москву. Сегодня писал я тебе по почте, вчера с Урусовым, адъютантом велик. князя. Что скажешь ты о вчерашнем письме моем? Если к. Дмит. Владим. одобрит его и войдет уже в некоторые переговоры с купечеством, то желал бы я, чтобы он тебе передал это, а ты написала бы мне о том *d'une manière ostensible*¹, так чтобы я мог показать письмо министру. Кажется мысль моя очень хороша. В даль мне по службе забиваться нечего, не такого я сложения, не пролезу, а это место и почетное и выгодное. Если вам в Петербурге понравится, то можете когда-нибудь на зиму приехать и без меня, а я к вам на месяц буду. Главное деньги, а тут деньги, то есть и содержание хорошее, а после десяти лет, или ранее, смотря по обстоятельствам, 50 000 рублей награждения, например приданого Надиньке. С богом! право дело хорошее. Простите милые. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною и коммерческий суд. Будьте здоровы.

Исленьев — Николай Александрович (1785—1851), генерал-адъютант, генерал от-инфантерии.

Урусов — кн. Николай Александрович (умер в 1843 г.), адъютант Михаила Павловича.

131

Сент. 7-го.

Спасибо за Рыжкина. Я очень обрадовался этой отрывке Мещерского. Поздравляю и Машеньку с приездом его сюда. Вот еще ей знакомый кавалер на здешних балах. Я благопо-

¹ явным образом.

лучно возвратился из Царского Села, где наслушался Поликта. Умора, что за человек. И так вы уже в Москве. В добрый час! Кончай скорее и хорошенько все дела свои и милости просим к нам с деньгами, а без денег и не кажись на глаза. Вытолкаю пинками вон за заставу. Какого пишу я тебе? Третьяго дня писал, вчера писал два раза, сегодня пишу, всегда пишу, только и делаю, что пишу к тебе. А все это из подлости, во-первых, чтобы задобрить тебя за нагоняй, который я задал тебе в день рождения твоего, а во-вторых потому, что ищу в тебе и жду от тебя великии и богатый милости. Теперь, что великий князь в Москве попроси Башилова о покровительстве Трубецкой. Спроси у него, как это сделать, как подать просьбу? Пожалуй и я напишу письмо к Башиловой, виноват, к-ву, хотя я и сердит на него за отца Розанова моего, которого он прижал к стене, а не пристроил, хотя и служит он по строительной комиссии, и я письмом моим просил отца строителя о нем. Разве Надинька не получила письма моего, что она не изволит отвечать? Заспесивилась крыса, что-ли? Вот я ее проучу. А что фабрика? Что говорится о новом мастере? Немец-ли он, русак-ли, бородач или бритый, стар или молод, холост или женат? Пока прощай, должен еще писать в Дерпт. Что слышно о графе Франклине? Каков каламбур? Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною. Сейчас получаю письмо Маши. Спасибо, и нежно цалую ее.

Башилов — Александр Александрович.

Отец строитель, отец Розанова — Иван Николаевич (умер в 1862 г.). коллежский советник.

граф Франклин — Николай Иванович Кривцов.

132

16-го сент[ября].

Перешли письмо к Кривцову, если можно, по оказии, а впрочем все равно и по почте, только в своем пакете на имя Каг. Федоровны. Смотри, не поспешишь и не жалеи бумаги, а то ведь тебя станет на эти расчеты. Бибикова дело, то есть отставка, или оставка на прежнем месте, отложено до возвращения государя. Канкрин мне говорил о твоём письме и сказал, что готов помочь мне и при возвращении государя будет просить его обо мне, а чего не знаю. Впрочем Бибиновское дело может многое изменить. Не кстати сунулась ты, матушка моя. Между тем хлопочи о моем московском месте, которое очень улыбается воображению моему. Говорила ли ты Башилову о Трубецкой? А

когда государь будет в Москве, надобно Трубецкой хлопотать и о муже своем. Пошли ее к Адлербергу, можешь дать ей записку к нему, в которой скажешь, que tu es autorisée par moi à t'adresser à lui en lui recommandant la P-sse Troubetskoï dont le mari est dans une position à lui connue par mes instances à son sujet¹.

Адлерберг очень хороший и услужливый человек. Надобно заинтересовать-бы князя Голицына и Бенкендорфа и узнать, нельзя ли Трубецкой подать через кого-нибудь из них письмо к государю. Только не теряйте времени, потому, что государь пробудет не более 3 или 4 дней в Москве. Дай знать и Горсткой, что на ее месте написал бы я письмо к государю о брате, или о сыне, сказав, что не имея никого при себе в то время, когда готовится свадьба, желали бы они иметь его, чтобы по крайней мере позволили бы ему приехать на время или что-нибудь такое. Минута самая удобная и должно воспользоваться ею. Съезди к Горсткой, или пошли за Щербатовым и передай ему мой совет. Викентьева писала во время пребывания государя в Москве о своем beau-frère Сабурове и дело было тотчас сделано. Во всяком случае попытаться не беда. Как это ты сблизилась с Булгаковой? Смотри держи ухо востро и язык за зубами и никогда не давай Булгакову письма, которое ты не хотела бы послать по почте, потому что он из почт почта, воплощенная почта, а жена его, хотя и добрый человек, а адская почта. Нового ничего нет, а что есть то Пушкин передаст. Пишу к Башилову о доме нашем. Надобно и с ним поспешить. Здесь говорят, что он переходит к велик. князю на место Алединского. Прощай. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мной.

Пишу Башилову и о маленьком Трубецком.

17-го

Благодарю тебя, мой ангел, мой архангел, за письма и деньги вчера доставленные мне Любомирским. Ты ужасно мила. Жаль мне, что Голицын опять замямлил о Кривцове. Не говори того Кривцову. Пусть идет все прежним порядком... Не иметь ему никогда губернатора лучше Кривцова. — Пушкин заехал за письмом. Прости душа. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною.

---

¹ что ты уполномочена мною обратиться к нему, рекомендуя ему княгиню Трубецкую, муж которой находится в положении, известном ему по моим сообщениям.

Катерина Федоровна — жена Кривцова, рожд. Вадковская.
князь Голицын — вероятно, Московский генерал-губернатор Дмитрий Владимирович Голицын.

Щербатов — жених Горсткиной Петр Александрович.

Викентьева — Александра Петровна.

se beau-frère — Андрей Иванович (1797—1866), обер-гофмейстер.

Булгакова — Наталья Васильевна (1785—1841), рожд. княж. Хованская.

маленький Трубецкий — вероятно сын Юрия Петровича, о котором заботился все годы Вяземский.

Любомирский — Константин Ксаверьевич (1786—1870), полковник Преображенского полка, позже генерал-лейтенант.

133

19-го сент[ября].

А ты молчишь, да думаешь, что я и не знаю, что у вас делается. Ан ошибаешься, все знаю. Нечего краснеть. Третьяго дни был бал у вас, а ты мне ни слова о нем не сказала. Теперь слегло с души и с совести. Ты полагала, что совсем не о том заговорю и торжествуешь. Торжествуй, да не долго. После скажу еще что знаю. Хочу пилить тебя маленькою пилкою, жечь на свечке. Отошли Дмитриеву росписку, которую забыл послать ему. Демиду отдай квитанцию, по которой должно получить вещи Мещерских, отсюда отправленные. Где и что Мещерские? Ты никогда о них мне не говоришь. Тимирязев приехал и был в Дерпте у Карамзиных. Они здоровы и порядочно устроились. Тимирязев нашел, что Андрей очень возмужал обхождением и умом. Спроси же у Мещерской где рубахи голых мебели ее. Есть какой-то сундук о котором Герасим мне говорил и с которым он не знает что делать. Поздравь Пушкина, если он еще у вас. Сегодня празднуем рождение de notre Mère infantine, de notre mère suprême, qui plaide la cause de la réhabilitation de la chair, comme le pape St. Simoniste¹. Бибиков мой говорит, что мы ошибаемся в орфографии, когда полагаем, что Элиза говорит поминутно cher², а что уже речь по старой привычке и по старой любви о chair³ передай это от меня Катеньке в первом письме, а между тем поздравь Пушкина и с именинами отца Каченовского, сегодня святого Трофима. Обедаю на семейной сходке у Долли. Сегодня ведь тоже день рожденья Прасковьи Юрьевны? Так ли? Поздравляю и прошу поздравить ее и Петра Александровича. Скажи Четвертинской, что Борис в Пеле, я вчера ездил

¹ нашей матери, нашей великой матери, защитницы в правах плоти, подобно папе св. Симонисту.

² дорогой.

³ плоти.

нарочно к Сухозанету говорить об Академии, он рад принять его. А между тем я думаю, все вернее будет если она сама скажет о том при случае великому князю. Скажи княгине, что буду отвечать ей, когда узнаю, что наверное и получу ответ от Бориса, к которому я писал при пересылке двух писем и которого ожидаю для вручения ему денег из кабинета. *Va te promener avec ta M-me Olenin, je ne connais ni celui qu'elle recommande, ni ceux, a qui elle recommande et je n'irai pas me compromettre sans connaissance de cause. J'ai bien assez de me donner du mouvement pour ceux à qui je m'intéresse et d'être souvent rembourré par des coups de pied au derrière comme un chien dans un jeu de quilles. Elle a les gresser (sic) et les parents du Prince Pierre Wolkonsky de qui depend la place, qu'on brigue. Qu'elle s'adresse à eux¹.*

Скажи Самойлову, что не получил еще записки его о ярмонке, и если она не отправлена, то пускай пришлет он ее на мое имя, а то залежится она в департаменте и когда пройдет через другие руки, то я уже не буду властен в ней. О донесении его министру по делу московских фабрик также еще ничего не знаю. Участь Бибикова, или нашего департамента, все еще не решена и до возвращения государя сюда не решится. Можешь сказать ему и это. Впрочем нового ничего не имеется. Императрицу ожидают завтра из Царского Села уже на житье. Вообще все еще тихо, и народ гостиных между летом и зимою. Кое-кто еще на дачах, а между тем третьяго дни шел снег. Когда будешь укладываться, не забудь взять в остафьевской библиотеке сочинения Лафатера, они в нижних отделениях шкапов, в красном картоне in-quarto. Вообще ты взяла-бы несколько книг с собою. Прощай душа. Обнимаю и благословляю вас моих милых. Бог с вами и со мною.

Что скажешь о Метелкине? За подушку еще не благодарю, потому что не получил ее от Любомирского.

Андрей — Андрей Николаевич Карамзин.

Mère enfantine — Елизавета Михайловна Хитрово, рожд. Голенищева-Кутузова.

¹ Поди ты к черту с твоей мадам Олениной; я не знаю ни того, кого она рекомендует, ни тех, кому она рекомендует, и я не стану себя компрометировать, не зная дела. С меня хватит хлопот для тех, кем я интересуюсь, и за что мне часто попадают удары в зад, как собаке в игре в кегли. У нее есть [неразобр. слово] родственники князя Петра Волконского, от которого зависит желаемое место; пусть обратится к ним.

Каченовский — Михаил Трофимович (1775—1842), заслуженный профессор Московского университета, историк и журналист.

Шела — Казенная дача в Шлиссельбургском уезде Петербургской губ.

Сухозанет — Иван Онуфриевич (1788—1861), начальник Гвардейской корпусной артиллерии; генерал-от-артиллерии, член Военного Совета. Сухозанет был директором императорской военной Академии, а великий князь Михаил Павлович — почетным президентом Академии.

M-me Olenin — Варвара Петровна (1772—1839), рожд. Хитрово.

Лафатер — (Lavater) Иоганн-Каспар (1741—1801). Поэт и философ. Автор «Физиономики», пытался создать науку о характере человека, познаваемом по чертам лица.

«*Enfantin*» — Barthelemi-Prosper (1796—1864), один из ближайших учеников С.-Симона, искаживший его учение. Объявил себя «*Souverain pontife*», «живым законом» и «*Мессией*».

Игра слов в данном случае состоит в указании на то, что *Fnfantin* искал женщину-Мессию, которая собою дополнила бы мужчину-Мессию — отсюда *Mère enfantine, mère suprême*,

134

24-го сент[ября].

Пожалуйста, будь и будьте осторожны с фруктами. Здесь много холерных случаев от них, а того и смотри, что экзекрабельная индианка к вам перейдет, если она уже не гнездится у вас тихомолком. Говорят, она шаталась по дороге и была в Вышнем Волочке. Недавно умер здесь от нее Малиновский, брат Московского, потому что съел две, три сливы. Он был совершенно здоров, а через несколько часов его уже не было на свете. Число холера не сильна, а кого тяпнет, так исправно. Берите пример с меня. Вот привезли устрицы и говорят прелесть, что за устрицы, а я на них и не гляжу. Если у тебя есть еще деньги, давай сюда рублей тысячу, закупать не устрицы, а дрова. Теперь, говорят, лучшая пора. Когда-де думаешь припендерить ваши сиятельства? С 1-го октября дом вероятно будет готов, то есть очищен. Скажи Самойлову, что я отыскал его обозрение Нижегородской Ярмонки, а донесения о московских фабриках нет в департаменте мануфактур, разве министр у себя оставил. Обедая сегодня у племянничка Гурьева. А учитель-то, о котором я писал к тебе и который был рекомендован Нессельродшей, определился к Воронцовым — Одесским. Что-же делаешь с Манюелем? Если он не годится, все-таки нельзя же завезти его сюда и бросить потом при первом случае. Разве объяснись с ним. Между тем и Павлушу нельзя тебе привезти сюда одного. Все пока не найдем другого, если Манюель честный и благонравный человек можно держать его. Вчера получил я письмо от Полуектовой. Она беспокоится о доме, том в котором она жила и думала оставить за собою. Ей хотелось переехать сюда к 1-му октября, но те-

перь не знает, удастся ли. Я, наконец, был в новом театрѣ, Ваза довольна хороша, вроде большого московского театра, ложи без разделения, но кругом узкие коридоры, чуланы, лестницы на каждом шагу дают более вид крепости, или острога, нежели театра. Дело в том, что должно было спохвататься обвести двойную стену, чтобы поддерживать тяжесть потолка и стропил чугунных. Русский задним умом крепок. *Et un mot l'édifice est manqué, comme le sont tous nos édifices publics*¹. Твой черный человечек (ибо верно он тобою подпущен ко мне), опять вертелся около меня и завтра хочет привести ко мне дровяника. Теперь прощай, матушка ваше сиятельство. Обнимаю и благословляю тебя и вас. Бог с вами и со мною. Я видел вас во сне нынешнею ночью в гостях у графини Долли: Пашеньку под лицом одной из Сухопутской, но не той, что мне нравилась, а тебя в разговоре с Долли и спрашивающую у нее *qui avait peint les landchaftes du plafond*². Вот зарезала. Если еще приснитесь мне в таких невыгодных обстоятельствах, то право арестую вас в Москзе и не позволю сюда приехать.

Передаешь ли все поручения мои Четвертинской?

Малиновский — Павел Федорович (умер в 1832 г.), воспитатель Д. Н. Шереметева.

Малиновский-Московский — Алексей Федорович (1762—1840), управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел.

Сухопутский — Алексей Иванович (умер в 1848 г.), советник Придворной конторы.

Виноват, матушка, загулялся нынешнею ночью, был на бале у Балугьянских до 4 часов, да нельзя, сама рассуди, шесть дочерей на лице, из которых некоторые на лица красавицы, да еще седьмая дочь впереди, а теперь в институте пока. Бог милостив, доживем и до седьмой! Между тем, одна из наличных 15-ти лет и напоминает мне то Машеньку, то Пашеньку, к тому же добрые люди, а Пушкин расскажет, как рассекает воздух *M-me Bartholomi*, когда пляшет, и ты не удивишься моей Варфоломеевской ночи. Государь приехал сюда в субботу перед обедом. В Европе уморили было короля испанского, но выходит, что он жив, дурно перетолковали сигнал теле-

¹ одним словом, постройка не удалась, как все наши общественные здания.

² кто нарисовал ландшафт на плафоне.

графа. Смерть его была бы началом новых путаниц в европейской политике, а и старых размотать не могут. Наследница престола его двухлетняя дочь, которую он назначил вопреки салическому закону. Во Франции некоторые военные движения: то есть маршал Жерар подвигается с войском к Бельгийской границе, вероятно ожидают нападения от Голландии на Бельгию. Впрочем нового действительно ничего нет: все потягиваются, крехтят и ворочаются на ложе своем, но неизвестно с тем ли, чтобы обернуться на другой бок заснуть опять, или вскочить на ноги, да и закутить во всю ивановскую. А как начнут, чего боже сохрани, то уж не знать когда кончат. Спасибо за подушку, да чьей она работы? Как едет Анна Захаровна на весьма долгих, или коротких. Кстати о долгих и коротких — скажи Пушкину, что у меня был на-днях Гнедич и что он порядочно оправился. Скажи ему что я был вчера у жены его, но не волочился за нею. Был и у Солданши и видел Солдаеншей. Мясоедов, кажется, очень порядочный малой. Они через несколько дней едут в Киев Москвою. Стазинька очень выросла и кажется похорошела. Узнай, что делает мой Розанов, но не через Самойлова. Он просился на ярмонку, хотел писать ко мне оттуда и не имею ни слова. Что же ты пишешь мне о поставке сукна посредством Бибикова. Да разве не писал я тебе, что Бибиков у нас не остается. Tu me parles d'un стапник, je ne connais pas cet animal, mais si par hazard il s'agit d'un истопник, je ne crois pas qu'il soit nécessaire d'en amener un de Moscou¹. У нас не двор, следовательно нет особенной должности истопника, может топить печи и другой. Et que veut dire que Marie était é s a r l a t e ?² ужь это не во сне des l a n d s c h a f t e sur le plafond³, ужь это на яву, матушка ваше сиятельство. Полно не ограничиться ли одною пересылкою Анны Захаровны, а вы пока оставайтесь в Москве пить квасок с княгинею Друцкою. Скажи Ладомирскому, что я показывал бумагу его Кушникову, который главное лицо в комиссии прошений. Кажется нет еще ничего и во всяком случае опасаться ему нечего. Дело так право, что не может иметь худого конца. Когда что узнаю обстоятельнее, напишу ему. Прости душа. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною. Сказывал ли я тебе, что есть хорошие вести от Жуковского.

¹ Ты мне пишешь о «стапнике», я не знаю такого зверя, но если случайно дело идет об истопнике, я не считаю нужным привозить его из Москвы.

² А что значит, что Мари была багровая?

³ Ландшафты на плафоне.

M-me Bartholomi — Александра Николаевна, рожд. гр. Дивьер. У Вяземского (Полн. собр. соч., т. IV, стр. 169) в стихотворении «Поминание» упоминается и полковник Бартоломе.

испанский король — Фердинанд VII († 1833), король с 1813 г., отменил салический закон и восстановил старый кастильский закон, по которому дочь его могла быть объявлена королевою под регентством своей матери Христины.

наследница престола — Изабелла (1830—1904), в 1833 г. была объявлена королевою под регентством матери Христины, в 1870 г. — изгнана.

Салический закон — один из статутов закона состоял в том, что женщины не имели права наследовать престол.

маршал Жерар — Etienne-Maurice (1773—1855), отличился в войнах Наполеона, был на службе у Людовика XVIII, в 1814 г. перешел к Наполеону. С 1815 г. по 1827 г. оставался не у дел и с 1827—1830 гг. — левый депутат. Участвовал в Июльской революции и приобрел популярность среди французов. военный министр, утвержденный в этом звании Луи-Филиппом, сделавшим его в 1831 г. маршалом, а потом пэром Франции. Позже — главный командир национальной гвардии департамента Сены; с 1852 г. — сенатор.

Гнедич — Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик «Илиады» Гомера, библиотекарь Императорской Публичной библиотеки.

Мясоедов — Александр Иванович (1793—1860), дежурный офицер отдельного гвардейского корпуса. Позже — сенатор и директор Николаевской Измайловской богадельни, генерал-лейтенант. Живописец.

Стазенька — Анастасия Христофоровна Мясоедова, рожд. Сольдан.

136

28-го сент[ября].

Экая ты прыткая! С тобою и пошутить нельзя. Сейчас готова ехать. А с фабрикою как же кончить? А сколько дал отец строитель? Погоди дом еще не совсем готов. Полы, стены все переделано, перекрашено, печи также. Я все прочил к половине октября. Дай дни два срока и тогда скажу наверное, когда можете припендерить. А когда же будет Анна Захаровна? Если поехала на долгих, то все более десяти дней проедет. А вы как едете, в дилижансе или в своих экипажах? Обдумала ли ты, разочла ли все это? Объясни мне аккуратно. Мне все сдается, что ты все устроила на ветер. Какая Титова умерла и что тут общего с фабрикою нашею? Я писал к тебе вчера. Теперь, прости, моя душа. Сегодня и завтра приведу в ясность дом наш и тогда скажу как дело находится. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною.

Если [sic] у тебя лакей и кто? Хороший официант? Ты купи-ла бы сукна для людей у Трубецкого или кого другого. И зеленого простого сукна для лестницы, лакейской.

Отец строитель — Александр Александрович Башилов, директор в Комиссии для строений в Москве.

1-го октября.

Борис здесь и был у меня.

Разбираются, разбираются, собираются, да все еще не совсем. На беду погода ужасная, дождь так и льет, нельзя переносить ни мебели, ни ставить двойные окна. К тому же сегодня и завтра праздник. С понедельника надобно будет приняться горяче. Мой дядька и твой черный человечек хлопочут как угорелые и пилят меня поминутно. Ужь мучусь я за вас, мои возлюбленные, нечего сказать. А ты мучишься ли? Что фабрика? Пожалуйста, до отъезда кончи. Ты обещалась писать, да и не пишешь. Я получил твою официальную переписку. Поблагодари от меня Башилова. Между тем деньги деньгами, а архитектурный альбом все-таки подавай. Нового ничего нет. Сегодня отплывает маршал Мортье, на время. Приехала Блудова с дочерьми. Они, кажется, очень любезны и готовятся познакомиться с Машею. Дядька мучит меня, чтобы скорее дать ему письмо нести на почту, а там итти ему мыть стекла. Делать нечего. Прости пока. В понедельник, или во вторник напишу, а между тем готовьтесь ехать к 10-му или около. Но только фабрику кончи прежде, а то назад прогоню. Обнимаю и благословляю вас от всей души. Бог с вами и со мною и скоро просто с нами! Ему и легче будет смотреть за нами в кучке. Что Пушкин?

Блудова — Анна Андреевна (умерла в 1848 г.), рожд. кнж. Щербатова.

дочери — Антонина Дмитриевна Блудова (1813—1891), фрейлина, и Лидия Дмитриевна (1815—1882), в замуж. Шевич.

137

3-го октября.

Хорошо делаешь, что дожидаясь, матушка, не прочь я, чтобы провела ты в Москве и 14-ое число: оно так согласно и с тем, что я писал тебе о приезде твоём. Только признайся, что вы заплякались в Москве и хочется еще поплясать на прощанье. Так-то вернее, матушка ваше сиятельство, мы вас раскусили. Я получил посылку твою с Урусовым и берегу ее до тебя. Что это за странный и трагический случай в Остафьеве? Верно какой-нибудь безумный, да как он попал и нагой. Скажи мне, что окажется из следствия. Бибиков остается и завтра вступает в должность. Пошли о том сейчас сказать Самойлову. Это его обрадует. Мне все хотелось бы, чтобы он пошел в долю ко мне по фабрике. Полуектова в Царском Селе теперь, но, кажется, скоро переедет, дом за нею остался. Она все между службою и отставкою мужа, и я думаю долго

ей еще сидеть. В Новгороде не забудь Кноринговой. Перед отъездом напиши к ней или к нему, чтобы уведомить о дне проезда твоего. Отдай письмо Булгакову, с тем, чтобы немедленно доставили его ей, или ему, а то они где-то в загородном доме, а он, может быть, будет в разъезде. Я так с ним условился. Что ты никогда не говоришь мне ни слова о Катеньке и верно ей не говоришь обо мне, а я в каждом письме о ней упоминаю и допрашиваюсь. Ты, пожалуй, нас и рассорить хочешь. Не забудь в Остафьеве Лафатера. В Москве будут на-днях, если теперь уже не приехали, Мясоедовы молодые. Отыщи его и сведи с Трубецкою. Он адъютант Красовского, и я просил его о Трубецком. Исполнила ли ты в свое время поручение мое к Толстому по письму его ко мне и просьбе к министру? Что Пушкин? Скоро ли будет? Пока сказать более нечего, потому и не скажу ничего. Обнимаю и благословляю вас, мои милые. Бог с вами и со мною.

Третьего дни была вечером маленькая тревога в городе, вода сильно подымалась, но часу с 12-го ветер переменялся и обошлось без беды. Говорила ли ты Салаеву об Адольфе? Ты я чаю подтибрила с него тысячи две, да и примолкла. Подавай их сюда, вытащу из горла.

Прошу объявить старшим княжнам, что с приезда их сюда каждая помесячно будет смотреть за всеми домашними расходами, все записывать и иметь ключи от многого.

Красовский — Афанасий Иванович (умер в 1843 г.), генерал-лейтенант, генерал-от-инфантерии, начальник главного штаба 1-й армии, взял крепость Силистрию и Краков.

Адлерберг отвечал мне, что просьбы Трубецкой здесь нет и мало подает надежды на успех ее, когда придет. Но великий князь должен быть скоро здесь и надеюсь с ним и Философов, к которому съезжу. Просьба пойдет через Чернышева, на которого можно надеяться как на каменную стену, то есть ничего из нее не выжмешь. Бибиков вчера был уже в департаменте. Я сейчас писал Полуектовой в Царское Село и предварил ее, что может быть ты остановишься в доме ее на несколько дней по приезде сюда, то есть в доме городском. Как же тебе не переставлять кресел, столов, суден и прочего и прочего? Лучше же въехать тебе в дом, когда уже всё будет на месте. Не так ли? А ей можно будет дать тебе две комнаты с княжнами. Павлуша ко мне, а люди уже прямо в дом. Нового ничего нет, кроме солнца и морозов, которые немножко разгуляли погоду

и народ по Невскому проспекту. Нового еще то, что обедаю сегодня у Сухозанет. Впрочем, всё довольно скучно и вяло. Тимирязевой лучше, начинает двигать ногами. Ради бога, будь осторожна дорогою за себя и за детей, держитесь теплее и строже в пище. Ни под каким видом не ешьте фруктов. Холера шатается по Московской дороге. Есть ли у тебя лакей? Мой просится прочь. Плачу ему 20 рублей в месяц, а здесь обыкновенная плата 30 и 35. Он груб, не очень опрятен, а впрочем расторопен и если у тебя нет лакея, то лучше оставить его, нежели взять неизвестного. Отвечай мне на это. А теперь прощай. Как скоро увидимся, так что-то и не пишется. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

Философов — Алексей Илларионович, адъютант Михаила Павловича.

139

8-го октября.

Я получил твои философские тысячу рублей и философские рассуждения о предполагаемом тобою назначении их. Ошибаешься, матушка. Еще не приходилось платить, а все раг атоиц¹. Что вперед будет не знаю. А приходится несколько плохо, седею, толстею сзади и спереди, с головы до ног, обобеперничиваюсь. Дадим слово себе, уговор лучше денег, нет вранье, мудрость народная опростоволосилась на этот раз: деньги лучше всякого уговора, но как бы то ни было дадим слово себе не удивляться друг другу, когда свидимся, как будто ни в чем не бывало, как будто вовсе не переменялись и не постарели. Не станем отравлять сладости свидания горькими замечаниями, обращениями к тому, что было. По рукам, не так ли? Барыш пополам и выгода на обеих сторонах то есть на твоей и на моей и на обеих сторонах у каждого в особенности, то есть на передней и на задней. Я и до прочтения письма твоего любезничал сколько умел с Философовым. Он мне понравился и все хвалят его. Смирновой ничего поручить не могу, потому, что она вся ушла в брюхо свое и кроме пупка ничего не видит. Тюлевую шапку твою купим вместе, когда приедешь. Жалею, что Самойлов не хочет ассосвироваться. Я не очень понимаю, чего Демид требует в записке своей. Если нужна особенная доверенность для представления в Комитет суконный, то велите заготовить и пришлите ее на подписание ко мне. На чье имя? На имя Ладомирского, если ты даешь доверенность ему и по другим делам. По комитету хлопот ему не будет и Демид может все сделать. Скажи Самойлову, что хло-

¹ из любви.

почу о его Салове. Министр за него, но Сенат не соглашается с мнением и толкует иначе закон по этому делу. Увидим, кто останется прав. Отъищи Ниротморцева, отца того, что в пансионе. Он в Москве. Скажи ему, что получил вчера письма его и записку о деле. Покажу ее здесь кому следует, а между тем, если нужно ему, рекомендуй его сенаторам 8-го департамента. Кажется тут Солтыков. Я не знаю кто в 8-м департаменте присутствует, а обер-прокурор там Жихарев, следовательно скажи ему, то есть Ниротморцеву, что ходатайство мое у него невозможно, да и не очень было бы выгодно для дела. Хороши стихи Надиньки, особливо же *les vers à M-lle Augere dans le goût ancien, où elle parle de pucelle*¹. Ее запрут здесь в смирительной дом. Бы меня совсем с ног срежете. Это уже почище *les l a n d s c h a f t e s*². Неужели у вас употребляют такие слова в ваших веселых беседах? С нами крестная сила. Я вам здесь не позволю рта разевать при посторонних. Я очень обрадовался письму к. Андрея Петровича Оболенского, что к. София идет замуж. Дай бог ей счастья. Она стоит его. Ну, ужь твой каретник. Если и твои экипажи будут, как мой, то поздравляю. Все сделано из старья: вчера разобрали коляску мою и удивились плутовству, не веря, что это заказной экипаж, а не на Неглинной купленный. Ужь он мне порядочно денег стоит. Если время еще не ушло, возьми свою предосторожность, то есть не плати денег до конца года.

Прости душа, дай бог приехать вам сюда благополучно и в добрый час на житье. Пожалуйста будьте осторожны дорогою. Обнимаю и благословляю вас от души. Бог с вами и со мною.

*Merci, Mademoiselle Nadina, mon cher confrère en Apollon, pour Votre lettre et vos vers. Les beaux esprits se rencontrent et nous avons tous les deux chanté M-lle Aurore. C'est très bien. Mettez moi, je Vous prie, à ses pieds en vers et en prose, mais puisqu'il s'agit de moi, donnez à vos vers un peu plus de décence, car nous écrivons avec vous dans des genres différents: vous dans le genre libre, moi dans le moral. Et Paul? Il a mis bas les armes et la plume devant votre talent. Pauvre petit!*³

¹ стихи, посвященные мадемуазель Авроре в старом вкусе, где она говорит о девственности.

² ландшафтов.

³ Спасибо, Наденька, мой милый собрат по Аполлону, за ваше письмо и за ваши стихи. Изящные умы встречаются, и мы оба воспели мадемуазель Аврору. Это очень хорошо. Повергните меня, пожалуйста, к ее ногам в стихах и прозе, но так как дело идет обо мне, придайте вашим стихам немного больше скромности, потому что мы пишем с вами в разных жанрах: вы — в свободном, я — в нравоучительном. А Павел? Он сложил оружие и перо перед вашим талантом. Бедный малыш!

Салов — м. б. Николай Андреевич, уездный предводитель дворянства в Инсаре Пензенской губ.

Солтыков — Михаил Александрович.

к. Софья — Софья Андреевна Оболенская (1810—1871), в замуж. Давыдова.

140

10-го окт[ября].

Караваны твои пришли и караванный начальник Анна Захаровна порадовала меня, сказав, что в доме довольно помещения, а как ты воспитанница Анны Захаровны и во многом с нею симпатизируешь, то надеюсь останешься и ты домом довольна. Теперь, милости просим, приезжай. Главное сделано, но ничего не доделано, чтобы дать тебе удовольствие засучить рукава и похлопотать. Чуть чуть не лишились мы бедной Смирновой, роды ее были самые мучительные, и один из акушеров говорил, что из 8 000 родов, перешедших через руки его, он не видал подобных. Она страдала 45 часов, употребляли инструменты, но все без пользы, наконец Лейтон прибегнул к последнему средству, к большой операции и спас ее, по крайней мере спас от решительной гибели. Но, бог знает, что еще после будет. Робенка вынули, разумеется, мертвого: он был необыкновенной величины и голова толщины непомерной. Недаром все дивились огромности брюха ее и не к стати я смеялся над ним. Доктора говорят, что она спасена твердостью духа своего, неустрашимостью, если бы морально ослабла, то не могла бы выдержать мучений. Она брала в руки и рассматривала инструменты, сама требовала операции и просила, чтобы только спасли робенка, шутила мучась и говорила, что когда глаза закрывает, то видит, как перед нею пляшет Боренька Юсупов. Меня вчера совершенно перевернуло это известие. Я ничего не знал о том, за день до начала страданий был у нее и вчера только нечаянно узнал, что перед домом ее лежит солома. Дай бог ей выздороветь. В политическом мире также много тяжелых родов, или по крайней мере кризисов, которые бог знает чем разродятся. Во Франции перемена министерства, но впрочем министерство не враждебное спокойствию Европы. Испанский король очнулся и первое действие его, раскрыв глаза, было прогнать министров своих, видно, что он подслушал, как они заживо еще распоряжались с духовным завещанием его, как уже после покойника. Министры им назначенные довольно либеральные. Добрые братья крепко подрались дон-Педро и Мигуель, оба говорят, что одержали победу, но, если она и сомнительна, то вся выгода уже на стороне д. Педро. Египетский паша так и душит султана и того и смотри что

перевернет верх дном Оттоманскую порту. В лондонской конференции разногласие: Англия и Франция хотят вооруженною рукою принудить голландского короля повиноваться протоколам; Россия, Австрия и Пруссия не соглашаются. Все более и более завязывается, а развязки предвидеть не можно. Уж не последнее ли письмо пишу тебе в Москву? Вот и это завязка в сцене *de notre vie privée*¹. Чем развяжется? Бог с вамп и со мною. Поцалуй крепко Лотошинскую княгиню и скажи ей, что очень люблю ее, хотя благодаря твоей ревности и многим твоим пронырствам не бываю в сношениях с нею. Она верно пожалеет очень о Смирновой. Простите, мои милые. Мне что-то грустно, что вы уезжаете из Москвы. Мне хотелось бы иметь вас и при себе и в Москве. Там я уже привык вас знать, а здесь все что-то дико. Обнимаю и благословляю вас. Бог с вами и со мною.

Караванный начальник и мой дядька уверяют, что здесь нужен Алексей. Вели же его отправить или привези с собою, если будет место. Прошу мне хорошенько означить день отъезда твоего и росписать маршрут, чтобы не напали вы на меня в роспloh. Я роспlohов терпеть не могу.

Лейтон — Яков Иванович (умер после 1843 г.), член Медицинского совета министерства внутренних дел, почетный член Академии Наук и Медицино-Хирургической Академии.

Во Франции перемена министерства — 11-го октября 1832 г. было составлено новое министерство, в состав которого вошли: президент и военный министр Сульт, министр внутренних дел Тьер и министр народного просвещения Гиро. Министерство продержалось до февраля 1836 г.

Дон-Педро — (1798—1834) братья, сыновья португальского короля
Дон-Мигуель — (1802—1866) Иоанна VI, бежавшего с семьей в Америку, где дон-Педро был провозглашен бразильским императором. По возвращении Иоанна VI в Португалию, португальским королем был провозглашен дон-Педро. Его отказ от престола в пользу дочери Иоанна VI Марии да Глориа и предложение регентства Мигуелю, желавшему вступить на престол Португалии, вызвало борьбу между дон-Педро и дон-Мигуелем, окончившуюся в 1834 г. удалением дон-Мигуеля в Германию.

Египетский паша — Мегмет-Али (1769—1849), наместник Египта. Воевал с Турцией, желая отделиться от Турции, но потерпел поражение.

Султан — Махмуд II (1785—1839), султан с 1808 г. Уничтожил войско янычар, старался подчинить пашей центральной власти. Распространением светского образования навлек на себя неудовольствие духовенства и чиновников. Вел две войны с Россией. При нем — восстание Греции и отложение Греции, Сербии, Молдавии и Валахии.

Лотошинская княгиня — кн. Екатерина Николаевна Мещерская, рожд. Карамзина. Лотошино — имение Мещерских в Тверской губ. в Старицком у.

¹ нашей частной жизни.

И. И. Козлов

Письма

(Вводные заметки к письмам и примечания *А. Сиверса*)

1

Письмо к Сергею Ивановичу Тургеневу

Фонд И. И. Козлова, за исключением двух писем №№ 4 и 5, находящихся в Государственном Историческом музее в фонде Шишкиных, передан Гослитмузеем Главному Архивному Управлению.

(Письмо написано И. И. Козловым собственноручно).

Тесные узы дружбы связывали Ив. Ив. Козлова с Александром Ивановичем Тургеневым. Когда завязалась эта дружба, установить не удалось, но приятельские отношения повидному были уже в 1814 г. Когда начались разговоры о предстоящем возмещении москвичам их убытков от разгрома и пожара Москвы в 1812 г., А. И. Тургенев заблаговременно принялся за хлопоты о Козлове, материальные дела которого, как всегда, были в плачевном состоянии. В апреле 1814 г. Тургенев писал А. Я. Булгакову: «Приятель мой И. И. Козлов просит тебя о доставлении ему свидетельства от графа Ростопчина о его потерях. Принимая в нем искреннее участие и желая по возможности быть ему полезным, я прошу тебя выхлопотать ему оное; хотя теперь сумм еще нет, но на всякий случай лучше запастись оным. А он право заслуживает участия добрых, как ты»¹.

Младший из братьев Тургеневых, Сергей, родившийся в 1791 г., был примерно на 12 лет моложе Козлова, и очевидно их взаимоотношения, о

---

¹ «Письма Александра Тургенева к Булгаковым». Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, М. 1939. Соцэкгиз, стр. 143. Об отношении Козлова к А. И. Тургеневу — см. К. Я. Грот, Дневник И. И. Козлова, СПб., 1906, стр. 8, 23.

сердечности которых свидетельствует печатаемое ниже письмо, являются отражением дружбы Козлова со старшим братом.

С. И. Тургенев, по окончании Московского университетского благородного пансиона, в 1803 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел и тогда же зачислен был в «архивные юноши» при Московском архиве Коллегии; в 1810 г. во время заграничной командировки он, по примеру братьев, слушал лекции в Геттингенском университете. В 1813 г. он перешел на службу в Министерство финансов, затем в 1814—1815 гг. был правителем канцелярии при генерал-губернаторе Саксонии Н. Г. Волконском-Репнине и 7 сентября 1815 г. был назначен состоять по дипломатической части при гр. М. С. Воронцове, начальнике русского оккупационного отряда в Мобёже.

St. Pétersbourg, 1817 le 12/24 Juin.

Je ne puis assez vous exprimer, cher ami, combien votre aimable souvenir est précieux à mon coeur, et combien j'ai été sensible à ce que plusieurs années d'absence, et un long espace, ainsi que des occupations sérieuses et des plaisirs charmants, ne vous ont point fait oublier un homme qui ne peut avoir d'autre mérite à vos yeux que celui d'une amitié profondément et vivement sentie. Recevez donc mes sincères remerciements pour *Germanicus* et la belle ode de *Fontanes* que vous m'avez envoyé. Cette ode surtout est vraiment sublime. Il y a des strophes qui m'enlèvent d'admiration; particulièrement celles de *St. Louis*, des *Reines* et de *M-me Henriette*, ou il rappelle si ingénieusement la fameuse citation de *Bossuet* dans l'oraison funèbre de cette belle et malheureuse Princesse. J'en suis enchanté; mais encore une fois, c'est l'idée que mon cher *Serge Tourguénev* songe encore à moi qui m'a fait le plus de plaisir dans tout cela et je ne saurais trop vous en remercier.

Je n'ai pas besoin de vous assurer que toutes les fois que je vois vos frères, je leur demande de vos nouvelles, ainsi que de l'intérêt que je prends à tout ce qui vous arrive.

Fasse le ciel que vous soyez aussi heureux et content que je le désire, croyez qu'alors rien ne manquerait à votre bonheur: je voudrais seulement qu'un voyage à Pétersbourg me donnât satisfaction de vous embrasser, car je l'avoue j'aime bien à voir mes amis.

Ce que j'ai à vous dire concernant ma pauvre personne, n'est guerre agréable. Une maladie affreuse me retient depuis un an presque dans mon lit. J'ai perdu l'usage des jambes, et ne marche

ou plutôt ne me traîne qu'avec la plus grande peine. C'est une affection nerveuse et spasmatique qui m'engourdit et me contracte les veines. On m'a conseillé d'aller aux eaux, mais mes circonstances ne me le permettent point, et je me fais traiter ici par Kreithan, qui m'assure toujours que je guérirai; en attendant je souffre l'impossible, ce qui joint à mille autres chagrins me désole réellement. Vous voyez d'après ceci que mon sort n'est pas couleur de rose. Une femme que j'aime ardemment et mes enfants font, il est vrai, la joie de ma vie, mais cette triste maladie empoisonne tout, et pour quelques roses j'ai mille et mille épines. L'idée que peut être à cause de ce mal, je ne pourrais pas m'occuper autant que je le veux et le dois de l'éducation de mon fils et de ma fille, me peine infiniment. Sans la religion j'eusse été dans un vrai desespoir, car une aussi malheureuse vie, ne vaut pas la peine de vivre; mais enfin, j'espère en la bonté de Dieu, qui a soin comme il le dit, et du passereau qui tombe et du coeur de l'homme qui souffre.

Je pense avec plaisir pourtant, que vous, mon cher, vous menez une vie agréable. La satisfaction de remplir vos devoirs aussi honorablement que vous le faites, doit vous être une véritable jouissance. Les plaisirs ne vous manquent pas aussi, car vous êtes dans ce Paris qui en offre tant et de si délicieux. Je sais que Maubeuge n'est pas Paris mais vous y allez souvent. Vous faites des voyages intéressants et l'avantage de voir de près un aussi grand homme que le duc Wellington est selon moi, aussi une espèce de bonheur. Mais il ne peut vous arriver de bonnes et heureuses choses que je ne Vous désire encore davantage, car je vous aime de tout mon coeur et au reste je ne crois pas d'après le proverbe que le mieux soit l'ennemi du bien.

Je finis en vous remerciant encore, en vous priant de me garder toujours une place dans votre amitié, de m'écrire si vous en avez le temps et d'être persuadé de l'estime et de l'attachement invariable avec lesquels je suis à jamais votre serviteur et ami.

Jean Kosloff.

[Перевод:]

С. Петербург, 12/24 июня 1817 г.

Не могу достаточно выразить вам, дорогой друг, насколько ценна моему сердцу ваша любезная память и как тронут я тем, что ни годы разлуки, ни дальность расстояния, ни серьезные занятия и интересные развлечения не дали вам забыть человека, заслугой которого в ваших глазах может быть только его глубокая и сердечная к вам дружба. Примите же искреннюю мою благодарность за присылку мне «Германика» и

прекрасной оды де Фонтана. Эта последняя действительно великолепна. В ней есть строфы, вызывающие мое восхищение, в частности строфы о Людовике Святом, о королевах, а также о Мадам Анриетт, где автор так умело вызывает в памяти знаменитую фразу из надгробного слова Боссюэта при погребении этой прекрасной и несчастной принцессы. Я в восторге, но, повторяю еще раз, — мысль, что дорогой мой Сергей Тургенев меня помнит, доставила мне наибольшую радость. Не знаю, как и благодарить вас за все это.

Мне нечего говорить вам о том, что всякий раз, когда я вижу ваших братьев, я спрашиваю о вас, а также о том, с каким интересом я отношусь ко всему, что, вас касается. Дай бог, чтобы вы были счастливы и довольны, как я вам того желаю, и уверяю вас, что в таком случае ваше счастье было бы полным. Мне хотелось бы только, чтобы ваш приезд в Петербург доставил мне удовлетворение вас обнять, — должен признаться, что свидание с друзьями доставляет мне большую радость.

То, что я могу сказать вам о себе лично, далеко не приятно. Уже почти год, как ужасная болезнь приковывает меня к постели. У меня отнялись ноги, и я хожу или, вернее, влачу себя с большим трудом. Нервный и спазматический недуг вызывает онемение в ногах и судороги в жилах. Мне советуют поездку на воды, но обстоятельства не позволяют мне этого, и я лечусь здесь у Крейтона, который постоянно уверяет меня, что я поправлюсь, а между тем я невозможно страдаю, — это, в связи с тысячей разных других огорчений, меня приводит в отчаяние. Из этого вы можете заключить, что судьба моя оказывается далеко не благополучной. Жена, которую я страстно люблю, и дети составляют, правда, радость моей жизни, но несчастная болезнь отравляет все, и на несколько роз на мою долю приходится тысячи и тысячи шипов. Мысль, что из-за своей болезни я не смогу, как обязан и того желаю, заняться воспитанием сына и дочери, меня ужасно огорчает. Не будь у меня веры, я пришел бы в полное отчаяние, так как такая несчастная жизнь не стоит того, чтобы жить, однако, я надеюсь на милость бога, который, как говорится в писании, заботится и о выпавшем из гнезда птенце, и о страдающем сердце человека.

И все же я с удовольствием думаю о том, что вы, мой друг, ведете приятную жизнь. Сознание хорошо выполняемого долга должно доставлять вам истинное удовлетворение. В удовольствиях у вас также нет недостатка, так как вы находитесь в Париже, где их столько и притом таких прекрасных. Я знаю, что Мобеж не Париж, но вы бывали там часто, вы совершаете интересные поездки и удача видеть вблизи такого великого человека, как герцог Веллингтон, это, на мой взгляд, своего рода счастье. Сколько бы ни выпало вам на долю доброго и счастливого, я всегда пожелаю вам еще большего, так как люблю вас от всего сердца и притом не считаю вовсе, вопреки пословице, чтобы лучшее было врагом хорошего.

Заканчиваю, поблагодарив вас еще раз. Прошу сохранить мне вашу дружбу, писать, если у вас найдется для этого время, и быть уверенным в уважении и неизменной привязанности, с которыми я остаюсь навсегда вашим преданным слугою и другом.

Иван Козлов.

«*Germanicus*», *tragedie en 5 actes en vers par d'Arnault* — представлена в первый раз во Французском театре 22 марта 1817 г.; автор этой пьесы Антуан-Венсан д'Арно (1766—1834) подвергся преследованию и был

изгнан из Франции в связи с постановкой этой пьесы, в которой была усмотрена критика современного положения Франции.

De Fontanes Louis (1757—1821) — французский писатель; речь идет об оде «Les tombeaux de Saint-Denis ou le Retour de l'exilé» (Oeuvres de M. de Fontanes. A Paris chez Hachette, 1839, tome I, pp. 167—176), прочитанной на общем собрании четырех академий 24 апреля 1817 г., хотя ода была написана Фонтаном значительно раньше. Содержание оды состоит в том, что изгнанник, очевидно, вернувшийся на родину эмигрант-монархист, пробирается ночью в разрушенную во время революции усыпальницу французских королей в аббатстве Сен-Дени; там встречает его монах, с которым он обходит повергнутые в прах гробницы, и ему представляются тени погребенных — короля Людовика IX (Saint-Louis) (1215—1270), затем Генриетты (Madame Henriette) (1644—1670), жены герцога Филиппа Орлеанского, и ее матери английской королевы Генриетты (Henriette-Marie de France) (1609—1669), дочери короля Генриха IV, вдовы казенного короля Карла I Стюарта, при погребении которых Боссюэт произнес свое известное надгробное слово.

Kрейтон — (Crichton) Александр Александрович (1763—1857), врач Вестминстерского госпиталя в Лондоне, был в 1804 г. вызван в Россию, где и оставался на службе, в должности лейб-медика, до 1819 г., когда возвратился в Англию (Русск. Биогр. Словарь, том Кнаппе, с. 422).

Wellington — сэр Артур, Уеллесли (Wellesley), герцог Веллингтон (1769—1852), английский фельдмаршал, был начальником оккупационной армии, оставленной союзниками во Франции после второго Парижского мира 1815 года.

2

Письмо к Александру Ивановичу Тургеневу

(Письмо написано чужой рукой и лишь подписано Козловым).

По отозвании оккупационного корпуса Воронцова из Франции С. И. Тургенев получил назначение вторым советником русской миссии в Константинополе. К. Я. Грот опубликовал (Известия русского языка и словесности Академии Наук, 1904, т. IX, кн. 2, стр. 91) письмо С. И. Тургенева к И. И. Козлову из Буюк-дере от 17 июля 1821 г., написанное незадолго до того, как в связи с происходившими в Константинополе волнениями (убийство константинопольского патриарха Григория) были прерваны дипломатические отношения России с Портой (8 августа 1821 г.) и русская миссия выехала в Одессу.

В этом письме содержатся ясные намеки на то, что уже в это время С. И. был болен и как бы предчувствовал, что ему угрожает, как и Козлову, неизлечимый недуг. К началу 1825 г. болезнь С. И. настолько обострилась, что пришлось хлопотать для него о бессрочном отпуске для лечения за границей. 10 апреля 1825 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому (Остафьевский Архив, III, стр. 111): «Я точно еду к водам, но еще не знаю когда. Мое путешествие зависит от увольнения Сергея, и его просьба доложится в Варшаве. Он просится к водам». Поездка состоялась только в июле; 12.VII братья были в Риге, а 29.X/10.XI Александр Иванович поджидал приезда Сергея в Париж, чтобы ехать вместе с ним в Италию, а потом, соединившись с братом Николаем, все

трое собирались ехать в Англию (Остафьевский Архив, III, стр. 132, 134). Однако происшедшее вскоре восстание декабристов и привлечение к следствию Николая Тургенева нарушило эти планы.

Николай остался на 30 лет за границей в качестве эмигранта, Александр вернулся в Петербург хлопотать за брата, а Сергей, на которого испытанная тревога за брата повлияла угнетающим образом, также остался за границей и впал окончательно в психическое расстройство. Выждав в Петербурге результат суда над декабристами и конфирмацию приговора, А. И. Тургенев поспешил уехать к больному брату в Дрезден. Еще до получения известия о приезде его туда Ив. Ив. Козлов писал А. И. Тургеневу 24.VIII 1826 г. нижеследующее письмо.

St. Pétersbourg, le 14 Août 1826.

Je commence par vous embrasser de tout mon coeur, mon cher Alexandre Ivanovitch, je vous suppose maintenant à Dresden auprès de votre frère Serge, je prie Dieu que sa santé devienne excellente et que vos peines s'adouçissent, priez Dieu, espérez en lui et croyez moi le trajet de cette courte vie ne sera pas aussi pénible. Je vous écris aujourd'hui une petite lettre, car n'ayant pas encore reçu de vos nouvelles (chose que je vous demande instamment), je ne sais ni où vous êtes, ni ce que vous faites; Bassange saura pourtant vous faire tenir cette lettre et j'attends impatiemment que vous nous donniez signe de vie. Je suis toujours dans le même état, ma femme et mes enfants se rappellent bien à votre souvenir. M-me Veidemeyer attend pour vous écrire que vous nous donniez au moins l'annonce de votre arrivée. J'ai reçu d'Ems une charmante lettre de Joukovsky, il me dit que sa santé va tout à fait bien, sommeil, appétit, tout est à merveille, il ne lui reste qu'un peu de faiblesse dont les eaux d'Egra vont le délivrer. Il part dans les premiers jours d'Août, probablement vous vous rencontrerez quelque part; en O[ct]obre il sera ici et si je le revois bien portant comme je l'espère, je ne saurai trop comment remercier Dieu. J'ai vu plusieurs fois la princesse Volkonsky, quelle digne et sensible amie, elle est restée ici, sa fille est allée seule à Moscou où l'Empereur a fait son entrée le 29 juillet par un temps magnifique et un concours de peuple immense, dans quelques jours le couronnement aura lieu, mais ce jour n'est pas encore fixé. Que Dieu daigne le bénir et protéger son regne, ainsi que la Patrie!

Le comte Panine vient être nommé gentilhomme de la chambre, le petit Volkonsky le sera au couronnement, dit-on; en attendant M-lles Kojine et Gresser sont demoiselles d'honneur, a propos d'un de ces noms il y a eu ici un duel entre un Kojine et un Lapoukhine, officiers aux gardes: le premier est mort

quelque jours après, depuis quelques années ces malheureux duels ne finissent jamais autrement. La princesse Alexis Galitzine vous fait dire mille choses, elle vous prie d'être persuadé que ses prières et son amitié ne vous manqueront jamais. J'ai vu aussi Hummelauer; Muralt vous salue de tout son coeur. Je me trouve bien isolé maintenant, mais j'ai ma femme, mes enfants, le souvenir de mes amis, la manie des vers et celle du thé. Je vous prie de me donner amples détails sur votre manière de vivre, parlez moi beaucoup de Serge et faites lui mes chauds compliments. Croyez, cher ami, qu'il est impossible de vous être plus sincèrement dévoué, j'eusse été bien ingrat, si je sentais autrement. Je vous écrirai beaucoup quand vous m'aurez une foit écrit, en attendant embrassons nous encore et que la bonté de Dieu vous console et vous soutienne

tout à vous

Jean de Kosloff.

PS. Je n'ai aucune nouvelle des Karamsine. C'est pourquoi je ne vous en donne pas, cela me fait de la peine. Savez vous une chose que je viens d'apprendre par expérience, c'est que le souvenir de Karamsine, dans un instant de peine ou d'agitation est comme une espèce de F a n a l sur lequel on veut se diriger et fait toujours beaucoup de bien. Adieu, portez vous bien vous même.

A Son Excellence

Monsieur Alexandre de Tourguenieff à Dresden.

On prie M-r Mollevaut de faire partir cette petite lettre dans son paquet.

[Перевод:]

С. Петербург, 14 августа 1826 г.

Прежде всего обнимаю вас от души, дорогой Александр Иванович; полагаю, что вы теперь в Дрездене вместе с братом Сергеем. Молю бога, чтобы его здоровье поправилось и чтобы ваше горестное состояние облегчилось, молитесь, надейтесь, и, верьте мне, тогда пути жизни будут не так трудны. Я пишу вам сегодня короткое письмо, так как, не получив до сих пор от вас известий (о которых настоятельно прошу), я не знаю ни где вы, ни того, что вы делаете. Однако Бассанж сумеет доставить вам это письмо, и я жду с нетерпением, чтобы вы дали мне признак жизни. Я нахожусь все в том же положении, жена и дети усердно напоминают вам о себе. Г-жа Вейдемейер откладывает свое письмо до того времени, когда вы дадите нам знать хотя бы о своем приезде на место. Я получил от Жуковского милое письмо из Эмса, где он пишет, что здоровье его

вполне хорошо, сон и аппетит — все превосходно, у него осталась лишь небольшая слабость, от которой избавят его воды Егры. Он уезжает в первых числах августа, вероятно вы с ним встретитесь где-нибудь; в октябре он будет здесь, и, если я увижу его, как надеюсь, вполне здоровым, я не знаю, как и возблагодарить бога. Я видел несколько раз княгиню Софью Волконскую, какой она достойный и сердечный друг; она осталась здесь, ее дочь поехала одна в Москву, куда государь 29 июля совершил свой въезд при великолепной погоде и при огромном стечении народа. Через несколько дней будет коронация, но точный день пока еще не назначен. Да благословит и охранит господь его самого, его царствование и родину.

Граф Панин только что назначен камер-юнкером, маленький Волконский, говорят, получит это звание на коронацию. Девушки Кожина и Грессер пожалованы фрейлинами. Кстати, по поводу одной из этих фамилий — здесь недавно была дуэль между Кожным и Лопухиным, гвардейскими офицерами, первый умер через несколько дней после поединка. Вот уже несколько лет, как эти несчастные дуэли не кончаются иначе. Княгиня Голицына, вдова князя Алексея, шлет вам тысячу приветов и просит вас быть уверенным, что ее молитвы и дружба к вам неизменны. Я видел также Гуммелауера, Муральт вам шлет сердечный привет.

Я чувствую себя теперь очень одиноким, но при мне — жена, дети, воспоминания о друзьях и манья стихов, так же как и страсть к чаю. Прошу вас дать мне обстоятельные подробности того, как вы живете, сообщите возможно больше сведений о Сергее и передайте ему мой горячий привет.

Верьте, дорогой друг, что трудно быть более искренне к вам привязанным — было бы большой неблагодарностью с моей стороны, если бы я чувствовал иначе. Я буду подробно вам писать, как только вы сами мне напишете, а пока обнимаю вас еще раз и пусть милость божия вас утешает и поддерживает.

Весь ваш *Иван Козлов*.

P. S. У меня нет никаких известий о Карамзиных, поэтому о них ничего не пишу, это меня огорчает. Знаете ли вы, я испытал это на собственном опыте, что память о Карамзине, в минуты горя и волнений, является каким-то путеводным огнем, к которому хочешь направиться, и это доставляет всегда облегчение. Прощайте, будьте здоровы сами.

Адрес. Его Превосходительству

Господину Александру Тургеневу в Дрездене.

Просьба к г-ну Молво отправить это письмецо в своем пакете.

Bassange — В письме В. А. Жуковского от 28 сентября 1826 г. к И. И. Козлову из Дрездена находим нижеследующее указание: «ты должен ко мне и к нам писать в Дрезден на имя Bassange». (Сочинения В. А. Жуковского, изд. 7-е, под ред. П. А. Ефремова, т. VI, СПб., 1873, стр. 467).

M-me Veidemeyer — Татьяна Семеновна Вейдемейер, рожд. княж. Херхеулидзева (ум. в 1863 г.), приятельница Жуковского и Козлова. Козлов посвятил ей свой перевод стихотворения Мура «Вечерний звон».

Une lettre de Joukovsky... — По восшествии на престол Николай I предложил В. А. Жуковскому приступить к занятиям с наследником в. кн. Александром Николаевичем. Однако плохое состояние здоровья поэта (одышка, болезнь печени и отек ног) заставило его отпроситься за границу для лечения, куда он выехал 12 мая 1826 г. через Кронштадт. В Эмс Жуковский прибыл 10. VI; после курса лечения в Эмсе, а затем в Франценсбаде (Эггер) он предпринял путешествие по Европе и из Дрездена, где решил провести зиму, просил разрешения остаться за границей до осени 1827 г. Упомянутое Козловым письмо к нему Жуковского из Эмса от 23. 4 августа 1826 г. было напечатано в Русском Архиве 1867 г., стр. 826—828 и перепечатано в Сочинениях Жуковского, т. VI, СПб, 1878, стр. 465—466.

La princesse Volkonsky — Софья Григорьевна Волконская, рожд. кнж. Волконская (родная сестра декабриста С. Г. Волконского), жена Петра Михайловича Волконского, будущего министра двора. Упомянутая далее дочь их, Александра Петровна (Алиса), вышла впоследствии замуж за шталмейстера Павла Дмитриевича Дурново.

Le comte Panine — гр. Виктор Никитич Панин (1804—1874), ука-зом придворной конторе 13 июля 1826 г. «состоящий в ведомстве Минис-терства иностранных дел коллежский асессор Панин пожалован в зва-ние камер-юнкера» («Русский Инвалид» от 26. VII. 1826, № 178). В. Н. Панин был впоследствии министром юстиции и председателем Редакционных Комиссий Главного комитета по освобождению крестьян.

Le petit Volkonsky — сын Петра Михайловича Волконского — Дмитрий Петрович действительно был пожалован в звание камер-юнкера на коронацию 22. VIII. 1826.

Demoiselles d'honneur... — Сообщение Козлова о пожаловании Кожиной и Грессер во фрейлины было преждевременным, в действительности обе они получили фрейлинский шифр лишь на коронации — указом при-дворной конторе от 22 августа 1826 г. племянницы генерала-от-инфанте-рии кн. Волконского девицы Мария Кожина и Екатерина Грессер пожа-лованы во фрейлины к императрице («Русский Инвалид» 3/X 1826, № 213). Сестры Петра Мих. Волконского — Екатерина Михайловна была замужем за Сергеем Александровичем Кожиным, а Анна Михайлов-на — за Александром Ивановичем Грессером.

Un duel entre Kojine et Lapoukhine — сведений о дуэли Кожина с Лопухиным у меня не оказалось. Повидимому, убитый на дуэли Кожин — гвардии поручик Михаил Николаевич (ум. в 1826 г.).

La princesse Galitzine — кн. Александра Петровна Голицына, рожд. Протасова, вдова Алексея Андреевича Голицына (ум. в 1800 г.), пере-шедшая в 1818 г. в католичество.

Hummelauer — о Гуммелауере есть упоминание в письме А. И. Тур-генева к П. А. Вяземскому от 31 октября 1824 г. из Петербурга: «Кня-зя Никиту Волконского увижу завтра у сестры его кн. Софьи Григорьев-ны Волконской, что за умная прелесть Алина его племянница. Я повадил-ся к ним снова ездить и с одним умным австрийцем Гуммелауером вос-хищаемся умом и просвещением, и добродушьем Алины» (Остафьевский Архив, III, стр. 78).

Muralt — Иоганн Муральт (1780—1850), пастор реформатской церкви в Петербурге (с 1810 г.), известный теолог и педагог, основатель реформатского училища (11. III. 1818) и содержатель просуществовав-шего 35 лет частного пансиона на Васильевском острове. В этом пан-

сионе, между прочим, учился сын Козлова — Иша, как свидетельствует о том сохранившаяся записочка В. А. Жуковского (без даты): «Я был у Мюральта; он соглашается принять Ишу и завтра выеду я с ним вместе часу в 1-м буду у тебя. Уведомь каков ты. Жуковский». Эта записочка опубликована была К. Я. Гротом в Известиях Русского языка и словесности Академии Наук, 1904, т. IX, кн. 2, стр. 86. О Муральте см. также работу А. И. Лященко, Пастор Муральт и первые годы реформатского училища, СПб, 1901.

Aucune nouvelle des Karamsine — Когда Козлов писал это, не исполнилось еще трех месяцев со смерти Николая Михайловича Карамзина (ум. 22. V. 1826). Известно, как тяжело семья переживала его кончину и как скорбели о нем все близкие к нему люди — Вяземский, Пушкин, Жуковский, Тургенев.

On prie m-r Mollevaut... — В письме к В. Ф. Гагариной от 13 февраля 1825 г. из Петербурга С. И. Тургенев писал: «Hier j'ai remis au banquier Molvo la somme de 1500 pour être envoyée à M-r Votre frère» («Вчера я передал банкиру Молво 1500 р. для отсылки Вашему брату») (Остафьевский Архив, III, стр. 97). Комментарий Остафьевского Архива высказал (стр. 459—460) предположение, что тут имеется в виду Яков Николаевич Малво, коммерции советник, петербургский городской голова и председатель Биржевого комитета (ум. 21. V. 1826. см. некролог в «Серверной пчеле» 1826, № 62).

3

Письмо к Александру Ивановичу Тургеневу

(Письмо написано И. И. Козловым собственноручно.)

В письме от 30.V/12.VI 1827 г. из Парижа В. А. Жуковский писал А. А. Воейковой: «...Вот уже более двух недель, как я в Париже. Не жди от меня никаких описаний. Сердце не лежит ни к чему. Судьба жестоко расстроила мне парижскую жизнь. Вместо физической болезни дала она моральную, которая притупила живость любопытства и поселила ко всему равнодушие. Одну неделю провели здесь довольно весело. В начале другой, 1 июня, умер добрейший несчастный Сергей. Не удалось нам сохранить его. В шесть часов жестокие конвульсии умертвили его. Можешь себе представить положение Александра... Если б судьба не свела нас в Дрездене, если б в эти минуты мы не были неразлучны и если б я не приводил всего насильно в порядок, то он верно бы сам потерял разум. Мы привезли бедного больного в Париж с надеждою, что сбережем его... Накануне 1-го июня он был спокоен. В шесть часов утра вдруг сделались с ним конвульсии. На минуту пришел он в себя после первого припадка. Но сделался другой — une attaque cérébrale, как говорит доктор. Он потерял память; глаза сделались неподвижны... После нескольких припадков он умер у нас на руках. Мы похоронили его на кладбище Père Lachaise. Для него смерть к лучшему, по словам доктора, он не мог возратить своего рассудка. ...Обнимаю Козлова и сообщу ему подробности об нас. Воображаю, как он будет грустить об нас» («Русский Библиофил», 1915, кн. VII, стр. 16).

Эти печальные известия дошли до Козлова 16 июня, и слепой поэт тотчас берется сам за перо. чтобы с трудом, каракулями, вкривь и вкось, написать несколько слов утешения своему другу.

16 Juin [1827].

Je vous embrasse, cher Alexandre, que la volonté de Dieu soit faite et bénie. Votre frère et mon ami est dans le ciel, priez Dieu et travaillez de plus en plus à l'y rejoindre un jour — Votre belle âme et vos souffrances vous ont déjà mis sur la voie. Tout est pour le mieux — sa vie eut été un continuel orage qui vous foudroyait à tout moment.

Je vous embrasse, vous et Joukovsky. Je vous aime plus que jamais и писать буду когда буду в силах. Жена и дети обнимают.

[Перевод:]

16 июня [1827 г.]

Обнимаю вас, дорогой Александр. Да свершится и да будет благословенна воля божия. Ваш брат, а мой друг на небесах. Молитесь и готовьтесь соединиться с ним в свое время — ваша прекрасная душа и перенесенные вами страдания уже поставили вас на стезю. Все к лучшему — его жизнь была бы непрерывной грозой, которая каждую минуту поражала бы и вас лично. Обнимаю вас и Жуковского, я вас люблю обонх более, чем когда-либо...

Эго письмо Козлова соответствовало переживаниям самого А. И. Тургенева, который писал П. А. Вяземскому 20. VIII. 1827 г. из Дрездена: «...Одно чувство и нами исключительно владеет: нетерпение смерти. Кажется, только у могилы Серезиной может умериться это нетерпение, этот непрерывный порыв к нему. Ожидать и ожидать одному, в разлуке с другим, тяжело и почти нестерпимо... Одно желание смерти, то есть свиданья, все поглощает. Вижу то же и в письмах другого, т. е. брата Николая, но еще сильнее, безотраднее». (Остафьевский Архив, III, стр 165).

Но перед А. И. Тургеневым стояла другая трудная задача — реабилитировать брата Николая в глазах правительства, чему он посвятил многие годы своей жизни.

4

Письмо к Павлу Сергеевичу Шишкину

(Письмо написано дочерью поэта А. И. Козловой и лишь подписано им.)

Адресат этого письма Павел Сергеевич Шишкин (р. 1786 г.) — крупный ярославский помещик, камер-юнкер, числившийся на службе в Экспедиции кремлевских строений по особым поручениям при Главнана-

чальствующем, с 1822 г. женатый на фрейлине Прасковье Николаевне Барановой (1792—1880), дочери сенатора и почетного опекуна Николая Ивановича Баранова (1757—1821) от брака его с Варварой Александровной Болтиной (1768—1838).

Известное затруднение при комментировании письма представляла необходимость выяснить, по каким основаниям Козлов называет Шишкина кузеном. В те времена родственные связи были очень крепки и люди считались родством и свойством в очень отдаленных линиях. Изданное В. В. Руммелем родословие Козловых не давало никаких указаний на какое-либо родство с Шишкиными, с другой стороны, родословие ярославской линии последних отсутствует в генеалогической литературе. После довольно длительных розысков удалось установить, что Прасковья Николаевна Шишкина приходилась (через Голицыных) троюродной сестрой жене поэта, Софье Андреевне Козловой, рожденной Давыдовой¹.

7 Septembre [1828].

Permettez moi, mon cher cousin, de vous demander une grâce. Je me trouve enhardi de le faire, puisque vous avez dit que je pouvais m'adresser à vous avec confiance et sans crainte de vous importuner. Il faut me protéger dans vos tribunaux de Yaroslaw et je compte sur votre amitié et sur votre crédit. Ma terre de Пошехонье a été séquestrée par le Lombard de Moscou et mes revenus par conséquent arrêtés². Ayant payé le Lombard le 20 Août c'est à dire les 3542 R pour les deux années arriérées, le Lombard a donné ordre d'ôter le séquestre; mais vous savez que si l'on a personne pour faire aller la chose, cela peut durer fort longtemps, et en attendant je suis sans revenu. Veuillez donc, cher cousin, vous intéresser en ma faveur. Je ne sais si l'affaire est dans la губерния ou dans le уезд, mais il vous sera facile de vous en informer et, par le moyen du gouverneur ou du maréchal de la noblesse, hâter l'affranchissement de ma terre et demander l'ordre nécessaire pour que mes paysans puissent

¹ У кн. Федора Ивановича Голицына (1700—1769) от второго брака его с Анной Петровной Измайловой был сын Павел Федорович и дочь Авдотья Федоровна. Эта последняя была замужем за бригадиром Александром Ивановичем Болтиным (это родители Варвары Александровны Барановой), а у Павла Федоровича Голицына от брака его с Екатериной Михайловной Чебышевой была дочь Александра Павловна (1766—1804), замужем за бригадиром Андреем Ивановичем Давыдовым (это родители Софьи Андреевны Козловой) — таким образом матери П. С. Шишкина и С. А. Козловой были двоюродными сестрами.

² В подлиннике стоит: *с'т. m'est revenue par consequent arrêtée*. В этой форме фраза не имеет смысла и очевидно была написана А. И. Козловой, недостаточно тогда еще разбиравшейся в делах, по созвучью, вместо того, что действительно диктовал ей отец, и как то исправлено мною в тексте.

m'envoyer l' оброк. Il y a encore un запрещение d'un certain Рагозин; mais cet usurier, qui peut empêcher la vente de la terre, ne peut pas arrêter les revenus, d'autant plus qu'il n'y a que les Lombards et les banques qui aient ce droit. On m'a conseillé d'écrire une lettre à M-r Sokoloff, qu'on dit être un excellent homme, et je le ferai, mais je ne le connais point et si vous ne vous intéressez point à moi, il me sera impossible de faire lever le séquestre, aussitôt que je l'aurais désirer. Sans jambes et sans yeux, je suis cloué à mon lit, mais j'espère, mon cousin, que vous y mettrez bon ordre et je vous en aurai une éternelle reconnaissance.

Veillez me rappeler au souvenir de ma chère cousine. Il y a bien longtemps que nous nous sommes vus, mais je présume qu'elle ne m'a pas oublié. Vous présenterez aussi mes respects à ma tante, ainsi que ceux de ma femme, qui est allée se promener et qui sans cela aurait sûrement écrit elle même à la vôtre, son amie d'enfance. Encore une fois veuillez ne point oublier mon affaire, me pardonner de vous avoir importuné, et croire aux sentiments d'estime et d'amitié avec lesquels je reste à jamais,

mon cher cousin,

Votre très humble et très obéissant serviteur

Jean Kosloff.

Voici mon adresse:

В Малой Садовой, дом купца Армянинова № 26.

против канцелярии Министра Юстиции

[на обороте:]

в город Ярославль.

Почт. штемпель: С. Петербург 1828 сент. 8.

Его Высочородию

Милостивому Государю

Павлу Сергеевичу Шишкину

[Перевод:]

7 сентября [1828 г.]

Разрешите, дорогой кузен, попросить вас об одолжении. Я решаюсь на это, так как вы мне сказали, что я могу обращаться к вам с доверием, не опасаясь затруднить вас своей просьбой. Нужно оказать мне содействие в ваших ярославских судах, и я рассчитываю на вашу дружбу и влияние. На мое пошехонское имение наложено Московским Ломбардом запрещение, вследствие чего задержано было получение мною доходов с имения. После уплаты мною Ломбарду 20 августа 3542 рублей, составлявших сумму просроченных платежей за два года, Ломбард распорядился снять запрещение, но вы знаете, что если нет никого, кто бы двигал дело, оно может

тянуться очень долго, а пока я лишен доходов. Будьте добры поэтому, дорогой кузен, похлопотать за меня. Я не знаю, находится ли мое дело в губернии или в уезде, но вам легко это узнать, и через губернатора или через предводителя дворянства ускорить снятие запрещения с земли и истребовать необходимый документ, чтобы крестьяне могли посылать мне оброк. На имени лежит еще запрещение некоего Рагозина, но этот ростовщик может чинить препятствия продаже земли, но не может задерживать получение мною доходов, тем более, что только ломбарды и банки пользуются таким правом. Мне советовали написать г. Соколову, который, по общим отзывам, прекрасный человек, и я это сделаю, но я его совсем не знаю, и, если вы не придете мне на помощь, не удастся снять запрещение настолько скоро, как мне того бы хотелось. Без ног и без глаз, я пригвожден к своей постели, но я надеюсь, кузен, что вы уладите все, за что я буду вам вечно благодарен.

Напомните обо мне дорогой кузине. Мы с ней очень давно не видались, но предполагаю, что она меня не забыла. Засвидетельствуйте также тетушке почтение от меня и от жены, которая ушла в данную минуту гулять, иначе она, конечно, сама написала бы вашей жене, своему другу детства. Еще раз прошу вас не забыть о моем деле, простите за то, что я вас по этому поводу утруждаю, и верьте моей дружбе и уважению, с которым остаюсь, дорогой кузен, вашим покорным и послушным слугою.

Иван Козлов.

Соколов Павел Аполлонович — подполковник, пошехонский уездный предводитель дворянства с 4. VII. 1816 г. по май 1821 г., когда покинул должность по болезни, был впоследствии избран на трехлетие (1827—29) Ярославским губернским предводителем.

5

Письмо к Павлу Сергеевичу Шишкину

(Письмо написано под диктовку дочерью поэта А. И. Козловой и лишь подписано им).

12 octobre [1828]

Je n'ai pas assez de paroles pour vous remercier, mon cher cousin; le service que vous venez de me rendre est une véritable obligation et je vous en remercie chaudement. J'ai ordonné à mon староста de se présenter à Пошехонь pour les démarches nécessaires; j'ai écrit à Павел Аполлонович Соколов, губернский предводитель de Yaroslaff et au risque de vous importuner, je vous supplie instamment, cher cousin, d'employer votre crédit pour hâter la besogne à Пошехонь. Pardon, mais vous ne pouvez imaginer combien je suis au dépourvu et combien ces sortes d'affaires me pèsent et combien, sans jambes et sans yeux, il m'est difficile de les arranger. Mais suffit; je ne doute point que vous ne pussiez en faire mieux que moi: notre amitié me rassure

pleinement que vous ne me refuserez point votre intercession et je compte sur un succès certain.

Je suis on ne peut plus sensible au souvenir de ma cousine. Veuillez me jeter à ses pieds et dans votre première lettre parlez moi un peu de la manière dont vous passez le temps et que fait toute votre petite famille à laquelle je porte le plus vif intérêt sans la connaître. Quant à moi je mène toujours la même existence! C'est toujours ma femme, mes enfants, la poésie et quelques amis. A propos de la première, puisque mes essais ne vous déplaisent point, voici une chanson portugaise qui roule sur l'habitude de dire ma vie comme expression de tendresse.

В кипеньи нежности сердечной
Ты жизнью друга назвала;
Привет бесценный, естлиб вечно
Живая молодость цвела!
К могиле все летит стрелюю
И ты, меня лаская вновь,
Зови не жизнью, но душою
Бессмертной, как моя любовь.

Je serai enchanté si cette traduction de L. Byron vous fera plaisir. Je crois que dans deux mois mes poésies fugitives seront imprimées. Peut être quelques-unes vous paraîtront un peu originales et c'est toujours quelque chose. Ma femme se rappelle beaucoup à votre souvenir et embrasse tendrement sa cousine. Quant à moi je vous remercie encore, cher cousin, pour tout ce que vous avez fait pour moi. Votre amitié m'est garant que vous ne m'oublierez point et je vous prie d'agréer l'expression de mes sentiments invariables.

Jean Kosloff.

[На обороте:]

В Ярославль. Его высокородию Милостивому Государю Павлу Сергеевичу Шишкину

Почт. штемпель: С. Петербург 1828 окт. 16

[Перевод:]

12 октября [1828 г.]

У меня нет достаточно слов, дорогой кузен, чтобы поблагодарить вас. Услуга, которую вы мне оказали, настоящее одолжение и я горячо благодарю вас. Я приказал своему старосте явиться в Пошехонье для необходимых хлопот. Я написал Павлу Аполлоновичу Соколову, ярославскому губернскому предводителю, и рискуя надоесть вам, умоляю, дорогой кузен, употребить ваше влияние для ускорения дела в Пошехонье. Простите, но вы не можете себе представить, до какой степени я нахожусь в нужде,

насколько такого рода дела для меня тяжелы и как трудно мне, лишенному ног и глаз, их устраивать. Но довольно об этом, я не сомневаюсь, что вы сможете сделать все лучше меня самого: наша дружба дает мне уверенность в том, что вы не откажете мне в поддержке, и потому рассчитываю на верный успех.

Я чрезвычайно тронут памятью кузины. Засвидетельствуйте, пожалуйста, ей мое глубочайшее почтение, и в первом же письме сообщите мне, как проводите вы время и что поделывает ваша маленькая семья, которой я очень интересуюсь, хотя и не знаю ее лично. Что же касается меня, то я веду все тот же образ жизни, попржнему жена, дети, затем поэзия и несколько друзей. Кстати о первой — раз мои опыты вам немного нравятся, вот вам португальская песня, где говорится о привычке употреблять слова моя жизнь для выражения нежности.

Я буду очень рад, если этот мой перевод из лорда Байрона доставит вам удовольствие. Я полагаю, что месяца через два мои мелкие стихотворения будут напечатаны. Может быть некоторые из них покажутся вам немного оригинальными, а это уже чего-нибудь да стоит. Моя жена просит усердно напомнить вам о себе и нежно целует свою кузину. Что же касается меня, то еще раз, дорогой кузен, благодарю вас за все, что вы для меня сделали. Ваша дружба служит залогом того, что вы меня не забудете, и прошу вас верить моим неизменным чувствам к вам.

Иван Козлов.

«*Португальская песня*» (из Байрона) — см. Стихотворения И. И. Козлова, изд. Маркса, СПб, 1892, стр. 172. Отмечу попутно крайне странный промах редактора этого издания А. И. Введенского, который в своем комментарии на стр. 338 дал справку, что стихотворение это было напечатано впервые в «Сыне Отечества» 1820 г., № 12. То обстоятельство, что Козлов сообщает это стихотворение Шишкину в 1828 г., как повидимому недавно им написанное, заставило меня усомниться в правильности этого комментария и заглянуть в «Сын Отечества» за 1820 г., № 12, где нашлись (на стр. 265) два стихотворения: «Уныние» («Уныние вернейший друг души!») и «Португальская песня (из Байрона)», ничего общего с Козловским переводом не имеющая. Эти стихотворения носят подпись «Варшава». Так подписывал в то время (в 1820 г.) свои стихи, как написанные в Варшаве, Петр Андреевич Вяземский. Действительно оба эти стихотворения находятся в Полном Собрании Сочинений П. А. Вяземского, СПб, 1880, т. III, стр. 193 и 197.

В 1828 г. действительно вышли отдельным изданием «Стихотворения» Ивана Козлова, СПб, в типографии Департамента Народного просвещения, 1828 (ценз. разр. 12. X. 1828). В это издание вошла и «Португальская песня» (стр. 46). Затем в 1829 г. издано было отдельной книгой: «Сельский субботний вечер в Шотландии, вольное подражание Р. Бернсу» И. Козлова, СПб. В типографии Департамента Народного просвещения, 1829. Цена 3 р. Объявление об этой книге, как продающейся у Глазунова, было помещено в Московских Ведомостях.

Письмо к Прасковье Арсеньевне Бартеневой¹

(Письмо написано рукою А. И. Козловой и только подписано поэтом.)

В стихотворениях И. И. Козлова, изд. А. Ф. Маркса, под редакцией А. И. Введенского, СПб., 1892, стр. 257—258, напечатано стихотворное обращение поэта к камер-фрейлине Прасковье Арсеньевне Бартеневой (1811—1872). Пользовалась большой известностью как замечательная певица. Оригинал этого стихотворения оказался в поступившем в Гос. Литературный музей альбоме П. А. Бартеневой (л. 27). Следует отметить, что в напечатанном тексте отсутствует имеющийся в оригинале английский эпиграф из Байрона, а затем дата — «16 февраля 1836».

Стихотворение было послано П. А. Бартеневой при особом письме, которое печатается ниже впервые.

A song that said a thousand things
And seem'd to say them all for me².

Lord Byron.

16 fevrier [1836].

Agréez, Mademoiselle, cette très faible expression de l'extrême jouissance que m'a donné votre chant délicieux, dont la suave mélodie vibre et vibrera toujours dans mon coeur.

Combien je serais heureux s'il m'arrivait d'entendre encore une fois cette voix si sonore et si flexible et qui jette l'âme dans un trouble inexprimable mais plein de charme.

Ma femme et ma fille se rappellent à votre souvenir. Veuillez recevoir aussi l'assurance de mes sentiments respectueux.

Jean de Kosloff.

[Перевод:]

16 февраля [1836 г.]

Примите, сударыня, это слабое выражение высокого наслаждения, доставленного мне вашим восхитительным пением, сладкая мелодия которого звучит и будет всегда находить отзыв в моем сердце.

Как был бы я счастлив услышать еще раз ваш звучный и в то же время такой нежный голос, от которого душа ощущает невыразимое, но полное прелести волнение.

Моя жена и дочь просят напомнить Вам о себе. Примите также уверение в моих почтительных чувствах.

Иван Козлов.

¹ Подробности о семействе Бартеневых см. Е. А. Сабанеева, Воспоминания о былом. Из семейной хроники 1770—1838. Под ред. Б. Л. Модзалевского, изд. «Огни», СПб., 1914, стр. 99—103.

² Пение, которое говорит тысячу вещей, и кажется, что все это говорится для меня. *Лорд Байрон.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Печатаем в качестве приложения выданный Ив. Ив. Козлову 8 февраля 1833 г. аттестат о его службе, подлинник которого хранится в личном архиве А. Сиверса.

Гербовая бумага с водяным знаком «1822»
Цена три рубля.

АТТЕСТАТ

№ 255.

Коллежскому Советнику Ивану Иванову сыну Козлову в том что он, как из формулярного списка о службе его видно, из дворян, в службу вступил Лейб-Гвардии в Измайловский полк сержантом 5-го октября 1784-го, по имянному Его Императорского Величества Указу пожалован в оный же полк прапорщиком 19-го февраля 1795-го, подпоручиком 16 апреля 1797-го, уволен к статским делам с переименованием в губернские секретари 8-го сентября 1798-го, отправлен в Канцелярию Генерал-прокурора 24-го октября тогож года, пожалован в коллежские асессоры 4-го декабря тогож года, от оной должности уволен и причислен к Герольдии 16 июня 1799-го, определен в канцелярию Главногокомандующего в Москве генерал от инфантерии Тутолмина 20-го июля 1807-го, за отличное усердие к службе пожалован в надворные советники 13-го ноября тогож года; из оной канцелярии поступил во 2-й Комитет, учрежденный в Москве для образования Московской военной силы 20-го июня 1812-го, из оного уволен 30-го августа тогож года; определен в Департамент Государственных имуществ помощником столоначальника 24-го июля 1813-го года, пожалован в коллежские советники 7-го октября 1814-го, а сего 1823-го февраля 15-го дня по Высочайшему Указу, последовавшему на имя г. Министра в 26-й день генваря сегож года, за болезнью от службы вовсе уволен с пенсионом по восьмисот тридцати шести рублей в год; во время служения его, Козлова, в сем Департаменте, в штрафах и под судом не бывал; во уверение чего и дан ему, Козлову, сей аттестат из Департамента Государственных имуществ, с приложением казенной печати, Санктпетербург февраля 8 дня 1823 года.

Управляющий Сенатор *Н. Дубенский.*
Правитель канцелярии *И. Афендик.*

М. П.

Е. А. Боратынский

Письма

(Неопубликованные письма. Вводная заметка и примечания
К. Пигарева)

Эпистолярное наследие Е. А. Боратынского до настоящего времени далеко не в полном объеме своем стало достоянием печати. В изданиях сочинений поэта (Москва, 1869; Казань, 1884) напечатано сравнительно очень небольшое количество его писем. Значительнейшая часть его переписки рассеяна по страницам разных периодических изданий и сборников архивных материалов. Многие остаются еще неизданным.

Ниже мы помещаем три неопубликованных письма Е. А. Боратынского. Два из них обращены к Александру Ивановичу Тургеневу (1784—1845), видному члену русских литературных кругов первой половины XIX столетия, другу Жуковского, Вяземского и Пушкина; третье — к известному поэту Ивану Ивановичу Козлову (1779—1840). Все три автографа — принадлежность К. В. Пигарева.

Письма к А. И. Тургеневу представляют большой интерес для биографии Боратынского. Они особенно подчеркивают то ближайшее участие, которое принимал А. И. Тургенев в судьбе поэта. Как известно, в 1816 г. последний был исключен за шалость из Пажеского корпуса, где он воспитывался, без права поступления на какую бы то ни было службу, разве, если пожелает, рядовым. В 1819 г. Боратынский был принят на военную службу. Продвижение поэта по службе сознательно задерживалось самим Александром I, и четыре года Боратынский прослужил низшим чином в Нейшлотском пехотном полку, квартировавшем в Финляндии.

В кругу друзей поэта пребывание его под «финским небосклоном» справедливо рассматривалось как ссылка. «Бедный Боратынский, как об нем подумаешь, так по неволе постыдишься унывать», — писал Пушкин брату из Михайловского в начале 1825 г. (Пушкин, Полн. собр. соч., т. XIII. Переписка, изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 143).

В хлопотах за Боратынского приняли участие В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, поэт партизан 1812 г. Д. В. Давыдов, финляндский генерал-губернатор А. А. Закревский, адъютант последнего Н. В. Путята, министр народного просвещения А. Н. Голицын, начальник Главного штаба И. И. Дибич. Одним из самых деятельных ходатаев за Боратынского, постоянно напоминавшим об его деле и торопившим других, был А. И. Тургенев.

21 апреля 1825 г. общие хлопоты увенчались успехом: Боратынский был произведен в офицеры и после этого получил возможность оставить тяготившую его военную службу.

Кроме печатаемых здесь двух писем к А. И. Тургеневу, известно еще одно письмо поэта к нему от 31 октября 1824 г., опубликованное в журнале «Русский Архив» 1871 г., вып. 6, стлб. 0240—0241. В этом письме Боратынский упоминает о том, насколько он тронут «великодушным участием» Тургенева.

Впервые публикуемое письмо Боратынского к И. И. Козлову, представляющее большой литературный интерес, — не единственное эпистолярное обращение его к слепому поэту. Еще одно письмо Боратынского к Козлову, также весьма значительное в литературном отношении, помещено в журнале «Русский Архив», 1888, кн. I, стр. 186—187.

1

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь, Александр Иванович!

Арсений Андреевич поехал в Петербург 24-го сего месяца, подав мне возможные надежды на свое покровительство; но я очень хорошо знаю, что вашему только ходатайству обязан я добрым его расположением. Теперь, когда моя участь так решительно зависит от его представительства, не откажитесь напомнить ему об участии, которым вы меня удостаиваете и тем поощрить Арсения Андреевича к исполнению его обещаний.

Препровождаю при сем стихотворную повесть, о которой упоминал я в одном из моих писем. Ежели вы оцените не произведение, а чувство, с которым я приношу его Вашему Превосходительству, вы будете довольны мною и примете благосклонно этот незначительный памятник живой моей благодарности.

С истинным почтением и совершенной преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства Милостивый Государь
покорнейшим слугою

Е. Боратынский.

Гельзингфорс.
Генваря 25. 1825.

Письмо это доставит Вашему Превосходительству адъютант Арсения Андреевича Муханов. Ежели по благорасположению вашему ко мне вы пожелаете подробно осведомиться о моих

Е. А. Боратынский
Литография Шербилье.

обстоятельствах — он коротко их знает и будет удовлетворительно отвечать на все вопросы Вашего Превосходительства.

Арсений Андреевич — Закревский (1789—1865), финляндский генерал-губернатор и командир отдельного финляндского корпуса, впоследствии министр внутренних дел. 10 февраля 1825 г. Боратынский писал матери: «Генерал простился со мной как нельзя любезнее, он обещал мне сделать все, что от него будет зависеть, для моего повышения. Я думаю, что он сдержит слово...» (Сочинения Е. А. Боратынского, М., 1869, стр. 411; перевод с французского — стр. 510). 20 февраля 1825 г. А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому: «Третьего дня видел я Закревского... О Боратынском несет он сам записку и будет усиленнейшим и убедительнейшим образом просить за него. Нельзя более быть расположенным в его пользу. В этом я какую-то имею теперь надежду на успех». (Остафьевский Архив, т. III, СПб, 1899, стр. 98).

Стихотворная повесть — поэма Боратынского «Эда», начатая осенью 1824 г. В письме к А. И. Тургеневу от 31 октября 1824 г. поэт писал: «Хотя Ваше Превосходительство сами устаете осведомляться о поэтических моих занятиях, может быть я поступлю нескромно, ежели скажу вам, что я написал небольшую поэму и ежели попрошу у вас позволения доставить вам с нее список. Стихи все мое добро, и это приношение было бы лептою вдовицы» («Русский Архив», 1871, вып. 6, столбец 0241). При комментируемом письме Боратынский послал А. И. Тургеневу первоначальную редакцию поэмы, известную нам лишь по небольшому отрывку, приведенному в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 26 февраля 1825 г. (Остафьевский Архив, стр. 100—101). Отдельным изданием «Эда» была выпущена в 1826 г. (Эда, Финляндская повесть, и Пыры, описательная поэма, Евгения Боратынского, СПб, 1826).

Муханов — Александр Алексеевич (1800—1834). Ему посвящено стихотворение Боратынского «Запрос Муханову» (Полное собрание стихотворений, изд. «Советский писатель», т. 1, Л., 1936, стр. 293).

2

А. И. ТУРГЕНЕВУ

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь Александр Иванович!

Наконец я свободен и вам обязан моею свободою. Ваше великодушное, настойчивое ходатайство возвратило меня обществу, семейству, жизни! Примите, Ваше Превосходительство, слабое воздаяние за великое добро сделанное мне вами, примите несколько слов благодарности, вам может быть не нужных, но необходимых моему сердцу. Вот уже несколько дней как все около меня дышит веселием: от души меня поздравляют добрые мои товарищи и вам принадлежат их поздравления! Скоро возвращуся я в мое семейство, там

полюются слезы радости и вы их исторгнете! Да наградит вас бог и ваше сердце.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства

Милостивый Государь

покорнейший слуга

Кюменьгород
Мая 9 дня
1825.

Евгений Боратынский.

Это письмо написано Боратынским по получении известия о производстве в офицеры. По поводу настоящего письма А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Я получил письмо от Боратынского, и до слез прошибла меня его радость и выражение этой радости. Совестно послать письмо...». (Остафьевский Архив, т. III, стр., 124).

3

И. И. КОЗЛОВУ

[Апрель 1825 г.]

Воистину воскрес, почтенный и любезный Иван Ивановичь, и у нас о том слухи носятя, да полно верить ли? У вас в просвещенной столице конечно это лучше знают нежели в нашей темной глуши. Благодарю за милое письмо, очень рад что начиная писать ко мне по-русски вы и меня разрешаете на то же. По большей части мы говорили с вами по французски, от того то я и начал с вами переписку на языке, которого от долга неупотребления я позабыл правописание и самые обороты. Возвращаюсь вместе с вами на отечественную почву.

Полк наш нынешним летом будет в Петербурге. У меня сердце трепещет от радости когда подумаю, что скоро буду в кругу истинных друзей моих и обниму вас, милого брата-поэта. Ваша Венецианская ночь без лести прелестна! В ней роскошная мечтательность искусно сливается с мечтательностью мрачною. Описание Венеции исполнено какой то полуденной неги; а место где Красавица направляет гондолу свою к морю, едвали не лучшее во всей пьесе. Так мне кажется и я без обиняков говорю свое мнение, потому что вы сами к тому меня пригласили. Жду с нетерпением Чернеца и благодарю за похвалы отрывку из Эды. В третьей части я воспользовался вашими советами и старался в ней поместить более лирических движений, нежели в двух первых. Элисей-

ские поля писаны назад тому года четыре: это французская шалость, годная только для Альманаха. Я до половины написал новую небольшую поэму. Что-то из нее выдет! Главный характер щекотлив но смелым бог владеет. Вот что говорят в Москве об моей Героине:

Кого в свой дом она манит?
 Не записных ли волокит,
 Не новичков ли миловидных?
 Не утомлен ли слух людей
 Молвой побед ее бесстыдных
 И соблазнительных связей?

И вот что я прибавляю:

Беги ее: нет сердца в ней!
 Страшися вкрадчивых речей
 Обворожительной приманки,
 Влюбленных взглядов не лови:
 В ней жар упившейся Вакханки,
 Горячки жар, не жар любви!

Вы говорите о наших журналистах; но, слава богу, мы здесь не получаем ни одного журнала и мне никто не мешает любить поэзию. Полевова я видел только раз, перед отъездом его в Москву: он мне показался энтузиастом в роде Кюхельбекера. Эжели он бредит, то бредит от доброй души и по крайней мере добросовестен. Всего досаднее Вяземской. Он образовался в беспокойные времена междоусобий Карамзина с Шишковым и военный дух не покидает его и ныне:

Войной журнальною бесчестит без причины
 Он дарования свои:
 Не так ли славный вождь и друг Екатерины
 Орлов еще любил кулачные бои?

Это экспромпт; и я думаю (заметно) по стихам оно заметно. Прощайте. Преданный Вам

Боратынский.

Ответ на пасхальное приветствие и упоминание о литературных произведениях, напечатанных в альманахе «Полярная Звезда» на 1825 г., вышедшем в последних числах марта 1825 г., позволяют с достаточной определенностью отнести письмо к апрелю того же года. 2 мая 1825 г. несколько строк из этого письма цитировал А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому (Остафьевский Архив, т. III, стр., 119—120).

Воистину воскрес... темной глуши. — Возможно, что в этих строках содержится зашифрованный намек на слухи об «освобождении» Боратынского.

Венецианская ночь — стихотворение И. И. Козлова, напечатано впервые в «Полярной Звезде» на 1825 г., стр. 312—315. «Место, где Красавица направляет гондолу свою к морю» — очевидно имеется в виду строфа 8:

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

Чернец — поэма Козлова, вышла отдельным изданием в 1825 г. (Чернец, Киевская повесть И. Козлова, СПб, 1825). Боратынский познакомился с «Чернецом» еще в рукописи (см. его письмо к И. И. Козлову от 7 января 1825 г. — «Русский Архив», 1886, кн. I, стр. 186—187).

Отрывок из Эды — помещен в альманахе «Полярная Звезда» на 1825 г., стр. 371—373.

Элизийские поля — стихотворение Боратынского. «Элизийские поля» напечатано впервые в «Полярной Звезде» на 1825 г., стр. 103—105. Свидетельство Боратынского о том, что эти стихи «писаны назад тому года четыре», позволяет исправить неточную датировку стихотворения 1824 годом, принятую в академическом Полном собрании сочинений Е. А. Боратынского т. 1, СПб., 1914 г., стр. 72—74.

Новая небольшая поэма — поэма Боратынского «Бал», начатая в феврале 1825 г. и оконченная в 1828 г. Отдельное издание поэмы вышло в 1828 г. (Две повести в стихах — Бал, повесть, сочинение Евгения Боратынского, и Граф Нулин, сочинение Александра Пушкина, СПб, 1828).

Обворожительной приманки — вариант. В окончательном тексте: Одурачающей приманки.

Полевой — Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, критик и журналист, издатель журнала «Московский телеграф». Отношение Боратынского к Н. А. Полевому и его журналу во многом совпадает с отношением к нему Пушкина и его литературных друзей и единомышленников. В письме к И. И. Козлову от 7 января 1825 г. Боратынский пишет: «Следовало бы дать ход журналу Полевого» («Русский Архив», 1886, кн. I, стр. 189) и сам на протяжении 1825—1829 гг. печатает свои стихи в «Московском телеграфе». В 1827 г. при помощи Н. А. Полевого Боратынский издает сборник своих стихотворений. До 1830 г. «Московский телеграф» неизменно хвалебно отзывается о произведениях Боратынского.

В дальнейшем выступления Полевого против «Истории Государства Российского» Карамзина и нападки на «литературную аристократию» заставляют Боратынского перейти в стан идейных противников Полевого. В 1830—1832 гг. напечатан ряд эпиграмм Боратынского на Полевого: «В восторженном невежестве своем...», «Что пользы вам от шумных ваших прений...», «Он вам знаком. Скажите, кстати...» «Писачка в Фебов двор явился...», «Кто непременный мой ругатель...» Последняя эпиграмма вызвана уничтожающей критикой, которой подверг Полевой поэму Боратынского «Наложница» («Московский телеграф», 1831, № 6). В 1832 г. раздраженный Боратынский ставит на одну доску Полевого и Булгарина (см. письмо к И. В. Киреевскому от 14 марта 1832 г. — Татевский сборник С. А. Рачинского, СПб, 1899, стр. 40).

Кюхельбекер—Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, декабрист. Боратынский находился с ним в приятельских отношениях и посвятил ему стихотворение «К Кюхельбекеру» («Прости, поэт! Судьбина вновь...»). В 1824—1825 гг. Боратынский сотрудничал в сборнике «Мнемозина», издававшемся В. К. Кюхельбекером совместно с В. Ф. Одоевским.

Вяземский — Петр Андреевич (1792—1878), поэт. Со времени возвращения Боратынского из Финляндии и водворения его в Москве между ним и Вяземским установились дружеские отношения. Боратынский обратился к Вяземскому со стихотворным посланием «Как жизни общие призывы...» и посвятил ему последний сборник своих стихов «Сумерки» (М., 1842).

Междоусобия Карамзина с Шишковым — борьба между последователями литературной школы Карамзина и литературными «староверами» с А. С. Шишковым во главе, разгоревшаяся по вопросу о «старом и новом слоге», т. е. о реформе русского литературного языка. Вяземский, как известно, принадлежал к «карамзинистам».

Войной журнальною бесчестит без причины... — До обнаружения комментируемого письма эпиграмма эта в автографе не была известна. Впервые она была опубликована в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 2 мая 1825 г.: «Вот что пишет о тебе Боратынский: «Всего досаднее Вяземский...» и т. д. — цитата из письма Боратынского к Козлову без указания имени последнего (Остафьевский Архив, т. III, стр. 119—120). Письмо было передано Козловым А. И. Тургеневу и сохранилось в его бумагах. Намекая на эпиграмму Боратынского, Вяземский писал впоследствии: «Боратынский говаривал о мне, что в моих полемических стычках напоминаю я ему старых наших бар, например, Алексея Орлова, который любил выходить с чернью на кулачные бои» (Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. I, СПб, 1878).

Г. Серый

Неизвестная картина Г. Г. Чернецова

(1842 г.)

«Вид Форо-Романо, с портретами всех русских художников, находящихся в Риме»

Известный художник-гравер Ф. И. Иордан (1800—1883), рассказывая в своих «Записках» о приезде в 1842 г. в Рим конференц-секретаря Академии Художеств и секретаря Общества поощрения художников Василия Ивановича Григоровича, сообщает об одной любопытной картине:

«Трудолюбивые братья Чернецовы написали ему на память картину, где все художники изображены вместе, имея во главе В. И. Григоровича: иные сидят, другие гуляют во внутренности Колизея, и каждая фигура довольно сходна»¹.

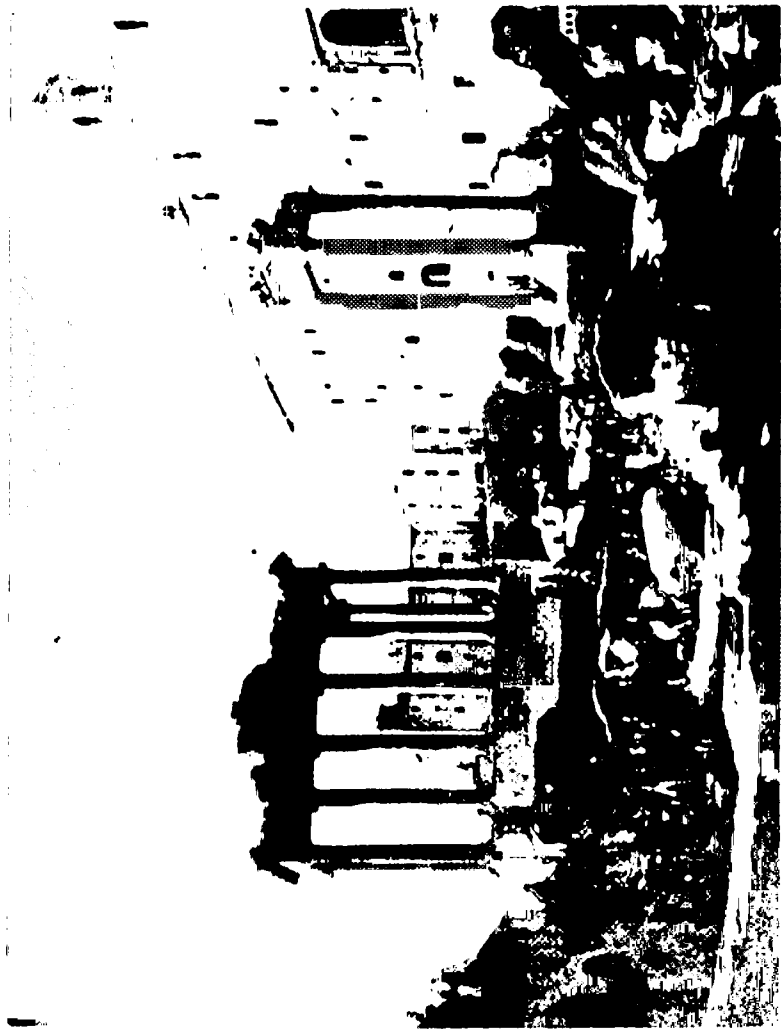
До последнего времени картина оставалась неизвестной.

В архиве Общества поощрения художников (ОПХ) нашлись документы, подтвердившие ее существование. Вместе с тем они исправили некоторые неточности «Записок» Иордана. Картина написана не братьями Чернецовыми, а одним из них — Григорием. Это его второй групповой портрет, после «Парада на Марсовом поле». Портрет написан не на память Григоровичу, а в честь его приезда. Картину Григорович получил впоследствии. В журнале заседаний Комитета ОПХ от 24 марта 1843 г. имеется запись: «По предложению г. вице-председателя г. г. члены Комитета положили приобрести картину академика Г. Чернецова «Вид римского Фо-

¹ Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордан. М., 1918., стр. 229.

*«Вид Форума-Романо с портретами всех русских художников, находящихся в Риме».
1842 г. Деталь картины Чернецова.*

*«Вид Фор-о-Романо с портретами всех русских художников, находящийся в Риме».
1842 г. Деталь картины Чернецова.*

рума» с портретами всех пребывавших в Риме в 1842 г. русских художников, а между ними В. И. Григоровича и П. И. Кривцова, и принести ее в дар г. члену В. И. Григоровичу, в знак признательности Комитета, за оказанные г. Григоровичем Обществу услуги, по званию члена-секретаря»¹.

А 8 мая 1843 г. «читано и принято к сведению» письмо В. И. Григоровича с изъявлением благодарности за подаренную ему картину «Римский Форум».

В том же архиве имеется сопроводительное письмо Чернецовых, написанное при отправке их картин из Рима в Петербург. Письмо дало возможность установить точное название картины, данное самим художником: «Вид Форо-Романо, с портретами всех русских художников, находящихся в Риме»².

В 1842 г. в Риме находились Александр Иванов, Ф. Бруни, Ф. Иордан, молодой Айвазовский, В. Штернберг, А. Тыранов, А. Мокрицкий, скульпторы Антон Иванов, П. Ставассер, Н. Пименов, А. Логановский, архитекторы Н. Бенуа, М. Щурупов, И. Монигетти и много других русских художников. С ними в свои приезды в Рим часто, порой ежедневно, общался Н. В. Гоголь. Некоторые художники составляли довольно близкое окружение писателя.

Долго не удавалось найти следов этой картины. После многолетних бесплодных поисков я благодаря счастливому случаю обнаружил ее, наконец, в 1939 г. в Ленинграде у частного лица.

Размер картины — 85,5×110 см. Холст дублирован. Состояние хорошее. Возможны, впрочем, позднейшие реставрационные записи, не нарушившие общего характера произведения.

Картина подписана: «Г. Чернецов. 1842 г. Рим».

* *
*

У Иордана допущена еще одна неточность: действие происходит не в Колизее, а в другом конце Римского Форума — у храма Сатурна возле подъема на Капитолийский холм.

Чернецов писал у арки Септимия Севера, сидя спиной к ней, обратясь к западу. В центре левой половины картины — колоннада храма Сатурна, вырисовывающаяся на фоне

¹ Ленинградский обл. истор. архив. Фонд 448. Дело № 186. Лист 26.
² Там же. Фонд 448. Дело № 19. Лист 76.

синего неба. Правая половина занята старинной стеной Табуляриума (древнеримский государственный архив) с возведенным позднее на его основании зданием. Видна восстановленная (одна из бывших одиннадцати) арка Табуляриума, с колонками по бокам. Из-за крыши выглядывает верхний ярус башни Дворца Сенаторов. Перед стеной, в центре правой половины картины, высятся развалины храма Веспасиана: цоколь с несколькими небольшими ступеньками, три коринфские колонны, остатки антаблемента. Рядом, ближе к зрителю, у правого ребра картины, виднеются остатки храма Согласия. По другую сторону храма Веспасиана — разрушенные ниши портика двенадцати согласных богов.

По нижнему ребру идет полукружие алтаря бога Вулкана, — когда-то здесь было место народных собраний, — и (справа), словно трибуна, возвышение «Умбиликуса» («пуп города Рима», т. е. его центральная точка). Слева и на заднем плане тянется виадук — подъем на Капитолийский холм. Вдали несколько зданий позднейшей постройки.

Чернецов очень красиво собрал все это на холсте, выбрав руины обоих храмов главными устоями в композиционном построении пейзажной части картины¹.

На картине, от ее левого до правого края, размещены фигуры собравшихся на Форум русских художников. Фигур, носящих явно портретный характер, насчитывается сорок три. Кроме того, на заднем плане, между колоннами храма Сатурна, под аркой Табуляриума и на виадуке, виднеются жанровые фигуры римлян и римлянок. Вдали — три солдата-кавалериста въезжают на Капитолийский холм.

Ярко сочетается большое строгое иятно темносинего неба и желто-розовые, играющие многообразием оттенков, поверхности построек и развалин. Внизу — спокойный коричнево-

¹ После произведенных в XIX—XX вв. раскопок и реставраций Форум выглядит не так, как в 40-х годах прошлого столетия. Коренным образом изменился и изображенный Чернецовым угол Форума. В частности, подъем на Капитолийский холм теперь проходит между храмами Сатурна и Веспасиана, виадук (позднейшей постройки) снят, расчистилась площадка вокруг храма Сатурна, открылся вид на Ростру и базилику Юлия. Восстановлены некоторые разрушения, в том числе отдельные ниши портика двенадцати богов.

Картина позволяет сравнить вид Форума в наши дни и сто лет тому назад.

Считаю приятным долгом принести благодарность тов. А. А. Печникову, чьи ценные указания помогли установить особенности пейзажа в картине.

желтый тон земли и зелень бархатистой травы с отдельными красочными точками цветов на переднем плане. Скупая цветовая гамма фигур.

«Записки для памяти» и «Путевые записки» Г. Чернецова знакомят нас с тем, как создавалась картина.

Чернецовы приехали в Рим 14/2 сентября 1840 г. В своих «Записках для памяти» Г. Чернецов пишет, что в Риме русские художники встретили обоих братьев настороженно. «У нас [то есть в России. — Г. С.] вас хвалили, но попробуйте-ка здесь с натуры. Через неделю мы уже сидели внизу Форо-Романо и этим крикунов вооружили против себя, которые¹ живут уже там не первый год, но еще ни за что не принимались»².

В первых же строках главы «Путевых записок»³ Г. Чернецов рассказывает, что вскоре по прибытии в Рим «мы обратились к Форо-Романо, где находятся у Капитолия отличные остатки от древних эпох Рима. Тут, выбрав хорошие пункты, сделали по рисунку и написали по этюду, довольно оконченному⁴, чтобы с них начать зимою картины, для сего заготовили с натуры и деталии. В этом месте мы работали до того времени, сколько позволяла погода, сделали все, что было должно. Это стоило, впрочем, нам трудов и некоторых неприятностей, но занятие с натуры сопряжено, кажется, всегда с оным. В нас бросали камнями, и нечего было делать — надо было переносить и молчать, но мы окончили хорошо. И так как уже более было заниматься с натуры нельзя, то мы начали свои занятия дома».

Дальнейшая запись о работе над картиной, имеющая к тому же прямое отношение к вопросам живописной техники того времени, датирована 29/17 января 1841 г.: «Сегодня я окончил вторым разом картину свою Форо-Романо. Это делали по новой методе [подчеркнуто мной. — Г. С.], не употребляя цветных красок, а простые, дабы основание не изменило, а потом предполагаем уже проходить окончательным разом с

¹ То есть крикуны, конечно. — Г. С.

² Научн. архив Гос. Русского музея. Арх. Собр. 14 № 471. стр. 41.

³ Хранились в рукописном отд. ИИМК Акад. Наук СССР. В 1940 г. «Путевые записки» обоих Чернецовых переданы в научн. архив Гос. Русского музея.

⁴ Этюд Г. Чернецова «Римский Форум» находится в ГТГ.

красками теми, которые мы употребляли, как например с баканами, хромами и т. п. Если они и изменятся, то основание во втором разе сильно. Посмотрим, что из этого будет. Теперь почти все начатое нами прошли вторым разом и можем уже приступить к окончанию картин».

Прошло больше года после этой записи. В Рим приехал В. И. Григорович. С ним — конференц-секретарем Академии Художеств, секретарем ОПХ — было так или иначе связано большинство живших в Риме русских художников. Встречали его — кто искренне, кто с расчетливой учтивостью — пышно и громко. Описывая его пребывание, Александр Иванов упоминает «беспрерывные попойки и пиры, которыми здесь угощают Григоровича наши молодые пенсионеры»¹. Братья Чернецовы, в течение ряда лет пользовавшиеся усиленным покровительством Общества поощрения художников и Григоровича, старались выразить теплые чувства, которые они питали к последнему. В его честь Григорий Чернецов приступил к большому групповому портрету. Для этого он воспользовался уже имеющейся «пейзажной площадкой». Портреты художников он написал на своем уже готовом «Римском Форуме».

«Я теперь пишу портрет русских художников, в Риме живущих, на картине Форо-Романо», читаем запись 3 июня (23 мая) 1842 года.

«Теперь я работаю портреты с натуры русских художников на картине Форо-Романо» — запись от 13/1 июня.

Портретная композиция возникла на композиционно независимой от нее пейзажной основе. В студию к Чернецову один за другим приходили художники. Он отводил им место на изображении Римского Форума.

«Путевые записки» устанавливают совершенно точно дату этого последнего этапа работы — 31/19 июня 1842 г.

Таким образом, вся работа над картиной длилась год и десять месяцев (с перерывами), а работа над портретами — около двух месяцев: июнь и июль 1842 г.

*
*
*

В «Путевых записках» приводится и полный перечень изображенных. Он хоть и облегчил, но далеко не устранил трудностей определения каждого портрета в отдельности. «Каж-

¹ Научн. архив Гос. Русского музея. Арх. собр. 24.

*«Вид foro-Романо с портретами всех русских художников, находящихся в Риме».
Деталь картины Г. Чернецова.*

*«Вид Форро-Романо с портретами всех русских художников, находящихся в Риме».
Деталь картины Г. Чернецова.*

дая фигура довольно сходна», — утверждает Иордан. Но он знал каждого лично. Нам же приходится в лучшем случае сравнивать чернецовские изображения с дошедшими до нас портретами. Портретов некоторых лиц вообще не существует или, во всяком случае, они неизвестны. Известен, например, портрет седоволосого 60-летнего профессора, а на картине мы видим это лицо в возрасте 20—30 лет.

Выяснилось, что порядок перечня в значительной мере соответствует порядку расстановки фигур в картине.

Здесь нет надобности восстанавливать весь ход довольно кропотливых определений каждого из изображенных лиц.

Найденный групповой портрет не поднимается по своему значению до уровня исторической картины. Чернецову это было и не под силу. В то время русские художники уже ставили перед собой задачу подобного рода (например, Федотов). Но следовало преодолеть еще немало трудностей.

Чернецов понимал масштабы искусства своего времени, свое скромное место в ряду современных ему художников и не переоценивал собственные силы.

«Картинами своими мы очень недовольны, они неудачны, что сами очень ясно видим, и, к сожалению, все эти картины принадлежат к первым еще нашим занятиям по приезду в Италию», — отмечал Г. Чернецов в «Путевых записках».

Однако чернецовская картина представляет особенный интерес, так как коллективные портреты были в то время сравнительно редки.

На картине изображены разные художники. Чернецов собрал их не произвольно. Все они жили и работали в то время в Риме, каждый день встречались, делились своими замыслами, надеждами, сомнениями, знакомились с работами друг друга, спорили, волновались, завидовали друг другу и искренне радовались успехам друг друга.

В центре картины группа, в которую входят Бруни, Иордан, Кривцов, Григорович и Тыранов.

Ф. А. Бруни (1800—1875) к этому времени был уже прославленным автором «Смерти Камиллы» и «Медного змия», академиком и профессором Академии Художеств. Сравнение

его портрета с портретом Александра Иванова на этой же картине чрезвычайно красноречиво сопоставляет жизненные пути обоих художников.

Самый ранний из известных до сих пор портретов Иордана (1800—1883) относился к 1857 г., т. е., написан спустя 15 лет после чернецовского. Здесь это Иордан тех лет, в которые протекала его дружба с Н. В. Гоголем, приходили их ежедневные встречи (Гоголь, А. Иванов, Иордан, Моллер) во время пребывания Гоголя в Риме. Ему посвящена специальная статья Н. В. Гогся.

Павел Иванович Кривцов (1806—1844) — секретарь Российской миссии и (с 1840 г.) «начальник русских художников» в Риме. Он по мере сил опекал художников в их творческих начинаниях¹.

Сидящий напротив него В. И. Григорович (1786—1865) сыграл немаловажную роль в развитии искусства в России. Он чрезвычайно настойчиво привлекал широкое внимание к творчеству русских художников, неустанно отстаивая реалистические позиции в художественном образовании и в художественной жизни 1820—1830-х годов. Его журнал «Вестник изящных искусств» (1823—1825), его лекции по теории изящных искусств, его инструкции пенсионерам ОПХ, печатные выступления были посвящены в основном творчеству русских художников.

Тут же стоит А. В. Тыранов (1808—1859), бывший достойный питомец А. Г. Венецианова, позже ученик К. Брюллова и «брюлловец». Его картина «Девушка с тамбурином» привлекла всеобщее внимание. Здесь он уже академик (с 1839 г.).

Большая группа размещена в левой части картины. Здесь портрет молодого Сократа Максимовича Воробьева (1817—1888). Сын знаменитого пейзажиста М. Н. Воробьева, сам пейзажист, впоследствии профессор Академии Художеств. У него учился И. И. Шишкин.

С ним рядом — архитектор К. А. Ухтомский (1818—1881), автор известных акварелей, изображающих внутренние виды Эрмитажа.

Дальше — архитектор И. А. Монигетти (1819—1878), один из группы русских архитекторов (Резанов, Бенуа, Эппин-

¹ Биографические сведения о нем — в книге М. О. Гершензона «Декабрист Кривцов и его братья» (М., 1914).

гер, Шурупов, Росси, Кракау; позже С. А. Иванов), посетивших Италию, Грецию, Турцию, Испанию, славянские страны, Египет. В частности, Монигетти выполнил реконструкцию ряда помпейских построек и собрал образцы греческого, римского и средневекового (в том числе византийского) орнамента. Впоследствии — академик и профессор архитектуры, автор ряда проектов построек в Ливадии (Крым)¹.

В этой же группе — архитектор К. А. Бейне (1815—1858), архитектор-скульптор М. А. Шурупов (1816—1901) и плодовитый архитектор Николай Леонтьевич Бенуа (1813—1898), автор проектов здания с.-х. академии в Петровском-Разумовском и ряда построек в Петергофе. Бенуа в те годы занимался тщательным изучением (с обмерами) и воспроизведением (в чертежах) Орвиетского собора².

Тесная дружба связывала его с художником Штернбергом, изображенным на картине рядом с ним.

В. И. Штернберг (1818—1845) — когда-то признанный «художник народных сцен», ныне изрядно забытый. В произведениях, письмах, высказываниях Штернберга воплощены идеи, сблизившие его с лучшими русскими художниками. Упорно выбивался он из традиционных академических условностей в искусстве. Тяжелобольной, буквально обреченный (он умер от чахотки), он вынужден был жить на юге. Незадолго до смерти он говорил: «Надеюсь сделать что-нибудь порядочное, пускай будет не изящно, лишь бы было похоже на людей, на бедный неаполитанский народ». Тут же, упоминая о каком-то пышном празднике с участием всей королевской фамилии, он замечал: «Нет ничего интересного в этом празднике, потому что народ не участвует; это почти то же, что наши парады». Он изучал природу во всем ее богатстве: «...картину подмалевал, теперь начну опять с воздуха», — сообщал он.

С трогательным теплом вспоминал Тарас Шевченко о «чудном, бесподобном Штернберге». «Друг наш Штернберг, благо-

---

¹ Он фигурирует на известной фотографии «Гоголь и русские художники в Риме» (1845 г.), подробно описанной В. В. Стасовым. На этой фотографии Гоголя окружают художники: живописцы Михайлов, Мокрицкий, Орлов, Штернберг, Моллер, Лавеццари, Левицкий (позже — фотограф), скульпторы Ставассер и Рамазанов, архитекторы Шурупов, Монигетти, Бравура, Бейне, Нотбек и Эппингер. Кроме того, «друг художников» Глебов и знаменитая натурщица Мариучча.

² Совместно с Росси, Резановым и Кракау. Через много лет их большой труд был издан в Париже.

роднейшее создание в мире». «Настоящий художник!», — повторял Шевченко (повесть «Художник»).

В ином роде художник — Ф. С. Завьялов (1810—1855). Рядовой живописец. Выражение Завьялова — «Лучше хлопнуться оземь под бременем подвига, нежели для выгод заниматься мелочами» — фигурирует в переписке Иванова с отцом. Завьялов тоже испытывал муки творчества над огромным полотном. Постоянно недовольный собой, он нескончаемо тянул со своей картиной «Сошествие Христа в ад»¹.

Далее изображен П. М. Шамшин (1811—1895), типичный представитель «чиновничьего академизма». Иордан в «Записках» выразительно сопоставляет (вернее — противопоставляет) однокашников — Завьялова и Шамшина².

На чернецовском портрете Шамшин сразу узнается при сравнении с гораздо более поздними его фотографиями. Здесь он еще щеголеватый молодец, довольный своим благополучным существованием. В 1842 г. он работал над «Петром, спасающим утопающих». «Мужики и бабы на этой картине какие-то господа и княжны. Правды ни на волос», — замечает Иордан.

На картине Шамшин беседует с Логановским и Скотти.

Скульптору А. В. Логановскому (1810—1855) за его «Игру в свайку» Пушкин посвятил один из своих двух экспромтов-четверостиший: «На статую играющего в свайку» (другой — Пименову): «Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый...». Логановский был президентом недолго существовавшего в Риме «Общества художников» (русских), которое еще ждет своего исследователя.

М. И. Скотти (1814—1861) — впоследствии преподаватель Московского училища живописи и ваяния. В «Наших учителях» В. Г. Перов рассказывает о нем, как об умном и влиятельном педагоге.

Чуть повыше, опершись о камень, стоит даровитый скульптор П. А. Ставассер (1816—1850), автор картин «Сатир, обувающий нимфу» и «Нимфы», а также портретных бюстов.

В правой части картины изображено несколько групп.

На первом плане, за лежащим куском колонны, стоят шесть человек. Первый из них (слева) — Пимен Ники-

¹ По отзыву же Иванова — «Декорационная его [то есть Бруни. — Г. С.], кисть гораздо менее имеет достоинства, чем Завьялова полуокончателность». Иванов выдвигал кандидатуру Завьялова в преподаватели Московского училища живописи и ваяния.

² В «Записках» Иордана он назван Ш.

тич Орлов (1812—1863), модный живописец, светский портретист. Автор очерка «Русские художники в Риме» (в журнале «Сын Отечества», 1847 г.) сетует: «Ни одно английское, французское или немецкое семейство не придет в Рим, чтобы тотчас же не познакомиться с соотечественными художниками. А наши русские?!.. Я думаю, многие из них не знают даже, что есть в Риме русские художники, кроме Орлова, которому мода заставляет непременно заказывать портрет». И дальше: «Орлов известен в Петербурге своими портретами. Это любимец всех приезжих. Тех, с которых пишет, г-н Орлов всегда удовлетворяет. Картины его de genre всегда очень милы». Иордан рассказывает, как писал Орлов эти жанровые картинки: «Газеты и вообще чтение его не занимали, он искал красивых натурщиц и писал с крестьянок, не умеющих ни читать, ни писать и одетых весьма часто в одно рубище. У Орлова они выходили на его картинах какими-то княжнами, богато одетыми и с преумными лицами, что очень нравилось нашим путешественникам, особенно их женам, и за эту красивую живопись он умел брать хорошие цены».

Своего брата Никанора Григорьевича Чернецова (1805—1879) художник поместил почти спиной к зрителю. Может быть, к этому его побудила поистине обостренная скромность, присущая им обоим.

* * *

Художественное наследие обоих Чернецовых очень велико и по количеству сделанного и по значению проделанной работы. Их акварели и рисунки, исполненные в поездках по России и за границей, развертывали прелесть живой природы и глубокой старины. Чернецовы не поднимались на высоты ярких художественных обобщений. Но они — неутомимые очеркисты. И они, несомненно, недооценены. Сами братья из скромности не показаны на этой картине. Но следует извлечь многие их произведения из незаслуженного «подспудья».

Рядом с Н. Чернецовым — замечательный русский гравер А. А. Пищалкин (1817—1892).

Дальше — И. И. Габерцеттель (1791—1853), академик, чуть не лишившийся этого звания. Совет Академии Художеств, рассматривая в 1837 г. исполненные Габерцеттелем работы, единогласно признал их столь слабыми, что принужден был записать: «Он не оправдал ожиданий ее [Академии. — Г. С.] и носимого им звания академика: если же он не лишается сего последнего, то единственно из снисхождения».

Габерцеттель преимущественно занимался копированием. И именно ему пришло в те годы в голову «вступить в соревнование» с Александром Ивановым, принявшись за большое полотно «Проповедь Иоанна Крестителя».

К Габерцеттелю обращена фигура портретиста И. К. Каневского (1804—1867). Ф. В. Чижов в очерках о русских художниках в Риме¹ упоминает об его набросках к портрету Брюллова: «Он умел передать творца «Последнего дня Помпей» в одну из самых поэтических минут, — мне кажется, никакая работа не заменит такого достоинства портрета».

Крайний в этой группе — скульптор Николай Степанович Пименов (1812—1864). Ему посвятил Пушкин свой экспромт «На статую играющего в бабки»:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
 Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
 Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
 Врозь расступись: не мешай русской удалой игре.

На склоне лет Пименов не оценил значения передвижнического наступления, его роли в развитии русского демократического искусства, осудил «бунт 13-ти» (см. «Судьбы русского искусства» И. Н. Крамского), — но именно его академическая скульптура «Парень, играющий в бабки» (1836 г.) вызвала восторг Пушкина: «Наконец и скульптура в России явилась народной!»

И по характеру творчества, и по образу мыслей он принадлежал в те годы к прямым предшественникам передвижников.

Работа «Мальчик, просящий милостыню», вызвавшая восхищение всего художественного мира, в Риме², делалась Пименовым не без политического мотива: «Я думаю, будет уместна такая статуйка во дворце наследника всероссийского престола, напоминая ему о нищете и сострадании», — говорил скульптор Ф. И. Буслаеву³.

Был он также хорошим живописцем.

К Пименову Александр Иванов питал большое уважение. В их взглядах на искусство и назначение художников было немало совпадений. В стихотворении на смерть Иванова Пименов писал:

¹ «С.-Петербургские ведомости» 1842 г. №№ 224—228.

² Лучшие иностранные художники «ставили его наравне с древнегреческими статуями» (Иордан).

³ Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М. 1897, стр. 256.

И наряду с потомством он, предвидя, говорит,
Что век искательства, расчетов современный
Как враг изящного невежественно мстит
Талантам, в славе и достоинстве великим¹.

Над этой группой, полулежа на земле, расположился И. С. Шаповалов (Шаповаленко) (1820—1890), опекаемый Гоголем, ученик А. Иванова. За ним ухаживали, как за отечественным самородком. В его пользу было устроено известное чтение Гоголем «Ревизора» во дворце Зинаиды Волконской. Шаповалов, подававший большие надежды, так их и не оправдал. Впоследствии работал как художник-мозаист.

Тут же на заднем плане изображены художники Н. П. Ломтев (1816—1858)², С. Ф. Федоров (1810—1865), архитектор Л. Л. Бонштедт (1822—1885) и начинающий, но уже обративший на себя внимание, баталист, совсем юный Т. А. Бродовский (1821—1848), позже ученик Ораса Верне.

Возле группы из шести помещена группа из четырех фигур. Колоритная фигура в широкополой шляпе — художник-любитель М. Н. Бибииков (1812—1856), оставивший по себе память своими пробами на литературном поприще³. Его увлекательные очерки из римской жизни и быта русских художников близко знакомят со средой, представленной на чернецовской картине. Бибииков был дружен с большинством русских и иностранных художников, живших в Риме и в других городах Италии. Он хорошо знал бесчисленные художественные памятники, к которым он относился с неподдельным энтузиазмом. Тепло вспоминает о нем Н. А. Резанов в своих «Материалах по истории художеств в России» (М., 1863).

Лицом к лицу с ним — архитектор А. С. Кудинов, а дальше — художник-«любитель», но только совсем иного стиля, нежели Бибииков. Это — Ахиллес Дмитриевич Алфераки. В опубликованных дневниках Ф. П. Толстого⁴ дано красочное описание этого самодовольного дилетанта, богатого человека, питающего род приятного недуга к моль-

¹ Научный архив Гос. Русского музея. Архивн. собр. 14. № 458. Листы 93, 94.

² Его дневник опубликован в «Художественном хроникере» за 1887 год.

³ В венгерском словаре русских писателей Бибиикову отведено несколько страниц, очень образных и сочувственных.

⁴ Хранятся в Научном архиве Гос. Русского музея.

берту и палитре. «Он всех и каждого тащит знакомить с собственными «опусами». Свысока перечисляет ошибки великих мастеров. Рафаэлю нехватало того-то, Тициану того-то, Микель-Анджело не достиг того-то. Ну, а вот «мы в нашей живописи избегаем таких ошибок, удерживая только изящное». Под «мы» подразумевает себя. О себе говорит не иначе как — мы. Бездарен, до крайности беспомощен, но восхищен каждым своим мазком и торопится показать свою мазню как образец подлинного искусства. Все в насмешку хвалят его (он принимает за чистую монету), задабривая его и кутя затем за его счет. Не переводятся охотники демонстрировать мировые достижения искусства на образцах своего собственного рукоделия!»

Рядом с Алфераки стоит молодой человек, коллежский регистратор А. В. Сомов — секретарь при начальнике над русскими художниками в Риме. Он пробыл в этой должности с 1842 по 1846 г., когда скрылся с казенными деньгами в Америку. Повидимому, при Кривцове он еще не блеснул административными талантами. Умер Кривцов. Кривцова сменил держиморда-фельдфебель, генерал-майор Киль. Заняв место начальника художников, Киль решил, что «в три шеренги вас построит, а пикнете, так мигом успокоит». Он третировал художников недопустимым образом, а те дружно его ненавидели. Александр Иванов не пускал его в свою мастерскую. Киль, задегый за «генеральское живое», из сил выбивался пакостить художникам, чем только мог. Он выставлял русских пенсионеров в самом черном свете. «Весьма вредный для русских художников глупый Киль, со своим пустым ветренным секретарем Сомовым», — читаем в дневнике Ф. П. Толстого, посетившего Рим в 1845 г.

Ф. Толстой, вице-президент Академии Художеств, употребил все свое влияние, весь свой авторитет, чтобы представить каждого художника с наилучшей стороны. «В двух рапортах, которые я направил к нашему президенту, — записывал Ф. Толстой в дневнике (в январе 1846 г.), — я описал подробно о жизни и поведении здесь наших пенсионеров, и так же подробно все пакости и низкие с ними поступки и клеветы директора Киля и в высшей степени мерзавца его секретаря».

Картина Чернецова дает и портрет Александра Иванова. Он не в центре собравшихся, не там, где уверенно разместились и Бруни, и Иордан, а где-то в стороне, в глубине, хотя (это вышло, вернее всего, случайно) над самым Умбиликусом. Иванов переживал трудный период. Не так давно (года за 2—3 до того) было «самое лучшее и веселое его время» — по сло-

вам его брата, Сергея. В 1842 г. произошли перемены. Шел седьмой год работы над «Явлением Мессии». «Я успел только порешить все и сделать картину доступною для каждого, но отнюдь не кончить», — докладывал Иванов Обществу поощрения художеств. Иванов считал, что главное впереди, что он только еще отправляется в ответственный и долгий путь сложных творческих исканий. Но все кругом, вплоть до Голая, для конх, по словам художника, картина стала доступной¹, твердили наперебой: чего еще нужно? — картина почти готова, остались сущие пустяки. Но художник считал свою работу незавершенной. Для намеченной работы нужны были средства, но они иссякли. В материальном отношении будущее выглядело беспросветным. Вместе с тем, глазная болезнь на многие месяцы оторвала Иванова от работы. Все эти невзгоды разом обрушились на художника.

Правда, вскоре Иванов снова воспрянул духом, изменился и внешне. Но образ, данный в картине Чернецова, сохраняет свое особое значение, знакомит с Ивановым в тревожный момент его жизни, добавляя новое в представление о нем².

Будничная, прозаическая с виду фигура человека, обладающего громадной волей, несокрушимым решением вывести искусство «сообразно прогрессу общественных идей». Цилиндр и фрак, обеспечивающие доступ к светским «верхам», откуда приходилось извлекать средства — средства, от которых зависело продолжение нескончаемого труда. И вместе с тем — гордое пренебрежение суетой и мишурой легкого успеха, дешевой представительности. Академик с 1836 г., он отошел в сторону от всего сборища на Форме.

Иванову была невыносима шутовская болтовня Григоровича на одном званом обеде: «Разговор наш сделался

---

¹ «Для людей малосведущих она, пожалуй, и теперь почти кончена, но, по-моему, я нахожусь в половине дела, — теперь работа начинается незаметная, т. е. отделка» (письмо к отцу в декабре 1842 г.).

² Стасов (в статье «Живописец Штернберг») отрицательно отнесся к акварели в так называемом «Альбоме Кривцова» (этот альбом в годы Великой Отечественной войны поступил в собрание Гос. Третьяковской галереи, хранится в записях отдела графики и рисунка), изображающей Иванова как раз в тот период. «А. А. Иванов, с большими глазами, в очках, нахлобучив огромную шляпу на лоб, закинув на плечо плащ, из-под которого высовывается сюртук, обдерганные панталоны и коренастые ноги в башмаках, идет зимой по Рипете, опираясь на суковатую палку».

Чернецовский портрет подтверждает этот несколько трагический облик Иванова.

центром внимания общего, он тут начал подозревать меня в лени и наконец говорить, что при моих способностях я бы мог в год картину кончить, но что тяну труд мой, чтоб продлить пребывание в Риме», — записал Иванов¹.

Возможно, что сам Иванов просил Чернецова поместить его подальше от этого знатного гостя.

Между колоннами храма Веспасиана стоят два пейзажиста. Л. Х. Фрикке (1820—1893) — художник весьма посредственный. Второй — И. К. Айвазовский (1817—1900). Приехав в Италию в 1849 г., он быстро сделался знаменитостью. Он работает «скоро, но хорошо, — писал Иванов Лапченке, — он исключительно занимается морскими видами, и так как в этом роде нет здесь художника, то его заславили и захвалили». В другом месте (письмо к отцу): «Его «День Неаполя» заслужил общее одобрение в Риме: воду никто здесь так хорошо не пишет». Айвазовскому принадлежат высказывания об отношении художника к образам природы, о роли памяти и воображения, — высказывания, утверждающие реализм в пейзажной живописи.

Самого себя автор картины — академик с 1831 г., — Григорий Григорьевич Чернецов (1801—1865) изобразил еще скромнее, нежели брата. Он поместился поодаль, причем его лица не видно, он отвернулся в сторону собеседника. Его фигура чуточку обличает «мещанина из города Луха» (Костромской губернии).

За его плечом — младший брат, Поликарп Чернецов, начинающий художник, умерший в 1843 году.

Перед Чернецовым, на куске упавшего фриза, стоит Аполлон Николаевич Мокрицкий (1811—1871). Об его педагогической деятельности рассказал В. Г. Перов в «Наших учителях».

Тут же стоит скульптор Р. К. Залеман-старший (1813—1874), лепивший в то время «Киевлянина».

Портретная галерея завершается портретами архитектора Ф. И. Эппингера (1816—1873), архитектора Г. Г. Эльсона, пейзажиста М. Г. Эльсона (1816—1857) и, наконец, скульптора Антона Андреевича Иванова (1815—1848), отличного скульптора, автора «Молодого Ломоносова» и других

¹ Научный архив Гос. Русского музея. Арх. собр. 24. Надо, однако, отметить, что Григорович хлопотал о продлении пособия Иванову и давал очень высокую оценку его картине.

превосходных скульптур. Портрета его, кажется, не осталось. Чернецовская картина восполняет этот пробел¹.

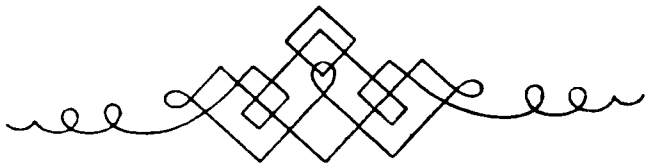
Картина Чернецова притягивает к себе зрителя не только живой красотой древних развалин, не только южной солнечностью, хорошо переданной художником.

В далеко не случайных группировках, в отдельных жестах, позах, может быть, даже в невольных характеристиках (например, Александр Иванов, Бруни, Г. Чернецов, Ломтев, Алфераки), в неустойчивом единении собравшихся выступают выразительные черты тех людей, чьими руками создавалась русская художественная культура, — тем самым и мировая культура.

---

¹ Антон Иванов стоит справа на возвышении, над братьями Эльсонами. Эппингер — крайний справа. Эппингер принадлежал к той группе пенсионеров, которые проделали большую работу по изучению и зарисовыванию архитектурных памятников (Бенуа, Росси, Кракау и др.). Многочисленные рисунки он привез из путешествия по Черногории, Далмации, Кroatии (в 1843 г.). За свои акварели получил звание академика.

Г. Лебедев

ДЕЛО

Чухломской дворянской опеки по рапорту Чухломского земского суда о взятии в опеку имения г. Герцен впредь до явки наследников

1. Герцен и Чухлома

А. И. Герцен по обстоятельствам своей жизни был связан с Костромским краем. Исторические документы прошлого подтверждают и дополняют связь Герцена с местным краем, ярко рисуют роль Костромской администрации в общих репрессивных мероприятиях, направленных против великого писателя и революционера-демократа.

Отец Герцена И. А. Яковлев и его дядя Л. А. Яковлев владели имениями в Костромском и Чухломском уездах бывшей Костромской губернии. Л. А. Яковлеву в Чухломском уезде принадлежала деревня Репедино, а позже, в 1815 году, за Л. А. Яковлевым числились деревня Лепихино и некоторые другие. После смерти отца Ивана Алексеевича Яковлева 18(6) мая 1846 г. А. И. Герцен унаследовал также имение, находившееся в деревне Лепихино, Чухломского уезда, Костромской губернии. Указание т. Самойлова неверно, так как Чухломское имение досталось А. И. Герцену до 1846 г. Это может быть доказано тем, что при взятии в опеку имения была составлена опись, в конце которой есть указание на то, что «оное имение досталось Герцену по купчей крепости в 1840 году». Об этом же говорится и в отношении Чухломского мирового посредника 1 участка от 22 августа 1869 г. за № 289, в котором сказано, что «из уведомления Управления Государственными имуществами Костромской губернии видно, что именно это досталось г. Герцен по купчей крепости в 1840 г., а где находится эта купчая крепость неизвестно». Эти документы подтверждают, что имение Герцену досталось в 1840 г., а не в 1846 г., как об этом пишет т. Самойлов в своей статье «Герцен и Ярославская область» (напечатанной в газете «Северный рабочий» за 1938 г. № 159/5756). Не будучи владельцем имения, А. И. Герцен не мог выдавать доверенность своему бурмистру имения крестьянину деревни Лепихино Ивану Яковлевичу Шульцеву. Сама доверенность написана рукою очевидно секретаря Герцена, а внизу имеется собственноручная подпись: «Помещик твой надворный советник Александр Иванов сын Герцен».

Эта доверенность заверена в Московской Гражданской Палате 28 декабря 1844 г. Внизу на второй странице листа, на котором написана доверенность, указано, что «Сия доверенность принадлежит Костромской губернии Чухломского уезда деревни Лепихиной крестьянину моему Ивану Яковлеву Шульцову».

Шульцев управлял Чухломским имением до взятия его в опеку, когда у него эта доверенность была отобрана и приложена в дело, а вместо него дворянская опека назначила опекуном имения помещика В. С. Перфильева.

Однако существование такой доверенности, также как и упоминания о купчей крепости 1840 года в позднейшей бумаге Чухломского мирового посредника, отнюдь не являются доказательством того, что А. И. Герцен был фактическим владельцем этого имения в 1840—1846 годах, то есть до смерти И. А. Яковлева.

В 1840 году Герцен переехал в Петербург и стал чиновником канцелярии министра внутренних дел. В «Былом и думам» Герцен указывал: «Отец мой требовал этого» (А. И. Герцен «Былое и думы». Гослитиздат, 1947, стр. 232), Следует иметь в виду, что И. А. Яковлев после женитьбы сына на Н. А. Захарьиной поставил его в чрезвычайно трудное материальное положение — «бедствовали мы», вспоминал Герцен («Былое и думы», стр. 201).

В 1840 году между И. А. Яковлевым и Герценом произошло окончательное примирение, повидимому, в значительной мере обусловленное переездом последнего на службу в Петербург.

Поэтому можно думать, что передача костромского имения Герцену, отражая собою это примирение, означала стремление И. А. Яковлева, находившегося уже в преклонном возрасте, обеспечить сына на случай своей внезапной смерти или каких-либо осложнений, могущих возникнуть с наследованием.

Купчая, конечно, была фиктивной, ибо Герцен в материальном отношении целиком зависел от отца и не имел никаких личных средств.

Нет также никаких данных, свидетельствующих о том, что, живя в 1840—1846 годах в Петербурге, Новгороде и Москве, Герцен в какой-либо мере занимался делами костромского имения, хотя количество дошедших до нас писем и иных документов Герцена за этот период очень велико.

Таким образом, надо полагать, что фактическим владельцем костромского имения до своей смерти в мае 1846 года оставался И. А. Яковлев, подписание же Герценом доверенности на управление этим имением в 1844 году было с его стороны чисто формальным актом.

2. Взятие в опеку имения

Выехав в 1847 г. с семьей за границу, Герцен уже больше не возвращался в Россию. В сентябре месяце 1850 г. правительство Николая I предложило Герцену вернуться в Россию. Но Герцен предпочел остаться в Европе политическим эмигрантом и вскоре записался в гражданство швейцарской общины Шатель. Узнав об этом, сенат издал указ о лишении Герцена всех прав в России и конфискации принадлежащего ему имущества. Сенат сделал предписание всем губернаторам и другим учреждениям о взятии в опеку имений А. И. Герцена. Такое распоряжение было получено и Костромским губернским правлением, которое предписало Чухломским властям взять в опеку имение Герцена. Было заведено «дело Чух-

ломской дворянской опеки по рапорту Чухломского земского суда о взятии в опеку имения г. Герцен впредь до явки наследников». Дело началось 1 мая 1852 г., а окончено 10 июля 1864 г. В деле находятся отношения Губернского правления, отчеты опекуна имения, доклады письмоводителя Макарова, опись имения, прошения девиц Николаевой, Гавриловой, уставные грамоты, бумаги о выкупе крестьян и ряд других бумаг, по которым можно установить картину взятия имения в опеку, экономического положения крестьян, доходности имения и некоторые сведения бытового характера. Все полученные данные при изучении дела излагаются ниже.

Своим указом Костромское губернское правление от 15 декабря 1851 г. за № 31637 предписало Чухломской дворянской опеке, что «если окажется имение принадлежащее лишенному всех прав состояния надворному советнику Александру Герцен, то отдать оное законным наследникам, но как наследников к имению г. Герцена в виду сего суда нет, а потому земский суд, представляя при сем опись сему имению вместе с отобранною от старосты Ивана Яковлева доверенностью, просит учинить распоряжение о взятии имения г. Герцен в ведомство опеки впредь до явки наследников».

27 апреля 1852 г. была произведена «Опись, учиненная по указу Костромского губернского правления от 15 декабря 1851 г. за № 31163 членами временного отделения Чухломского земского суда имению, принадлежащему лишенному всех прав состояния надворному советнику Александру Герцену, состоящему Костромской губернии Чухломского уезда в деревнях Лепихине, Степыгине, Мартюгине, Русине и Панкратове».

При взятии в опеку имения Чухломская дворянская опека назначила опекуном помещика подполковника Василия Степановича Перфильева, на которого и были возложены обязанности управления имением, получения с крестьян оброка, составления отчетов о доходах и расходах по имению и т. д. Опека была назначена на срок до десяти лет, впредь до явки наследников. По истечении этого срока наследники не явились, а потому Костромская палата государственных имуществ своим отношением от 19 сентября 1863 г. за № 19374 предложила Чухломской дворянской опеке «сдать в казну имение А. И. Герцена по случаю истечения десятилетнего срока на вызов наследников, со всеми доходами, полученными за время опекунского управления через Галичского окружного начальника». Для принятия в казну имения А. И. Герцена был назначен помощник окружного начальника Весновский, о чем Галичский окружной начальник и уведомил Чухломскую дворянскую опеку своим отношением от 30 сентября 1863 г. за № 1919. 17 октября 1863 г. Весновский принял у опекуна В. С. Перфильева имение Герцена в казну. Был составлен соответствующий акт, в котором сказано следующее:

«1863 года 17 октября Помощник Галичского окружного начальника Весновский и опекун над имением надворного советника Александра Иванова Герцена подполковник Перфильев по прибытии в имение г. Герцена собрали крестьян и объявили им, что они по распоряжению правительства обращены в государственные поселяне. В имении этом состоит ревизских душ мужского пола 197 и женского 297, а наличных мужского 174, женского¹; земли при этом имении находится 2061 десятина 1107 сажень, на которую планы и межевые книги передаются сего же числа принимающему имение Герцена помощнику Весновскому. При имении есть общественный магазин, устроенный крестьянами г. Герцена без участия других

¹ Цифра не поставлена в подлиннике. — Г. Л.

владельцев при деревне Лепихино, но хлеб в него всыпали кроме их крестьяне бывших помещиков Болотникова и Жохова. Всего хлеба в магазине хранится озими 286 четвертей 6 четвериков и ярового 170 четвертей 5 четвериков, да состоит в ссуде за крестьянами озимого 93 четверти 6 четвериков и ярового 19 четвертей 5 четвериков; итого наличного и розданного хлеба в ссуду 380 четвертей 4 четверика и ярового 190 четвертей 2 четверика. Хлеб этот всыпан крестьянами г. Герцен перешедшими в казну в числе 197 душ и г. Жохова и Болотникова 8 душами. Итого 205 душами, значит на каждую душу приходится собранного хлеба озимого по 1 четверти 6 четвериков $6\frac{3}{4}$ гарнца и ярового по 5 четвериков $3\frac{1}{2}$ гарнца, следовательно на часть крестьян г. Герцена поступивших в казну принадлежит хлеба озимого 365 четвертей 5 четвериков и 2 гарнца и ярового 184 четверти 6 четвериков 4 гарнца, а остальной — озимого 14 четвертей 6 четвериков 6 гарнцев и ярового 5 четвертей 3 четверика 4 гарнца на часть крестьян Жохова и Болотникова. Господских строений в имении нет. В течение опекунского управления крестьянами г. Герцена внесено оброчной суммы в Чухломскую дворянскую опеку двадцать семь тысяч девятьсот двадцать два рубля десять копеек (27 922—10). Деньги эти хранятся в кредитных установлениях, а билеты на них Чухломскою дворянскою опекою, как видно из ее отношения в Галичское окружное управление от 27 сентября 1863 года за № 294, отосланы в те кредитные установления, в которых хранятся означенные суммы с тем чтобы учреждения эти капиталы по упомянутым билетам с причитающимися на них процентами отослали прямо от себя в Костромскую палату Государственных имуществ на ее распоряжение. О чем и составлен сей акт за общим подписом. Помощник Галичского окружного начальника Весновский. Опекун подполковник Перфильев». Но окончательно имение А. И. Герцена перешло в ведение казны только 24 февраля 1864 года.

3. Доходность имения

В имении А. И. Герцена фабрик и заводов не было, господских строений и других принадлежностей также не было, следовательно, доходной статьей имения являлся оброк, получаемый с крестьян, которые занимались отхожими промыслами. По своей профессии крестьяне были, в основном своей массе, плотниками. Некоторая часть их занималась столярным и малярным ремеслом. Во всем имении было 117 тягол. С каждого тягла платилось оброка по 17 рублей 30 копеек серебром. Вся сумма оброка в год с имения А. И. Герцена выражалась в 2024 руб. 10 коп. Получаемый бурмистром И. Я. Шульцевым оброк до 1852 года, т. е. до взятия в опеку имения, отсылался в Москву надворному советнику Григорию Ивановичу Ключареву, который заведывал денежными делами Ивана Алексеевича Яковлева, отца Герцена, был одним из душеприказчиков его и Льва Алексеевича Яковлева, его брата. Свои обязанности поверенного по денежным делам он сохранил и после смерти И. А. Яковлева, когда в права наследства вступил его сын. Уезжая за границу, Герцен поручил Ключареву надзор за своим костромским имением, московским домом и прочими хозяйственными делами. Когда правительство задумало наложить руку на состояние Герцена, то за всеми сведениями о положении его имущественных дел III отделение, естественно, обратилось к Ключареву. После царского объявления о наложении запрещения на имение Герцена и об изгнании его, Ключарев прервал с ним сношения, о чем и уведомил его мать, и передал генерал-губернатору Закревскому имевшиеся у него

наличные деньги Герцена в размере 6065 рублей серебром, равно как и все денежные документы. В своих письмах к Ключареву А. И. Герцен неоднократно упоминает и свое Чухломское имение. Например, в письме от 16/28 марта 1847 г. из Парижа он писал: «Всех денег с процентами до марта, принадлежащих костромским крестьянам, 3060 рублей ассигнациями; они имеют полнейшее право на них, но я об одном попрошу вас: отдавая им эти деньги, принять меры, чтобы они достигли своей цели, и обязать Шульцеву строгой ответственностью, особенно сына, — он отвечает лицом; не мешало бы иметь от них мирской приговор, что они доверяют это дело Шульцеву сыну с кем-нибудь еще». «Кстати, прошу вас, Григорий Иванович, прислать денег, т. е. идущих в расход. Вероятно, аккуратнейшие костромские крестьяне выслали сполна оброк. Когда вам случится писать в Кострому, потрудитесь прибавить, что я крестьянам и Шульцеву кланяюсь и желаю, чтобы их Бог попрежнему миловал» (от 12. II 1849 г. Париж), «также желал бы я знать подробнее насчет Чухломы». (21. XI 1849). «Ждем кое-какие присылки из Чухломы» (от 8. 2 1850).

Оброк с крестьян получался в сумме 2 000 рублей до 1857 года вместо 2024 р. 10 к., которые должны были платить крестьяне. В 1857 г. опекун имения В. С. Перфильев сделал перерасчет и взыскал недоимку по 24 р. 10 коп. за 11 лет в сумме 265 р. 10 к. серебром. Бурмистр и крестьяне в своем прошении на имя императора указывали на несправедливость взыскания с них 265 р. 10 к. и просили возвратить переплаченные ими деньги в указанной сумме. Дворянская опека рассмотрела прошение бурмиистра Шульцева, признала, что эти деньги как неправильно взысканные подлежат возврату. Указанная сумма за удержанием почтовых расходов и была возвращена в размере 262 руб. 47½ коп. Оброчные деньги за 1850 и 1851 годы, а также деньги от продажи дома в 6 945 рублей были посланы московскому генерал-губернатору Г. А. Закревскому, который после взятия в опеку имения А. И. Герцена выслал их в Чухломскую дворянскую опеку. После взятия в опеку имения опекун В. С. Перфильев все получаемые с крестьян оброчные деньги отсылал в местный приказ, удерживая себе из них 5% вознаграждения. Опекун имения Перфильев за время с 1852 года по 1863 годы получил с крестьян оброка 22 276 рублей 50 к., а должен получить 22 265 руб. 10 коп., переполучил 11 р. 40 к.

По годам приход и расход по имению А. И. Герцена, по данным опекунских отчетов Перфильева, отправляемых в Чухломскую дворянскую опеку, составляет следующие суммы:

Годы	Приход		Расход		Годы	Приход		Расход	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1851	2000	—	—	—	1857	2001	—	2009	16
1852	2000	—	1999	84	1858	2097	20	2091	70
1853	1860	40	1853	81	1859	2024	10	2029	35
1854	1943	40	1940	52	1860	2049	40	2047	88
1855	2067	80	2062	49	1861	1704	—	1695	42
1856	2185	50	2191	22	1862	2044	—	2351	43

4. Экономическое состояние имения

Земли в имении было всего 2 061 десятина 1 107 сажень, которая по деревням, входившим в состав имения, распределяется так:

По Лепихину, Степыгину и Русину было	1 045 дес.	1 256 саж.
по Мартюгину	—	636 дес. 458 саж.
по Панкратову	—	127 дес. 2213 саж.
по отхожему лесу	—	251 дес. 520 саж.

Всего . . . . . 2060 дес. 2047 саж.

Населения в данных деревнях по 9 ревизии всего было 484 человека, а по 10 ревизии их стало в наличии 502 человека. От 9 до 10 ревизии убыло 10 человек, а вновь прибыло 26 человек. По отдельности в каждой деревне количество хозяйств и населения распределяется следующим образом:

Деревни	Число хозяйств	Населения по 9 ревизии			Убыло	Прибыло	Населения по 10 ревиз.		
		м.	ж.	о. п.			м.	ж.	о. п.
Лепихино .	30	88	104	192	4	10	91	109	200
Степыгино .	16	51	73	124	3	6	51	76	127
Мартюгино .	17	40	63	103	2	8	41	68	109
Русино .	8	21	30	51	1	1	20	31	51
Панкратово	3	—	10	14	—	1	4	11	15
Итого:	74	204	280	484	10	26	207	295	502

Таким образом, населения от 9 до 10 ревизии прибыло в имении А. И. Герцена 18 человек в деревнях: Лепихино — 8 чел., Мартюгино — 6 чел., Степыгино — 3 чел. и Панкратово — 1 чел. Количество хозяйств осталось без изменения, т. е. 74. Во всех деревнях было всего 293 постройки, из которых: 72 избы, 68 дворов, 68 сараев, 69 овинов, 3 горницы, 6 бань, 5 погребов и 2 амбара. По деревням они распределяются так:

Деревни	Изб	Дворов	Сараев	Овинов	Горниц	Бань	Погребов	Амбаров	Всего построек
Лепихино .	28	24	26	25	—	2	3	—	108
Степыгино .	16	16	16	16	—	—	—	—	64
Мартюгино .	17	17	17	17	—	—	—	—	68
Русино .	8	8	8	8	2	2	2	1	39
Панкратово	3	3	1	3	1	2	—	1	14
Итого:	72	68	68	59	3	6	5	2	293

Население деревень имело значительное количество скота, о чем говорят следующие цифры: лошадей было 84 головы, крупного рогатого скота 132 головы, мелкого рогатого скота (овец) 230 голов и кур 373 штуки. На одно хозяйство приходится: лошадей 1,2 гол., крупного рогатого скота 1,9 гол., мелкого рогатого скота 2,96 головы и кур 5,9.

Как распределяется количество скота по указанным деревням, видно из приводимой ниже таблицы.

Деревни	К о л и ч е с т в о				Приходится на одно хозяйство			
	лошадей	коров	овец	кур	лошадей	коров	овец	кур
Лепихино .	31	54	90	139	1,0	1,8	3,0	4,6
Степыгино .	20	38	69	89	1,3	2,4	4,3	5,6
Мартюгино .	20	28	40	64	1,2	1,6	2,4	3,8
Русино . .	11	18	25	54	1,4	2,3	3,1	6,8
Панкратово .	3	4	6	27	1,0	1,3	2,0	9,0
Итого:	85	142	230	373	1,2	1,9	2,96	5,9

Таким образом в среднем на каждое хозяйство приходилось по одной лошади, почти по две коровы, три овцы и по шесть кур. Но если эти цифры разбить по показателям обеспеченности скотом в каждом хозяйстве и по количеству в каждом голов скота, то получится следующая картина:

Деревни	Без-лошадных хозяйств	С 1 лошадыо		С 2 лошадыми		С 3 лошадыми	
		хоз.	гол.	хоз.	гол.	хоз.	гол.
Лепихино .	2	25	25	3	6	—	—
Степыгино .	1	10	10	5	10	—	—
Мартюгино .	2	11	11	3	6	1	3
Русино . .	—	5	5	3	6	—	—
Панкратово .	—	3	3	—	—	—	—
Итого:	5	54	54	14	28	1	3

Основная масса населения или хозяйств в имении Герцена были однолошадными, что к общему числу хозяйств имения составляет почти 73%, двухлошадных хозяйств почти 19%, безлошадных 6,7%, и 1,3% приходится на трехлошадные хозяйства. Количество крупного рогатого скота, падающего на одно хозяйство, дает следующие показатели:

Деревни	Бескоровных хоз-в	С 1 коровой		С 2 коровами		С 3 коровами		С 4 коровами	
		хоз.	гол.	хоз.	гол.	хоз.	гол.	хоз.	гол.
Лепихино .	2	8	8	15	30	4	12	1	4
Степыгино .	1	3	3	4	8	5	15	3	12
Мартюгино .	3	6	6	4	8	3	9	1	4
Русино . .	—	3	3	2	6	3	9	—	—
Панкратово .	—	2	2	1	2	—	—	—	—
Итого:	6	22	22	26	54	15	45	5	20

Одинаковую почти картину наблюдаем в отношении обеспеченности каждого хозяйства крупным рогатым скотом. На долю двухкоровных хозяйств приходится 35,1% от общего количества хозяйств в имении, однокоровные хозяйства составляют 27%, трехкоровные 23%, на долю хозяйств, не имеющих совсем коров, приходится 8,1% и на хозяйства с 4 коровами — 6,8%. Обеспеченность отдельных хозяйств мелким рогатым скотом видна из следующей таблицы:

Деревни	Без овец	С 1 г.		С 2 г.		С 3 г.		С 4 г.		С 5 г.		С 6 г.		С 7 г.	
		х.	г.	х.	г.	х.	г.	х.	г.	х.	г.	х.	г.	х.	г.
Лепихино .	4	2	2	5	10	7	21	5	20	5	25	2	12	—	—
Степыгино .	—	1	1	2	4	4	12	1	4	2	10	4	24	2	14
Мартюгино .	3	3	3	4	8	2	6	3	12	1	5	1	6	—	—
Русино .	—	1	1	3	6	2	6	1	4	—	—	1	6	—	—
Панкратово .	—	1	1	1	2	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	7	8	8	15	30	16	48	10	40	8	40	8	48	2	14

В отношении обеспеченности хозяйств мелким рогатым скотом первое место занимают 16 хозяйств, имеющих 3 головы, второе место занимают 15 хозяйств с наличием в каждом из них по 2 головы, третье место принадлежит 10 хозяйствам с 4 головами в каждом. Следующие места принадлежат 24 хозяйствам с 1,5 и 6 головами, потом идут хозяйства, не имеющие овец, и на последнем месте стоят самые крупные два хозяйства, в деревне Степыгино, имеющие по 7 голов мелкого рогатого скота. Наличие домашней птицы в хозяйствах крестьян имения видна из следующей таблицы:

Деревни	Хоз. без кур	Количество кур на одно хозяйство																							
		1		2		3		4		5		6		7		8		9		10		11		12	
		х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.	х.	к.
Лепихино .	1	—	—	4	8	2	6	5	20	4	20	4	24	5	35	2	16	—	—	1	10	—	—	—	—
Степыгино	3	—	—	1	2	1	3	1	4	2	10	1	6	1	7	1	8	2	18	3	30	—	—	—	—
Мартюгино	4	—	—	2	4	2	6	4	16	1	5	—	—	2	14	1	8	—	—	—	—	1	11	—	—
Русино . .	—	—	—	1	2	3	9	1	4	1	5	—	—	2	14	—	—	—	—	2	20	—	—	1	12
Панкратово	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	5	—	—	—	—	—	—	—	—	1	10	—	—	—	—
Итого:	8	—	—	8	16	8	24	11	44	9	45	5	30	10	70	4	32	2	18	7	70	1	11	1	12

Таким образом первые места по количеству кур в хозяйстве принадлежат хозяйствам, имеющим 4, 7 и 5 кур.

При производстве описи в имении в крестьянских хозяйствах были учтены и хлебные запасы, имеющиеся налицо в день переписи — 27 апреля 1852 г. — в каждом хозяйстве. Количество запаса по культурам в каждой деревне в отдельности видно из следующей таблицы:

Деревни	Колич. насел. в дерев.	Запасы хлеба в четвериках					Приходится на одного едока
		ржи	пшеницы	ячменя	овса	всего	
Лепихино .	200	975	197	519	805	2496	12,48
Степыгино .	127	607	146	275	430	1458	11,47
Мартюгино	109	533	129	203	362	1227	11,25
Русино .	51	157	20	99	154	430	8,43
Панкратово	15	45	—	21	42	108	6,14
Итого :	502	2317	492	1117	1793	5719	11,39

Если считать четверть равной одному пуду, то из всех деревень только население деревни Лепихино могло обеспечить себя хлебом полностью на весь год (кладя на каждого едока по пуду в месяц). Население же остальных деревень не могло обеспечить себя полностью хлебом и вынуждено было прикупать недостающее количество в городе Чухломе, на станции Антропово или в других местах. Запас хлеба в каждом отдельном хозяйстве колебался: ржи имелось от 5 до 80 четвериков, пшеницы от 5 до 25, овса от 7 до 60 и ячменя — от 9 до 40 четвериков. Но, принимая во внимание то обстоятельство, что опись имения и, следовательно, запасов хлеба была сделана 27 апреля, почти на 1 мая, то следует сказать, что выявленного запаса хлеба крестьянскому населению имения А. И. Герцена должно было с избытком хватить для питания до нового урожая, т. е. до сентября месяца, так как в этот период, с августа месяца, обычно начиналась уборка с полей и люди молотили свежее зерно, питаясь сбором нового урожая. При этих условиях хлебом должны быть до нового урожая обеспечены и такие деревни, как Панкратово и Русино, где наличный запас хлеба на одного едока равнялся 6,14 и 8,43 пуда, а остальное население должно было вдвойне обеспечить себя теми запасами от 11,85 до 12,48 п., которые имелись у них на день описи имения.

Просматривая приведенные таблицы, можно сказать, что еще до реформы 19 февраля 1861 года в деревне началось расслоение крестьянства на три группы: бедняков, середняков и кулаков. Интересно сопоставить цифры обеспеченности крестьян в России (в целом) и в отдельном уезде (Чухломском) и в отдельном частном имении (Герцена).

	В России	В Чухломском уезде	В имении Герцена
Безлошадных хозяйств	3 млн.	1 898	5
Однолошадных	3,5 "	6 583	54
Двухлошадных	2 "	994	14
Трех и более лошадных хозяйств . .	1,5 "	102	1
Бескоровных хозяйств	—	1 260	6
Однокоровных	—	4 346	22
Двукоровных	—	2 988	26
Трех и более коровных хозяйств . .	—	983	20
Без лошадей и коров	—	986	11

Эти цифры свидетельствуют о том, что расслоение в деревне, происходившее во всей царской России, коснулось и Чухломского уезда и, как части уезда, — имени А. И. Герцена. Безлошадных бедняцких хозяйств в имении было всего 5; с одной лошадейю — 54 хозяйства, двухлошадных — 14 и многолошадных — 1 хозяйство. Бескоровных хозяйств было 6, однокоровных — 22, двухкоровных — 26 и многокоровных — 20 хозяйств. Без лошадей и коров было в имении 11 хозяйств. Таково было экономическое состояние крестьянского населения в имении А. И. Герцена.

5. Освобождение крестьян

19 февраля 1861 года Александром II был издан манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, но обнаружен он был только в марте месяце того же года. В имении А. И. Герцена, как и во всех имениях Чухломского уезда, мировыми посредниками были составлены уставные грамоты на каждую деревню, входившую в состав имения. Уставные грамоты по Герценовскому имению составлялись мировым посредником Чухломского уезда — Доливо-Добровольским в марте 1862 г. Из уставных грамот видно, что общее количество мужского населения в имении было 197 душ, общее количество земли в имении было 2061 дес. 1107 саж. Каждый мужчина получил высший надел, принятый для всего Чухломского уезда, как уезда, население которого занимается отхожими промыслами, в количестве 6 десятин на душу. Все 197 душ мужского населения должны были получить 1182 десятины. Каждая десятина была оценена в 9 рублей, и таким образом за всю наделную землю крестьяне имения должны были уплатить 10 638 рублей. За усадебную землю, на которой стояли крестьянские избы и другие постройки, они обязаны были платить по 2 р. 50 коп. После получения крестьянами наделной и усадебной земли в количестве 1219 дес. 1710 саж. оставалось еще земли 866 дес. 2148 саж., которую крестьяне могли взять в свое пользование, заплатив за нее с каждого надела по 1 р. 27³/₄ коп., т. е. за все 197 наделов крестьяне обязаны были уплатить 251 р. 67 коп. Таким образом крестьяне имения Герцена должны были уплатить за полученную землю 16610 руб. 50 коп. Эта сумма получилась из:

1) за наделную землю	—	10638 р. 00 коп.
2) за усадебную землю	—	1492 р. 50 коп.
3) выкупная плата	—	4228 р. 33 коп.
4) за землю вне наделов	—	251 р. 67 коп.

Раскладывая эту сумму 16610 р. 50 коп. на каждую мужскую душу, мы увидим, что стоимость «освобождения» одной души обошлась в 84 р. 32 коп. В эти суммы не включены еще проценты, которые крестьяне обязаны были уплатить государству. Вместе с суммой процентов общая стоимость освобождения крестьян обошлась не менее 100 рублей за каждую душу.

6. Выкуп наделной земли

После введения в действие уставных грамот в имении А. И. Герцена губернские власти неоднократно предлагали Чухломским властям произвести операции по выкупу крестьянами своих наделов, но Чухломские власти под предлогом отсутствия планов, акта ввода Герцена во владение

имением тормозили дело выкупа крестьянами надельной земли. Достаточно сказать, что дело это началось в 1868 году, а окончено только в 1872 году. Четыре года потребовалось для того, чтобы выделить крестьянам надельную землю! В качестве же продолжения дела о взятии в опеку имения Герцена или о выкупе надельной земли было заведено особое дело, в котором имеется небольшое количество разрозненных бумаг с 1868 по 1878 годы. При этом более или менее в последовательном порядке идут бумаги до 1872 года, начиная с которого и кончая 1878 годом никакой переписки за эти годы нет и только имеется за 1878 год расписка Лепихинского старосты Смолина о получении от волостного старшины планов и описаний на деревни имения Герцена. Но все же, хотя сохранилась не вся переписка, она дает возможность проследить волокиту, царившую в учреждениях Чухломы, связанных с вопросами о выкупе крестьянами имения Герцена своей надельной земли. Председатель Костромского губернского по крестьянским делам присутствия губернатор Доргобужиннов отношением своим от 10 октября 1868 года за № 2979 предлагал мировому посреднику Чухломского уезда 1 участка Золотилу «сделать распоряжение об отводе в натуре по снятии на планы предназначенного по уставным грамотам надела крестьянам деревень Лепихино, Степыгино, Мартюгино, Русино и Панкратово, затем составить (заменяя собою лицо помещика) необходимые для совершения в имении г. Герцена выкупа крестьянских наделов документы, которые и представить в Губернское присутствие по возможности в непродолжительном времени». В ответ на это отношение мировой посредник Золотилов в своем отношении от 4 ноября 1868 года за № 533 отвечает присутствию, что в имении г. Герцена документов, которые необходимы для совершения обязательного выкупа, нет, а потому он и просит «доставить уставные грамоты, план специального межевания и акт, по которому досталось имение г. Герцену». Не получая ответа на свое отношение от 4 ноября, мировой посредник 25 февраля 1869 года за № 58 снова запрашивает Губернское присутствие о высылке ему указанных документов. Своим отношением от 24 марта 1869 года за № 18537 Управление государственными имуществами Костромской губернии сообщило мировому посреднику о том, что это «имение досталось г. Герцену по купчей крепости в 1840 году, что видно из решенного дела бывшей палаты Государственных имуществ, но где находится купчая крепость в деле видимости нет». Вместе с этим были высланы копии уставных грамот и планы с геодезическим описанием. После высылки мировому посреднику указанных документов, Управление государственными имуществами отношением от 21 августа 1869 года за № 5991 предлагало мировому посреднику «поспешить производством выкупа крестьянских наделов в выморочном имении г. Герцена». 22 августа 1869 года за № 289 мировой посредник писал в Чухломское уездное полицейское управление и просил «сделать по делам своим справку были ли вввод по означенному имению и по какому акту и меня уведомить с приложением копии того акта и при том истребовать от бывшего опекуна означенного имения подполковника Василия Степановича Перфильева, составившего уставные грамоты и планы по деревне Лепихину с деревнями. Если нет таковых в дворянской опеке позаимствоваться из архива бывшего уездного суда и доставить таковые ко мне для отвода в натуре и снятии на особые планы предназначенного по уставным грамотам надела крестьянам». В ответ на это отношение полицейское управление 5 сентября 1869 года за № 5885 сообщило мировому посреднику, что «без указания времени, в которое был вввод во владение г. Герцена имением полицейское

управление справку сделать и доставить акта не сможет, а Перфильев находится в болезненном состоянии и никакого ответа дать не сможет». В ответ на это мировой посредник снова 9 сентября 1869 года за № 325 вторично запросил полицейское управление. В это же время Костромской губернатор Дорогобужинов отношением своим от 5 сентября 1869 года за № 2564 снова просит мирового посредника «поспешить доставлением документов, необходимых для выкупа крестьянских наделов в выморочном имении г. Герцена». В ответ на это предписание губернатора мировой посредник сообщает 7 октября за № 361 о том, что для дальнейшего хода сего дела необходимо иметь акт, по которому досталось г. Герцену означенное имение, и дальше приводит ответ полицейского управления от 5 сентября за № 5885. На свой вторичный запрос мировой посредник от полицейского управления 13 октября за № 6741 получает ответ, что «дел о вводе во владение г. Александра Ивановича Герцена имением в полицейском управлении не производилось». Повидимому, Костромскому губернатору надоела эта волокита и однообразная ссылка мирового посредника на отсутствие акта ввода во владение имением А. И. Герцена, и губернатор Дорогобужинов своим отношением от 7 ноября 1869 года за № 4311 указал мировому посреднику о том, что «для выкупа выморочного имения надворного советника Александра Ивановича Герцена требовать акта о переходе к нему сего имения необходимости не представляется, почему губернское присутствие [председателем которого был губернатор] и просит Вас, милостивый государь, не стесняясь высказанным Вами в отношении за № 361 обстоятельством приступить немедленно к составлению акта о выкупе и поспешить доставлением дела по сему предмету в Губернское присутствие». В тот момент, когда происходила вся эта переписка, по предложению мирового посредника частный землемер-таксатор Томский производил в имении Герцена отвод наделов, составление планов и геодезического описания и 11 декабря 1869 года сообщил мировому посреднику об окончании им этих работ. 31 декабря 1869 года Просековское волостное правление препроводило к мировому посреднику приговор крестьян Лепихинского общества, в котором они выразили желание пользоваться оставшеюся за наделом землею и по выходе в государственные крестьяне с оплатою ее по 127 $\frac{3}{4}$ коп. с каждого надела по равной разверстке этой земли между всеми 197 душами мужского пола. Вице-губернатор Свербеев своим отношением от 23 января 1870 года за № 395 предлагал ускорить доставление документов, необходимых для выкупа крестьянских наделов в выморочном имении Герцена.

14 мая 1871 года за № 2703 вице-губернатор просил мирового посредника сообщить, в какой сумме платили крестьяне имения Герцена оброк до издания положения 19 февраля 1861 года. В ответ на этот запрос Калининский и Просековский волостные старшины вместе с Лепихинским сельским старшиной 14 июня 1871 г. сообщили мировому посреднику, а последний губернатору о том, что до 1861 года крестьяне платили оброк в сумме 2000 рублей. Эту сумму они и выплачивали до перехода в государственные крестьяне. С переходом же в государственные крестьяне они стали платить 864 р. 99 $\frac{1}{2}$ коп. Наконец, все документы о выкупе крестьянами имения А. И. Герцена своей надельной земли были составлены и посланы в Главное выкупное управление, которое и сообщило губернатору о правильности составленных документов. Костромской вице-губернатор 2 мая 1872 года за № 2998 сообщил об этом мировому посреднику и присовокупил, что «причитающуюся крестьянам под выкупаемую землю в количестве 1182 десятин выкупную ссуду 23640 рублей разре-

шило сроком с 1 мая 1872 года». Но в этом же отношении вице-губернатор запрашивает мирового посредника Моллера: «не заложено ли выкупаемое имение в каком-либо кредитном установлении». В ответ на этот запрос дворянская опека 26 мая 1872 года за № 183 сообщила мировому посреднику, что «имение Герцена не состояло в залоге ни в каком кредитном установлении и на оном не числилось никаких частных долгов». Какая еще переписка была между Чухломскими и Костромскими властями по вопросу о выкупе крестьянами имения Герцена своих наделов, установить не удалось ввиду того, что это выкупное дело сохранилось не полностью: отсутствует переписка за 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 годы. О том, что за эти годы переписка была, свидетельствуют отношения мирового посредника и губернатора, имеющиеся в количестве 1—2 документов за годы 1873 и 1878, а переписки за указанные годы нет. Может быть, в этот период времени возникли другие вопросы, которые Чухломские власти разрешали так же долго, развивали такую же волокиту, как и в отношении предоставления в пользование крестьян имения Герцена полагающихся им по закону 19 февраля 1861 года душевых наделов.

7. Бытовые материалы

Из материалов бытового характера, рисующих жизнь крестьян в имении А. И. Герцена, имеется очень небольшое количество документов. На основании этих документов нельзя с исчерпывающей полнотой обрисовать жизнь крепостных крестьян в имении А. И. Герцена. Остановимся на прошениях девушек Татьяны Николаевой, Марии Гавриловой и Прасковьи Васильевой, а также на заявлениях Василия Арсентьева.

Во время существования крепостного права в России помещик являлся полным хозяином всех своих крепостных и дворовых людей. Он мог крестьянина продать, купить, подарить, обменять на гончую собаку или на лошадь, мог сослать в Сибирь в ссылку, на поселение, на каменные работы, отпустить с паспортом на отхожие промыслы и, наконец, мог своего крепостного крестьянина или крестьянку отпустить на волю, что бывало редко. Помещик распоряжался личной жизнью своего крепостного. Женит ли крестьянин своих сыновей или выдавал замуж своих дочерей — надо было сначала сходить к помещику и спросить его разрешения: разрешит или нет помещик женить Ивана на Марье или скажет вместо Марьи бери Акулину, но не ту, которая нравится жениху. Помещик на каждый брак выдавал разрешение за своею подписью и с приложением своего герба. В тех усадьбах, где помещик был в отлучке, такое разрешение выдавал управляющий его имением, а если имение было в опеке благодаря несовершеннолетию детей помещиков, то такое разрешение выдавалось опекуном имения. В имении А. И. Герцена, находившемся в опекуновском управлении опекуна подполковника Перфильева Василия Степановича, на выдачу разрешения на брак Николаевой, Гавриловой и Васильевой понадобилось разрешение Костромской Гражданской палаты, куда прошения, поданные девушками на имя Николая I, и направила Чухломская дворянская опека. Костромская гражданская Палата разрешила этим просительницам вступить в брак.

Рассмотрим подробнее этот вопрос.

В октябре месяце 1853 г. крестьянская девка вотчины А. И. Герцена Чухломского уезда деревни Русино Татьяна Николаева на имя Николая I подает прошение, в котором сообщает следующее: «О происхождении

моем Чухломским земским судом произведено следствие, но по неоткрытии виновных в рождении, оставлена в вотчине Господина моего и быв отдана на воспитание крестьянину Николаю Екимову, который состоит мне отцом, ныне же достигнув я до совершенного возраста, но не имея в виду по нраву своему в вотчине господина моего жениха, желаю вступить в замужество за вольноотпущенного от г. Френево́й дворового человека Андрея Ивановича по изъявленному им на то согласию, но как помещик мой выбыв самовольно из пределов России за границу, имение же его поступило в ведомство Чухломской дворянской опеки для отдачи законным наследникам, по неявке их и до сих пор находится в заведывании опеки и кому оно должно принадлежать мне неизвестно. Я же без дозволения Начальства выдти в замужество за вольноотпущенного дворового человека Андрея Иванова не могу, почему осмеливаюсь просить и Всеподданнейше прошу, дабы повелено было сделать разрешение Чухломской дворянской опеке о снабжении меня свидетельством о беспрепятственном совершении брака с вышеозначенным дворовым человеком, на какой конец если будет следовать по закону, то вношу от себя деньги сколько будет назначено правительством и ныне ожидаю по просьбе моей законного удовлетворения».

Чухломская дворянская опека, получив прошение Татьяны Николаевой, направила его в Костромскую гражданскую палату при своем рапорте за № 197. Костромская Губернская палата, заслушав 22 ноября 1853 года за № 12542 рапорт опеки, нашла, что «В доставленном же против сего прошения Чухломскою дворянскою опекою объяснительном рапорте опеки по ходатайству девки Николаевой о вступлении ее в брак с помянутым человеком Ивановым не сделано с своей стороны никакого заключения, а потому в разрешении настоящего прошения Чухломской дворянской опеке с приложением копии оного предписать указом чтобы она к удовлетворению просимости девки Николаевой постановила свое заключение и просительнице объявила о настоящем распоряжении палаты по жительству девки Николаевой Чухломского уезда в деревне Русине, объявить ей через Чухломский земский суд, которому взыскать с Николаевой за употребленную бумагу один рубль двадцать копеек серебром и отослать их в казну».

Получив указ Костромской гражданской палаты, письмоводитель Макаров в своем докладе доложил присутствию Чухломской дворянской опеки о решении палаты.

11 февраля 1854 г. Чухломская дворянская опека, согласно предписанию Губернской палаты, дала следующее заключение: «1. Девка Николаева состоит в вотчине приемышем. 2. Имение взято в опеку и 3. В случае неявки наследников имение должно быть признано выморочным и поступить в казну, а потому дворянская опека с своей стороны не имеет никаких препятствий к совершению брака просительницы девки Николаевой с человеком Ивановым, тем более что она имеет от роду 18 лет и не имея в вотчине в виду себе жениха через отказ в ее просьбе может испортиться в нравственности и впасть в разврат, что послужит дурным примером для протчих полагает с изъяснением сего заключения представить на зависящее распоряжение Костромской гражданской палаты и просить о последующем указном предписании».

Костромская гражданская палата 12 марта 1854 года слушала рапорт Чухломской дворянской опеки и в своем указе, повторив все вышеописанное (см. приложение), вынесла следующее решение: «Гражданская палата признавая описанные опекою обстоятельства заслуживающие уважения

с своей стороны не находит препятствия ко вступлению девки Николаевой в брак с вольноотпущенным от г. Френевои дворовым человеком Андреем Ивановым, а потому и полагает дать знать о сем Дворянской опеке указом с тем, чтобы истребовала от девки Николаевой за выкуп ея из вотчины следующие по табели деньги».

12 августа 1855 года опекун имения А. И. Герцена подполковник Перфильев своим рапортом доносил Чухломской дворянской опеке о том, что: «В находящемся в управлении моем имении надворного советника ныне лишенного всех прав состояния Александра Ивановича Герцена деревни Лепихина вдовы Анны Ивановой дочь ее девка Мария Гаврилова, имея от роду 19 лет, не имея в своей вотчине по мысли себе жениха, просит позволения вытти замуж в другую вотчину не своего имения Кологривского уезда наследников малолетних детей Зубовых деревни Трифонова за крестьянского сына Александра Степанова со взносом в свою вотчину денег за себя сколько назначит правительство, о чем имею честь представить оной на благорассмотрение, о разрешении на просьбу вышеозначенной девки и впоследствии покорнейше прошу не оставить снабдить меня своим указом. Опекун подполковник Василий Степанович Перфильев».

Чухломская дворянская опека, рассмотрев рапорт опекуна Перфильева, предложила ему «объявить девке Гавриловой войти в опеку о выпуске ее из вотчины формальным прошением с объявлением побудивших к тому причин».

Исполняя это указание, крестьянская девка деревни Лепихино Марья Гаврилова подает свое прошение на имя Александра II, в котором пишет:

«Имение помещика моего г. Герцена находится в опекуном управлении в ведении Чухломской дворянской опеки по случаю искания к оному наследников. Я же имею намерение выйти в замужество в постороннюю вотчину со взносом за себя следующего количества денег, обращалась с сею просьбою к опекуну подполковнику Перфильеву, который объявил мне постановление Чухломской дворянской опеки, чтоб я о сем просила формальным прошением, в согласном чего Всеподданнейше прошу дабы повелено было об увольнении меня из вотчины г. Герцена за взносом мной следующего по назначению количества денег для выхода в замужество в другую вотчину сделать зависящее распоряжение, и в случае увольнения меня для беспрепятственного совершения брака выдагь с определения своего засвидетельствованную копию».

Чухломская дворянская опека рассмотрела прошение Марьи Гавриловой о разрешении вступить в брак в другую вотчину и вынесла следующее решение по этому вопросу:

«Девку Гаврилову для выхода в замужество в другую по ее желанию вотчину из имения г. Герцена уволить с тем, чтобы она внесла за себя в вотчину следующие по табели деньги, доставив их опекуну. На приведение сего постановления в исполнение представить предварительно Костромской гражданской палате присовокупя, что опека выкупа девки Гавриловой за взносом ею за себя следующего количества денег считает для имения выгодным тем более что в этом имении совершеннолетних крестьянских девок много и сверх того в имение г. Герцена поступают в значительном количестве в замужество девки из других вотчин и из вольных и без всякой за поступление в вотчину платы».

Это заключение Чухломской дворянской опеки от 2 сентября 1855 года Костромская гражданская палата рассмотрела 21 декабря 1855 года и в своем указе определила: «дать знать Чухломской дворянской опе-

ке указом, что палата по настоящему представлению никакого распоряжения сделать не может».

В деле имеется справка за подписью письмоводителя опеки Шигорина, в конце которой указывается: «опека, не изменяя своего определения, полагает состоявшееся по прошению Гавриловой определение привести в исполнение, о чем ей объявить через опекуна с тем, чтобы явилась в сию опеку для получения просимой ей копии с постановления и представила в то же время следуемые за выпуск ее из вотчины деньги пятьдесят рублей серебром». Полученные выводные деньги с Марьи Гавриловой записаны в отчет опекуна за 1855 г. При ревизии отчета Костромской гражданской палатою «по оному замечаний никаких не сделано». И далее письмоводитель Шигорин указывает, что «опека принимая во внимание постановление свое, состоявшееся 11 февраля 1854 года утвержденное Костромской гражданской палатою и сведения помещенные в отчете за 1855 год о выпуске в замужество в постороннюю вотчину другой девки со взносом за себя 50 рублей, оставленное без замечаний не нашло препятствий уволить в 1858 году еще одну девку со взносом за себя 50 рублей тем более, что из имения наследники не являются с 1852 года и оно по неявке их должно поступить в казну. Сверх сего совершеннолетние девки, не имея в своей вотчине ввиду женихов через неувольнение их в замужество могут испортиться в нравственности и впасть в разврат, что может послужить дурным примером для других, не принося имению никакой пользы кроме вреда, тогда как гораздо выгоднее для имения и владельцев, таковых увольнять с обязательством взноса за себя следующих по табели денег».

Третьей девкой, которая была отпущена в замужество в постороннюю вотчину по разрешению только Чухломской дворянской опеки в 1858 году, является Прасковья Васильева, которая просила опекуна о дозволении ей выйти замуж в другую вотчину. Опекун своим рапортом от 19 января 1859 года писал в Чухломскую дворянскую опеку:

«Крестьянская девка вотчины г. Герцена деревни Русина Парасковья Васильева, имеющая от роду 20 лет просит дозволения выйти в замужество в вотчину графа Мамонова со взносом за себя пятидесяти рублей серебром. Представляя о сем дворянской опеке покорнейше прошу в решение предписания».

Чухломская дворянская опека, получив рапорт опекуна Перфильева, вынесла следующее постановление:

«1859 года января 19 дня по выслушании рапорта приказали: рапорт приобщить к делу, а опекуну Перфильеву дать знать, что на выпуск из имения г. Герцена девки Васильевой дворянская опека препятствий не имеет с тем чтобы полученные с нее выводные деньги 50 рублей были отосланы для приращения процентами в кредитное место».

Ввиду этого Костромская гражданская палата своим указом от 27 мая 1859 года за № 5523 приказала: «Хотя дворянская опека доносит, что выпуск из имения Герцена девки в постороннюю вотчину был основан на указе палаты от 12 марта 1855 года, но принимала ли опека в соображение указ палаты от 14 августа прошлого 1858 года за № 9813 из рапорта ее не видно, то потребовать по сему случаю объяснения от оной опеки».

Чухломская дворянская опека в качестве объяснения указала в своем рапорте от 26 июня 1859 года за № 195, что «Опека хотя и имела ввиду означенный указ, но как выведенный в оном закон лишь до имений состоящих в опеке по малолетству, имение же г. Герцена состоит в опеке за неявкой наследников, почему опека и полагала, что при увольнении из

имения г. Герцена в замужество девки в постороннюю вотчину со взносом за себя денег исполнять порядка законов граждан. по VI предлож. издания 1842 года не следовало».

В Ответ на это исполнение Костромская гражданская палата от 9 сентября 1859 года за № 9160 указала Чухломской дворянской опеке, что «увольнение из имения г. Герцена в замужество девки в постороннюю вотчину, хотя и со взносом денег, но без особого на то разрешения и вообще без соблюдения правил, указанных в 280 ст. I ч. X т. Св. Зак. Гражд. (изд. 1857 г.) оставить на ответственности опекуна и дворянской опеки, если при сдаче имения по описи и книгам возникнут жалобы. На будущее время подтвердить опеке быть внимательнее к своим обязанностям». На этом и закончилась переписка Чухломской дворянской опеки с Костромской гражданской палатой по вопросу об увольнении в замужество крестьянских девок Татьяны Николаевой, Марии Гавриловой, Праксковии Васильевой из имения А. И. Герцена в другие посторонние вотчины.

8. О сдаче в рекруты

Опекун имения А. И. Герцена отставной подполковник В. С. Перфильев 8 апреля 1853 года своим рапортом доложил Чухломской дворянской опеке о том, что:

«В имении г. Александра Ивановича Герцена, находящемся в моем управлении Чухломского уезда деревни Мартюгина крестьянин Василий Арсентьев третий год не платит оброку и даже казенных податей, которые платит за него вотчина, дурного поведения, ленив и занимается пьянством, так что никто не хочет нанимать его в работники, а посему покорнейше прошу опеку дозволить вышеупомянутого Арсентьева отдать в зачет будущих наборов в рекруты как не приносящего вотчине и своему семейству никакой пользы и не подающего надежды к его исправлению». Чухломская дворянская опека, заслушав рапорт опекуна, предписала Чухломскому земскому суду произвести «повальный обыск» о поведении крестьянина Арсентьева чрез спрос одновотчинных и соседственных вотчин крестьян на законном основании и по исполнении представить в опеку. Земский исправник Мамаев рапортом своим от 7 мая 1853 г. за № 1998 представил «повальный обыск о поведении крестьянина г. Герцена деревни Мартюгина Василия Арсентьева». В деле не имеется самого текста повального обыска, по которому можно было бы судить о характеристике поведения Арсентьева, которую дали ему крестьяне имения Герцена и соседних имений, и который был представлен Костромской гражданской палате. Но в своем докладе письмоводитель опеки Макаров докладывал присутствию Чухломской дворянской опеки следующее:

«Опекун имения г. Герцена подполковник Перфильев 8 апреля сего года рапортом донес, что крестьянин деревни Мартюгина Василий Арсентьев третий год не платит оброку и даже государственных повинностей, которые платит за него вотчина, дурного поведения, ленив и занимается пьянством, так что никто не хочет нанимать его в работники, почему и просил опеку дозволить означенного Арсентьева отдать в рекруты в зачет будущих наборов как неприносящего вотчине и своему семейству никакой пользы и не подающего надежды к его исправлению вследствие какового рапорта опекуна о произведении повального обыска о поведении крестьянина Арсентьева было предписано Чухломскому земскому суду, который оным судом при рапорте 11 мая доставлен и из оного видно: опро-

шенные под присягою разных вотчин крестьяне числом 22 человека показали, что Арсентьев поведения дурного».

Чухломская дворянская опека 20 мая 1853 года рассмотрела доклад письмоводителя Макарова и вынесла решение, в котором указала:

«Доклад приобщить к делу, а с изъяснением оного и с приложением подлинного повального обыска о поведении крестьянина Арсентьева представить Костромской гражданской палате и покорнейше просить предписания об отдаче крестьянина г. Герцена Василия Арсентьева по дурному поведению в рекруты в зачет будущих наборов. Пополнив, что опека со своей стороны на отдачу крестьянина Арсентьева за имение г. Герцена препятствий не находит».

Костромская гражданская палата указом своим от 7 июня 1853 года за № 6781 приказала:

«Как из представленного дворянского опекою повального обыска видно, что опрошенные под присягою разных вотчин крестьяне числом 22 человека показали, что крестьянин г. Герцена деревни Мартюгино Василий Арсентьев поведения дурного то Чухломской дворянской опеке в разрешение настоящего представления ей дать знать указом, что Гражданская Палата на отдачу означенного крестьянина Арсентьева в зачет будущих наборов в рекруты препятствия с своей стороны не имеет. Дворянский заседатель Сухонин. Купеческий заседатель В. Логинов, секретарь П. Годнев, Столоначальник Баскаков».

О полученном разрешении со стороны Костромской гражданской палаты Чухломская опека сообщила опекуну имения Перфильеву.

28 августа 1853 г. за № 3950 исправник Чухломского земского суда Мамаев сообщает дворянской опеке о том, что «с имений г. г. Надворного советника Александра Ивановича Герцена и генерал-майорши Марии Федоровны Ласкиной по нынешнему набору следует с первого два, а последней один рекрут», о своевременной поставке коих и просит сделать распоряжение.

Присутствию Чухломской дворянской опеки письмоводитель Макаров в своем докладе от 1 сентября 1853 года доложил, что «в 10 частный очередной набор с имений, находящихся в ведомстве опеки следует поставить рекрутов, а именно: Дмитрия Ивановича Бартенева — 2, малолетних Бартеневых — 1, Герцена — 2, Ласкиной — 1, Тихменевой — 1, князя Шелешаанского — 2». Присутствие дворянской опеки, заслушав доклад Макарова, определило: «г. г. опекунам означенных имений дав о сем знать строжайше предписать озаботиться заблаговременно приготовлением годных людей к поставке и в подставные и сдать оных в имеющемся быть Чухломского рекрутского присутствия при самом начале набора, т. е. в первых числах будущего ноября месяца и никак не позднее 7 числа и по сдаче опеке рапортовать. Помощник письмоводителя Шигорин». Так вотчина Герцена избавилась от неприносящего пользы как имению, так и своей семье крестьянина деревни Мартюгина Василия Арсентьева.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1-ое. После подписи А. И. Герцена на доверенности, выданной Ивану Яковлевичу Шульцеву, имеется следующего содержания заверительная надпись:

«1844 года декабря 28 дня 1-й Московской гражданской палаты на основании т. X Зак. Гр. Изд. 1842 г. ст. 1998 свидетельствует, что сие

верующее письмо подписано подлинно рукою надворного советника Александра Иванова Герцена и дано деревни Лепихиной крестьянину Ивану Яковлевичу Шульцеву.

Товарищ председателя» (подпись неразборчива).

Ниже этого следует надпись:

«У сей отписи печать палаты».

«В должности надсмотрщика» (подпись неразборчива).

«Сня доверенность принадлежит Костромской губернии Чухломского уезда деревни Лепихиной крестьянину моему Ивану Яковлевичу Шульцеву». Эта надпись сделана той же рукой и чернилами, которой подписав текст самой доверенности.

«18 ноября 1853 года.

Указ его императорского величества самодержца всероссийского, из костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке. По Указу его императорского величества гражданская палата слушав прошение крестьянской девки вотчины г. Герцена деревни Русино Татьяны Николаевой о разрешении ей вступить в законный брак с вольноотпущенным дворовым человеком Андреем Ивановым приказали: прошение сие послать в Чухломскую дворянскую опеку с тем, чтобы напротив изложенных в оном обстоятельстве доставила палате надлежащее объяснение с возвращением и самого прошения, которое при сем и посылается. Ноября 11 дня 1853 г. Дворянский заседатель Сухонин, купеческий заседатель В. Логинов, секретарь Иванов, столоначальник Баскаков. Приказали: Указ с приложением приобщить к делу и рассмотрев доложить. Верно письмоводитель Макаров и сбоку поставлен № 10988».

К о п и я.

С почты 26 октября 1853 года.

№ 4860

954

Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Павлович самодержец всероссийский, государь всемиловитивейший.

Просит крестьянская девка вотчины г. Александра Ивановича Герцена Чухломского уезда деревни Русина Татьяна Николаева, а в чем мое прошение тому следуют пункты.

О происхождении моем Чухломским земским судом было произведено следствие, но по не открытию виновных в рождении оставлена я в вотчине Господина моего и быв отдана на воспитание крестьянину Николаю Екимову, который состоит мне отцом крестным, ныне же достигнув я совершенного возраста, но не имея в виду по нраву своему в вотчине господина моего жениха, желаю вступить в замужество за вольноотпущенного эт г. Френевого дворового человека Андрея Иванова по изъявленному им на то согласию, но как помещик мой выбыв самовольно из пределов России за границу, имение же его поступило в ведомство Чухломской дворянской опеки для отдачи законным наследникам, но по неявке их и до сих пор находится в заведывании опеки и кому оно должно принадлежать мне неизвестно, я же без дозволения начальства выйти в замужество за вольноотпущенного дворового человека Андрея Иванова не могу, почему осме-

ливаюсь просить и Всеподданнейше прошу дабы повелено было сделать разрешение Чухломской дворянской опеке о снабжении меня свидетельством о беспрепятственном совершении брака с вышеозначенным дворовым человеком, на каковой конец если будет следовать по закону, то вношу от себя деньги сколько будет назначено правительством и тем ожидаю по просьбе моей законного удовлетворения. Октября дня 1853 года. К поданию надлежит в Костромскую палату гражданского суда, прошение сие со слов просительницы в черне сочинял и набепо переписывал из дворян коллежский регистратор Александр Петров сын Топорев. К прошению крестьянская девка вотчины г. Герцен Татьяна Николаева, а вместо ея за неумением грамоте по личной просьбе государственный крестьянин деревни Санцылова Константин Степанов руку приложил. Жительство просительница имеет Чухломского уезда в деревне Русине.

20 ноября 1853 года.

ПРИСУТСТВИЮ ЧУХЛОМСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ.

Письмоводителя *Макарова*.

Д о к л а д

Костромская гражданская палата при указе от 11-го сего ноября прислала в сию опеку прошение крестьянской девки г. Герцена Татьяны Николаевой для доставления против одного объяснения, в прошении своем девка Николаева объясняя что по неоткрытию виновных в рождении ея оставлена она в вотчине г. Герцен и отдана на воспитание крестьянину Николаю Екимову и ныне достигнув совершеннолетия и не имея в виду по нраву себе в вотчине г. Герцен жениха, желает вступить в замужество за вольноотпущенного от г. Френевой дворового человека Андрея Иванова, а как имение г. Герцен находится в отсутствии управления почему просит разрешения о совершении ея брака и если будет следовать по закону то вносит от себя деньги сколько правительством будет назначено. По справке оказалось: Чухломский земский суд рапортом 28 апреля 1852 года сей опеке донес, что Костромское губернское правление указом от 15 декабря 1851 года за № 31637 предписало оному суду что если окажется имение принадлежащее лишенному всех прав состояния за неявку по вызову правительства из-за границы надворному советнику Герцен, то на основании Высочайше утвержденного 11 мая 1851 года мнения Государственного Совета отдать оное законным наследникам, а как наследников к имению г. Герцен в виду суда нет, то Земский суд просил сделать распоряжение о взятии оного в ведомство опеки, каковое 1 мая того года и сделано. Из составленных временным отделением Чухломского земского суда описей имению г. Герцен девка Татьяна Николаева значится приемышем в семействе крестьянина Николая Екимова вотчинный бурмистр в отобранном от него допросе показал, что кто состоит наследниками к имению г. Герцен и где имеют жительство ему не известно и из доставленной Чухломским земским судом справки видно, что в оном производится дело об отдаче имения оставшегося после надворного советника Александра Ивановича Герцена законным наследникам, по которому о вызове их а равно кредиторов и должников чрез публики оным судом сделано распоряжение о чем и публики последовали в С. Петербургских сенатских объявлениях 14, 18 и 21 чисел августа прошлого 1852 года в № 65, 66 и 67 но никого по оным в Уездный суд не

явилось в положенный 1025 ст. X т. законов гражд. срок уже истек, но как из донесения Чухломского суда видно, что наследников кроме детей г. Герцен по имени неизвестных и проживающих за границей, известных в здешнем уезде нет, почему о вызове их чрез заграничные ведомости оным судом также сделано распоряжение о чем и публики последовали в С. Петербургских сенатских объявлениях сего 1853 года числом 16, 20 и 23 июля в № 57, 58 и 59, но никого и по этим публикам в оный суд не явилось, о чем присутствию дворянской опеки доложить честь имею. Ноября 26 дня 1853 года.

Письмоводитель *Макаров*.

Того же числа определено: доклад приобщить к делу, а с изъяснением его и с возвращением подлинного прошения девки Татьяны Николаевой при оставлении при деле копии в объяснение донести Костромской гражданской палате.

Подлинный за подписом и скрепою верно: помощник письмоводителя В. Шигорин.

Донесено 27 ноября за № 147.

№ 19 11 января 1854 г. № 12542.

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке по указу его императорского величества гражданская палата слушав рапорт оной опеки от 27 ноября 1853 года за № 197, доставленный в объяснение против прошения крестьянской девки г. Герцен Татьяны Николаевой относительно вступления ея в законный брак с вольноотпущенным от г. Френевои дворовым человеком Андреем Ивановым приказали: крестьянская девка вотчины г. Герцен Татьяна Николаева присланным в гражданскую палату 26 ноября сего 1853 года прошением просила разрешить ей через Чухломскую дворянскую опеку вступление в законный брак с вольноотпущенным от г. Френевои дворовым человеком Андреем Ивановым так как в вотчине помещика ея она не имеет в виду себе жениха. В доставленном же против сего прошения Чухломскою дворянскою опекою объяснительном рапорте опека по ходатайству девки Николаевой о вступлении в брак с помянутым человеком Ивановым не сделала с своей стороны никакого заключения, а потому в разрешение настоящего прошения Чухломской дворянской опеке с приложением копии с оного предписать указом чтоб, она к удовлетворению просимости девки Николаевой постановила свое заключение и просительнице объявила о настоящем распоряжении палаты по жительству девки Николаевой Чухломского уезда в деревне Русине объявить ей чрез Чухломский земский суд, которому о сем послать указ с тем, чтобы взыскать с Николаевой за употребленную по сему делу для подписания сего постановления и следующую на исполнение по оному вместо гербовой простую — четыре листа — бумагу гербовые пошлины один рубль двадцать копеек серебром и отослать их в казну по исполнении чего с приложением подписки Николаевой палате рапортовать о наблюдении за взысканием пошлины уведомить Костромскую казенную палату. Декабря 22 дня 1853 года. Дворянский заседатель Сухонин, купеческий заседатель (подпись не разобрана). За секретаря Баскаков, за столоначальника Ив. Назарутский. С приложением копии с прошения девки Николаевой.

Приказали указ с приложением приобщить к делу и рассмотрев доложить. Верно.

Помощник письмоводителя *Шигорин*.

11 февраля 1854 года.

ПРИСУТСТВИЮ ЧУХЛОМСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ

Письмоводителя *Макарова*

Д о к л а д

Костромская гражданская палата при указе от 22 декабря прошлого 1853 года препроводила в сию опеку копию с прошения поданного в оную крестьянскою девкою вотчины г. Герцен Татьяной Николаевой и в указе своем изъясняя, что означенная девка Николаева просит палату разрешить ей чрез сию опеку вступление в законный брак с вольноотпущенным г. Френевою дворовым человеком Андреем Ивановым так как в вотчине г. Герцен она не имеет в виду себе жениха в доставленном же против сего опекою по ходатайству девки Николаевой о вступлении в брак с помянутым человеком Ивановым не сделала с своей стороны никакого заключения, а потому в разрешение настоящего прошения предписала сей опеке к удовлетворению просимости девки Николаевой постановить свое заключение и объявить просительнице. По справке оказалось: Имение г. Герцен поступило в ведомство сей опеки 1 мая 1852 года и ныне состоит за невякою и не имевшем в виду законных наследников о вызове которых Чухломским уездным судом по производящемуся в оном делу о имении г. Герцен производятся публики чрез припечатание в столичных и заграничных ведомостях по первым положенный законом срок уже истек, последние же последовали прошлого 1853 года июля 16, 20 и 23 числа в № 57, 58 и 59 но по публикам никто к получению имения в суд не является просительница девка Татьяна Николаева по описи значится приемышем в семействе крестьянина Николая Екимова и в прошении своем поданном в палату присовокупила что если будет следовать за увольнение в замужество готова внести деньги сколько будет назначено правительством, о чем присутствию дворянской опеки доложить имею честь. Февраля 11 дня 1854 года. Письмоводитель *Макаров*.

Того же числа определено: Доклад приобщить к делу и как указом палаты предписано сей опеке сделать заключение к удовлетворению просительницы девки Николаевой о вступлении ея в брак соображая это ходатайство с изъясненными в докладе обстоятельствами дворянская опека находит: 1. Девка Николаева состоит в вотчине г. Герцен приемышем. 2. Имение взято в опеку по случаю лишения всех прав состояния владельца имения надворного советника Герцен за невяку по вызову правительства из-за границы, наследников к имению в виду нет и по вызову чрез публики по империи таковых не явилось. 3. Принимая во внимание, что в случае невяки наследников по вызову чрез заграничные ведомости все имение на основании 979 ст. X тома Зак. гражд. должно быть признано выморочным и на основании 981 статьи поступить в казну, а потому дворянская опека с своей стороны не имеет никаких препятствий к совершению брака просительницы девки Николаевой с человеком Ивановым тем более, что она имеет отроду 18 лет и не имея в вотчине в виду себе жениха чрез отказ в ея просьбе может испортиться в нравственности и впасть в разврат, что послужит дурным примером для прочих, полагает с изъяснением сего заключения представить на зависящее распоряжение Костромской гражданской палате и просить о последующем указном предписании. Подлинный за подписом и скрепою верно. Помощник письмоводителя Шигорин. Палате представлено 13 февраля за № 33.

№ 61, 15 марта 1854 года.

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке. По указу его императорского величества, гражданская палата, слушав рапорт оной опеки от 13 февраля 1854 года за № 33 коим испрашивает разрешения на вступление в брак крестьянской девке вотчины г. Герцен Татьяны Николаевой с вольноотпущенным от г. Френевои дворовым человеком Андреем Ивановым приказали: Как дворянская опека настоящим рапортом доносит палате, что ко вступлению в брак крестьянской девке вотчины г. Герцен Татьяне Николаевой с вольноотпущенным дворовым человеком Андреем Ивановым по случаю неимения в вотчине жениха, опека не имеет с своей стороны никаких препятствий, тем более что девка Николаева состоит в вотчине г. Герцен приемышем, имение взято в опеку по случаю лишения всех прав состояния владельца имения надворного советника Герцен, на неявку по вызову правительства из-за границы, наследника к именову в виду нет и по вызову чрез публики по империи таковых не явилось; сверх того в случае неявки наследников по вызову чрез заграничные ведомости и все имение должно быть признано выморочным и поступить в казну; девка же Николаева, имея от роду 18 лет не имея в вотчине себе в виду жениха, гражданская палата признавая описанные опекою обстоятельства заслуживающими уважения, и с своей стороны не находит препятствий ко вступлению в брак девке Николаевой с вольноотпущенным от г. Френевои дворовым человеком Андреем Ивановым, а потому и полагает дать знать о сем дворянской опеке указом о том, чтоб истребовала от девки Николаевой за выкуп ея из вотчины следующие по табели деньги. Марта 12 дня 1854 года. Дворянский заседатель Сухонин, купеческий заседатель Солодовников, за секретаря Баскаков, за столначальника Ив. Казарский. На первой странице сбоку написано «Доложить» № 2627, внизу «№ 66», а на четвертой странице «Приказали»: Указ приобщить к делу, а с изъяснением его к опекуну дать знать. Предписать чтоб по объявке девке Николаевой взыскал с нее следующие за выкуп из вотчины деньги применяясь к 1079 ст. 9 т. Зак. гражд. суд 1842 г. 50 р. и отослал для приращения процентами в кредитное место, а сей опеке с приложением билета рапортовал подлинный за подписом и скрепою верно. За письмоводителя *Шигорин* и подписано марта 31 за № 134.

№ 151 12 августа 1855 года.

В ЧУХЛОМСКУЮ ДВОРЯНСКУЮ ОПЕКУ.

Опекуна подполковника Василия Степановича Перфильева рапорт. Из находящегося в управлении моем имения надворного советника лишено всех прав состояния Александра Ивановича Герцена деревни Лепихина вдовы Анны Ивановой дочь ея девка Марья Гаврилова имея от роду 19-ть лет не имея в своей вотчине по мысли себе жениха просит позволения выдти замуж в другую вотчину не своего имения Кологривского уезда наследников малолетних детей Зубовых деревни Трофимова за крестьянского сына Александра Степанова со взносом в свою вотчину денег за себя сколько назначит правительство, о чем имею честь представить оной опеке на благорассмотрение. О разрешении на просьбу вышеозначенной девки и в последствии покорно прошу не оставить снабдить меня своим указом. Опекун подполковник *Василий Перфильев*. № 5 12 августа 1855 года.

Приказали: Рапорт приобщить к делу, опекуну подполковнику Перфильеву предписать, чтоб объявил девке Гавриловой войти в опеку о выпуске

ея из вотчины формальным прошением с объяснением побудивших к тому причин. Подлинный за подписом и скрепою верно. Помощник письмоводителя Шигорин. Предложено 18 августа за № 319.

№ 160 31 августа 1855 года.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Николаевич самодержец всероссийский, государь всемилостивейший. Просит крестьянская девка вотчины господина Герцен деревни Лепихина Марья Гаврилова о нижеследующем: 1. Имение помещика моего г. Герцен находясь в опекуном управлении в вотчине Чухломской дворянской опеки по случаю неимения к оному наследников. Я же имею намерение выйти в замужество в постороннюю вотчину со взносом за себя следующего количества денег, обращаюсь с сею просьбою к г. опекуну подполковнику Перфильеву, который объявил мне постановление Чухломской дворянской опеки чтоб я о сем просила формальным прошением в согласном чего всеподданнейше прошу дабы повелено было об увольнении меня из вотчины г. Герцен за взносом мной следующего по назначению количества денег для выхода в замужество в другую вотчину сделать зависящее распоряжение и в случае увольнения меня для беспрепятственного совершения брака выдать с определения своего засвидетельствованную копию. Августа дня 1855 года к поданию подлежит в Чухломскую дворянскую опеку. Прощение сие со слов просительницы сочинил и набело писал губернский секретарь Иван Макаров. Прошению вместо девки Марьи Гавриловой по неграмотству ея и личной просьбе одновотчинный деревенский крестьянин Ефим Романов руку приложил. Жительство просительница имеет Чухломского уезда в деревне Лепихине.

По справке оказалось: имение г. Герцен находится в ведомстве опеки по случаю неимения к оному наследников о вызове коих чрез припечатание в ведомостях обеих столиц и заграничных производилось в Чухломском уездном суде дело решение коего состоявшемся в августе сего года заключено как наследников к означенному имению в исполнимый 1025 и 1029 ст. X-т зак. гражд. сроки в суде не явились, а потому на основании 6 прод. к тому X 981 ст. имеет в ведомстве опеки впредь до явки наследников приказали: прошение приобщить к делу, а как из справки видно, что к имению г. Герцен в виду наследников нет и по публикам таковые не явились, то дворянская опека не находя никаких препятствий к выпуску в замужество из имения г. Герцен девки Гавриловой в другую вотчину по ея желанию и применяясь к указу Костромской гражданской палаты от 12 марта 1854 года за № 2670 последовавшему по подобному предмету полагать девку Гаврилову для выхода в замужество, в другую по ея желанию вотчину из имения г. Герцен уволить с тем чтобы она внесла за себя в вотчину следующие по табелю деньги доставив их опекуну для отсылки с прочими доходами в местный приказ для приращения процентов на приведение сего постановления в исполнение представить предварительно Костромской гражданской палате присовокупя, что опека выпуск девки Гавриловой за взносом ею за себя следующего количества денег считает для имения выгодным, тем более что в этом имении совершеннолетних крестьянских девок много и сверх того в имение г. Герцен поступают в значительном количестве в замужество девки из других вотчин и из вольных без всякой за поступление их в вотчину платы. Подлинный за подписом и скрепою верно. Помощник письмоводителя Шигорин. Представлено 2 сентября за № 126.

№ 8. 2 января 1856 г. Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке. По указу его императорского величества гражданская палата слушав отношение Костромской палаты государственных имуществ от 22 ноября сего года за № 20031 коим уведомляет, что по имени г. Герцен как не поступившему окончательно в ведомство государственных имуществ палата считает себя не вправе входить в какие либо распоряжения приказами Чухломская дворянская опека вследствие ходатайства крестьянской девки из имения г. Герцен деревни Лепихина Марьи Гавриловой испрашивает от палаты разрешения на выпуск ея Гаврилову в замужество в постороннюю вотчину со взносом за себя следующего количества денег, и при-сокупляет, что выпуск девки Гавриловой на этом условии она находит для имения выгодным тем более, что в нем совершеннолетних девок много и сверх того в имение г. Герцен поступают в замужество девки из других вотчин и из вольных без всякой заступление их в вотчину платы. Но как имение Герцен поступило в ведомство опеки по случаю неявки к оному в законный срок наследников и современем оно может поступить в казну по поводу чего палата сия сообщила в Костромскую палату государственных имуществ и просила ея уведомление не имеет ли с своей стороны препятствий на выпуск из имения г. Герцен девки Гавриловой в замужество в постороннюю вотчину, на что палата государственных имуществ уведомляет ныне, что по имени Герцен как не поступившему в казну она считает себя не вправе входить в какие либо распоряжения. Вследствие какого отзыва палаты государственных имуществ, а также и потому что испрашиваемое опекою разрешение не относится к тем случаям в которых на основании 259, 264, 265 и 1100 ст. X т св. Зак. Граж. суд 1842 г. дворянские опеки обязаны входить в гражданские палаты с представлениями. Гражданская палата определяет: дать знать Чухломской дворянской опеке указом, что Палата по настоящему представлению никакого распоряжения сделать не может. Декабря 21 дня 1855 года. Дворянский заседатель Сухолин, купеческий заседатель Солодовников, Секретарь Баскаков. Исправляющий должность столоначальника *Малиновский*.

Сбоку на первой странице написано: «№ 13197», а внизу «№ 8».

Приказали: Указ приобщить к делу, а как из оного видно, что вследствие представления описи на счет увольнения девки Гавриловой из имения Герцена в замужество в другую вотчину гражданская палата спрашивала согласия Палаты государственных имуществ по поводу тому что имение Герцена состоит в опеке за неявкою наследников и со временем может поступить в казну, на что палата государственных имуществ уведомила такую с гражданского суда так что имение Герцена не поступило еще в ведомство палаты, а потому и настоящей вопрос до нея не относится равно и гражданская палата не взошла в суждение по сему предмету так как имение Герцена состоит в опеке не по малолетству, а за неявкою наследников и потому принимая во внимание что по прошению девки Марьи Гавриловой состоялось уже определение, которым заключено просительницу уволить со взносом ею за себя следующих по табели денег и выпуск ея на этом условии признан для имения выгодным и по подобному же предмету был разрешен и гражданской палатой, а потому на основании 263 ст. 2 т изд. 1842 г. опека не изменяя своего определения полагает состоявшееся по прошению Гавриловой определение привести в исполнение... Подлинный журнал за подписями и скрепою верно: помощник письмоводителя *Шигорин*. Предписано 9 января за № 6.

№ 25. 19 января 1859 года. В Чухломскую дворянскую опеку. Опеку-

на над имением г. Герцен подполковника Перфильева. Рапорт. Крестьянская девка вотчины г. Герцен деревни Русина Прасковья Васильева имеющая от роду 20 лет просит дозволения выдти в замужество в вотчину графа Мамонова со взносом за себя 50 рублей серебром. Представляя о сем Дворянской опеке покоршнейше прошу в разрешение предписания. Января 19 дня 1859 г. опекун подполковник *Василий Перфильев*. № 1.

1859 года января 19 дня по выслушании рапорта приказали: рапорт приобщить к делу, а опекуну Перфильеву дать знать, что на выпуск из имения г. Герцен девки Васильевой дворянская опека препятствий не имеет с тем, чтобы полученные с нее выводные деньги 50 рублей были отосланы для приращения процентами в кредитное место. Верно. Помощник письмоводителя *Шигорин*. Опекуну дать знать 20 января за № 19.

№ 133, 20 апреля 1859 года.

ПРИСУТСТВИЮ ЧУХЛОМСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ

Письмоводителя *Макарова*.

Д о к л а д:

Костромская гражданская палата указом от 1 апреля за № 3460 давая знать о ревизии 1858 г. отчета по имени г. Герцен заметила, что в приходе значит серебром 50 рублей за выпуск в замужество в постороннюю вотчину крестьянской девки, но не объяснено, было ли на то разрешение высшего правительства, так как этот выпуск производится с разрешения правительствующего сената, почему предписала доставить по этому объяснение. По справке с делом оказалось: Костромская гражданская палата при указе от 11 ноября 1853 года прислав в сию опеку прошение крестьянской девки г. Герцен Татьяны Николаевой которым ходатайствовала о дозволении ей выдти в замужество в постороннюю вотчину, предписала доставить против этого прошения объяснение с возвращением самого прошения, каковое и доставлено было в гражданскую палату 27 ноября за № 197 по этому объяснению опеки палата при указе от 22 декабря того же года препроводив копию с помянутого прошения предписала сей опеке к удовлетворению просимости девки Николаевой постановить свое заключение и объявить оное просительнице по этому предмету 11 февраля 1854 года со справкой докладывано как имение г. Герцен взято в опеку по случаю лишения всех прав состояния владельца имения надворного советника Герцен за неявку по вызову правительства из-за границы, наследников имения в виду нет и чрез публики по империи таковых не явилось, а за неявкой чрез заграничные ведомости и все имение должно быть признано выморочным и поступить в казну между прочим заключено просительнице девку Николаеву уволить в замужество в постороннюю вотчину за кого пожелает, не приводя этого заключения в исполнение. 13 февраля того же года за № 33 представила оное на одобрение Костромской гражданской палаты которая указом от 12 марта за № 2670 не находя препятствий привести в исполнение вышеописанное заключение опеки предписала истребовать от девки Николаевой за выпуск в замужество следующие по табели деньги, что опекою исполнено и деньги зысканные с просительнице опекуном показаны приходом по отчету за 1854 год. Имея в виду заключение свое насчет выпуска девки из имения г. Герцен в постороннюю вотчину утвержденным Костромской гражданской палатой сия опека в следующем 1855 году уволила из означенного имения в замуже-

ство в постороннюю вотчину другую девку и взысканные с нее деньги 50 рублей показаны приходом по отчету за 1855 год, который был также ревизован Костромской гражданской палатой, но оному замечаний никаких не сделано. О сем присутствию дворянской опеки доложить имею честь. Апреля 20 дня 1859 года. Письмоводитель *Макаров*.

1859 года апреля 20 дня приказали: доклад приобщить к делу, а с изъяснением оного донести Костромской гражданской палате, присовокупя, что опека принимая во внимание постановление свое состоявшееся 11 февраля 1854 года утвержденное Костромской гражданской палатой и сведение помещенное в отчетах за 1855 год о выпуске в замужество в постороннюю вотчину другой девки со взносом за себя 50 рублей оставленное без замечаний не нашла препятствий уволить в 1858 году еще одну девку со взносом за себя 50 рублей тем более что из имения наследники не являются с 1852 года и оно по неявке их должно поступить в казну и сверх сего совершеннолетние девки не имея в своей вотчине в виду женихов через неувольнение их в замужество могут испортиться в нравственности и впасть в разврат, что может послужить дурным примером для других не принося именной никакой пользы, кроме вреда, тогда как гораздо выгоднее для имения и владельцев таковых увольнять с обязательством взноса за себя следующих по табели денег. Подлинный журнал за подписом г. г. присутствующих и скрепою письмоводителя. С подлинным верно: помощник письмоводителя Шигорин. Гражданской палате донесено 24 апреля № 110.

№ 120 2 июля 1859 года. Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке. По указу его императорского величества гражданская палата слушав рапорт Чухломской дворянской опеки от 24 апреля за № 110 коим против замечаний палаты по ревизии отчетов за 1858 год именовию Герцен доносит, что выпуск в том году в замужество девки в постороннюю вотчину произведен на основании указа палаты, последовавшего по подобному случаю от 12 марта 1855 года за № 2670 по которому были выпущены две девки в 1854 и 1855 годах. По справке оказалось: Костромское губернское правление 16 июня 1858 года палату сию уведомило, что правительствующий сенат в разрешение вопроса можно ли из имений состоящих по какому либо случаю в опеке отпускать девок на волю заменяя их покупкою по выводным письмам другими из постороннего владения и кто должен выдавать отпускную нашел, что крестьянину помещицкого имения желающему жениться за неимением в имении помещика годных девок для замужества предоставляется для замужества отыскивать невесту из другого имения по выводному письму и что отпуск девок из имений находящихся в опеке за известную плату разумется не ниже суммы или цены определенной табелью по ходатайству опекунов совершается с разрешения дворянской опеки, гражданской палаты, начальника губернии и правительствующего сената порядком указанным в 264 ст. X-т Зак. гражд. по VII продолж. вследствие чего гражданская палата о содержании того отношения дала знать Чухломской дворянской опеке указом 14 августа того же года за № 9813 приказами: Хотя дворянская опека доносит, что выпуск из имения Герцен девки в постороннюю вотчину был основан на указе Палаты от 12 марта 1855 года, но принимала ли опека в соображение указ палаты от 14 августа прошлого 1858 года за № 9813 из рапорта ее не видно того требовать и послать указ мая — 7 дня 1859 года. Заседатель (подпись). Секретарь Баскаков. Исправлено сбоку на первой

странице поставлен № 5533. 1859 года июня 2 дня по выслушании приказами указ приобщить к делу и доложить, с подлинным верно помощник письмоводителя *Шигорин*. (Докладовано) 26 июня.

№ 95. 26 июня 1859 г. Присутствию Чухломской дворянской опеки Письмоводителя Макарова. Доклад. Костромская гражданская палата указом от 27 мая за № 5523 предписала сей опеке доставить объяснение по предмету увольнения в замужество из имения г. Герцен девки в постороннюю вотчину и принимала ли опека в руководство указ палаты от 14 августа 1858 года за № 9813 в котором изъяснен порядок увольнения девок из опекунских имений, но объяснение опекою еще не доставлено о чем на благорассмотрение доложить честь имею Июня дня 1859 года. Письмоводитель Макаров.

1859 года Июня 20 дня по выслушанию сего приказали доклад приобщить к делу, а как в указе Костромской гражданской палаты от 14 августа 1858 года № 9813 при увольнении из опекунских имений в замужество в посторонние вотчины девок предписало руководствоваться 264 ст. X тома Зак. Гражд. то Костромской гражданской палате в объяснение донесли что хотя опека и имела в виду означенный Указ, но как выведенный в оном закон 264 ст. X тоже относится лишь до имений состоящих в опеке по малолетству, имение же г. Герцен состоит в опеке за неявкой наследников, почему опека и полагала, что при увольнении из имения г. Герцен в замужество девки в постороннюю вотчину со взносом за себя денег исполнить порядка указанного в 264 ст. X тома Зак. Гражд. по VI издания 1842 г. не следовало. С подлинным верно помощник письмоводителя *Шигорин*. Донесено 27 июня за № 146.

№ 201 15 сентября 1859 г. № 9160 (сбоку написан) Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке. По указу его императорского величества гражданская палата слушая рапорт Чухломской дворянской опеки за № 145, коим в объяснение против указа палаты от 27 мая сего года за № 5523 по имению г. Герцен доносит, что опека хотя и имела в виду указ палаты от 14 августа 1858 года за № 9813, в котором изъяснен порядок увольнения девок из опекунских имений имела в виду, но как выведенный в оном закон 264 ст. X т. относится лишь до имений состоящих в опеке по малолетству имение же г. Герцен состоит в опеке за неявкой наследников почему опека и полагала что при увольнении из имения г. Герцен в замужество девки в постороннюю вотчину со взносом за себя денег исполнить порядка указанного в 264 ст. X т. Зак. Гражд. по VI издания 1842 г. не следовало. С подлинным верно помощник письмоводителя *Шигорин*. Донесено 27 июня за № 146.

№ 201, 15 сентября 1859 г.

№ 9160 (сбоку написан) Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке. По указу его императорского величества гражданская палата слушая рапорт Чухломской дворянской опеки за № 145 коим в объяснение против указа палаты от 27 мая сего года за № 5523 по имению г. Герцен доносит, что опека хотя и имела в виду указ палаты от 14 августа 1858 года за № 9813, в котором изъяснен порядок увольнения девок из опекунских имений, имела в виду, но как выведенный в оном закон. 264 ст. X относится лишь до имений, состоящих в опеке по мало-

летству, имение же г. Герцен состоит в опеке за неявкой наследников, почему опека и полагала что при увольнении из имения г. Герцен в замужество девки в постороннюю вотчину со взносом денег исполнять порядка указанного в 264 ст. X т. Зак. Гражд. по VI суд 1824 г. не следовало и справку приказали: дать указ Чухломской дворянской опеке, что общие правила опекунства как в отношении по заведыванию имениями, так и к употреблению доходов и отчетности в оных применяются ко всяким учреждениям опекунских управлений над имуществами, они применяются и к таким имуществам кои поступают в опеку ввиде секвестра (т. X ч. 2 ст. 1850 и 2024 и прилож. к ст. 1850 п. 1 в прим. отд. 4) и что посему гражданская палата не может заметить недостатка внимания опеки к своему по сему кредиту и управлению опекунским имением по установленным правилам. Вследствие того палата полагает увольнение из имения г. Герцен в замужество в постороннюю вотчину хотя и со взносом денег, но без особого на то распоряжения и вообще без соблюдения правил указанных в 280 ст. 1 ч. X т. Св. Зак. Гражд. (1857 г.) оставить на ответственности опекуна дворянской опеки согласно 5 отд. с примеч. к 1 пункту прилож. к 1850 ст. 2 части X т. того же свода Зак. Гражд. если при сдаче имения по описи и возникнут жалобы. На будущее же время подтвердить опеке быть внимательнее к своей обязанности и о том оной опеке послать Указ. Сентября 9 дня 1859 г. За заседателя кандидат Мильешев, секретарь Баскаков И. д. сто- лона начальника Новицкий.

1859 года сентября 15 дня по выслушании приказали: указ приобщить к делу.

С подлинным верно помощник письмоводителя *Шигорин*.

Настоящие копии с подлинным верны:

Директор Чухломского музея (*Лебедев*).

10/VI — 46 года.

8 апреля 1853 года.

№ 110

В Чухломскую дворянскую опеку, Опекуна подполковника Перфильева рапорт. В имении г. Александра Ивановича Герцен, находящегося в моем управлении Чухломского уезда деревни Мартыгино крестьянин Василий Арсентьев третий год не платит оброку и даже казенных податей, которые платит за него вотчина, дурного поведения, ленив и занимается пьянством, так что никто не хочет нанимать его в работники, а почему и покорнейше прошу опеку дозволить вышеупомянутого Арсентьева отдать в зачет будущих наборов в рекруты, как не приносящего вотчине и своему семейству никакой пользы и не подающего надежды к его исправлению. Апреля 8 дня 1853 года. Опекун подполковник *Василий Перфильев*, № 7.

Приказали: Рапорт приобщить к делу к произведению повального обыска о поведении крестьянина Арсентьева чрез спрос одновотчинных и соседственных вотчин крестьян на законном основании предписать Чухломскому земскому суду и велеть по исполнении представить в опеку. Подлинный за подписом и скрепою верно.

Помощник письмоводителя *В. Шигорин*.

Земскому суду предписано 8 апреля № 131 (л. д. 43—44).

29 мая 1853 г.

ПРИСУТСТВИЮ ЧУХЛОМСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ

Письмоводителя Макарова.

Д о к л а д

Опекун имения г. Герцен подполковник Перфильев 8 апреля сего года рапортом донес, что крестьянин деревни Мартюгино Василий Арсентьев третий год не платит оброку и даже государственных повинностей, которые платит за него вотчина, дурного поведения, ленив и занимается пьянством, так что никто не хочет нанимать его в работники, посему просим опеку дозволить означенного Арсентьева отдать в рекруты как не приносящего вотчине и своему семейству никакой пользы и не подающего надежды к его исправлению вследствие какого рапорта опекуна в произведении повального обыска о поведении крестьянина Арсентьева было предписано Чухломскому земскому суду, который оным судом при рапорте 11 июня установлен и из оного видно: опрошенные под присягою разных вотчин, крестьяне числом 22 человека показали, что Арсентьев поведения дурного, о чем присутствию Дворянской опеки доложить имею. Июня 20 дня 1853 года. Письмоводитель Макаров.

Того же числа по выслушании сего доклада определено: доклад приобщить к делу и с изъяснением оного и с приложением подлинного повального обыска о поведении крестьянина Арсентьева представить Костромской гражданской палате и покорнейше просить о разрешении предписания об отдаче крестьянина г. Герцен Василия Арсентьева по дурному его поведению в рекруты в зачет будущих наборов. Напомнив, что опека с своей стороны на отдачу крестьянина Арсентьева в рекруты за имение г. Герцен препятствий не находит. Подлинный за подписом и скрепою. С подлинным верно. Письмоводитель Макаров. Представлено гражданской палате 29 мая № 89.

№ 134 26 июля 1853 года. Указ его императорского величества самодержца всероссийского, из Костромской гражданской палаты Чухломской дворянской опеке. По указу его императорского величества гражданская палата слушав рапорт оной опеки от 29-го мая сего года за № 89 коим спрашивает разрешения на отдачу в рекруты из имения г. Герцен крестьянина деревни Мартюгина Василия Арсентьева за дурное его поведение приказали: как из представленного дворянскою опекою повального обыска видно, что опрошенные под присягою разных вотчин крестьяне числом 22 человека показали, что крестьянин г. Герцен деревни Мартюгино Василий Арсентьев поведения дурного, что Чухломской дворянской опеке, в разрешение настоящего представления ея дать знать указом, что гражданская палата на отдачу означенного крестьянина Арсентьева в зачет будущих наборов в рекруты препятствий с своей стороны не имеет. Июля 7 дня 1853 года.

Дворянский заседатель Сухонин. Купеческий заседатель В. Лагинов. За секретаря П. Годнев, столоначальник Баскаков.

Приказали: Указ приобщить к делу, а с изъяснением его опекуну г. Перфильеву дать знать указом подлинной за подписями и скрепою, верно: помощник письмоводителя Шигорин. Дано знать 24 июля за № 210.

№ 180. 31 августа 1853 года.

В ЧУХЛОМСКУЮ ДВОРЯНСКУЮ ОПЕКУ

Чухломского Земского суда

Р а п о р т

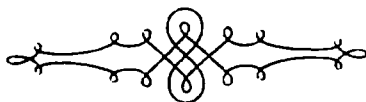
С имений г. г. надворного советника Александра Ивановича Герцен и генерал майорши Марьи Федоровны Ласкиной по нынешнему набору следует с 1-го два, а последней один рекрут почему земский суд честь имсет представить и просить сделать распоряжение о своевременной поставке рекрутов. Августа 28 дня 1853 года. Исправник Машаев. Секретарь Макаров. Столоначальник Философ.

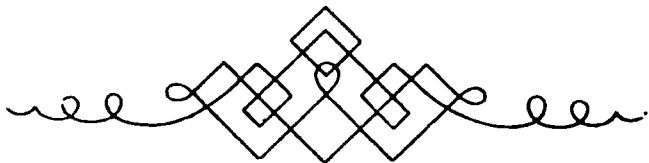
Приказали: рапорт приобщить к делу о имени А. И. Герцена, а по другому копию г. г. опекунам строго предписать чтобы они озаботились заблаговременно приготовлением годных к поставке в рекруты людей в предстоящий набор и по сдаче оных своевременно донести опеке. Подлинный за подписью и скрепою: верно помощник письмоводителя Шигорин.

Предписано 3 сентября 248 и 251.

Настоящие копии с подлинным верны:

Директор Чухломского музея А. Ф. Писемского
(Лебедев).

Н. Ильин

Достоевский в споре за Куманинское наследство

В памяти дочери Федора Михайловича Достоевского Любови Федоровны обострение его давней болезни, вызвавшее роковую развязку, тесно связывалось с неприятным объяснением с его родной сестрой Верой Михайловной Ивановой по поводу наследства после их тетки А. Ф. Куманиной.

Объяснение произошло в квартире Достоевского, за семейным обедом, на котором присутствовала Вера Михайловна, приехавшая незадолго до того в Петербург и остановившаяся у своей младшей сестры Александры Михайловны Шевяковой. «Моя тетка Александра была в ссоре с братом и никогда не бывала у нас, — рассказывает Л. Ф. Достоевская, — тетка Варвара была дипломатичнее, держалась в стороне и не хотела вмешиваться в эти дела. Так как им обеим была известна привязанность, какую Достоевский питал к семье своей сестры Веры, то они послали ее к моему отцу, для того, чтобы сделать попытку нового наступления»¹. Раздраженный до крайности упреками и слезами сестры, Достоевский в волнении вышел в соседнюю комнату, где у него открылось кровотечение из горла, возобновившееся на другой день, а на третий перешедшее в предсмертную агонию.

В «Воспоминаниях» жены писателя Анны Григорьевны Достоевской об этом факте не говорится ни слова; наоборот, указывается другая причина, вызвавшая кровотечение: значительное усилие, затраченное Достоевским, чтобы сдвинуть с места тяжелую этажерку, за которую упала его вставка с пером².

Обе версии исключают одна другую, несмотря на то, что исходят от ближайших свидетелей кончины писателя: дочери в возрасте 11 лет, когда подобные события остаются в памяти на всю жизнь, и жены, бережно хранившей и записавшей рукой любящей женщины свидетельства жизни мужа.

В воспоминаниях Л. Ф. Достоевской многие события жизни ее отца представлены тенденциозно, поверхностно и порой недостоверно.

¹ Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.—П., Гос. изд., 1922, стр. 94—99.

² Воспоминания А. Г. Достоевской. М.—Л., Гос. изд., 1925, стр. 268.

Однако сообщение Л. Ф. Достоевской о распрях, возникших в семье Достоевских из-за куманинского наследства, представляет несомненный интерес и проливает свет на эту историю.

Заслуживает внимания, что жена Ф. М. Достоевского, Анна Григорьевна, в своих «Воспоминаниях» обходит полным молчанием вопрос о споре за куманинское наследство, упоминая лишь самый факт получения доли в 500 десятин земли.

Материалы, относящиеся к спору о куманинском наследстве, не все собраны. Данные, сообщаемые дочерью писателя и его братом Андреем¹ в их воспоминаниях, дополняются письмами самого Достоевского². Если по этим источникам возможно кое-как наметить общий ход дела о наследстве, то все же многое в этой истории остается неясным, недосказанным и противоречивым. Основным источником остаются пока все-таки воспоминания Л. Ф. Достоевской, поскольку история куманинского наследства передана в них наиболее связно и правдоподобно.

Дело, по ее словам, происходило так. Тетка Достоевского, Куманна, завещала свой значительный капитал родственникам покойного мужа, а Достоевским и прочим племянникам, сыновьям другой своей сестры или кузины, — лесную дачу в Рязанской губернии в 12 000 десятин. При дележе, происходившем в Москве, наследники перессорились, а Ф. М. Достоевский выжил, пока дело уладится и он получит свою долю. Между тем сестры его, люди обеспеченные, отличавшиеся скупостью, стали оспаривать права брата на наследство на том основании, что он получил уже ранее от тетки свои 10 000 руб. Действительно, в 1864 году Достоевский получил эти деньги от нее в долг, под расписку, но употребил их целиком на поддержание журнала «Эпоха», принадлежавшего его старшему брату Михаилу, который вскоре умер, оставив после себя долги и семью, нуждающуюся в поддержке. Достоевский принял на себя уплату долгов и заботы о семье брата. Теснимый алчными кредиторами и вечно нуждаясь в деньгах, он не выходил из кабалы у издателей, забирая вперед гонорар за не написанные еще произведения. Едва дети брата Михаила подросли и долги его были выплачены, на смену явились заботы о больном брате Николае, пасынке Исаеве и собственной семье. Достоевский работал, не разгибая спины, но его заработка едва хватало на жизнь. Чувствуя, как ухудшается его здоровье, он не мог отказаться от наследства тетки, которое могло служить единственным обеспечением для семьи на случай его смерти³.

В подробном и обстоятельном на первый взгляд рассказе Л. Ф. Достоевской есть много пробелов.

Прежде всего круг втянутых в спор о наследстве лиц вовсе не ограничивался сестрами писателя — Верой Михайловной Ивановой, Александрой Михайловной Шевяковой (по первому мужу Голеновской) и Варварой Михайловной Карепиной, которых упоминает Л. Ф. Достоевская, его братьями Николаем и Андреем и детьми брата Михаила Михайловича.

Многочисленная родня писателя с материнской стороны также претендовала на какую-то долю капиталов Куманной.

Дед Достоевского Ф. М. Нечаев от первого брака с В. М. Котель-

¹ Воспоминания А. М. Достоевского. Л., «Изд-во писателей», 1930.

² Ф. М. Достоевский, Письма. I—III. М.—Л. Гос. изд., 1928—1934.

³ Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской, стр. 94—99.

ницей, кроме матери писателя Марии Федоровны, имел еще дочь Александру Федоровну, в замужестве Куманину; от второй жены Ольги Яковлевны Антиповой — дочерей Ольгу Федоровну, вышедшую замуж за Шера, и Екатерину Федоровну, по мужу Ставровскую. О. Ф. Шер имела сыновей Сергея, Владимира и Николая и дочь Александру, жену капитана генерального штаба Павла Петровича Казанского; а Е. Ф. Ставровская — сыновей Федора и Максимилиана и несколько дочерей. Обе линии вступили между собой в свойство: Максимилиан Дмитриевич Ставровский женился на Марии Николаевне Голеновской, родной племяннице писателя, дочери его сестры Александры¹.

Вопрос о наследстве стал впервые в 1868 году, еще при жизни А. Ф. Куманиной. Муж ее, известный московский богач, коммерции советник А. А. Куманин, умирая бездетным, оставил в 1863 году жене капитал в 170 000 рублей. Вдова, человек в деловом отношении совершенно беспомощный, по совету своей мачехи О. Я. Нечаевой, которая как при муже, так и после его смерти жила вместе с ней, поручила управление своим состоянием Александру Лавловичу Иванову, мужу ее племянницы Веры Михайловны. Выбор оказался неудачным: врач по профессии, А. П. Иванов был человеком неопытным в коммерческих делах и вдобавок слишком доверчивым. Делами Куманиной, проявлявшей признаки ослабления умственных способностей, распоряжалась по своему усмотрению мачеха О. Я. Нечаева, вокруг которой сгруппировались дельцы, сумевшие убедить ее и А. П. Иванова, что вместо 5% казенных капитал выгоднее всего поместить в частные руки под залог недвижимости из 10% годовых. Таким путем было отдано 45 000 рублей по закладной купчей крепости на имение Яковлева в Рязанской губернии; 40 000 — под заклад дома в Туле и имения Лазарева-Станицева в Тульской губернии и т. д. За первый год проценты были получены, а на следующий должники отказались платить, цинично «распространяя слухи, что дураков еще в Москве не мало, которые дают чистые деньги под залоги, не стоящие и половины взятой суммы»².

При таких обстоятельствах, когда в начале 1868 года А. П. Иванов внезапно умер, О. Я. Нечаева и родственники решили учредить опеку над имуществом и личностью окончательно лишившейся рассудка Куманиной, и опекунами были назначены младший брат писателя Андрей Михайлович Достоевский и его знакомый, товарищ председателя московского уголовного суда Владимир Иванович Веселовский. Опекуны выяснили, в каком состоянии находилось вверенное им имущество, и установили, что ко дню учреждения опеки остались денежные документы, закладные, векселя и пр. на сумму только 112 000 рублей. Перед учреждением опеки произведено было официальное освидетельствование умственных способностей Куманиной, установившее психическое расстройство.

В августе 1896 года А. Н. Майков, близкий знакомый Достоевского, жившего тогда в Дрездене, сообщил ему в письме о слухе, что А. Ф. Куманина умерла, оставив завещание, по которому 40 000 рублей назначались в какой-то монастырь, и что, поскольку завещательница была не в полном уме, распоряжение ее можно легко аннулировать. Майков указал, что сведения эти исходили от их общего знакомого Вл. Вас. Кашпирева, который будто бы узнал их от Веселовского, отрекомендовавшего себя

¹ Воспоминания А. М. Достоевского, стр. 20—22.

² Там же, стр. 338—341.

горячим почитателем Достоевского, готовым ему помочь в деле о завещании. Не подозревавший, что слухи эти — вымысел, Достоевский немедленно обратился к Веселовскому с письмом и, ссылаясь на письмо Майкова, просил сообщить, не было ли завещание составлено в последние годы жизни покойной и как распределялся в нем капитал между родственниками. «Если завещание тетки, — писал Достоевский, — подписано ею уже в то время (т. е. в последние годы ее жизни), когда она была не в своем уме, то я со всей готовностью рад начать дело о нарушении завещания»¹.

Вопрос о своем вмешательстве Достоевский ставил в зависимость от решения Веселовского. «Я написал Веселовскому, — сообщал Достоевский А. Н. Майкову 14 августа. — Повернуть дело (то есть даже и со мною) зависит теперь от него. Прочтя все внимательно, что Вы мне написали, я рассудил, что в деле этом надо начать с осторожности. Этакое дело — щекотливое дело! Что тетка была не в своем уме несколько лет (года 4 последних наверно) — тому и я многократный очевидец, и если надо, то найдутся 100 свидетелей. Но, с другой стороны, я ровно ничего не знаю о ее завещании и о настоящих ее намерениях насчет монастыря. Одно укрепляет меня в намерении — это то, что Веселовский должен основательно знать всю сущность ее завещания, равно и о том, кто будет против нас и кто за. Одним словом, я написал ему в том смысле, что я слышал от Вас (а Вы от Кашпирева), что он говорил такие-то слова и изъявлял такое-то мнение... Вы пишете, что я должен сделать это не только для себя, но и для семейства Михаила Михайловича. Уверяю Вас, мой дорогой, что я в случае правильности дела — пустился бы хлопотать не только для семейства дорогого покойника, брата Миши, но даже не упустил бы дела и для себя одного...» Несколько ниже в том же письме Достоевский высказывает мысль, что в самом благоприятном случае дело представляется ему слишком сложным, «чтобы возлагать какие-нибудь надежды и цели»².

Удивленный, видимо, содержанием полученного письма, Веселовский переслал его А. М. Достоевскому, который сообщил брату, что тетка еще жива и пользуется хорошим здоровьем, «ежели не включать сюда состояния ума и памяти, которые она давно уже потеряла», что последнее составленное ею завещание относится к 1865 году. А. М. Достоевский сделал в письме выписку из завещания, из которой было видно, что по линии единсуточных, т. е. родных братьев и сестер Достоевского теткой завещано 76 500 рублей, по линии единокровных, т. е. бабке Нечаевой, Шерам, Ставровским и Казанским — 33 200, сторонним лицам — 7 300, на погребение — 8 000 и в пользу Козьмо-Демьянского монастыря — 6 000 рублей. «Так как, — гласило завещание, — племянники мои — отставной поручик Михаил Михайлов Достоевский и отставной поручик Федор Михайлов Достоевский и остальные мои родственники получили уже от меня награды, то дальнейшего участия в наследстве по сему завещанию иметь не должны».

Посвящая брата в фактическое положение дел, создавшееся благодаря хозяйничанью О. Я. Нечаевой, А. М. Достоевский заключает: «Счастливы будут наследники, ежели за продажей закладов и взысканием долгов получат $\frac{1}{4}$ часть, т. е. с небольшим 24.000, тогда на 113.000 рублей завеща-

¹ Ф. М. Достоевский, Письма, II, стр. 208—209.

² Там же, стр. 200—203.

ного капитала придется каждому 18 коп. на рубль». К «щекотливому предмету» о правильности и законности завещания А. М. Достоевский подходит издали. «Если духовная будет опровергнута, — говорит он, — то наследство должно перейти в род Достоевских, т. е. к детям М. Ф. Достоевской, которая, как родная сестра, по русским законам устраняет от наследования единокровных, т. е. Шеров и Ставровских».

На основании своих расчетов о фактических размерах наследства А. М. Достоевский полагал, что сестры Вера и Александра от этого ни выиграют, ни проиграют, так как вместо завещанных каждой из них 20.000 они получат лишь приблизительно по 4.000 рублей; наоборот, В. М. Карепина, которой отказано 10.250 рублей, и все братья Достоевские — выиграют. Но спорное завещание, по мнению А. М. Достоевского, представляет с небольшими изменениями повторение первого завещания 1864 года, которое пришлось переписать, потому что душеприказчик Неофитов проворовался. «Я был слишком далеко от Москвы, — продолжает А. М. Достоевский, — чтобы судить о том, была ли тетушка в здравом уме в 1864 году, когда сделано первое завещание». Но в декабре 1864 года, увидев тетку в первый раз после восьмилетней разлуки, он нашел ее «с не совсем еще расстроенным умом», а поэтому «можно с достоверностью сказать, что духовное завещание написано было по желанию и согласию тетушки». Поскольку завещание 1865 года «разнится только переменою душеприказчика, уменьшением статей по расходу на погребение и церковь и совершенным исключением из числа наследников Ф. М. и М. М. Достоевских, Андрей Михайлович делает вывод: «...следовательно, предположив, что все изменения сделаны правильно и совестливо, можно сказать, что и последнее завещание есть действительная воля завещательницы. Вот почему, несмотря на выгоду для себя, я никогда не решусь оспаривать правильность духовного завещания, да едва ли кто решится и из остальных родственников»¹.

Позднее, в «Воспоминаниях», А. М. Достоевский несколько изменил свою точку зрения на завещание. Подписи на последнем свидетелей, в большинстве из людей, не заслуживающих доверия, или людей, близких Куманиной, наводят его на мысль, что дело тут обстоит далеко не благополучно. С большими подробностями выяснена им также роль, которую играла около психически ненормальной «бабуленька», т. е. О. Я. Нечаева. Опираясь на цифры, А. М. Достоевский доказывает, что за первые два с лишним года после смерти мужа Куманина с мачехой прожили 4.000 рублей, включая сюда стоимость поездки в Киев на богомолье в сопровождении свиты приживалок и прислуг; а за последние неполные 3 года — 30 000 рублей. «Бабушка любила-таки потранжирить», — не удерживается от ядовитого замечания Андрей Михайлович. «Видимо они все, — говорит он о сестрах, — понимали, что бабка поступает неправильно, незаконно, но все боялись и слово вымолвить против нее»².

Поскольку Куманина была еще жива, спор о наследстве становился преждевременным. Между тем слухи о намерении Достоевского оспаривать завещание произвели между его сестрами и остальными наследниками лереполох. Не говоря уже о наследниках по линии О. Я. Нечаевой, Шерах, и Ставровских, которые, естественно, намеревались отстаивать свои права, даже родные сестры обвинили Достоевского в замысле посягнуть на их законные интересы. Слухи на этот счет доходили тревожные. «Мне

¹ Воспоминания А. М. Достоевского, стр. 338—343.

² Там же, стр. 332 и 328.

брат Андрей писал, что в Москве у тетки обо мне говорили, как о чуме (сестрица Варвара Михайловна). Андрей Михайлович их разуверил и показал собственноручное письмо мое к нему. Пишет, что успокоились», — рассказывает Достоевский в письме к С. А. Ивановой и тут же с сомнением добавляет: «Не знаю!».

С сестрой Варварой Достоевский не был особенно близок, поэтому ее выходки скорее обижали, нежели волновали его. Другое дело сестра Вера, к семейству которой он был особенно привязан. Всегда любивший своих многочисленных племянников и племянниц, Достоевский отличал среди них дочь Веры Михайловны Софью Александровну Иванову, о чем свидетельствуют его многочисленные письма к последней. «Я люблю вас всех, — писал он 22-летней девушке, — но к вам я привязан особенно» (письмо от 1 янв. 1868 г.). «Вы дитя моего сердца, — так я вас считаю, и ваше имя мне слишком дорого: Вы и сестра моя и дочь моя» (26 октября 1868 г.). Отзываясь с глубокой нежностью о сдержанности, чувстве собственного достоинства в племяннице, твердости ее взглядов и убеждений, ясном и спокойном уме, Достоевский превозносил, как самопожертвование, занятие ее литературными переводами, которыми после смерти отца она помогала содержать семью.

Посылая из Дрездена письмо Веселовскому, Достоевский хотел получить подтверждение слухов о завещании от С. А. Ивановой, которая как близкая родственница, живущая в Москве, должна была хорошо знать все обстоятельства дела. Кроме того, Достоевский искал, видимо, сочувствия сделанному им шагу, в правильности которого не был вполне уверен. «Вас я олицетворяю, как мою совесть: как Вы решите, так я и сделаю, — заключает Достоевский подробное изложение племяннице известных уже писем Майкова к нему и его самого к Веселовскому. — Вот об чем я прошу главное. Сообщите мне все, что вы знаете о завещании и об этих 40 000, и можно ли действительно этот пункт завещания отнести к бессознательному состоянию. Как вы сами смотрите на это?»².

Смысл ответа племяннице был таков, что Достоевский, видимо, не сразу решился на него возражать. «Не пишите мне таких вещей, что цель не оправдывает средства. Я не то, чтоб обиделся, а огорчился, — писал он С. А. Ивановой после трехмесячного молчания. — Про теткинo завещание я знаю хорошо, тем более, что все, что следовало, получил по нем, и все 10 000, как вам известно, тотчас же убил на поддержание братниного журнала, которого собственником я никогда не был, а следовательно, убил мои 10 000 в пользу братниного семейства, которое за это первым делом своим при неудаче поставило швырнуть в меня грязью». Описав безвыходное положение, в котором он оказался вследствие обязательства уплатить долги брата, как, спасаясь от долговой тюрьмы, он вынужден в продолжение трех лет скитаться за границей, как, несмотря на это, он понемногу расплачивается с кредиторами, Достоевский заключает: «Итак, друг мой милый, бесценная и незабвенная моя Соня — я не могу быть грабителем чужого и затевать процессы, чтоб огнать у других, как думал, например, про меня в деликатнейшем письме ко мне другой душеприказчик тетки — брат Андрей Михайлович. Но он меня, как человека, не знает». Возвращаясь в том же письме к вопросу о своем отношении к наследству, Достоевский писал: «Я же все получил, все 10 000 в 1864 году и положительно считаю себя и

¹ Ф. М. Достоевский, Письма, III, стр. 270 и 277.

² Там же, стр. 208—210.

считал ломтем отрезанным. По совести считаю тоже, что должен тетке проценты, но до сих пор не мог отдать ни копейки. Эти слова мои в этом письме и это письмо сохраните на всякий случай, т. е. для памяти о том, что я не только себя ломтем отрезанным считаю, но еще должен за 5 лет проценты»¹.

В Москве Достоевскому не вполне доверяли. Переписка с С. А. Ивановой некоторое время продолжалась, но восстановить прежние отношения, несмотря на попытки Достоевского, не удалось. С весны 1873 года переписка окончательно обрывается.

Из всей семьи Ивановых единственным человеком, неизменно благожелательным Достоевскому и оставшимся в стороне от всех дразг, была Елена Павловна Иванова, жена Константина Павловича Иванова, брата покойного Александра Павловича Иванова. В половине 60-х годов, когда муж ее был безнадежно болен и смерти его ждали со дня на день, В. М. Ивановна, сочувственно относившаяся к невестке, прочила ее в жены Достоевскому, который после бурного романа своего с Суслевой искал тихой пристани. Встречаясь летом 1866 года с Еленой Павловной на даче в Люблине, Достоевский задал ей однажды вопрос, не пошла ли бы она за него замуж, если бы была свободна. Молодая женщина, муж которой был еще жив, уклонилась от ответа, а Достоевский вскоре остановил свой выбор на А. Г. Сниткиной. Осталась ли Е. П. Иванова вполне равнодушной к его исканиям, Достоевский уверен, повидимому, не был. Елена Павловна, женщина с большим тактом, умная и сердечная, овдовев в 1869 году, сохранила с Достоевским дружеские отношения, и А. Г. Достоевская, смотревшая недружелюбно на родню мужа, отзывается о ней с неизменным уважением. Публикуемое здесь впервые письмо писателя к Е. П. Ивановой показывает, как тяжело переживал Достоевский отчуждение некогда близких ему людей и как стремился его преодолеть.

Софья Александровна, к которой Достоевский был особенно привязан, только осенью 1876 года, собираясь выходить замуж, сочла нужным уведомить об этом дядю. Сухой и сдержанный тон письма, начатого с обращения: «Многоуважаемый Федор Михайлович», в середине внезапно нарушается порывом хорошего чувства: «Поздравьте меня, милый друг мой (я все еще решаюсь называть вас так, несмотря на все сплетни, на всю грязь, отдалившие нас друг от друга). Я люблю (т. е. жениха) всем сердцем, и он любит меня не меньше...»².

29 марта 1871 года Куманина умерла. Шеры и Казанские, не сообщая об этом родне, начали в суде дело об утверждении их в правах наследства. А. М. Достоевский, знавший об этом, предпочитал не вмешиваться. Достоевский пытался склонить сестер Веру и Варвару оспаривать законность завещания, но те колебались. «Неужели брат Федя хочет лишить нас всего?» — высказала открыто свои подозрения В. М. Карепина. В. М. Иванова начала, наконец, хлопоты о введении ее в права наследства. «В Петербург приезжал Веселовский, — писал С. А. Ивановой Достоевский, — и неизвестно для чего был у меня. Он и оправдывался в медленном течении вашего дела и жаловался на законы. Дело стоит, по его словам, например, от того, что один из свидетелей, подписавшийся под завещанием (Асафов, кажется, не помню наверно), уехал из Москвы и, бог знает, где

¹ Ф. М. Достоевский, Письма, II, стр. 241.

² М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевских. М., изд-во «Север», 1933, стр. 198—199.

находится». Достоевский считает это неправдоподобным. «Я опять мое прежнее мнение, — советует он Ивановым, — пусть Верочка и другие наследники соединятся и возьмут, наконец, адвоката значительного, который не боится Веселовского»¹. Среди сестер Достоевского стал циркулировать пущенный кем-то слух, что сенатом по аналогичному делу было вынесено решение в пользу единокровных, на котором будто бы Шеры основывают свои претензии, и что мнение это разделяют Веселовский и А. М. Достоевский. Откуда-то узнали, что дело Шеров будет рассматриваться в суде 21 мая 1873 года, а где — никто не знал². Окунувшись по приезду в середине мая в Москву в самую гущу этих толков, Достоевский решил поручить хлопоты в суде петербургскому адвокату Б. Б. Полякову. «Я прямо сказал Полякову, — писал он 20 мая жене, — что начну дело лишь в случае, если начнут Шеры, ибо не хочу обижать сестер»³. Защиту интересов Н. М. Достоевского взял на себя его товарищ адвокат Жеромский. В тот же день Достоевский был у В. М. Карпиной, с которой ему удалось достигнуть соглашения и получить от нее некоторые необходимые документы. Наведенные адвокатом справки обнаружили, что на 21 мая дело Шеров в суде не назначалось. Не слишком полагаясь на энергию Полякова, Достоевский с тревогой прислушивался к доходившим со стороны слухам о происках Шеров. Действительно, Поляков не сумел вовремя узнать, что слушание дела Шеров и Казанских об утверждении в наследстве было назначено в 5-м отделении Московского окружного суда на 12 июня 1873 года. Решение суда было не в пользу Шеров, так как дело пошло в охранительном порядке. Не знавший еще об этом Достоевский 22 июня сообщал жене: «В Москве что-то произошло — и очень может быть, что Полякова надули через интриги Веселовского в суде. Федя [сын Михаила Михайловича Достоевского] пишет, что Шеры хлопочут более чем когда-нибудь, на стену лезут...»⁴. Дело затягивалось. В августе Шеры сделали Достоевскому через Жеромского предложение покончить спор полюбовно, но Достоевский уклонился под предлогом отсутствия Полякова. Позднее два раза заходил к нему по этому же, вероятно, поводу П. П. Казанский.

Как разрешилось в суде дело о законности завешания и о разделе наследства — неизвестно: решение суда и другие относящиеся к делу документы, если они только сохранились, находятся пока под спудом. Надо полагать, что вступило в силу первое завешание Куманиной, поскольку Шеры, Казанские и Ставровские фигурируют и далее в роли сонаследников, чего не могло случиться, если бы действовал порядок наследования по закону. А. Г. Достоевская сообщает, что на долю четырех братьев Достоевских (включая сюда детей М. М. Достоевского), которым приходилось уплатить сестрам деньгами, досталась треть рязанской земли, т. е. около 2 000 десятин, а из них на долю Федора Михайловича — 500 десятин. На таких же основаниях в конце 1875 года была поделена сумма, вырученная от продажи наследственного дома Лазаревых-Станищевых в Туле: на долю каждого из братьев пришлось несколько более 400 рублей. Извещая об этом большого брата Николая, жившего тогда у их сестры

¹ Ф. М. Достоевский, Письма, III, стр. 21—22.

² Там же, стр. 52—53.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 56.

Александр, Достоевский советует ему не говорить ничего в доме, чтобы не рассердить сестру. «В понедельник в суде ее с нами дело. Сумасшедшая! Если бы она знала, какие ничтожные двугривенные мы получаем. Сосчитал сейчас все издержки за год по этому делу, сколько сам выдал своими руками, и что же — полученные за дом 400 слишком рублей не окупили еще издержек. А она, не имея ни малейшего права законного, требует с нас 20 000. Во-истину сумасшедшая, а уж какая родственница — и говорить нечего?»¹.

Сестра Александра, дочь которой от первого брака была замужем за Ставровским, находилась с Достоевским в открытой ссоре. Она не сочла даже нужным известить его о своем браке с В. В. Шевяковым, а при случайных встречах ни она, ни муж не кланялись и не разговаривали с ним. Под влиянием, вероятно, Шевяковых прервал с Достоевским сношения и его младший брат Николай. «Здесь пропустили слух еще 2 года тому назад, что я особенно старался отбить наследство у наследников по завещанию, — писал 10 декабря 1875 года Достоевский брату Андрею из Петербурга. — Напротив не у них, а у Шеров, которые завели дело. Глупее сплетен по поводу этого завещания не было. Особенно тут старался Шевяков. Я же с самого начала объявил и Александре Михайловне и московским, что отбираю у Шеров мою долю по закону. Хлопочу в их же интересах и, получив деньги, тотчас же разделю их между ними, а себе возьму только за издержки по ведению дела и ни копейки более. А меня же обозвали грабителем, тогда как я, отдавая им то, что мне следует по закону, — законное у моих собственных детей отнимаю...»².

Не сохранилось прямых указаний, как реагировала на такие намерения мужа А. Г. Достоевская. Однако роль ее, очевидно, не могла быть совершенно пассивной. Стоит вспомнить страницы ее «Воспоминаний», где рассказывается, сколько решимости проявила в свое время молодая женщина, чтобы оградить свой семейный очаг от назойливых вторжений в него со стороны многочисленной родни мужа. Все эти люди, его невестка, племянники, племянницы, пасынок, к которым Достоевский был привязан, представлены в ее мемуарах в виде какой-то банды, беззастенчиво эксплуатировавшей доброту ее любвеобильного мужа. Еще будучи невестой, Анна Григорьевна заметила, что как только появлялись у него деньги, «одновременно у всех его родных, брата, невестки, пасынка и племянников появлялись всегда неожиданные, но настоятельные нужды, которые им беспрекословно удовлетворялись». В голове 20-летней девушки тогда же сложилось решение, что после свадьбы она «возьмет хозяйство в свои руки, урегулирует выдачи родным, предоставив каждому из них определенную сумму в год»³. Эта программа, встретившая на первых порах пассивное сопротивление Достоевского, была постепенно осуществлена, и помощь писателя родным сократилась до минимума. Вполне естественно, что спор за куманинское наследство был для А. Г. Достоевской продолжением борьбы с родней, обиравшей ее мужа. Одновременно ей опять пришлось вести глухую борьбу с мужем, который, отдавая родне то, что ему следовало по закону, «законное у своих собственных детей отнимал». Неотразимость этого аргумента подкреплялась все ухудшавшимся состоянием здоровья Достоевского, который начинал чувствовать, что дни его сочтены. Еще

¹ Ф. М. Достоевский, Письма, III, стр. 91—92.

² Там же, III, стр. 199.

³ Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 65.

в письме от 7 января 1876 года к П. А. Исаеву, продолжавшему, по обыкновению, вымогать у отчима деньги, Достоевский высказал в раздражении свою затаенную мысль до конца: «Посылая тебе 30 рублей, отымаю у несчастных детей моих. Я знаю, что скоро умру, а когда они останутся без меня, то ни одна рука не подаст им ни гроша»¹.

Несмотря на не покидавшие его мрачные мысли о будущем детей и убеждение в своем нравственном праве на наследство, Достоевскому, конечно, не легко было взять обратно свой отказ от законной доли, которым он связал себя перед сестрами и братьями. Обстоятельства складывались так, что в продолжение нескольких лет он мог сохранять выжидательную позицию, не делая решающего шага. Дело в том, что многочисленные наследники Куманиной долго не могли притти к соглашению о разделе рязанского имения. «Каждую весну, — рассказывает А. Г. Достоевская, — заходил разговор о съезде всех наследников в имение с целью выбрать и отмежевать на свою долю известное количество десятин. Но всегда случалось, что то одному, то другому из сонаследников нельзя приехать, и дело отлагалось на следующий год»².

Публикуемое ниже сдержанное, чисто деловое письмо Достоевского к В. Д. Шеру от 11 октября 1878 года свидетельствует о готовности писателя сохранить с сонаследниками миролюбивые отношения.

В начале августа 1879 года А. Г. Достоевская сообщила мужу, проходившему тогда курс лечения водами в Эмсе, очередные слухи о готовящемся съезде наследников. Достоевский отнесся к этому недоверчиво. «В Москву хотя и съедутся за чем-то, но раздел наверно не состоится, — отвечал он мимоходом. — Не написать ли Андрею Михайловичу, чтоб он нам сам по совести (я ему верю) выбрал участок. А впрочем не знаю»³. Равнодушный и нерешительный тон ответа не вяжется с тем несомненным фактом, что Достоевский в то же время носился с мыслью о собственном имении как самым верным способом обеспечения своих детей. Чувствуя, что эмские воды, на которые возлагалось столько надежд, приносят лишь временное облегчение, и отвечая на какую-то наводящую мысль жены, Достоевский писал ей 13 августа: «Я все, голубчик мой, думаю о моей смерти сам (серьезно здесь думаю) и о том, с чем оставлю тебя и детей. Все считают, что у нас есть деньги, а у нас ничего... Кончу роман [«Братья Карамазовы»] и в конце будущего года объявлю подписку на «Дневник» [писателя] и на подписные деньги куплю имение, а жить и издавать «Дневник» до следующей подписки протяну как-нибудь продажей книжонок. Нужна энергичная мера, иначе никогда ничего не будет. Но доволно, еще успею переговорить и наспориться с тобою, потому что ты не любишь деревни, а у меня все убеждения, что 1) деревня есть капитал, который к возрасту детей утроится, и 2) что тот, кто имеет землю, участвует и в политической власти над государством...»⁴. Мысль эта становится, повидимому, *idée fixe* Достоевского. 16 августа он возвращается к ней снова: «Здесь все мечтаю об устройстве будущего и о том, как бы купить имение. Поверишь ли, чуть не помешался на этом. За деток и за судьбу их трепещу...»⁵.

Пока Достоевский в Эмсе предавался несбыточным в его положении мечтам, жена его действовала. Сторонница «решительных мер», тайком от

¹ Ф. М. Достоевский. Письма, III, стр. 200.

² Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 245.

³ Ф. М. Достоевский. Письма к жене, стр. 264.

⁴ Там же, стр. 266—267.

⁵ Там же стр. 270.

мужа она вела уже из Старой Руссы переговоры с наследниками Куманиной о разделе имения и завязала по этому поводу письменные сношения... с Шерами. Намечалась после совещания в Москве совместная поездка всех наследников в Рязань, а оттуда в имение, чтобы на месте решить дело окончательно. «Упустить представлявшийся случай покончить с этим столь тяготившим нас вопросом было бы жаль, — пишет А. Г. Достоевская. — С другой стороны, я была в затруднении, извещать ли мужа о предполагаемой поездке в имение, тем более, что она могла и не состояться? Зная, как страстно Федор Михайлович любит своих детей и трепещет за их жизнь, я боялась известием о продолжительной поездке обеспокоить его и тем повредить его лечению. К счастью, я получила еще заранее согласие мужа повезти детей в монастырь св. Нила Столбенского (в ста верстах от Руссы), и так как поездка должна была продлиться с неделю, то я решила сначала захватить на два, а три дня в Москву. Но приехав туда и застав главных сонаследников, направлявшихся в имение, я решила воспользоваться случаем и поехала вместе с детьми, чтоб осмотреть землю и наметить то, что более всего подходило бы к желаниям мужа. Поездка наша в имение, продолжавшаяся около десяти дней, обошлась вполне благополучно, и мне удалось выбрать на долю мужа двести десятин строевого леса в так называемой «Пехорке» и сто десятин земли полевой. Федор Михайлович был доволен моим выбором, но в своих письмах из Эмса меня жестоко разбил за мою «скрытность». Мне самой всегда было тяжело скрывать что-либо от Федора Михайловича, но иногда это было необходимо и именно ради того, чтобы не тревожить его и волнениями (которых можно было избежать) не вызывать лишний раз приступа эпилепсии, последствия которой так тягостны для мужа, особенно, когда приступ случался вдали от семьи»¹.

Сопоставление этого рассказа с относящимися сюда письмами Достоевского обнаруживает, что память, повидимому, сильно изменила его жене. О своей поездке в Москву и ее целях она тотчас же, как выехала, написала мужу и при этом в такой неопределенной форме, что сильно его взволновала. «Разумеется, весь этот план мне не очень по нутру, — писал ей в ответ 19 августа Достоевский, — но еще в прежнем одном письме недели две тому назад или три, когда ты в первый раз уведомляла о Шере, я разглядел нечто подозрительное (очень помню это) и подумал, что ты что-нибудь предпримешь. Но если я и сержусь (очень), то за легкомысленное письмо твое, написанное так бегло и так наскоро, что ничего нельзя понять и все остается предугадывать с большим беспокойством»². При таких условиях представляется, что А. Г. Достоевская скрыла свои намерения не столько из опасения взволновать мужа, сколько во избежание его veto на поездку. Достоевский это разгадал, и тревога его усилилась. «Опять тайны, опять вечные секреты, — с раздражением писал он 24 августа в ответ на подобное же новое письмо жены. — Не можешь ты никак удостоить меня полной откровенности... И к чему эта таинственность, если уж решилась исполнить задуманное? Неужели ты рассудишь не можешь, что, видя тайну, не могу же я не быть расстроен, вечно предугадывая, сомневаясь и разгадывая здесь за 2500 верст: что бы это было такое?» Достоевский окончательно вышел из себя, когда узнал, что спутниками жены будут Шеры и Ставровские. «Шеры и Ставровские—все это одного корня народ,

¹ Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 246.

² Ф. М. Достоевский, Письма к жене, стр. 272.

мошенники, надувалы, валеты... У червонных валетов такие души и такие понятия, что твой вид приниженности и бедности (в 3 классе) должен в них возбудить презрение к тебе. Остановливаясь с этими забубенными в одних и тех же избях; тут тысячи непочтительных фамильярностей можешь увидеть от них... Спisyваешься и соглашаешься с червонными валетами, а от мужа все еще тайны и секреты...» Не зная, что дорога из Рязани в имение и обратно из шести суток, предназначенных женою на поездку, отнимает не менее трех, Достоевский раздражается градом упреков: «Но для чего же 6 дней жить в деревне, где есть нечего, в курной избе с детьми и червонными валетами, к чему понадобилось столько дней — все это загадка, которую я, очевидно, не в состоянии разрешить и которую ты, очевидно, все еще не хочешь мне открыть, не считаешь благонадежным и благоразумным. Межеваться вы что ли собираетесь, но ведь этого нельзя без полного всеобщего согласия, а остальные Достоевские могут не согласиться. Что же вы там будете делать? На простой осмотр достаточно бы и двух дней. Значит, что-то твердо положено сделать и условлено заранее с червонными валетами... Ну а по прошествии этих 6 дней — что тогда будет? Что-нибудь в Рязани, какие-нибудь акты, купчие совершатся, или чорт знает что еще — так отчего от меня-то так таить? Пустое, дескать: побескоится и перестанет...»¹.

Среди этой сумятицы ревнивых подозрений обнаруживается, что Достоевский вовсе не знал намерений своей жены и шагов, которые она предпринимала. Между тем А. Г. Достоевская передает дело так, как будто она действовала по плану, выработанному заранее совместно с мужем. Получается, что между 13 августа, когда Достоевский в письме из Эмса, на которое она ссылается, высказал впервые мысль купить имение, и 19 августа, когда жена его выехала из Старой Руссы в Москву, ей удалось убедить мужа выждать дележа рязанского имения и договориться, какую землю следует выбрать. «...мы с мужем, — рассказывает она в «Воспоминаниях», — решили получить значительно меньше десятин, но лишь бы земля была хорошего качества»². Однако из приведенных выдержек из писем Достоевского видно, что решение это принадлежит скорее А. Г. Достоевской, которая, видимо, сообщила о нем мужу уже после совместного с Шерами осмотра имения в августе 1879 года.

Убедившись, что жена с детьми благополучно вернулась из имения в Рязань и что ничего особенного с Шерами у нее не произошло, Достоевский как будто успокоился. После нервного возбуждения наступила реакция, и, примирившись с совершившимся фактом, Достоевский старался, видимо, не думать о последствиях.

Тон, принятый А. Г. Достоевской в рассказе о поездке в Рязань, весьма победный: она разрубила гордиев узел, добилась выделения хорошего участка земли сообразно с желаниями мужа — одним словом, проблема Куманинского наследства благодаря ее вмешательству разрешилась блестяще. Однако в действительности было иное. Решение дела не подвинулось ни на шаг — взаимные расчеты сонаследников, как видно из прилагаемого ниже письма Достоевского к В. Д. Шеру от 17 июля 1880 г., еще более осложнились, и наследство дети писателя получили уже после его смерти. Враждебных отношений с Шерами совместная поездка не сгладила; наоборот, создалась почва для новых столкновений. Единственным

¹ Ф. М. Достоевский, Письма к жене, стр. 274.

² Воспоминания А. Г. Достоевской, стр. 245.

результатом вмешательства А. Г. Достоевской было еще большее озлобление остальных наследников, получивших повод утверждать, что Достоевский их обманул и ограбил. Положение его в личных объяснениях с наследниками сделалось невыносимым. Ссылка на тяжелую болезнь и заботы о детях для обвинителей были неубедительны. Публикуем здесь впервые письмо писателя от 23 февраля 1880 года к одному из сонаследников, П. П. Казанскому, женатому на А. Д. Шер, показывает, как истерически реагировал тогда Достоевский на эти обвинения и какой бурный характер приобретали объяснения его с родственниками по поводу злополучного наследства.

Эти тяжелые подробности распрей Достоевского с родней целиком выпали из «Воспоминаний» А. Г. Достоевской. Поэтому нет ничего невероятного, что она не сочла удобным касаться также последнего рокового его объяснения с сестрой В. М. Ивановой, о котором подробно рассказала ее дочь Л. Ф. Достоевская.

Ф. М. Достоевский

Письма

1

ЕЛЕНЕ ПАВЛОВНЕ ИВАНОВОЙ

Эмс 5/17 июня/75.

Многоуважаемая и любезнейшая Елена Павловна, пишу Вам из Эмса (близь Рейна), где лечусь от моей грудной болезни здешними минеральными водами, послали доктора хором и предсказывали самый дурной исход, если не поеду (вроде как с П. М. Леонтьевым, покойником, который тем же самым был болен). В прошлом году мне Эмс помог ужасно и конечно вижу теперь ясно, что если бы я прошлым летом не был в Эмсе, то наверно бы прошлою зимою умер. От этой болезни умирают иногда вдруг, от малейшей простуды, от насморка, если уже болезнь овладела до того организмом. Здесь я сижу, пью воду и скучаю до того, что боюсь с ума сойти. Не думайте, дорогая Елена Павловна, что я взял перо от скуки. У меня и без того работы, как у каторжного, с моим романом, который теперь пишу. А просто я давным давно хотел уведомить Вас и напомнить Вам о себе, с тем, чтобы вызвать и Вас хоть на самый маленький отзыв. Но писать? Когда я пишу? Я писем писать решительно не могу, и не от лени вовсе, — меня нельзя упрекать ленью, а потому что совсем не

знаю, что в письме написать и даже как письма пишутся. Точно также не писал слишком год к Софье Александровне. При сем прилагаю к ней письмецо и очень прошу Вас ей сообщить, как только ее увидите. А вместе с тем попрошу и Вас это письмо мое к Софье Александровне прочитать. Писано оно много по тому поводу, что услышал наверно, какие слухи обо мне в Москве (теперь узнал не от одного Ивана Григорьевича, а еще и из других источников). Софья Александровна, вместе с другими, слухам поддалась и меня обвинила. Бог с нею, если у ней так это легко делается, и обвинить человека и разорвать с ним ничего не стоит. Узнав о ее мнении, я был очень печален, убеждать ее я не намерен, но раз протестовать надо, а затем уж как она хочет. Но я подумал тоже и об Вас и с удовольствием почувствовал в сердце моем, что Ваше мнение обо мне, т. е. об чести моей, совести, об душе моей и об моем сердце для меня очень дорого: мне слишком бы не хотелось, чтобы и Вы обо мне что-нибудь черное подумали. А потому и прошу Вас взглянуть на письмо мое к Софье Александровне, а вместе и попрошу, если Соня рассердится на письмо мое, сказать ей, чтоб не сердилась, а поджидала бы лучше конца. Впрочем, как ей угодно; может быть только мне одному так тяжело разрывать в клочки все прежнее, прочие же гораздо меня благоразумнее.

В Москве ли Павел Александрович и как? Я знал, что он у Вас проживал некоторое время в номерах. Не наделал ли Вам каких хлопот? Если можете и не забудете, черкните мне хоть что-нибудь о нем. Он, конечно, сердится на меня, что я ему не дал 150 р. с. займа, но у меня, во-первых, не было, а во-вторых, я и в эту же зиму ему достаточно помог в разное время, и недавно еще, проездом в Петербурге, заплатил его долг в 25 руб. сер. Впрочем очень попрошу Вас, дорогая Елена Павловна, не сообщать ему, что я об нем спрашивал Вас. Ей богу, я ужасно стал бояться людей. Пренебрегать то, что о нас думают и говорят люди, и как они на нас клеветуют — и можно и должно, но есть степень, где все вместе обращается в большой вред. Впрочем думаю, что Паша обо мне не говорит дурно (слишком было бы ему стыдно это), но жена его — дело другое.

Всю эту зиму я прожил в Старой Руссе, где прошлым летом купались дети. Там они и теперь остались. А остался я в Руссе, во-первых, потому, что дела много взял на себя (писал роман) и полагал — уединение не только не могло ме-

шать, но могло и способствовать работе, а во-вторых, и главное, потому, что климат петербургский для меня решительно становится невыносим. Тем не менее непременно придется воротиться в Петербург на предстоящую зиму и опять пробыть в нем до лета. Но это, кажется, в последний раз, и если бог даст веку, непременно устроюсь где-нибудь не в Петербурге. Полагаю, что перееду окончательно в Москву; в Москве хоть и очень многое так же дурно (если не хуже), чем в Петербурге, но все-таки климат-то лучше. А мне с моею болезнью в нем уже оставаться нельзя. — Здесь, в Эмсе, в нынешнее лето совсем один! Прошлым летом нашел здесь очень много русских знакомых, или перезнакомился. Нынче же хоть и много русских, но ни одного знакомого лица. Посетителей вод со всех концов земли бездна, по листу курзала в настоящую минуту здесь 5000 фамилий. И все это в самом тесном пространстве, хоть и в живописном, но в смертельно надоевшем мне ущельи между горами... Но не хочется об Эмсе и говорить. Я здесь всего еще 8 дней и уже жду не дождусь, когда кончится мой срок, — точно в остроге сижу. Пробуду же я здесь примерно до 5-го или даже до 8 июля нашего стиля. Если захотите мне черкнуть хоть две маленькие строчки, то вот адрес:

Allemagne, Bad-Ems

A M-r Theodor Dostoevsky

poste restante

А если ничего не пришлете, то всё попрежнему буду о Вас тепло думать и вспоминать и за Ваше счастье богу молиться. А теперь крепко жму Вашу руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

II

ВЛАДИМИРУ ДМИТРИЕВИЧУ ШЕРУ

Петербург, Октября 11/78.

Милостивый Государь

Владимир Дмитриевич!

Сим честь имею Вас уведомить, что на продажу леса, в Шейной порубке, в количестве 70 десятин, по восьмидесяти двум руб. пятидесяти коп. за десятину, я, с моей стороны, согласен.

На счет же задатка покорнейше прошу Вас или выслать ко мне, или подождать, пока я буду в Москве (я буду или в Ноя-

бре, или в Декабре, в начале). Но посылать г. Полякова нарочно, на мой счет, — для меня хлопотливо, тем более, что тут, да и при всем почти этом деле г. Поляков не бог знает сколько участвовал своею деятельностью, так зачем же его еще беспокоить? Гонорар свой и все ему следуемое он получит вернее, чем я что-нибудь со всего моего имения. — Во всяком случае, однако скажу г. Полякову, и в случае, если присутствие его столь необходимо, то он и сам поедет: его никто не может сдержать.

Остаюсь с истинным уважением готовый к услугам Вашим

Ф. Достоевский.

III

17 июля 1880

Милостивейший Государь!

Владимир Дмитриевич!

На днях мы получили от Александра Андреевича копию с Вашего письма к нему от 6-го Июля этого года, в котором Вы сообщали ему о неудаче ввода во владение и о продаже Вами около 60 десят. Пехорки. На счет данной мы решили переговорить в Петербурге с адвокатом и поручить ему выхлопотать новую данную. Что же касается до продажи Пехорки, то нас очень удивило Ваше решение продавать ее по частям. Если мы и согласились продать нашу часть, как было условлено, т. е. 200 дес. Пехорки, то лишь весь лес; продавать же по десятинам мы ни в каком случае не можем согласиться. И как жаль, что Вы уплатили лишь тысячу рублей повинностей, следовало уплатить всю недоимку, иначе через полгода имение опять будет назначено к продаже. Свою часть недоимки мы можем вносить от себя, не продавая леса. Но мы Вас покорнейше просим не продавать из Пехорки да и вообще из имения ничего по частям; против продажи по частям мы решительно протестуем.

Мы могли бы предложить Вам следующую меру: Заключить с нами по возможности теперь же, от лица всех наследников Куманиной, нотариальным порядком, условие (или договор или как там признано будет назвать эту бумагу). Договор этот будет заключаться в следующем: Все сонаследники Куманиной, по добровольному соглашению со мною, Фед. Достоевским, соглашаются уступить мне, как следуемую мне долю наследства, четыреста дес. Ширяева Бора, при чем

в бумаге будет упомянуто и разъяснение в точности, что это лишь обещание теперь, но от которого они обязуются уже не отказаться тогда, когда, впоследствии, по получении данной, уже можно будет приступить к общему формальному и законному введению во владение и к разделу. Получив теперь это условие в виде обязательства на будущее от всех сонаследников, я, с своей стороны, обязуюсь вносить $1/12$ часть следуемых с имени повинностей; сонаследники же, с своей стороны, уже обязуются не рубить, не продавать и, вообще, не трогать ту часть Ширяева Бора, которую Вы благорассудите отдать на нашу долю. В таком случае я мог бы предоставить Вам распорядиться, как Вам угодно, в остальных частях имения (кроме заводской стороны) в Пехорке и пр., т. е. продавать ее по частям или как Вы усмотрите лучше. Наконец, если бы возникло затруднение: какую именно часть Ширяева Бора нам теперь предназначить (разумеется, только в обещании на будущее, но с тем, чтобы в будущем не препятствовать), то мы могли бы на свой счет пригласить землемера и, с Вашего согласия и указания, произвести так сказать предварительный пробный раздел (т. е. обозначить от какой границы до какой будет нам принадлежать в будущем наша часть имения), разумеется, со всеми выгодами в Вашу пользу, какие пожелаете теперь же говорить. Я же, с своей стороны, обещаю до последней возможной степени быть при этом пробном отмежевании сговорчивым, только бы Вы для меня это сделали. Если предложение мое не покажется Вам невозможностью или абсурдом, то все это дело могло бы быть улажено еще нынешнею осенью и бумага написана. Если же этот проект соглашения между мною и сонаследниками состояться не может, то я, повторяю это, на продажу Пехорки не согласен и протестую.

С истинным уважением имею честь пребыть

Милостивый Государь Вашим покорнейшим слугою

Ф. Достоевский.

Адрес мой: Старая Русса,

Новгородской губернии

Федору Михайловичу Достоевскому

Р. S. Убедительнейше прошу извинить меня за помарки в письме и не считать за небрежность.

Ф. Достоевский.

IV

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ КАЗАНСКОМУ

23 февр./80

Милостивый Государь Павел Петрович,

Полчаса после Вас я опомнился и сознал, что поступил с Вами грубо и неприлично, а главное был виноват сам, — а потому и пишу это, чтоб перед Вами извиниться вполне. Если пожелаете то приеду извиняться лично. Но замечу однако (как необходимую подробность) что г-на Шера я назвал Черв. валетом отнюдь не в прямом (юридическом) значении, а просто выбрал его первым попавшимся словом, не сопрягая с ним значения прямого, какое имеет слово валет. Это отнюдь.

Грубость же которую сказал Вам в лицо, я выговорил уже после Вашего обращения ко мне с словами: «После того Вы сами Червонный валет». С словами обращенными Вами ко мне.

Но этими объяснениями не оправдываюсь, равно как и болезненным моим состоянием, которое вполне сознаю, а наконец и беспокойным состоянием нашего времени вообще, мысль о котором приводит меня в болезненное расстройство, что было уже неоднократно в последние дни. Все эти объяснения (как оправдания) были бы для меня постыдными. Я виноват вполне, и так, что никакими объяснениями и сам не хочу себя оправдывать.

Но если я прошу прощения, так вполне и искренно, то желал бы взамен лишь одного, Милостивый Государь: именно чтоб Вы обратили внимание на мотивы, которые заставили меня так поступить: ведь не из страха же перед Вами личного? Что могли бы Вы мне сделать страшного и чем бы могли меня испугать? Не из заботы же наконец об этом несчастном наследстве, которое никак не может разделиться (хоть бы его вовсе не было)? И даже не из боязни же наконец общего мнения обо мне делаю это. Характер мой больной знают очень многие, хотя очень многие, чрезвычайно уважаемые всеми люди, любят меня и не смотрят на мой нелепый характер, прощают мне мои выходки — вероятно ради чего-либо другого во мне заключающегося. Но об этом не к месту. Я прямо хочу лишь сказать, что если прошу у Вас теперь прощения, то делаю это потому, что так мне велит моя совесть и что слишком мучают ее угрызения. Вот как хотелось бы мне, чтоб

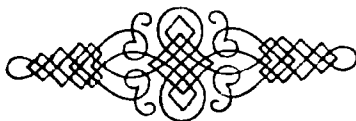
Вы поняли. Еще раз подтверждаю, что ругательные слова были лишь ругательства и что я не сопрягал с ними никакого фактического значения. Пустые слова, в которых прошу прощения.

А за сим, Милостивый Государь, зависеть будет от Вас. извинить меня или нет? Я ведь не претендую вовсе на то, что Вы меня почему-либо должны извинить, в видах того что я написал такое повинное письмо. Во все нет. Поступите как Вам будет угодно.

Примите уверение в моем совершенном уважении,

Ваш покорный слуга

Ф. Достоевский.

Г. И. Успенский

Неопубликованное письмо

(к П. В. Анненкову)

Вводная заметка

Г. Прохорова

Накаленная общественная обстановка 60-х годов и влияние освободительных идей эпохи вызвало оживление в литературной жизни. Появился новый герой современности — «мужик», появился новый тип писателя—разночинца, выходяца из среды городского мещанства, духовенства, крестьян. Писатели-разночинцы были представителями того направления в литературе, которое явило собою ранние общественные искания русской интеллигенции из непривилегированных классов.

Писатели-разночинцы, особенно вышедшие из среды сельского духовенства, были люди совершенно необеспеченные, бедные, вынужденные вести борьбу за свое физическое существование.

Большую помощь нуждающимся писателям оказывало «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (литературный фонд), организованное в 1859 году.

Вполне понятно, какое значение для этих бедняков-писателей приобрел Литературный Фонд: он иногда буквально спасал их от смерти. Дела Литературного Фонда — это красноречивый мартиролог русских писателей, это яркая иллюстрация к некрасовскому горькому выводу: «Братья писатели, в нашей судьбе что-то лежит роковое». Вот незабытый писатель П. Горский слезно просит Общество о пособии, так как дошел «до окончатальной нищеты», а в другом своем «прошении» сообщает, что «отчаянное положение, крайняя бедность довели меня до умопомешательства, и я был отправлен в марте этого года на излечение в Обуховскую больницу», и молит о помощи, «чтобы не умереть с голоду». В 1863 г. Некрасов просит Общество помочь тоже незабытому писателю шестидесятых годов Евгению Воскресенскому, который «находится с семейством в крайне бедственном положении, нуждаясь в одежде и обуви и даже не имея никакой мебели в занимаемой им комнате». В том же 1863 г. Некрасов просит Общество выдать пособие на похороны только что скончавшегося Помяловского, так как мать его «не знает, чем его похоронить». В 1865 г. Ф. М. Достоевский просит Общество выдать ему заимообразно некоторую сумму для уплаты неотложных долгов, так как только обещанием немедленной уплаты он мог склонить кредиторов «покамест меня не описывать и не сажать в долговую тюрьму». Наоборот, некто К. Фле-

Г. И. УСПЕНСКИЙ.
Портрет Г. И. Успенского в молодости.
Фото.

минг, составитель «народных словарей новейших языков», жалуется в 1864 г. Обществу на то, что его освободили из долговой тюрьмы, куда он «переехал с радостью», освободили потому, что, как оказалось, он долг свой уплатил давно. «Освобождение из «долгового отделения» разорило меня окончательно. Я три дня искал квартиру и денег, а ночью, как милость, выпросил позволение ночевать с арестантами Васильевской части, после заболел».

Вот в эту же пору и в подобных условиях протекали первые годы литературной деятельности Г. И. Успенского, творчество которого занимает в литературе особое место. Трудно жил Успенский, стремившийся к правде, к справедливости. О своей жизни он подробно рассказывает в своей автобиографии, в предисловии к первому изданию своих сочинений и в «заметке о втором издании», озаглавленной «От автора»; в письме к Гольцеву Глеб Иванович упоминал о своих рассказах, написанных «лихорадочно, буквально с голоду».

Понятно, что при таких условиях и для Глеба Ивановича Литературный Фонд должен был являться своего рода спасителем от ужасов голодной жизни, и Г. И. неоднократно обращался в Литературный Фонд за помощью; должно сказать, однако, что Комитет Общества не всегда имел возможность или желание сразу оказать Успенскому помощь; так, например, было в 1876 г., т. е. тогда, когда Г. И. уже был известен своими очерками «Нравы Растеряевой улицы».

Впервые Г. И. Успенский обратился в Литературный Фонд с просьбой о выдаче ему ссуды в 100 руб., но обратился не лично, а через посредство Н. А. Некрасова, который поручился за возврат ссуды. Комитет эту просьбу Успенского удовлетворил.

Во второй раз Успенский обратился в Общество в 1867 г. В заседании Комитета Общества 9 января 1867 г. было заслушано письмо Некрасова на имя члена Комитета Я. К. Грота. В этом письме Некрасов ходатайствовал перед Комитетом об оказании помощи Г. И. Успенскому, находящемуся «во временном затруднении, вследствие недостатка сбыта для своих работ», причем характеризовал Успенского как «очень бедного, очень деликатного и очень даровитого литератора». На этот раз Комитет поручил своему члену П. В. Анненкову «собрать более подробные сведения о положении г. Успенского».

Анненков выполнил поручение и в заседании Комитета 23 января доложил, что «г. Успенский молодой человек во всех отношениях достойный и по своим литературным занятиям вполне заслуживающий пособия от общества» (журнал Комитета Общества от 23 января 1867 г., ст. 3). Однако вслед за этим в журнале следует сообщение, что в настоящее время Успенский добровольно отказался от вспомоществования по тем соображениям, что сумма, которая могла бы быть назначена ему Обществом, не соответствовала его надобностям.

Сам Г. И. Успенский в приводимом ниже его письме в Общество говорит об отказе ему в его просьбе. Повидимому, Комитет готов был назначить Успенскому пособие, но не в том размере, в каком он просил. Комитет же по каким-то соображениям не захотел выдать испрашиваемой Успенским суммы. Свое решение Комитет формулировал так: принять письмо Н. А. Некрасова к сведению, а г. Успенского, если ему впоследствии окажется надобность в помощи Общества, иметь в виду на будущее время.

Проходит три месяца. Материальное и моральное положение Успенского ухудшилось, и он 30 апреля 1867 г. уже сам обращается в Комитет с следующим письмом на имя П. В. Анненкова:

Милостивый государь Павел Васильевич!

В январе месяце нынешнего года я обращался через посредство Н. А. Некрасова в Литературный Фонд с просьбою о пособии и тогда же через Вас получил уведомление, что Общество, находя меня здоровым и способным трудиться, отказало в моей просьбе. Несмотря на невозможность трудиться хоть сколько-нибудь добросовестно, так как все обдуманное и более выдержанное из моих вещей было напечатано в течение четырех месяцев (с сентября до 1 января 67 года), я должен был снова взяться за работу, не имея возможности отдохнуть и одного месяца, так как заработок четырех упомянутых месяцев весь пошел на покрытие некоторых долгов, сделанных в течение летних месяцев, когда решительно негде было работать, и которые я не могу считать отдыхом, потому что проводил их в крайней бедности. Кроме всего, некоторую часть моего заработка я должен был уделить моей матери, живущей в провинции и весьма нуждающейся. Поэтому в январе месяце я должен был обратиться с просьбою о пособии в Фонд. После отказа я должен был работать снова, не переставал работать до сих пор и в настоящее время решительно не имею возможности продолжать мою работу: восемь месяцев непрерывного труда истомили меня физически до такой степени, что я снова принужден обратиться с просьбой о пособии, так как ни одна из существующих редакций новых журналов не имеет средств обеспечить сотрудника хоть на два месяца отдыха. Я убедительно прошу Общество дать мне возможность уехать в провинцию, чтобы хоть немного собраться с силами, и если бы Общество нашло возможным помочь мне хотя бы 60 руб. сер., то я бы был крайне обязан им и искренно благодарен.

Глеб Успенский.

Адрес мой: На углу Бассейной и Литейной, 9 Краевского, кв. № 34.

Из этого письма, между прочим, видно, что Глеб Иванович жил в одном доме с Некрасовым.

Заслушав письмо Г. И. Успенского, Комитет и теперь не решился дать сразу просимое пособие и предложил ему предварительно доставить список его сочинений с указанием, где они были напечатаны. Это было 30 апреля. В следующем своем заседании, 8 мая, Комитет, наконец, определил: «Согласно с прежним своим заключением выдать г. Успенскому в виде единовременного пособия шестьдесят рублей, о которых он просит в своем письме».

Выполняя предложение Комитета, Г. И. Успенский представил следующий список своих произведений (сохранившийся, как и его письмо, в делах Литературного Фонда).

Список работ Глеба Успенского¹

1) Один том очерков и рассказов, изд. Печатника, 1866 года. 20 статей напечатанных впервые в Библиотеке для Чтения, Русском Слове и Современнике.

2) Один том очерков, изд. Генкеля, 1866 года. 10 статей из московского журнала Зритель и Русского Слова.

3) Напечатанные, но не изданные отдельно статьи:

В «Русском Слове». — День нужды. — 1865 г. Февраль.

Бесприютные. — 1865 г. Август.

Деревня. — 1864 г. Сентябрь.

Из чиновного быта. — 1865 г.

Октябрь.

В «Луче». —

Перепутье. — 1866 г.

Из мещанских нравов — 1866 г.

В «Деле». —

Песенки нужды. — 1866 г. № 1.

В «Женском Вестнике». — Медик, повесть. №№ 1 и 2 — 1866 г.

Современная глушь. № 3 — 1866 г.

и готовится к печати —

По черной лестнице.

В сатирических журналах «Искре» и «Будильнике»: 6 очерков Петербургской жизни.

Бойцы — рассказ в двух номерах.

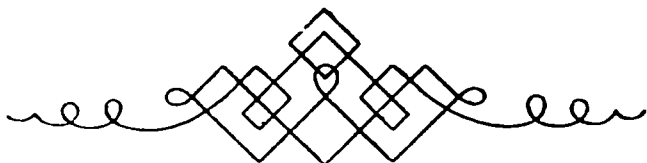
Новости — IV очерка в Будильнике.

Кроме того, мною написано очень много мелких статей, которых не считаю нужным поименовывать здесь.

Глеб Успенский.

¹ Список приводится с сохранением орфографии Г. И. Успенского.

Л. Ф. Филимонова

Истоки душевной трагедии В. М. Гаршина

Все жизнеописательные работы о Гаршине грешат неполнотой материала; даже многое из того, что могло быть известно исследователю и биографу Гаршина, не включалось в самое исследование по причинам крайне интимного характера.

Нераскрытые в биографии Гаршина моменты, дававшие повод только для самых осторожных высказываний биографов, относятся к периоду раннего детства Всеволода Михайловича.

Первый биограф Гаршина Я. В. Абрамов очень сдержанно сообщает: «Еще ребенком Всеволоду Михайловичу пришлось пережить многое такое, что выпадает на долю лишь немногих. Говорить об этом однако неудобно ввиду того, что до сих пор еще живы участники драмы, невольным свидетелем которой был Всеволод Михайлович»¹.

Повидимому, те же причины заставили и последующих биографов Гаршина больше полувека хранить молчание и только в позднейших работах² можно найти очень глухие упоминания об этой драме, из них наиболее значительные, хотя и лаконичные, в книге Г. Бялого «В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов»³ и в комментариях к II тому «Писем» В. М. Гаршина в изд. „Academia“⁴.

¹ Я. В. Абрамов. Всеволод Михайлович Гаршин (материалы для биографии) — «Памяти В. М. Гаршина». Художественно-литературный сборник. СПб, 1889, стр. 2.

² М. В. Клевенский. В. М. Гаршин. М.—Л., ГИЗ, 1925, С. Н. Дурылин. Детские годы Гаршина. Биографический очерк. М., 1910; В. Гроссман. Предисловие к рассказам В. М. Гаршина. М., ГИХЛ, 1936, стр. 3.

³ Г. А. Бялый. В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов. М.—Л.; изд. Академии наук СССР. 1937, стр. 7—9.

⁴ В. М. Гаршин. Полное собрание сочинений. М. — Л., изд. „Academia“, 1934, т. III, стр. 447—448.

Сам Всеволод Михайлович в автобиографической заметке сообщает: «Пятый год моей жизни был очень бурный: меня возили из Старобельска в Харьков, из Харькова в Одессу, оттуда в Харьков и назад в Старобельск (все это на почтовых зимою, летом и осенью); некоторые сцены оставили во мне неизгладимые воспоминания и, быть может, след на характере. Преобладающее на моей физиономии печальное выражение, вероятно, получило свое начало в ту эпоху»¹. Источник, откуда черпал свои впечатления ребенок, была семья. В этой семье было неблагополучно. Гаршину в то время шел только пятый год, но и над ним уже довлела семейная драма, назревавшая между отцом и матерью, драма, о которой знали маленькие дети, старшие братья Всеволода Михайловича. Рассказ об этой драме, завершившийся разрывом между родителями Гаршина, составляет главное содержание данной работы.

Раскрывая эту драму по документам, куда войдут и интимный рассказ, и полицейское дознание, и пасквильные письма, и материалы политического характера, мы считаем возможным опубликовать некоторые из документов полностью. Давая огромный материал для характеристики действующих лиц этой драмы, эти документы попутно затрагивают другие вопросы, перерастая тему данной работы. Они не только вводят в бытовую уклад, при котором интимная жизнь семьи Гаршиных разбиралась в участке и решалась резолюциями III отделения, но и рисуют тот политический гнет, на фоне которого вырастает прогрессивное движение общественной мысли. На этом фоне и разыгрывается описываемая драма.

Перед нами совершенно неизвестная до сих пор рукопись, хранящаяся в Государственном Литературном музее², — «Журнал поездки в Петербург с Жоржем³ и Витею⁴ с 11 декабря 1859 г.». Это дневниковые записи отца В. М. Гаршина — Михаила Егоровича Гаршина⁵. Журнал охватывает незначительный промежуток времени, всего полтора месяца. Однако эта небольшого объема тетрадь (84 л. почт. бумага) представляет ценнейший материал для исследователя и биографа В. М. Гаршина. Точность биографических сведений, содержащихся в дневнике, не подлежит сомнению потому, что они исходят из первоисточника. Некоторая пристрастность в обрисовке портретов и оценке событий не лишает, однако, достоверности тот фактический материал, на котором они строятся. Дневник ведется в эпистолярной форме. Записи как бы обращены к другому лицу. Это лицо — жена⁶.

Рассказ о поездке в Петербург, предпринятой М. Е. Гаршиным для устройства сыновей Виктора и Георгия в Морской корпус, сосредоточен

¹ В. М. Гаршин. Полное собрание сочинений. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1910, кн. 1, стр. 5—9.

² ГЛМ. Рукоп. отд. Шифр 5237/1. Ныне в ЦГЛА.

³ Георгий Михайлович Гаршин («Жорж», «Юрик») (1849—1859) — старший брат Всеволода Михайловича Гаршина.

⁴ Виктор Михайлович Гаршин (умер в 1879 г.) — второй брат писателя.

⁵ Михаил Егорович Гаршин — помещик Старобельского уезда. Окончил 1-ю Московскую гимназию, пробыл два года на юридическом факультете Московского университета, но увлекся военной службой, покинул университет и поступил в кирасирский полк. После получения от отца наследства (70 душ) в 1858 г. вышел в отставку в чине ротмистра. Купил дом в Старобельске, в 12 верстах от своего имения, и поселился там с семьей.

⁶ Екатерина Степановна Гаршина, урожд. Акимова (1828—1897).

главным образом на событиях семейного характера. Однако здесь можно найти и любопытный бытовой материал, и моменты, характеризующие общественно-бытовую обстановку того времени. Автор даже пытается протестовать против нелепости бытового уклада в печати. Так, описывая очень колоритный эпизод в адресном столе с чиновником, который затруднился дать нужную ему справку об Александре Дмитриевиче Желтухине, потому что «чин его не более как отставной прапорщик», М. Е. пишет об этом в «Искру» обличительную «заметку провинциала о том, как легко найти через адресный стол живущего в Петербурге и приключения того же провинциала»¹.

Обилием бытовых подробностей записи воссоздают обстановку, в которую попадает М. Е. Гаршин в Петербурге, устанавливая родственные связи и круг его знакомых. Не лишены остроумия и наблюдательности характеристики, сделанные скромным провинциалом, попавшим в петербургскую гостиную. Так, очень живо и метко М. Е. Гаршин определяет среду, в которую ему довелось попасть на вечер у Наталии Борисовны Сухановой: «...важные, с одутловатыми губами особы, важные потому, что имеют звезды и на шее кресты, не сделав в долгую жизнь свою никакой пользы отечеству и получая огромное содержание от правительства...» Автор упоминает о встрече с президентом Академии художеств гр. Ф. П. Толстым, художником Пименовым², поэтом Н. Ф. Щербиню. Не без удовольствия Михаил Егорович отмечает, что сумел привлечь к себе внимание кружка гостей: «...я особенно заинтересовал их, почему я озяб, пояснив, что приехавши в Петербург я запасаю медвежьей шубой, но приехавши сознав, что она для Петербурга тяжела и рельефно выказывает нашего брата помещика, я сшил себе сюртук с бобровым воротником подбитый ватой; в этом сюртуке я и путешествовал несколько верст на Петербургскую сторону, как мы путешествуем в деревне в медвежьих шубах... Все слушали с интересом. Подошел какой-то старик с чиновническою важною, и, вмешавшись в разговор, спросил меня что-то. Я продолжал рассказывать, и начал обращаться в числе других и к нему; но он чувствуя свое достоинство отвесил свою губу, резко отвернулся, и на стороне сделал такую физиономию как будто от нечего делать хотел посвистывать. Меня это разозлило, я, продолжая рассказ, обратился к одному преобразенцу и сказал ему: «Вот я хочу просить Петра Лукича³, чтобы он вместо перевода туманного Гегеля занялся бы одной статьею, которая гораздо для него выгоднее». Он понял меня и со смехом спросил: «Какую же?» Я сказал, что прекрасно бы было, если бы написал статью под заглавием: чиновничья губа, чувствующая свое достоинство оттого, что у него на шее орден, или на груди звезда. — Хохот был общий; а гадко чопорный старик медленно отошел» (лл. 48—51).

Из этих описаний довольно рельефно выступает фигура самого автора, провинциального помещика, пытающегося даже обличать скудоумие и напыщенность высшего чиновничества. Иногда подобные описания сделаны сочно и обнаруживают в авторе склонность к литературным занятиям.

¹ Заметка в «Искре» не помещена.

² Повидимому, речь идет о скульпторе Николае Степановиче Пименове (1812—1864).

³ Петр Лукич Соляников перевел с немецкого книгу Роберта Гайма «Гегель и его время». СПб, 1861.

В. М. ГАРШИН — СТУДЕНТ ГОРНОГО ИНСТИТУТА
1875 г.

Фото В. Каррик.

Однако в основной своей части, написанный с предельной искренностью, дневник не претендует на литературность. Это — добросовестный отчет о событиях каждого дня. В дальнейших записях расходов ощущаются большие материальные затруднения семьи Гаршиных, необходимость все учитывать, не выходя из скромного своего бюджета. Вот образец некоторых записей:

«Я плачу у Кайзера за каморку 1 руб., за 2 самовара — 50 коп., да еще за то, что слуга подает самовар, — 10 коп., за свечи 30 коп. — просто разбой!...»

«...У меня за квартиру со столом вышло в сутки 3 р. 38 к. —»

«...пили кофе, за сливки заплатили очень дорого — 30 к. за стакан...»

Эти экономические выкладки прерываются лирическими излияниями, обращенными к любимой и неверной жене. Эмоций здесь больше, чем экономии. Они-то и составляют основное настроение дневника.

«Простившись с тобой я посмотрел в след и сердце мое сперва сжалось, потом окаменело...» (11 дек.). Этой записью открывается дневник.

Описывая момент въезда в Москву, М. Е. восклицает: «Знакомые строения Белокаменной открываются, я перенесся в юность... сердце забилося. — Сколько с того времени событий нежданых, негаданных! сколько обманутых надежд и только одна истинная радость, истинное было счастье для меня, когда ты досталась мне!.. Господи!.. прости меня Катя... голова кружится... любовь и теперь так же сильна во мне...» (15 дек.).

«Я не уроню себя из истинной любви моей к моей Кате и прошу бога чтобы он поддержал меня навсегда в обете данном перед евангелием...»

Давая эти обеты верности, М. Е. напоминает жене и об ее клятвах: «Ты целовала евангелие... следовательно ты моя навсегда... Ты навсегда, в храме, перед богом и по собственному усиленному желанию отдалась мне, а я тебе... и я от себя опять скажу как и 12 лет перед этим¹: «Труды мои, всю жизнь, все посвящу я тебе...» (15 дек.). «Катя люби меня как я тебя...»

Этот элегический тон любовных обращений внезапно сменяется резко обличительным. Из этих обличений вырастает во всей своей обнаженности довольно обычная трагическая коллизия — жена, изменяющая мужу с домашним учителем, страдающий и оскорбленный муж и наблюдающие все это дети.

В записи от 2 января автор приводит рассказ детей, содержащий реальные доказательства измены.

«Жорж всегда ненавидевший Завадского², начинал тогда со слезами ругать его, говорил, что он погубил мамашу, что он причиною всему злу, что он еще в Старобельске знал, что мамаша любит Завадского, знал, что ее несколько раз ловили, когда она лазила к нему во флигель в окно, что один раз, когда Григорий человек Фрейтага — захватил ее, когда она

¹ Брак М. Е. и Е. С. Гаршиных состоялся в 1848 г.

² Петр Васильевич Завадский (род. в окт. 1839 г., умер в конце 1870-х гг.) — сын священника с. Казенная Кривая Руда, Хорольского уезда, Полтавской губ. Учился в Лубенском уездном духовном училище, потом в Полтавской семинарии; в 1855 г. поступил в Харьковское ветеринарное училище, а в 1856 г. в Харьковский университет. Из университета в 1858 г. был исключен на год за участие в беспорядках. В 1859 г. вновь принят. В 1859 г. — домашний учитель детей Гаршиных.

лезла из окна, то она дала этому человеку 1 рубль сереб., чтобы он не сказывал. Юрик признался, что он часто с досады пел песню: «Жена мужа предала предала», за что мамаша на него кричала и говорила: «Я тебя проклян, если ты не будешь уважать Завадского». Дети ничего не знали непосовольного, Жорж сознался, что мамаша и Завадский им все растолковали, рассказали о различии между мужчиною и женщиной, толковали, как производятся дети...»

Потрясенный этими рассказами, М. Е. восклицает: «До чего ты дошла Катя? — Твой светлый ум перешел в злое безумие...»

↑ Терзания ревности переходят в тоску нарастающих предчувствий.

«...Грусть, какое-то тяжелое новое чувство, зародившееся еще в Харькове гнетет меня; неужели ты еще обманываешь меня, друг мой. Неужели ты так безмерно зла, так бесчеловечна, что и теперь решила обмануть меня. О пощади меня, пощади детей наших...» (24 дек.).

«Вчера я думал, что делается с тобой, и сердце сжималось от какого-то страха!» (25 дек.).

«Утром я был на почтамте; но от тебя письма нет; неужели и теперь твои обещания только слова? Катя! неужели ты не возвратилась к святой правде?»

Сердце сжимается при этой мысли...» (26 дек.).

«Утром я купил два золотых крестика тебе и мне; купивши мне приходила мысль: не поздно ли? и вместе надежда, что все поправится. Сердце мое раздиралось, мне только и приходили в голову все хитрости и обманы, к которым я был так безрассудно доверчив, потому, что веровал в тебя...»

«...Мысль, что люди со мной и детьми сделали не оставляет меня. — Я решился на окончательное предупреждение зла, тогда берегись изверги!» (28 дек.).

«Под 31-е число я не спал всю почти ночь, тяжелый камень лежал на моем сердце. — С мученьем я вспомнил о тебе и думал: сохраняет ли она себя для меня? Мне пришло в голову, что мы продолжаем быть в том же состоянии, как в Харькове, что ты бежишь куда глаза глядят, вместо того, чтобы укрыться в тихое пристанище под защиту другого сердца любящего тебя бескорыстно святою любовью матери, под защиту родившей тебя... и с кем же бежишь — опять с тем извергом, который в маленьком и гаденьком теле своем носит столько яду подлости, столько злодейства и бесчеловечья. Волос дыбом становился у меня, и я на другой же день решился сдать детей в корпус, несмотря, что это было тяжело, слишком тяжело для меня, но я спешил скакать, лететь к тебе...» (30 дек.).

«Ночь для меня была самая мучительная, она была перед 3-м генварем, днем, в который решила моя участь, с этого числа я уже не буду в этом дневнике обращаться к бывшей моей Кате. Прости мой бывший друг!» (2. янв.).

«Я ночевал у Егора Ивановича¹. Человек Сухановой принес ко мне телеграфическую депешу... Увидевши депешу я пришел в трепет, выхватил ее из конверта, в ней было написано от брата Ивана Егоровича²: «Спешите приехать, тебе нужно по твоим семейным делам». Руки у меня опустились. Я не помнил самого себя...»

«Остальные дни мои помрачились мраком, которого никакое солнце не

¹ Егор Иванович Акимов — двоюродный брат Е. С. Гаршиной.

² Иван Егорович Гаршин.

разгонит.. я обречен страдать незаслуженно. Господи, господи, какое мученье тогда терпела душа моя...» (3 янв.).

Тем не менее М. Е. пытается спасти положение. По дороге (из Твери) шлет депешу брату: «Благоразумными мерами старайся спасти ее и Всеволода. Бог тебя не оставит!» В Москве он обращается к Н. Н. Воронцову-Вельяминову — редактору «Московского вестника» с просьбой помочь ему в устройстве переводов с французского языка, которыми хочет занять жену. «Она жаловалась, — пишет он, — что ей нужно умственное занятие, я обещал вместе с нею этим заниматься и исполнил бы все для нее из любви к ней. Воронцов-Вельяминов сказал, что за французские переводы дорого не дадут, но я ему сказал, что деньги мне не нужны, сколько дадут, тем и буду доволен, что я к полученным от книгопродавцев деньгам буду прибавлять свои и отдавать для поощрения одному лицу и что это будет способствовать к моему не только спокойствию, но быть может к благополучию» (5 янв.).

Однако благополучие было уже утрачено, и в Харькове М. Е. узнает о бегстве жены с Завадским. «Брат Иван Егорович не мог отыскать беглянки... Афросинья¹ бросилась со слезами ко мне на шею, рассказывала как нагнал их Завадский с Спасским² на биржевом извозчике, как он вынимал из экипажа Всеволода и сажал его к себе на извозчика, как укладывал вещи моей распутной жены. — Она уговаривала не делать этого, но ее не слушали, она не отстала от них и приехала с ними в Харьков обратно. С квартиры ее послали отдать излишние вещи Николаю Емельяновичу Фоменке, она отправилась; но возвратившись, не нашла преступников, они скрылись от нее...»

Повествуя брату о своем несчастье, М. Е. говорит: «Эта женщина злодейски обдумывала годами свой адский умысел; но все однакож я, к сожалению, люблю ее и хотел бы ее опять сделать своею, перевоспитаю, пересоздаю ее испорченную душу. Брат как ни был тронут моим положением, но расхохотался и начал говорить, что она для меня должна быть мертва, если я хочу сохранить уважение собственное к самому себе, наконец, если хочу сохранить к себе уважение родных моих и всего света, в противном случае я положу на себя вечное пятно... я должен возненавидеть, а не любить за зло, которое она нанесла самой себе, мне и детям нашим. — Слова его начали благотворно... действовать на меня, но не совсем. Потом приехал наш знакомый Василий Леонтьевич Васильев, кротким и убедительным умом своим в продолжение двух дней он исцелил душу мою от болезни, разогнал мрак пагубный для меня и брак мой я *разорвал!!!*³ Бывшая жена моя мне стала представляться похожею на горбатого чертенка, с ужасом я увидел все ее обдуманые страстные замыслы. *Finita comedia!*⁴ Любовь моя к детям все более и более возрастает, эту любовь я не променяю ни на какую любовь к женщине, высокой нравственности, дивной красоты. Моя любовь высока, чиста, нравственна! Господи, дай мне утешение в трех друзьях моих, возврати мне моего Всеволода из рук хищного коршуна и Ты прольешь свет счастья на остальные дни моей грешной жизни. Верую тебе господи, *помози верию моему!*»⁵

¹ Евфросинья Куцевалова — няня детей Гаршинных.

² Василий Лукич Спасский (1831—1884) — харьковский педагог.

³ Подчеркнуто автором.

⁴ Комедия кончена! (написано крупными буквами).

⁵ Подчеркнуто автором.

«Сначала брат И. Е. хотел без огласки сам найти Всеволода, выследив, куда ходят Завадские, но потом у Николая Емельяновича оказалось письмом от нее с штемпелем из Курска, копию письма этого я прилагаю к журналу¹. — Тогда я узнал, что ее нет в Харькове, хотя все-таки думал, что она может быть и здесь. Прошло несколько дней, я в нетерпении отправился к полицмейстеру, просил его неофициальным образом и негласно способствовать к отысканию беглой, он приказал переодетым полицейским следить за Завадским; но поиски оказались напрасными; я по совету Ивана Абрамовича Шахова отправился к губернатору, — он был тронут моим положением, просил меня действовать открыто и хлопотать о разводе. — Тут я подал формальное объявление, сделан был предварительный допрос Завадскому, он признался, что способствовал к побегу бывшей моей жены, что после моего отъезда она 3 дня прожила у коллежского регистратора Шведова. Оставив суб-инспектору на квартире Завадского я с частным приставом отправился к Шведову, показания его подтвердились показаниями Шведова, беглая 3 дня жила у него не под фамилией Гаршиной, а Акимовой. Завадский объявил, что она с Спасским, взяв Всеволода, отправилась в Валки по его подорожной с тем, чтобы из Валок взять подорожную на свое имя и ехать к брату Дмитрию Степановичу² в Одессу. Полицейстер послал депешу в Одессу о задержании ее, я заплатил деньги за ответ, но ответа не было. Я начал решительное следствие; теперь описывать нечего, что будет, то будет описывать не я, а полиция! Я сделал все... Умываю руки... Скажу в заключение: «У меня нет жены, она отдала себя в руки порока, в руки зла!»

«...Господи, поддержи нравственность мою, поддержи бескорыстную любовь мою к детям, возврати мне моего драгоценного Всеволода, о чем буду молить тебя до минуты моей смерти, до минуты моего последнего *издыхания*»³ (5 янв.).

Этой записью по существу завершается дневник⁴.

При всей субъективности записей они дают объективно ценный фактический материал. Крайняя же степень интимного в этом дневнике не может быть препятствием для его изучения как источника, отражающего момент, не освещенный в биографии В. М. Гаршина.

Больше всего материала М. Е. Гаршин невольно дает о себе самом.

Известно, что он является автором ряда статей по вопросам крестьянской реформы⁵.

Одна из них остановила внимание Н. Г. Чернышевского, отозвавшегося о ней положительно⁶. Во время освобождения крестьян М. Е. был представителем от Старобельского уезда в Харьковском губернском комитете

¹ Письма этого в материалах ГЛМ нет. По печатным источникам оно не известно.

² Дмитрий Степанович Акимов (застрелился в 1879 г.) — морской офицер, участник обороны Севастополя.

³ Подчеркнуто автором.

⁴ Последующая запись, уже через полмесяца, включает в себе описание сна и связанных с ним душевных состояний.

⁵ См. «Журнал землевладельцев» и «Харьковские губ. ведомости» за 1858—1859 гг.

⁶ Библиография статей по крестьянскому вопросу. — «Современник» 1859 г., отд. 2, стр. 80.

по улучшению быта крестьян. И тем не менее ниже публикуемые документы с предельной четкостью определяют реакционность воззрений М. Е. Гаршина. (Оппозиционные настроения мелкого помещика-либерала 60-х годов прекрасно уживаются с консерватизмом. Его интеллектуальный силуэт в общем довольно выразителен — это человек «немудрящий», по выражению В. М. Гаршина. Его жизненные идеалы скромны и несложны. «...И заживем мы жизнью обновленной. Дни наши будут посвящены детям и мрак дьявола разгонится с пути нашего... Дети наши радуют нас и мы снова прильнем, прикуемся друг к другу и оковы эти да будут для нас святыней и в дряхлости лет, если богу угодно дать нам эти долгие дни» (л. 11).

Наиболее яркое выражение нашли в дневнике эмоциональные настроения автора. По природе своей это человек простых и ясных чувств, таким рисует его сын в рассказе «Ночь», таким он встает и в этих записях. Здесь мы не раз читаем описание смутных душевных состояний автора, его снов и предчувствий, выражений гнева и страдания. В мучительных допросах детей о Завадском — почти сладострастное желание разжечь ненависть к нему («...ты теперь не будешь уважать Завадского, не будешь?..»). Но эти психические состояния совсем не свидетельствуют о сложности натуры, они только результат болезни. Психическая болезнь отца Всеволода Михайловича — факт широко известный, диагностированный клиническим наблюдением в следующей справке¹: «Михаил Егорович — добрый, кроткий, слабосильный картежник. Страдал циркулярным психозом. Первый раз заболел на 3 курсе университета. Отмечались переходы от sentimentalной нежности к бурному гневу: крайне рассеянный, пришибленный, испуганный. Назывался «Мишель странный». Под конец жизни страдал каким-то видом умственного расстройства: по словам сестер, писал проекты, которые адресовал на имя государя; неудачный изобретатель «канатной железной дороги». v

Конечно, образ М. Е. Гаршина не исчерпан в дневнике, полное раскрытие этого образа возможно только на основе всестороннего изучения других имеющихся о нем материалов, о которых речь будет ниже, но и эта маленькая тетрадь дает много ценного об отце Всеволода Михайловича.

Второе лицо в этом дневнике — Петр Васильевич Завадский, тот, кто разбил мирное и ясное существование семьи Гаршиных.

О нем мы встречаем упоминания в автобиографической заметке В. М. Гаршина — «...учил меня (читать) по старой книжке «Современника» (статьи не помню) наш домашний учитель П. В. Завадский, впоследствии сосланный за беспорядки в Харьковском университете в Петрозаводск и теперь уже давно умерший...» И дальше — «...Два лета провел у П. В. Завадского в Петрозаводске...»

В оценках автора дневника, Завадский — ограниченный, мелкий человек, который намеренно тормозит образование вверенных ему детей, чтобы обеспечить себе длительное пребывание в доме. «...Коснулись обозрения происшествий русской истории, Жорж ничего не знал, опять

¹ Справка Психиатрической клиники 1-го Моск. гос. университета, приводимая в статье А. Г. Галачьяна и Т. И. Юдина «Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи» («Русский евгенический журнал», т. 1, 1924, вып. 3—4, стр. 321—342).

мысль о шарлатанстве, о том, что хвала успехов была для того, чтобы удержаться при мне, чтобы постепенно как медлительным ядом уничтожить союз наш, поработить ум одного из нас... Умные и бойкие мальчики наши могли бы основательно и твердо знать начальное для корпуса... но с ними учились без порядка, чтобы только чем-нибудь занять, чтобы сказать, что они много знают. — Хуже нежели подлость, — злодейство, преступление!»

Это любовник, который носит белье обманываемого им мужа. Говоря о сделанной покупке белья, в котором М. Е., по его словам, терпел крайний недостаток, он пишет: «ведь я не один носил белье... были негодяи, у которых не было ни совести, ни бога» (л. 36).

В записи от 15 декабря автор дневника дает резко отрицательную характеристику П. В. Завадского:

«...Вот что осталось нам разбитым нечаянной бурей и эта буря надута существом ничтожным, плюгавым, стоящим того, чтобы как червяка раздавить ногой... Оплевать с ног до головы и пренебречь как скверным, гадкое, остро-подлое маленькое существо».

«...Я знаю его слова к отцу: «я устраиваю всё лучше и лучше и живу как своим хозяйством» — неужели это не слова отъявленного подлеца?»

Эти выкрики озлобленного и мстящего мужа, а также жгучесть и напряженность момента, острота положения свидетельствуют о том, что М. Е. утратил объективность суждений. Поэтому к сделанной М. Е. оценке П. В. Завадского надо подходить осторожно. Оскорбленный супруг, потерявший объективность, нарисовал отталкивающий образ соперника. Однако в действительности П. В. Завадский был не таким, как он описан в дневнике М. Е. Гаршина.

Сведений о П. В. Завадском почти ни в одной биографии В. М. Гаршина не имеется¹, зато их можно найти в литературе о деятелях революционного движения 60-х годов².

Эти сведения в достаточной мере говорят об идейной честности Завадского, поэтому в каких бы формах ни предстали глазам М. Е. Гаршина те факты, о которых он пишет в своем дневнике, их надо принимать, повторяем, с очень большим ограничением. Больше всего сведений о П. В. Завадском мы находим в одном из дел архива III отделения³.

Здесь же имеется и новый материал об М. Е. Гаршине.

¹ Кроме комментария к «Письмам» в III т. полного собрания сочинений Гаршина, изд. «Academia», да случайных упоминаний в некоторых работах.

² Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856—1858, Харьков, изд. «Пролетарий», 1930; С. Татищев. Революционное движение в России 1861—1881. Записка, составленная по департаменту полиции (рукопись). Гл. III. V, VII; Б. Глинский. Революционный период русской истории (1861—1881), Часть I. СПб. 1913, стр. 114. М. Лемке. Очерки освободительного движения шестидесятих годов. СПб, 1908 (Молодость «отца Митрофана»); А. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. Лемке (по указателю). «Колокол», издававшийся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Лондон, 1857—1867, л. 77—78 (1860); «Историко-революционный сборник» т. III. Гиз, 1926 (список лиц, заключенных в Алексеевском равелине).

³ ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 2, 515 л. «О тайном обществе, открытом в городе Харькове».

Со вниманием и уважением к вам —
Благодарю за преданность и самоотверженную работу

Вашего Превосходительства,

подписавшийся лично:

Михаил Гаршин

Командир Старобитовской уезда

Отставной С. Р. М. № 10000.

Со Превосходительства
Александру Евревичу Тимашеву
Командир Старобитовской уездной
команды Старобитовской уездной

Адрес: мой: Михаилу Евревичу Тимашеву
в г. Старобитовск, Александровской губернии.

2860 года
12 апреля
Старобитовск

Автограф письма М. Е. Гаршина к управляющему III отд
А. Е. Тимашеву

15 февраля 1860 года

Великодушный мой

Александр Сергеевич!

Ваше письмо от 11 февраля, в котором вы сообщали мне, что вы едете в Петербург, и просили меня написать вам несколько слов, я с удовольствием исполнил ваше желание, и пишу вам несколько слов, как вы просили. Я надеюсь, что вы будете довольны моими словами. Я желаю вам всего хорошего, и надеюсь, что вы будете счастливы. Я пишу вам несколько слов, как вы просили. Я желаю вам всего хорошего, и надеюсь, что вы будете счастливы. Я пишу вам несколько слов, как вы просили. Я желаю вам всего хорошего, и надеюсь, что вы будете счастливы.

Автограф письма М. Е. Гаршина к управляющему III отд.
А. Е. Тимашеву, 15 февраля 1860 г.

каким образом я не могу; и
не могу. — Конечно, при нас нас
знают! Вспомните ^{теперь} ~~теперь~~ Ва-
силевы, Крыжанов и убедительность
успехов своих ввиду успеха двух дней
от успеха двух дней от успеха,
разумеется, успех успеха. Вы не
и успех мой разорвать!!
вспомните успехи мои от успеха
стались и успехи на успехе
успехи, а успехи и успехи в
ва успехи, и успехи успеха.
Finita comedia! успеха
и успеха. Все успехи и успехи.

Если в дневнике мы видим либерального помещика, как будто даже сочувствующего прогрессивным веяниям эпохи, то публикуемые документы архива III отделения дают совершенно иной образ М. Е. Гаршина. От его кажущихся либеральных тенденций не остается и следа. Перед нами выразитель ультрареакционных общественных настроений, обнаруживающий полную благонамеренность и в мыслях и в поступках.

По этим же документам мы узнаем о дальнейшем развитии драмы в семье Гаршиных. Дело открывается тем самым формальным «объявлением» М. Е. Гаршина, о котором он упоминает в своем дневнике и которое является как бы его продолжением. Приводим текст «объявления».

«Его высокоблагородию
Господину Харьковскому Старшему Полицмейстеру
Антону Григорьевичу Хонтинскому.

Старобельского уезда помещика
Ротмистра *Михаила Егорова сына*
Гаршина.

Объявление

Тридцатилетняя жена моя, проживавшая со мною 12 лет, и имевши шесть человек детей, из которых в живых три сына, свела невозволительную связь с проживавшим у меня для счетоводства по имени и переписке бумаг, сыном священника Петром Завадским, как теперь открылось, за полгода перед этим. Я, ослепленный уверенностью и уважением к жене, согласился на ее предложение поместить детей с ним на квартиру в г. Харькове по поступлению его в студенты. Тут, когда я, с моею женою приезжал в первый раз проведать детей, я только ревновал, но не допускал мысли, чтобы она до такой степени унизилась, чтобы забыть, что она женщина благородная и потерять так страшно стыд и совесть, но непонятное предчувствие давно мучило меня; когда же я приехал во второй раз, чтобы взять и везти детей в корпус, тогда все открылось, она пала, низко пала, потеряла стыд; на месте преступления видели ее крепостной мой человек Марко Прокофьев Шаров, нанимавшаяся у меня кухарка крестьянка Агафья Мельникова и служившая при ней и при детях моих солдатка Ефросинья Куцевалова, которая призналась мне со слезами, что она давно знает эту связь, но из страха к барыне и из любви ко мне не решалась открыть, и наконец тронувшись моим мучением, решила открыть все; кроме этого жена моя сама мне призналась, а также и Завадский, когда я изобличил его, сказал: «но теперь что ж делать?» Кроме того у меня есть письмо ее, доказывающее до какой степени безнравственности дошла она, и имею на нее и Завадского одно подозрение, которое объясню при следствии. — Я однако не хотел губить ее, простил, думая перевоспитать и впоследствии, она поцеловала Евангелие и я несколько успокоившись отправился в С. Петербург, но не совсем доверяя ей, хотел в Петербург с собою взять и третьего сына моего Всеволода, она у ног моих выпросила его, я и тут доверился ей. Она отправилась к матери в Бахмутский уезд¹, я с двумя сыновьями нашими, проводил ее до заставы, но возвратившись из Петербурга в Харьков узнал, что она к матери не поехала, под сл. Роганью вдруг прискакал к ее экипажу на

¹ В Екатеринославской губернии имение матери Е. С. — Александры Степановны Акимовой «Приятная долина», где родился Всеволод Михайлович.

извозчике Завадский, вырвал у солдатки Ефросиньи Куцеваловой из рук четырехлетнего сына моего Всеволода и вместе с недостойной женой моею, огняв таким образом сына у законного отца, обманом скрылись от этой женщины, которую я просил беречь сына не надеясь на жену мою. Теперь дознано, что жена моя в Одессе, и потому покорнейше прошу Ваше высокоблагородие, по телеграфической депеше дать знать, чтобы обязать ее подпискою о невъезде, произвести также законное следствие, спросив при обвиняемом мною в похищении сына моего и скрытии жены — Завадского, под присягою людей, его самого, и не оставить меня Вашим участием, о возвращении отцу украденного сына. Письмо ко мне жены моей с штемпелем из Курска представить честь имею, — и тут обман: она уехавши в Одессу, вероятно отдала письмо кому-нибудь ехавшему в Курск, который отправил оное из этого города в Харьков; хотя письмо ею не подписано, но это письмо можно сравнить с другими письмами ее, которые я найду в Старобельске и с домашнею счетною книгою, писанною ею и находящеюся теперь при мне в Харькове.

Верно: Помещик Старобельского уезда отставной ротмистр
Михаил Егоров Гаршин.

Генваря 13-го дня
1860-го года Харьков¹».

Не надеясь на харьковскую полицию, М. Е. апеллирует к всеильному III отделению; 4 февраля он пишет управляющему III отделением А. Е. Тимашеву:

«...Позвольте обратиться к Вам, как к сановнику — мне человеку, испытавшему всю горечь несчастья и просить не отказать мне в Вашей помощи...

...Из переписки Вы увидите, что у меня украли четырехлетнего сына, которого я люблю более жизни. — Вы сами семейный человек, следовательно понимаете любовь к сыну отца. Харьковская полиция при всем желании помочь мне, при всех обещаниях своих, не может открыть следов бежавшей жены моей в продолжение более месяца; а я знаю, что малюжка сын мой незаслуженно, как невинный, чистый ангел подвергается нуждам.

Ваше превосходительство, я страдаю, крепко страдаю.

Не откажите вашим милостивым содействием о возвращении отцу украденного сына и сам бог наградит Вас!..»

Направленная в III отделение просьба М. Е. была рассчитана главным образом на самого царя. Однако горестного рассказа о крушении его семейного благополучия ему кажется недостаточно, чтобы тронуть монарха, которому необходимы доказательства иных чувств, и М. Е. делает дипломатический ход. Он пытается привлечь «высокое внимание и расположение Александра II выражением одушевляющей его ненависти к их общему врагу» — Герцену, в котором видит первопричину бедствий государственных и конкретного виновника своего личного несчастья.

В том же письме он пишет:

«...Гниль сочинений в журнале Герцена, называющего себя Искандер, всегда возмущала меня. В сочинениях этих десятая часть правды, остальное ложь, клевета, нахальство. Благодаря этому Искандеру или Герцену, я постигнут страшным несчастьем...

...Разыгралось мое Русское сердце и не вытерпело: я написал обличение Искандеру или Герцену, под названием: «Совет разумнику»: Осча-

¹ ЦГИА, III отд., I эксп. 1860 г., № 26. ч. 2-я. лл. 7—8 об.

стльвите меня, отошлите один экземпляр в Англию, пусть читает и наслаждается, другой же экземпляр (не откажите в желании истинного подданного царя и сына отечества) представьте самому государю императору. Чистое изложение чувств моей души не затруднит доброго монарха, он любит правду, и в особенности ту правду, которая так метко делает выстрел в грудь общего врага нашего Герцена, ложно называющегося Искандер!..»¹

Вот это послание, цель которого обратиться Герцена «на путь правды».

«Заехавши в туманный Альбион, в страну эгоизма, напыщенности и корыстолюбия, оставив свою отчизну Русь, эту дивную, целомудренную роскошную красавицу, Вы, как хищный коршун кричите оттуда во все горло: «я люблю отчизну!» — но Вы не обманете этим истинных сынов Руси, чтущих своего Венценосца, без насмешки признающих законы его и гордящихся тем, что питают к Венценосцу чувства верноподданничества, а Вы смеетесь над этими святыми чувствами... Не смех ли это дьявола, старающегося уничтожить все доброе, все святое?..»

Свою обвинительную аргументацию автор начинает с оценки «Колокола», высказав предположение, что одна из целей журнала, издаваемого Герценом, «приобретать деньги, не имея средств к жизни», и затем переходит к основной задаче, которую, по его мнению, ставит себе Герцен, а именно — соединиться с подобными «ему личностями, желающими междоусобной резни; воспользоваться ею, воспользоваться слабыми умами и когда охватит пожарище Вашу любимую отчизну (а по-моему Вами ненавидимую), Вы тогда не будете сидеть в Альбионе, Вы оставите Ваш вольный станок книгопечатания в Англии и явитесь в Россию. Это явление Ваше будет похоже на явление мошенника во время пожара... Вы воспользуетесь общим пожарищем нашей девственной красавицы России и преступно украдете у ней принадлежащее ей спокойствие, привычную любовь к Царям и уважение к закону. Скажу прямо: Вы хотите сделать из России республику, чтобы сделаться (как в других местах делалось) президентом, а потом, пожалуй, опять республику обратить в империю и сделаться Императором, но это химера, далеко кущему до зайца...» Призывая Герцена «обратиться на путь правды как истинный и непритворный, бескорыстно любящий сын отечества...», М. Е. дает ему совет: «устыдитесь Вашего преступления, пощадите Вашу бывшую родину, бросьте Ваши бредни... Оставьте, оставьте все, иначе проклятие, страшное проклятие родины грянет над головою Вашею, и тогда будет уже поздно... не поправите... Вы пропадете, как пропадают бешеные собаки, наделавшие много бед своим ядовитым укушением, это будет, наверно будет, я Вам предрекаю, пророчески предрекаю...»

Переходя к своей личной катастрофе, автор останавливается на характеристике «корреспондентов» Герцена, главным образом Завадского, и возвращает нас к событиям своей семейной драмы.

«...Теперь о Ваших клеветках или лучше о Ваших корреспондентах, которые так много истин доставляют Вам в Ваш журнал о нашем отечестве. На образец я Вам представляю двух, не искавши их вдали, я покажу Вам их здесь в Харькове; один из них Краевский, от раскаяния сошел с ума; другой Петр Завадский ни за что погубил меня, погубил навсегда семейное спокойствие мое, растлил душу жены моей; а может быть чего не дай боже, подействовал на нравственность двух умных сынов моих, одного 11-ти, а другого 10-ти лет... Завадский, плюгавый семинарист, сту-

¹ ЦГИА, III отд., I экзп., 1860 г., № 26, ч. 2, лл. 2, № 1 об.

дент университета 25-ти лет, сидевший на первом курсе 4 года, как теперь открывается, имел переписку с сумасшедшим. Я принял этого сына поа наемником жалким, общипанным, без сапог, — я одел его, обул, накормил, приютил как родного... и что же он сделал со мною? Не стану описывать, а представляю Вам объявление, поданное мною 13-го Генваря 1860-го года, Харьковскому Полицмейстеру... Из этого объявления Вы ясно увидите все высокие достоинства Ваших корреспондентов, которыми Вы так гордитесь...

...В объявлении Харьковскому Полицмейстеру сказано, что я имею одно подозрение на жену, которое объявлю при следствии. Вот Вам объяснение: у меня была дочь Маша 2-х лет. — Осенью в 1859 году она, бывши больна, была уже на отходе в вечность. Огаженный беззаконною связью с матерью Завадский, когда еще мне ничего не было известно о их связи, до последнего издыхания малютки склонившись и прислушиваясь, сидел над умирающим ангелом более часу; мне тогда досадно было; но преступная жена моя беспрестанно повторяла: «как Петр Васильевич (то есть Зьвадский) любил Машу, и я огорченный смертью дочери, молчал. Когда жена моя призналась мне в разврате, то в азарте сказала мне: «за гробом ничего не будет, смерть Маши доказала мне это; все разрушится и душа не улетит, у ней нет крыльев». Теперь ясно, что Завадский, считая себя мужем ученым, гением, натуралистом, прислушиваясь к стомам умиравшей малютки, решил вопрос о жизни за гробом и склонил на это верование и грешницу жену мою; поэтому-то она пустилась на все, — на порок, ложь, безверие. Кажется, что она в последнее время в этом отношении имела влияние на крошек детей моих, потому что не заставляла, как прежде, молиться богу.

Помещик Старобельского уезда отставной
Ротмистр *Михаил Егоров Гаршин*¹.

1860 года
1-го февраля
Харьков».

Герцен не получил этого послания потому, что оба его экземпляра остались в делах III отделения, император же, повидимому, «удостоил его своим вниманием», о чем свидетельствует следующая резолюция на письме М. Е. Гаршина к Тимашеву, сделанная рукой шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова.

«Доложено его величеству о содержании жалоб собственно на Краевского и Завадского, сообщить ген. Лужину и спросить, в какой степени они могут полагаться справедливыми. Притом узнать от него же: какой дал ход объявлению, поданному Гаршиным Харьковский Полицмейстер и каких свойств сам Гаршин.

12 февраля».

Вслед за этим 15 февраля из III отделения к начальнику Харьковской губернии полетел запрос, в котором шеф жандармов осведомлялся о ходе дела ротмистра Гаршина, о его качествах, а также и о том, в какой степени справедливо обвинение чиновника Краевского и П. В. Завадского в сношениях с Герценом.

На сделанный запрос харьковский губернатор ген.-лейт. И. Д. Лужин 26 февраля 1860 г. сообщал, что «...дело по объявлению отставного рот-

¹ Написано писарской рукой, за подписью М. Е. Гаршина. ЦГИА, III отдел. 1 эксп., 1860 г., № 26, ч. 2-я, лл. 3—6.

мистра Михаила Гаршина, о связи с женою его студента Харьковского университета Петра Завадского и увозе малолетнего сына его, остановилось в настоящее время единственно за неприбытием г. Гаршина в г. Харьков; жена же его, во время проезда через город с сыном Всеволодом, здесь задержана. Относительно качеств г. Гаршина, имею честь сообщить, что мною за ним предсудительного ничего не замечено, но в последнее время, когда он являлся ко мне, по поводу настоящего дела, в нем высказывалось душевное страдание, соединенное с некоторым ожесточением. Что касается до сношений Краевского и Завадского с Герценом, то до настоящего времени у меня положительных данных по сему предмету не имеется»¹.

С момента подачи М. Е. Гаршиным заявления о бегстве его жены, «сбращенной» политически неблагонадежным, личная драма вырастает в событие общественного значения. Розыски полиции оказались гораздо результативнее, чем мог думать М. Е. Гаршин. Произведенным у П. В. Завадского обыском в ночь на 25 января 1860 г. была обнаружена «собственно ручно писанная черновая статья и другая переписка, показывающая существование здесь в прежнее время между студентами здешнего университета тайного политического общества, имевшего цель произвести переворот в России и другие преступные замыслы, и соединившегося потом с другим обществом под именем «Пасквильного комитета» для преследования непосредственного начальства, каковые общества впоследствии приняли название литературных собраний, поставивших себе программу распространение неопозволительных сочинений» (из донесения ген. Лукина начальнику III отделения В. А. Долгорукову от 26/1 1860 г.).

Материалов налицо оказалось достаточно, чтобы арестовать всех членов кружка. Всего было арестовано 22 человека. Из них 13 студентов Харьковского университета, 8 — Киевского и 1 — Московского. Следственной комиссией были установлены пять главных деятелей тайного общества: Я. Н. Бекман, М. Д. Муравский, П. В. Завадский, П. С. Ефименко и В. В. Ивков. Среди них Завадский был одним из наиболее активных членов, секретарь общества, автор революционных прокламаций «О необходимости перемены образа правления в России», «О происходящих для народа неудобствах от монархического правления» и др. Сам он себя аттестует «отчаянным из отчаянных республиканцев». В своих показаниях он признается, что на одном собрании, где был поставлен вопрос об истреблении членов царской фамилии, он кричал: «Проклятые не вывернулись бы, если бы поймал. Если бы были деньги, сейчас бы отправился в Петербург и там бы улучил минуту». Сколько бы здесь ни было юношеской самонадеянности, она, повидимому, сочеталась с преданностью идее. Один из подсудимых студент Левченко так характеризует П. В. Завадского: «Завадский обнаруживал здравый смысл, светлый ум, быстроту соображения и основательность суждений». После ликвидации тайного общества и прекращения деятельности литературного общества в 1858 году Завадский продолжал революционную работу, поддерживая связь с киевскими студентами до того момента, пока не попал в руки «правосудия». Пятимесячное заключение в Петропавловской крепости и высылка в Олонецкую губернию под бдительный надзор полиции не заканчивают полицейских преследований П. В. Завадского, вызванных «объявлением» М. Е. Гаршина, сыгравшего в жизни нескольких деятелей революционного подполья 60-х гг. роль злого гения.

¹ ЦГИА, III отд., I эксп., 1860 г., № 26, ч. 2-я, лл. 171—172 об.

Приведенные выше факты из биографии П. В. Завадского совершенно меняют точку зрения самого предубежденного читателя «Дневника» на роман Е. С. Гаршиной с П. В. Завадским.

В биографических работах о Гаршине имеются указания на то, что Е. С. Гаршина была «духовно близка с Чернышевским» и в «шестидесятых годах имела связи с общественными и революционными деятелями»¹. Легко предположить, что в этот круг интересов ее ввел П. В. Завадский. Однако ее политические идеалы, если они и были радикальны, не оказались устойчивы: по прошествии многих лет после описываемых событий в своем предисловии к письмам В. М. Гаршина она раздраженно отозвалась о «либеральных друзьях» и «левых» знакомствах Всеволода Михайловича². В дальнейшем ее отношение к «либеральным друзьям» было явно враждебным.

Интеллектуально Е. С., конечно, стояла выше своего мужа. В своей автобиографической заметке В. М. Гаршин говорит: «ко времени выхода замуж моя мать сделалась хорошо образованной девушкой, а по тогдашнему времени и для глухих мест Екатеринославской губернии — даже редко образованной». То же сообщает о ней и другой ее сын, Евгений, и Н. М. Гаршина (жена Всеволода Михайловича). «Е. С. была образованная, знала музыку, не лишена ума, сама чуть что не писала» (из письма Н. М. Гаршиной к С. Н. Дурылину³). Е. С. действительно писала — в «Северной пчеле» Усова, «Петербургских ведомостях» и «Учителе» Паульсона. Кроме того, она известна как переводчица.

Конечно, Завадский мог в большей мере удовлетворить ее интеллектуальные запросы, чем муж. Может быть, его влиянием объясняется и преждевременное ознакомление детей с вопросами происхождения человека, — это вполне в духе нигилизма 60-х гг., как и смелость, с которой Е. С. сумела пренебречь общественным мнением, осудившим ее за разрыв с мужем.

Любила ли Е. С. вообще когда-нибудь мужа? На этот вопрос отвечает письмо Всеволода Михайловича к матери, написанное по поводу похорон Некрасова. «...Тяжело было на похоронах, очень тяжело. Помните как Вы плакали, хороня отца, которого ведь вовсе не любили? Вы плакали о своей жизни»⁴ (1/1 1878).

В своем чувстве Е. С. прошла через борьбу с собой и страдание. Это можно угадать по записям дневника ее мужа: «...Ты бежишь куда глаза глядят вместо того чтобы укрыться под защиту другого сердца...» (л. 53). Очевидно, этот шаг ей дался не легко.

Несомненно, мать Всеволода Михайловича была женщиной с очень сложной психической жизнью, с повышенной импульсивностью и страстностью, которую она вносила во все. Такой человек не мог уйти в «тихую пристань», «под защиту другого сердца». И мужество, с которым Е. С. Гаршиной были отброшены все предрассудки, не могло быть вызвано только непобежденным чувством. Поэтому никак нельзя согласиться с М. Е. Гаршиным, который, пытаясь привести в ясность поступки своей жены, все сводит к грязной измене и помрачению рассудка. Ее подлинный облик гораздо сложнее, трагичнее.

¹ В. П. Соколов. Гаршины. — «Исторический вестник», 1916, кн. 4.

² «Русское обозрение», 1895, № 2, стр. 877.

³ «Звенья», № 5, М. — Л., «Academia», 1935, стр. 675.

⁴ В. М. Гаршин, Полн. соб. соч. Т. III. Письма. М.—Л., изд. «Academia», 1934, стр. 148.

Проследив семейную драму в изложении Михаила Егоровича, посмотрим ее по другим документам архива III отделения¹ — в освещении Екатерины Степановны. Первый из этих документов — письмо Е. С. Гаршиной к петербургскому генерал-губернатору князю А. А. Суворову, написанное спустя два года после разыгравшихся событий.

«16 июня 1862

Ваша Светлость!

Ваше великодушие, Ваша милостивая снисходительность ко всем, прибегающим к Вашей защите, дали мне смелость беспокоить Вашу Светлость письмом этим. Прошу Вашего великодушного прощения в том, что я решилась прибегнуть к Вам в это тяжелое для всех время, когда Вы совершенно поглощены заботами о благе и спокойствии нашей общей родины России. Но оправданием мне может служить то страшное положение, в котором нахожусь я, и притом не одна, а с двухлетним сыном на руках.

Ваша Светлость! Во имя Христа Спасителя умоляю Вас, не откажитесь выслушать мой печальный рассказ и не отвергайте женщину, доведенную до высшей степени отчаяния.

Я жена отставного ротмистра, замужем нахожусь уже 14 лет, имею четырех сыновей, из которых двое воспитываются в Морском кадетском корпусе, третий находится при отце своем в Харьковской губернии, а последний при мне здесь. 13 тяжелых лет провела я с мужем своим. Нет кажется порока, которым бы не наделила его природа: ограниченный умом, проникнутый всеми предрассудками необразованного русского помещика, подверженный притом часто припадкам сумасшествия, он сделал жизнь для меня невыносимой.

Но мать детей своих выше всего на свете, видя в себе их единственную подпору, посвятив им всю жизнь, отказавшись от света и всех удовольствий молодости, я твердо носила свое несчастье и надеялась, что определение детей в казенное заведение положит конец моей пытке. Действительно, в конце 1859 года старшие сыновья мои вошли в комплект воспитанников Морского корпуса и муж мой получил уведомление о скорейшей доставке их в Петербург. Мы жили тогда в Харьковской губернии, третьему сыну моему Всеволоду было 5 лет, а меньшей еще не родился. Обдумав давно план своих действий, я сказала мужу своему, что не желаю расставаться с детьми, и потому просила его выдать мне свидетельство для проживания в Петербурге. При этом я не просила у него ни гроша денег для своего содержания, надеясь поддерживать себя небольшим капиталом, доставившим мне от матери моей, и собственным трудом, так как я получила порядочное образование и имею кое-какие способности. Вместе с тем, первый раз за все 12 лет, я высказала ему все, что вытерпела от него и доказывала ему, что лучше расстаться друзьями, чем жить вместе во вражде. Долго не знал он на что решиться, то проклинал меня, то плакал и умолял меня не покидать его, клялся исправиться, но я, зная его слишком хорошо, осталась непреклонна. Тогда он решился употребить насилие, не позволил мне даже

¹ ЦГИА, III отд., 2 эксп., 1862 г., № 365, 35 л. «О всемилостивейшем пожалованном пособии вдове генерал-лейтенанта Нольде и жене отставного ротмистра Екатерине Гаршиной».

проводить детей до Петербурга, уехал с ними один. Меня же с маленьким сыном, под присмотром своей любовницы, отправил из Харькова в свое имение. Но такое унижение было уже выше сил моих. Собрав последние деньги, я решила ехать там несколько времени, когда озлобление его сколько-нибудь утихнет. Через месяц, в январе 1860 года, я возвратилась из Одессы в Харьков, и к удивлению моему узнала, что муж мой, приехав из Петербурга и не найдя меня дома, вообразил, что я бежала от него, и подал на меня прошение в харьковскую градскую полицию. В этом прошении он обвинял меня в побеге, в увозе сына и наконец, вероятно желая окончательно погубить меня, в преступной связи с студентом Завадским, у которого дети наши жили в Харькове, когда готовились к поступлению в корпус. Губернатором в Харькове был тогда известный по своим злоупотреблениям и недобросовестности генерал-лейтенант Лужин. Он приказал произвести следствие. Несчастный Завадский ничего не подозревал, когда к нему нагрянул муж вместе с полицией, сделали в квартире его строжайший обыск, но вместо моих писем, которые они думали найти у него, открыли какие-то бумаги политического содержания, вследствие чего Завадского схватили, сначала засадили в тюремный замок, потом отправили в Петербург и наконец сослали в какую-то отдаленную губернию. Несмотря однако на то, что не было никаких доказательств моей виновности, меня задержали в Харькове, как преступницу; и начали производить строжайшее следствие, причем мне не только запретили выходить за порог моей квартиры, но даже не допускали ко мне никого из знакомых, запретили даже переписку с матерью и братьями. Наконец 11 марта я подверглась жесточайшему насилию, какое только могла испытать женщина и мать. В этот день меня призвали в часть, будто бы для того, чтобы дать свидание мужу моему с сыном. Я взяла с собой ребенка. Но едва пришла туда, как следственный пристав Грабилин, взявший накануне с мужа моего в подарок рысака, пригласил каких-то двух благородных свидетелей и объявил мне, что Его Превосходительство приказал, на словах, до окончания дела отнять у меня сына и отдать отцу. Несчастный ребенок все понял и с громким криком уцепился мне за шею, мои руки охватили его и ооченели на нем, но муж мой вместе с квартальным подскокил к нам, силою разняли нам руки, вырвали у меня дитя и унесли его. Напрасно я, на коленях, рыдая, целовала руки и ноги следователя. Меня схватили и полумертвую отвезли на квартиру. С тех пор я уже не видела своего сына...

Слух об этом вопиющем насилии взволновал весь Харьков. Исправлявший должность Губернского предводителя дворянства Г. Римский-Корсаков вошел в мое положение, приехал ко мне сам, разузнал подробности моего дела и потребовал немедленного моего освобождения. Долго еще тянулся мой процесс, до окончания которого я должна была жить в Харькове. В это горькое для меня время родился мой меньшей сын Евгений. Много хлопотала я о возвращении отнятого у меня ребенка, все утешали меня тем, что если суд найдет меня невиною, то ребенок будет возвращен мне; наконец процесс мой был окончен, я была совершенно оправдана, но в решении о ребенке не упоминалось, потому что самое отнятие его было сделано противозаконно. Итак несчастный мальчик остался при своем безумном и развратном отце. В настоящее время ему уже осьмой год, он растет без всякого призора и вместо уроков и наставлений, необходимых в его возрасте, видит только грязные картины безнравственной жизни...

По окончании моего процесса я приехала сюда, чтобы жить при детях. Жизнь в Харькове истощила мои скудные средства, так что после переезда в Петербург у меня осталось только 500 рублей. Здесь кое-как нашла себе уроки — переводы и этуою поддержкою жила до одного времени. Но с наступлением лета прекратились для меня все ресурсы. Семейства, где я давала уроки, разъехались по дачам, издатели книг и журналов приостановили свою деятельность и таким образом я осталась без куска хлеба и с ребенком на руках. Муж не присылает мне ни копейки, даже на содержание сына, несмотря на то, что время его рождения совершенно убедило его в его законности. Поступить к кому-нибудь гувернанткой я тоже не могу, потому что никто не согласится взять меня с маленьким ребенком.

Вот мое настоящее положение, Ваша Светлость! Клянусь истинным богом, что я ничего не утаила, ничего не прибавила. Сжалось надо мною, спасите от голодной смерти меня и моего несчастного крошку. Поверьте, что только всемогущая любовь матери могла внушить мне смелость обратиться к Вашему милосердию. Если Вы сами отец, Вы поймете и простите меня...»

Поскольку письмо Гаршиной, кроме ходатайства о денежном пособии заключало в себе и ряд жалоб на неправильные действия полицейских и судебных органов, а III отделение как высшая государственная инстанция ведало такого рода жалобами, с другой стороны, поскольку в письме упоминалось о деле политического ссыльного, — Суворов направляет его для наведения соответствующих справок в III отделение, вместе с следующей запиской:

«Voici une plainte sérieuse dont je ne sais que faire mais qui mérite votre attention — quoique notre pauvre ami et camarade Лужин est mal mané»¹.

На записке рукой управляющего III отделением А. Л. Потапова сделана резолюция, свидетельствующая о том, что расследованию дан ход.

«Узнать, негласно какая это Гаршина? — Не сестра ли Спасского, о которой я говорил по особым сведениям?».

Личность Е. С. Гаршиной подвергается выяснению.

«По справкам собранным... оказалось, что жена отставного ротмистра Екатерина Гаршина, жительство имеет на Васильевском острове по 6-й линии, дом под № 25-й, кваргира № 13-я, где нанимает квартиру с платою по 20 р. сер. в месяц, состоящую из трех комнат, из которых, одну за 10 р. сер. в месяц отдает постояльцу, в других же помещается сама с 2-летним сыном; остальных же 2 сына находятя в Морском Кадетском корпусе.

Занималась же до настоящего времени, по отзыву домового хозяина и других там живущих, тем, что давала уроки малолетним детям и переводила книги с французского языка, но в настоящее время по случаю каникул занятия все прекратились и она осталась в бедном положении»².

В результате этого обследования ходатайство Е. С. Гаршиной о денежном пособии перед Суворовым было удовлетворено. Она получила сто рублей.

Имя Е. С. Гаршиной еще раз встречается в материалах III отделения в связи с новым арестом Завадского¹, в секретном донесении председателя

¹ «Вот серьезная жалоба, с которой я не знаю что делать, но которая заслуживает вашего внимания — хотя о нашем бедном друге и товарище Лужине плохо отзываются».

² ЦГИА, III отдел., 2 эксп., 1862 г., № 365, л. 7—7 об.

высочайше утвержденной следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову, из которого узнаем, что высочайшим повелением ряд лиц подчинены секретному надзору. В их числе — «проживающая в С. Петербурге жена ротмистра Екатерина Гаршина...» Документ датирован 22 янв. 1863 г., а в 1866 г. Е. С. подвергается обыску в связи с делом Каракозова.

Возвращаясь к содержанию письма Екатерины Степановны, следует подвергнуть сомнению достоверность предъявленных ею мужу обвинений в «безнравственной жизни», поскольку они находятся в прямом противоречии не только с ниже приводимой официальной справкой, но прежде всего с теми сведениями, которые дает В. М. Гаршин об отце в своей автобиографической заметке и автобиографическом рассказе «Ночь», изображающем Михаила Егоровича как раз в описываемый период жизни. Не трудно понять природу этой клеветы.

Это пишет мать, борющаяся за обладание сыном. С другой стороны, это пишет озлобленная и непрощающая жена. Впрочем, Е. С. прибегала к тяжким обвинениям даже по отношению к любимому ею сыну, в последний раз она бросила их тяжело больному Всеволоду Михайловичу за два дня до его самоубийства, несомненно, ухудшив этим его состояние. Едва ли это можно объяснить неуравновешенностью вспыльчивой и раздражительной женщины и едва ли можно утверждать, что болезненная наследственность у В. М. Гаршина идет только по линии отца. Результат клинического наблюдения над семьей Акимовых дает картину резко выраженных аномалий у многих из предков этой семьи. В своей хронике «Гаршины» В. П. Соколов пишет об Екатерине Степановне: «У ней каждый день гости и неумолкаемые литературно-житейские разговоры и вместе с тем какой-то нервный гнет, так что никому из гостей не приходит охоты весело от души рассмеяться»².

Н. М. Гаршина сообщает: «Про мать Гаршиных — неверно было бы сказать, что она злая женщина, точнее — что она была злобная женщина и психически ненормальная, лживая, властная, ревнивая...»³.

Что касается категорических заверений в письме Е. С. в том, что она не была близка с Завадским, то их столь же категорически можно отвергнуть. Известно, что Е. С. вскоре после высылки Завадского выехала к нему в Каргополь, позднее вместе с нею у Завадского в Петрозаводске два лета провел маленький Всеволод Михайлович.

О последнем моменте этой драмы, разрешившем дальнейшую судьбу Всеволода Михайловича, мы узнаем из следующих документов.

Первый из них — отношение управляющего III отделением А. Л. Потапова к губернатору Харьковской губернии от 25 сентября 1862 г.

«Проживающая в СПбурге жена помещика Харьковской губ. отставного Ротмистра Гаршина Екатерина Гаршина объясняет, что в 1860 г., после 12 лет тяжелой супружеской жизни, не в состоянии будучи продолжать дальнейшее сожительство с порочным мужем, подверженным притом частым припадкам сумасшествия, просительница решила оставить его; что

¹ Завадский был арестован в виду обнаружения у него письма студента С. Воронкова, в котором автор высказывал сочувствие «мученику за свободу» поэту-революционеру Михайлову.

² «Исторический вестник», 1916, кн. 4, стр. 131. *С. М. Соколов*

³ Из письма к С. Н. Дурьлину. — «Звенья», № 5. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 675.

Гаршин, недовольный таким намерением жены, подал на нее несправедливую жалобу в Харьковскую городскую полицию; что во время производства возникшего отсюда дела, у Гаршиной был отобран находившийся при ней малолетний сын Всеволод и отдан отцу; что хотя впоследствии Гаршина была по делу оправдана, но ребенок остался при своем безумном и развратном отце и что с тех пор он растет без всякого призрения и вместо уроков и наставлений, необходимых в его возрасте (ему теперь 8 лет), видит только грязные картины безнравственной жизни. Гаршина просит взять упомянутого ее сына от отца и предоставить его ее попечениям».

В заключение Потапов дает распоряжение собрать сведения «об образе жизни помещика Гаршина и о положении при нем малолетнего его сына Всеволода».

Из ответного уведомления харьковского губернатора Сиверса от 8 октября 1863 г. мы узнаем, что «жена отставного ротмистра Гаршина, Екатерина, в Августе месяце настоящего года приехала в имение мужа, состоящее в Старобельском уезде, и с его согласия, взяв сына своего, Всеволода, отправилась с ним в С. Петербург. В нетрезвой же и безнравственной жизни г. Гаршин... замечаем не был».

Однако борьба родителей за обладание сыном не окончена. Гнет семейной трагедии В. М. ощущает постоянно, постоянно живет в мучительных противоречиях. С одной стороны — признательная любовь к матери, с которой его связывала совместная жизнь, ей он был обязан воспитанием, она пробудила в нем интерес к общественным вопросам, ввела в круг людей, живущих передовыми идеями эпохи, в какой-то мере она способствовала и развитию в нем творческих способностей. С другой стороны, он не мог не испытывать простой человеческой жалости к отцу, хотя и видел его ошибки и слабые стороны.

В своем автобиографическом рассказе «Ночь» В. М. Гаршин с нежной жалостью вспоминает об отце, как жили они вдвоем в глухой, забытой деревушке. «Одиноким ребенком и одиноким взрослым человеком, немудрящий человек», который позволял 6-летнему ребенку «читать все, потому, что только доброе осядет в душе его милого мальчика». «Жизнь скоро и легко исковеркала его, сломав в нем все доброе, чем он запасся в юности, но она не внесла ничего и дурного. И он доживал свой век бессильный с бессильной любовью, которую почти всю обратил на тебя».

В памяти Гаршина осталась печальная и ласковая улыбка отца, его одиночество покинутого, к которому хотелось «приласкаться просто, по-детски». Образ отца дан Гаршиным с большой теплотой и глубокой человечностью.

Известно болезненное отношение Екатерины Степановны к рассказу «Ночь», в котором она увидела себе упрек и осуждение; она всю жизнь не могла простить этих строк сыну и даже угрожала ему проклятием.

В письмах 70-х гг. пятнадцатилетний мальчик дает объяснения ревнивой матери по поводу переписки с отцом: «Не понимаю, как Вы могли вообразить себе, чтоб я поверил сумасшедшему человеку...»

В другом письме (январь—февраль) он снова ее упрекает, что она могла подумать, будто он ей не пишет по приказанию отца, и дальше, говоря о письме к отцу, он уверяет, что в нем «не было ничего нежного, но оно было даже грубо...». В этом же письме сын сообщает о том, что отец приехал хлопотать о разводе¹.

¹ В. М. Гаршин. Полн. собр. соч. Письма. «Academia», М.—Л. 1934. т. III, стр. 404—405.

✓ Так, раздираемый между чувством любви к матери и жалостью к отцу, В. М. вынужден оправдываться перед каждым из них. Эта грустная переписка рисует образ ребенка потрясенного и страдающего. С большой правдоподобностью можно представить себе внутреннюю смятенность мальчика и ту сложную обстановку, в которой рос будущий писатель. Обостренность нервного восприятия часто приводила ребенка к болезненному восприятию всех событий его жизни. Свойственное ему стремление к самоотречению, заставившее Всеволода Михайловича в 1877 г. отправиться добровольцем на войну за освобождение Болгарии, проявляется уже в четырехлетнем возрасте: известен рассказ брата Всеволода Михайловича — Евгения Михайловича Гаршина о том, как, наслушавшись разговоров об обороне Севастополя, маленький Всеволод был захвачен мыслью «итти в поход», «начинал собираться в путь: заказывал повару на дорогу пирожки, собирал несколько белья, все увязывал в узелок, надевал его на плечи и являлся прощаться с домашними.

И эти сборы не были игрой, мальчик искренне верил в возможность немедленно сделаться солдатом, и печальный и грустный приходил он к матери.

— Прощайте, мама, — говорил он: — что же делать, все должны служить.

— Но ты подожди, пока вырастешь, — отвечала мать: — куда же тебе итти, голубчик, такому малому?

— Нет, мама, я должен.

И глаза его наполнялись слезами. Но вот доходила очередь до прощания с няней, тоже принимавшей деятельное участие в этих сборах. Няня начинала голосить и причитывать, как над заправским новобранцем, Всеволод заливался горькими слезами и наконец соглашался на убеждения матери отложить «поход до утра...» Но недели через две снова возвращался к тому же).

Само собой разумеется, что вдумчивая и деятельная мысль ребенка не раз обращалась к семейной трагедии. Избыток самоанализа и нервной чувствительности находит благодарную почву уже в эти годы. В пять лет он остро переживает разлуку с матерью, в 8 лет разлуку с отцом, он знает подоплеку семейной трагедии, он присутствует при обысках у матери, наконец, он знает о материальных затруднениях матери, о вынужденной и унижающей необходимости обращаться за помощью к «сильным мира». Такое обилие драматических положений, с другой стороны, делает свое дело. Тоска, неясные приступы которой он испытывает уже в детстве, сопровождает его на всем жизненном пути. Болезнь — печальное наследие отца, — приведшая двух братьев Всеволода Михайловича к самоубийству¹, терзала страхом безумия и его всю жизнь, пока не привела к последней катастрофе. Свою болезнь В. М. Гаршин описал в рассказе «Красный цветок». Автобиографичность этого рассказа подтверждает автор: «...Мои грезы имели такое направление как это рассказано в «Красном цветке». Кроме конца там все правда, я ничего от себя не прибавил². Известно, что в психиатрии этот рассказ оценивается как клиническая картина полубиографического характера, как документ по

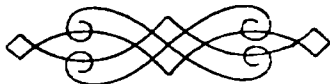
¹ Виктор Михайлович застрелился 23 лет «от несчастной любви к публичной женщине». Георгий Михайлович застрелился 50 лет «в стадии депрессии» (см. статью А. Г. Галачяна и Т. И. Юдина).

² Полное собрание сочинений В. М. Гаршина. СПб, Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1910, кн. I, стр. 76.

истории болезни. Отталкиваясь от компетентного утверждения, что этот «замечательный психологический этюд» есть опыт самонаблюдения, Г. И. Успенский в своей статье «Смерть В. М. Гаршина»¹ пишет: «Читая такую вещь, как «Красный цветок», мы кроме тонких наблюдений над симптомами психической *болезни*, видим, что источник страдания больного человека таится в условиях окружающей его жизни и что оттуда, из жизни, страдание вошло в его душу. Видим, что жизнь оскорбила в нем чувство справедливости, огорчила его, что мысль о жизненной неправде есть главный корень душевного страдания и что нервное расстройство, физическая боль, физическое страдание только осложняет напряженную работу совершенно определенной мысли, внушенной впечатлениями живой жизни». И «сумасшедшим» Гаршин, по мнению Г. И. Успенского, «сделался» «не потому только, что в этом отношении уже испорчен наследственностью», «но потому, что его наследственная *болезнь* питала впечатления действительной *жизни*».

Нельзя, конечно, отрицать, что наследственность явилась первоначальным фактором болезни Гаршина. Однако ее формы выразились у Всеволода Михайловича определеннее, чем у родителей, именно потому, что еще ребенком с очень тонкой нервной организацией он жил в атмосфере тяжелой семейной трагедии, чрезвычайно угнетавшей его и причинившей большие страдания. Разочарованием и безнадежностью, потерей веры в свои идеалы пронизаны последние годы жизни Гаршина. Не случайно острое внимание художника сосредоточено на грустном и мучительном, он не говорит о цветении жизни, он говорит об ее терзаниях. Эпоха, в которую он жил, не давала иного содержания его творчеству. Период идейного упадка и торжества мрачной реакции в царской России, бесправие и гнет, приведшие русское общество, по словам Г. Успенского, к «духовному параличу», сделали из Гаршина человека с легко ранимой психикой, безнадежного, разочарованного пессимиста. Гаршин не верил в революцию, не выражал даже сочувствия методам политической борьбы с самодержавием. Вместе с тем он страстно искал правды, все низкое и жестокое возмущало его до глубины души. Большой душевной смятенностью отмечен весь его жизненный путь. Высокая правда его ощущений не оставляла его и в горячечном бреде, когда он боролся с цветком, мучительно пытаясь уничтожить воплотившееся в нем зло мира, которое он познал еще ребенком.

¹ «Памяти В. М. Гаршина». Художественно-литературный сборник, СПб, 1889, стр. 154, 156.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Составила К. Сурикова

А

- Абамелек, Анна Давыдовна (1816—1889), в зам. Боратынская, 255, 257, 278, 322, 336, 341, 342, 344, 348.
- Абрамов, Я. В. 572.
- Аврора, см. Карамзина А. К.
- Аверкиев, Александр Егорович (1790—1858), 387.
- Аверкиева, Анна Александровна (1792—1886), рожд. Есипова, 387.
- Аверкиевы, Анна Александровна и Александр Егорович, 385, 387.
- Адамов — офицер Камчатского полка, 124.
- Адлерберг, Владимир Федорович (1791—1884), 234, 235, 240, 271, 277, 281, 294, 346, 349, 351, 363, 370, 456, 464.
- Аделаида, см. Adélaïde.
- Айвазовский, Иван Константинович (1817—1900), художник-маринист, 499, 514.
- Акимов, Егор Иванович 578.
- Акимов, Дмитрий Степанович 580.
- Акимова, Александра Степановна, бабушка писателя В. М. Гаршина, 583.
- Акимова, Екатерина Степановна, см. Гаршина Е. С.
- Акимовы (родственники по матери В. М. Гаршина), 598.
- Аксаков, Сергей Тимофеевич (1791—1859), 186.
- Алединский, Александр Павлович (1775—1841), 250, 253, 456.
- Александр, 361.
- Александр см. Булгаков А. Я.
- Александр см. Долгоруков А. И.
- Александр, см. Карамзин А. Н.
- Александр, см. Пушкин А. С.
- Александр I (Павлович), (1777—1825) 15, 18, 120, 121, 130, 133, 138, 140, 147, 150, 215, 229, 235, 238, 313, 367, 378, 396, 401, 478.
- Александр II (Николаевич) (1818—1881) 148, 177, 272, 380, 398, 477, 525, 530, 539, 590.
- Александр III (Александрович) (1845—1894) 210.
- Александр Кассельский, см. Чернышев, А. И.
- Александр Македонский (356—323 до н. э.) 48, 328, 329.
- Александр Александрович, см. Пушкин А. А.
- Александр Андреевич 562.
- Александр Иванович, см. Тургенев А. И.
- Александр Макарыч, см. Худобащев А. М.
- Александр Николаевич, см. Александр II.
- Александр Николаевич, см. Голицын А. Н.
- Александр Сергеевич, см. Пушкин А. С.
- Александра, см. Гончарова А. Н.

- Александра Николаевна, дочь Николая I, 440.
- Александра Федоровна (1798—1860), жена Николая I, 272, 361, 378.
- Александров, см. Александров Старший.
- Александров Варшавский, см. Александров Старший.
- Александров (Старший), Павел Константинович (1808—1857), внебрачный сын Константина Павловича, сына Павла I, 236, 238, 263, 446.
- Александрова, Анна Александровна, см. Щербатова А. А.
- Алексеев, комендант Кишинева, 47, 132.
- Алексеев, Аркадий Николаевич 97, 132, 147.
- Алексеев, Алексей Петрович, почтмейстер, 34, 35, 127, 132.
- Алексеев, Николай Степанович (р. ок. 1789, ум. в 1850 г.), кишиневский приятель Пушкина, 15, 88, 132, 134, 135, 137, 146, 149.
- Алексей, крепостной Вяземских, 468.
- Алексей, см. Голицына А. А.
- Алексей Петрович (1690—1718), сын Петра I, 200.
- Алексеева, Александра Ивановна, рожд. Павлицева 127.
- Алина, Алиса, см. Волконская А. П.
- Алфераки, Ахиллес Дмитриевич, художник-любитель, 511, 512, 515.
- Альбрехт (Альбрехтша), 136.
- Алябьева, Александра Васильевна (1812—1891), в замуж. Киреева, 409, 410.
- Алябьева, Варвара Александровна, см. Шатилова В. А.
- Алябьева, Екатерина Ивановна (род. 1784), рожд. Селифонтова, 410.
- Американец, см. Толстой Ф. И.
- Анастасия, см. Рылеева А. К.
- Анастасия Матвеевна, см. Рылеева А. М.
- Андр. Петрович, см. Оболенский А. П.
- Андр. Ник., неустан. лицо 118, 152.
- Андрей, см. Карамзин А. Н.
- Андрей, крепостной Долгорукова И. И., 108.
- Андрей Николаевич, см. Карамзин А. Н.
- Андрей Петрович, см. Оболенский А. П.
- Анна Захаровна, домоправительница у Вяземских, 324, 441, 446, 461, 462, 467.
- Анна Федоровна, см. Рылеева А. Ф.
- Анненков, Николай Николаевич (1799—1865), 358, 359.
- Анненков, Павел Васильевич (1812—1887), 168, 569, 570.
- Анненкова, Вера Ивановна, см. Бухарина В. И.
- Анов В. 152.
- Антипова, Ольга Яковлевна, см. Нечаева О. Я.
- Антон Погорельский, см. Перовский А. А.
- Антонов Анфим, крестьянин, 267, 204.
- Антоньев, Федор Антонович, 26, 27, 32, 34, 57, 90, 91, 122.
- Апраксин, Александр Иванович (1782—1848), 405.
- Апраксин, Владимир Степанович (1796—1833), 261.
- Апраксин, Николай Петрович (1815—1902), 392.
- Апраксин, Петр Иванович (1784—1852), 392, 400.
- Апраксин, Степан Степанович, 265.
- Апраксина, Екатерина Ивановна, см. Новосильцева Е. И.
- Апраксина, Мария Александровна (1794—1872), рожд. Вальдштейн-309.
- Апраксина, Мария Александровна (1816—1892), в замуж. Долгорукова, 405.
- Апраксина, Мария Петровна (1811—1859), в замуж. Соломирская, 392, 449, 450.
- Апраксина, Наталья Степановна, см. Голицына Н. С.
- Апраксина, Софья Петровна (ум. в 1886), рожд. Толстая, 260, 267, 275, 276.
- Апраксина, Софья Степановна, см. Щербатова С. С.
- Апраксины, родственники В. Ф., см. П. А. Вяземских, 450.
- Аракчеев, Алексей Андреевич (1769—1834), 18, 229.

- Арапетов, Иван Иванович (умер в 1846 г.), 383, 384.
 Арапетова, Елизавета Иоакимовна, см. Лазарева Е. А.
 Арапова-Муханова, Прасковья Николаевна, 418.
 Арендт, Николай Федорович (1785—1859), хирург, 271, 272, 336, 376.
 Арз., Арзамасец, см. Пушкин А. С.
 Аристипп, греческий философ, 187, 195.
 Аристов, унтер-офицер Охотского полка, 142.
 Армянинов, петербургский купец, 481.
 Арно, Антуан-Венсан (1766—1834), французский писатель, 472.
 Арсений Андреевич, см. Закревский А. А.
 Арсентьев, Василий, крепостной крестьянин, 528, 532, 533, 544, 545.
 Архангельский, кишиневский экзекутор, 47, 92, 95, 132.
 Асафов, 553.
 Афендик, И., 486.
 Афросинья, см. Куцевалова Е.
- Б**
- Бабарыкии, 6.
 Бабетинская (Бобятинская), 370.
 Бабиевский, Иван Федорович, 97, 147.
 Бабкин, Илья Семенович (ум. в 1842 г.), 411.
 Бабкин, Петр Семенович (ум. в 1840 г.), 411.
 Бабкины, Илья Семенович и Петр Семенович, 410, 411, 413, 419.
 Багратион, Алексей Кириллович, 38, 59, 78, 128.
 Багратион, Зоя, жена А. К. Багратиона, 128.
 Багратиср, Кирилл Александрович (1750—1828), 128.
 Багратион, Константин Алексеевич 128.
 Багратион, Петр Иванович (1765—1812), полководец, герой Отечественной войны 1812 г., 222.
 Багреев-Фролов, Александр Алексеевич (1785—1845), черниговский губернатор, 231.
 Багреева, Елизавета Михайловна, 311, 391, 392.
 Багреевы, Александр Алексеевич и Елизавета Михайловна, 290.
 Базанов, В. Г., 124, 130, 134, 142, 145, 153.
 Байрон (Byron George Gordon), Джордж Ноэль-Гордон (1788—1824), 435, 484, 485.
 Балио — Пьер Мари Франсуа де Саль Бальо (Baillot) (1771—1842), французский скрипач и композитор, 35, 127.
 Балк-Полев, Петр Федорович (ум. в 1849 г.), русский посланник в Бразилии, 268, 270.
 Балк-Полева, Мария (Прасковья) Петровна, см. Мятлева М. П.
 Балугьянская, Александра Михайловна (р. в 1802 г.), в замуж. Кангер, 294.
 Балугьянская, Анна Михайловна (род. в 1806 г.), в замуж. Даракан, писательница, 294.
 Балугьянская, Екатерина Михайловна (р. 1814), в замуж. Гальперт, 294.
 Балугьянская, Елена Михайловна (р. 1810), в замуж. Бартоломей, 294.
 Балугьянская, Елизавета Михайловна (1814—1904), в замуж. Столпакова, 294.
 Балугьянская, Марья Михайловна (р. 1804), в замуж. Медем, автор мемуаров, 294.
 Балугьянская, Ольга Михайловна (р. 1817), в замуж. Комар, 294.
 Балугьянские, 460.
 Балугьянский, Михаил Андреевич (1769—1847), ректор Петербургского университета, 294.
 Балш, Аника, дочь Балш М. и Т., 136.
 Балш, Иорго, 136.
 Балш, Марья, жена Балша Т., 52, 136.
 Балш, Тодор (Теодорашка), кишиневский помещик, 17, 52, 53, 58, 133, 136, 137.
 Балш, Япко (Иван) 52, 136.
 Бальзак (Balzac), Онорэ, де (1799—1850), 321, 363, 364, 382.
 Банулеску-Бодони, Гавриил (1746—1821), митрополит Кишиневской епархии, 33, 121, 126, 147.

- Баранов, В. В., 156.
 Баранов, Николай Иванович (1757—1824), 480.
 Баранова, Варвара Александровна (1768—1838), рожд. Болтина, 480.
 Баранова, Луиза (Юлия) Трофимовна (1810—1887), по мужу Голицына, 299, 300.
 Баранова, Мария Трофимовна, см. Пашкова-Баранова.
 Баранова, Прасковья Николаевна (1792—1880), в замуж. Шишкина, 480.
 Барант (Barante), Амабль-Гильом-Проспер, французский посол, 184.
 Барклай-де-Толли, Михаил Богданович (1761—1818), фельдмаршал, 254, 307.
 Бароци, Яков, комендант в Мобеже, 128.
 Бартнев, Дмитрий Иванович, 533.
 Бартнев, Петр Иванович (1829—1912), редактор «Русского архива», 17, 18, 121, 125, 127, 134, 135, 137, 153, 381.
 Бартнев (Бартеньев), Юрий Никитич (1792—1866), директор Костромской гимназии, 304, 306, 324, 345, 376, 379, 380.
 Бартенева, Прасковья Арсеньевна (1811—1872), 279, 324, 328, 329, 485.
 Бартенева, Федосья Ивановна, 324.
 Бартенева, 485.
 Бартенева (малолетние), 533.
 Бартоломе 462.
 Бартоломе (Bartholomi), Александра Николаевна, рожд. Дивьер, 460, 462.
 Бартоломей, Елена Михайловна, см. Балугьянская Е. М.
 Барятинская, Ольга Ивановна (1814—1870), в замуж. Орлова-Давыдова, 283.
 Барятинская, Марья Федоровна (1792—1858), рожд. Келлер, 241, 242, 248, 275, 278, 281—283, 295.
 Барятинский, Александр Иванович (молодой) (1815—1879), 286, 291, 305, 341, 342.
 Барятинский, Владимир Иванович, 342, 390.
 Баскаков, чиновник, 533, 534, 536, 538, 540, 543—545.
 Бассанж (Bassange), 475, 476.
 Батюшков, Константин Николаевич (1787—1855), поэт 382—385.
 Батюшкова, Елизавета Николаевна, см. Шипилова Е. Н.
 Бауэр, Ф. В., 447.
 Бауэр, Александра-София, см. Сен-Симон А.
 Бахметьев, Алексей Николаевич (1774—1841), наместник Бессараб. области, 37, 59, 128, 129, 131.
 Башкилов, Александр Александрович (ум. в 1849 г.), 275, 276, 295, 447, 455, 456, 462, 463.
 Башкирцев, 265.
 Безлюдный, А., крепостной художник, 158, 159, 162, 163.
 Безобразов (Варшавский), Сергей Дмитриевич (1801—1879), 269, 270,
 Безобразова, Аграфена Алексеевна, см. Долгорукова А. А.
 Безобразова, Любовь Александровна, см. Хилкова Л. А.
 Безобразова, Софья Федоровна, см. Тимирязева С. Ф.
 Бейне К. А. (1815—1858), архитектор, 507.
 Бекман, Я. Н., 593.
 Белизар, Фердинанд Михаил (ум. в 1863 г.), петербургский книгопродавец, издатель, 255, 257.
 Беликович, Франц Мартьянович, 129.
 Белозерская, Надежда Александровна, 278.
 Белосельская, Екатерина Александровна, см. Сухозанет, Е. А.
 Белосельская, Елена Павловна (1812—1888), рожд. Бибикина, во втором браке Кочубей, 228, 230, 278, 322, 449.
 Белосельская-Белозерская Анна Григорьевна (1773—1846), рожд. Козицкая, 278, 279, 284, 289, 290.
 Белосельская-Белозерская, Екатерина Александровна, см. Сухозанет Е. А.
 Белосельская-Белозерская, Зинаида Александровна, см. Волконская З. А.

- Белосельская-Белозерская, Мария Александровна, см. Власова М. А.
- Бельчинский, Викентий Станиславович, 283.
- Беляев, Михаил Дмитриевич, 157, 161.
- Бем, 110, 150.
- Бенжамен, Констан (1767—1830), 226, 254, 380.
- Бенкендорф, Александр Христофорович (1783—1844), шеф жандармов, 254, 256, 258, 266, 270, 308, 320, 321, 326, 327, 343, 367, 370, 392, 456.
- Бенкендорф, Елизавета Андреевна (ум. в 1858 г.), рожд. Захаржевская, по первому браку Библикова, 278, 279, 284, 367.
- Бенкендорф, Мария Христофоровна, см. Шевичева М. X.
- Бентам (Bentham), Иеремия (1748—1832), англ. юрист и философ, 406.
- Бенуа, Николай Леонтьевич (1813—1898), архитектор, 499, 506, 507, 515.
- Бернс (Burns), Роберт (1759—1796), шотландский поэт, 484.
- Беррийская (Marie-Caroline de Bourbon duchesse de Berry) (1798—1870) 262, 352—354, 356, 357, 363, 365, 366, 368, 372, 385, 389, 398, 400, 402, 403.
- Беррийский, герцог, 354.
- Беттигер, пастор, 91, 146.
- Библиков, Дмитрий Гаврилович (1791—1870), министр внутренних дел, 227, 229, 237, 262, 267, 276, 277, 319, 331, 333, 357, 390, 412, 417, 431, 443, 451, 455, 457, 458, 461, 463, 464.
- Библиков, М. Н. (1812—1856), художник, 511.
- Библикова, Анна Гавриловна, в замуж. Папкратьева, 278, 279.
- Библикова, Елена Павловна, см. Белосельская Е. П.
- Библикова, Елизавета Андреевна, см. Бенкендорф Е. А.
- Бильбасов, Василий Алексеевич, 138.
- Бирберг, учительница дочери К. Ф. Рылеева, 298.
- Бирен, см. Вьельгорская Л. К.
- Благово, 218, 258, 335.
- Блакас (Blacas Pierre-Louis) (1770—1839), дипломат, 352, 354, 356.
- Блохина А. А., пензенская знакомая Вяземских, 271, 272.
- Блохов, знакомый П. А. Вяземского по имени «Мещерское», 292, 306, 307.
- Блудов, Дмитрий Николаевич (1785—1864), министр внутренних дел 232, 234, 255, 276, 279, 286, 291, 310, 318—320, 324, 326, 327, 347—349, 360, 371, 405, 415, 431, 435.
- Блудова, Анна Андреевна, рожд. кн. Шербатова (ум. в 1848 г.), 463.
- Блудова, Антонина Дмитриевна (1813—1891), 318, 388, 463.
- Блудова, Лидия Дмитриевна (1815—1882), в замуж. Шевич, 463.
- Блум, датский посланник, 312, 313.
- Боальде (Буальде), Франсуа (1775—1834), композитор, 35, 127.
- Бобо Потоцкая, см. Потоцкая М. А.
- Бобринская, Анна Владимировна (Бобринская старая), рожд. Унгерн-Штеренберг (1769—1846), 420, 421, 423, 444, 449.
- Бобринская, Мария Алексеевна, см. Гагарина М. А.
- Бобринская (Самойлова), Софья Александровна, рожд. Самойлова (молодая Бобринская) (1799—1866), 241, 242, 315, 348, 350, 362, 377, 409, 419, 423, 424, 439, 440.
- Бобринские, Алексей Алексеевич и Софья Александровна, 314, 315.
- Бобринский, Александр Алексеевич (1823—1903), 424.
- Бобринский, Алексей Алексеевич (1800—1868), писатель и агроном, 217, 314, 315, 381, 393, 395, 412.
- Бобринский, Владимир Алексеевич, 424.
- Бобринский, Лев Алексеевич 424.
- Бобятинский, Михаил Трофимович (ум. в 1832 г.), 371.
- Богдан 52, 136.
- Бодеско, Константин Фомич, 144.
- Бологовский (Болховский), Дмитрий Николаевич, 101, 148, 149.
- Болотников, 519.
- Болтин, Александр Иванович, 480.
- Болтина, Авдотья Федоровна, см. Голицына А. Ф.

- Болтина, Варвара Александровна, см. Баранова В. А.
- Бонди, Сергей Михайлович, 161.
- Бонапарт, см. Наполеон 1.
- Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич, 1, 152.
- Бонштедт, Л. Л. (1822—1885), архитектор, 511.
- Боратынская, Анна Давыдовна, см. Абамелек А. Д.
- Боратынский, Евгений Абрамович (1800—1844), поэт, 254, 487—495.
- Бордосский герцог, см. Генрих V.
- Борис, см. Святополк-Четвертинский Б. Б.
- Боровкова-Майкова, Мария Сергеевна, 213.
- Бороздина, Анастасия Николаевна (1809—1877), в замуж. Урусова, 328, 329.
- Бортнянский, Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор, 61, 140, 152, 170.
- Борх, София Ивановна (1802—1871), рожд. Лаваль, вице-президент Совета детских приютов в Петербурге, 322, 323.
- Боссюэт (Bossuet) Жак Бенинь (1627—1704), франц. писатель, 472, 473.
- Браура, архитектор, 507.
- Браницкая (Броницкая), Александра Васильевна, рожд. Энгельгардт (1754—1838), 111, 150, 151, 443.
- Браницкая, Елизавета Ксаверьевна, см. Воронцова Е. К.
- Браницкий, Ксаверий (1731—1819), 151.
- Брикон, 421.
- Брискорн, Ольга Федоровна, см. Потемкина О. Ф.
- Бродовский, Т. А. (1821—1848), художник, 511.
- Бруни, Федор Антонович (1800—1875), художник, академик, 499, 505, 508, 512, 515.
- Брут, Марк Юний 133.
- Брюллов, Карл Павлович (1799—1852), профессор Академии художеств, живописец, 161, 322, 323, 506, 510.
- Брюсов, Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт, 164, 171.
- Брюхатов, офицер Камчатского полка, 123, 124, 130.
- Брянчинов, Никита Петрович (1801—1886), 254.
- Бужор (Боджур), атаман, народный герой Молдавии, 93, 146.
- Булгаков, директор Российско-американской компании, 208.
- Булгаков, Александр Яковлевич (1781—1863), московский почт-директор, 218, 219, 232, 238, 249, 274, 306, 339, 340, 367, 383, 403, 412, 419, 421, 431, 440, 456, 464, 469.
- Булгаков, Константин Яковлевич 272, 315, 317, 331, 333, 339, 439, 440, 449.
- Булгакова, Мария Константиновна, рожд. Варлам (1796—1879), 437, 438.
- Булгакова, Мария Константиновна (1823—1848), 421, 423, 424.
- Булгакова, Наталья Васильевна (1785—1841), рожд. Хованская, жена моск. почт-директора, 456, 457.
- Булгаковы, Александр Яковлевич и Константин Яковлевич, 218, 219, 253, 254, 258, 435, 437, 469.
- Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789—1859), литератор, издатель, агент и сотрудник III отделения, 281, 282, 293, 304, 308, 494.
- Бунина, Екатерина Афанасьевна, см. Протасова Е. А.
- Бурбоны, французская династия, 248, 257, 262, 278, 311, 354, 366, 389, 398.
- Бурбье, Виржини, французская актриса, 377, 378.
- Бургский, С. П., 29.
- Бурмон (Bourmon Louis-August) (1773—1846), маршал Франции, 352, 354, 356, 358.
- Бурмон, сын Bourmon Louis - August, 356, 358.
- Бурцов, Феодосий Васильевич, чиновник, 324, 325.
- Буслаев, Федор Иванович (1818—1897), 510.
- Бутеро, 177.
- Бутурлин, Михаил Дмитриевич, 364.
- Бутурлина, 422, 424.

- Бутурлина, Елизавета Михайловна (1805—1859), рожд. Комбурлей, 289, 290, 319.
 Бутурлины, 364.
 Бутурлины (три сестры), 424.
 Бухарина, Вера Ивановна (1812—1902), в зам. Анненкова, 232, 336, 338, 341, 358, 359.
 Бюффон (Buffon) 394.
 Бялый, Г. А., 572.
- В**
- В. Л-р, см. Лангер Валерян.
 Вагнер, вояжер, 220.
 Вадковская, Екатерина Ивановна, рожд. Чернышева, 348, 350.
 Вадковская, Екатерина Федоровна, см. Кривцова Е. Ф.
 Вадковская, Софья Федоровна, см. Тимирязева С. Ф.
 Вадковские, Екатерина Федоровна и Софья Федоровна, 278.
 Валентинович, Текла Игнатьевна, см. Шувалова Т. И.
 Валуева (молодая), 415.
 Валуева, Мария Петровна, см. Вяземская М. П.
 Вальдштейн, Мария Александровна, см. Апраксина М. А.
 Варвара, см. Карепина В. М.
 Варвара Алекс., см. Окулова В. А.
 Варлам, Мария Константиновна, см. Булгакова М. К.
 Варфоломей, Егор, 133, 149.
 Варфоломей, Пульхерия Егоровна, 108, 150.
 Варшава (псевдоним), см. Вяземский П. А.
 Василий, см. Гагарин В. Ф.
 Василий, см. Долгорукий В. В.
 Василий, см. Перовский В. А.
 Василий, садовник у Вяземских, 219.
 Василий и Сергей Львовичи, см. Пушкин В. Л., см. Пушкин С. Л.
 Васильев, офицер Охотского полка, 72, 142.
 Васильев, Василий Леонтьевич, знакомый Гаршиных, 579.
 Васильева, Прасковья, крестьянка, 528, 531, 532, 541.
 Васильчиков, Дмитрий Васильевич (1778—1859), 308.
 Васильчиков, Илларион Васильевич (1777—1847), председатель Государственного совета, 346.
 Васильчиков, Николай Михайлович, 308.
 Васильчикова, Екатерина Дмитриевна (ум. в 1874 г.), в замуж. Кушелева, 308.
 Васильчикова, Мария Васильевна, см. Кочубей М. В.
 Васильчикова, Софья Дмитриевна, в замуж. Васильчикова, 308.
 Васильчикова, Татьяна Васильевна, см. Голицына Т. В.
 Васильчиковы, Екатерина Дмитриевна и Софья Дмитриевна, 308.
 Вахтен, 133.
 Вашингтон, Джордж, 133.
 Введенский, А. И., 484, 485.
 Ведель, Анна Родноовна, см. Чернышева А. Р.
 Вейдемейер, Владимир Иванович (ум. в 1848 г.), 475, 476.
 Вейдемейер (Veidemeyer), Татьяна Семеновна (ум. в 1863 г.), рожд. Херхеулидзева, 475, 476.
 Вейденбаум, 147.
 Веллингтон (Wellington), Артур-Коллей-Веллеслей (Wellesley) (1769—1852), 358, 363—365, 472.
 Вельтман, Александр Фомич (1800—1870), поэт, историк, 127, 131, 134, 136, 148, 150, 153.
 Венгеров, Семен Афанасьевич (1855—1920), 161, 163, 164, 171.
 Веневитинов, Алексей Владимирович, брат поэта (1806—1872), 390, 391.
 Веневитинов, Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт, 278.
 Венецианов, Алексей Гаврилович (1780—1847), художник, 506.
 Венц, губернёр у детей И. М. Долгорукова, 9.
 Ватакиоти, 37, 122.
 Вера, см. Вяземская В. Ф.
 Вера, Верочка, см. Иванова В. М.
 Вересаев (Смидович), Викентий Викентьевич (1867—1945), 161, 292.
 Веретенников, Петр Федорович (ум. в 1849), коммерции советник, 323.

- Вержейский (Вержевский), 72, 73, 142.
- Верне, Орас, 511.
- Вернер, 95, 146.
- Веселовский, Владимир Иванович, 549, 550, 552—554.
- Весновский, 518, 519.
- Вест, доктор, 185.
- Вигель, Филипп Филиппович (1786—1856), бессарабский вице-губернатор, автор «Записок», 10, 17, 121, 122, 127—129, 133, 140, 147, 153, 220, 223, 225, 226, 293, 378, 450.
- Викентьева, Александра Петровна, 295, 297.
- Виктор Павлович, см. Кочубей В. П.
- Виктория (1819—1901), английская королева, 389.
- Вильгельм I Оранский Нассауский (1772—1843), голландский король, 353.
- Вильгельм IV (1765—1837), английский король, 358.
- Вильгельм Прусский, брат жены Николая I, 378.
- Виргилий. Марон Публий, римский поэт, 404, 405.
- Висковатов, А. В., 292.
- Витберг, Александр Лаврентьевич (1787—1855), архитектор, 273, 274, 349, 401.
- Витгенштейн, Петр Христианович (1768—1842), фельдмаршал, 28, 123, 130, 142, 143.
- Витгенштейн, Стефания Доминиковна (1809—1832), рожд. Радзивилл, 418, 419, 420, 427.
- Витт, Софья Константиновна, см. Потоцкая С. К.
- Витя, Виктор, см. Гаршин В. М.
- Власова (Магдалина), Мария Александровна («ВОА» (боа), «Магдалина»), рожд. Белосельская-Белозерская, 369.
- Власьев, Г. А., 120.
- Влодек, Елена Михайловна, см. Завадовская Елена Михайловна.
- Влодек, Михаил Федорович (1780—1849), сенатор, 232, 234.
- Воейков, Александр Федорович (1773—1839), литератор, редактор «Русского инвалида», 293, 294, 300, 304.
- Воейкова, Екатерина Александровна (1815—1844), 300, 301, 336.
- Волков, Александр Александрович, (1778—1853), 252, 254.
- Волконская, Александра Петровна, см. Дурново А. П.
- Волконская, Анна Михайловна, в замуж. Грессер.
- Волконская, Екатерина Михайловна, в замуж. Кожина, 477.
- Волконская, Зинаида Александровна (1792—1862), рожд. Белосельская-Белозерская, 249, 277, 278, 369—371, 375, 377, 380, 385, 387, 418, 439, 440, 511.
- Волконская, Мария Николаевна (1806—1863), рожд. Раевская, жена декабриста, 226.
- Волконская, Софья Григорьевна, рожд. Волконская (1786—1868), 476, 477.
- Волконский, Григорий Петрович (1808—1882), попечитель Петербургского округа, 248, 249, 328, 388, 389, 397.
- Волконский, Дмитрий Петрович (1805—1854), 358, 359, 476, 477.
- Волконский, Никита Григорьевич (1781—1841), муж. З. А. Волконской, 248, 249, 369, 371, 439, 440, 477.
- Волконский, Петр Михайлович (1776—1852), фельдмаршал, прозвища: «Петр Жестокий», «Князь Каменный», «Князь Окаменелый», 131, 233—235, 259, 261, 289, 319, 321, 421, 422, 458, 477.
- Волконский, Сергей Григорьевич (1788—1865), декабрист, 477.
- Волконский-Репнин Н. Г., см. Репнин Н. Г.
- Воловская, Мария, см. Шимановская М.
- Володенька, см. Карамзин В. Н.
- Волоцкой, М. В., 553.
- Вольская, В. Н., 163.
- Вольтер (Voltaire), Франсуа-Мари-Аруэ (1694—1778) 367.
- Воробьев, Максим Никифорович (1787—1855), художник-пейзажист, 506.
- Воробьев, Сократ Максимович (1817—1888), художник-пейзажист, 506.
- Воронков, С., 598.

- Воронская, Нина, см. Завадовская Е. М.
- Воронцов-Вельяминов, Н. Н., редактор «Московского Вестника», 579.
- Воронцов, Михаил Семенович (1782—1856), 131, 149, 427, 470, 473.
- Воронцова, Елизавета Ксаверьевна (1792—1880), рожд. Браницкая, 428, 439.
- Воронцовы, Елизавета Ксаверьевна и Михаил Семенович, 427, 428, 459.
- Воротников, Александр Васильевич, артист, 377, 378.
- Воскресенский, Евгений, 566.
- Вревская, Настасья Сергеевна, см. Щербатова Н. С.
- Времев, 265.
- Вронченко, Федор Павлович (1779—1852), министр финансов, 331, 333.
- Всеволод, см. Гаршин В. М.
- Всеволод Михайлович, см. Гаршин В. М.
- Всеволожская, Софья Ивановна, рожд. Трубецкая (1800—1852), 220, 221.
- Всеволожская, Софья Сергеевна, см. Мецдерская С. С.
- Вюртембергская принц., см. Елена Павловна.
- Вьельгорская, Луиза Карловна, рожд. Бирен (1791—1853), 378, 380.
- Вьельгорский, Матвей Юрьевич (1794—1866), чл. комитета управления петерб. театрами, 180, 181, 283, 306, 307, 324, 337, 342, 344, 379, 381, 388, 391, 393, 398, 402, 403, 409, 416, 419, 435, 438, 444.
- Вьельгорский, Михаил Юрьевич 367, 368.
- Вяземская, Александра Александровна, см. Римская-Корсакова А. А.
- Вяземская, Вера Федоровна, рожд. Гагарина, жена П. А. Вяземского, 214, 219—222, 242, 253, 254, 265, 306, 309, 333, 362, 376, 383, 408, 421, 444, 445, 447, 450, 478.
- Вяземская, Елена Никитична (1745—1832), рожд. Трубецкая, 233, 235.
- Вяземская, Мария Петровна (1813—1849), в замуж. Валуева (Marie, Машенька, Маша), 220, 226, 227, 229, 230, 239, 244, 250, 256, 264, 267, 277, 278, 280—282, 285, 292, 293, 297, 304—307, 309—318, 320, 322—325, 327—332, 334—336, 338, 340, 351, 360, 361, 367, 369, 374, 375, 379, 381, 384, 385, 387, 398, 403—405, 407, 412, 414, 428, 430, 432, 433, 437, 446, 448—450, 454, 455, 460, 461, 463.
- Вяземская, Надежда Петровна (1822—1840) (Любимка Петровна, Nadinka, Наденька, Надька), 226, 231, 239, 256, 258, 259, 261, 274, 286, 289, 296, 315—317, 322, 326, 337, 347, 360, 361, 367, 376, 385, 387, 407, 414, 420, 421, 423, 431, 433, 437, 438, 454, 455, 466.
- Вяземская, Прасковья Петровна (1817—1835), дочь П. А. Вяземского (Пашенька, Pauline), 216, 218, 226, 239, 252, 259, 260, 293, 295, 310, 311, 314, 316, 324, 326, 331, 337, 341, 360, 369, 376, 407, 412, 413, 433, 440, 449, 460.
- Вяземские (дети, ссмыя П. А. Вяземского), 230, 258, 292.
- Вяземские, Петр Андреевич и Вера Федоровна, 162, 216, 217, 220, 226, 230, 241, 244, 272, 297, 307, 323, 324, 380, 397, 428, 450.
- Вяземский, Александр Алексеевич (1727—1796), прокурор, 56, 139.
- Вяземский, Андрей Иванович, отец поэта П. А. Вяземского, 214.
- Вяземский, Павел Петрович (1820—1888) (Павлуша), основатель общества древней письменности, искусства, нач. Главного управления по делам печати, сын П. А. Вяземского, 214, 219, 225, 226, 231, 233, 236, 239, 258, 293, 296, 297, 300, 302, 309—311, 320, 326, 336, 360, 367, 385, 401, 403, 404, 407, 412, 414, 425, 435, 440, 459, 464, 466.
- Вяземский, Петр Андреевич (Варшава — псевдоним) (1792—1878), 16, 17, 161, 213, 214, 216, 217, 219, 224, 229, 230, 232, 234, 235, 238, 241, 242, 244, 248, 249, 254, 255, 257, 258, 267, 272, 274, 278, 283,

- 288, 290, 293, 297, 300, 304, 306, 315, 318, 320, 321, 323, 327, 329, 338, 342, 344, 348, 351, 354, 359, 369, 376, 380, 381, 383, 384, 387, 393, 395, 398, 402, 405, 417, 421, 430, 432, 434, 436, 437, 445, 447, 450, 457, 462, 473, 477—479, 484, 487, 491—493, 495.
- Г**
- Г. И., см. Успенский Г. И.
 Габерцеттель, И. И. (1791—1853), академик, художник, 509, 510.
 Гавриил (Ливазовский), архимандрит, 141.
 Гаврила Романович, см. Державин Г. Р.
 Гаврилова, Мария, крестьянка, 517, 528, 530—532, 538—540.
 Гагарин, Андрей Павлович (1787—1828) 125, 126, 130, 140, 149.
 Гагарин, Василий Федорович (умер в 1829 г.), брат В. Ф. Вяземской, 220, 250, 253, 380.
 Гагарин, Николай Сергеевич (1786—1842) 219, 421, 422.
 Гагарин, Павел Павлович (1789—1872), член следств. комиссии по делу петрашевцев, председатель суда по делу каракозовцев, 425, 426.
 Гагарин, Павел Федорович, 425.
 Гагавин, Сергей Иванович (1777—1862), 273, 274, 398, 399, 401, 410, 411.
 Гагарин, Сергей Сергеевич (1795—1852), директор театров, 332, 333.
 Гагарин, Федор Федорович (1786—1863), адъютант Багратиона, 220, 222, 225, 233, 258, 262, 264, 265, 277, 281, 289, 294, 306, 346, 349, 352, 355, 357, 358, 362, 367, 370, 383.
 Гагарина, Варвара Сергеевна, см. Долгорукова В. С.
 Гагарина, Вера Федоровна, см. Вяземская В. Ф.
 Гагарина, Любовь Федоровна, см. Полуектова Л. Ф.
 Гагарина, Мария Алексеевна (1798—1835), рожд. Бобринская, 247, 249, 405, 406, 423—425.
 Гагарина, Мария Николаевна (1820—1837), 424.
 Гагарина, Надежда Федоровна, см. Святополк-Четвертинская Н. Ф.
 Гагарина, Прасковья Юрьевна, см. Кологривова П. Ю.
 Гагарина, Софья Федоровна, см. Ладомирская С. Ф.
 Гагарина-Бобринская, см. Гагарина М. А.
 Гаевский, Виктор Павлович 142, 171.
 Газе, 95, 146.
 Гайм, Роберт, писатель, 574.
 Галахов, Александр Павлович, (1802—1856), 370, 371.
 Галачьян, А. Г., 581, 600.
 Галль, Франсуа-Жозеф (1758—1828), врач и физиолог, 392.
 Галченкова, Евдокия Петровна, владелица «Батова», усадьбы К. Ф. Рылева, 210.
 Гальперт, Екатерина Михайловна, см. Балугьянская Е. М.
 Гартунг, Мария Александровна, см. Пушкина М. А.
 Гаршин, Виктор Михайлович (Витя) (1849—1872), брат писателя В. М. Гаршина, 573, 584, 585, 600.
 Гаршин, Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель, 572, 573, 578—583, 590, 593—595, 598—601.
 Гаршин, Георгий Михайлович (Жорж, Юрик) (1849—1895), старший брат писателя В. М. Гаршина, 573, 577, 578, 581, 584, 585, 600.
 Гаршин, Евгений Михайлович, брат писателя, 594, 596, 600.
 Гаршин, Иван Егорович, брат отца Гаршина В. М., 578—580.
 Гаршин, Михаил Егорович, отец Гаршина В. М., 573, 577—583, 590—595, 598, 599.
 Гаршина, Екатерина Степановна (1828—1897), рожд. Акимова, мать В. М. Гаршина, 573, 577, 578, 580, 583, 593—595, 597—599.
 Гаршина, Мария Михайловна (ум. 2 лет), сестра писателя В. М. Гаршина, 592.
 Гаршина, Надежда Михайловна, рожд. Золотилова, 594, 598.

- Гаршины, Екатерина Степановна и Михаил Егорович, 577.
- Гаршины (дети), 577, 579, 598.
- Гаршины (семья), 573, 577, 581, 583.
- Gau (W. Nau) Владимир Иванович, художник, 161.
- Гауталь, неуст. лицо, 92, 95, 146.
- Геверс, чиновник, 445, 447.
- Гедеонов, Александр Михайлович (1791—1867), директор театров, 348, 350.
- Геер, отец В. Ф. Салтыковой, 257, 258.
- Гейденрейх, Август Федорович, смотритель крымских колоний, 66, 141.
- Гейтесбюри, Вильям (1779—1860), английский посол, 290, 410.
- Гейтесбюри, Мария-Ревекка, рожд. Bouverie, 410.
- Гейтесбюри Цецилия-Мария, в замуж. Даву, 410.
- Геккерен, Луи де Беверваард Яков-Теодор (1791—1884), нидерландский посланник, 173, 176, 183, 184, 185.
- Геништа, 168.
- Геннади, Григорий Николаевич, 168.
- Генриетта (Madame Henriette) (1644—1670), 472, 473.
- Генриетта (Henriette-Marie de France) (1609—1669), англ. королева, 473.
- Генрих IV (1553—1610), 473.
- Генрих V (Le duc de Bordeau), граф Шамбор (1820—1883), 245, 246, 248, 249, 335, 353, 354, 397, 398.
- Георгий, см. Гаршин Г. М.
- Георгий Черный, сербский король, 128.
- Герасим, слуга Мешерских, 449, 457.
- Гербель, Николай Васильевич 170, 171.
- Герн, Карл Иванович, переводчик, 12, 67, 141.
- Герц, 12, 67, 141.
- Герцен, Александр Иванович (1812—1870) — псевдоним «Искандер» 223, 283, 516—528, 530—546, 582, 590—593.
- Гете (Goethe), Иоганн-Вольфганг (1749—1832), 315.
- Гершензон, Михаил Осипович (1869—1925), 143, 144, 150, 253, 270, 416, 428, 506.
- Гизо (Guizot) Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874), историк и государственный деятель, 255, 257.
- Гика, молдавский помещик, 96, 147.
- Гильденшанц, адъютант Н. И. Инзова, 35, 38, 40, 54, 60, 66, 81, 84, 86, 87, 92, 98, 105, 106, 108, 128.
- Гилью (Guillou), солист Королевской музыкальной академии, 312, 313.
- Гимбут, офицер Охотского полка, 72, 73, 142.
- Гиро, 268.
- Глазунов, Иван Ильич, издатель, 484.
- Глеб Иванович, см. Успенский Г. И.
- Глебов, 507.
- Глинка, Федор Николаевич (1786—1880), поэт, участник войны 1812 г., 162, 227, 230.
- Глинский, Б., 582.
- Глявоне, Софья Константиновна, см. Потоцкая С. К.
- Гнедич, Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик Гомера, член Российской академии, 167, 384, 385, 461, 462.
- Гнилощров, офицер Охотского полка, 72, 143.
- Гогель, Иван Григорьевич (1773—1834), директор Военно-ученого комитета 331, 333.
- Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852), 12, 217, 278, 499, 506, 507, 511, 513.
- Годнев, П., 533.
- Гоздаво-Голомбневский, Александр Александрович (1863—1903), археолог, писатель, 333.
- Голенищев-Кутузов, П. В., петербургский губернатор, 274.
- Голенищева-Кутузова, Елизавета Михайловна, см. Хитрово Е. М.
- Голеновская, Александра Михайловна, см. Шевякова А. М.
- Голеновская, Мария Николаевна, в замуж. Ставровская, племянница Ф. М. Достоевского, 549.

- Голицын, Александр Борисович (1792—1865) 343, 344.
- Голицын, Александр Николаевич (1773—1844), министр народного просвещения и духовных дел, обер-прокурор Синода, 76, 105, 127, 130, 144, 207, 227, 229, 233, 235, 240, 244, 248, 249, 256, 268, 287, 291, 332, 487.
- Голицын, Александр Сергеевич, 211.
- Голицын (Варшавский), Александр Федорович (1796—1864), 299, 300, 598.
- Голицын, Алексей Андреевич (ум. в 1800 г.), 477.
- Голицын, Василий Сергеевич (Кулик) (1794—1836), 422, 424.
- Голицын, Владимир Сергеевич (1794—1861), прозв. «Centres» 221, 222.
- Голицын, Дмитрий Владимирович (1771—1844), москов. генерал-губернатор, 218, 224, 241, 242, 255—257, 273, 274, 287, 292, 297, 312—314, 317, 320, 326, 327, 335, 341—344, 346, 349, 362, 395, 435, 447, 451, 452, 454, 456, 457.
- Голицын, Иван Александрович (Jean de Paris) (ум. в 1852 г.), 245, 248, 339, 340, 412.
- Голицын, Михаил Федорович (1800—1873), 299, 300.
- Голицын, Павел Федорович, 480.
- Голицын, Сергей Михайлович (1744—1859), 340, 379, 380.
- Голицын, Федор Иванович (1700—1769), 480.
- Голицына, Авдотья Федоровна, в замуж. Болтина, 480.
- Голицына, Александра Павловна, см. Давыдова А. П.
- Голицына, Александра Петровна, рожд. Протасова (1774—1842), 467, 477.
- Голицына, Александра Петровна, см. Шаховская А. П.
- Голицына, Анна Васильевна (1793—1868), рожд. Ланская, 225, 344.
- Голицына, Анна Петровна, см. Измайлова А. П.
- Голицына, Варвара Григорьевна, см. Шуазель-Гуфье.
- Голицына, Варвара Сергеевна (1794—1875) (Babet), рожд. Кагульская, 286, 288.
- Голицына, Екатерина Михайловна, см. Чебышева Е. М.
- Голицына, Елизавета Петровна (1800—1863), в замуж. Долгорукова, 10.
- Голицына, Елизавета Сергеевна, 424.
- Голицына, Луиза (Юлия) Трофимовна, см. Баранова Л. Т.
- Голицына, Наталия Петровна (1739—1837), рожд. Чернышева, прозв. «La princesse Moustache» 255, 258, 334, 335, 343, 344.
- Голицына, Наталия Сергеевна, 424.
- Голицына, Наталья Степановна (1794—1890), рожд. Апраксина, 247, 249.
- Голицына, Прасковья Сергеевна, в замуж. Саражинович, 424.
- Голицына, Татьяна Васильевна (1782—1891), рожд. Васильчикова, 224, 308.
- Голицына-Апраксина, см. Голицына Н. С.
- Голицыны (род.), 480.
- Голицыны, Дмитрий Владимирович и Татьяна Васильевна 223, 224.
- Головина, Наталья Ивановна, см. Куракина Н. И.
- Головкин, Юрий Александрович (1762—1846), член верховного суда по делу декабристов, 232, 234, 277.
- Головкина, Наталья Юрьевна, см. Салтыкова Н. Ю.
- Голомбевский, Александр Александрович, см. Гоздаво-Голомбевский.
- Гольберг, Людвиг (1684—1754), датский писатель, 300, 301.
- Гольцев, 569.
- Гомер, древнегреческий поэт, 383, 385, 462.
- Гончаров, Дмитрий Николаевич, брат Н. Н. Пушкиной, 179.
- Гончарова Александра Николаевна (Александрина), сестра Н. Н. Пушкиной, по мужу Фризенгоф, 182, 183.
- Гончарова, Мария Ивановна, см. Мещерская М. И.
- Гончарова, Наталья Ивановна 182, 185.

- Гоггер, Александра Васильевна, см. Сенявина А. В.
- Гончарова, Наталья Николаевна, см. Пушкина Н. Н.
- Горбунов, Дмитрий Семенович, чиновник, 275.
- Горбунова, соседка по имению П. А. Вяземского «Мещерское», 275, 312.
- Горголи, Иван Савич (1770—1862), 227, 228, 230, 255, 256.
- Горский, А. К., 162.
- Горский, П., писатель, 566.
- Горсткин, Иван Николаевич, декабрист, 322, 327, 342, 343, 415.
- Горсткина, Анна Николаевна, 232.
- Горсткина, Елизавета Григорьевна, жена декабриста, 320, 322, 325.
- Горсткина, Софья Николаевна, (ум. в 1858 г.), в замуж. Щербатова: 232, 241, 244, 248, 285, 287, 291, 295, 297, 322, 327, 334, 446, 447, 456.
- Горсткины, 320, 415.
- Горчаков, Владимир Петрович, 13, 17, 121, 124—127, 133, 134, 137, 138, 146, 148, 149.
- Горчакова, Варвара Юрьевна (1778—1828), рожд. Долгорукова, 258.
- Горчакова, Мария Александровна, см. Мусина-Пушкина М. А.
- Горяйнов, чиновник, 82, 83, 145.
- Гофман, Модест Людвигович, 161.
- Гофман (Hoffmann), Эрнест Теодор-Амадеус (1776—1822), 256, 257.
- Грабовский, Степан Фомич (ум. в 1847 г.), министр, 297.
- Гранвиль, карикатурист, 321.
- Грей, Елизавета, см. Дюргам (Dugham) Е.
- Грей, Карл Говик (1764—1845), первый лорд казначейства в Англии, 356, 358, 368, 409.
- Грессер, Александр Иванович, 445, 447, 477.
- Грессер, Анна Михайловна, см. Волконская А. М.
- Грессер, Екатерина Александровна, племянница П. М. Волконского, 476, 477.
- Греч, Николай Иванович (1787—1867), литератор, издатель журнала «Сын Отечества», 293, 294, 304.
- Грибоедов, Александр Сергеевич (1795—1829), 293.
- Грибоедова, Елизавета Алексеевна, см. Паскевич Е. А.
- Григорий, крепостной слуга, 577.
- Григорий, константинопольский патриарх, 473.
- Григорий, см. Римский-Корсаков Г. А.
- Григорий Гиерапольский, греческий архиепископ, 128.
- Григорович, Василий Иванович (1786—1865), конференц-секретарь Академии художеств, 496, 499, 502, 505, 506, 513, 514.
- Гридякин, Василий Иванович, 12, 45, 61, 67, 68, 87, 90, 101, 102, 122.
- Гримм, Яков Людвиг (1785—1863), 313.
- Гритти-Камилл, сын Е. А. Мусиной-Пушкиной-Брюс, 328, 329.
- Гроссман, В. 572.
- Грот. Константин Яковлевич, 469, 473, 478.
- Грот, Яков Карлович (1812—1893), 181, 186, 187, 569.
- Грузинский, Егор Александрович (1762—1852), нижегородский губернатор, 229, 230, 240, 241, 242.
- Гудович (Гукович), Андрей Иванович (ум. в 1869 г.), 275, 276, 290, 295, 371, 375, 444, 445.
- Гудович, Екатерина Николаевна, рожд. Залесская Е. Н., 448, 450.
- Гулов, Александр Андреевич, 83.
- Гуммелауер (Hummelauer) 476, 477.
- Гурьев, Николай Дмитриевич (1789—1849), посланник, 334, 335, 459.
- Гурьева, Авдотья Петровна (1795—1863), рожд. Толстая, 341, 342, 405, 406.
- Гурьевы, Авдотья Петровна и Николай Дмитриевич, 424.
- Гурьева, Мария Дмитриевна, см. Нессельроде М. Д.
- Густав, см. Святополк-Четвертинский Г. А.
- Гутер, Яков, 56.

- Гучков, московский купец, 233, 235, 286, 291, 298, 304, 334.
 Гэй, София, романистка, 270.
 Гюго (Hugo Victor-Marie), Виктор-Мари, 184, 217, 263, 265.
- Д**
- Даву (Davout Louis-Nicolas, duc d'Auerstaedt) (1770—1823), маршал, военный министр при Наполеоне, 327, 335, 337.
 Даву (Davout), сын маршала Даву, 335.
 Даву, Цецилия-Мария, см. Гейтесбюри, Ц.
 Давыдов, 162.
 Давыдов, Андрей Иванович, отец жены поэта И. И. Козлова, 480.
 Давыдов Василий Львович (1792—1855), декабрист, 14, 18, 126, 129.
 Давыдов, Денис Васильевич (1784—1839), поэт, партизан войны 1812 г., 227, 229, 230, 240, 435, 487.
 Давыдов, Дмитрий Александрович (1786—1851), 276, 278, 312, 314, 320, 321, 371, 428, 430, 431, 435.
 Давыдов, Ростислав Дмитриевич (1819—1869), 435, 437.
 Давыдова, Александра Павловна (1766—1804), рожд. Голицына, 480.
 Давыдова, Елизавета Алексеевна (ум. в 1860 г.), рожд. Шаховская, 221, 222, 224, 398, 401.
 Давыдова, Софья Андреевна (Софи), см. Козлова С. А.
 Давыдова, Софья Андреевна (София) (1810—1871), рожд. Оболенская, 466, 467.
 Даль, Владимир Иванович (1801—1872), псевдоним — Казак Луганский, 135.
 Данилевич, офицер Охотского полка, 72, 143.
 Данилевская, 420, 421.
 Данте, Алигьери (Dante Alighieri) (1265—1321), 404, 405.
 Дантес-Геккерен Жорж (1812—1895), 173, 177—179, 184, 185.
 Дантес-Геккерен, Екатерина Николаевна (ум. в 1843 г.), рожд. Гончарова, 178—183, 185.
 Дараган, Анна Михайловна, см. Балугьянская А. М.
 Дариенков, 110, 150.
 Дашков, Дмитрий Васильевич (1788—1839), член «Арзамаса», писатель, литературный критик, с 1832 г. министр юстиции, 229, 230, 240—242, 250, 255, 266, 269, 279, 297, 315, 343.
 Дашков, Павел Михайлович, 307.
 Дашкова, Анастасия Михайловна, см. Щербинина А. М.
 Дашкова, Анна Дмитриевна (1831—1858), в замуж. Ржевусская, 317.
 Дашкова, Елизавета Васильевна (1809—1890), рожд. Пашкова, 317, 353.
 Дашковы, Дмитрий Васильевич и Елизавета Васильевна, 315.
 Дворницкий, 66.
 Дегай, Павел Иванович (1792—1869), юрист, писатель, 375—376.
 Деденева, Софья Алексеевна, см. Храповицкая С. А.
 Делинье-Люксембург, Людвиг Карлович, лужский исправник, 115, 151.
 Дельви, Антон Антонович (1798—1831), поэт, издавал альманахи «Северные цветы» и «Литературную газету», друг Пушкина, 167, 264, 407.
 Демид, см. Муромцев Д. Ф.
 Демидова, Аврора Карловна, см. Карамзина А. К.
 Депотт, Эдуард Иванович, землемер, 28, 74, 81, 144.
 Депрео (Nicolas Voileau-Despréaux) (1636—1711), французский поэт, 343.
 Державин, Гавриил Романович (1743—1816), 186, 187, 191, 193, 443.
 Десницкий, Матвей Михайлович, митрополит Михаил (1761—1821), 105, 149.
 Дефрен, 391.
 Дешан, Мария Осиповна, инспектриса Воспитательного общества, 195.
 Джунковский, Степан Семенович (1762—1839), непрменный секретарь Вольного экономического общества, 76, 144.

- Дибич, Иван Иванович (Дибич-Забалканский) (1785—1831), фельдмаршал, 214, 215, 225, 487.
- Дивьер, Александра Николаевна, см. Бартоломе.
- Дивов, Павел Гаврилович (1765—1841), переводчик, автор дневника, 291, 292, 312.
- Дидро (Diderot), Дени (1713—1784), 20.
- Дмитр. Владимир. см. Голицын Д. В.
- Дмитриев, 379.
- Дмитриев, Иван Иванович (1760—1832), баснописец, 222, 223, 262, 264, 267, 284, 285, 302, 315, 319, 336, 374, 380—382, 389, 395, 404, 433, 457.
- Дмитриева-Мамонова, Мария Александровна (1792—1854), 420, 421.
- Дмитрий, см. Гончаров Д. Н.
- Дмитрий, см. Долгоруков Д. И.
- Дмитрий Давыдович, 342.
- Дмит(рий) Львович, 409.
- Добри (Дебри), издатель музыкального журнала, 279.
- Долгорукая (Салтыкова), Екатерина Александровна. (1803—1852), рожд. Салтыкова, 248, 249, 342.
- Долгорукая, Екатерина Васильевна, см. Салтыкова Е. В.
- Долгорукий, Василий Васильевич (1787—1858). 344, 345.
- Долгоруков, Александр Иванович (1793—1868), 9.
- Долгоруков, Алексей Алексеевич (1775—1834), министр юстиции. 405.
- Долгоруков, В. А., шеф жандармов. 592, 593, 598.
- Долгоруков, Дмитрий Иванович (1738—1769), 113, 151.
- Долгоруков, Дмитрий Иванович (1797—1867), поэт, 6, 10, 22, 120.
- Долгоруков, Иван Александрович (1708—1739), 151.
- Долгоруков, Иван Михайлович (1764—1823), поэт, 6, 9, 10, 138, 150, 232, 272.
- Долгоруков, Михаил Иванович. 10.
- Долгоруков, Павел Иванович (род. в 1787 г.), сослуживец Пушкина по Кишиневу, 5, 6, 9—21, 62, 83, 122, 124, 125, 126, 128—130, 132, 133, 135, 136, 138—140, 144—146, 148, 149—153.
- Долгоруков, Рафаил-Михаил Иванович (1802—1826), секретарь русской миссии во Флоренции, 120.
- Долгоруков, Сергей Алексеевич (1809—1891), 405.
- Долгорукова, см. Фадеева.
- Долгорукова, Графена Алексеевна, рожд. Безобразова, в 1-м браке Пожарская, 130.
- Долгорукова, А. Н., бабушка П. И. Долгорукова, 6.
- Долгорукова, Варвара Васильевна (1816—1866), в замуж. Долгорукова, 424.
- Долгорукова (Гагарина), Варвара Сергеевна (1793—1833), рожд. Гагарина, 345, 423, 424.
- Долгорукова, Варвара Юрьевна, см. Горчакова В. Ю.
- Долгорукова, Елизавета Михайловна, см. Селецкая Е. М.
- Долгорукова, Елизавета Петровна, см. Голицына Е. П.
- Долгорукова, Мария Александровна, см. Апраксина М. А.
- Долгорукова, Мария Васильевна (1814—1869), в замуж. Нарышкина, 344, 345, 424.
- Долгорукова, Надежда Сергеевна, см. Пашкова Н. С.
- Долгорукова, Наталья Борисовна (1714—1771), рожд. Шереметева, в монашестве Нектария, автор «Памятных записок», 113, 151.
- Долгоруковы, семья И. М. Долгорукова, 9.
- Долгоруковы, Александр Иванович и Павел Иванович, 10.
- Долгоруковы, Евгения Сергеевна и Иван Михайлович, 9.
- Долгоруковы, Иван Александрович и Наталья Борисовна, 151.
- Доливо-Добровольский, 525.
- Доли, см. Фикельмон Д. Ф.
- Доминичини, 79, 145.
- Домогадский, 297.
- Домье, карикатурист, 321.
- Донаурова, Мария Федоровна, 207, 208.

- Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович (1794—1869), 426.
- Дониц, кишиневский житель, 134.
- Доргобужинов, костромской губернатор, 526, 527.
- Дорнберг (Doernborg Ferdinand-Wilhelm-Kaspar) (1768—1850), ганноверский посланник, 357, 358.
- Достоевская, Александра Михайловна, см. Шевакова А. М.
- Достоевская, Анна Григорьевна, рожд. Сниткина, жена Ф. М. Достоевского, 547, 548, 553, 559.
- Достоевская, Варвара Михайловна, см. Карепина В. М.
- Достоевская, Вера Михайловна, см. Иванова В. М.
- Достоевская Любовь Федоровна, дочь Ф. М. Достоевского, 547, 548, 559.
- Достоевская, Мария Федоровна, рожд. Нечаева, мать Ф. М. Достоевского, 549, 551.
- Достоевские, 548, 551, 558.
- Достоевские (братья), 551, 554.
- Достоевский, Андрей Михайлович, брат Ф. М. Достоевского, 548—556.
- Достоевский, Михаил Михайлович, брат Ф. М. Достоевского, 548, 550, 551, 554.
- Достоевский, Николай Михайлович, брат Ф. М. Достоевского, 548, 554, 555.
- Достоевский, Федор Михайлович (1821—1881), 172, 547—559, 561—563, 565, 566.
- Достоевский, Федор Михайлович (Федя), сын М. М. Достоевского, 554.
- Дохтурова (Дохторова), Мария Петровна (1771—1852), рожд. Оболенская, 234, 235.
- Дружинин, Яков Александрович (1771—1849), член Российской академии, 320, 321.
- Дубенская, Варвара Ивановна, в замуж. de Lagrené, 233, 235, 328, 346, 377, 391, 396.
- Дубенский, Н., 486.
- Дурново, Павел Дмитриевич (1804—1864), 234, 477.
- Дурново, Александра Петровна (1804—1859), рожд. Волконская, 231, 234, 263, 267, 277, 477.
- Дурново, Александра Петровна и Павел Дмитриевич, 232, 234.
- Дурылин, Сергей Николаевич, 594, 598.
- Дыдицкая, П. В., кишиневская знаковая Пушкина, 126, 128, 147.
- Дьяков, Андрей Николаевич (ум. в 1837 г.), сотрудник «Сына Отечества», 232, 234, 267, 271, 290, 295.
- Дьякова, Елизавета Алексеевна, рожд. Окулова, прозв. Вяземским П. А. «Соловьевой», 224, 328, 329, 387, 429, 430, 450.
- Дюмон, 405.
- Дюргам (Durham) Елизавета, рожд. Грей, жена английского посла, 410.
- Дюргам (Durham John-George-Lambton) (1792—1840), английский посол, 409, 410, 429, 446, 447.
- Дюргамы, 443, 444.

Е

- Е. С., см. Гаршина Е. С.
- Евдокимов, Алексей Алексеевич, 130.
- Евреинов, Яков Михайлович, 208.
- Евсеев-Евсеев, 328, 329.
- Егорка (Егор), слуга П. А. Вяземского, 217, 226, 270, 309, 344, 444.
- Екатерина, см. Дантес-Геккерен Е. Н.
- Екатерина, см. Тизенгаузен Е. Ф.
- Екатерина II (1729—1796), 139, 250, 290, 321, 367, 380, 443, 493.
- Е. Ан., см. Карамзина Е. А.
- Екат(ерина) Андр(еевна), Катерина Андр., см. Карамзина Е. А.
- Екатерина Николаевна, см. Дантес-Геккерен Е. Н.
- Екатерина (Катерина) Николаевна, см. Орлова Е. Н.
- Екатерина Степановна, см. Гаршина Е. С.
- Екимов, Николай, крестьянин, 529, 534, 535, 537.
- Елена Ивановна, гувернантка у Вяземских, 375, 376, 384, 395, 422.

- Елена Павловна, см. Иванова Е. П.
 Елена Павловна (1806—1873), жена сына Павла I, Михаила Павловича, рожд. Вюртембергская, 230, 238, 257, 258, 424.
 Елиза, см. Хитрово Е. М.
 Елизавета Алексеевна, см. Дьякова Е. А.
 Елизавета Алексеевна, жена Александра I, рожд. Баденская (1779—1826) 361, 418.
 Елистрат Фитюлькин, см. Проташинский В. А.
 Емилия, см. Мусина-Пушкина Э. К. Енгальчева, 12, 67.
 Египетский Луи Бурбон-Конде (1772—1804), 363, 364.
 Ермолаев Дмитрий, денщик Инзова, И. Н., 102, 148.
 Ермолов, Алексей Петрович (1772—1861), 106, 122, 149, 240, 242
 Еропкин, Петр Дмитриевич (1724—1805), моск, генерал-губернатор, 224.
 Есипов, знакомый П. А. Вяземского по имению «Мещерское», 295.
 Есипова, Анна Александровна, см. Аверкиева А. А.
 Есипова, Вера Яковлевна, см. (Soldan) Солдан В. Я.
 Есипова, Мария, 324.
 Есиповы, 297.
 Ефименко, П. С., 593.
 Ефимович (Яфимович) Алексей Иванович (ум. в 1823 г.), 448, 450.
 Ефимовская, Надежда Петровна (1785—1840), рожд. Палицына, 304, 409, 410.
 Ефремов, Петр Александрович (1830—1907), 163, 168, 171, 476.
- Ж**
- Жанлис (Genlis Stephanie-Félicité) (1746—1830), автор мемуаров, 345, 393.
 Железняк, С., см. Пономарев С. И.
 Желтухин, Александр Дмитриевич, 574.
 Желтухин, Сергей Федорович (1779—1833), 108, 150.
 Жерар (Gerard), гувернер у Карамзиных, 218, 219.
 Жерар Etienne-Maurice (1773—1855), маршал, пэр Франции, 461, 462.
 Жеромский, 554.
 Живанович, 12, 53, 67, 138.
 Жихарев, Степан Петрович (1788—1860), автор воспоминаний, переводчик; член литературного общества «Арзамас», 241, 242, 434, 466.
 Жихарева, Федосья Дмитриевна (1795—1850), рожд. Нечаева, 433, 434.
 Жорж, см. Гаршин Г. М.
 Жорж, см. Геккерен Дантес.
 Жохов, 519.
 Жуков, Николай Ефимович (1801—1846), 299, 300, 411, 415—417.
 Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852), поэт, 167, 169, 170, 216, 217, 221, 227, 229, 230, 232, 239, 242, 244, 248, 251, 254, 260, 287, 288, 293, 294, 298, 300, 305, 307, 308, 320, 336, 346, 368, 378, 379; 382, 383, 391—393, 396, 398, 403, 409, 417, 433, 439, 441, 443, 461, 475—479, 487.
- З**
- Заболоцкий-Девятковский, 350.
 Заваловская, Елена Михайловна (1807—1874), рожд. Влодек («Нина Воронская», «Клеопатра Невы»), 233, 235, 248, 263—265, 273, 277, 283, 323, 327, 336, 341, 350, 351, 362, 368, 383, 384, 419.
 Завадский, Петр Васильевич (1839—1870), домашний учитель детей Гаршиных, 577, 578—583, 590—594, 596, 598.
 Завьялов, Ф. С. (1810—1855), художник, 508.
 Загряжская, Екатерина Ивановна (1779—1842), 180, 183, 360, 361.
 Загряжская, Елизавета Александровна, см. Строганова Е. А.
 Загряжская, Наталья Кирилловна (1747—1837), рожд. Разумовская, 252, 254, 444, 445.
 Закревская, Аграфена Федоровна (1809—1879), рожд. Толстая, прозв. «Медная Венера», 341, 342.
 Закревские, Аграфена Федоровна и Арсений Андреевич, 341.

- Закревский, Арсений Андреевич (1789—1865), министр внутренних дел, 131, 141, 145, 327, 487, 488, 491.
- Закревский, Г. А., московский губернатор, 519, 520.
- Закруткин, В., 140.
- Залеман (старший), (1813—1874), скульптор, 514.
- Залеская, Екатерина Николаевна, см. Гудович Е. Н.
- Замойский, Станислав Андреевич (1775—1856), 228, 230, 236.
- Засе, Каролина Густавовна, см. Стакельберг К. Г.
- Захаржевская, Елизавета Андреевна, см. Бенкендорф Е. А.
- Захарьянов, Григорий (ум. в 1827 г.), 140.
- Зверев, 210.
- Зеленецкий, 138.
- Зенеда, см. Волконская З. А.
- Зерлин, Вильгельм, основатель франкфуртского журнала в 1665 г., 361.
- Зильберштейн, Илья Самойлович, 161.
- Золотилов, 526.
- Золотилова, Надежда Михайловна, см. Гаршина Н. М.
- Зоя Н, см. Багратюн, Зоя.
- Зубов, Платон Александрович (1767—1822), 258.
- Зубова, Елизавета Дмитриевна, см. Розен Е. Д.
- Зубова, Текла Игнатьевна, см. Шувалова Т. И.
- Зубовы (род.), 117, 152.
- Зубовы, 530, 538.
- И**
- И. Е., см. Гаршин И. Е.
- Иван, крепостной Вяземских, 442.
- Иван, см. Мусин-Пушкин И. А.
- Ив. Ив., см. Дмитриев И. И.
- Иван Александрович, см. Нарышкин И. А.
- Иван Васильевич, см. Сабанеев И. В.
- Иван Григорьевич, 560.
- Иван Михайлович, см. Долгоруков И. М.
- Иван Яковлев, см. Шульцев И. Я.
- Иванов, 534.
- Иванов, Андрей; вольноотпущенный крестьянин, 529, 530, 534—538.
- Иванов, Александр Андреевич (1766—1851), художник, 493, 502, 506, 508, 510—515.
- Иванов, Александр Павлович, муж сестры Ф. М. Достоевского, 549, 553.
- Иванов, Антон Андреевич, скульптор (1815—1848), 499, 514, 515.
- Иванов, Константин Павлович, 553.
- Иванов, Сергей Андреевич, 507, 513.
- Иванова, Анна, крестьянка, 530, 538.
- Иванова, Вера Михайловна, рожд. Достоевская, сестра Ф. М. Достоевского, 547—549, 551—554, 559.
- Иванова, Елена Павловна, 553, 559, 560.
- Иванова, Софья Александровна, племянница Ф. М. Достоевского, 552, 553, 560.
- Ивановы, Александр Павлович и Вера Михайловна, 554.
- Ивков, В. В., 593.
- Изабелла (1830—1904), испанская королева, 462.
- Измайлов, Александр Ефимович (1779—1831), поэт, баснописец, 297.
- Измайлова, Анна Петровна, в замуж. Голицына, 480.
- Ильин, Николай Николаевич, 547.
- Инзов, Иван Никитич (1768—1845), участник войн 1805—1810, 1812 гг. наместник Бессарабии, 11, 12, 15, 16, 22, 24, 25, 27—31, 33—41, 45—47, 51, 54, 58—62, 66—68, 73—75, 81—84, 87, 88, 91, 92, 94—98, 100—102, 104—106, 108, 109, 117, 121, 122, 125—129, 134, 138, 139, 144, 146, 147, 149.
- Иоанникй, 79, 145.
- Иордан, Федор Иванович (1800—1883), художник-гравер, ректор Академии художеств, 496, 499, 505, 506, 508—510, 512.
- Ипсиланти, Александр Константинович (1793—1828), 18, 129.
- Ирней, см. Нестерович И.
- Исаев, Павел Александрович, па-сынок Ф. М. Достоевского, 548, 556, 560.
- Исаков, 168.

Исакова, Екатерина Никитишна, см. Калайдович Е. Н.
 Искандер, см. Герцен А. И.
 Искра, см. Пушкин А. С.
 Иселъев, Николай Александрович (1785—1851), 454.
 Иша, см. Козлов И. И., сын поэта.
 Иоанн VI, португальский король, 468.
 Искуль (Искульша), 420, 421, 437.

К

Кабе (Cabet Etienne) (1788—1856), адвокат, 355, 356.
 Кагульская, Варвара Сергеевна, см. Голицына В. С.
 Казанская, Александра, см. Шер А.
 Казанские, родственники Ф. М. Достоевского, 550, 553, 554.
 Казанский, Павел Петрович, 549, 554, 559, 564.
 Казарский, Иван, 538.
 Калайдович, Екатерина Никитишна, рожд. Исакова, 364.
 Калайдович, Константин Федорович (1792—1832), археолог, историк и филолог, издатель «Русского зрителя», 350, 351, 363, 364.
 Каллержи, Мария Федоровна, см. Нессельроде М. Ф.
 Кангер, Александра Михайловна, см. Балугьянская А. М.
 Каневский, И. К. (1804—1867), художник-портретист, 510.
 Канкрин, Егор Францевич (1774—1845), министр, финансов, 229, 240, 266, 343, 370, 380, 406, 421, 431, 450, 451, 455.
 Канкринна, Екатерина Захаровна (1795—1849), рожд. Муравьева, 369, 424, 449, 450.
 Кант (Kant) Иммануил (1724—1804), 96.
 Каподистрия, Иоанн Антонович (1776—1831), 22, 120, 129.
 Карамзин, Александр Николаевич (1816—1888), сын Н. М. Карамзина, 252, 254, 255, 262, 426.
 Карамзин, Андрей Николаевич (1814—1854), сын Н. М. Карам-

зина, 213, 216, 255, 257, 302, 426, 457, 458.
 Карамзин, Владимир Николаевич (1819—1879), сын Н. М. Карамзина, 248, 249, 302, 309, 336.
 Карамзин, Николай Николаевич (1817—1833), 400, 401.
 Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826), 169, 220, 234, 282, 345, 413, 476, 478, 493—495.
 Карамзина, Аврора Карловна (1813—1902), рожд. Шерваль, в 1-ом браке Демидова, 397, 398, 401—403, 406, 409—411, 416, 420, 427, 437, 438, 447, 466.
 Карамзина, Екатерина Андреевна (1780—1851), рожд. Кольванова, внебрачная дочь А. И. Вяземского и гр. Синверс, сестра П. А. Вяземского по отцу, жена Н. М. Карамзина, 169, 214, 221, 225, 228, 249, 252, 254, 255, 258, 262, 271, 296, 311, 326, 329, 330, 337, 345, 385, 390, 399, 400, 414, 429.
 Карамзина, Екатерина Николаевна, см. Мещерская Е. Н.
 Карамзина, Елизавета Николаевна (Лизанька) (1821—1891), дочь Н. М. Карамзина, 258, 261, 262, 271, 285, 336.
 Карамзина, Софья Николаевна (1802—1856), дочь П. М. Карамзина от первого брака, 216, 217, 220, 221, 224, 225, 229, 231, 233, 235, 238, 243, 252, 254, 256, 278, 283, 301, 302, 304, 305, 341, 361, 368, 370, 375, 376, 425, 426.
 Карамзины, Екатерина Андреевна и Николай Михайлович, 213, 256.
 Карамзины, семья Н. М. Карамзина, 214, 216, 219, 224, 234, 238, 274, 306, 313, 323, 330, 360, 368, 371, 375, 379, 384, 385, 390, 391, 397, 399, 418, 420, 426, 428, 429, 435, 437—439, 441, 449, 450, 457, 476, 478.
 Каракозов, Дмитрий Владимирович (1840—1866), революционер, 598.
 Карепина, Варвара Михайловна, рожд. Достоевская, сестра Ф. М. Достоевского, 548, 551—554.
 Карл (Charles) X, comte d'Artois (1757—1836), 223, 245, 246, 352—354, 374, 389.

- Карл I, Стюарт (1600—1649), 473.
 Карл XII, шведский король (1682—1718), 129.
 Карл Прусский (1801—1883), 377, 378.
 Карнеев, Егор Васильевич (1773—1849), 331, 333.
 Карлина, 354.
 Каррик, В., 575.
 Карцов, С. В., 163.
 Карчевский (Корчевский), офицер Охотского полка, 72, 142, 143.
 Кассий, Лонгин Кай, римский политический деятель, 133.
 Кастера, Жан (1755—1833), французский писатель, журналист, переводчик, 56, 138, 139.
 Катакази, Константин Антонович, бессарабский губернатор, 40, 129.
 Катенька, см. Полуектова Е. Б.
 Катенька, см. Е. Н. Мещерская.
 Катенька Николаевна, см. Мещерская Е. Н.
 Катерина Федоровна, см. Кривцова Е. Ф.
 Катерина Федоровна, см. Муравьева Е. Ф.
 Катрин, см. Дантес-Геккерен.
 Катицын, офицер Охотского полка, 72, 143.
 Катя, см. Гаршина Е. С.
 Каховский, Петр Григорьевич (1797—1826), декабрист, 208.
 Каченовский, Михаил Трофимович (1775—1842), профессор, историк и журналист. 457, 459.
 Кашкарова 370.
 Кашпирев, Владимир Васильевич 549, 550.
 Квасников, 263, 265, 275, 283, 299, 302, 315, 351, 375, 399, 411, 438.
 Квириго 134.
 Келлер, Мария Федоровна, см. Баятинская М. Ф.
 Киль, Лев Иванович (ум. в 1851 г.) 236, 238, 392.
 Киндякова, Елизавета Петровна, см. Пашкова Е. П.
 Кипренский, Орест Адамович (1783—1836), художник, 158, 159.
 Киреева, Александра Васильевна, см. Алябьева А. В.
 Киреевский, Иван Васильевич (1806—1856), славянофил, публицист, издатель, 251, 254, 278, 284, 286, 287, 302, 308, 320, 390, 407, 494.
 Кирилов, Тарас, 150.
 Киришер, Франц Карлович, 68, 108, 141.
 Киселев, Павел Дмитриевич (1788—1872), русский посол в Париже, министр государственных имуществ, 44, 131, 132, 140, 141, 145, 288.
 Киселев, Сергей Дмитриевич (1792—1851), московский вице-губернатор, 420, 421.
 Киселева, Елизавета Николаевна (1810—1872), рожд. Ушакова, 421.
 Киселева, Софья Станиславовна, рожд. Потоцкая, 286, 288.
 Клевенский, Митрофан Васильевич, 572.
 Клейнмихель, Петр Андреевич (1793—1869), управляющий департаментом военных поселений, 331, 333.
 Клеман, Жак (1564—1589), 249.
 Клеопатра Невы, см. Завадовская Е. М.
 Клепалов, 292.
 Климентик, см. Россети К. О.
 Ключарев, Григорий Иванович, доверенный А. И. Герцена, 519, 520.
 Кноринг (Варшавская), Луиза, рожд. Северин, 250, 253, 272, 301, 309, 464.
 Кноринг, Владимир Карлович (1784—1864), 304.
 Кожин, Михаил Николаевич (ум. в 1826 г.), 476, 477.
 Кожин, Сергей Александрович, 477.
 Кожина, Екатерина Михайловна, см. Волконская Е. М.
 Кожина, Мария Сергеевна, племянница П. М. Волконского, 476, 477.
 Козицкая, Александра Григорьевна, см. Лаваль А. Г.
 Козицкая, Анна Григорьевна, см. Белосельская-Белозерская А. Г.
 Козицкая, Екатерина Ивановна (ум. в 1833 г.), рожд. Мясникова, 290.
 Козицкие, Григорий Васильевич и Екатерина Ивановна, 289, 290.

- Козицкий, Григорий Васильевич (ум. в 1775 г.), писатель, 290.
- Козлов, Иван Иванович (1779—1844), поэт и переводчик, 243, 244, 257, 318, 320, 342, 350, 360, 362, 369, 412, 469, 470, 472—474, 476—480, 482, 484—488, 492, 494, 495.
- Козлов, Иван Иванович (Иша. Ишенька), сын поэта И. И. Козлова. 478.
- Козлова, Александра Ивановна, дочь поэта И. И. Козлова, 479, 480, 482, 485.
- Козлова, Софья Андреевна, рожд. Давыдова, 480.
- Козловы (родные поэта И. И. Козлова), 480.
- Козьмин, Борис Павлович. 582.
- Колзаков, Павел Андреевич (1779—1864), вице-адмирал, 235, 238.
- Кологривов, Петр Александрович (ум. после 1850 г.), отчим В. Ф. Вяземской, 252, 254, 258, 292, 304, 340, 410, 411, 420, 421, 428, 430, 457.
- Кологривова, Прасковья Юрьевна (1762—1846), рожд. Трубенская. в 1-м браке Гагарина, 220, 252, 258, 264, 304, 309, 312, 323, 332, 340, 349, 435, 447, 457.
- Кологривовы, Петр Александрович и Прасковья Юрьевна. 410.
- Колокольцева, Екатерина Федоровна, см. Муравьева Е. Ф.
- Колтовская, Н. А., 317.
- Кольянова, Екатерина Андреевна, см. Карамзина Е. А.
- Комар, Ольга Михайловна, см. Балугьянская О. М.
- Комаров, Н., 133.
- Комбурлей, Елизавета Михайловна, см. Бутурлина Е. М.
- Кондратий Федорович, см. Рылеев К. Ф.
- Кондраша, см. Рылеев К. Ф.
- Константин Павлович (1779—1831), сын Павла I, 215, 216, 222, 238, 248, 267, 270, 300.
- Корвин-Красинский, Вицент (Вицентий Иванович) (1783—1858), 238, 386, 387.
- Корнилов, Петр Евгеньевич, искусствовед, 159.
- Корнилович, Степан Иванович, 100, 148.
- Коростин, Алексей Федорович, 158.
- Корсаков, Григорий Александрович, см. Римский-Корсаков Г. А.
- Корсакова, см. Римская-Корсакова А. А.
- Корсакова, М. И., см. Римская-Корсакова М. И.
- Корф (Корфша), жена А. З. Муравьева (?), 449, 450.
- Косековский, офицер Охотского полка, 72, 143.
- Котельницкая В. М., в зам. Нечаева, бабка Ф. М. Достоевского, первая жена Нечаева Ф. М., 548.
- Коцебу (Kotzebue), Август (1761—1819), 148.
- Кочубей, Виктор Павлович (1768—1834), министр внутренних дел, 38, 81, 98, 117, 118, 124, 152, 294, 367, 369.
- Кочубей, Лев Викторович (1810—1890), 437, 438, 442.
- Кочубей, Елена Павловна, см. Белосельская Е. П.
- Кочубей, Мария Васильевна (1779—1844), рожд. Васильчикова, 294, 367.
- Кочубей, Виктор Павлович и Марья Васильевна, 293, 294.
- Краевский, 591—593.
- Краевский, Андрей Александрович (1810—1889), 304.
- Кракау, архитектор, 507, 515.
- Крамской, Иван Николаевич (1837—1889), художник, 510.
- Красинский, см. Корвин-Красинский.
- Красовский, Афанасий Иванович (ум. в 1843 г.), 464.
- Крейтон (Crichton), Александр Александрович (1763—1857), врач, лейб-медик, 472, 473.
- Кривцов, Николай Иванович (1791—1843) («Франклин»), участник войны 1812 г., 269, 270, 276—278, 286, 318, 320, 327, 334, 369, 387, 401, 409, 413, 418—420, 423, 424, 428, 430—433, 436, 443, 455, 456.
- Кривцов, Павел Иванович (1806—1844), секретарь Российской миссии, 499, 505, 506, 512.

- Кривцова, Екатерина Федоровна (ум. в 1861 г.), рожд. Вадковская, 213, 214, 286, 455, 457.
- Кривцовы, Екатерина Федоровна и Николай Иванович, 318.
- Криницкий, Николай Андреевич, 44, 129, 131, 132.
- Круковский, Матвей Васильевич, 450.
- Крупенский, Я. Н., 144, 148.
- Крупенский (Крупянский), Матвей Егорович (1781 — ум. после 1823 г.), 124, 133, 137, 138.
- Крылов, Иван Андреевич (1769—1844), баснописец, 222, 251, 263, 265, 346, 367, 394, 395.
- Крюднер, 376.
- Крюднер, Александр Сергеевич (умер в 1852 г.), посол в Стокгольме, 357, 359.
- Кудинов, А. С., архитектор, 511.
- Куколевская, Наталия Михайловна, см. Рылеева Н. М.
- Кулик-Голицын, см. Голицын В. С.
- Куликов, Н. И., 150.
- Кулинич, крепостной Селецкого В. Л., 68, 81.
- Куманин, А. А., 549.
- Куманин, Константин Алексеевич (ум. в 1852 г.) 234, 235, 240, 257, 315, 323.
- Куманина, Александра Федоровна, рожд. Нечасва, тетка Ф. М. Достоевского, 547—549, 551, 554, 556, 557, 562.
- Куракина, Наталья Ивановна (1768—1831), рожд. Головина, 219.
- Купер (Cooper), Джеймс Фенимор (1787—1851), писатель, 268, 270.
- Куриде-Шангран, Александра София, см. Сен-Симон А.
- Куракин, Алексей Борисович (1759—1829), управляющий министерством внутренних дел, 81, 145.
- Курико, Петр Васильевич, председатель уголовного суда в Бессарабии, 25, 122.
- Курута, Дмитрий Дмитриевич (1773—1833), 236, 238, 245.
- Кутайсова, Прасковья Петровна (ум. в 1870 г.), рожд. Лопухина, 367.
- Кутузова 183.
- Куцевалова, Ефросинья, няня детей Гаршиных, 579, 583, 590.
- Кушелев, Григорий Григорьевич (1802—1855), 308.
- Кушелева, Екатерина Дмитриевна, см. Васильчикова Е. Д.
- Кушников, Сергей Сергеевич (1765—1839), адъютант А. В. Суворова, 291, 292, 403, 461.
- Кювье (Cuvier Georges-Dagobert) (1769—1832), французский натуралист, 364, 366.
- Кюхельбекер, Вильгельм Карлович (1797—1846), декабрист, 493, 495.

Л

- Лабедейер, Шарль-Анжелик (1786—1815), 277, 278.
- Лаваль, Александра Григорьевна (1772—1850), рожд. Козицкая, 251, 254, 264, 278, 283, 301, 307, 311.
- Лаваль, Иван Степанович (ум. в 1846 г.), 230, 234, 235, 250, 364, 368, 377.
- Лаваль, Зинаида Ивановна, см. Лебциельгернд З. И.
- Лаваль, Софья Иванова, см. Борх С. И.
- Лаваль, Александра Григорьевна и Иван Степанович 310, 313, 315, 346.
- Лавеццари, художник, 507.
- Ладомирская, Софья Федоровна (1794—1855), рожд. Гагарина, 219, 220, 258, 271, 272, 295, 333, 357, 368.
- Ладомирские, Василий Николаевич и Софья Федоровна 219, 231, 233, 248, 407, 418.
- Ладомирский, Василий Николаевич (1786—1848) 219, 257, 258, 306, 307, 330, 333, 353, 358, 362, 371, 385, 418, 443, 461, 465.
- Лазарев, В. Н., 160.
- Лазарев, Иоаким Лазаревич (1744—1826), 149
- Лазарев, Христофор Иоакимович (1799—1871), 104, 149.
- Лазарев, Иван Иоакимович (1787—1858), 104, 149, 255, 257, 272, 275, 276, 278, 289, 348, 382, 383, 402.
- Лазарева, Елизавета Иоакимовна, в зам. Арапетова, 384.

- Лазарев-Станишев, 549.
 Лазаревы-Станишевы, 554.
 Ламарк, Максимилиан (1770—1832), 388, 389.
 Ламартин (Lamartine) Альфонс-Мари-Луи (1790—1869), поэт, 223, 443.
 Ламбтон, дочери Дюргама, английского посла, 447.
 Лангер, Валериан, 157, 159, 160.
 Ланжерон, Александр Федорович (1763—1831), новороссийский губернатор, 91, 101, 105, 126, 146.
 Ланкастер, Д. (1778—1838), английский педагог, 48.
 Ланов, Александр Николаевич, член Одесской конторы Попечительного комитета о колонистах, 122.
 Ланов, Иван Николаевич, член Попечительного комитета о колонистах, 12, 13, 24, 27, 29, 32—34, 37, 38, 40—42, 45, 46, 51, 54, 59, 68, 78, 80, 82—86, 88, 90—92, 95, 97, 101, 102, 106, 107, 120, 124, 125.
 Ланская, 229.
 Ланская, Анастасия Сергеевна (ум. в 1891 г.), в зам. Перфильева, 410.
 Ланская, Анна Васильевна, см. Голицына А. В.
 Ланская, Наталья Николаевна, см. Пушкина Н. Н.
 Ланской, Сергей Степанович, костромской губернатор, 345, 359, 361, 368, 409.
 Ланские-Араповы, 161.
 Лапченко, 514.
 Ласкина, Мария Федоровна, 533, 546.
 Лау, Карл Карлович, 130.
 Лафайет (Lafayette Marie-Jean) (1757—1834), политический деятель, 389.
 Лафатер (Lavater) Иоганн-Каспар (1741—1801) 392, 458, 459, 464.
 Лафит (Lafite) (1767—1844), 389.
 Лашевич, 148.
 Лашевич, Прасковья Васильевна, см. Мередер П. В.
 Лашков, крепостной В. Л. Селецкого, 68, 81.
 Лебедев, Георгий Павлович 516, 518, 544, 546.
 Ле Брен (Lebrun) Шарль (1619—1690), французский живописец, 157.
 Леббельтернд, Зинанда Ивановна, рожд. Лаваль, 357, 358, 406.
 Лев Х, Медичи (1477—1521), римский папа, 158.
 Левашев, Василий Васильевич (1783—1848), 290.
 Левашева, Мария Александровна, см. Соймонова М. А.
 Левицкая, Варвара Прокофьевна (1786—1837), рожд. Пражевская, 306, 307.
 Левицкая, Надежда Михайловна (Наннина), 360, 361.
 Левицкая Юлия Михайловна, в зам. Титова, 234, 235, 292, 333, 347, 348, 360.
 Левицкие, семья варшавского коменданта Левицкого, 240, 241, 292, 332, 450.
 Левицкий, художник, 507.
 Левицкий, Гаврила Михайлович, 235, 340.
 Левченко, студент Харьковского университета, 593.
 Лейтон, Яков Иванович 467, 468.
 Лемке, Михаил Константинович (1872—1923), 582.
 Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870—1924), 161, 469, 524, 569.
 Ленский, Адам Осипович, 256, 258.
 Леонтий, архиерей, 128.
 Леонтьев, П. М., 559.
 Леопольд I, Саксен-Кобургский (1790—1865) 253, 353.
 Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841), 362, 392.
 Лернер, Николай Осипович, 163—165, 171.
 Лизанька, см. Карамзина Е. Н.
 Лилленева, 257.
 Лилиенфельдт, см. Вяземская Н. П.
 Лилиенфельд, Анета, певица, 376.
 Линдль, Игнатий (Ignaz Lindl), 41, 65, 71, 76, 81, 84, 85, 87, 129, 130, 145.
 Липранди, Иван Петрович, 17, 18, 121—128, 130—138, 142, 148—150, 153.
 Литке, К. П., 24, 32, 47, 53, 64, 73, 87, 121, 122.
 Литта, Юлий Помпеевич (ум. в 1839 г.), 233, 235, 243, 248, 420.

- Литта, внебрачный сын Ю. П. Литта, провинциальный актер, 235, 419.
- Лифарь, Сергей, 161.
- Лобанов-Ростовский, Дмитрий Иванович, министр юстиции, 207, 212, 450.
- Лобанова-Ростовская, Елизавета Петровна, см. Пашкова Е. П.
- Логановский, А. В. (1810—1855), скульптор, 499, 508.
- Логинов, В., 533, 534, 545.
- Ломтев, Николай Алексеевич (1816—1858), художник, 511, 515.
- Лонгинов, Николай Михайлович (1775—1853), 331, 333, 360, 418.
- Лончковский, 59, 73.
- Лопухин, 476, 477.
- Лопухина, Прасковья Петровна, см. Кутайсова П. П.
- Лорович, чиновник, 85, 91, 145.
- Лотошинская, см. Мещерская Е. Н.
- Лубинская (Лубенская), Констанция, рожд. Осхолинская, 310, 383.
- Лубинский, Лев Фомич (1812—1860), 310, 343, 435.
- Лубинский, Фома Осипович, 319, 321.
- Лувель (Louvel), Луи Пьер (1783—1820), 354.
- Лугнин, Ф. Н., 16, 121, 128.
- Лужин, Иван Дмитриевич, харьковский губернатор, 592, 593, 596, 597.
- Лужина, Мария Дмитриевна, см. Ховрина М. Д.
- Любимка, Любимка Петровна, см. Вяземская Н. П.
- Любичевский, см. Кривцов, Н. И.
- Любомирская, Тереза Михайловна, см. Яблоновская Т. М.
- Любомирский, Константин Ксавьеревич (1786—1870), 456—458.
- Людовик IX (Saint-Denis) (1215—1270), 472, 473.
- Людовик (Louis) XVI (1754—1793), 223, 247, 249.
- Людовик (Louis) XVIII (1755—1824), 223, 311, 313, 354, 374, 389, 462.
- Людовик-Филипп (Louis Philippe) (1773—1850), герцог Орлеанский, 245—249, 262, 282, 313, 319, 321, 333—335, 339, 352, 374, 389, 390, 398, 418, 462.
- Лященко, А. И., 478.

М

- М. . . ., 181.
- М. Е., см. Гаршин М. Е.
- М. Ц., см. Цявловский М. А.
- Магенди (Magendie François) (1783—1855), французский физиолог, 354, 355.
- Магницкий, Михаил Леонтьевич (1778—1855), 235.
- Мазаев, М. Н., 163.
- Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, 549, 550, 552.
- Майков, Леонид Николаевич, 153.
- Макаров, 546.
- Макаров, чиновник Чухломской опеки, 517, 529, 532—537, 541—543, 545.
- Макаров, губернский секретарь, 539.
- Макаров, И. П., 161.
- Макарова, знакомая В. Ф. Вяземской, 256.
- Малевинские (братья), 30, 83, 106.
- Малевинский, Владимир Николаевич, адъютант И. Н. Инзова, 92, 122.
- Малевинский I, Сергей Николаевич, 30, 31, 37, 38, 51, 73—75, 83, 122.
- Малевская, Елена, см. Шимановская Е.
- Малевский, Франциск (1800—1870), 279.
- Малиновский, 540.
- Малиновский, Алексей Федорович (1762—1840), 460.
- Малиновский, Павел Федорович (ум. в 1832 г.), 459, 460.
- Малорти, см. Malortin.
- Малютин, Петр Федорович, 195—197, 201, 209.
- Малютины, дети П. Ф. Малютина, опекуном которых был К. Ф. Рылеев, 209.
- Малво (Mollevault), Яков Николаевич (ум. в 1826 г.), 476, 478.
- Мамаев, 45, 46, 48, 66, 71.
- Мамаев, 532, 533.
- Мамонов, 531, 541.
- Мамонова, см. Дмитриева-Мамонова.

- Мамышев, В., 230.
 Мандель, Антон Антонович, 31, 45, 51, 66, 68, 83, 86, 90, 91, 122.
 Манега, грек, составитель законов для Бессарабии в 1820 г., 22, 33, 36, 42, 43, 48, 56, 61, 96, 97, 128.
 Мануйлов, Виктор Андронникович, 153.
 Мари (Marie), см. Вяземская М. П.
 Мария, см. Вяземская М. П.
 Мариола, 121.
 Мария да Глория, 468.
 Мария Ивановна, см. Римская-Корсакова.
 Мария Николаевна, дочь Николая I, 440.
 Мария Федоровна (1759—1828) жена Павла I, 148.
 Маркс, Адольф Федорович (1838—1904), издатель, 484, 485, 573, 600.
 Мармонтель Жан François (1723—1799), поэт, 345.
 Мартынов, кишиневский канцелярист, 67, 85, 88.
 Мартынов, Иван Иванович (1771—1833), переводчик, 141.
 Марченко, Василий Никонович, 59, 62, 79—81, 83, 92, 94, 122, 140.
 Марья, см. Дешан М. О.
 Маскле, Инполит Иванович, переводчик басен И. А. Крылова, 394, 395.
 Маслов, Василий Иванович, 194—199, 201.
 Матвеев, унтер-офицер Охотского полка, 142.
 Матвей Егорович, 386.
 Матушевич (Матусевич), Адам Федорович (1791—1842), дипломат, 441, 442.
 Махмуд II (1785—1839), султан, 468.
 Мацневский, 65, 141.
 Маша, см. Гаршина М. М.
 Машаев, чиновник Чухломского суда, 546.
 Машенька, см. Вяземская М. П.
 Мегмет-Али (1769—1849), наместник Египта, 468.
 Медведев, Берко, 41, 42.
 Медем, Мария Михайловна, см. Балугьянская М. М.
 Мейендорф, Александр Казимирович (1798—1865), 269, 270.
 Мейендорф, Ольга Федоровна, см. Потемкина О. Ф.
 Мельников, Иван Андреевич, 113, 151.
 Мельникова, Агафья, служанка в семье Гаршиных, 583.
 Мендар (miss), 303.
 Меннон, Симонис (1496—1561), основатель секты меннонитов, 132.
 Меньшиков, Александр Сергеевич (1787—1869), адмирал, 416, 417.
 Мердер, Карл Карлович (1787—1834), 148.
 Мердер, Мария Карловна (1815—1870), 177.
 Мердер, Петр Карлович (1793—1832), 98, 147.
 Мердер, Прасковья Васильевна, в 1-ом браке Лашевич, 148.
 Мерлина, Вера Яковлевна, см. Солдан В. Я.
 Местр, Софья Ивановна, 183.
 Местры, 182.
 Метелкин, Петр Иванович, 345, 359, 379, 403, 458.
 Мигуель-дон (1802—1866), сын португальского короля Иоанна VI, 467, 468.
 Мещерская, Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина (1805—1867), дочь Н. М. Карамзина от 2-го брака, 217, 225, 226, 229, 231, 233, 241, 243, 248, 249, 251, 252, 263, 264, 272—274, 277, 280—282, 286, 298, 299, 301—303, 329—331, 334, 342, 346, 350, 354, 358, 360, 362, 369, 371, 382—384, 386, 390—393, 397, 398, 401, 402, 404, 407, 408, 412, 415, 429, 430, 437, 449, 457, 464, 468.
 Мещерская, Мария Ивановна (ум. в 1859 г.), в замуж. Гончарова, 254, 313.
 Мещерская, Софья Ивановна (ум. в 1881 г.), 231, 233, 250, 253, 254, 312, 313, 332, 333, 384.
 Мещерская, Софья Сергеевна (1775—1848), рожд. Всеволожская, 281, 282, 313, 402.
 Мещерские (дети Е. Н. и П. И. Мещерских), 406.

- Мещерские, Петр Иванович и Екатерина Николаевна, 217, 233, 252, 311, 313, 322, 323, 329, 332, 338, 340, 347, 355, 380, 417, 437, 455.
- Мещерские, Софья Ивановна и Мария Ивановна, 252, 254, 318, 332.
- Мещерский, управляющий именем «Мещерское» 338, 340.
- Мешерский, Елим Петрович (1808—1844), поэт, 394, 395, 402, 433, 434.
- Мешерский, Петр Иванович (1802—1876), 217, 255—257, 341, 379, 380, 382.
- Микель-Анджело Буонаротти (Michelangelo Buonarroti) (Микель-Анжо) (1475—1564), 251, 253, 512.
- Миллер, Федор Петрович, сослуживец К. Ф. Рыльева, 207.
- Мило, Мария Егоровна, 146.
- Мильшев, 544.
- Миньярд, Петр, 157.
- Мирабо (Mirabeau) Оноре (1749—1791), деятель Французской революции, 133, 405, 406.
- Митрофан Терентьевич, не уст. лицо, 46, 132.
- Михаил, см. Долгоруков М. И.
- Михаил, см. Десницкий М. М.
- Михаил Егорович, см. Гаршин М. Е.
- Михаил Павлович (1798—1849), сын Павла I, 230, 238, 253, 254, 258, 292, 359, 424, 447, 454, 459, 465.
- Михайло Федорович, см. Орлов М. Ф.
- Михайлов, художник, 507.
- Михайлов, Михаил Илларионович (1829—1865), поэт, революционер, 598.
- Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798—1855), поэт, 279, 318.
- Мицкевич, Целина, см. Шимановская.
- Моден, Аделанда Гавриловна, см. Пашкова А. Г.
- Моден де Раймонд, Гавриил Карлович (1774—1833), 219, 221, 241.
- Моден де Раймонд, Елизавета Николаевна (1773—1852), рожд. Салтыкова, 241, 271, 272.
- Модзалевский, Борис Львович, 149, 157, 254, 485.
- Модзалевский, Лев Борисович, 153.
- Мокрицкий, Аполлон Николаевич (1811—1871), художник, 499, 507, 514.
- Моллер, мировой посредник, 528.
- Моллер, Федор Антонович, художник, 506, 507.
- Монигети, И. А. (1819—1878), архитектор, академик, 499, 506, 507.
- Монро, Фома Фомич, 358, 359.
- Монтескье (Montesquieu) Шарль-Луи (1689—1755), 333.
- Моравская, Теофила Игнатьевна, см. Чернышева Т. И.
- Монументальная, см. Щербатова А. А.
- Моргенштерн, Карл Симон (1770—1852), профессор Дерптского университета, 371, 375.
- Моренгейм, Павел Осипович (ум. в 1832 г.), 435, 436, 440.
- Морозов, 163.
- Морозов, П. О., 164.
- Мортье (Mortier, Eduard-Adolphe) (1768—1835), французский посол в России, 312, 313, 327, 338, 463.
- Мортье, сын французского посла Мортье, 338.
- Морузи, 136.
- Мосальский, Даниил Афанасьевич (1739—1832), 117, 152.
- Мосальский, Евграф Данилович (1789—1826), 118, 152.
- Мур (Moore) Томас (1779—1852), английский поэт, 476.
- Муравский, М. Д., 593.
- Муравьев, Александр Захарович (1795—1842), 449, 450.
- Муравьев, Петр Андреевич, попечитель Московского университета, 450.
- Муравьева, Екатерина Захаровна, см. Канкринна Е. З.
- Муравьева, Екатерина Федоровна, рожд. Колокольцева, 445, 447, 450.
- Муральт (Muralt) Иоганн (1780—1850), 476—478.
- Муромцев, Дномид (Демид) Федорович, управляющий у Вяземских, 221, 222, 226, 227, 243, 299, 322, 326, 345, 351, 359, 368, 380, 390, 404, 409, 411, 440, 441, 457, 465.
- Мусин-Пушкин, Василий Валентинович, 159.

- Мусин-Пушкин, Владимир Алексеевич (1798—1854), 403, 409, 410, 418.
- Мусин-Пушкин, Иван Алексеевич (ум. в 1836 г.), 409, 410.
- Мусина-Пушкина, Мария Александровна (1801—1853), рожд. Урусова, во 2-м браке Горчакова, 273, 274, 328, 356, 358, 360, 367, 410, 417, 420.
- Мусина-Пушкина, Софья Алексеевна, см. Шаховская.
- Мусина-Пушкина, Эмилия Карловна (1810—1846), рожд. Шернваль, 403, 409, 410, 416, 420, 427.
- Мусины-Пушкины, Владимир Алексеевич и Эмилия Карловна, 403, 411, 412.
- Мусина-Пушкина-Брюс, Е. Я., 329.
- Муханов, Александр Алексеевич (1800—1834), 488, 491.
- Муханов, Николай Алексеевич (1802—1871), 273, 274, 298, 310, 395, 405, 418, 419, 420.
- Муханова, Мария Федоровна, см. Нессельроде М. Ф.
- Мухановы, 274.
- Мясников, оренбургский заводчик, 290.
- Мясникова, Екатерина Ивановна, см. Козицкая Е. И.
- Мясоедов, Александр Иванович (1793—1860), 461, 462.
- Мясоедова, Анастасия Христофоровна (Стазинька), рожд. Сольдан, 461, 462.
- Мясоедовы, Александр Иванович и Анастасия Христофоровна, 464.
- Мятлев, Петр Васильевич (1756—1833), 257.
- Мятлева, Мария (Прасковья) Петровна, рожд. Балк-Полева, 370, 371.
- Мятлева, Прасковья Ивановна (1772—1859), рожд. Салтыкова, 257, 425, 426.
- Мятлевы, Петр Васильевич и Прасковья Ивановна, 255, 257.
- Н**
- Набоков, Дмитрий Николаевич, 210.
- Набоковы, владельцы «Батова», б. усадьбы К. Ф. Рылеева, 210.
- Надежда Петровна, см. Н. П. Вяземская.
- Надеждин, Николай Иванович (1804—1856), критик и журналист, редактор-издатель «Телескопа», псевдоним «Никодим Надоумко», 165, 167, 307.
- Надина, см. Святополк-Четвертинская, Н. Б.
- Надька, Наденька, см. Вяземская Н. П.
- Назарутский, Иван, чиновник Костромской палаты, 536.
- Нанина, см. Левицкая Ю. М.
- Наполеон (Napoléon) I Бонапарт (1769—1821), 88, 94, 150, 222, 229, 247, 249, 270, 278, 313, 333, 352, 354, 364, 367, 374, 379, 381, 382, 389, 393, 398, 431, 432, 462.
- Нарышкин, Дмитрий Львович (1764—1838), 319, 321.
- Нарышкин, Иван Александрович (1761—1841), 406, 407.
- Нарышкин, Иван Дмитриевич, 418.
- Нарышкин, Кирилл Александрович (1786—1838), 392, 393.
- Нарышкина, Варвара Ивановна, см. Неклюдова В. И.
- Нарышкина, Елизавета Ивановна (1791—1858), прозв. «La grosse Lison», 250, 253.
- Нарышкина, Зинаида Ивановна, см. Юсупова З. И.
- Нарышкина, Мария Васильевна, см. Долгорукова М. В.
- Натали, см. Пушкина, Н. Н.
- Наталья Михайловна, см. Рылеева Н. М.
- Наталья Николаевна, см. Пушкина Н. Н.
- Наумова, Мария Ивановна, см. Римская-Корсакова М. И.
- Нащокин, Павел Воинович (1800—1854), друг Пушкина А. С., 168, 250, 251, 253.
- Негри, 129.
- Недоба, Федор Иванович, 36, 128.
- Неелов, Сергей Александрович (1778—1852), 420, 421.
- Нейман, 133.
- Неклюдова, Варвара Ивановна (ум. в 1867 г.), рожд. Нарышкина, 324, 325.

- Некрасов, Николай Алексеевич (1821—1877), 226, 566, 569, 570, 594.
- Нектария, см. Долгорукова Н. Б.
- Немчинов, управляющий Шепелевским заводом, 305, 307.
- Неофитов, душеприказчик А. Ф. Курманиной, 551.
- Непомуцен (Уминский) Ян (1780—1851), 392.
- Нессельроде, Карл Васильевич (1780—1862), государственный канцлер, 249, 264, 274, 287, 288, 424.
- Нессельроде, Мария Дмитриевна (1786—1868), рожд. Гурьева, 247, 249, 274, 376, 406, 408, 459.
- Нессельроде, Мария Федоровна (1823—1874) в 1-м браке Каллержи, во 2-м Муханова, 228, 424.
- Нессельроде (Варшавский), Федор Карлович (1786—1863), 263, 265, 266, 272, 274, 278, 279, 296, 297, 347, 363, 364, 423.
- Нестер, слуга Вяземских, 243, 244.
- Нестерович, Ириной (род. ок. 1785 г. ум. в 1864 г.), ректор Кишиневской семинарии, 96, 147.
- Нечаев, В., 194.
- Нечаев, Федор Михайлович, дед Ф. М. Достоевского, 548.
- Нечаева, Екатерина, Федоровна, в зам. Ставрова, 549, 550.
- Нечаева, Мария Федоровна, см. Достоевская М. Ф.
- Нечаева, Ольга Федоровна, в зам. Шер, 549.
- Нечаева, Ольга Яковлевна, рожд. Антипова, 549—551.
- Нечаева, Федосья Дмитриевна, см. Жихарева Ф. Д.
- Нечкина, Милица Васильевна, 132, 134.
- Никита, см. Волконский Н. Г.
- Никитенко, Александр Васильевич, 198, 249.
- Никифоров, 451, 453.
- Николаева, Татьяна, крестьянка, 517, 528—530, 532, 534—538, 541.
- Николай, см. Тургенев Н. И.
- Николай I (Павлович) (1796—1855), 207, 235, 238, 253, 254, 258, 267, 272, 292, 318, 320, 333, 335, 378, 428, 440, 477, 517, 528, 534.
- Николай Емельянович, см. Фоменко Н. Е.
- Ник. Михайлович, см. Карамзин Н. М.
- Николенька, см. Карамзин Н. Н.
- Николетти, 135.
- Нилус, 82, 141, 145.
- Нина Воронская, см. Завадовская.
- Ниротморцев, 466.
- Новицкий, 544.
- Новосильцев, Николай Петрович (ум. в 1856 г.) 331, 333.
- Новосильцев, Николай Николаевич (1761—1836), президент Академии Наук, 236, 238, 240, 243, 244.
- Новосильцева (Апраксина) Екатерина Ивановна (ум. в 1864 г.), рожд. Апраксина, 309.
- Новосильцева, Елизавета Сергеевна, см. Огарева Е. С.
- Новосильцевы, 168.
- Новосильцевы-Апраксины, 309.
- Нольде, 595.
- Норов, Авраам Сергеевич, министр народного просвещения (1795—1869), 416, 417, 430, 433, 434.
- Норов, Николай Николаевич, 443.
- Норчик, см. Норов Н. Н.
- Нотбек, архитектор, 507.

О

- Оболенская, Варвара Петровна, см. Щербатова В. П.
- Оболенская, Мария Петровна, см. Дохтурова М. П.
- Оболенская, Софья Андреевна, см. Давыдова С. А.
- Оболенские, родственники В. Ф. и П. А. Вяземских, 217, 239, 241.
- Оболенские, семья А. П. Оболенского, 360.
- Оболенский, Андрей Петрович (1769—1852), попечитель Московского университета, 241, 304, 306, 324, 325, 360, 361, 466.
- Оболенский, Сергей Петрович, 379, 380, 382.
- Обресков, Дмитрий Михайлович (1790—1864), виленский губернатор, 370, 371.

- Обрескова, Наталья Васильевна (ум. в 1862 г.), рожд. Шереметева, 371.
- Огарев, Николай Платонович (1813—1877), 582.
- Огарева, Елизавета Сергеевна (1786—1870), рожд. Новосильцева, 224, 225, 243, 244, 355, 358, 360.
- Одоевская, Прасковья Сергеевна, см. Шербатова П. С.
- Одоевский, Владимир Федорович (1803—1869), 495.
- Озеров, Владимир Александрович (1769—1816), драматург, 234.
- Озеров (Берлинский), Иван Петрович (ум. в 1880 г.), посланник в Португалии и Баварии, 344, 345.
- Озеров, Сергей Петрович (1809—1884), 345.
- Озерова, Екатерина Петровна (1807—1833), в зам. Скарятина, 274, 285, 290, 344.
- Окулов, Матвей Алексеевич (1793—1853), директор 1-й Московской гимназии, 324, 325, 380.
- Окулова, Варвара Алексеевна (1802—1879), 231, 297, 328, 348, 380, 450.
- Окулова, Елизавета Алексеевна, см. Дьякова Е. А.
- Окуловы, семья знакомых П. А. Вяземского по имению Остафьево, 297, 328, 333, 380, 391, 397, 409.
- Оленин, Алексей Николаевич (1763—1843), директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, 315.
- Оленина, Варвара Петровна (1772—1839), рожд. Хитрово, 458, 459.
- Оленина, Елизавета Марковна (1768—1838), рожд. Полторацкая, 278, 279, 315, 341.
- Оленины, Алексей Николаевич и Елизавета Марковна, 313, 315.
- Омер-де-Гелль, Адель (ум. после 1860 г.), рожд. Терно, 385, 387.
- Олофсон, Александр Антонович, чиновник Бессарабской конторы, 46, 71, 74, 84, 97, 132, 149.
- Ольга Николаевна, дочь Николая I, 440.
- Ольга Сергеевна, см. Павлищева О. С.
- Опочинина, Александра Федоровна (1814—1868), в зам. Туманская, 263, 265.
- Опперман, Карл Иванович (1765—1831), 219.
- Орлов, Алексей Григорьевич, фаворит Екатерины II, 493, 495.
- Орлов, Алексей Федорович (1786—1862), шеф жандармов, 183, 215, 237, 238, 268—270, 352, 353, 357, 358, 367, 370, 378.
- Орлов, Григорий Григорьевич (1734—1783), 56, 139.
- Орлов, Михаил Федорович (1788—1842), декабрист, 15, 16, 22, 26, 29, 43, 48, 71, 73, 75, 121, 123, 124, 130, 131, 133, 134, 137, 142—144, 148, 214—216, 266, 268, 270, 315, 324, 331, 343, 356, 367, 370, 378, 390, 421, 422.
- Орлов, Пимен Никитич (1812—1863), художник, портретист, 507—509.
- Орлова, Екатерина Николаевна (1797—1885), рожд. Раевская, 225, 226, 243, 252, 264, 266, 267, 315.
- Орлова-Давыдова, Ольга Ивановна, см. Барятинская О. И.
- Остен-Сакен, Фабиан Вильгельмович (1752—1837), фельдмаршал, 281, 282.
- Острова, 250.
- Осхолинская, Констанция, см. Лубинская К.
- Офросимов, Александр Павлович (1782—1840), товарищ А. И. Тургенева, 298.
- Охотников, 121.

П

- Павел, см. Долгоруков П. И.
- Павел, см. Гагарин П. Ф.
- Павел I (Петрович) (1754—1801), 149, 194—196, 216, 235, 238, 383, 384.
- Павел Александрович, см. Исаев П. А.
- Павел Иванович, см. Долгоруков П. И.
- Павел Васильевич, см. Анненков П. В.
- Павел Сергеевич, см. Пущин П. С.
- Павлищев, Лев Николаевич, 234.

- Павлищев, Николай Иванович (1802—1879), литератор, 127.
- Павлищева, Александра Ивановна, см. Алексеева А. И.
- Павлищева, Ольга Сергеевна (1797—1868), рожд. Пушкина, сестра поэта, 177, 234.
- Павлуша, см. Вяземский П. П.
- Паганини, Николай (1784—1840), итальянский скрипач-виртуоз, 416, 417.
- Палицына, Надежда Петровна, см. Ефимовская Н. П.
- Палл, Гектор Лукези, 354.
- Панин, Виктор Никитович (1804—1874), министр юстиции, 343, 344, 476, 477.
- Панина, Софья Петровна, см. Тутолмина С. П.
- Панкратьева, Анна Гавриловна, см. Библикова А. Г.
- Панчулидзе, Александр Алексеевич, пензенский губернатор, 416.
- Панчулидзе, Алексей Давыдович (1762—1834), 291, 292, 344.
- Параша, см. Прасковья Севастьяновна.
- Паррот (Parrot) Георг-Фридрих (1767—1852), ректор Дерптского университета, 400, 401.
- Парчевский, офицер Охотского полка, 72, 143.
- Паскевич, Елизавета Алексеевна (ум. в 1856 г.), рожд. Грибоедова, 230, 265, 289.
- Паскевич, Иван Федорович (Эриванский) (1782—1856), 214, 215, 220, 222, 228, 263, 266, 267, 272, 274, 279, 392, 429.
- Паскевич, Федор Григорьевич (ум. в 1833 г.), отец Паскевича И. Ф., 272.
- Пасхин, Алексей Андреевич, 333.
- Паша, см. Исаев П. А.
- Пашенька, см. Вяземская П. П.
- Пашков, Александр Васильевич (1792—1868), 254, 295, 297, 344.
- Пашков, Андрей Иванович (1793—1850), 319, 321, 343.
- Пашков, Сергей Иванович (1801—1883), 221.
- Пашкова, Аделаида Гавриловна, рожд. Моден, 239, 241, 321.
- Пашкова, Александра Ивановна (1798—1871), 221, 250.
- Пашкова, Елизавета Васильевна, см. Дашкова Е. В.
- Пашкова, Елизавета Петровна (ум. в 1854 г.), рожд. Киндякова, в 1-м браке Лобанова-Ростовская, 241, 242, 254, 275, 323, 324, 337, 344, 430.
- Пашкова, Мария Трофимовна (ум. в 1887 г.) (Мэри) рожд. Баранова, 289, 290, 299, 300.
- Пашкова, Надежда Сергеевна (1811—1880), рожд. Долгорукова, 221.
- Пашковы, Александр Васильевич и Елизавета Петровна, 221, 254, 343, 344.
- Паульсон, издатель, 594.
- Педро-дон (1798—1834), сын португальского короля Иоанна VI, 467, 468.
- Пезаровиус, И. Н., 304.
- Пенго, Антон Венедиктович, помощник цензора драматических сочинений, 375, 376.
- Пентедека (Пендадека), Константин, греческий революционер, 18.
- Перне, 168.
- Перов, Василий Григорьевич (1832—1882), художник, 508, 514.
- Перовский, Алексей Алексеевич (1787—1836), писатель, псевдоним «Антон Погорельский», 251, 253.
- Перовский, Василий Алексеевич (1795—1857), 251, 253, 298.
- Перовская, Софья Львовна (1853—1881), 253.
- Перуджино (Perugino) (1446—1524), итальянский художник, 156, 157.
- Перуцци, артист итальянской оперы, 328, 329.
- Перфильев, Василий Степанович, опекун над именованием А. И. Герцена, 517—520, 526—528, 530—533, 538, 539, 541, 544, 545.
- Перфильев, Степан Васильевич (1796—1878), рязанский губернатор, 359, 361.
- Перфильева, Анастасия Сергеевна, см. Ланская А. С.
- Перье, Казимир (1777—1832), государственный деятель Франции, 334, 337, 352, 354, 364, 368, 374.
- Пестель, Павел Иванович (1793—1826), декабрист, 15.

- Петерсон, Христофор Карлович, чиновник Попечительного комитета о колонистах, 73, 144.
- Петр I Великий (1672—1725), 127, 151.
- Петр Александрович, см. Кологри-вов П. А.
- Петр Андреевич, см. Вяземский П. А.
- Петр Федорович, см. Малютин П. Ф.
- Петрарка (Petrarca), Франческо (1304—1374), 404, 405.
- Петрушка, крепостной П. И. Долго-рукова, 96.
- Петухов, Евгений Вячеславович, 257.
- Печников А. А., 500.
- Пигарев, Кирилл Васильевич, 487.
- Пиксанов, Николай Кирьякович, 156, 157, 380.
- Пименов, Николай Степанович (1812—1864), скульптор, 499, 508, 510, 574.
- Пищалкин А. А. (1817—1892), гра-вер, 509.
- Платон (427—347 до н. э.), древне-греческий философ, 48.
- Плаутин, Михаил Федорович (1799—1874), 327.
- Плетнев, Петр Александрович (1792—1865), писатель, ректор Петербургского университета, 181.
- Погодин, Михаил Петрович, 168, 169, 254.
- Погонкин, В. И., литографировщик на камне, 304.
- Погонкина, 304, 381.
- Пожарская, Аграфена Алексеевна, см. Долгорукова А. А.
- Пожарский, 43, 130.
- Покаревский, офицер Охотского полка, 72, 73, 142.
- Полевой, Николай Алексеевич (1796—1846), литератор, критик, издатель «Московского телегра-фа», псевдоним «Трофим Тран-дафельд», 138, 167, 281, 282, 493, 494.
- Полетика, Идалия Григорьевна, рожд. Обертей, 178—182.
- Полетика Петр Иванович (1778—1849), дипломат, автор записок и политико-экономических трактатов, 252, 254, 405, 423.
- Полиект, см. Полуектов Б. В.
- Полина (Pauline), см. Вязем-ская П. П.
- Полторацкая, Елизавета Марковна, см. Оленина Е. М.
- Полторацкий, А. П., 134, 135.
- Полуектов, Борис Владимирович (1778—1834), 229, 375, 376, 378, 385, 419, 454, 455.
- Полуектова, Екатерина Борисовна, 240, 242.
- Полуектова, Любовь Федоровна (Aimée), рожд. Гагарина, 220, 227, 229, 232, 260, 263, 264, 267, 289, 324, 370, 400, 401, 405, 415, 416, 425, 430, 441, 442, 446, 463, 464.
- Полуектовы, дети Б. В. Полуектова, 240.
- Полуектовы, Борис Владимирович и Любовь Федоровна, 407, 449.
- Поль, см. Вяземский П. П.
- Поль, см. Долгоруков П. И.
- Полье, рожд. Шаховская, 331, 333.
- Поляков, 228, 230, 241.
- Поляков, Б. Б., 554, 562.
- Поляков, Василий Федорович (1795—1857), 412, 413.
- Помяловский, Николай Герасимович (1835—1863), писатель, 566.
- Пономарев, Прокофий Иванович (ум. в 1853 г.), 299, 300.
- Пономарев, С. И., псевдоним «Же-лезняк С.», 163.
- Попов, Алексей Гаврилович, 415, 416.
- Поспелов, Г., 150.
- Потапов, А. Л., 597—599.
- Потемкин, Григорий Александрович (1739—1791), государственный деятель, 56, 72, 125, 139, 151, 443.
- Потемкин, Яков Алексеевич, 294.
- Потемкина, Ольга Федоровна (ум. в 1852 г.), рожденная Брискорн, во 2-м браке Мейендорф, 294, 358—360.
- Потоцкая, Мария Александровна (Бобо) (1807—1846), рожд. Сал-тыкова, 232, 234, 267, 278, 285, 286, 290, 291, 302, 304.
- Потоцкая, Софья Константиновна (1766—1822), рожд. Глявоне, по 1-му мужу Витт, 111, 150.
- Потоцкая, Софья Станиславовна, см. Киселева С. С.
- Потоцкий, Северин Осипович (1762—1829), 60, 61, 140, 153, 159.

- Потоцкий, Феликс (1753—1805), 150.
 Потоцкий, Ян Осипович, этнограф, археолог, 140.
 Похвиснев (Похвиснев), Николай Иванович, 252, 254, 360.
 Поццо-ди-Борго, Карл Осипович (1764—1842), дипломат и политический деятель, 334, 335, 368, 375, 377, 407, 419, 422, 423.
 Пражевская, Варвара Прокофьевна. см. Левницкая В. П.
 Пражевский, Николай Прокофьевич, 306, 307.
 Прасковья Севастьяновна (Параша), няня у Вяземских, 256, 258.
 Прасковья Юрьевна, см. Кологривова П. Ю.
 Протасова, Александра Петровна, см. Голицына А. П.
 Протасова, первая жена Н. М. Карамзина, 216.
 Протасова, Екатерина Афанасьевна (1771—1848), рожд. Бунина, сестра В. А. Жуковского по отцу, 300, 301, 336.
 Протасьев, Иван Петрович, костромской прокурор, 410.
 Проташинский В. А., псевдоним «Елистрат Фитюлькин», 298.
 Прохоров, Григорий Васильевич, 566.
 Пугачев, Емельян Иванович (около 1730—1775), 139, 223, 329.
 Пуло, учитель музыки у детей И. М. Долгорукова, 6.
 Пулята, Николай Васильевич, 487.
 Пушкин, Александр Александрович, сын поэта, 161.
 Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837), 5, 6, 11—20, 27, 29, 33, 45, 48, 51—53, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 66, 73, 75, 78, 79, 88, 92, 99—101, 121, 122, 124—141, 143—150, 152, 153, 155—165, 167—173, 177—180, 183, 185, 197, 214, 216, 217, 223, 226, 227, 229, 231, 234, 243, 244, 251, 253, 257, 258, 261, 264, 265, 270, 272, 278, 282, 293, 296, 302, 307, 309, 310, 317, 322, 323, 335, 342, 361, 362, 367, 375, 376, 379, 380, 382, 401, 402, 404, 405, 410, 412, 427, 428, 435, 438, 445, 450, 456, 457, 460, 461, 463, 464, 478, 487, 494, 508, 510.
 Пушкин, Василий Львович (1770—1830), поэт, 319, 321, 387.
 Пушкин, Владимир Алексеевич, см. Мусин-Пушкин В. А.
 Пушкин, Сергей Львович (1771—1848), отец А. С. Пушкина, 319, 321.
 Пушкина, см. Е. Я. Мусина-Пушкина-Брюс.
 Пушкина, см. Мусина-Пушкина М. А.
 Пушкина, Мария Александровна (1832—1919), дочь поэта, в зам. Гартунг, 367.
 Пушкина, Елена Александровна, см. Розенмайер Е. А.
 Пушкина, Наталья Николаевна (1812—1863), рожд. Гончарова, во 2-м браке Ланская, 156—161, 177—183, 234, 361, 410, 416, 417, 419, 420, 449.
 Пушкина, Ольга Сергеевна, см. Павлищева О. С.
 Пушкины, Александр Сергеевич и Наталья Николаевна, 232.
 Пушкины, см. Мусины-Пушкины В. А. и Э. К.
 Пушкины, Б. Г. и С. Г., 161.
 Пушин, муж А. К. Рылеевой, дочери К. Ф. Рылеева, 210.
 Пушин, Павел Сергеевич (1785—1865), член Союза Благочестия, 15, 48, 53, 61, 71, 73, 75, 82, 88, 124, 133, 136—138, 141, 144.
 Пушина, Анастасия Кондратьевна, см. Рылеева А. К.
 Пыпин, Александр Николаевич (1833—1904), академик, 130.

Р

- Рабу, Карл, писатель, 364.
 Рагозин, 482.
 Радзивилл, Александра (ум. в 1864 г.), рожд. Стецкая, 310.
 Радзивилл, Валентин-Андрей (1780—1838) (Valentin Radzivil), 319, 321, 348, 350.
 Радзивилл, Леон Людвигович (1808—1885), 444—446, 449.
 Радзивилл, Людовик-Николай (1773—1830), 444, 445.
 Радзивилл, Михаил (1778—1850) (Michel Radzivil), 310.
 Радзивилл, Софья Александровна, см. Урусова С. А.

- Радзивилл, Стефания Доминиковна, см. Витгенштейн С. Д.
- Радзивилл, Теофила Игнатьевна, см. Чернышева Т. И.
- Радинг, шлессельбургский городничий, 29.
- Радич, Я. И., 124.
- Раевская, Екатерина Николаевна, см. Орлова Е. Н.
- Раевская, Елена Николаевна, 292.
- Раевская, Марья Николаевна, см. Волконская, М. Н.
- Раевские (семья), 16.
- Раевский, Александр Николаевич, 267.
- Раевский, Владимир Федосеевич (1795—1872), член Союза Благоденствия, приятель Пушкина, 48, 130, 131, 133, 134, 137, 142, 144, 145.
- Раевский, Николай Николаевич (1771—1829), 170.
- Раевский, Николай Николаевич (1801—1843), друг Пушкина, 169, 170, 251, 253, 266, 267, 314, 315, 353, 362, 433, 434.
- Разумовская, Екатерина Алексеевна, см. Уварова Е. А.
- Разумовская, Наталья Кирилловна, см. Загряжская Н. К.
- Разумовский, Алексей Кириллович, 253.
- Райт, Томас (Wright Th.) (1792—1849), художник, 161.
- Рали (Земфираки), 121.
- Рамазанов, скульптор, 507.
- Раменцев, управляющий у Вяземских, 227, 230, 252, 322.
- Растопчин, Федор Васильевич (1763—1828), писатель, губернатор Москвы в 1812 г., 469.
- Растрелли, 151.
- Раух-фон, Георгий-Адольф Иванович (1789—1864), хирург, 376, 378, 425, 426.
- Рафаэль-Санцио (Raffaello Santi) (1483—1520), 156—160, 512.
- Рахманов, Владимир Максимилианович, 282, 283, 290, 295.
- Рачинский, С. А., 494.
- Резансв, Н. А., архитектор, 506, 507, 511.
- Рейнак, аббат, писатель, 292.
- Рейхштадтский герцог, Франсуа-Шарль, сын Наполеона I (1811—1832), 417, 418.
- Рени (Reni) (Гвидо) (1575—1642), итальянский живописец, 157.
- Репнин (Репнин-Волконский), Николай Григорьевич (1778—1845), 178, 220, 383, 401, 412, 418, 470.
- Ржевская, Мария Степановна, см. Татищева М. С.
- Ржевский, Константин Алексеевич 359, 361, 435.
- Ржевский, Павел Алексеевич (ум. в 1852 г.), чиновник, 359, 361, 362.
- Ржевуская, Анна Дмитриевна, см. Дашкова А. Д.
- Римская-Корсакова, Александра Александровна (ум. в 1860 г.) по мужу Вяземская, 299, 300.
- Римская-Корсакова, Мария Ивановна (ум. в 1832 г.), рожд. Наумова, 250, 251, 253, 375, 415, 416.
- Римские-Корсаковы, 258.
- Римский-Корсаков, Григорий Александрович (ум. в 1852 г.), друг П. А. Вяземского, 257, 258, 296, 310, 318, 320, 324, 340, 353, 401, 415, 416, 420, 426.
- Римский-Корсаков, Иван Николаевич (1754—1831), 219.
- Рихтер, Михаил Васильевич (1799—1874), проф. Московского университета, 215, 216, 218, 304.
- Роберти, П. М., 162.
- Родофинкин, кшиневский житель, 128.
- Рожнецкий, Александр Александрович (1774—1849), 236, 238.
- Розанов, Иван Николаевич (ум. в 1862 г.), 455.
- Розанов, Николай Иванович, 299, 300, 323, 330, 379, 380, 415, 455, 461.
- Розен, генерал, 262, 265.
- Розен (Грузинский) Григорий Владимирович (1782—1841), 263, 265.
- Розен, Елизавета Дмитриевна (ум. в 1862 г.), рожд. Зубова, 265.
- Розен, Наталья Александровна, см. Щербакова Н. А.
- Розенмайер, Елена Александровна, рожд. Пушкина Е. А., внучка поэта, 161.
- Романов, Ефим, крестьянин, 539.

- Ромберг, Яков (1767—1821), композитор, 35, 127.
- Россет, Александра Осиповна (1810—1882), в зам. Смирнова, 156, 216, 217, 227, 233, 252, 254, 255, 263, 300, 314, 323, 328, 330, 334, 350, 367, 377, 379, 384, 386, 388—391, 405, 412, 419, 425, 465, 467, 468.
- Россет, Климент Осипович (Климентик) (1811—1866), 299, 300, 301, 357, 363, 368, 417, 425, 427, 434, 439, 440.
- Россетик, см. Россет А. О.
- Россетик, см. Россет К. О.
- Россетка, см. Россет А. О.
- Росси, Карл Иванович (1775—1849), архитектор, 507, 515.
- Ростислав, см. Давыдов, Р. Д.
- Руммель, В. В., 480.
- Румянцев, Александр Иванович, денщик Петра I, 56.
- Румянцев, Николай Петрович (1754—1826), 114, 139, 151.
- Румянцев-Задунайский, Петр Александрович (1725—1796), фельдмаршал, 72, 113.
- Румянцев, Сергей Петрович (1756—1838), посланник в Берлине и Стокгольме, 312, 313.
- Рунич, Д. П., 130, 235.
- Руссо, Енакакий, 89, 146.
- Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712—1778), 248.
- Рутковский (Рудковский), 100, 101, 148.
- Рушковский, Иван Александрович (ум. в 1832 г.), московский почт-директор, 232, 235, 403.
- Рыбников, Иван Назарович (ум. в 1844 г.), 299, 300, 398, 410, 411, 419.
- Рылеев, Александр Кондратьевич (ум. в 1824 г.), сын К. Ф. Рылеева, 201.
- Рылеев, Кондратий Федорович (1795—1826), 194—203, 205—212.
- Рылеев, Федор Андреевич, отец К. Ф. Рылеева, 195, 196, 209, 211.
- Рылеева, Анастасия Кондратьевна, дочь К. Ф. Рылеева, по мужу Пушина, 207, 209.
- Рылеева, Анастасия Матвеевна (1758—1824), мать К. Ф. Рылеева, 195, 196, 200, 201, 203, 206, 208.
- Рылеева, Анна Федоровна, побочная сестра К. Ф. Рылеева, 196, 209.
- Рылеева, Наталия Михайловна, жена К. Ф. Рылеева, рожд. Тевяшова, во 2-м браке Куколевская, 197, 202—207, 209—212.
- Рылеевы, Анастасия Матвеевна и Федор Андреевич, 196.
- Рылеевы, Кондратий Федорович и Наталия Михайловна, 199, 201, 206, 208.
- Рышкин, управл. именованием Горбуновой, соседки по имению П. А. Вяземского, 275, 312, 454.
- Рябинин, Александр (ум. в 1832 г.), 213.
- Рябинин, Александр Андреевич (1808—1857), 213.
- Рябинин, Андрей Михайлович (1773—1854), директор московского банка 213, 214.
- Рябинина, Екатерина Алексеевна, рожд. Шаховская, 214.
- Рябинины, Андрей Михайлович и Екатерина Алексеевна, 214.

С

- С., см. Самойлов, Л. М.
- С. И., см. Тургенев С. И.
- Сабанеев, Е. А., 485.
- Сабанеев, Иван Васильевич (1770—1829), участник итальянского похода Суворова, 29, 43, 123, 124, 130, 131, 142, 143, 150.
- Саблин, Митрофан Федорович, 115, 151.
- Сабуренок, см. Сабуров, В. В.
- Сабуров, Андрей Иванович (1797—1866), 456, 457.
- Сабуров, Василий Васильевич (1805—1879), 306, 307.
- Саводник, Владимир Федорович, 156, 157.
- Садовников, Д. Н., 162.
- Сантов, Владимир Иванович (1848—1938), 338, 382.
- Сакен, см. Остен-Сакен.
- Сакулин, Павел Никитович, 156.

- Салаев, Иван Григорьевич (ум. в 1858 г.), московский книгопродавец, 226, 251, 283, 295, 345, 379, 464.
- Салов, Николай Андреевич, 465, 466.
- Салтыков, Александр Николаевич (1775—1837), 276.
- Салтыков, Михаил Александрович (1767—1851), 222, 223, 302, 304, 466, 467.
- Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1826—1889), 322, 333.
- Салтыкова, Вера Федоровна, рожд. Стемпковская, 258, 295, 297, 306.
- Салтыкова, Екатерина Александровна, см. Долгорукая Е. А.
- Салтыкова, Екатерина Васильевна (1791—1862), рожд. Долгорукая, 248, 249.
- Салтыкова, Елизавета Николаевна, см. Моден де Раймонд.
- Салтыкова, Мария Александровна, см. Потоцкая М. А.
- Салтыкова, Наталья Юрьевна (1782—1860), рожд. Головкина, 276.
- Салтыкова, Прасковья Ивановна, см. Мятлева П. И.
- Салтыковы, Александр Николаевич и Наталья Юрьевна, 275, 290, 301, 339, 341, 419.
- Самойлов, 516.
- Самойлов, Леонтий Маркович (1796—1853), 399, 401, 411, 413, 414, 419, 458, 459, 461, 463, 465.
- Самойлова, Софья Александровна, см. Бобринская С. А.
- Самфираки, 122.
- Сандомурн, А., 159.
- Сандулаки, 122.
- Саражинович, Прасковья Сергеевна, см. Голицына П. С.
- Сарто (Sarto) Андреа дель (1486—1531), итальянский, живописец, 158.
- Сатковский, Антон Яковлевич, чиновник, 102, 148.
- Саша, см. Карамзин, А. Н.
- Свербеев, костромской вице-губернатор, 527.
- Свербеев, Дмитрий Николаевич (1799—1874), автор «Записок», 318, 350, 353, 360, 363, 367.
- Свербеева, Екатерина Александровна (ум. в 1892 г.), рожд. Щербатова, 318, 370, 371.
- Свербеевы, Дмитрий Николаевич и Екатерина Александровна, 318, 371.
- Свиньин, Павел Петрович, 297.
- Свистов, «Седой Свистов», см. Хвостов Д. И.
- Свистунова, Надежда Львовна, см. Соллогуз Н. Л.
- Святополк-Четвертинская, Надежда Борисовна, в зам. Трубецкая, 326, 327.
- Святополк-Четвертинская, Надежда Федоровна (1791—1883), рожд. Гагарина, 219, 220, 262, 271, 272, 278, 295, 333, 339, 386, 401, 404, 407, 416, 418, 419, 446, 449, 457, 460.
- Святополк-Четвертинские, Борис Антонович и Надежда Федоровна, 218, 219, 231, 233, 248, 258, 368, 409, 435.
- Святополк-Четвертинский, Борис Антонович (1781—1865), 219, 258, 333, 355, 358, 383, 402.
- Святополк-Четвертинский, Борис Борисович (ум. в 1862 г.), 218, 219, 248, 249, 256, 295, 339, 358, 386—388, 400, 404, 407, 409, 416, 418, 419, 435, 446, 447, 449, 457, 458, 463.
- Святополк-Четвертинский, Густав (Адольф) Антонович (1794—1851), секретарь посольства в Мадриде, 368, 369, 400, 401, 404, 405, 416, 435, 437.
- Северин, Луиза, см. Кноринг (Варшавская) Л.
- Селецкая, Елизавета Михайловна (1766—1822), рожд. Долгорукова, 21, 32, 113, 120, 124, 129.
- Селецкие, В. Л. и Е. М., 120.
- Селецкий, В. Л. (1765—1831), 47, 68, 81, 112, 120.
- Селивановский, Семен Ианикневич (1772—1835), 345.
- Селифонтова, Екатерина Ивановна, см. Алябьева Е. И.
- Селявин, Николай Иванович (ум. в 1833 г.), 331, 333.

- Семевский, Василий Иванович (1848—1916), 142.
- Семенов, Иван Тимофеевич, 66, 141.
- Сен-Бев (Saint Beuve) (1804—1869), поэт и критик, псевдоним «Joseph de Lotme», 298.
- Сен-Жюст (Saint Juste) Антуан (1767—1794), 248.
- Сен-При (Saint Priest), Карл Францевич (Armand Charles), (1782 ум. после 1848 г.), 358.
- Сен-При (Saint Priest) Эммануил-Людвиг Францевич (1789—1881), политический деятель Франции, 356, 358.
- Сен-Симон (Saint Simon) Анри Клод де Рувруа (1760—1825), 446, 447, 459.
- Сен-Симон (Saint Simon) Александра-София (1773—1861), рожд. Кури де-Шангран (Coury de Champgrand), во 2-м браке Бауэр, 446, 447.
- Сенявина, Александра Васильевна, рожд. Гоггер, 267, 271, 301, 350.
- Септимий Север (146—211), римский император, 499.
- Сергей, см. Малевинский I С. Н.
- Сергей, см. Тургенев С. И.
- Сергей, см. Щербатов С. Г.
- Серг. Ив., см. Гагарин С. И.
- Сергей Михайлович, см. Голлицы С. М.
- Серый, Г., 496, 501, 508, 509.
- Сиверс, 599.
- Сиверс, мать Е. А. Карамзиной, 214.
- Сиверс, Александр Александрович, 274, 469, 486.
- Сиверс, Лидия Николаевна, см. Шатилова Л. Н.
- Синисей (Синесий), архимандрит, 79, 145.
- Сиркур, А. С., рожд. Хлюстина, 180, 183.
- Скарятин, Федор Яковлевич (1805—1835), 290, 327, 342, 343, 349, 355, 416.
- Скарятина, Екатерина Петровна, см. Озерова Е. П.
- Скирмунт, Александр Адамович, 320, 321.
- Скотт (Scott) Вальтер (1771—1832), 369, 407, 432, 435.
- Скотти, М. И. (1814—1861), художник, 508.
- Скотинин, 90.
- Скржинецкий, Ян Сигизмунд (1787—1860), 220.
- Сленни, 157, 158.
- Слоан, 363, 364, 413, 422, 424, 432.
- Смирдин, Александр Филиппович (1795—1857), издатель, книгопродавец, библиограф, 293, 294.
- Смирниха, см. Россет А. О.
- Смирнов, переводчик молдавского языка, 99, 100, 102, 148.
- Смирнов, Николай Михайлович (1809—1870), 156, 254, 269, 368, 387.
- Смирнова, Александра Осиповна, см. Россет А. О.
- Смирнова, Ольга Николаевна 156.
- Смолин, крестьянин, 526.
- Смиткина, Анна Григорьевна, см. Достоевская А. Г.
- Соймонова, Мария Александровна (1794—1869), рожд. Левашева, 221, 222.
- Соколов, московский купец, 363, 364, 384.
- Соколов, В. П. 594, 598.
- Соколов, Павел Аполлонович 482, 483.
- Солдан, Анастасия Христофоровна, см. Мясоедова А. X.
- Солдан (Soldan), Вера Яковлевна (1790—1856), рожд. Мерлина, в последнем браке Есипова, 261, 311, 324, 347, 383, 461.
- Солдан, Надежда Федоровна, 295, 297.
- Сольданша, см. Солдан, В. Я.
- Сольданши (дочери), 383, 461.
- Соллогуб, Владимир Александрович (1814—1882), писатель, 440.
- Соллогуб, Елена Львовна, в зам. Энгельгардт, 341, 342.
- Соллогуб, Надежда Львовна, в зам. Свистунова, 340.
- Соловкин, офицер Охотского полка, 44, 130, 142.
- Соловьева, Елизавета Алексеевна, см. Е. А. Дьякова.
- Солодовников, 538, 540.
- Соломирская, Мария Петровна, см. Апраксина М. П.

- Соломирский, Владимир Дмитриевич 315, 317, 392.
Соломирские 413.
Соляников, Петр Лукич, 574.
Сомов, А. В. 512.
Сонюшка, см. Карамзина С. Н.
София, см. Давыдова С. А.
Софья, см. Карамзина С. Н.
Софья, см. Ладомская С. Ф.
Софья, см. Мещерская С. И.
Софья Александровна, см. Иванова С. А.
Софья Николаевна, см. Карамзина С. Н.
Спасская, Александринна (1803—1875), 265.
Спасский, Иван Тимофеевич (1795—1861), доктор медицины, автор записок о Пушкине, 263, 265.
Спасский, Василий Лукич (1831—1884), 579, 580, 597.
Сперанский, Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель, 81, 145, 223, 279.
Сократ, греческий философ (ок. 470—399 до н. э.) 48.
Средин, А. В. 156, 157.
Ставассер, П. А. (1816—1850), скульптор, 499, 507, 508.
Ставровская, Екатерина Федоровна, см. Нечаева Е. Ф.
Ставровская, Мария Николаевна, см. Голеновская М. Н.
Ставровские 550, 551, 554, 557.
Ставровский, Максимилиан Дмитриевич, 549, 555.
Ставровский, Федор Дмитриевич 549.
Стазінька, см. Мясоедова А. Х.
Стакельберг, Каролина Густавовна, в зам. Засе, 331, 333.
Сталь, Карл Густавович (1777—1853), 282, 283, 290, 295.
Станкевич, офицер Охотского полка, 72, 143.
Старов, Семен Никитович, 52, 134, 135, 137.
Стасов, Владимир Васильевич (1824—1914), музыкальный и художественный критик, 507, 513.
Стемпковская, Вера Федоровна, см. Салтыкова В. Ф.
Степан Петрович, см. Шевырев С. П.
Степанов, Александр, крестьянин, 530, 538.
Степанов, Константин, крестьянин, 535.
Степкая Александра, см. Радзивилл А.
Стойкович, Афанасий Иванович (1773—1832), профессор физики, 44, 45, 48, 51, 56, 64, 66, 131.
Столпакова, Елизавета Михайловна, см. Балугьянская Е. М.
Стрекалов, Степан Степанович, военный губернатор в Казани, 240, 242.
Строганов (Варшавский), Александр Григорьевич (1795—1891) 222, 337, 347.
Строганов, Григорий Александрович (Diabie Stroganoff), член Верховного суда над декабристами, 157.
Строганов (Вилеский), Сергей Григорьевич (1794—1882), 222, 223.
Строганова, Варвара Александровна, см. Шаховская В. А.
Строганова, Екатерина Петровна, 219.
Строганова, Елена Григорьевна, см. Черткова Е. Г.
Строганова, Елизавета Александровна, рожд. Загряжская, 253.
Строганова, Ольга Павловна, см. Ферзен О. П.
Строгановы (род.), 157.
Строгановы, 181, 182.
Стюарт, Иоркский кардинал, 364.
Стюарты, английская династия, 364.
Суворин, Алексей Сергеевич (1834—1912) 163, 171.
Суворов, А. А., петербургский губернатор, 595, 597.
Суворов-Рымникский, Александр Васильевич (1730—1800), 72, 123, 127, 292.
Суворова (Рымникская), Любовь Васильевна (1811—1867), рожд. Ярцева, 273, 274.
Сукин, Александр Васильевич (1765—1837), комендант Петропавловской крепости, 330.
Сулима, Дмитрий (1772—1844) 39, 43, 61, 86, 121, 123, 126, 127.
Сульт, Nicolas-Jean de Dilleu (1769—1851), президент Франции, 388, 389, 468.

- Султанша, см. Омер-де-Гелль.
 Сулова, 553.
 Суханова, Наталья Борисовна, 574, 578.
 Сухозанет, 406.
 Сухозанет, Екатерина Александровна (1804—1861), рожд. Белосельская-Белозерская, 372, 375, 409.
 Сухозанет, Иван Онуфриевич (1785—1861), 312, 313, 458, 459, 465.
 Сухонни, заседатель Костромской палаты, 533, 534, 536, 538, 540, 545.
 Сухопрудская, дочь А. И. Сухопрудского, 460.
 Сухопрудский, Алексей Иванович 460.
 Сухтелен-Оренбургский, Павел Петрович (1788—1833), оренбургский военный губернатор, 331, 333.
 Суццо, Михаил (1784—1864) 78.
 Сушков, Александр Васильевич (1790—1831), 171.
 Сушков, Николай Васильевич (1796—1871), писатель, 171.
 Сципион, Публий Корнелий, римский полководец, 48.
 Сю (Sue) Эжен, Евгений (1804—1857), французский писатель, 361.
- Т**
- Талейран (Charles-Maurice de Talleyrand) (1754—1838), дипломат, министр иностранных дел Франции, 311, 418, 441.
 Танеев 320.
 Таранухин 265.
 Тарасенков 234, 235, 257, 411.
 Тарле, Евгений Викторович, академик, историк, 311.
 Татищев, А. 212.
 Татищев, Д. П., русский посол в Вене, 317.
 Татищев, С., 582.
 Тацит, Корнелий (55—117), римский историк, 56, 139.
 Татищева, Мария Степановна (ум. в 1852 г.), рожд. Ржевская, прозв. «всемирная кузина», 251, 253.
 Тевяшов, Е. Н. 159.
 Тевяшова, Наталья Михайловна, см. Рылеева Н. М.
 Тевяшovy, родители жены К. Ф. Рылеева, 199.
 Телешов, Иван Яковлевич, преподаватель у Карамзинных, 235, 236, 238, 241.
 Тереза, см. Яблоновская Т. М.
 Терно, Адель, см. Омер-де-Гелль.
 Терпигорева, 227, 230, 252, 345, 349.
 Тибо (Thibaut) гувернер у Карамзинных, 218, 219, 252, 254, 355, 356, 361, 400.
 Тиери, гувернер П. И. Долгорукова, 9.
 Тизенгаузен, Дарья Федоровна, см. Фикельмон Д. Ф.
 Тизенгаузен, Екатерина Федоровна, 289, 290, 384, 406.
 Тизенгаузен, Елизавета Михайловна, см. Хитрово Е. М.
 Тимашев, А. Е. 590, 592.
 Тимирязев, Иван Семенович (1790—1867), 222, 231, 240, 251, 255, 265, 273, 276, 278, 311, 312, 320, 385, 415.
 Тимирязева, Софья Федоровна (1799—1875), рожд. Вадковская, в 1-м браке Безобразова, 222, 228, 317, 401, 415, 416, 419, 420, 423, 425, 427, 428, 430, 432.
 Тимирязевы, Иван Семенович и Софья Федоровна, 309, 334, 336, 361, 385, 457.
 Тимофеев-Тимофеевич, Василий Семенович, владелец «Батова», б. усадьбы К. Ф. Рылеева, 208, 210.
 Тимченко, офицер Охотского полка, 72, 143.
 Тиссен, сектант-меннонит, 46, 74.
 Титов, купец, 451, 452.
 Титова, 462.
 Титова, Юлия Михайловна, см. Левицкая Ю. М.
 Тихменева, 533.
 Тициан, Вечелли (Tiziano Vecelli) (1477—1576), 512.
 Толмачев, Феодосий Сидорович, преподаватель у Вяземских, 228, 230, 233, 242, 291, 292, 316, 383, 384, 391, 426.
 Толстая, Авдотья Петровна, см. Гурьева А. П.

- Толстая, Аграфена Федоровна, см. Закревская А. Ф.
- Толстая, Софья Петровна, см. Апраксина С. П.
- Толстой, Денис, 355.
- Толстой, Петр Александрович (1769—1844), посол в Париже, 219, 223, 224.
- Толстой, Федор Иванович (1782—1846) «Американец», 292, 293, 310, 318, 362, 445, 448.
- Толстой, Федор Петрович (1783—1873), вице-президент Академии художеств, 511, 512, 574.
- Томашевский, Борис Викторович, 138, 157, 164.
- Томский, землемер, 527.
- Топорев, Александр Петров (ич), 535.
- Торговицкий, Иван Кириллович, 87, 145.
- Травье, карикатурист, 321.
- Тредьяковский, Василий Кириллович (1703—1769), поэт, 167, 171.
- Труайя Анри (Henri Troyat), автор биографии Пушкина во Франции, 172, 173, 179, 180, 182—185.
- Трубецкая, Елена Никитична, см. Вяземская Е. Н.
- Трубецкая, Людвика Игнатьевна (ум. в 1882 г.), рожд. Чайковская, 281, 282, 326, 355, 356, 455, 456, 464.
- Трубецкая, Надежда Борисовна, см. Святополк-Четвертинская Н. Б.
- Трубецкая, Прасковья Юрьевна, см. Кологривова П. Ю.
- Трубецкая, Софья Ивановна, см. Всеволожская С. И.
- Трубецкая, 282.
- Трубецкой, Николай Иванович (1796—1873), прозв. «le Nain jaune», 218, 219, 231, 250, 251, 253, 256, 267, 275, 295, 299, 320, 326, 333, 340, 351, 375, 376, 391, 395, 445, 447, 462.
- Трубецкой (Похровский), Николай Иванович, 275, 276.
- Трубецкой, Сергей Петрович (1790—1860), декабрист, 133.
- Трубецкой, Юрий Петрович, 262, 264, 281, 282, 356, 447, 464.
- Трубецкой (маленький), сын Ю. П. Трубецкого, 447, 456, 457.
- Тугаринов, Михаил Иванович (ум. в 1834 г.), 411.
- Тугариновы, 411.
- Туманская, Александра Федоровна, см. Опочинина А. Ф.
- Тургенев, Александр Иванович (1784—1845), брат декабриста, друг Пушкина, Вяземского и Жуковского, 16, 17, 183, 215—218, 221, 222, 226, 231—233, 235, 241—244, 247, 249, 252, 264, 266, 267, 274, 281, 282, 287, 288, 291, 297, 298, 300, 302, 306, 320, 323, 331, 334, 344, 350, 369, 377, 379, 383, 393, 396, 430, 434, 469, 473—479, 487, 488, 491—493, 495.
- Тургенев, Иван Иванович, крепостной у П. А. Вяземского, отпущенный им на волю, 285, 288, 404, 405.
- Тургенев, Николай Иванович (1789—1871), декабрист, 235, 244, 276, 298, 333, 473, 474, 479.
- Тургенев, Сергей Иванович (1790—1827), дипломат, 469, 470, 472—476, 478, 479.
- Тургеневы, Александр и Николай Ивановичи, 242.
- Тургеневы, Александр, Николай и Сергей Ивановичи, 469.
- Тутолмин, Иван Васильевич (1761—1839), 331, 333, 486.
- Тутолмина, Софья Петровна (1772—1833), рожд. Панина, 332—334.
- Тюфяев, Кирилл Яковлевич, тверской губернатор, 323, 345, 349.
- Тюфякин, 168.
- Тыранов, Алексей Васильевич (1808—1859), художник, 499, 505, 506.
- Тьер (Thiers) Луи Адольф (1797—1877), 398, 468.
- Тысский, Петр Каетанович, 104, 149.

У

- Уваров, Сергей Семенович (1786—1855), министр народного просвещения, 249, 268, 270, 298, 343, 370, 378, 380, 428, 430.
- Уварова, Екатерина Алексеевна (1781—1849), рожд. Разумовская, 227, 230, 239.
- Улазовская, 397.

- Улазовский, Николай Кириллович, 397.
- Унгерн-Штернберг, Анна Владимировна, см. Бобринская А. В.
- Урусов, 282, 450.
- Урусов, костромской сосед Вяземских, 267.
- Урусов, Александр Михайлович (1766—1853), 349, 350.
- Урусов, Николай Александрович, 454, 463.
- Урусова, Анастасия Николаевна, см. Бороздина А. Н.
- Урусова, Мария Александровна, см. Мусина-Пушкина М. А.
- Урусова, Софья Александровна (1806—1889), в зам. Радзивилл, 263, 265, 273, 274, 295, 339, 429, 444, 446, 449.
- Урусовы (братья), 282, 450.
- Усов, 594.
- Успенский, Глеб Иванович (1843—1902), 566, 567—571, 601.
- Ушаков, Павел Петрович (1759—1840), 291, 292.
- Ушакова, Елизавета Николаевна, см. Киселева Е. Н.
- Ухтомский, К. А. (1818—1881), художник, 506.
- Ф
- Фадеев, Андрей Михайлович (1789—1867), 56, 75, 78, 97—99, 125, 139, 144, 147, 149, 151, 154.
- Фадеева, жена А. М. Фадеева, рожд. Долгорукова, 147.
- Федор, см. Гагарин, Ф. Ф.
- Федор, камердинер В. А. Жуковского, 287, 288, 291.
- Федоров, С. Ф. (1810—1865), художник, 511.
- Федосий Сидорович, см. Толмачев Ф. С.
- Федотов, Павел Андреевич (1815—1852), художник, 505.
- Федя, см. Достоевский, Ф. М., сын М. М. Достоевского.
- Фей (Фе), Густав, нотариус в Москве, 385, 387.
- Феньги, Григорий Андреевич (1789—1867), 339, 340.
- Феньги, рожд. Шапочкина, прозв. Bonnet, 339.
- Фердинанд VII (ум. в 1833 г.), 462.
- Ферзен, Ольга Павловна (1808—1837), рожд. Строганова, 445.
- Ферзен, Павел Карлович (1800—1884), 444, 445.
- Фнески (Fieschi) или Фнеско (Fiesco) Джан Лунджа, 313.
- Фикельмон, Дарья Федоровна (1804—1863), рожд. Тизенгаузен (Долли), 229, 252, 254, 261, 263, 276, 278, 283, 290, 291, 295, 309, 313, 314, 328, 346, 357, 361, 368, 369, 406, 412, 419, 431, 432, 434, 436, 437, 443, 444, 457, 460.
- Фикельмон, Карл-Людвиг, австрийский посланник, 231, 264, 276, 435, 436.
- Филимонова, Лидия Федоровна, 572.
- Филипп, см. Людовик-Филипп.
- Филипп Орлеанский (1674—1723), регент Франции, 473.
- Философ, 546.
- Философов, Алексей Илларионович (1801—1874), 291, 292, 464, 465.
- Фитц-Жамс Эдуард (Fitz-James) (1776—1838), пэр Франции, 397, 398, 407.
- Фитюлькин Елнстрат, псевдоним Проташинского В. А.
- Фишер, Авраам Матвеевич, врач, 31, 38, 93, 102, 124.
- Фишер фон, Вальдгейм Александр Григорьевич (1803—1884), профессор ботаники в Московском университете, 124.
- Флеминг, К., составитель народных словарей, 566.
- Флена Дмитриевна, 415, 416.
- Фовницкий, Иван Михайлович, 236, 238, 272, 278, 291, 393.
- Фоменко, Николай Емельянович, 579, 580.
- Фонвизин, Денис Иванович (1745—1792), 226, 251, 253, 283, 300, 345.
- Фонтан (Fontanes Louis) (1757—1821), французский писатель, 472, 473.
- Фотий, архимандрит (1792—1838), 229.
- Франк, Клементий Яковлевич, 93, 94, 102, 146.
- Франклин (Franklin) Вениамин (Бенджамин) (1706—1790), пуб-

лицист, политический деятель, фрик, 435, 436.
 Франклин («La jambe du bois»), см. Кривцов Н. И.
 Фредро, Ян-Максимилиан (1784—1845), 367, 435, 444.
 Фрейтаг, 577.
 Френева, 529, 530, 534—538.
 Фридрих II (1712—1786), 85, 367.
 Фризенгоф, Александра Николаевна, см. Гончарова А. Н.
 Фрикке, Л. К. (1820—1893), художник-пейзажист, 514.

X

Халиппа, И., 122, 148, 154.
 Халтурин, Степан Николаевич (1856—1882), революционер, 261.
 Хвостов, Дмитрий Иванович (1757—1835), 164, 165, 167, 170—172, 293, 294, 302, 304, 370, 371.
 Херхеулидзева, Татьяна Семеновна, см. Вейдемейер Т. С.
 Хилкова, Любовь Александровна (1811—1859), в зам. Безобразова, 368—371, 377, 385.
 Хитрово, Варвара Петровна, см. Оленина В. П.
 Хитрово, Елизавета Михайловна (1783—1838), рожд. Голенищев-Кутузова, в 1-м браке Тизенгаузен, 162, 227, 229, 252, 256, 283, 289, 307, 328, 348, 382, 384, 406, 419, 437, 440, 444, 457, 458.
 Хлюстин, С. С., 178.
 Хлюстина, А. С., см. Сиркур А. С.
 Хованская, Наталья Васильевна, см. Булгакова Н. В.
 Ховен, Роман Иванович (1775—1861), 106, 149.
 Ховрина, Марья Дмитриевна (1801—1877), рожд. Лужина, 420, 421.
 Хоментовский, Михаил Яковлевич 58, 140.
 Хомутова, Анна Григорьевна (1784—1858), друг поэта И. И. Козлова, 362.
 Хомяков, Алексей Степанович (1804—1860), поэт, славянофил, 314, 315, 334, 391.
 Хонтинский, Антон Григорьевич, 583.
 Храповицкая, Настасья Сергеевна, см. Щербатова Н. С.

Храповицкая, Софья Алексеевна (1786—1833), рожд. Деденева, 425, 426.
 Храповицкий, Матвей Евграфович (1784—1847), петербургский губернатор, 426.
 Хребтович, Михаил Ирикеевич (1809—1892), секретарь посольства в Лондоне, 228, 230.
 Христина, испанская королева, жена Фердинанда VII, 462.
 Худобашев, Александр Макарович 126.
 Худобашев, Артемий Макарович 34, 51, 86, 101, 104, 126.

Ц

Цере-Мантейфель, Екатерина Николаевна, см. Гудович Е. Н.
 Цицерон, Марк-Туллий, римский оратор 48, 333.
 Цявловская, Татьяна Григорьевна 5, 153.
 Цявловский, Мстислав Александрович (1883—1947) 5, 13, 121, 123, 125—127, 138, 153, 155, 172, 217.

Ч

Чадаев, Петр Яковлевич (1794—1856) 254, 305, 307, 353, 362.
 Чайковская, см. Трубецкая.
 Чебышева, Екатерина Михайловна, в зам. Голицына Е. М. 480.
 Черемиснов 141.
 Чернецов, Григорий Григорьевич (1801—1865), художник, 496, 499—503, 512—515.
 Чернецов, Никанор Григорьевич (1805—1879), художник, 509.
 Чернецов, Поликарп Григорьевич (ум. в 1843 г.), художник, 514.
 Чернецовы, Григорий, Поликарп и Никанор Григорьевичи, 496, 499, 501, 502, 509.
 Чернышев, Александр Иванович (1785—1857), член следственной комиссии по делу декабристов, 240, 242, 262, 264—266, 277, 281, 370, 394, 396, 422, 464.
 Чернышев, Захар Григорьевич (1722—1784), 151.

- Чернышева, Анна Родионовна (фельдмаршалша), рожд. Вельдль, 114, 151.
- Чернышева, Екатерина Ивановна, см. Вадковская Е. И.
- Чернышева, Наталья Петровна, см. Голицына Н. П.
- Чернышева, Теофила Игнатъевна (ум. в 1828 г.), рожд. Моравская, в 1-м браке Старжинская, во 2-м — Радзивилл, 419.
- Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889), 580, 594.
- Чертков, один из трех братьев Чертковых, 275, 276.
- Черткова, Елена Григорьевна (1800—1832), рожд. Стрсганова, 402, 403, 409.
- Черткова, Марья Дмитриевна (1800—1874), в зам. Шеппинг, 276.
- Чертковы (братья и сестры), 276.
- Четвертинская, см. Святополк-Четвертинская Н. Б.
- Четвертинские, см. Святополк-Четвертинские Б. А. и Н. Ф.
- Четвертинский, Борис Антонович, см. Святополк-Четвертинский Б. А.
- Четвертинский, Борис Борисович, см. Святополк-Четвертинский Б. Б.
- Четвертинский, Густав-Адольф, см. Святополк-Четвертинский Г. А.
- Чижев, Ф. В. 510.
- Чичерин, П. А. 152.
- Чичерина, Александра (1789—1819), 117, 152.
- Ш**
- Шаель, Филарет, писатель, 364.
- Шамбо, Иван Павлович (1783—1848), 271, 272.
- Шамбор, см. Генрих V.
- Шамшин, П. М. (1811—1895), художник, 508.
- Шаповалов (Шаповаленко), И. С. (1820—1890), художник, 511.
- Шапочкина, см. Феньш.
- Шарль, петербургский парикмахер, 250, 253.
- Шарль, Филипп, основатель журнала «La Caricature», 321.
- Шаров, Марко Прокофьев, крепостной отца В. М. Гаршина, 583.
- Шатилов, Николай Александрович (1788—1841), 265.
- Шатилова, Варвара Александровна (1796—1860), рожд. Алябьева, 263, 265.
- Шатилова, Лидия Николаевна, в зам. Сиверс, 265.
- Шатобриан (Chateaubriand François-Auguste) (1768—1848), писатель, 245, 248, 372, 397, 407.
- Шахматова, Софья Алексеевна, 186.
- Шахов, Иван Абрамович, 580.
- Шаховская, Александра Петровна, в зам. Голицына, 331, 333.
- Шаховская, Варвара Александровна (1743—1823), рожд. Строганова, 116, 117, 152.
- Шаховская, Екатерина Алексеевна, см. Рябинина Е. А.
- Шаховская, Елизавета Алексеевна, см. Давыдова Е. А.
- Шаховская, Софья Алексеевна (1790—1878), рожд. Мусина-Пушкина, 256, 258, 275, 293, 295.
- Шаховская-Пушкина, Софья Алексеевна, см. Шаховская С. А.
- Шаховские, 256.
- Шаховской, Алексей Леонтьевич (1755—1838), 224.
- Шаховской, Борис Григорьевич (ум. в 1813 г.), 152.
- Шашков, 266.
- Шварц, Федор Ефимович, полковник Семеновского полка, 72, 142.
- Шведов, коллежский регистратор, 580.
- Шевич, 140.
- Шевич, Лидия Дмитриевна, см. Блудова Л. Д.
- Шевичева, Мария Христофоровна (1784—1851), рожд. Бенкендорф, 231.
- Шевченко, Тарас Григорьевич (1814—1861), 507, 508.
- Шевяков, В. В., муж сестры Ф. М. Достоевского, 555.
- Шевякова, Александра Михайловна, рожд. Достоевская, в 1-м браке Голеновская, 547, 548, 551, 555.
- Шевякова, Александра Михайловна, 555.

- Шевырев, Степан Петрович (1806—1864), профессор русской словесности, 168.
- Шелешаанский 533.
- Шеллинг (Schelling) Фридрих (1775—1854), немецкий философ, 96.
- Шепинг, Мария Дмитриевна, см. Черткова М. Д.
- Шер, Александра Дмитриевна, в зам. Казанская, 549, 559.
- Шер, Владимир Дмитриевич 556—558, 561, 562, 564.
- Шер, Дмитрий, 549.
- Шер, Николай Дмитриевич, 549.
- Шер, Ольга Федоровна, см. Нечаева О. Ф.
- Шер, Сергей Дмитриевич 549.
- Шербилле, литограф, 489.
- Шеры, 550, 551, 553—556, 557, 558.
- Шереметев, 330.
- Шереметев, Борис Петрович, фельд-маршал, 151.
- Шереметев, Д. Н., 158, 159.
- Шереметев, Павел Сергеевич, литературовед, 13.
- Шереметева, Наталья Борисовна, см. Долгорукова Н. В.
- Шереметева, Наталья Васильевна, см. Обрескова Н. В.
- Шереметевы, 219.
- Шерваль, Аврора Карловна, см. Карамзина, Ак.
- Шерваль, Эмилия Карловна, см. Мусина-Пушкина Э. К.
- Шестаков, Сергей Карпович (ум. в 1832 г.), 350.
- Шеффер (Scheffer m-lle) 314, 315.
- Шеффер, П. Н. 383, 396.
- Шигорин, 531, 533, 536—539, 541—546.
- Шиллер (Schiller), Иоганн-Фридрих (1759—1805), 315.
- Шиллинг, неуст. лицо, 114, 151.
- Шиллинг - Канштадт - фон, Павел Львович (1785—1837), востоковед, 386, 387.
- Шимановская, Елена, в зам. Малевская, 279.
- Шимановская, Мария (1790—1832), рожд. Воловская, пианистка, теща поэта Адама Мицкевича, 279, 318, 369.
- Шимановская, Целлина (1812—1855), жена поэта Мицкевича, 279.
- Шипилов, Алексей Павлович, племянник поэта К. Н. Батюшкова, 385.
- Шипилов, Павел Алексеевич (ум. после 1847 г.), 385.
- Шипилова, Елизавета Николаевна (1784—1853), рожд. Батюшкова, 385.
- Шипиловы, Елизавета Николаевна и Павел Алексеевич 384.
- Шишкин, Иван Иванович (1831—1898), художник, 506.
- Шишкин, Павел Сергеевич (род. в 1786 г.), 479—484.
- Шишкина, Прасковья Николаевна, см. Баранова П. Н.
- Шишкины, 469, 482.
- Шишкины (род.), 480.
- Шинков, Александр Семенович (1754—1841), адмирал, президент Российской академии, 223, 230, 412, 413, 493, 495.
- Шлецер (Schlözer), Август-Людвиг (1735—1809), историк, 380.
- Шмидт, прусский консул в Варшаве, 392, 396, 420, 435.
- Шоазель, см. Шуазель-Гуфье В. Г.
- Шово-де, Зинаида Ивановна, см. Юсупова З. И.
- Шонен (Schonen Auguste-Jean) (1772—1849), 355.
- Шпажников, Андрей Ефремович, бурмистр у П. А. Вяземского, 359.
- Штернберг, В. И. (1818—1845), художник, 499, 507.
- Шторх, Андрей Карлович (1766—1835), вице-президент Академии наук, 378, 380.
- Штрайх, Соломон Яковлевич, 226.
- Шуазаль-Гуфье (Choiseul), Варвара Григорьевна (1802—1873), рожд. Голлицына, 243, 244, 247, 248, 301, 302, 409.
- Шувалова, Текла Игнатьевна (1801—1873), рожд. Валентинович, в 1-м браке Зубова, 256, 258, 267, 283, 285, 312, 319, 324, 328, 349, 370.
- Шуллер (Шулер), Федор Михайлович, врач, 96, 137, 142, 146, 147.
- Шульцев (Шульц), Иван Яковлевич, бурмистр в имении А. И. Герцена, 516—520, 533, 534.

Щ

- Щеголев, Павел Елисеевич, 185.
 Щербатов, Александр Александрович, 274, 275.
 Щербатов, Алексей Григорьевич (1777—1848), московский губернатор, 257, 278, 344, 345.
 Щербатов, Петр Александрович, 232, 295, 297, 305, 456, 457.
 Щербатов, Сергей Григорьевич (1779—1855), 331, 333.
 Щербатова, Анна Александровна (1802—1870), в зам. Александрова, 239, 241, 273—275, 292, 293, 318, 440, 446.
 Щербатова, Анна Андреевна, см. Блудова А. А.
 Щербатова, Варвара Петровна (1774—1843), рожд. Оболенская, 446, 447.
 Щербатова, Екатерина Александровна, см. Свербеева Е. А.
 Щербатова, Наталья Александровна, в зам. Розен, 292, 318.
 Щербатова, Настасья Сергеевна, в 1-м браке Храповицкая, во 2-м Вревская, 331, 333.
 Щербатова, Прасковья Сергеевна (1773—1851), рожд. Одоевская 285—287.
 Щербатова, Софья Николаевна, см. Горстклина С. Н.
 Щербатова, Софья Степановна, рожд. Апраксина, 257, 258, 278, 279.
 Щербатовы, Алексей Григорьевич и Софья Степановна, 256, 257, 341—344.
 Щербачев, 322.
 Щербина, Николай Федорович (1821—1869), поэт, 574.
 Щербинин, Михаил Павлович, 307.
 Щербинин, Михаил Федорович (1793—1841), член общества «Зеленая лампа», 320, 322, 324, 334.
 Щербинина, одна из сестер М. П. Щербинина, 306, 307.
 Щербинина, Анастасия Михайловна, рожд. Дашкова, 307.
 Щурупов, М. А. (1816—1901), архитектор, скульптор, 499, 507.

Э

- Эйсмонт, 78, 144.
 Эйхфельд-Эльфельд, Иван Иванович, чиновник горного ведомства, 92, 146.
 Эккери, Эккери, см. Геккери.
 Элиза, см. Хитрово, Е. М.
 Элизабета, служащая у Вяземских, 361.
 Эльсон, Г. Г., архитектор, 514.
 Эльсон, М. Г. (1816—1857), художник, 514.
 Эльсон, Г. Г. и М. Г. (братья), 515.
 Эппингер, Ф. И. (1816—1873), архитектор, 507, 514, 515.
 Эмилия, см. Мусина-Пушкина Э. К.
 Энгельгард, Александра Васильевна, см. Браницкая А. В.
 Энгельгард, Василий Васильевич, 231.
 Энгельгард, Елена Львовна, см. Соллогуб Е. Л.
 Эрмерин, 128, 153.
 Эссен, 321.

Ю

- Юдин, Т. И., 581, 600.
 Юлин, офицер Егерского полка, член Союза Благоденствия, 72, 142.
 Юлия, см. Левицкая Ю. М.
 Юрик, см. Гаршин Г. М.
 Юрцовский, 168.
 Юсупов, Борис Николаевич, 467.
 Юсупов, Николай Борисович (1751—1831), 273, 274, 249, 350.
 Юсупова, Зинаида Ивановна, (1809—1893), рожд. Нарышкина, во 2-м браке де Шово, 341, 342, 418, 419.

Я

- Яблоновская, Тереза Михайловна (1793—1847), рожд. Любомирская, 429, 430, 441, 442, 444.
 Яблоновский, Максимилиан Антонович, 236, 238.
 Языков, Дмитрий Иванович (1773—1845), писатель и ученый, 379, 380.

- Языков, Николай Михайлович (1803—1846), поэт, 162, 254, 256, 257, 265, 278.
- Яковлев, 549.
- Яковлев, В. А., 126, 147, 148, 154.
- Яковлев, Иван Алексеевич, отец А. И. Герцена (ум. в 1846), 516, 519.
- Яковлев, Лев Алексеевич, дядя А. И. Герцена, 516, 519.
-
- Adélaïde-Eugénie-Louise (1777—1847), сестра Людовика-Филиппа, 261, 262.
- Aimée, см. Полуектова Л. Ф.
- Albin Michel, издатель, 172.
- Annette, см. Щербатова А. А.
- Artois, см. Карл X.
- Babet, см. Голицына В. С.
- Barbe, Окулова, см. Окулова В. А.
- Bartholémie, см. Бартоломе.
- Barthélemi-Prosper (1796—1864), ученик С.-Симона, 459.
- Bonnet, см. Феньш.
- Bourbier, см. Бурбье.
- Bouverie Мария-Ревекка, см. Гейтесбюрен М.
- Carnot Hippolyte, редактор Revue Encyclopédique, 257.
- Catherine, см. Мещерская, Е. Н.
- Choiseul, см. Шуазель-Гуфье В. Г.
- Clara, 339.
- Cousin Victor (1792—1867), философ, 255, 257.
- D'Abry, издатель музыкальной газеты, 231.
- Dolly, см. Фикельмон Д. Х.
- Dornberg, ганноверский посол в России, 424.
- Fitz-James, см. Фитц-Жамс.
- Galitzin, см. Голицына А. В.
- Gay см. Girardin Delphine,
- Gevers, 423, 424, 434.
- Gibert, гувернантка у Карамзинных, 400.
- Girardin Delphine (1805—1855), рожд. Дау, писательница, 270, 301, 304.
- Girardin, Эмиль, издатель еженед. журнала во Франции «La Mode», 262.
- Guizot, см. Гизо Франсуа.
- Hebler, преподаватель французского языка и литературы в московском университетском пансионе, 385.
- Heyde de Neuville Jean Guillaume (1776—1857), французский морской министр, 397, 398.
- Henri III (Генрих) (1588—1631), 247, 249.
- Hugo Victor-Marie (1802—1885), см. Гюго Виктор.
- Jean de Paris, см. Голицын И. А.
- Jeanin-Jules-Gabriel (1804—1874), критик и писатель, 263, 265.
- Joseph de Lotme псевдоним, см. Saint-Beuve.
- Jules Janin, 406, артистка Варшавского театра, 339, 396, 397.
- Lagrené, Варвара Ивановна, см. Дубенская В. И.
- Le Blanc, французская актриса, 377.
- Le duc de Bordeaux, см. Генрих V.
- Leroux Pierre, редактор «Encyclopédie», 257.
- Louis см. Радзивилл Людовик.
- Louis Philippe см. Людовик-Филипп.
- Louis XVI, см. Людовик XVI.
- Malortin (Малорти), 424, 434, 447.
- Manuel, m-r. гувернер П. П. Вяземского, 225, 226, 258, 459.
- Marc Antoine Jullien, редактор «Revue «Encyclopédie», 257.
- Nadinka см. Н. П. Вяземская.
- Nathalie см. Н. Н. Пушкина.
- Pingo, см. А. В. Пенго.
- Princesse Nocturne, см. Голицына.
- Simon, m-me см. Бауэр Александра.
- Vernet, артист, 377, 378.
- Versin, воспитатель, 346 353, 385.
- Villemoin-Abel-François (1790—1870), писатель и профессор, 255, 257.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>П. И. Долгоруков</i> — 35-й год моей жизни или два дни вёдра на 363 ненастья (Дневник). Вступительная статья — Дневник Долгорукова <i>М. и Т. Цявловских</i>	5
М. А. Цявловский — Заметки о Пушкине	155
М. А. Цявловский — Новые материалы для биографии Пушкина	172
<i>Г. Р. Державин</i> — Аристиппева баня	186
<i>В. Нечаев</i> — Батово, усадьба Рылеева	194
<i>П. А. Вяземский</i> — Письма к жене за 1831—1832 гг.	213
<i>И. И. Козлов</i> — Письма	469
<i>Е. А. Боратынский</i> — Письма	487
<i>Г. Серый</i> — Неизвестная картина Г. Г. Чернецова	496
<i>Г. Лебедев</i> — Дело Чухломской дворянской опеки по рапорту Чухломского земского суда «о взятии в опеку имения г. Герцена впрядь до явки наследников»	516
<i>Н. Ильин</i> — Достоевский в споре за Куманинское наследство	547
<i>Г. И. Успенский</i> — Неопубликованное письмо	566
Л. Ф. Филимонова — Истоки душевной трагедии В. М. Гаршина	572
Алфавитный указатель личных имен	603

Редактор *Е. Д. Вишневская*.
 Техредактор *Е. Н. Пергаменщик*.

А 09810. Подписано к печ. 30/XII 1950 г. Тираж 2000.
 форм. бумага 60×92/16. Объем 20,25 б. л. = 40,5 п. л. + 1 вкл. Уч.-издат. л. 53,2.
 Зн. в 1 п. л. 52000. Изд. инд. ИМ-12. Зак. 7908. Цена 35 р.
